8ф
У-75

Древнѣйшія сказанія о Кавказѣ.

Сочиненіе

БАРОНА П. К. УСЛАРА.

Съ біографіею автора, написанною Л. П. Загурскимъ и портретомъ, гравированнымъ академикомъ И. П. Пожалостинымъ.

Изданіе Кавказскаго Военно-Народнаго Управленія при содѣйствіи Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ТИФЛИСЪ.
Типографія Меликова.
1881.

10580
41566

P. o. russ. 92 x

Bayerische Staatsbibliothek München

Съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Кавказскою Арміею.

Библиотека Дом учителя
39445 Т

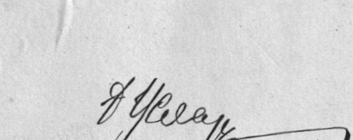
Темиръ-Ханъ-Шуринск. реальн. училище

Шуринское реальное училище. Темиръ-Ханъ
Отд. IV1
№ 33

76/43903

Грав. на мѣди Ив. Пожалостинъ 1880 г.

ПЕТРЪ КАРЛОВИЧЪ УСЛАРЪ

И ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ НА КАВКАЗѢ.

Петръ Карловичъ Усларъ принадлежалъ къ замѣчательнымъ научнымъ дѣятелямъ своего времени. Обративши на себя вниманіе этнографическо-статистическими трудами еще въ 40-хъ годахъ, покойный Усларъ въ 50-хъ годахъ перенесъ свою дѣятельность на Кавказъ, гдѣ ознаменовалъ себя историческими, этнографическими и въ особенности лингвистическими изслѣдованіями. Составителей замѣтокъ о лингвистическихъ трудахъ Услара поражало то обстоятельство, что онъ, прослуживъ въ военной службѣ почти 25 лѣтъ, принялся уже не въ молодые годы за изслѣдованіе необыкновенно трудныхъ для изученія кавказско-горскихъ нарѣчій, рѣзко отличающихся отъ всѣхъ, изслѣдованныхъ научнымъ образомъ, языковъ. Дѣйствительно, это явленіе выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Тотъ-же Усларъ, преодолѣвъ блистательно затрудненія, встрѣченныя при изученіи означенныхъ языковъ и представивъ въ Имп. Академію Наукъ образцовые лингвистическіе труды, принялся за педагогическую дѣятельность—за обученіе горцевъ, среди которыхъ онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни. Онъ и на этомъ поприщѣ явился замѣчательнымъ дѣятелемъ,—его-же статьи: „О распространеніи грамотности между горцами“ и „Предположеніе объ устрой-

ствѣ горскихъ школъ“ могутъ быть, безспорно, отнесены къ лучшимъ произведеніямъ педагогической литературы. Безспорно также и то, что его описаніе дѣйствій русскихъ войскъ въ Засурамскомъ краѣ противъ Омеръ-паши, недавно отпечатанное въ „Кавказскомъ сборникѣ“, займетъ почетное мѣсто въ военной литературѣ. Однимъ словомъ, за какое-бы дѣло, имѣющее научный характеръ, ни принимался покойный Усларъ, онъ съумѣлъ повести его мастерски; вездѣ онъ являлся не дюжиннымъ труженикомъ, но необыкновенно талантливымъ дѣятелемъ. Замѣчателенъ онъ также какъ писатель: изложеніе, отличающееся логичностью доводовъ и ясностью, мощный и совершенно оригинальный слогъ, мѣткія выраженія невольно приковываютъ вниманіе къ предмету изложенія дотого, что трудно оторваться отъ чтенія статей, вышедшихъ изъ-подъ пера Услара.

Главную заслугу Услара составляютъ его капитальные образцовые труды, открывшіе для науки новый лингвистическій міръ. Этими трудами можетъ по справедливости гордиться Россія. Принялся онъ за изслѣдованіе кавказскихъ языковъ, съ цѣлью найти разъясненіе многихъ темныхъ вопросовъ, встрѣтившихся при изученіи имъ древнѣйшей исторіи Кавказа. Отпечатанный нынѣ трудъ „Древнѣйшія сказанія о Кавказѣ“, представляющій сводъ и строгій анализъ разсѣянныхъ указаній объ отдаленномъ прошломъ Кавказа, смежныхъ и болѣе близкихъ къ нему странъ, ставитъ древнюю исторію этого края, состоявшую изъ побасенокъ и измышленій лѣтописцевъ, на прочную научную почву. Изученіе кавказскихъ языковъ предоставило Услару возможность поставить на прочную научную почву и этнологію Кавказа. Дальше, лингвистическія занятія Услара, обусловившія введеніе грамотности между горцами, имѣли важное значеніе

и въ дѣлѣ образованія послѣднихъ. Усларъ имѣетъ громадное значеніе для Кавказа: съ него начинается новый періодъ для этнологическаго и этнографическаго изслѣдованія края; его же педагогическія идеи должны лечь въ основу будущаго раціональнаго воспитанія кавказскихъ инородцевъ.

Не смотря на услуги, оказанныя Усларомъ, онъ, если и извѣстенъ массѣ интеллигентной публики, то развѣ только по имени; даже его капитальные лингвистическіе труды (отлитографированные въ весьма незначительномъ количествѣ экземпляровъ) извѣстны только самому ограниченному кругу ученыхъ, и то благодаря главнымъ образомъ отчетамъ о нихъ академика Шифнера, напечатаннымъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ; объ его педагогической дѣятельности мало знаютъ даже на Кавказѣ. Вотъ почему въ печати имѣется только нѣсколько поверхностныхъ на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ замѣтокъ объ Усларѣ. Изъ замѣтокъ на нѣмецкомъ языкѣ болѣе выдающаяся, подъ заглавіемъ Peter von Uslar und die Kaukasische Forschungen, напечатана послѣ смерти Услара въ распространенномъ въ Германіи журналѣ Globus [1]); но и эта замѣтка посвящена не столько оцѣнкѣ дѣятельности Услара, сколько восхваленію акад. Шифнера. Въ 1875 г. помѣстилъ и я въ „Извѣстіяхъ Кавказскаго отдѣла И. Р. Географическаго общества“ небольшой некрологъ, посвященный памяти Услара [2]). Мнѣ, какъ кавказскому старожилу, сподручнѣе было ознакомиться съ дѣятельностью Услара; я, однако, долженъ сознаться, что составленный мною некро-

1) Globus, Band XXVIII, SS. 108—110, 1875.

2) 1-й вып. IV тома „Извѣстій Кавк. Отдѣла Рус. Геогр. Общества“.

логъ не даетъ надлежащаго понятія ни о покойномъ Усларѣ, ни объ его заслугахъ.

Но странное дѣло: изъ-за происхожденія этого дѣятеля, такъ мало извѣстнаго даже образованному классу, возникла послѣ его смерти полемика. Такъ, напр., авторъ статьи, напечатанной въ журналѣ Globus, старается отвоевать Услара отъ русскаго народа и включить его въ германскій пантеонъ. Въ русской печати высказывалось противуположное мнѣніе. Скажемъ по этому поводу нѣсколько примирительныхъ словъ. Покойный Усларъ представлялъ собою счастливое сочетаніе лучшихъ свойствъ германскаго и славянскаго геніевъ: обладая неутомимостью и постоянствомъ въ трудѣ и пытливостью ума, составляющими свѣтлыя стороны германской націи, покойный Усларъ умѣлъ оживить самый неинтересный, повидимому, предметъ. При чтеніи его историческихъ изслѣдованій, сначала поражаетъ глубокій анализъ предмета и обширная эрудиція; читатель теряется посреди противурѣчащихъ одно другому мнѣній, и вдругъ высказанная авторомъ свѣтлая идея, а иногда остроумное соображеніе озаряетъ предметъ и рѣшаетъ спорный вопросъ. Изложеніе отличается въ высшей степени ясностью, точностью и рельефностью; далѣе, если справедливо изреченіе „le style c'est l'homme", то о слогѣ Услара слѣдуетъ сказать, что онъ принадлежитъ русскому человѣку.

Сдѣлаемъ небольшую характеристику Услара, какъ частнаго человѣка. Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли его въ послѣдній разъ; но до сихъ поръ въ нашемъ воображеніи живо рисуется обликъ высокаго, статнаго мужчины; на его серьезномъ лицѣ не было замѣтно ни тѣни спеси, высокомѣрія; напротивъ того, въ немъ проглядывало столько душевной доброты, дотого оно было симпатично,

что невольно приковывало къ себѣ глаза собесѣдниковъ; своею остроумною и оживленною, хотя ровною и спокойною, рѣчью, онъ могъ заинтересовать даже разнообразное общество. Но истинное удовольствіе доставляла бесѣда съ нимъ наединѣ. Васъ невольно очаровывалъ этотъ человѣкъ съ высшимъ образованіемъ и необыкновенно простой въ обращеніи, человѣкъ гуманный и безъ всякаго фанатизма, однимъ словомъ, человѣкъ въ лучшемъ значеніи этого слова. На первыхъ же порахъ знакомства съ нимъ, вы поразились бы его постоянствомъ, строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей и вообще рѣдкою честностью. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ оправдалъ девизъ герба своихъ предковъ: „fest und bieder“. Но въ исполненіи имъ обязанностей не было ни малѣйшаго педантизма; онъ былъ добръ не только вслѣдствіе сознанія обязанностей человѣка, но и по натурѣ. Отказывая себѣ подъ-часъ въ самомъ необходимомъ, онъ охотно дѣлился послѣднимъ съ человѣкомъ, бывшимъ въ нуждѣ. Дѣлалъ это онъ безъ всякой огласки, такъ что самыя близкія къ нему лица не знали объ этомъ.

Заговоривъ о нравственной сторонѣ Услара, мы должны упомянуть и объ его душевной прямотѣ. Исполняя добросовѣстно свои служебныя обязанности, онъ чуждъ былъ искательства, лести, униженія, однимъ словомъ, всего того, что часто пролагаетъ карьеру въ чиновничьемъ мірѣ. Къ счастью для Услара, онъ почти все время прослужилъ на Кавказѣ, въ военной службѣ, гдѣ воздаютъ должное по заслугамъ; дослужился онъ до генерала и былъ вообще отличаемъ по службѣ; наконецъ, просвѣщенное военное начальство позаботилось о болѣе значительной наградѣ для Услара, предоставивъ ему возможность и средства заняться научными изслѣдованіями, покрывшими его имя неувядаемою славой.

VI.

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одной нравственной чертѣ Услара. Онъ былъ чрезвычайно скроменъ. Когда въ бесѣдѣ заходила рѣчь объ его трудахъ, то онъ старался направить разговоръ на другой предметъ. Въ архивѣ Кавказскаго Горскаго Управленія имѣется весьма объемистое дѣло о распространеніи грамотности между горцами; въ дѣлѣ попадаются письма Услара. Въ этихъ письмахъ, отзываясь съ большою похвалою о дѣятельности лицъ, интересовавшихся образованіемъ горцевъ, онъ умалчиваетъ о своихъ заслугахъ для того дѣла, котораго онъ былъ иниціаторомъ, душею и главнымъ двигателемъ. Въ „Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ занимаетъ изрядное мѣсто одинъ отдѣлъ, едва затрогиваемый прежде въ кавказской научной литературѣ. Это—народныя сказанія. Но изъ „Сборника“ не видно, что главная заслуга въ собраніи означенныхъ сказаній принадлежитъ Услару. Скромность его, доходящая до крайности, была, по нашему мнѣнію, одною изъ главныхъ причинъ того, что объ его дѣятельности такъ мало знали даже на Кавказѣ. Усларъ въ этомъ отношеніи представлялъ рѣзкій контрастъ съ тѣми личностями, которыя кричатъ о своихъ трудахъ, не брезгая для своего возвеличенія и рекламами. Подмѣтивъ эту сторону въ характерѣ Услара, наши искатели славы (какъ, напр., покойный Бартоломей) эксплоатировали труды его въ свою пользу, почти передъ глазами его. Не пощадили его и послѣ смерти: анонимный авторъ вышеозначенной замѣтки, помѣщенной въ журналѣ Globus, приписавъ главную заслугу въ изслѣдованіи кавказско-горскихъ языковъ академику Шифнеру, [1]) говоритъ, что Шифнеръ и Усларъ дружно, сообща изслѣдо-

1) Globus, Band 28, S. 109.

вали эти языки. Дѣло вовсе не такъ было: Шифнеръ изслѣдовалъ только два горскихъ языка („Опытъ объ аварскомъ языкѣ" оказался не вполнѣ удачнымъ), Усларъ-же изслѣдовалъ семь языковъ,—Шифнеръ представлялъ о нихъ только отчеты Имп. Академіи Наукъ. Роль Шифнера въ этомъ случаѣ была очень скромная.

Наконецъ, анонимный авторъ замѣчаетъ, что лингвистическій матеріалъ, заключающійся въ трудахъ Услара, пріобрѣлъ особенную цѣнность, вслѣдствіе обработки его Шифнеромъ. Это увѣреніе несправедливо: акад. Шифнеръ, въ своихъ отчетахъ о трудахъ Услара, вовсе не занимался обработкою лингвистическаго матеріала, собраннаго Усларомъ, а только перестановкою нѣкоторыхъ частей трудовъ его и кое-какими замѣчаніями. Заслуга Шифнера по отношенію къ трудамъ Услара состояла лишь въ томъ, что онъ познакомилъ съ ними ученый міръ.

Такъ какъ Усларъ при жизни не былъ оцѣненъ по достоинству и такъ какъ послѣ смерти его проявляются попытки умалить достоинство его трудовъ, то на насъ, кавказцахъ, знавшихъ ближе Услара и его дѣятельность, лежитъ священная обязанность воздать должное этой свѣтлой личности, потрудившейся неутомимо на пользу науки и славу Россіи почти 30 лѣтъ. Кавказское Горское Управленіе (переименованное нынѣ въ Кавказское Военно-Народное Управленіе) сдѣлало починъ въ этомъ благомъ дѣлѣ. Оно, во-первыхъ, озаботилось собрать рукописи, оставшіяся послѣ смерти покойнаго Услара, съ каковою цѣлью и былъ командированъ чиновникъ въ деревню Курово, гдѣ скончался Усларъ. Дочь покойнаго, Нина Петровна Благово, съ величайшею охотою передала бумаги, оставшіяся послѣ смерти ея отца. Между ними заслуживаютъ больше вниманія „Древнія

сказанія о Кавказѣ", отпечатанныя теперь, благодаря заботамъ начальника Кавказскаго Военно-Народнаго Управленія. Затѣмъ, приступлено будетъ къ изданію другихъ посмертныхъ трудовъ Услара. Изъ нихъ самый капитальный, изслѣдованіе о табасаранскомъ языкѣ, будетъ изданъ Кавказскимъ Отдѣломъ Имп. Рус. Географическаго Общества.

Кавказскій Отдѣлъ Рус. Географическаго Общества поручилъ мнѣ составить біографическій очеркъ Услара, бывшаго однимъ изъ старѣйшихъ его сочленовъ. Знаю, что мой трудъ будетъ съ большими недостатками. Въ успокоеніе своей совѣсти, то только могу сказать, что я употребилъ всѣ усилія для того, чтобы исполнить, по возможности, лучше возложенное на меня порученіе. Я ознакомленъ былъ прежде съ лингвистическими, а также съ отпечатанными трудами Услара, просмотрѣлъ всѣ бумаги, оставшіяся послѣ него [1]), а также дѣла, хранящіяся въ здѣшнихъ архивахъ и касающіяся дѣятельности его; собралъ я свѣдѣнія о немъ въ Тифлисѣ и у лицъ, служившихъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и Кутаисѣ. Находя, однако, что собственно біографическія свѣдѣнія, собранныя мною, были неудовлетворительны, я обратился еще въ прошломъ году путемъ газетъ къ лицамъ, знавшимъ близко покойнаго, съ просьбою о доставленіи мнѣ этихъ свѣдѣній. Моя просьба осталась безъ послѣдствій.

1) А. П. Берже, предсѣдатель Кавказской Археографической Коммисіи, былъ настолько обязателенъ, что доставилъ намъ сдѣланныя имъ извлеченія изъ писемъ къ нему Услара, относящихся къ періоду времени отъ 1859 по 1863 г. включительно. Но такъ какъ эти извлеченія доставлены были намъ тогда, когда наша замѣтка сдана была въ печать, то мы лишены были возможности воспользоваться вполнѣ приношеніемъ А. П. Берже. Мы успѣли вставить въ нашу замѣтку только нѣсколько небольшихъ отрывковъ изъ означенныхъ писемъ. Постараемся лучше воспользоваться матеріаломъ, доставленнымъ намъ Адольфомъ Петровичемъ, при изданіи другихъ посмертныхъ трудовъ Услара.

Изъ затруднительнаго положенія вывела меня Нина Петровна Благово: она доставила цѣнныя свѣдѣнія о покойномъ своемъ отцѣ, которыми, съ разрѣшенія ея, и воспользуюсь въ предлагаемомъ очеркѣ. И такъ приступимъ къ дѣлу.

Баронъ Петръ Карловичъ Усларъ родился въ деревнѣ Курово, Тверской губерніи, въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, 20 августа 1816 года. Усларъ сохранилъ во всю жизнь привязанность къ своему домашнему очагу: когда въ живыхъ не было ни отца, ни жены его и когда ему пришлось совершать отдаленныя экспедиціи въ Среднюю Азію или на Кавказъ, то, по окончаніи ихъ, онъ стремился на родину, чтобы провести тамъ хотя нѣсколько мѣсяцевъ; туда-же обыкновенно весною отправлялся онъ въ послѣдніе годы своей жизни изъ Дагестана и тамъ приводилъ въ порядокъ собранные имъ осенью и зимою лингвистическіе матеріалы и литографировалъ ихъ. Въ Куровѣ онъ и скончался, 8 іюня 1875 г., на 59 году отъ рожденія.

„Дѣдъ покойнаго отца моего“, говоритъ г-жа Благово, „уроженецъ Ганновера; пріѣхавъ въ Россію, вступилъ онъ въ военную службу (1765 г.) и женился въ Петербургѣ на фонъ-Аппель; ему-то и пожаловалъ Императоръ Александръ I имѣніе Курово. Отецъ Петра Карловича Карлъ Карловичъ былъ женатъ на Вѣрѣ Васильевнѣ Чихачевой; у нихъ были три сына и четыре дочери; старшій сынъ былъ Петръ Карловичъ, средній—Сергѣй (онъ былъ убитъ 22-хъ лѣтъ на Кавказѣ въ дѣлѣ съ горцами), а младшій—Николай (послѣдній, окончивъ курсъ наукъ кандидатомъ на юридическомъ факультетѣ московскаго университета и потерявъ зрѣніе, умеръ 30-ти лѣтъ). До 10-ти лѣтъ Петръ

Карловичъ воспитывался дома, подъ руководствомъ гувернантки, а потомъ, въ продолженiи двухъ лѣтъ, находился у Посникова и учился вмѣстѣ съ его сыномъ. У Посникова гувернеромъ былъ Миддендорфъ, поклонникъ классицизма; онъ умѣлъ пристрастить къ изученiю латинскаго языка Петра Карловича, который, будучи 12-ти лѣтъ, могъ объясняться по-латыни съ профессоромъ Рейсомъ. Потомъ помѣстили моего отца въ третью петербургскую гимназiю и, наконецъ, въ инженерное училище". Третья петербургская гимназiя, основанная въ 1823 г., была поставлена на хорошую ногу первымъ ея директоромъ Шнейдеромъ, знатокомъ древнихъ языковъ. Усларъ окончилъ гимназическiй курсъ наукъ въ 1833 году. Неизвѣстны причины, заставившiя Услара, получившаго хорошее классическое образованiе и сохранившаго привязанность къ нему и потомъ, поступить не въ университетъ, а въ инженерное училище. Быть можетъ, на это повлiяло затруднительное финансовое положенiе, въ которомъ находился тогда отецъ Услара. Г-жа Благово пишетъ: „Много лишенiй перенесъ тогда Петръ Карловичъ; отецъ его, служа предводителемъ дворянства нѣсколько трехлѣтiй въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, самъ нуждался и не могъ ничего высылать ему". Какъ-бы то ни было, но въ 1836 г. онъ окончилъ курсъ наукъ въ Главномъ Инженерномъ Училищѣ, а въ 1837 г. началъ службу на Кавказѣ. Въ 1839 г. онъ участвовалъ въ экспедицiи, предпринятой въ южный Дагестанъ командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, Головинымъ, и былъ при занятiи сел. Ахты. Въ этомъ-же году онъ женился въ Шушѣ на Софiи Карловнѣ, дочери генерала Карла Карловича Краббе.

Затѣмъ онъ оставляетъ Кавказъ на 10 лѣтъ. Въ 1840 г. Усларъ прiѣхалъ съ женою въ Курово къ отцу, но не

засталъ его въ живыхъ. Въ концѣ этого года Усларъ поступилъ въ Императорскую Военную Академію и черезъ два года, по окончаніи въ ней курса наукъ, причисленъ былъ къ генеральному штабу. Между тѣмъ его постигло семейное несчастіе: въ 1843 г., на одной недѣлѣ, умерли отъ скарлатины жена его и старшая дочь Юлія. Другую и единственную дочь его Нину взяла на воспитаніе тетка его Чихачева. Чтобы разсѣять сколько-нибудь свою грусть, онъ отправился за-границу. Между тѣмъ онъ былъ назначенъ на службу въ отдѣльный Сибирскій корпусъ. По прибытіи туда, Усларъ вскорѣ принялъ участіе въ экспедиціи въ киргизскія степи противъ возмутившагося султана Кенесари Касымова. По возвращеніи оттуда, онъ помѣстилъ въ Отечественныхъ Запискахъ статью, обратившую на себя вниманіе живостью разсказа, подъ заглавіемъ „Шесть мѣсяцевъ въ Киргизской степи“. Подъ статьею фамилія не подписана, а только выставлены буквы: П. У. Еще прежде онъ перевелъ для Отечественныхъ Записокъ статью „Покореніе Мексики“. Это,—сколько намъ извѣстно,—былъ первый напечатанный его литературный трудъ. Нужда, какъ поясняетъ г-жа Благово, заставила Услара взяться за переводъ. Но какъ-бы то ни было, а уже съ юныхъ лѣтъ Усларъ имѣлъ влеченіе къ литературѣ, а въ особенности къ научнымъ занятіямъ, доказательствомъ чему служитъ масса его рукописныхъ замѣтокъ по разнымъ вопросамъ. Въ научныхъ занятіяхъ онъ и могъ найти успокоеніе въ скорби о смерти жены. Вскорѣ по возвращеніи изъ Сибири, онъ былъ командированъ для составленія военно-статистическаго описанія сперва Тверской, а потомъ и Вологодской губерніи. Военно-статистическое описаніе Тверской губерніи было отпечатано въ 1848 г., а Вологодской—въ 1850 г. Описаніе первой было состав-

лено совмѣстно съ его товарищемъ по службѣ фонъ-Минстеромъ, а второе—имъ самимъ. Военно-статистическія описанія разныхъ губерній, издаваемыя Генеральнымъ Штабомъ, заключаютъ, кромѣ свѣдѣній, имѣющихъ значеніе въ военномъ отношеніи, много интересныхъ географическихъ и этнографическихъ данныхъ и представляютъ одинъ изъ лучшихъ источниковъ для изученія Россіи. Но возвратимся къ трудамъ Услара. Изъ описанія Вологодской губерніи можно убѣдиться, что авторъ его былъ ознакомленъ съ требованіями географіи, какъ науки: географическія и этнографическія данныя являются въ означенномъ трудѣ въ тѣсной связи между собою. Обстоятельнѣе изложенъ этнографическій отдѣлъ. Самыя лучшія мѣста труда тѣ, въ которыхъ Усларъ указываетъ на зависимость народонаселенія отъ географическихъ условій и выясняетъ роль, которую играло въ исторіи края русское населеніе. Авторъ, хотя и пускается въ подробности, но не теряетъ изъ виду цѣлаго и рисуетъ полную картину этого интереснаго, но заброшеннаго края. Что касается описанія Тверской губерніи, сдѣланнаго совмѣстно, какъ мы сказали, съ фонъ-Минстеромъ, то, судя по способу изложенія и по слогу, нельзя не придти къ заключенію, что общій взглядъ на Тверскую губернію, характеристика составныхъ ея частей, а также весь этнографическо-историческій отдѣлъ принадлежатъ перу Услара. Составленныя имъ описанія дотого рѣзко выдѣлялись между другими описаніями губерній, что пресса не могла не обратить вниманія и не отозваться о нихъ съ величайшею похвалою.

Испытавъ свои силы на научномъ поприщѣ, Усларъ хлопоталъ о переходѣ на службу на Кавказъ, представляющій такъ много интереса для любителей научныхъ изслѣ-

дованій. Желанія его осуществились, но прежде пришлось ему участвовать въ Венгерской кампаніи.

По окончаніи этой кампаніи, Усларъ былъ камандированъ въ 1850 г. на Кавказъ, для составленія описанія Эриванской губерніи. Съ 1850 года, въ теченіи почти 25-ти лѣтъ, онъ уже остается въ здѣшнемъ краѣ; съ этого же времени и начинается его дѣятельность по изслѣдованію Кавказа. Первымъ трудомъ его на этомъ поприщѣ было „Военно-статистическое обозрѣніе Эриванской губерніи“.

Здѣсь мы должны сдѣлать небольшое отступленіе и коснуться одного обстоятельства, не оставшагося безъ вліянія на дальнѣйшую научную дѣятельность покойнаго Услара. Въ концѣ 40-хъ годовъ возникло предположеніе объ учрежденіи Кавказскаго Отдѣла Имп. Русскаго Географическаго Общества. Къ этому времени собрался на Кавказъ кружокъ, состоявшій изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ и проникнутыхъ желаніемъ споспѣшествовать изслѣдованію края. Къ нему принадлежали: В. Н. Ханыковъ, О. И. Ходзько, кн. Г. Г. Гагаринъ, гр. В. А. Соллогубъ, В. Н. Семеновъ (первый попечитель Кавказскаго учебнаго округа), бар. А. К. Мейендорфъ, И. А. Бартоломей и др. Въ этотъ кружокъ вошелъ и Усларъ. По ходатайству князя Михаила Семеновича Воронцова, который вполнѣ сочувствовалъ стремленію означеннаго кружка, и былъ учрежденъ Кавказскій Отдѣлъ Имп. Рус. Географическаго общества. 10 марта 1851 г. послѣдовало открытіе Отдѣла, подъ предсѣдательствомъ покровителя его, кн. М. С. Воронцова. 16 дѣйствительныхъ членовъ Имп. Рус. Географическаго Общества, находившихся на Кавказѣ, составили Отдѣлъ. Въ числѣ ихъ былъ и Усларъ. Отдѣлъ, число членовъ котораго постоянно увеличивалось, обнаружилъ на первыхъ порахъ большую дѣятельность: не

проходило засѣданія,—а эти засѣданія были тогда часты,—чтобы не затрогивались важные географическіе или этнографическіе вопросы; читались не рѣдко статьи, подвергавшіяся критической оцѣнкѣ. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій Отдѣла прочелъ отрывки изъ своего описанія Эриванской губерніи Усларъ. Эти отрывки: „Равнины Эриванской губерніи“ и „Взглядъ на Эриванскую губернію въ гидрографическомъ отношеніи и обозрѣніе рѣки Аракса“ были помѣщены въ началѣ 1-ой книжки „Записокъ Отдѣла“, вышедшей въ свѣтъ въ 1852 году.

Въ слѣдующемъ году былъ отпечатанъ въ С.-Петербургѣ трудъ Услара объ Эриванской губерніи. Лучшія мѣста этого труда: орографическое и гидрографическое описаніе, а въ особенности этнографическо-историческій отдѣлъ, представляющій въ тѣсной связи теперешнее состояніе народонаселенія края съ его прошлымъ, обусловленнымъ устройствомъ рельефа поверхности и другими географическими данными. Никто до Услара рельефнѣе не изобразилъ той роли, которую играла Арменія въ исторіи; онъ же указалъ и на степень культурнаго значенія этой націи, обусловленнаго какъ ея географическимъ положеніемъ, такъ и историческимъ ходомъ событій. Трудъ Услара объ Эриванской губерніи, лучшій, безспорно, изъ всѣхъ частныхъ описаній нашего края, составляетъ библіографическую рѣдкость. Весьма желательно, чтобы, при изданіи трудовъ Услара, были сдѣланы извлеченія изъ его описанія Эриванской губерніи.

50-ые годы—это въ особенности боевое время для Кавказа не говоря объ упорной войнѣ съ горцами, пришлось тогда вести и Восточную войну. Понятно, что Услару, какъ одному изъ способнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, постоянно давались командировки въ разныя мѣста. Только

на короткое время заѣзжалъ онъ въ Тифлисъ; тогда онъ посѣщалъ кружокъ лицъ, интересующихся изученіемъ Кавказа, засѣданія мѣстнаго географическаго общества, въ которыхъ дѣлалъ сообщенія. Приходится искренно сожалѣть о томъ, что они не напечатаны. Одно изъ нихъ особенно замѣчательно, такъ какъ представляло собою програму этнографическаго изслѣдованія края. До Услара помѣщались въ мѣстныхъ изданіяхъ отдѣльныя описанія быта разныхъ кавказскихъ народностей, ихъ обычаевъ, нравовъ, иногда народныя словесныя произведенія (пословицы, поговорки и т. п.). Все это, конечно, были цѣнные этнографическіе матеріалы, но они представляли собою rudis et indigesta moles,—о показаніи соотношенія между этнографическими данными не было и помину. Въ сообщеніи, о которомъ мы только что упомянули, Усларъ развивалъ ту мысль, что такъ какъ бытовая сторона извѣстнаго народа, обычаи, нравы и вообще особенный характеръ его обусловливаются географическими условіями и историческими причинами, то для уразумѣнія народа необходимо изучить не только всѣ черты его быта, но и указать на связь ихъ съ означенными данными. Само собою разумѣется, что, для приведенія въ исполненіе этой программы, требовалось многостороннее изученіе кавказскихъ народностей, что, конечно, не было по силамъ одному лицу. Тѣмъ не менѣе, Усларъ старался сдѣлать то, что могъ. Командировки, даваемыя ему въ разныя мѣста края, предоставили ему возможность лично ознакомиться съ кавказскими народностями. Еще въ первый періодъ его пребыванія на Кавказѣ онъ ознакомился съ восточными провинціями Закавказья и съ южнымъ Дагестаномъ; съ 1851 по 1853 г., состоя попеременно въ распоряженіи ген. Слѣпцова, бар. Вревскаго и кн. Барятинскаго, онъ исходилъ вдоль и поперекъ

значительную часть Чечни. Настаетъ война съ Турціею. Усларъ принимаетъ участіе въ военно-дипломатической коммисіи, состоявшей подъ начальствомъ ген. Санковскаго и посланной въ Персію, по поводу непріязненнаго расположенія къ русскимъ пограничныхъ курдовъ. Оттуда въ 1854 г. Усларъ посланъ былъ въ отрядъ, дѣйствовавшій противъ турокъ со стороны Эриванской губерніи; въ томъ же году онъ командированъ былъ въ распоряженіе начальника Джаро-Белоканскаго военнаго округа и всей Лезгинской кордонной линіи. Но не долго пробылъ тамъ Усларъ: вскорѣ онъ назначенъ былъ начальникомъ штаба при кн. И. К. Багратіонъ-Мухранскомъ, командовавшемъ тогда Гурійскимъ отрядомъ, предназначеннымъ для защиты Засурамскаго края отъ турокъ. Во время пребыванія въ этомъ краѣ, онъ успѣлъ на досугѣ набросать цѣнныя этнографическія замѣтки. Между тѣмъ, въ 1855 г., занялъ Сухумъ Омеръ-паша. Описаніе дѣйствій Гурійскаго отряда, составленное Усларомъ, отпечатано недавно въ V томѣ „Кавказскаго Сборника“ *). Предоставляя спеціалистамъ судить, на сколько планъ военныхъ дѣйствій Гурійскаго отряда и самыя дѣйствія, защищаемыя Усларомъ, были цѣлесообразны, нельзя не отдать должной дани автору означеннаго описанія. Предпославъ своему описанію характеристику составныхъ частей Засурамскаго края въ географическо-военномъ отношеніи и познакомивъ обстоятельно съ народонаселеніемъ, его тогдашнимъ состояніемъ въ политическомъ отношеніи, а равнымъ образомъ и съ настроеніемъ его, Усларъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за дѣйствіями двухъ воюющихъ сторонъ. Изложеніе дотого живо, что даже не

*) Такъ называется сборникъ, посвященный описанію военныхъ дѣйствій въ разныхъ мѣстахъ Кавказскаго края.

спеціалистъ прочтетъ съ напряженнымъ вниманіемъ эту монографію, которая, по всей вѣроятности, займетъ видное мѣсто въ военной литературѣ. Заговоривъ о дѣйствіяхъ Гурійскаго отряда, мы должны коснуться одного обстоятельства. Дѣло въ томъ, что въ критическую минуту былъ сожженъ усть-цхенисъ-цхальскій провіантскій магазинъ. Нѣкоторые обвиняли въ этомъ и автора описанія. Это обвиненіе сильно подѣйствовало на Услара, который даже „не за долго до смерти", какъ пишетъ г-жа Благово, „съ горечью вспоминалъ объ этомъ обвиненіи и говорилъ, что кто прочтетъ его правдивую записку о дѣйствіи отряда, тотъ навѣрное оправдаетъ его" *).

*) Изъ описанія дѣйствій Гурійскаго отряда, которое составлено весьма добросовѣстно, ясно видна несостоятельность обвиненій относительно сожженія усть-цхенисъ-цхальскаго провіанта. Въ заключеніе оправданія распоряженій кн. И. К. Багратіонъ-Мухранскаго, Усларъ говоритъ (Кавказскій Сборникъ, стран. 324—325): «Вся тайна многотруднаго военнаго искусства заключается въ вѣрной оцѣнкѣ, чѣмъ должно и чѣмъ не должно жертвовать. Мы жертвовали нашимъ провіантомъ, но не пожертвовали ни Мингреліей, ни Гуріей, ни Кутаисомъ. Еслибы начальникъ Гурійскаго отряда вздумалъ подчинить свои военныя соображенія сохраненію провіанта, то, безъ сомнѣнія, былъ-бы разбитъ: отрядъ нашъ погибъ-бы вмѣстѣ съ провіантомъ... Въ рѣшительную минуту, когда обстоятельства упростились дотого, что не могли развязаться иначе, какъ боемъ,—Омеръ-паша засталъ насъ въ столь благопріятномъ положеніи, что не посмѣлъ вступить въ бой, не смотря на то, что былъ вдвое сильнѣе насъ." Затѣмъ, въ рукописи (весьма жаль, что редакція „Кавказскаго Сборника" сдѣлала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ монографіи Услара пропуски) сказано: „Это говоритъ въ пользу распоряженій князя Мухранскаго весьма краснорѣчиво... Для нѣкоторыхъ лицъ восклицаніе: „*зачѣмъ сожгли провіантъ?*" сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ Августова „Варъ, отдай мнѣ легіоны!" Отвѣчать на восклицаніе, обратившееся въ безотчетную поговорку, излишне, но я позволю себѣ одно замѣчаніе: почему сожженъ былъ турецкій провіантъ, найденный Александропольскимъ отрядомъ въ Енгикёвѣ? Какъ видно, встрѣчается иногда прискорбная необходимость жечь провіантъ для военныхъ соображеній". Не вникая въ мотивы обвиненій кн. И. К. Мухранскаго относительно его военныхъ дѣйствій въ Засурамскомъ краѣ,—которыя косвенно падали и на Услара,—мы должны замѣтить, что, по мнѣнію ком-

Восточная война кончается. Засурамскій край,—какъ это обнаружилось во время войны,—потребовалъ переустройства. Въ 1856 г. учреждается Кутаисское генералъ-губернаторство. Кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками въ Засурамскомъ краѣ назначенъ былъ князь Гагаринъ, а начальникомъ штаба при немъ Усларъ. Постановлено было: Абхазское и Мингрельское владѣнія, а также Княжескую Сванетію подчинить общимъ законамъ. Вскорѣ Кутаисъ былъ свидѣтелемъ катастрофы, жертвою которой сдѣлался князь Гагаринъ, безвинно убитый разсвирѣпѣлымъ сванетскимъ княземъ Константиномъ Дадишкиліани. Самъ Усларъ спасъ свою жизнь, благодаря лишь счастливой случайности *). Смерть князя Гагарина, съ которымъ Усларъ состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ, такъ подѣйствовала на него, что онъ просилъ князя Барятинскаго дать ему отпускъ въ Петербургъ. Князь Барятинскій удерживалъ его и предлагалъ ему важный военный постъ, но Усларъ мечталъ не о почестяхъ, но о научной дѣятельности.

Въ 1858 г., по ходатайству Главнокомандующаго Кавказскою арміею, на Услара, по Высочайшему повелѣнію, возложено было составленіе исторіи Кавказа. Въ лѣтописи Кавказскаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества говорится, что въ Общемъ Собраніи Отдѣла 17 января 1859 г. тогдашній правитель дѣлъ А. П. Берже прочелъ

петентныхъ и правдивыхъ лицъ, означенныя обвиненія, по крайней мѣрѣ, со стороны извѣстныхъ личностей, происходили не изъ чистыхъ побужденій. Покойный Усларъ, человѣкъ прямой по натурѣ, не хотѣлъ видѣть этого, и принялъ слишкомъ къ сердцу несправедливыя обвиненія.

*) За нѣсколько минутъ до прихода Дадишкиліани къ кн. Гагарину, послѣдній поручилъ Услару распорядиться отправленіемъ въ Тифлисъ бумагъ, касающихся кн. Дадишкиліани.

извлеченіе изъ письма бар. Услара къ предсѣдательствующему въ Отдѣлѣ Д. А. Милютину. Въ письмѣ изложенъ „очеркъ древнѣйшей исторіи Кавказа до временъ Александра Македонскаго“ *). Въ возложенномъ на Услара трудѣ, конечно, обстоятельнѣе слѣдовало изложить исторію утвержденія владычества русскихъ на Кавказѣ. Усларъ разсмотрѣлъ архивы въ Кизлярѣ, Моздокѣ и Георгіевскѣ; но и тутъ нашлась помѣха: за составленіе исторіи Кавказа пожелало приняться лицо, занимавшее тогда важный военный постъ въ Тифлисѣ. Усларъ не могъ поэтому довести затѣянный трудъ до конца, но потомъ на досугѣ обработывалъ древнѣйшую исторію Кавказа.

Изученіе древнѣйшей исторіи Кавказа повело его къ лингвистическимъ изслѣдованіямъ. Таковое явленіе въ научной дѣятельности Услара, серьезно относившагося къ дѣлу и ознакомленнаго съ требованіями науки, вполнѣ естественно. Труды Вильгельма Гумбольдта, Пикте и др. лингвистовъ, озарившихъ своими изслѣдованіями отдаленное прошлое, доказали, какую услугу можетъ оказать древнѣйшей исторіи лингвистика. Въ 1859 году Усларъ писалъ къ А. П. Берже слѣдующее: „Съ каждымъ днемъ я убѣждаюсь въ томъ, что была бы возможность написать удовлетворительно исторію цѣлаго Кавказа, еслибы были подготовлены къ тому матеріалы. Цѣль исторіи объяснить, почему народъ сформировался такъ, а не иначе. Но сформированіе его опредѣляется вовсе не случайностями, изъ которыхъ до сихъ поръ лѣпится исторія, а элементами постоянными и которые можно изучить... Лѣтописи и преданія, на недостатокъ которыхъ такъ жа-

*) См. Лѣтопись Отдѣла (стр. 44), помѣщенную въ V кн. „Записокъ Кавк. Отдѣла Рус. Географ. Общества“.

луются, составляютъ самое сомнительное и скудное пособіе для изученія древней исторіи народа, которую считаю я весьма важною, потому что въ ней легче подсмотрѣть коренныя этническія свойсва. Лѣтописи разсказываютъ намъ о никогда не существовавшихъ Гайкосѣ и Картлосѣ; преданія могутъ быть занесены совершенно случайно. Разъ спросилъ я одного довольно образованнаго осетина: есть-ли у васъ преданія о вашемъ происхожденіи?—„Какъ-же, есть. У насъ толкуютъ въ народѣ, что мы одного происхожденія съ нѣмцами". Это сильно подстрекнуло мое любопытство. „Разскажите, пожалуйста, какъ у васъ толкуютъ объ этомъ".—„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, къ намъ пріѣзжалъ какой-то ученый нѣмецъ и сказывалъ намъ это; съ тѣхъ поръ и толкуютъ объ этомъ въ народѣ". Вотъ вамъ и преданія.

„Но ни языка, ни мѣстности поддѣлать нельзя. Это суть правдивыя и неисчерпаемыя лѣтописи; таковыми лѣтописями обладаютъ всѣ кавказскіе народы, какъ и всѣ народы на землѣ. Изъ этихъ лѣтописей можно создать настоящую народную исторію. Но, конечно, такая работа не мнѣ достанется въ удѣлъ". Далѣе онъ говоритъ: „Если тѣмъ, что я напишу, мнѣ удастся хотя нѣсколько способствовать указанію настоящаго пути для будущихъ историческихъ изслѣдованій на Кавказѣ, въ родѣ изслѣдованій Гримма, Боппа, Лассена, Потта и др., то уже заслуга моя будетъ велика. При полномъ даже успѣхѣ, исторія моя не только не будетъ настоящей исторіей Кавказа, но даже не будетъ и историческимъ матеріаломъ; она лишь будетъ подготовленіемъ къ надлежащему собиранію историческихъ матеріаловъ, но такое подготовленіе необходимо: иначе вся исторія Кавказа отъ Гайкоса и Картлоса до нашего времени останется чахлою, еле-еле дышащею. Въ ея болѣзненной атмосферѣ поблекнутъ

розы на лепесткахъ прекрасной царицы Тамары и завянутъ лавры Кавказскихъ героевъ. Пока не будетъ проложенъ путь къ разумной исторіи Кавказа, Кавказскіе историческіе дѣйствователи будутъ преслѣдуемы ироническимъ вопросомъ:

„Изъ-за чего бѣснуетесь вы эдакъ?“.

Указанный родъ изслѣдованій, почти не затронутый на Кавказѣ, думалъ привить у насъ Усларъ. Недавно Отдѣлъ случайно добылъ записку покойнаго Услара о колхахъ. Записка эта, судя по разнымъ даннымъ, написана около начала 60-хъ годовъ. Въ ней Усларъ, указавши на то, что такъ-называемые колхи были, по всей вѣроятности, пришлымъ народомъ на Кавказѣ, утверждаетъ, что только лингвистическія изслѣдованія могутъ указать на слѣды существованія этого загадочнаго народа на Кавказѣ. Вотъ что говоритъ въ своей запискѣ по этому предмету Усларъ: „Лѣтописныя сказанія объ отдаленныхъ временахъ, какъ, напр., сказанія о Гайкѣ, Картлосѣ, Эгросѣ и пр., не заслуживаютъ никакого довѣрія. Выдумки, сдѣланныя за тысячу лѣтъ тому назадъ, такъ-же безплодны для науки, какъ и современныя намъ... Неистощимое средство для изученія древнѣйшаго времени представляетъ *языкъ*... Нѣтъ никакихъ письменныхъ сказаній о томъ, что главнѣйшіе европейскіе народы и индусы одного происхожденія, а между тѣмъ сравнительное изученіе языковъ доказываетъ это неопровержимымъ образомъ. Колхи не оставили послѣ себя никакихъ письменныхъ памятниковъ, но не могли исчезнуть, не оставивъ никакихъ слѣдовъ въ языкѣ народа, живущаго теперь въ ихъ странѣ. И такъ, прежде всего должно обратить вниманіе на языкъ“. Затѣмъ, указавъ на то, что колхи жили по-близости Чернаго моря, тамъ именно, гдѣ теперь живутъ мингрельцы и лазы, народы картвельскаго поколѣнія, авторъ предлагаетъ

выбрать изъ этихъ языковъ то, что не принадлежитъ картвельскому элементу и тѣмъ народамъ, съ которыми послѣ состояли въ сношеніяхъ мингрельцы и лазы. Выбранное представитъ матеріалы для изученія языка и быта исчезнувшихъ уже теперь древнѣйшихъ обитателей прибрежья Чернаго моря. Авторъ предлагаетъ программу изслѣдованій. Собранный матеріалъ будетъ подвергнутъ въ Европѣ сравненію со всѣми, извѣстными сколько нибудь, древними языками.

Весьма желательно, чтобы подобный родъ лингвистико-историческихъ изслѣдованій, завѣщанный намъ Усларомъ, былъ примѣненъ къ Кавказу. Мы помѣстимъ въ одномъ изъ изданій Отдѣла упомянутую посмертную записку Услара, которая, съ соотвѣтственными измѣненіями и дополненіями, можетъ послужить руководствомъ и при изслѣдованіяхъ въ разныхъ частяхъ края. Покойный Усларъ не могъ, при своихъ многотрудныхъ занятіяхъ, приняться за означенныя изслѣдованія, но не упустилъ ихъ и потомъ изъ виду; подъ его руководствомъ составлена была Чиркеевскимъ, при помощи котораго онъ изучалъ аварскій языкъ, замѣтка, помѣщенная въ 1865 г. въ газетѣ „Кавказъ". Въ ней, на основаніи данныхъ языка, выяснено, что предки аварцевъ пришли въ Дагестанъ съ сѣвера, что они вели кочевой образъ жизни; выяснены также нѣкоторыя другія особенности быта этого народа въ отдаленныя времена. На значеніе лингвистики, при изслѣдованіи отдаленнаго прошлаго, Усларъ указалъ въ разныхъ мѣстахъ своего историческаго труда, теперь изданнаго.

И такъ, Усларъ рѣшился приняться за изученіе Кавказскихъ языковъ. Обстоятельства,—какъ увидимъ дальше,—благопріятствовали этому. Его изслѣдованія принесли огромные результаты для кавказской лингвистики. Но прежде,

чѣмъ приступимъ къ характеристикѣ лингвистической дѣятельности Услара, считаемъ нужнымъ бросить взглядъ на ходъ изслѣдованія кавказскихъ языковъ до Услара. Это дастъ возможность лучше опредѣлить заслуги послѣдняго въ исторіи кавказской лингвистики.

Еще въ прошломъ столѣтіи академикомъ Гюльденштедтомъ и знаменитымъ Палласомъ составлялись, съ этнологическою цѣлью, сборники словъ кавказскихъ нарѣчій. Въ началѣ текущаго вѣка Юлій Клапротъ записывалъ, кромѣ словъ, и фразы. Названные ученые, на основаніи столь скуднаго и при томъ дурно записаннаго матеріала, дѣлали попытки распредѣленія кавказскихъ народовъ на группы, а Клапротъ въ своей „Asia polyglotta“ (изд. въ 1823 г.) объяснялъ и генетическое ихъ происхожденіе. Болѣе солидное изученіе кавказскихъ языковъ начинается съ 30-хъ годовъ. Въ результатѣ позднѣйшихъ лингвистическихъ трудовъ получилось, что означенные языки слѣдуетъ подраздѣлить на двѣ категоріи. Языки одной изъ нихъ обнаруживаютъ сродство или съ индо-европейскими или съ тюркскими языками. Они давно уже подверглись научнымъ изслѣдованіямъ, и генетическое происхожденіе народовъ, ими говорящихъ, не возбуждаетъ сомнѣній. Что же касается языковъ другой категоріи, то происхожденіе ихъ до-сихъ-поръ еще не разъяснено. Они распредѣляются на три группы: а) иверскую или картвельскую (къ которой относятся языки: грузинскій, мингрельскій, лазскій и сванетскій), б) западно-горскую (языки абхазскій и черкесскій) и в) восточно-горскую (лезгинскіе языки, чеченскій, удинскій и языкъ цовскаго общества въ Тушетіи). Изъ этихъ языковъ только грузинскій имѣлъ свою литературу и уже

давно подвергся изслѣдованіямъ въ грамматическомъ отношеніи. Для горскихъ языковъ не существовало даже алфавитовъ,— большая часть горскихъ народовъ употребляла въ перепискѣ арабскій алфавитъ, крайне недостаточный для выраженія звуковъ, свойственныхъ означеннымъ языкамъ.

Въ 30-хъ годахъ кавказскія лингвистическія изслѣдованія начались съ иверской группы языковъ. Въ это время явилась лучшая изъ существововавшихъ прежде грузинскихъ грамматикъ; она составлена покойнымъ академикомъ Броссе. Этотъ-же ученый написалъ небольшую замѣтку о мингрельскомъ языкѣ, который былъ имъ названъ діалектомъ грузинскаго языка. Въ началѣ 40-хъ годовъ на восточномъ прибрежьи Чернаго моря является д-ръ Густавъ Розенъ, съ съ цѣлью изслѣдованія, по порученію Берлинской академіи наукъ, кавказскихъ языковъ. Занимался онъ изслѣдованіемъ языковъ иверской группы (лазскаго, мингрельскаго и сванетскаго), а также абхазскаго и осетинскаго. Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Лазистанѣ и на Кавказѣ, Розенъ возвращается въ Германію и представляетъ Берлинской академіи наукъ монографіи: о лазскомъ языкѣ (11 ноября 1843 г.), объ осетинскомъ (1 окт. 1844 г.), о мингрельскомъ, сванетскомъ и абхазскомъ (31 янв. 1854 г.). Труды Розена (между которыми, сравнительно, обстоятельнѣе обработана монографія „Über die Sprache der Lazen"), представляютъ, строго говоря, однѣ лишь замѣтки объ упомянутыхъ языкахъ. Дѣло понятное: Розенъ не могъ въ теченіи столь короткаго времени, какое было у него въ распоряженіи, изучить основательно нѣсколько различныхъ нарѣчій, рѣзко отличающихся отъ изслѣдованныхъ тогда научнымъ образомъ языковъ. Кромѣ того, ему приходилось бесѣдовать съ туземцами, при помощи которыхъ онъ изучалъ назван-

ные языки, либо по-турецки, либо через переводчиковъ. Неудивительно поэтому, что не мало основныхъ свойствъ означенныхъ языковъ представилось Розену въ превратномъ видѣ.

Немного позже Розена, изученіемъ черкесскаго языка, но вовсе не съ лингвистическою цѣлью, занимался служившій тогда на Кавказѣ Люлье. Трудъ Люлье, одобренный Имп. Академіею Наукъ, былъ отпечатанъ въ 1846 г., подъ заглавіемъ „Словарь русско-черкесскій или адигейскій, съ краткою грамматикою послѣдняго.“ Люлье не былъ подготовленъ не только къ лингвистическимъ, но даже и къ филологическимъ занятіямъ; словарь его не даетъ почти никакого понятія о корняхъ языка; по грамматикѣ же, занимающей нѣсколько страничекъ и составленной по шаблону старинныхъ грамматикъ, нельзя ознакомиться даже съ основными законами черкесскаго языка. Розенъ, какъ мы сказали, старался ознакомиться и съ языкомъ осетинъ, принадлежащихъ, безспорно, къ иранскому поколѣнію и занимающихъ мѣстность, врѣзавшуюся клиномъ между территоріями трехъ вышеозначенныхъ группъ кавказскихъ народовъ (иверскою, западно-горскою и восточно-горскою). Языкъ этого народа сталъ изучать еще въ 1835 г., по порученію Имп. Академіи Наукъ, акад. Шёгренъ; но трудъ Шёгрена объ осетинскомъ языкѣ не былъ извѣстенъ Розену.

Шёгренъ открываетъ собою рядъ солидныхъ, къ сожалѣнію, малочисленныхъ изслѣдователей кавказскихъ языковъ. Отклонивъ отъ себя предвзятыя идеи, высказываемыя тогда въ нѣмецкой ученой прессѣ, относительно происхожденія осетинъ, онъ принялся за обстоятельное изученіе языка послѣднихъ. Отнесшись критически къ трудамъ Палласа и Клапрота, составившихъ списки словъ кавказскихъ языковъ

въ извращенномъ видѣ, онъ отсталъ отъ привычки своихъ предшественниковъ записывать слова чуждыхъ языковъ по собственному слуху, а рѣшился, по прибытіи въ Тифлисъ, ознакомиться съ звуками, свойственными осетинскому языку, при помощи осетинъ, усвоившихъ себѣ русскій языкъ. Предварительно онъ ознакомился и съ звуковою системою грузинскаго языка, представляющаго въ фонетическомъ отношеніи много общаго съ осетинскимъ языкомъ. Вникнувъ въ звуковую систему осетинскаго языка, Шёгренъ долженъ былъ придумать и алфавитъ для него. Имѣя въ виду будущую судьбу осетинъ, Шёгренъ рѣшился принять въ основаніе осетинской азбуки русскій алфавитъ, „несмотря на то, что грузинскій алфавитъ, кромѣ общаго внутренняго достоинства, несравненно способнѣе къ выраженію звуковъ, осетинскому языку свойственныхъ". *) Принявъ въ основаніе осетинской азбуки русскій алфавитъ, Шёгренъ долженъ былъ, при примѣненіи его къ осетинскому языку, сдѣлать въ немъ нѣкоторыя видоизмѣненія. Шёгренъ принялся за это дѣло обдуманно и подвергъ предварительно тщательному разбору русскій алфавитъ. Отдавая полную справедливость системѣ согласныхъ буквъ этого алфавита, онъ ввелъ въ осетинскій алфавитъ 19 согласныхъ русскихъ буквъ (исключивъ *ѳ* и *щ*); изъ гласныхъ же буквъ оставилъ только 5, а именно: *а*, *і*, *о*, *у* и *е;* *ъ* и *ь* были выброшены. Исключивъ также двугласныя и *й*, онъ ввелъ въ осетинскую азбуку изъ латинскаго алфавита *j*. Изъ этого же алфавита взята была буква *q* для выраженія глубокаго гортаннаго звука; для обозначенія придыхательнаго звука, соотвѣтствующаго латинскому *h*, Шёгренъ заимствовалъ изъ готической азбуки букву *ƕ*. При

*) Осетинская грамматика, стр. XVI.

помощи послѣдней, онъ изобразилъ придыхательныя *ч*, *к*, *п* и *т*. Шёгренъ придумалъ нѣсколько и сложныхъ начертанiй для выраженiя четырехъ самостоятельныхъ шипящихъ звуковъ. Мы не станемъ распространяться здѣсь объ осетинскомъ алфавитѣ Шёгрена,—желающiе познакомиться обстоятельнѣе съ этимъ предметомъ могутъ обратиться къ нашей статьѣ, помѣщенной въ V выпускѣ „Сборника свѣдѣнiй о Кавказскихъ горцахъ". *) Составивши алфавитъ, Шёгренъ въ теченiи 1836—1837 гг. изучалъ осетинскiй языкъ въ Осетiи, при помощи двухъ осетинъ, окончившихъ курсъ наукъ въ тифлисской духовной семинарiи и знавшихъ хорошо русскiй языкъ. На третiй годъ почтенный академикъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ и занялся тщательною обработкою собраннаго имъ матерiала. Ослабленное зрѣнiе замедлило его занятiя, и трудъ его отпечатанъ былъ только въ 1844 г. Въ предисловiи къ нему Шёгренъ съ грустью восклицаетъ вмѣстѣ съ Горацiемъ: „Jam nonum prematur in annum!". Такимъ образомъ, трудъ Шёгрена явился въ томъ же году, въ которомъ отпечатана была и статья Розена объ осетинскомъ языкѣ; но трудъ Шёгрена это не бѣглая замѣтка, а полный и обстоятельный грамматическiй очеркъ языка (къ этому очерку присоединенъ и словарь). Грамматика и словарь Шёгрена изданы на двухъ языкахъ: на нѣмецкомъ и русскомъ. Въ предисловiи Шёгренъ излагаетъ мотивы, заставившiе его издать свой трудъ и на русскомъ языкѣ. Эти мотивы слѣдующiе: облегчить изученiе осетинскаго языка учителямъ осетинскихъ школъ и тѣмъ русскимъ, которые по служебнымъ обязанностямъ имѣютъ частыя сношенiя съ осетинами, а равнымъ образомъ предоставить воз-

*) См. статью „Кавказско-горскiя письмена".

можность изучить лучше осетинскій языкъ тѣмъ лицамъ, которыя пожелали бы взяться за переводъ на означенный языкъ церковныхъ книгъ (въ нихъ тогда нуждалось духовенство христіанскихъ церковныхъ приходовъ въ Осетіи). Понятно, что подобныя соображенія должны были повліять на характеръ занятій Шёгрена и сообщить имъ болѣе солидности. Какъ бы то ни было, но трудъ Шёгрена составляетъ эпоху въ исторіи кавказскихъ лингвистическихъ изслѣдованій.

До 50-хъ годовъ остались, можно сказать, незатронутыми наукою языки восточной группы кавказскихъ народовъ. Починъ въ этомъ дѣлѣ сдѣлалъ покойный академикъ Шифнеръ. Косвеннымъ виновникомъ этого былъ академикъ Броссе. Возвратившись изъ своего археологическаго путешествія по Грузіи, онъ привезъ въ Петербургъ письменные матеріалы, собранные священникомъ Іовомъ Цискаровымъ, природнымъ тушиномъ, и относящіеся къ языку Цовскаго общества, живущаго въ Тушетіи, у верховьевъ Тушинской Алазани (которая протекаетъ дальше по Дагестану, подъ названіемъ Андійскаго Койсу). Вскорѣ прибылъ въ Петербургъ, для поступленія въ духовную академію, младшій братъ Іова Цискарова Георгій. При помощи его, Шифнеръ и изучилъ нарѣчіе означеннаго общества, неправильно имъ названное „тушскимъ языкомъ". Въ 1854 г. появилась въ Бюллетеняхъ Имп. Академіи Наукъ „Краткая характеристика тушскаго языка", а въ 1856 г. „Опытъ о тушскомъ языкѣ" (Versuch über die Thusch-Sprache). Нарѣчіе, названное Шифнеромъ тушскимъ, оказалось впослѣдствіи сроднымъ съ чеченскимъ языкомъ, принадлежащимъ къ восточно-горской группѣ языковъ. Акад. Шифнеръ примѣнилъ къ тушскому языку, съ нѣкоторыми дополненіями, обусловленными фонетическими свойствами послѣдняго, азбуку Кастрена, въ основаніи ко-

торой лежитъ латинскій алфавитъ. Означенный языкъ изобилуетъ гортанными и шипящими звуками. Предлоговъ нѣтъ, мѣсто ихъ занимаютъ послѣлоги; для соединенія предложеній употребляются приставки, помѣщаемыя обыкновенно послѣ глагольныхъ формъ. Особенность составляютъ родовые звуки, приставляемые къ глаголамъ и другимъ частямъ рѣчи. Трудъ Шифнера добросовѣстенъ, но почтенный академикъ принялъ нѣкоторые послѣлоги за падежныя окончанія, вслѣдствіе чего и явилось неслыханное множество падежей, введшее въ обманъ и Услара на первыхъ порахъ, когда онъ сталъ изслѣдовать восточно-горскіе языки. Сомнительно также и существованіе въ тушскомъ нарѣчіи относительныхъ мѣстоименій, не оказывающихся ни въ одномъ изъ изслѣдованныхъ восточно-горскихъ языковъ, съ которыми, какъ мы сказали, означенное нарѣчіе находится въ сродствѣ. Впрочемъ, акад. Шифнеръ, въ предисловіи къ своему труду, замѣчаетъ, что Георгій Цискаровъ, съ которымъ онъ занимался, перезабылъ много изъ своего языка, и что поэтому и трудъ его представляетъ недостатки. Во всякомъ случаѣ, Шифнеръ оказалъ большую услугу наукѣ: его „Опытъ о тушскомъ языкѣ“ ввелъ изслѣдователей въ новый и совершенно особенный лингвистическій міръ—въ область кавказскихъ восточно-горскихъ языковъ. Потомъ, въ 1862 г., акад. Шифнеръ издалъ „Опытъ объ аварскомъ языкѣ“ (Versuch über das Awarische), а вслѣдъ затѣмъ „Опытъ объ удинскомъ языкѣ“ (Versuch über die Sprache der Uden). Аварскій языкъ былъ изучаемъ покойнымъ Шифнеромъ тоже въ Петербургѣ. Въ Азіятскомъ Музеумѣ Академіи онъ отыскалъ кое-какіе матеріалы, относящіеся къ этому языку; удалось ему найти и двухъ аварцевъ, служившихъ въ конвоѣ Его Величества; благодаря имъ, Шифнеръ уяснилъ нѣкоторыя фонети-

ческія и грамматическія особенности изучаемаго языка. Большую услугу Шифнеру, при изученіи имъ аварскаго языка, оказалъ А. П. Берже. Въ началѣ 60-хъ годовъ А. П. Берже получилъ командировку въ Аварію. Тамъ, въ Хунзахѣ, при содѣйствіи Лачинилау, престарѣлаго учителя Шамиля, А. П. Берже составилъ небольшой сборникъ аварскихъ словъ, набросалъ парадигмы склоненій и спряженій и записалъ нѣсколько образчиковъ языка. Транскрипція въ замѣткахъ г. Берже арабская. Свои замѣтки А. П. Берже передалъ Шифнеру. Трудъ Шифнера объ аварскомъ языкѣ,—какъ оказалось впослѣдствіи,—былъ съ недостатками: отъ Шифнера ускользнуло нѣсколько звуковъ, свойственныхъ аварскому языку и не мало грамматическихъ формъ; сборникъ аварскихъ словъ бѣденъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ трудъ имѣлъ значеніе въ наукѣ: онъ показалъ, что аварцы, самый многочисленный и самый вліятельный прежде народъ между горцами Дагестана, находятся въ лингвистическомъ сродствѣ съ чеченцами, къ которымъ, по языку, подходитъ и цовское общество. Къ семейству восточно-горскихъ народовъ принадлежатъ, безспорно, и удины, малочисленный теперь народецъ, живущій въ Нухинскомъ уѣздѣ. Только въ двухъ селеніяхъ, а именно: въ Варташенѣ и Нижѣ, сохранился удинскій языкъ, занимавшій въ прежнія времена, по всей вѣроятности, довольно значительную территорію. Акад. Шёгренъ въ 1853 г., во время своего пребыванія въ Тифлисѣ, составилъ при помощи удина, воспитывавшагося въ тамошней духовной семинаріи, небольшой сборникъ словъ; затѣмъ, въ 1852 г., преосвященный экзархъ Грузіи Исидоръ доставилъ въ Кавказскій Отдѣлъ Имп. Рус. Географическаго общества списокъ 325 удинскихъ словъ, который былъ отправленъ въ Имп. Академію Наукъ. Вскорѣ нашелся человѣкъ, знающій

удинскій языкъ. Это былъ учитель Нухинскаго уѣзднаго училища, Георгій Бежановъ. Онъ составилъ удинскій лексикончикъ отъ А до О, парадигмы склоненій и спряженій и записалъ нѣсколько текстовъ. Къ нему, наперерывъ другъ предъ другомъ, обращались: то Чермакъ, бывшій директоръ тифлисской гимназіи, то Коваленскій, инспекторъ казенныхъ училищъ; они забирали у него матеріалы, относящіеся къ удинскому языку, и отсылали ихъ къ Шифнеру. Коваленскій, кромѣ того, добылъ у Бежанова замѣтку о произношеніи звуковъ удинскаго языка. Относительно произношенія нѣкоторыхъ изъ нихъ усумнился Шифнеръ. Тогда г. Берже съѣздилъ въ Нуху и сообщилъ Шифнеру свое мнѣніе объ ихъ произношеніи. Но Шифнеру не удалось найти въ Петербургѣ ни одного удина. Такъ какъ трудъ Шифнера объ удинскомъ языкѣ никѣмъ еще не былъ провѣренъ, то мы и не беремся за оцѣнку его; но не можемъ не замѣтить, что объемъ его не значителенъ.

Вотъ краткій очеркъ кавказскихъ лингвистическихъ изслѣдованій до Услара. Мы въ немъ вдались въ нѣкоторыя подробности; но это мы сдѣлали для того, чтобы показать, какой способъ ведетъ лучше всего къ цѣли. Я думаю, что, послѣ всего изложеннаго, можно убѣдиться въ томъ, что кавказскіе языки трудно изучать, заѣзжая на Кавказъ на короткое время или живя въ столицѣ, и что изслѣдованіемъ ихъ надо заниматься такъ, какъ занимался осетинскимъ языкомъ Шёгренъ. Покойный Усларъ, ознакомленный съ ходомъ лингвистическихъ изысканій на Кавказѣ, взявшись за изученіе кавказскихъ языковъ, не могъ не пойти по пути, указанному академикомъ Шёгреномъ, имя котораго останется незабвеннымъ въ исторіи кавказской лингвистики.

Дальше, изъ изложеннаго нами очерка видно, что кав-

казскіе языки изучались или въ Петербургѣ, или учеными, заѣзжающими на Кавказъ на самое короткое время. Только Люлье изучалъ черкесскій языкъ, и довольно долго, на-мѣстѣ; онъ, однако, какъ мы сказали, не былъ подготовленъ. Но неужто на Кавказѣ не нашлись люди, которые бы взялись за изслѣдованіе мѣстныхъ языковъ? спроситъ читатель. Какъ не нашлись! Мѣстное ученое общество принялось на первыхъ же порахъ своего существованія, еще въ началѣ 50-хъ годовъ, за изслѣдованіе ихъ; но это дѣло поведено было столь неудачно, что хотѣлось бы умолчать объ немъ. Исторія, однако, не имѣетъ права умалчивать о прошломъ. Кромѣ того, ошибки прошлаго бываютъ поучительны для будущаго. Я полагаю, что и долголѣтняя попытка означеннаго общества изученія кавказскихъ языковъ, расходившаяся въ разрѣзъ съ научными требованіями и окончившаяся полнѣйшею неудачею, не могла не повліять на Услара, доказавши ему наглядно, что за дѣло изслѣдованія языковъ нужно приняться иначе. Приступаемъ къ изложенію фактовъ.

25 апр. 1853 г., въ засѣданіи Распорядительнаго Комитета Кавказскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества, членъ Отдѣла Н. В. Ханыковъ предъявилъ Комитету, *) что „разнообразіе племенъ, живущихъ на Кавказѣ и въ Закавказскомъ краѣ, поставляетъ Отдѣлу одною изъ главныхъ обязанностей тщательно заняться разъясненіемъ запутанной этнографіи края. Сколько же кажется, всего болѣе могло бы къ тому способствовать ближайшее знакомство съ сохранившимися здѣсь многочисленными языками и нарѣчіями, чрезъ составленіе параллельныхъ словарей и грамматикъ ихъ. Но какъ къ этому обширному труду не возможно приступить безъ

*) См. Записки Кавк. Отдѣла И. Р. Географ. Общества, кн. II, стр. 214—215.

подробной инструкціи, составленіе которой предполагаетъ глубокія спеціальныя познанія въ филологіи, то не признаетъ-ли Отдѣлъ полезнымъ обратиться въ этомъ случаѣ къ первостепеннымъ ученымъ Имп. Академіи Наукъ, каковы гг. Шёгренъ, Броссе, Дорнъ и Бётлингъ, и просить ихъ не оставить Отдѣлъ своими совѣтами и наставленіями въ этомъ дѣлѣ, столь же важномъ для изученія края, какъ и для общихъ интересовъ науки".

Въ 1855 г. была получена въ Отдѣлѣ, въ отвѣтъ на возбужденный имъ вопросъ, отъ Имп. Акад. Наукъ записка. Въ ней, между прочимъ, сказано: „Члены Имп. Академіи Наукъ признаютъ недостаточность сравнительныхъ словарей вообще для истинной пользы науки, въ доказательство чего приводятъ подобные словари Палласа, составленные изъ перевода 200 словъ, въ 1787—1789 годахъ, и почитаютъ гораздо болѣе сообразнымъ съ требованіями современной науки—изслѣдованіе и раскрытіе самаго грамматическаго состава языковъ и внутренняго ихъ устройства. На основаніи этого, академики полагаютъ, что изслѣдованіе кавказскихъ языковъ и нарѣчій опасно предоставить людямъ безъ основательнаго филологическаго образованія" *). Записка академиковъ заключается предложеніемъ: „Пока найдется филологъ..., ограничиться собираніемъ и записываніемъ однѣхъ только пословицъ и народныхъ пѣсенъ, сопровождая таковыя вѣрнымъ и, по возможности, буквальнымъ русскимъ переводомъ; составленіемъ словарей и легкихъ разговоровъ на нарѣчіяхъ такихъ языковъ, которые уже имѣютъ собственныя письмена, какъ грузинскій, татарскій, персидскій, армянскій, осетинскій, и д. т." Этому благоразумному совѣту не по-

*) Записки Отдѣла, кн. III, стр. 248—250.

слѣдовалъ Отдѣлъ. Въ засѣданіи общаго собранія не было тогда Ханыкова, который, вѣроятно, высказался бы въ пользу мнѣнія академиковъ; роль филолога разыгралъ тогда И. А. Бартоломей. Онъ и представилъ свое возраженіе на предложеніе Академіи. Вотъ извлеченіе изъ него *): „Основательное изслѣдованіе даже одного какого либо языка требуетъ цѣлыхъ годовъ изученія; такъ, напр., ознакомленіе съ осетинскимъ языкомъ не менѣе трехъ лѣтъ стоило знаменитому Шёгрену. Слѣдовательно, изученіе кавказскихъ нарѣчій въ тѣхъ обширныхъ предѣлахъ, какіе для него полагаются мнѣніемъ Академіи, можетъ быть совершено десятилѣтіями на каждый языкъ и столѣтіями на всѣ языки, извѣстные на Кавказѣ, а такія ожиданія были бы слишкомъ продолжительны!“ Усларъ,—какъ увидимъ дальше,—доказалъ на дѣлѣ, что опасенія Бартоломея относительно продолжительности ожиданій изученія кавказскихъ языковъ были совершенно напрасны. Но будемъ продолжать наше повѣствованіе. Изложивъ свое возраженіе, Бартоломей предложилъ: 1) приступить къ составленію сравнительнаго словаря главнѣйшихъ кавказскихъ языковъ и нарѣчій въ болѣе полномъ видѣ противъ словарей Палласа, т. е. вмѣсто 200 словъ включить въ него примѣрно до 2000 и болѣе; 2) разослать къ разнымъ лицамъ, во всѣ надлежащія мѣстности, отпечатанныя таблицы, состоящія изъ разграфленныхъ отдѣленій, изъ которыхъ въ одномъ должны быть отпечатаны русскія слова, а въ другомъ оставлены пробѣлы для вписыванія словъ на языкахъ и нарѣчіяхъ туземныхъ; 3) поручить наблюденіе за ходомъ этого дѣла и сводъ собранныхъ такимъ образомъ матеріаловъ для словаря одному изъ дѣйствительныхъ чле-

*) Записки Отдѣла, кн. III, стр. 251—253.

новъ Отдѣла. Разсчитывали, что сравнительный словарь будетъ окончень приблизительно въ теченіи 3-хъ лѣтъ.

Вскорѣ отпечатанъ былъ сборникъ словъ, въ количествѣ 3000, а затѣмъ разосланъ въ разныя мѣста края. Нѣкоторыя лица возвратили сборники словъ съ переводами на туземные языки. Но, „по разсмотрѣніи возвращенныхъ съ переводами сборниковъ словъ, оказалось, что они рѣшительно не удовлетворяютъ цѣли, какъ по неопытности лицъ, записывавшихъ слова, такъ и по невозможности выразить чужими буквами звуки здѣшнихъ языковъ, не имѣющихъ письменъ". *) Этотъ горькій опытъ не образумилъ, однако, Бартоломея, затѣявшаго составленіе сравнительнаго словаря: въ мартѣ мѣсяцѣ 1860 г. наряжена была, по предложенію Бартоломея, коммисія для составленія „нормальнаго русскаго словаря, который былъ бы принятъ въ руководство при переводѣ его на туземные языки и нарѣчія" **).

Коммисія, по предложенію Бартоломея, размѣстила слова не въ алфавитномъ порядкѣ, въ какомъ они были распредѣлены въ отпечатанномъ прежде сборникѣ русскихъ словъ, а въ идеологическомъ; но дѣло отъ этого ни на шагъ не подвинулось. И такъ, болѣе 6-ти лѣтъ прошло, строго говоря, въ составленіи сборниковъ русскихъ словъ, да въ препирательствахъ о способѣ ихъ распредѣленія. Пора было прекратить эту забаву.

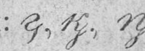
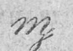
Въ общемъ Собраніи Отдѣла 13 мая 1861 г. Усларъ изложилъ мнѣніе о необходимости составленія азбукъ для тѣхъ кавказскихъ языковъ, которые не имѣютъ своей пись-

*) Записки Отдѣла, кн. VI, стр. 9.
**) Лѣтопись Отдѣла въ V кн. Записокъ, стр. 70.

менности; онъ вскорѣ представилъ въ Отдѣлъ записку объ этомъ предметѣ. *) Въ началѣ своей записки онъ указываетъ на безполезность тѣхъ лингвистическихъ трудовъ, въ которыхъ слова кавказскихъ языковъ, не имѣющихъ своей письменности, записаны буквами европейскихъ алфавитовъ. „Чтобы убѣдиться въ этомъ,“ говоритъ Усларъ, „стоитъ лишь взглянуть, напр., на сочиненіе Клапрота, который нѣмецкими буквами записывалъ черкесскія, чеченскія, аварскія и слова другихъ языковъ. Вообразимъ русскаго, который бы со слуха записалъ англійскія слова русскими буквами, и, потомъ грузина, который бы записанное переписалъ грузинскими буквами, поддѣлываясь подъ русскій выговоръ. Каково бы вышло пособіе къ изученію англійскаго языка!“ И такъ, прежде всего должна быть составлена азбука даннаго языка, при помощи самихъ же туземцевъ, которые единственно могутъ быть компететными судьями при изображеніи звуковъ, свойственныхъ ихъ языкамъ. При составленіи азбукъ для кавказскихъ языковъ, не имѣющихъ письменности, нужно принять въ основу ея какой нибудь изъ существующихъ алфавитовъ. Сравнивъ алфавиты русскій, грузинскій, армянскій, арабскій и латинскій, примѣненный къ кавказскимъ языкамъ Розеномъ и Боппомъ, Усларъ отдаетъ предпочтеніе грузинскому. „Если смотрѣть“, говоритъ онъ, „на грузинскій алфавитъ въ отношеніи къ самому грузинскому языку, то нельзя не сознаться, что онъ удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ: едва-ли это не есть совершеннѣйшій изъ всѣхъ существующихъ алфавитовъ. Каждый звукъ выражается особымъ знакомъ, и каждый знакъ постоянно выражаетъ одинъ и тотъ-же звукъ. Во всѣхъ европейскихъ языкахъ есть камень преткновенія,—это орѳографія;

*) Записки Отдѣла, кн. VI, стр. 9.

для грузинъ, благодаря совершенству ихъ алфавита, этой трудности почти не существуетъ". Затѣмъ составитель записки, ссылаясь на отзывы Георга Розена, Шёгрена и священника Цискарова, говоритъ, что грузинскій алфавитъ совершенно удобенъ, съ нѣкоторыми дополненіями, не только для языковъ, сродныхъ съ грузинскимъ, но и для осетинскаго, а также для кистинскихъ и чеченскихъ нарѣчій". „Въ нѣкоторыхъ горскихъ языкахъ", продолжаетъ Усларъ, „какъ кажется, свойства буквъ грузинскаго алфавита обнаруживаются даже рельефнѣе, чѣмъ въ самомъ грузинскомъ языкѣ... Отсюда видно, что система грузинской азбуки можетъ быть принята за основаніе для общей азбуки всѣхъ кавказскихъ языковъ, чуждыхъ до сихъ поръ грамотности; но если мы позаимствуемъ у грузинъ не только систему азбуки, но и начертанія буквъ, то совершенно произвольно создадимъ затрудненія, которыя тѣмъ будутъ ощутительнѣе, чѣмъ болѣе русская грамотность распространится по Кавказу.... Грузинскій алфавитъ употребляютъ одни лишь грузины; онъ рѣзко отличается, какъ отъ русскаго, такъ и отъ всѣхъ европейскихъ; притомъ, теперь уже русская грамотность весьма распространена между образованными грузинами и армянами. Большая часть горскихъ народовъ почти не имѣютъ никакихъ сношеній съ грузинами, но находятся въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ русскими, живо чувствуютъ потребность учиться русскому языку и русской грамотѣ. Итакъ остается примѣнить, съ необходимыми добавленіями, начертанія русскихъ буквъ къ грузинской азбукѣ. Добавленія необходимы, потому что чрезмѣрное употребленіе знаковъ (точекъ или черточекъ надъ буквами), равно какъ совокупленіе двухъ буквъ для выраженія одного звука, составляютъ явное несовершенство".

На основаніи вышеизложенныхъ правилъ составленъ былъ Усларомъ алфавитъ, названый имъ Кавказскимъ. Этотъ алфавитъ помѣщенъ въ его запискѣ, которая потомъ была отлитографирована. Азбука, составленная Усларомъ, первоначально заключала въ себѣ, однако, изрядное количество буквъ со знаками наверху; впослѣдствіи изображеніе ихъ подверглось измѣненіямъ. Въ основѣ этой азбуки, по образцу которой составлялись потомъ алфавиты для разныхъ горскихъ языковъ, находятся тѣ-же согласныя и гласныя, что и въ осетинскомъ алфавитѣ Шёгрена; у Услара такъ-же, какъ и у Шёгрена, исключены: *ѳ* и *щ* (послѣдняя находится только въ абхазскомъ алфавитѣ), *ъ*, *ь*, *й*, *и*, *э*, *ы* и двугласныя: *ѣ*, *я*, *ю*; введены тоже буквы: *j*, *q*, *h* (латинское) и буквы: и для выраженія придыхательныхъ звуковъ. Но въ алфавитахъ Услара нѣтъ сложныхъ начертаній для четырехъ шипящихъ звуковъ, подходящихъ къ сочетанію *т* и *ц*, *т* и *ч*, *д* и *ж*, *д* и *з*; вмѣсто ихъ Усларъ далъ право гражданства въ своемъ алфавитѣ грузинской ყ и двумъ скорописнымъ буквамъ, подходящимъ по начертанію къ грузинскимъ; для четвертой буквы онъ придумалъ начертаніе, подходящее по формѣ къ буквѣ *з*. Онъ дотого избѣгалъ надбуквенныхъ знаковъ и сложныхъ изображеній, что, напр., въ нѣкоторыхъ алфавитахъ придумалъ начертанія, не подходящія ни къ какому изъ существующихъ изображеній звуковъ. Тѣмъ не менѣе, пришлось ему въ языкахъ, изобилующихъ звуками, ввести нѣсколько буквъ или съ черточкою, или значкомъ наверху, или съ арабскимъ ташдидомъ, а въ абхазскомъ алфавитѣ и сложное начертаніе. Въ видахъ облегченія грамотности для туземцевъ, Усларъ далъ мѣсто въ своемъ алфавитѣ только скорописнымъ буквамъ и не допустилъ заглавныхъ буквъ.

Затѣмъ Усларъ даетъ практическій совѣтъ, какъ нужно составлять азбуки. Указавъ, что въ этомъ дѣлѣ необходимо непосредственное участіе туземцевъ, такъ какъ отъ слуха русскихъ весьма легко можетъ ускользнуть разница между различными оттѣнками въ произношеніи придыхательныхъ, гортанныхъ и шипящихъ, онъ продолжаетъ: „Руководствуясь однородностью, если даже и не полной тождественностью звуковъ, должно записывать посредствомъ Кавказской азбуки слова такъ, какъ ихъ произноситъ туземецъ. Когда, наконецъ, услышится звукъ, который рѣшительно не подходитъ ни къ одному изъ находящихся уже въ этой азбукѣ, то для него составляется особый знакъ. Стараются узнать какъ можно болѣе словъ, въ которыя входилъ бы тотъ-же самый звукъ; всѣ они записываются при помощи вновь введеннаго знака; записывается и ихъ значеніе по-русски“. Записанныя слова послужатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и основаніемъ для будущаго словаря. Усларъ въ своей запискѣ говоритъ и о примѣненіи имъ къ дѣлу этого правила для составленія алфавитовъ. Въ 1861 г. нашелъ онъ въ тифлисской гимназіи ученика VII класса Геттинкау, по происхожденію аварца, владѣвшаго хорошо русскимъ языкомъ. При помощи его и г. Умикова (въ настоящее время преподавателя грузинскаго языка), онъ принялся за ознакомленіе съ звуковою системою аварскаго языка, одного изъ труднѣйшихъ по произношенію. Задача заключалась въ томъ, чтобы на основаніи Кавказской азбуки составить аварскую. Г. Умиковъ принялъ на себя трудъ записывать буквами первой аварскія слова, которыя диктовалъ ему г. Геттинкау. Вскорѣ ясно обнаружилась необходимость ввести нѣсколько новыхъ буквъ. Такъ составилась аварская азбука. При составленіи ея, Усларъ пользовался совѣтами А. П. Берже. Составленная Усларомъ въ

1861 г. въ Тифлисѣ аварская азбука, хотя впослѣдствіи и подверглась измѣненіямъ, но она дала ему возможность ознакомиться съ звуковою системою аварскаго языка. Аварскій же языкъ, одинъ изъ самыхъ распространенныхъ въ Дагестанѣ, облегчилъ ему возможность ознакомленія съ другими дагестанскими языками. Но возвратимся къ прерванной нити разсказа. Усларъ рѣшился приняться за изученіе языковъ; но кавказскихъ языковъ много,—за какіе языки приняться сначала? Рѣшеніе этого вопроса обусловливалось обстоятельствами. Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ онъ большею частью провелъ время на службѣ въ западномъ Закавказьи. Онъ и принялся за западно-кавказскіе языки. Началъ онъ съ того, что перевелъ на русскій языкъ статью Розена „О мингрельскомъ, сванетскомъ и абхазскомъ языкахъ“. Два первые языка принадлежатъ къ картвельской группѣ, къ той-же группѣ, къ которой принадлежитъ и грузинскій языкъ. Въ ней механизмъ глаголовъ труденъ до-того, что даже такой проницательный лингвистъ, какъ Шлейхеръ, отказался отъ анализа его. Такъ какъ грузинскій языкъ болѣе всѣхъ своихъ родичей разработанъ въ грамматическомъ отношеніи, то покойный Усларъ, воспользовавшись своимъ пребываніемъ въ Тифлисѣ въ началѣ 60-хъ годовъ, обратился къ г. Умикову съ просьбою помочь ему въ дѣлѣ изученія грузинскихъ глаголовъ. Г. Умиковъ добылъ у одного изъ лучшихъ знатоковъ грузинскаго языка, Д. И. Кипіани, составленную послѣднимъ таблицу спряженій грузинскихъ глаголовъ; Усларъ и сталъ, при помощи г. Умикова, изучать грузинскіе глаголы и сдѣлалъ о нихъ замѣтки. Занятія были прерваны командировскаго Услара въ Сухумъ. Отправившись въ 1861 г. въ Сухумъ, онъ тамъ, при помощи сванета Гульбани, набросалъ очеркъ сванетскаго языка (при

этомъ записалъ онъ преданія сванетовъ о сотвореніи міра, объ Амиранѣ, Ростомѣ и о царицѣ Тамарѣ. Осенью 1861 г. пришлось ему быть въ походѣ въ Закубанскомъ краѣ. Находясь въ нижне-абадзехскомъ отрядѣ, расположенномъ на р. Бѣлой, верстахъ въ 12-ти выше укрѣпленія Майкопскаго, онъ, при помощи убыха Берзека, набросалъ краткій очеркъ убыхскаго языка, о которомъ существовали самыя разнорѣчивыя показанія. Потомъ Усларъ занимался, во время похода, и изученіемъ черкесскаго языка, о которомъ сохранились въ посмертныхъ бумагахъ покойнаго отрывочныя замѣтки. Поименованные труды—это бѣглыя замѣтки, которыхъ Усларъ не рѣшился даже литографировать; но онѣ, тѣмъ не менѣе, весьма цѣнны; особенное значеніе имѣютъ замѣтки объ языкѣ убыховъ, исчезнувшихъ совершенно съ Кавказа. Бѣглое ознакомленіе съ кавказскими языками не могло удовлетворить Услара: для солиднаго ума нужны были солидныя занятія. Онъ рѣшился приняться за обстоятельное изученіе кавказско-горскихъ языковъ.

Обстоятельства благопріятствовали затѣянному имъ предпріятію: тогда именно на Кавказѣ поднятъ былъ вопросъ объ образованіи кавказскихъ горцевъ и о введеніи между ними письменности на ихъ родныхъ языкахъ. Такъ какъ лингвистическая дѣятельность Услара находилась въ тѣсной связи съ попытками введенія грамотности между этими народами на ихъ родныхъ языкахъ и вообще первоначальнаго ихъ обученія, то необходимо въ нашемъ повѣствованіи коснуться и означенныхъ попытокъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что христіанство можетъ пустить корни въ томъ только народѣ, который усвоилъ правила вѣры на родномъ языкѣ. Вѣрно также и то, что и образованіе тогда только можетъ распространиться въ дан-

номъ народѣ, когда первоначальное обученіе ведется на родномъ языкѣ. Это, однако, положеніе не сознавалось долго даже людьми, заправлявшими народнымъ образованіемъ.

Попытки разумнаго первоначальнаго обученія инородцевъ Поволжскаго края сдѣланы были только въ концѣ 60-хъ годовъ. Къ чести Кавказа, нужно сказать, что тамъ подобныя попытки дѣлались раньше. Въ 1860 г. учреждено было „Общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ". Проповѣдническая дѣятельность не дала въ первые годы блестящихъ результатовъ. Въ 1862 г. Его Императорское Высочество Великій князь Михаилъ Николаевичъ Намѣстникъ Кавказскій соизволилъ принять званіе Предсѣдателя Общества, и съ этихъ поръ дѣятельность Общества получила болѣе соотвѣтственное положенію дѣлъ направленіе. „Сообразуясь", сказано въ отчетѣ Общества за 1862 и 1863 годы, „съ обстоятельствами, въ которыхъ въ настоящее время находится Общество, Его Высочество пришелъ къ тому убѣжденію, что отъ проповѣднической дѣятельности въ здѣшнемъ краѣ, при настоящемъ составѣ духовенства, нельзя ожидать такого успѣха, какъ отъ распространенія грамотности и образованія въ горскихъ племенахъ посредствомъ введенія на ихъ языкахъ письменности и учрежденія среди ихъ школъ". Дѣятельность Общества распространялась на западное Закавказье и на осетинъ. Постановлено было составить азбуки и буквари для инородцевъ, не имѣвшихъ письменности, съ каковой цѣлью наряжена была коммисія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ И. А. Бартоломея. Въ дѣлѣ составленія азбукъ и словарей необходимо было содѣйствіе туземцевъ, изъ среды которыхъ и вызывались въ Тифлисъ лица, ознакомленныя съ русскимъ языкомъ. Сначала вызваны были трое абхазцевъ.

Усларъ не принималъ участія въ занятіяхъ Коммисіи, но старался воспользоваться присутствіемъ въ Тифлисѣ вызванныхъ абхазцевъ. Съ помощью ихъ, онъ и приступилъ въ 1862 году къ изученію абхазскаго языка. Покойному Услару пришлось начать свои серьезныя лингвистическія изслѣдованія съ самаго труднаго кавказскаго языка. „Не только европейцы", говоритъ Усларъ въ предисловіи къ очерку абхазскаго языка, „но даже кавказскіе туземцы считаютъ абхазское произношеніе наитруднѣйшимъ и наименѣе доступнымъ для не-абхазца. Странное впечатлѣніе производитъ этотъ языкъ на того, кто его слышитъ впервые. Многими замѣчено было, что англійскій выговоръ походитъ на щебетаніе птицъ; объ абхазскомъ языкѣ можно сказать, что онъ напоминаетъ жужжаніе насѣкомыхъ. Основа абхазскаго произношенія состоитъ изъ сплетенія самыхъ разнообразныхъ звуковъ: шипящихъ, дрожащихъ, свистящихъ, жужжащихъ". Всѣхъ звуковъ въ абхазскомъ языкѣ насчитывается 55, а въ числѣ ихъ однихъ шипящихъ 23. Нужно было изучить каждый звукъ и прослѣдить способъ его образованія. Ясное дѣло, что одни только туземцы въ состояніи различать всѣ оттѣнки родныхъ звуковъ. При помощи-то ихъ, Усларъ успѣлъ совладать съ фонетикою абхазскаго языка и описать въ своемъ трудѣ способъ выговариванія звуковъ, этому языку свойственныхъ. Не мало затрудненій предстояло ему и при изученіи грамматическаго строенія абхазскаго языка, принадлежащаго къ классу такъ-называемыхъ словонакопляющихъ (агглютинативныхъ) языковъ. Въ абхазскомъ языкѣ одни лишь мѣстоименія и числительныя имѣютъ вполнѣ независимое положеніе въ рѣчи; слова другихъ разрядовъ являются въ сліяніи съ другими частями рѣчи, причемъ подвергаются сокращенію. Глаголъ въ особенности представляетъ обиліе накоп-

ленія. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ изложеніе строенія, въ высшей степени своеобразнаго, абхазской рѣчи. Мы указали на нѣсколько самыхъ элементарныхъ свойствъ абхазскаго языка съ тою цѣлью, чтобы дать хотя приблизительное понятіе о тѣхъ затрудненіяхъ, какія пришлось встрѣтить Услару при изученіи означеннаго языка. Но онъ преодолѣлъ ихъ дотого блистательно, что за изслѣдованіе абхазскаго языка, а вслѣдъ затѣмъ и чеченскаго, удостоенъ былъ полной Демидовской преміи. Укажемъ еще на два нововведенія Услара въ кавказской лингвистикѣ. Во-первыхъ, сборникъ словъ представляетъ въ его трудахъ не только переводъ словъ даннаго языка (какъ это дѣлалъ Шифнеръ и др.), но ихъ видоизмѣненія и фразы, поясняющія ихъ употребленіе. Послѣ сборника словъ слѣдуетъ алфавитный списокъ русскихъ словъ съ переводомъ ихъ на данный языкъ, что значительно облегчаетъ лексическое сближеніе между словами горскихъ языковъ. Во-вторыхъ, въ отдѣлѣ образчиковъ языка (Spachproben) помѣщенъ и обстоятельный грамматическій разборъ приводимыхъ образчиковъ языка (въ трудахъ, принадлежащихъ Шифнеру, нѣтъ этого). Дальше, въ образчикахъ языка, приводимыхъ прежними лингвистами, попадаются фразы и по большей части переводы на данный языкъ съ русскаго. Гораздо глубже посмотрѣлъ на это дѣло покойный Усларъ. Вотъ что онъ говоритъ въ предисловіи къ образчикамъ абхазскаго языка: „Сказки, пѣсни, поговорки, живущія въ устахъ народныхъ, составляютъ единственный, вполнѣ надежный, ничѣмъ постороннимъ незасоренный источникъ къ изученію языка. Собраніе всего изустно-живущаго въ народѣ должно составить первый письменный памятникъ, послѣ созданія азбуки. Это необходимо не для одпихъ иноязычныхъ филологовъ: это насущная потребность для самаго народа,

выступающаго на поприще письменности. Только удовлетвореніемъ этой первой потребности можно охранить письменность отъ вѣковой чахлости, которая не есть болѣзнь развитія, а болѣзнь прививная, прививаемая переводами. Русскіе временъ Петра Великаго, конечно, говорили по-русски не хуже нашего, но писали по-русски, какъ бы на малоизвѣстномъ имъ языкѣ. Такъ продолжалось, пока не обратились къ живымъ источникамъ народнаго слова. Грамотные греки не переводили ни съ египетскаго, ни съ финикійскаго; прежде всего записали они поэмы Гомеровы, которыя въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ распѣвались изъ-за подаянія безграмотными пѣвцами. Почти на нашихъ глазахъ создалась финская письменность; записанная со словъ безграмотныхъ карелъ Калевала сразу выдвинула ее на ступень, до которой вѣками и длинной околицей едва-едва доволоклась письменность другихъ народовъ". Въ очеркѣ абхазскаго языка, составляющемъ первый солидный лингвистическій трудъ Услара, образчиковъ языка не много; но въ очеркахъ дагестанскихъ языковъ ихъ изрядное количество; они знакомятъ съ бытомъ, міровоззрѣніемъ горцевъ, а равнымъ образомъ и съ ихъ прошлымъ. Въ этихъ трудахъ отличаются полнотою и сборники словъ, дающіе не только обстоятельное понятіе о лексикѣ языка, но и о бытѣ даннаго народа.

Почти въ то самое время, когда Общество возстановленія христіанства принялось за введеніе письменности и распространеніе грамотности на туземныхъ горскихъ языкахъ въ западной части Закавказья, кавказское военное вѣдомство хлопотало о введеніи туземной грамотности на русскомъ основаніи среди горскаго мусульманскаго населенія. Начальникъ штаба Кавказской арміи А. П. Карцевъ, со свойственной ему проницательностью, постигъ Услара и ука-

залъ н-него, какъ на такую личность, которой только и можно было поручить означенное дѣло. Онъ не ошибся. Этимъ онъ предоставилъ Услару возможность заняться изслѣдованіемъ восточно-горскихъ языковъ, за что Кавказъ останется навсегда признательнымъ Александру Петровичу Карцеву.

Лѣтомъ 1862 г. Усларъ получилъ командировку въ Грозный. Тамъ онъ изучалъ чеченскій языкъ, при пособіи муллы Янгулбая, муталимовъ и Кеди-Досова, порядочно знавшаго русскій языкъ и составившаго потомъ, по совѣту Услара, чеченскій букварь. Отлитографировавъ трудъ о чеченскомъ языкѣ, Усларъ послалъ его въ Имп. Академію Наукъ, которая,—какъ мы сказали,—присудила ему въ награду Демидовскую премію. *) Въ трудѣ о чеченскомъ языкѣ введенъ новый отдѣлъ (онъ встрѣчается во всѣхъ трудахъ Услара, посвященныхъ изслѣдованію дагестанскихъ языковъ)—это предисловіе, въ которомъ обозначается въ точности территорія даннаго языка, этническія названія народа, на немъ говорящаго, даваемыя какъ самимъ народомъ, такъ и его сосѣдями. Трудъ Услара о чеченскомъ языкѣ полнѣе въ сравненіи съ очеркомъ абхазскаго языка; но онъ все-таки уступаетъ, по обстоятельности въ обработкѣ, позднѣйшимъ трудамъ Услара.

Усларъ составилъ въ Грозномъ алфавитъ для чеченскаго

*) По полученіи означеннаго труда, Шифнеръ прочелъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1863 г., въ засѣданіи Академіи Наукъ, свои „Tschetschenzische Studien" (Чеченскіе этюды), которые и были напечатаны въ Запискахъ Академіи Наукъ. Объ этихъ „Чеченскихъ этюдахъ Шифнера" Усларъ впослѣдствіи (см. „О распространеніи грамотности между горцами", стр. 24) мимоходомъ замѣтилъ: „Составлялась (мною) чеченская грамматика (въ 1862 г.), напечатанная впослѣдствіи сокращенно на нѣмецкомъ языкѣ въ Запискахъ Академіи Наукъ и удостоенная Демидовской преміи". Это и былъ,—сколько намъ извѣстно,—единственный, выраженный весьма неопредѣленно, протестъ противъ посягательства на его трудъ.

языка. По прошествіи шести недѣль, Янгулбай, Кеди-Досовъ и муталимы выучились читать совершенно свободно на своемъ языкѣ на основаніи русскаго алфавита. Вотъ что говоритъ по этому поводу Усларъ: „Изученіе родной грамоты на русскомъ основаніи служитъ наилучшимъ подготовительнымъ пособіемъ къ изученію грамоты русской. Выучите сначала ученика горца грамотѣ на его родномъ языкѣ и отъ него перейдите къ русской. Начните учить другого ученика горца прямо грамотѣ русской. Сложность времени, употребленнаго на изученіе туземной и русской грамоты, окажется менѣе того времени, которое должно употребить на изученіе *прямо* грамоты русской. Опытъ уже доказалъ это вполнѣ и можетъ быть повторенъ, сколько угодно“ *). Послѣ шестинедѣльнаго существованія, грозненская временная школа была распущена, какъ это и было предположено въ самомъ началѣ. „Муталимы“, заключаетъ Усларъ, „были въ восторгѣ отъ своихъ шестинедѣльныхъ занятій, въ продолженіи которыхъ выучились читать-писать на своемъ языкѣ, и въ придачу почти выучились читать-писать и по-русски. Эти успѣхи сравнивали они съ медленностью своего арабскаго ученія“. Затѣмъ Усларъ составилъ букварь на чеченскомъ языкѣ. Чеченской грамотѣ сталъ обучать учениковъ грозненской горской школы Янгулбай, сдѣланный въ ней учителемъ.

Съ 1863 г. новая грамотность стала вводиться и между кабардинцами. Какъ видно изъ уцѣлѣвшихъ бумагъ покойнаго Услара, онъ исподоволь занимался кабардинскимъ языкомъ. Онъ составилъ алфавитъ для этого языка. По этому

*) См. статью „О распространеніи грамотности между горцами“ (III вып. Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“, стр. 25).

алфавиту написанъ былъ Кази-Атажукинымъ букварь для кабардинскаго языка.

Въ 1863 г. Усларъ переноситъ свою лингвистическую дѣятельность въ Дагестанъ. Главнымъ пунктомъ его пребыванія дѣлается Темиръ-Ханъ-Шура; тамъ онъ остается почти до самой смерти. Въ 1863 г. онъ принимается за изученіе аварскаго языка, имѣющаго значеніе международнаго языка для жителей Нагорнаго Дагестана. При изученіи этого языка, нашелъ онъ умнаго и даровитаго помощника въ лицѣ поручика Айдемира Чиркеевскаго. Въ 1864 г. былъ оконченъ трудъ объ этомъ языкѣ, заключающій въ себѣ 699 страницъ in 4°. Онъ обработанъ весьма тщательно: въ каждомъ словѣ, состоящемъ изъ двухъ и болѣе слоговъ, обозначено удареніе. Но не столько объемъ и тщательность обработки поражаютъ въ этомъ трудѣ, сколько указаніе на логичность, присущую означенному языку въ образованіи грамматическихъ формъ. Конечно, подобныя логичность присуща каждому языку; но уловить ее можетъ только настоящій лингвистъ, лингвистъ по призванію. Услару помогъ не мало трудъ Шифнера „Опытъ объ аварскомъ языкѣ“; но трудъ Услара объ этомъ языкѣ, по своей полнотѣ и обстоятельной разработкѣ, далеко превзошелъ „Опытъ“ Шифнера, который впослѣдствіи и напечаталъ въ Запискахъ Академіи Наукъ „Awarische Studien“ (Аварскіе этюды), представляющіе почти воспроизведеніе, въ измѣненномъ видѣ, труда Услара.

Въ 1864 г. онъ принимается за изслѣдованіе казикумухскаго (лакскаго) языка. Въ 1866—1867 гг. онъ изслѣдуетъ хюркилинскій языкъ (такъ названо имъ одно изъ самыхъ распространенныхъ нарѣчій даргинскаго языка). Въ 1871 г. онъ окончилъ свой трудъ о кюринскомъ языкѣ, заключающій 850 страницъ in 4°. Затѣмъ онъ принялся за табаса-

ранскій языкъ. Болѣзнь и смерть помѣшали обработать окончательно этотъ трудъ. Какъ видно изъ этого, работа быстро шла у Услара. Перечисленные труды, по тщательности обработки, не уступаютъ нисколько труду его объ аварскомъ языкѣ. Не надо забывать и того, что языки лакскій, даргинскій, кюринскій и табасаранскій не были никѣмъ прежде изучаемы: въ сочиненіяхъ Гюльденштедта и Клапрота находится только по нѣсколько словъ, и то въ искаженномъ видѣ, лакскихъ (казикумухскихъ), даргинскихъ и кюринскихъ. Заслугъ, оказанныхъ покойнымъ Усларомъ, не могла не оцѣнить Имп. Академія Наукъ: въ 1868 г. она, послѣ смерти знаменитаго Шлейхера, избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ по лингвистикѣ. Покойный Усларъ велъ переписку съ акад. Шифнеромъ. Упомянемъ только о двухъ сообщеніяхъ Услара, напечатанныхъ въ Бюллетеняхъ Имп. Академіи Наукъ. Первое изъ нихъ, озаглавленное „О новыхъ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ барона Петра Услара“ и читанное Шифнеромъ въ засѣданіи Академіи Наукъ 4 дек. 1863 г., представляетъ краткій этнографическій очеркъ аула Арчи и нарѣчія этого аула; второе сообщеніе („Tschetschenzisches und Awarisches“), читанное 27 мая 1864 г., содержитъ цѣнныя этнографическія и лингвистическія замѣтки, касающіяся чеченцевъ и аварцевъ; въ заключеніи этого сообщенія помѣщены числительныя главныхъ нарѣчій аварскаго языка (хунзахскаго и анцухскаго) и числительныя нѣкоторыхъ нарѣчій Западнаго Дагестана (андійскаго, чамалальскаго, ахвахскаго, ботлихскаго, а также дидойскаго и бежитскаго). Въ посмертныхъ бумагахъ сохранился маленькій сборникъ словъ и фразъ ботлихскихъ. Есть бѣглыя замѣтки, касающіяся и другихъ нарѣчій Дагестана. Судя

по ссылкамъ въ разныхъ мѣстахъ трудовъ Услара, нужно полагать, что этихъ замѣтокъ было больше; но онѣ затеряны.

Принимаясь за изученіе какого нибудь языка, Усларъ обыкновенно отыскивалъ грамотнаго и толковаго туземца, знающаго порядочно русскій языкъ; при его помощи, составлялъ онъ сперва алфавитъ даннаго языка. Слова и фразы записывались туземцемъ, имъ-же разставлялось удареніе. Мало-по-малу составлялись грамматическій очеркъ и словарь. Собранные матеріалы, провѣренные знатоками даннаго языка, приводилъ Усларъ въ порядокъ въ Куровѣ, куда уѣзжалъ чаще всего въ концѣ апрѣля и оставался тамъ примѣрно до половины сонтября; иногда уѣзжалъ онъ туда изъ Шуры черезъ полтора года. Въ Куровѣ онъ литографировалъ свои труды. „Большаго труда", пишетъ г-жа Благово, „стоило достать литографа въ деревнѣ; по большей части пріѣзжали люди нетрезвые, которые только портили написанное Петромъ Карловичемъ, и ему приходилось, при слабости зрѣнія, иногда переписывать одно и то-же разъ по шести". Что касается до его помощниковъ при изученіи языковъ, то, конечно, ихъ легче было отыскать среди народовъ, болѣе многочисленныхъ, какъ, напр., среди аварцевъ, даргинцевъ, кюринцевъ; но когда Усларъ приступилъ къ изученію языка табасаранцевъ, народа не многочисленнаго, то тутъ встрѣтилъ бильшое препятствіе: пять разъ пришлось мѣнять помощниковъ. Какъ бы то ни было, но въ теченіи 11-ти лѣтъ Услару удалось изучить пять самыхъ распространенныхъ языковъ въ Дагестанѣ, на которыхъ, въ общей сложности, говоритъ около $^2/_3$ полумилліоннаго горскаго населенія. Изслѣдованные языки представляютъ безспорное лингвистическое сродство между собою. Мнѣніе, сложившееся въ старину о необыкновенномъ многоязычіи Дагестана, нужно уже,

благодаря изслѣдованіямъ Услара, отнести къ области миѳовъ; но, тѣмъ не менѣе, изслѣдованные Усларомъ языки представляютъ самостоятельные, особые языки. Съ ними состоятъ въ сродствѣ,—какъ это видно изъ бѣглыхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ Усларомъ,—и неизслѣдованные обстоятельно дагестанскіе языки. Услара не переставали интересовать и другіе кавказскіе языки. Онъ думалъ, по изученіи самыхъ распространенныхъ восточно-горскихъ языковъ, приняться за обстоятельное изученіе кабардинскаго языка и съ чувствомъ искренней признательности принялъ онъ отъ покойнаго Каменева собранные имъ матеріалы для изученія черкесскихъ нарѣчій. Не переставали занимать его и грузинскіе глаголы. Затерявъ таблицу спряженій грузинскихъ глаголовъ, доставленную ему въ 1861 г. въ Тифлисѣ г. Умиковымъ, онъ обратился къ послѣднему съ просьбою прислать другой экземпляръ ея. Услара видимо мучила та мысль, что ему не придется изслѣдовать другія группы кавказскихъ языковъ. Говоря о томъ, что не на его долю выпадетъ показать соотношеніе между тремя группами этихъ языковъ („Кавказъ" за 1868 г., № 113), онъ съ грустью восклицаетъ: „Ars longa et vita brevis est!" Какъ бы то ни было, но никто изъ ученыхъ, занимавшихся изслѣдованіемъ кавказскихъ языковъ, не сдѣлалъ такъ много для науки, какъ Усларъ, труды котораго, вдобавокъ, по обстоятельности ихъ выполненія, оставляютъ далеко за собою прежніе труды по кавказской лингвистикѣ, превосходя даже солидный трудъ Шёгрена объ осетинскомъ языкѣ.

Чрезвычайная точность въ изслѣдованіяхъ, которая многимъ могла бы показаться даже щепетильною, тѣмъ болѣе поразительна въ Усларѣ, что онъ занимался горскими языками не только съ филологическою цѣлью: изучая данный гор-

скій языкъ, онъ не упускалъ изъ виду этнологическихъ и этнографическихъ цѣлей.

Что касается до первыхъ, то изученіе кавказскихъ языковъ должно было послужить основою для классификаціи народовъ, ими говорящихъ, для указанія степени лингвистическаго сродства послѣднихъ между собою и для рѣшенія вопроса о генетическомъ ихъ происхожденіи. Въ отчетѣ о своихъ лингвистическихъ занятіяхъ (составленномъ еще въ концѣ 1866 г.) Усларъ, набросавъ вкратцѣ планъ классификаціи кавказскихъ народовъ, говоритъ:*) „Лѣтъ за 60 тому назадъ Клапротъ издалъ общее сочиненіе о кавказскихъ языкахъ. Принятая имъ система изслѣдованія заключалась въ записываніи туземныхъ словъ съ переводомъ ихъ на нѣмецкій языкъ, причемъ не обращалось вниманія ни на фонетическія, ни на грамматическія особенности языковъ. Эти слова, большею частью невѣрно записанныя и невѣрно истолкованныя, Клапротъ въ своей „Asia polyglotta“ сличалъ со словами языковъ индо-европейскихъ, финскихъ, тюркскихъ, монгольскихъ, симитскихъ и проч. и находилъ между ними соотношенія. Таковые выводы какъ бы подтверждали мнѣніе, давно уже существовавшее, но находящееся въ рѣшительномъ противорѣчіи со всѣми физическими и историческими данными, а именно: будто бы Кавказскій перешеекъ служилъ нѣкогда путемъ переселенія множества народовъ изъ Азіи въ Европу, т. е. съ юга на сѣверъ, и кавказское горское народонаселеніе составилось изъ остатковъ этихъ разноплеменныхъ народовъ, засѣвшихъ на пути въ горахъ“. Затѣмъ, замѣтивъ, что для полнаго разъясненія вопроса о происхож-

*) Записки Кавк. Отдѣла Рус. Географ. Общества, кн. VII, Смѣсь, стр. 37—38.

деніи кавказскихъ народовъ, требуется много изслѣдованій по разнымъ отраслямъ наукъ, Усларъ, на основаніи данныхъ, добытыхъ лингвистическими изслѣдованіями, высказываетъ слѣдующее предположеніе: „Покуда весьма естественна догадка, что кавказскіе горцы представляютъ собою ничтожные остатки множества народовъ, населявшихъ въ до-историческія времена огромныя полосы земли въ Азіи и въ Европѣ и принадлежавшихъ" (сюда, конечно, не входятъ осетины) „къ одной расѣ, которая вездѣ исчезла, за исключеніемъ Кавказа. Мы говоримъ *вездѣ*, потому что новѣйшія попытки пріискать для кавказскихъ горцевъ сродниковъ въ Тибетѣ и у Гималая представляютъ еще мало убѣдительнаго. *Кавказъ былъ не путемъ переселенія народовъ, а убѣжищемъ народовъ*, гонимыхъ и истребляемыхъ на равнинѣ. Въ нынѣшнемъ видѣ Кавказъ заселился, вѣроятно, уже за нѣсколько тысячъ лѣтъ, и только въ наше время горское народонаселеніе частью сдвинуто съ мѣстъ. Классики передали намъ множество этническихъ горскихъ названій, которыя до сихъ поръ большею частью оставались непонятными, потому что намъ неизвѣстно было, какъ горцы сами себя называютъ. Теперь изученіе языковъ доставило возможность отыскать большую часть народовъ, поименованныхъ Страбономъ, Пдиніемъ и другими". Замѣтимъ отъ себя, что изученіе восточно-горскихъ языковъ Усларомъ представило неопровержимыя данныя, подтверждающія то положеніе, что предки жителей Дагестана пришли въ этотъ край съ сѣвера. Вскорѣ Усларъ подвелъ кавказскихъ горцевъ и народовъ иверскаго поколѣнія подъ 3 отдѣльныя группы: западно-кавказскую, восточно-кавказскую и грузинскую (иверскую). *) Однимъ словомъ, Усларъ

*) „Кавказъ" за 1868 г., № 113.

положилъ основы кавказской классификаціи. Его классификація кавказскихъ народовъ гораздо ближе подходитъ къ дѣйствительности, нежели классификація извѣстнаго лингвиста Фридриха Миллера, не смотря на то, что послѣдняя появилась гораздо позже.

Покойный Усларъ въ послѣдніе годы своей жизни задался цѣлью изобразить характеристическія особенности кавказскихъ языковъ. Подобный трудъ, представляющій основы его классификаціи кавказскихъ народовъ по языкамъ, занялъ бы, по всей вѣроятности, почетное мѣсто въ этнологіи; къ сожалѣнію, смерть помѣшала ему привести въ исполненіе начатое дѣло: въ посмертномъ его трудѣ, озаглавленномъ „Характеристическія особенности кавказскихъ языковъ“ и помѣщенномъ въ IX выпускѣ „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“, изложены только основы классификаціи языковъ вообще.

Въ трудахъ Услара о дагестанскихъ языкахъ, въ отдѣлѣ „Образчики языка“, помѣщено изрядное количество пословицъ, поговорокъ, сказокъ и другихъ словесныхъ произведеній горцевъ. Въ 1-мъ вып. „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ Усларъ помѣстилъ замѣчательную статью, озаглавленную „Кое-что о словесныхъ произведеніяхъ горцевъ“. Въ началѣ ея сказано слѣдующее: „Физическая природа Кавказа въ глазахъ древнихъ народовъ пріобрѣла фантастическую законченность. Давно уже законченность эта отвергнута, но только въ послѣднее тридцатилѣтіе замѣнилась она положительнымъ знаніемъ“. Затѣмъ, указавъ вкратцѣ на успѣхи, сдѣланные наукою по изученію Кавказа въ физическомъ отношеніи, Усларъ замѣчаетъ, что дѣло иначе сложилось въ отношеніи этнографіи этого края, что до послѣднихъ временъ о горцахъ существовали превратныя поня-

тія. Потомъ онъ говоритъ, что одно изъ лучшихъ средствъ для составленія болѣе вѣрнаго понятія о горцахъ—это изученіе ихъ словесныхъ произведеній, которыя характеризуютъ горцевъ и представляютъ богатый матеріалъ для ознакомленія съ ихъ міровоззрѣніемъ. Затѣмъ приведены употребляемыя у разныхъ горскихъ народовъ привѣтствія, проклятія, ласкательныя выраженія, сравненія, уподобленія, а также ихъ поговорки, пословицы, притчи, басни, сказки, анекдоты, народныя сказанія, пѣсни. Все это приведено не pêle-mêle,—какъ обыкновенно встрѣчается въ большей части подобныхъ трудовъ,—но является въ стройномъ видѣ и живо характеризуетъ горцевъ. Усларъ первый указалъ на важное значеніе сказаній о нартахъ. Еще въ 1865 г. онъ писалъ, по поводу записанной Кази-Атажукинымъ пѣсни о Сосыруко, слѣдующее: „Пѣсня о Сосыруко на кабардинскомъ языкѣ, записанная г. Атажукинымъ, представляетъ отрывокъ изъ великой поэмы о нартахъ, которая распространена по всему протяженію Кавказскаго хребта: въ Дагестанѣ она извѣстна такъ-же, какъ и на берегу Чернаго моря. Много времени пройдетъ прежде, чѣмъ эта поэма,—теперь еще въ отрывочномъ, хаотическомъ состояніи,—предстанетъ въ стройномъ видѣ передъ свѣтомъ: для этого потребуется участіе множества разноязычныхъ дѣятелей на Кавказѣ. До сихъ поръ извѣстенъ только напечатанный въ Запискахъ Академіи Наукъ осетинскій разсказъ „О маленькомъ Батюрадѣ“, записанный г. Цораевымъ и возбудившій живѣйшее участіе. Г. Атажукину принадлежитъ честь втораго приношенія“. По иниціативѣ Услара, „Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ наполнился народными сказаніями. Покойный Усларъ совѣтовалъ редакціи „Сборника“ записывать, рядомъ съ переводомъ на русскій языкъ тузем-

ныхъ текстовъ, и самые тексты. Редакція „Сборника" нашла невозможнымъ для себя, по отдаленности пребыванія лицъ, присылавшихъ для печатанія народныя сказанія, взяться за редактированіе текстовъ на туземныхъ языкахъ. Акад. Шифнеръ издалъ только „Аварскіе тексты", съ переводомъ ихъ на нѣмецкій языкъ.

Изученіе горскихъ языковъ должно было повести къ установленію географической номенклатуры Кавказа. Записанныя прежде со слуха названія мѣстностей являлись въ крайне-искаженномъ видѣ на картахъ. Притомъ, съ горцами всего чаще русскіе объяснялись на которомъ нибудь изъ тюркскихъ нарѣчій черезъ переводчика, что еще болѣе запутало дѣло. „При незнаніи татарами туземныхъ языковъ", говоритъ Усларъ, „попадаются на картахъ названія въ родѣ: гора Мегеръ (т. е. гора гора) или рѣка Хлинъ (т. е. рѣка рѣка) и т. п." „Безъ изслѣдованія туземныхъ языковъ", продолжаетъ Усларъ, „также нельзя водворить точности въ географической номенклатурѣ, какъ безъ тріангуляціи нельзя водворить точности на географической картѣ. Съ изученіемъ горскихъ языковъ открывается возможность основать номенклатуру на прочныхъ началахъ". Затѣмъ Усларъ даетъ совѣтъ, какъ нужно установить географическую номенклатуру, а въ заключеніе говоритъ: „Теперь названія ауловъ для всѣхъ тѣхъ частей Дагестана, которыхъ языки изслѣдованы, уже исправлены и нанесены на карту. Условными цвѣтами обозначено, какимъ языкомъ говорятъ жители: такъ составляется лингвистическая карта". *) Неизвѣстно о какой картѣ идетъ рѣчь,—въ бумагахъ покойнаго Услара не оказалось подобной карты. Да и не могла она быть закончена, уже

*) Записки Кавк. Отдѣла Рус. Геогр. Общества, кн. VII (Смѣсь, стр. 38—40).

по той причинѣ, что Усларомъ изучены не всѣ дагестанскіе языки.

Какъ-бы то ни было, но исправленная географическая номенклатура пригодилась при новомъ изданіи извлеченія изъ исторіи Дагестана, составленной Мухаммедомъ-Рафи. О томъ, что происходило въ Нагорномъ Дагестанѣ до самаго начала XVIII вѣка, мы знаемъ крайне мало, въ видѣ урывковъ. Въ 1851 г. знаменитый оріенталистъ Казембекъ въ приложеніяхъ къ „Дербентъ-Наме“, изданному имъ на англійскомъ языкѣ, помѣстилъ означенное извлеченіе, которое нашелъ ученый его дербентскій другъ посреди старинной арабской рукописи. Найденная записка указывала на существованіе подробной исторіи Дагестана, объемлющей періодъ времени отъ перваго появленія арабскихъ завоевателей до конца VIII в. гиджры (XIV вѣка нашего лѣтосчисленія). Казембекъ старался отыскать полную исторію, но его старанія не увѣнчались успѣхомъ. Полная исторія не отыскалась и впослѣдствіи. Усларъ успѣлъ добыть только нѣсколько варіантовъ означеннаго извлеченія и, при помощи своихъ дагестанскихъ знакомыхъ, провѣрилъ и пояснилъ неполный и во многихъ мѣстахъ непонятный текстъ, изданный Казембекомъ, причемъ возстановилъ и правильную транскрипцію многихъ мѣстностей, отпечатанныхъ Казембекомъ въ искаженномъ видѣ. Означенное извлеченіе съ комментаріями помѣщено Усларомъ въ V выпускѣ „Сборника свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ“.

Итакъ Усларъ, не смотря на свои усиленныя занятія по изслѣдованію горскихъ языковъ, находилъ время и для историческихъ занятій, которыхъ онъ не покидалъ. Въ Дагестанѣ онъ на досугѣ продолжалъ обработывать древнюю исторію Кавказа.

Занимаясь исторіею Кавказа, Усларъ не могъ не обра-

тить вниманія на важнѣйшее событіе, опредѣлившее дальнѣйшую судьбу этого края, а именно на водвореніе въ немъ христіанства и ислама. Еще въ 1869 г. помѣстилъ онъ во II выпускѣ „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ замѣчательную статью, озаглавленную „Начало христіанства въ Закавказьѣ“. Какъ извѣстно, съ Зоровавелемъ и Эздрой возвратилась въ Палестину небольшая часть еврейскаго народа, прочіе евреи остались далеко на Востокѣ, въ невѣдомыхъ странахъ. Начиная съ XII в. почти до половины XIX в. многіе ученые отыскивали по Азіи заблудшія израильскія колѣна. Много писано было объ этомъ предметѣ, причемъ представлена была масса самыхъ невѣроятныхъ выводовъ. Указавъ на разновременныя выселенія евреевъ изъ Палестины, предшествовавшія разселенію евреевъ по лицу всей земли, называемыя обыкновенно плѣненіями, Усларъ путемъ историческаго анализа приходитъ къ тому заключенію, что „значительное число еврейскихъ плѣнниковъ было поселено въ Закавказьи, начиная отъ юго-западнаго берега Каспійскаго моря до юго-восточнаго берега Чернаго моря“. Выселившіеся въ Закавказье евреи не прекращали сношеній съ Палестиной, такъ какъ Іерусалимъ и въ особенности храмъ Соломоновъ не могли утратить для нихъ своей святости. Эти связи сдѣлались еще сильнѣе въ эпоху Сирійскихъ Селевкидовъ, когда въ западной Азіи возникла кипучая политическая дѣятельность, приведшая къ болѣе тѣсному сближенію съ западно-азіятскими народами и обитателей Кавказа. При тогдашнемъ политическомъ броженіи въ западной Азіи, не могли и кавказскіе евреи забыть о своихъ палестинскихъ соплеменникахъ,—все происходившее въ Іерусалимѣ находило отголосокъ и сочувствіе въ Вахаршапатѣ, Арташатѣ, Нахчеванѣ и Мцхетѣ. Появленіе Мессіи наполнило радостью евреевъ, жившихъ на чужбинѣ и не отуманенныхъ мудрствованіями

садукеевъ и фарисеевъ. Поэтому весьма вѣроятно, что посредствомъ еврейскаго народонаселенія христіанство рано уже появилось въ Арменіи и Грузіи. Оно проникло потомъ въ плоскостную часть Албаніи (Агованіи). Въ Дагестанѣ, отдѣленномъ отъ Закавказья весьма трудно-проходимыми естественными рубежами, не могло утвердиться христіанство. Туда проникъ исламъ, распространенный арабами, занявшими еще въ VII в. равнину, прилежащую къ западному берегу Каспійскаго моря. Къ западнымъ же кавказскимъ горцамъ проникло, благодаря главнымъ образомъ пропагандѣ греческаго духовенства, христіанство. Но такъ какъ не только книги священнаго писанія, но, сколько извѣстно, ни одна даже молитва не была переведена ни на одно изъ горскихъ нарѣчій, то и тамъ христіанство не могло привиться, и мнимые христіане остались въ сущности язычниками. Болѣе успѣха имѣлъ у западно-кавказскихъ горцевъ, въ особенности во время борьбы ихъ съ русскими за независимость, занесенный турками исламизмъ; но и послѣдній не пустилъ у нихъ глубокихъ корней.

Усларъ, живя въ Шурѣ, занимался историческими изслѣдованіями только на досугѣ; главное занятіе его составляло изученіе горскихъ языковъ. Мы уже говорили о значеніи лингвистическихъ изслѣдованій Услара для науки. Поговоримъ теперь о практическомъ ихъ значеніи.

Труды Услара по изслѣдованію восточно-горскихъ языковъ имѣли значеніе и въ дѣлѣ образованія горцевъ. Вмѣстѣ съ изученіемъ ихъ, составлялись алфавиты, послѣ чего можно было приняться за составленіе букварей, книгъ для чтенія, а также и руководствъ. Въ виду этого, еще въ 1862 г. заказана была, по рисункамъ Услара, въ гравировальномъ заведеніи словолитни Ревильона и у тифлисскихъ граверовъ

вырѣзка матрицъ для разныхъ шрифтовъ. Шрифты отливались въ Тифлисской военной типографіи.

Буквари составлялись или Усларомъ, или-же подъ его руководствомъ *).

Чтобы доставить выучившимся грамотѣ горцамъ упражненіе въ чтеніи, Усларъ совѣтовалъ составлять на первыхъ порахъ сборники туземныхъ сказокъ, пословицъ, пѣсенъ и т. п. Кази Атажукинъ записалъ для народнаго чтенія „Отрывки изъ поэмы Сосыруко" и переводилъ съ русскаго языка на кабардинскій сказки, басни; Айдемиръ Чиркеевскій собралъ аварскія сказки. Переводились съ русскаго статьи, доступныя пониманію; такъ, напр., на кабардинскій и казикумухскій языки переведена была статья „Вода, воздухъ и ихъ видоизмѣненія". Явилась и „Ариѳметика на казикумухскомъ языкѣ", составленная Абдуллою Омаровымъ (при помощи котораго Усларъ изучалъ казикумухскій языкъ). Кабардинецъ Магометъ Шардановъ перевелъ съ арабскаго язы-

*) Одобряя звуковую систему при обученіи чтенію, изгнаніе изъ букварей безсмысленныхъ складовъ и замѣненіе ихъ понятными словами, Усларъ совѣтовалъ начинать обученіе чтенію не съ двусложныхъ словъ, но съ односложныхъ (послѣдними изобилуютъ всѣ кавказско-горскіе языки). Азбука, по его совѣту, должна быть напечатана въ началѣ, на первой страницѣ букваря, крупнымъ шрифтомъ и въ опредѣленномъ порядкѣ. Это есть единственное средство для того, чтобы порядокъ буквъ запечатлѣлся въ памяти учащагося на всю жизнь, что необходимо при употребленіи словарей и во множествѣ другихъ случаевъ. Далѣе Усларъ совѣтовалъ помѣщать въ букваряхъ фразы, вполнѣ понятныя для учениковъ. Наконецъ, буквари, по его мнѣнію, должны соотвѣтствовать прямому своему назначенію: по нимъ учащіеся должны выучиться читать. „Буквари", писалъ онъ, „крайне вредятъ своему прямому назначенію, набирая внутрь себя то, что до нихъ вовсе не относится; буквари учатъ дѣтей нравственности, ариѳметикѣ, географіи, исторіи и пр., и пр. Результатъ всего этого только тотъ, что дѣти пріучаются не понимать читаемаго. При томъ, есть-ли возможность понять что-либо, напр., изъ ариѳметики, помѣщенной у г. Золотова на стр. 21, 22 и 23? Нравственность, географія и пр. такъ-же неумѣстны въ букварѣ, какъ неумѣстными были бы онѣ въ ариѳметикѣ".

ка на кабардинскій „Правила мусульманской вѣры“. Больше всего кипѣла дѣятельность въ Дагестанѣ, гдѣ жилъ Усларъ. Чтобы не было остановки въ печатаніи книгъ на туземныхъ языкахъ, высланы были шрифты изъ типографіи окружнаго штаба въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Покойный Усларъ съумѣлъ отыскать между горцами передовыхъ людей, сочувствовавшихъ образованію своихъ единоземцевъ. Талантливѣйшій изъ нихъ, Айдемиръ Чиркеевскій, въ посвященіи своего сборника аварскихъ сказаній и пѣсенъ (предназначеннаго для первоначальнаго народнаго чтенія) Его Императорскому Высочеству Намѣстнику Кавказскому писалъ слѣдующее: „Съ мыслью о Твоемъ высокомъ Имени написалъ я сію первую книгу на аварскомъ языкѣ. Прежде на Бога и на возлюбленнаго Пророка, послѣ на Тебя вся наша надежда. Въ настоящее время мы, аварцы, подобны путникамъ, которые, сбившись ночью съ дороги, блуждаютъ въ темнотѣ. Помоги намъ, Государь Великій, выведи насъ на свѣтъ, поставь на дорогу разума,—и позднѣйшіе наши потомки будутъ съ любовью произносить Твое Имя“. Сочувствіе къ новому образованію высказалъ и Алхазъ Донугоевъ въ брошюркѣ „Совѣтъ моимъ единовѣрцамъ“, изданной въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

Нужно было позаботиться о распространеніи грамотности между горцами. Въ этомъ дѣлѣ принималъ горячее участіе бывшій начальникъ Кавказскаго Горскаго Управленія Д. С. Старосельскій. Начальникомъ Дагестанской области (нынѣ Помощникомъ Главнокомандующаго Кавказскою Арміею) княземъ Л. И. Меликовымъ приняты были практическія мѣры для болѣе вѣрнаго успѣха затѣяннаго дѣла. Обращено было, между прочимъ, вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Въ Дагестанъ, съ отдаленныхъ уже временъ, вмѣстѣ съ распростра-

неніемъ ислама, проникъ и арабскій языкъ. Съ этихъ поръ вся административная переписка производится тамъ на этомъ языкѣ, непонятномъ массѣ народа. Сдѣлана была попытка замѣнить въ Среднемъ и Западномъ Дагестанѣ оффиціальную переписку, производившуюся на арабскомъ языкѣ, перепискою на аварскомъ языкѣ, общеупотребительномъ въ этихъ частяхъ Дагестана. Въ концѣ концовъ, рѣшено было открыть въ 1865 г. временную школу въ Хунзахѣ, какъ центральномъ пунктѣ между обществами аварскаго племени; положено было вызвать учащихся партіями; курсъ ученія для каждой партіи долженъ былъ продолжаться 3 мѣсяца (потомъ этотъ срокъ былъ продолженъ); учителемъ назначенъ былъ Айдемиръ Чиркеевскій. Хозяйственныя соображенія были причиною того, что школа, вскорѣ послѣ ея открытія, была перенесена въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Туда-то вызывались поочереди горцы изъ Средняго и Западнаго Дагестана для обученія ихъ новой грамотѣ. Такъ какъ предполагалось, что, съ распространеніемъ туземной грамотности, оффиціальная переписка, веденная прежде на арабскомъ языкѣ, должна будетъ уступить мѣсто перепискѣ на народномъ языкѣ, то въ Темиръ-Ханъ-Шуринскую школу вызывались по-преимуществу письмоводители наибовъ и окружныхъ судовъ. Кромѣ ихъ, вызывались также люди способные и изъявившіе желаніе обучаться грамотѣ, не занимавшіе никакихъ служебныхъ постовъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ открытія означенной школы, въ Шурѣ, въ присутствіи начальника Дагестанской области и Услара, производилось испытаніе обучавшихся новой письменности; ведена была въ теченіи нѣсколькихъ часовъ примѣрная переписка; она шла быстро и безостановочно. Результаты превзошли всякія ожиданія. Въ 1866 г. была открыта подобная школа въ Кумухѣ (учителемъ ея былъ назначенъ Абдулла

Омаровъ) и въ Нальчикѣ (Кабардинская). Для бо́льшаго распространенія грамотности, назначено было каждому по 5-ти рублей за каждаго обученнаго имъ грамотѣ мальчика или взрослаго. Замѣтимъ еще, что нальчикская школа должна была, по первоначальному плану, приготовлять учителей сельскихъ школъ. Какъ бы то ни было, но новая грамотность распространялась. „Въ настоящее время (въ 1867 г.)“, говорится въ офиціальномъ отчетѣ, „грамотныхъ аварцевъ можно насчитать болѣе 100, въ томъ числѣ есть чины конно-иррегулярнаго Дагестанскаго полка и Дагестанской постоянной милиціи, есть люди, не занимающіе никакихъ служебныхъ постовъ, есть и муллы пожилыхъ лѣтъ, есть молодые люди и несовершеннолѣтніе“ *). Въ Кумухѣ, въ числѣ учащихся была одна женщина. Отнеслись сочувственно къ своей школѣ и кабардинцы.

Начало было сдѣлано. Затѣмъ приступлено было къ открытію начальныхъ школъ, въ которыхъ обучались бы молодые горцы не только своему, но и русскому языку, а также счисленію и, конечно, правиламъ мусульманской вѣры. Изъ дѣлъ Горскаго Управленія видно, что таковыя школы были открыты въ концѣ 1867 и въ началѣ 1868 гг. на Гунибѣ, въ Кумухѣ и Хунзахѣ; но такъ какъ въ этихъ школахъ вмѣстѣ съ туземцами не могли обучаться и русскіе, по недостатку на это денежныхъ средствъ, вслѣдствіе чего практическое обученіе горцевъ русскому языку не могло идти успѣшно, и такъ какъ преподаваніе русскаго языка возлагалось, также въ видахъ сокращенія расходовъ, на служащихъ въ окружныхъ управленіяхъ, которые, при посто-

*) См. „Библіографическую замѣтку“ (стр. 70—71) въ 1-мъ вып. „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“

янныхъ служебныхъ занятіяхъ, не могли посвящать обученію достаточнаго времени и притомъ не были подготовлены къ этому дѣлу, то вышеупомянутыя школы и были закрыты въ половинѣ 1868 года. Осталась только школа въ Ахтахъ. Расходы на эту школу назначены были изъ общественной суммы Округа. Преподаваніе въ ней шло хорошо въ то время, когда Южнымъ Дагестаномъ управлялъ А. В. Комаровъ. Изъ всего изложеннаго видно, что главнымъ образомъ недостатокъ денежныхъ средствъ не позволилъ военному вѣдомству продолжать дѣло, столь хорошо начатое. Наконецъ, дѣло обученія горцевъ подчинено было учебному вѣдомству. Тогдашній попечитель Кавказскаго учебнаго округа преобразовалъ Темиръ-Ханъ-Шуринскую горскую школу въ прогимназію съ двумя классическими языками. Трудно было горцамъ воспользоваться этимъ благодѣяніемъ. Итакъ, идеи Услара не осуществились.

Винить-ли въ этомъ его? Онъ сдѣлалъ все, что могъ: онъ добросовѣстно изучилъ самые распространенные горскіе языки, чѣмъ предоставилъ полную возможность вести первоначальное преподаваніе на этихъ языкахъ; составленные имъ алфавиты облегчили переходъ къ изученію русской грамоты; онъ набросалъ въ своей замѣткѣ (не напечатанной) „Предположеніе объ устройствѣ горскихъ школъ“ практическій планъ устройства такихъ школъ, которыя, сближая горское населеніе съ русскими, положили бы прочное основаніе образованію горцевъ,—чѣмъ же, спрашивается, онъ виноватъ, что всѣ благія его начинанія не дали ожидаемыхъ результатовъ?

Посмотримъ теперь, что сдѣлала въ описываемое время Коммисія по распространенію грамотности между горцами западной части Закавказья? Мы только что видѣли, что во-

енное вѣдомство, при введеніи грамотности и первоначальнаго образованія среди горцевъ-мусульманъ, стѣснено было въ своей дѣятельности недостаткомъ денежныхъ средствъ. Этого нельзя сказать объ Обществѣ возстановленія христіанства на Кавказѣ: огромныя денежныя суммы, стекавшіяся со всѣхъ концовъ Имперіи, предоставляли Коммисіи полную возможность развить свою дѣятельность. Общество не жалѣло суммъ на печатаніе букварей, книгъ для чтенія, на переводы богослужебныхъ книгъ на туземные языки и основаніе школъ,—во всѣхъ этихъ случаяхъ, конечно, не пришлось прибѣгать къ общественнымъ суммамъ, что вынуждено было дѣлать военное вѣдомство. Коммисіи оставалось проникнуться высокимъ значеніемъ своей задачи и приняться за дѣло. Но Услары рѣдки! Скажемъ коротко, Коммисія смотрѣла на свои занятія, какъ на забаву. Приступимъ къ изложенію фактовъ.

Коммисія принялась сперва за составленіе абхазскаго букваря. Отличнымъ пособіемъ для этого служилъ уже отлитографированный прекрасный трудъ Услара объ абхазскомъ языкѣ. Лица, составлявшія абхазскій букварь, должны были прежде всего ознакомиться съ звуками, свойственными абхазскому языку, съ ихъ произношеніемъ. Но Коммисія не задала себѣ этого труда: она просто-на-просто списала, и притомъ плохо, алфавитъ Услара *). Какъ-бы то ни было, но съ помощью вызванныхъ въ Тифлисъ абхазцевъ, знающихъ русскій языкъ, былъ составленъ абхазскій букварь. Въ немъ Бартоломей осуществилъ свою завѣтную идею: въ сборничкѣ

*) Объ одномъ, напр., абхазскомъ звукѣ въ трудѣ Услара сказано, что это промежуточный звукъ между *e* въ *le* и французскимъ *u*. Въ абхазскомъ букварѣ, составленномъ Коммисіею, подъ руководствомъ Бартоломея, объ означен-

словъ послѣднія распредѣлены были въ идеологическомъ порядкѣ. Букварь отпечатанъ былъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, но онъ дотого былъ переполненъ массою грубыхъ ошибокъ, что наврядъ-ли могъ быть употребляемъ въ народныхъ школахъ. Составленъ былъ Коммисіею и сванетскій букварь; но сами члены Коммисіи сознались въ непригодности его. Коммисіи пришлось плестись за Усларомъ. По отлитографированіи Усларомъ труда его о чеченскомъ языкѣ, Коммисія принялась за изученіе чеченскаго букваря. Подобное занятіе Коммисіи могло показаться страннымъ въ виду того обстоятельства, что чеченцы, какъ мусульмане, не входили въ раіонъ дѣятельности Общества православія. Но это недоумѣніе разрѣшаетъ отчетъ Коммисіи для введенія между горскими племенами грамотности. Въ этомъ отчетѣ сказано слѣдующее: „Тушинское цовское общество, съ давнихъ поръ исповѣдывающее христіанство, по происхожденію принадлежа также къ чеченскому племени, *говоритъ языкомъ чеченскимъ* (?!?). Это обстоятельство послужило поводомъ и основаніемъ составленія чеченскаго букваря“ *). Итакъ, чеченскій букварь, составленный Коммисіею, предназначался для цовскаго общества, языкъ котораго хотя и сроденъ съ чеченскимъ, но, тѣмъ не менѣе, самостоятеленъ (въ чемъ Бартоломей могъ

номъ звукѣ сказано, что „это есть звукъ промежуточный между *е* и *ľе* и французскимъ *и*“. Что это за такой странный звукъ, который является промежуточнымъ между *е* и *ľе*, да еще и французскимъ *и*? Дѣло очень просто объясняется: въ литографированномъ трудѣ Услара сказано: *е* въ *ľе;* но въ *въ* не вышелъ *ъ*, а самое *в* вышло такъ, что лице, снимавшее копію съ труда Услара, приняло это *в* за *и*. И Бартоломей, списывавшій механически алфавитъ Услара, имѣлъ еще смѣлость утверждать въ мѣстномъ географическомъ обществѣ, что абхазскій алфавитъ имъ составленъ! (См. Записки Кавк. Отдѣла Рус. Географическаго Общества, кн. VI, стр. 11).

*) Отчетъ Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ за 1867 г., стр. 66.

бы убѣдиться, еслибы онъ прочелъ со вниманіемъ предисловіе къ труду Услара о чеченскомъ языкѣ). Составлять для цовцевъ чеченскій букварь—это все равно, какъ еслибы для безграмотныхъ французовъ вздумали составить испанскій букварь. Въ Россіи очень часто жалуются на то, что предписанія, постановленія остаются только на бумагѣ; но въ данномъ случаѣ нужно радоваться тому, что буквари, изданные коммисіею, остались только въ складѣ изданій Общества.

Общество задалось цѣлью перевода священно-церковныхъ книгъ на горскіе языки. Переводы шли удачно на осетинскомъ языкѣ, знатоковъ котораго насчитывалось не мало, благодаря тому обстоятельству, что въ прежніе годы осетинскій языкъ преподавался въ тифлисской православной семинаріи. Въ отчетѣ Общества за 1868 г. сказано: „Въ настоящее время, почти всѣ необходимыя при совершеніи богослуженія книги переведены на осетинскій языкъ, и Общество просило преосвященнаго экзарха Грузіи отнынѣ вмѣнить осетинскому духовенству въ непремѣнную обязанность, чтобы оно богослуженіе и церковныя требы совершало на одномъ только осетинскомъ языкѣ" *). Но вслѣдъ затѣмъ находимъ слѣдующее: „переводы книгъ на другіе горскіе языки, при всей важности и дѣйствительной ихъ пользѣ, не могли быть совершены, *потому что* языки эти оказываются младенческими и неразвитыми". Такъ-ли это? Послушайте, что о нихъ говоритъ Усларъ, вполнѣ компетентный судья въ этомъ дѣлѣ. „Переводы русскихъ брошюръ", говоритъ онъ, „на туземные языки могутъ быть выполнены съ полнымъ успѣхомъ, какъ то уже доказано на самомъ опытѣ.

*) Отчетъ Общества возстановленія христіанства за 1868 г. стр. 46.

Мнѣніе о крайней бѣдности этихъ языковъ совершенно ошибочно и проповѣдуется людьми, которые не имѣютъ о нихъ никакого понятія. Эти языки, напротивъ, неимовѣрно богаты грамматическими формами, которыя доставляютъ возможность выразить самые тонкіе оттѣнки мысли" *). Итакъ, не горскіе языки нужно винить въ томъ, что на нихъ не были переведены книги, а лицъ, заправлявшихъ этимъ дѣломъ и не пожелавшихъ ознакомиться съ означенными языками. Но сознаться въ этомъ прямо, откровенно было не ловко,—вотъ и свалили всю вину на горскіе языки.

Общество возстановленія христіанства не жалѣло денегъ на основаніе школъ. Въ послѣднихъ обученіе на первыхъ порахъ шло на мѣстныхъ языкахъ. Учреждена была и Александровская учительская семинарія, имѣвшая цѣлью подготовить учителей для инородческихъ школъ. Она стоила не мало. Общество передало какъ эту семинарію, такъ и вообще веденіе учебной части мѣстному учебному вѣдомству. Учительская семинарія заботилась объ ознакомленіи будущихъ учителей съ педагогическими пріемами; но ея система первоначальнаго обученія инородцевъ покоилась на нераціональномъ принципѣ.

Однимъ словомъ, въ концѣ 60-хъ годовъ замѣчается поворотъ къ старинному, рутинному способу первоначальнаго обученія инородцевъ, какъ въ западной, такъ и въ восточной части Закавказья. Защитники рутинной системы первоначальнаго обученія инородцевъ смѣло принялись за свое дѣло. Нѣкоторые изъ нихъ слишкомъ усердствовали и призывали на помощь даже полицію. Нашлись и такія личности, которыя считали опаснымъ дѣломъ даже буквари, составлен-

*) См. статью „О распространеніи грамотности между горцами", стр. 28—29.

ные на русскомъ основаніи. Г. Остряковъ, побывавшій въ 1878 г. въ Нальчикѣ, въ прекрасной своей статьѣ, помѣщенной въ августовской книгѣ Вѣстника Европы за 1879 г., говоритъ слѣдующее *): „Кабардинскій языкъ не имѣетъ письменности, хотя и были попытки ввести ее, и попытки очень удачныя. Была составлена азбука, переведены многія главы изъ корана, отрывки изъ русской исторіи, басни Крылова и т. п., и даже многіе старики такъ ревностно принялись за грамоту, что въ нѣсколько мѣсяцевъ научились читать и писать и открыли маленькія школы въ аулахъ, но въ силу какихъ-то политическихъ соображеній изученіе кабардинской грамоты (въ основу которой легъ русскій алфавитъ) было запрещено, а азбуки и книги отобраны отъ ихъ владѣльцевъ".

Во время борьбы съ кабардинскими букварями, въ III выпускѣ „Сборника свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ" Усларъ помѣстилъ статью „О распространеніи грамотности между кавказскими горцами", а вслѣдъ затѣмъ написалъ записку „Предположеніе объ устройствѣ горскихъ школъ". Въ этихъ статьяхъ Усларъ является не только замѣчательнымъ педагогомъ, но и проницательнымъ политикомъ. Считаемъ нужнымъ остановиться на нихъ, въ виду большого ихъ значенія въ дѣлѣ образованія инородцевъ.

Указавъ на нерасположеніе къ русскимъ горцевъ Дагестана, Усларъ совѣтуетъ подумать серьезно о сближеніи съ ними, а не разсчитывать въ этомъ случаѣ на время. „Слишкомъ за триста лѣтъ тому назадъ совершилось", говоритъ Усларъ, „окончательное покореніе Казанскаго царства. Приволжскіе татары находятся въ географическомъ положеніи, несравненно болѣе благопріятномъ для сближенія съ нами,

*) См. „Народная литература кабардинцевъ и ея образцы", стр. 700.

чѣмъ дагестанскіе горцы. И городское и даже сельское народонаселеніе живетъ перемѣшанно съ русскимъ. Большая часть русскаго дворянства въ Казанской и Симбирской губерніяхъ татарскаго происхожденія, какъ, напр., Державины, Карамзины, Ермоловы... Эти люди совершенно обрусѣли и оторвались отъ своихъ единоплеменниковъ. Но дѣло дальнѣйшаго обрусѣнія массы народной не только не пошло впередъ, но теперь раскрываются совершенно противоположныя явленія.... Въ Восточную войну татары, даже Казанской губерніи, выказывали много холодности къ дѣлу Россіи.... Отчужденіе татаръ отъ Россіи не подлежитъ никакому сомнѣнію..." „Чтобы держать горцевъ Дагестана въ повиновеніи, мы прибѣгаемъ къ страху, къ деньгамъ и почестямъ". Указавъ на недѣйствительность этихъ мѣръ, Усларъ утверждаетъ, что единственное въ этомъ дѣлѣ средство—это „акклиматизація науки на горной почвѣ".

Но здѣсь представляется серьезное препятствіе со стороны привившейся среди горцевъ враждебной русскимъ цивилизаціи. Препятствія этого не составляетъ коранъ. „У насъ", говоритъ Усларъ, „распространено мнѣніе, будто бы всеобщую отупѣлость, неспособность къ прогрессу, замѣчаемыя въ мусульманскомъ мірѣ, слѣдуетъ прямо приписать самой сущности магометанскаго ученія, проповѣдывающаго фанатизмъ, фатализмъ, обскурантизмъ. Съ этимъ трудно согласиться. Конечно, въ коранѣ встрѣчаются подобныя поученія; но всѣ они представляютъ только ослабленный отголосокъ того, что мы находимъ въ библіи. А между тѣмъ библія сдѣлалась настольною книгою многихъ милліоновъ людей, составляющихъ самыя образованныя націи въ мірѣ. Корень зла не въ коранѣ"... „Не мы, христіане, служимъ мусульманамъ образцами миролюбія. За много вѣковъ тому на-

задъ, въ то время, когда въ христіанской Европѣ жгли еретиковъ, евреевъ и язычниковъ, калифы устроили въ самомъ дворцѣ своемъ странопріимное помѣщеніе, открытое для всѣхъ пришельцевъ, *безъ различія вѣроисповѣданій;* калифы съ торжествомъ, почетомъ и сочувствіемъ принимали у себя ученаго еврея, главу Багдадской еврейской общины, „князя изгнанія". Къ этимъ примѣрамъ вѣротерпимости присоединимъ примѣръ, хотя и въ другомъ родѣ, но намъ современный... Мусульманское духовенство рядомъ съ католическимъ освящаетъ молитвами своими открытіе Суэзскаго канала! И это происходитъ вблизи гроба пророка! Вотъ на что сводится мусульманскій фанатизмъ, непримиримая война съ невѣрными... Горе не въ коранѣ, горе въ невѣжествѣ!"

„Если объ образованіи народномъ", продолжаетъ Усларъ, „судить по соразмѣрности школъ съ массою народонаселенія, то дагестанскіе горцы въ этомъ отношеніи опередили даже многія просвѣщенныя европейскія націи. Ученіе доступно каждому горскому мальчику. Въ каждомъ аулѣ найдется одинъ, два человѣка, которые учатъ дѣтей читать и писать изъ-за куска хлѣба; при каждой мечети находятся школы, гдѣ желающіе учиться могутъ продолжать свое ученіе..." Но каковы эти школы? „Чтобы сказали о томъ", спрашиваетъ Усларъ, „если бы у насъ семилѣтняго безграмотнаго мальчика засадили прямо за еврейскую азбуку и еврейскую письменность, съ цѣлью пониманія Библіи. Предположите для нашего европейскаго христіанскаго юношества подобную школу. Въ какомъ бы видѣ оно вышло изъ нея? Отвѣтъ не можетъ быть разнорѣчивъ. Но это нелѣпое предположеніе вполнѣ осуществляется въ школахъ мусульманскихъ. Въ этихъ школахъ обученіе начинается прямо съ арабскаго языка. Мы не станемъ распространяться здѣсь ни о бѣдности арабскаго алфавита ни о нелѣпой ме-

тодѣ обученія чтенію, далеко оставляющей за собою обученіе въ старину азовъ, буковъ и т. д.; скажемъ только, что ученикъ употребляетъ цѣлые годы для того, что бы читать коранъ на арабскомъ языкѣ, не понимая его. Только даровитѣйшіе юноши, послѣ 10-ти лѣтняго и болѣе продолжительнаго странствованія по разнымъ школамъ, достигаютъ того, что могутъ понимать по-арабски. Конечно, подобный методъ преподаванія притупляетъ способности. Мало того, невѣжественные и фанатическіе преподаватели отуманиваютъ юношество на всю жизнь, какъ дурманомъ, фанатизмомъ и обскурантизмомъ. Счастливъ тотъ юноша, который скоро прекращаетъ свое ученіе и въ морѣ житейскомъ нѣсколько отрезвляется отъ этихъ пріемовъ школьнаго дурмана! „Кромѣ моральнаго вліянія и монополіи воспитанія“, говоритъ дальше Усларъ, „въ рукахъ у знатоковъ арабскаго языка находятся и другія могучія средства. Уже много вѣковъ тому назадъ, горцы сознали необходимость письменности для скрѣпленія разнаго рода гражданскихъ договоровъ. Но письменность въ горахъ одна лишь арабская, нотаріусами одни лишь знатоки арабскаго языка... Для нашихъ административныхъ распоряженій въ горахъ необходима письменность; русская чужда горцамъ, туземной не существуетъ; существуетъ одна лишь арабская... Такимъ образомъ, письменность, относящаяся даже до самыхъ обыденныхъ потребностей жизни, производится не иначе, какъ на языкѣ мертвомъ, весьма трудно изучаемомъ и въ лингвистическомъ отношеніи совершенно несходномъ съ языками туземцевъ. Это тоже, какъ если бы внутри Россіи, гдѣ нибудь въ Костромской губерніи, переписка административная и частная производилась не иначе, какъ на языкѣ еврейскомъ или древне-греческомъ! Языкомъ книги бытія или языкомъ Гомера волостное правленіе предписывало-бы

выставить подводу или починить мостъ!.. Всѣ распоряженія правительства доходятъ до горцевъ черезъ нѣсколько лингвистическихъ инстанцій и, конечно, подвергаются превратнымъ толкованіямъ". При такомъ порядкѣ дѣлъ, масса народа находится подъ сильнымъ вліяніемъ знатоковъ арабскаго языка, крайне враждебно относящихся къ попыткамъ цивилизированія горцевъ.

Какъ-же пособить горю? Какъ ввести въ горахъ образованіе и распространить знаніе русскаго языка? Въ горахъ, гдѣ не живутъ русскіе, трудно устраивать русскія школы и въ настоящее время пришлось, по необходимости, пожертвовать учрежденными въ горахъ школами для Темиръ-Ханъ-Шуринской, въ которой, кромѣ русскихъ учениковъ, воспитывались и горцы. Современемъ, конечно, могутъ быть учреждены подобныя школы въ многолюдныхъ русскихъ штабъ-квартирахъ. „Это естественнымъ порядкомъ", говоритъ Усларъ, „сводится на прежніе кадетскіе корпуса, въ которыхъ въ значительномъ числѣ помѣщались въ былое время горцы. Немногіе изъ нихъ учились успѣшно, другіе пользовались льготами для полученія офицерскихъ эполетъ и увеличивали собою число кавалерійскихъ офицеровъ въ Россіи. Въ общей сложности польза, принесенная этими лицами Кавказу, далеко не соотвѣтствовала издержкамъ, употребленнымъ на ихъ воспитаніе. Правда, что они сами большею частью выучились по-русски, но не оказали никакого вліянія на распространеніе русскаго языка между своими земляками... Мы лично имѣли случай убѣдиться въ отличныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ горскими воспитанниками темиръ-ханъ-шуринскаго училища. Отдавая должную справедливость даровитости и усердію преподавателей, не можемъ не замѣтить, что эти дѣти оторваны отъ родины, перенесены, такъ сказать, въ Россію. Перенесите

ребенка-горца хотя бы въ Лиссабонъ: черезъ годъ онъ выучится по португальски. Это не то, чего мы желаемъ, о чемъ мы думаемъ. Мы заботимся не о немногихъ горцахъ, перевезенныхъ въ Россію, а о тѣхъ многихъ, которые остались у себя дома, въ горахъ, которые отданы на жертву арабскому языку, отравляющему ихъ фанатическимъ дурманомъ, потемняющему ихъ способность судить здраво".

„Допустимъ", продолжаетъ Усларъ, „осуществленіе того, что намъ кажется невозможнымъ. Положимъ, что рядомъ съ арабскими школами мы, не жалѣя издержекъ, вездѣ устроимъ русскія, съ преподавателями изъ туземцевъ, знающихъ... русскій языкъ... Для учащихся представится та-же самая, что и въ арабскихъ школахъ, трудность первоначальнаго обученія на неизвѣстномъ языкѣ, безъ практическаго съ нимъ ознакомленія. Мнѣніе, будто бы безграмотнаго человѣка все равно учить на родномъ или на неизвѣстномъ ему языкѣ, дотого странно, что мы оставимъ его безъ опроверженія... Предположимъ, что гдѣ-нибудь, внутри Россіи, русскій учитель, кое-какъ выучившійся французскому языку, устроитъ для русскихъ безграмотныхъ дѣтей сельскую школу, въ которой будетъ учить ихъ французскому чтенію и письму и, пожалуй, еще кое-чему другому, но не иначе, какъ по-французски. Какихъ успѣховъ ожидать отъ подобной школы? Нѣкоторые выучатся съ величайшимъ трудомъ плохо читать, плохо писать, плохо понимать и плохо объясняться по-французски; но всѣ эти чахлыя свѣдѣнія, не имѣя корней въ родной почвѣ, испарятся безъ всякаго слѣда, лишь только ученики, покинувъ школу, возвратятся къ обычной сельской жизни своей. Результатъ ученія будетъ тотъ, что учившіеся окажутся глупѣе и физически слабѣе сверстниковъ своихъ, не посѣщавшихъ школы. Развѣ сказанное нами не вполнѣ

примѣняется къ исключительно русской школѣ, устроенной въ нѣдрахъ Дагестана туземцемъ, знающимъ русскій языкъ?"

Затѣмъ, разсмотрѣвъ вредное вліяніе, какъ въ педагогическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, прежней рутинной системы устройства школъ для инородцевъ Казанскаго учебнаго округа, осужденной однимъ изъ лучшихъ русскихъ педагоговъ, г. Шестаковымъ, попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, указавшимъ на необходимость введенія въ школахъ, при первоначальномъ обученіи инородцевъ, туземныхъ языковъ,—Усларъ говоритъ: „Все это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію роли, которую должны играть туземные языки въ дѣлѣ просвѣщенія кавказскихъ туземцевъ. Нельзя выпустить этихъ языковъ изъ виду, уже по одной той причинѣ, что имъ суждено прожить еще длинный рядъ вѣковъ. Цѣлое тысячелѣтіе арабскаго давленія не задавило ихъ. Сколькимъ бы языкамъ мы ни выучились, ни одинъ не запечатлѣется въ цѣломъ духовномъ мірѣ нашемъ такъ глубоко, какъ языкъ родной,—языкъ, которымъ непосредственно выражается своеобразный складъ нашихъ понятій. Это относится до всѣхъ народовъ и до всѣхъ языковъ въ мірѣ. Нельзя-же смотрѣть на горцевъ, какъ на безъязычныхъ; нельзя же оставить безъ вниманія, что Богъ одарилъ ихъ языками самостоятельными, чуждыми какъ арабскому, такъ и русскому. Эти родные языки составляютъ самые надежные проводники для распространенія между горцами новаго рода понятій. Забрать эти проводники въ свои руки, съумѣть распорядиться ими... дѣло трудное, но и заслуживающее того, чтобы подумать о немъ".

Весь вопросъ сводится къ тому, какъ устроить горскія школы или, какъ выражается Усларъ, какъ „акклиматизировать науку на горной почвѣ?" Рѣшенію этого вопроса по-

священа записка „Предположеніе объ устройствѣ горскихъ школъ“. „Ученія на школьной скамьѣ недостаточно“, говоритъ онъ, „для созданія добрыхъ и полезныхъ гражданъ, но лучшей подготовительной системы мы не знаемъ. Во всѣхъ цивилизованныхъ націяхъ большинство народонаселенія безграмотно или малограмотно,—что почти одно и то-же,—но, тѣмъ не менѣе, масса идетъ по стезѣ цивилизаціи вслѣдъ за цивилизованнымъ меньшинствомъ, за людьми *передовыми*, принимая это наименованіе въ широкомъ значеніи. Это передовое меньшинство не должно отрываться отъ народа: иначе, это тендеръ, оторвавшійся отъ вагоновъ. Передовыхъ людей, удовлетворяющихъ таковымъ условіямъ, нѣтъ еще на Кавказѣ: предстоитъ создать цѣлую генерацію ихъ... Достигнуть этого можно только посредствомъ учрежденія школъ, назначеніе которыхъ должно постараться прежде всего себѣ выяснить“.

„Историческая цѣль завоеванія нами Кавказа заключается въ цивилизированіи его; таковое назначеніе къ цѣлому туловищу материка Азіи возложено Провидѣніемъ на Россію, по самому географическому положенію ея. Необходимо, чтобы это поняли *передовые люди* между кавказскими туземцами: тогда нелѣпость оппозиціи обнаружится передъ собственными глазами ихъ. Мы сами заимствовали цивилизацію отъ Запада и до сихъ поръ еще остаемся должниками его. Притомъ, отношенія къ намъ азіятскихъ народовъ не тѣ, въ которыхъ мы находимся къ Западу... На пути цивилизаціи они, подобно мелкимъ спутникамъ великой планеты, навсегда должны остаться подчиненными спутниками Россіи. Таковую законную и благодѣтельную подчиненность должны мы организовать, не подавляя никакой національности,—сколько-бы маловажною ни казалась она намъ,—напротивъ

того, возбуждая каждую отъ вѣкового сна, отъ вѣковой апатіи. Это благодѣяніе сознано будетъ первыми *передовыми людьми*, которые выдадутся изъ современнаго намъ поколѣнія; это благодѣяніе такъ велико, что даже неблагодарность окажется противъ него безсильною. Если каждому человѣку сама природа внушила глубокое національное чувство, то можно-ли усумниться въ преступности попытокъ уничтожить какую бы то ни было національность? Таковое уничтоженіе есть прямое обѣднѣніе,—могучесть, роскошь политической жизни заключаются въ величайшемъ разнообразіи формъ при единствѣ настроенія. Наконецъ, что обусловливаетъ существованіе отдѣльной національности? Само собою разумѣется —*языкъ*. Что-же можетъ кто-нибудь отыскать преступнаго въ какомъ-бы то ни было языкѣ въ свѣтѣ? Конечно, этотъ столь простой вопросъ, вслѣдствіе вѣковыхъ заблужденій, уже неисправимо отравленъ (envenimé) въ Европѣ. Быть можетъ, отъ насъ зависитъ здѣсь на Кавказѣ показать свѣту *впервые*, какихъ благодѣтельныхъ результатовъ можно достигнуть не только терпимостью всякихъ національностей, но даже *оживленіемъ* тѣхъ изъ нихъ, которыя до сихъ поръ оставались въ состояніи вѣковой апатіи. *Таковой принципъ необходимо принять за краеугольный камень цивилизаціи Кавказа*. Развитіе особенностей есть вѣрнѣйшее средство противъ единства, прямо намъ враждебнаго и созданнаго мусульманскимъ изувѣрствомъ".

Выходя изъ того положенія, что на туземные языки надо смотрѣть „какъ на самые надежные проводники для распространенія между горцами новаго рода понятій", Усларъ предлагаетъ начать обученіе горцевъ на ихъ родныхъ языкахъ. Обученіе на этихъ языкахъ ведется въ приготовительномъ классѣ. Учащіеся, утвердившись въ чтеніи (хотя

даже и не бѣгломъ еще) на родномъ языкѣ, переводятся на уроки русскаго чтенія. Мало-по-малу совершается переходъ къ преподаванію на русскомъ языкѣ. Но туземные языки не изгоняются затѣмъ изъ остальныхъ 3-хъ классовъ элементарныхъ школъ. Они въ нихъ преподаются не только pro forma; эти языки изучаются грамматически; посредствомъ постоянныхъ сближеній съ русскимъ языкомъ, они служатъ отличнымъ пособіемъ, какъ къ болѣе основательному усвоенію учащимися послѣдняго, такъ и умственному ихъ развитію. Въ цитированной статьѣ обстоятельно начерченъ планъ занятій этого рода. Затѣмъ Усларъ принимается за рѣшеніе вопроса: какого рода нужно сперва устроить элементарныя училища для горцевъ, общеобразовательныя или спеціальныя? Онъ высказывается въ пользу первыхъ на томъ основаніи, „что уже теперь, въ видѣ аксіомы, выработалось убѣжденіе, что всякому спеціальному образованію должно предшествовать общее“. „Но въ чемъ-же собственно“, спрашиваетъ Усларъ, „должно заключаться это общее образованіе?... Должно-ли оно быть *энциклопедическимъ,* т. е. нужно-ли его повести такъ, чтобы учащійся пріобрѣлъ обо всемъ или, по крайней мѣрѣ, о многомъ чемъ поверхностное понятіе? Это есть дѣло памяти и такъ-же легко пріобрѣтается, какъ и испаряется, не оставляя по себѣ никакого плодоноснаго осадка. Конечно, никто не усумнится въ возможности взять любого мальчика изъ горъ и выучить его называть постепенно и послѣдовательно всѣхъ королей французскихъ, или выучить его названіямъ всѣхъ европейскихъ столицъ. Это будетъ то-же (механическое) ученіе наизустъ арабскихъ молитвъ, но только на другой ладъ“....

Высказавшись противъ энциклопедическаго образованія

въ элементарныхъ школахъ, Усларъ начерталъ въ своей запискѣ обстоятельный планъ элементарнаго образованія *).

„Программа ученія", говоритъ Усларъ въ заключеніи своей записки, „въ каждомъ училищѣ, даже элементарномъ, должна представлять собою нѣчто полное и законченное, сообразно предположенной цѣли. Не должно выпускать изъ виду,

*) Элементарное воспитаніе должно, по мнѣнію Услара, заключаться: во-первыхъ, въ обученіи чтенію и письму и, во-вторыхъ, въ пробужденіи умственныхъ способностей учащагося, въ пріученіи его къ самостоятельной умственной дѣятельности. „Дѣло въ томъ", продолжаетъ онъ, „чтобы учащійся... выучился учиться. Эта цѣль и есть единственная разумная для элементарныхъ училищъ. Какъ же ея достигнуть? Конечно, можно умозрительно пріискать различныя средства, но не могу не высказать полнаго убѣжденія, что лучшія средства уже пріисканы опытомъ многихъ вѣковъ и многихъ поколѣній. Эти средства суть: *языкознаніе и математика*".

Что касается перваго изъ нихъ, то „изученіе какого-бы то ни было иностраннаго языка можетъ служить гимнастикою для развитія умственныхъ способностей, но обыкновенно принимаются для этого языки классическіе". Указавъ на значеніе классическихъ языковъ въ дѣлѣ умственнаго развитія, Усларъ продолжаетъ: „Но, не смотря на всѣ эти преимущества классическихъ языковъ, мы можемъ замѣнить ихъ для горцевъ русскимъ языкомъ, примѣняя къ нему во всей строгости методу преподаванія, которая, какъ мы знаемъ, заключается въ непрерывныхъ упражненіяхъ на заданныя темы, съ постепеннымъ переходомъ отъ легкаго къ болѣе трудному"... Далѣе онъ говоритъ: „Изученіе каждаго языка, съ цѣлью понимать его и выражаться на немъ, составляетъ только первую степень филологическаго знанія, выше которой до сихъ поръ еще не поднимались многочисленные Кавказскіе туземцы, успѣвшіе освоиться съ русскимъ языкомъ. Филологія имѣетъ цѣлью возсозданіе картины жизни народа посредствомъ анализа письменныхъ памятниковъ его или даже изустной рѣчи... Сознаюсь, что замѣненіе классической литературы русскою для первоначальнаго образованія не совсѣмъ удовлетворительно, но не можемъ-же мы ввести классическіе языки въ горскія школы. Русскій языкъ, сближеніе съ русскою жизнью, хотя бы даже только умственное, безконечно важны для будущности Кавказа... Замѣтимъ еще одно весьма важное обстоятельство. Изученіе чуждой національности въ лѣта воспріимчивой юности навсегда привязываетъ насъ къ ней узами пламеннаго сочувствія: этимъ объясняется наша восторженная привязанность къ Риму и къ Аѳинамъ. Петербургъ и Москва должны сдѣлаться Римомъ и Аѳинами для новаго поколѣнія горцевъ... Выборъ русскихъ писателей для чтенія горцевъ долженъ быть опредѣленъ тщательно, но составъ его долженъ быть весьма разнообразенъ: историче-

что большая часть учениковъ не поступитъ въ высшія училища, и что не къ меньшинству должна быть принаровлена программа. Гораздо удобнѣе для этого меньшинства, собраннаго изъ различныхъ училищъ, образовать общій предъуго-

скіе отрывки, описанія путешествій, стихотворенія, романы, драматическія произведенія должны избираться для чтенія (сопровождаемаго, конечно, объясненіями, комментаріями). Полезно даже, чтобы каждая школа выписывала, хотя по одному журналу, для того, чтобы пріучить учащихся слѣдить за ходомъ современной жизни".

„Математика", продолжаетъ Усларъ, „столько-же важна въ элементарномъ воспитаніи, какъ и языкознаніе. Одинъ предметъ пополняетъ другой... Въ математикѣ особенно благодѣтельно дѣйствуетъ строгость доказательствъ, навыкъ удовлетворяться только такимъ выводомъ, который извлекается изъ ясно извѣстнаго, изъ несомнѣннаго. Кто, по окончаніи школьнаго ученія, бросаетъ математику тотъ скоро забываетъ ее, но благодѣтельное вліяніе ея на умственныя способности остается на всю жизнь. Посему рѣшительно отвергаю я пользу краткой ариѳметики, понятія объ алгебрѣ, бѣглаго объясненія свойствъ геометрическихъ... Кто усвоилъ себѣ хотя небольшую часть математики, но основанную на строгихъ доказательствахъ, тому доступна будетъ и вся математика; кто-же только пробѣжалъ ее, тотъ остается совершенно чуждъ надлежащему пониманію ея методы, или, лучше сказать, понялъ ее превратно".

Обозрѣвая планъ преподаванія, Усларъ касается и другихъ наукъ. „Краткіе очерки исторіи и географіи", говоритъ онъ, „преподаваемые въ начальныхъ школахъ, заключаютъ въ себѣ лишь наборъ собственныхъ именъ, цифръ и т. п., что совершенно безполезно похищаетъ много времени и труда и забывается тотчасъ-же послѣ экзамена". Авторъ статьи предлагаетъ изложить въ элементарномъ курсѣ монографіи историческихъ событій, наиболѣе рельефно выдающихся. Нить, связующая ихъ, можетъ быть изложена въ нѣсколькихъ словахъ. „Это трассировка", заключаетъ онъ, „для будущаго изученія исторіи; кромѣ трассировки, ничего не должно имѣть въ виду въ элементарныхъ школахъ". При преподаваніи географіи въ этихъ школахъ, Усларъ совѣтуетъ обратить вниманіе на чтеніе путешествій, могущее внушить охоту къ землевѣдѣнію и этнографіи. Естествознаніе не можетъ быть изучаемо уже по одному недостатку въ средствахъ. Усларъ совѣтуетъ обратить вниманіе на чтеніе популярныхъ сочиненій, которыя могутъ заинтересовать учащихся естествознаніемъ. Совѣтуетъ Усларъ читать и популярныя сочиненія по политической экономіи. „Быть можетъ", говоритъ онъ, „страннымъ покажется вводить этотъ предметъ въ элементарное образованіе, но наука эта составляетъ основаніе всякой разумной гражданской дѣятельности: непониманіе основныхъ началъ ея тяготѣетъ надъ Кавказомъ".

товительный курсъ для поступленія въ высшее училище. Законченною цѣлью для горскихъ училищъ считаю я осуществленіе слѣдующаго: 1) практическое знаніе русскаго языка; 2) умѣнье свободно читать и писать, какъ по-русски, такъ и на родномъ языкѣ, и усвоеніе способности вникать въ читаемое; 3) ознакомленіе съ русской жизнью и возбужденіе теплаго къ ней сочувствія; 4) способность понимать, что значитъ наука, какого бы рода она ни была, и какъ за нееслѣдуетъ приняться; 5) охота къ чтенію и ощущеніе необходимости образовать себя. Конечно, одинъ лишь опытъ обнаружитъ, въ какойстепени эта программа можетъ быть осуществима. Но полагаю, что осуществленіе ея дѣйствительно создастъ новое поколѣніе передовыхъ людей на Кавказѣ, которые сдѣлаютъ здѣсьто, чего не въ состояніи сдѣлать ни штыки, ни деньги, ни почести".

Въ запискѣ указаны мѣстности, въ которыхъ слѣдовалобы устроить на первыхъ порахъ горскія школы, исчислена примѣрно сумма, которую придется на нихъ затратить; сдѣлано даже распредѣленіе уроковъ.

Статья „О распространеніи грамотности между горцами", излагающая основы, на которыхъ должно покоиться обученіе инородцевъ вообще и кавказскихъ горцевъ въ особенности, была отпечатана еще въ 1870 г., когда преподаваніе въ существовавшихъ школахъ уже велось такъ, какъ нѣкогда оно было ведено въ инородческихъ школахъ Казанскаго учебнаго округа. Здравый, однако, смыслъ долженъ былъ одержать побѣду надъ обскурантизмомъ и рутиною; но въ то время, когда педагогическія идеи Услара начали производить свое дѣйствіе, его уже не было въ живыхъ.

Повѣствованіе наше приближается къ концу. Послѣ 1871 года энергія Услара видимо ослабѣваетъ,—ему прихо-

дится долго возиться съ изученіемъ табасаранскаго языка; въ „Сборникѣ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ", который онъ такъ усердно поддерживалъ, не встрѣчаются уже его статьи; онъ дѣлается нелюдимымъ. Между тѣмъ и здоровье его, вслѣдствіе усиленныхъ занятій, значительно разстроилось. Не осталось, вѣроятно, безъ вліянія на него и извращеніе его плана воспитанія горцевъ. Рѣзкій, даже страстный тонъ нѣкоторыхъ мѣстъ разсмотрѣнной статьи, безпощадное бичеваніе какого-то г. Т. М. за его замѣтку въ „Кавказѣ" (№ 44, 1869 г.), написанную въ защиту рутиннаго способа обученія инородцевъ, наводятъ невольно на это предположеніе.

Какъ бы то ни было, но состояніе здоровья Услара все болѣе и болѣе ухудшалось. „Весною въ 1874 году", говоритъ г-жа Благово, „мой отецъ пріѣхалъ изъ Шуры въ Курово, больной, съ трудомъ передвигая ноги; болѣзнь печени сильно развивалась; онъ хандрилъ, и правильныя занятія были немыслимы, такъ что табасаранскій языкъ остался не отлитографированнымъ. Въ маѣ 1875 г. былъ вызванъ изъ Москвы д-ръ Кузьминъ, который объявилъ, что выздоровленіе невозможно и что нужно ждать близкаго конца. Съ 1-го іюня больной впалъ въ безпамятство и только узнавалъ свою дочь. Страданія были ужасны. Съ 5-го числа безъ умолку онъ громко говорилъ, безпрестанно призывая горцевъ, съ которыми занимался въ Шурѣ, особенно Казанфера. Тутъ-же ему показалось, что пришелъ князь Дадишкиліани, убившій князя Гагарина, Кутаисскаго губернатора, у котораго былъ начальникомъ штаба Петръ Карловичъ. 7-го числа его соборовали и пріобщили. 8-го числа, въ 7 часовъ утра, онъ скончался, а 12-го гробъ на рукахъ отнесли бывшіе его крестьяне за 12 верстъ въ с. Осечное, гдѣ похоронены его родители, жена и дочь. Въ Россіи фамилія Услара вымерла, но въ Гановерѣ,

около мѣстечка Гослара, находится замокъ бароновъ Усларовъ и тамъ живутъ однофамильцы“.

Есть личности, которыя, во время ихъ дѣятельности, не могутъ быть оцѣнены надлежащимъ образомъ; нуженъ извѣстный промежутокъ времени для того, чтобы они предстали предъ нами въ надлежащемъ видѣ. Къ числу такихъ личностей принадлежитъ, безспорно, и покойный Усларъ. Неоцѣненный во время своей жизни, Усларъ послѣ смерти находитъ все большее и большее число цѣнителей заслугъ, оказанныхъ имъ наукѣ, краю, въ которомъ онъ потрудился неутомимо около четверти столѣтія, и своему отечеству, котораго онъ составлялъ одно изъ лучшихъ украшеній. Нѣтъ сомнѣнія, что наука внесетъ въ свои лѣтописи имя Услара и всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя имъ для науки. Оцѣниваютъ уже заслуги, оказанныя имъ странѣ, для которой онъ такъ много потрудился: въ школахъ и окружныхъ управленіяхъ Дагестана уже выставлены его портреты; труды его издаются Кавказскимъ Военно-Народнымъ Управленіемъ и Кавказскимъ Отдѣломъ Русскаго Географическаго Общества.

Но кавказцы, воздавая должное заслугамъ Услара, должны позаботиться объ исполненіи другихъ обязанностей въ отношеніи къ нему: положивъ своими трудами прочное основаніе этнографіи, этнологіи и исторіи Кавказа, Усларъ тѣмъ самымъ завѣщалъ нашимъ научнымъ дѣятелямъ продолжать начатое имъ дѣло. Кавказскимъ-же педагогамъ онъ завѣщалъ, какъ надо вести дѣло образованія многочисленнаго и многоязычнаго горскаго населенія, судьбы котораго Провидѣніе, въ неисповѣдимыхъ своихъ рѣшеніяхъ, передало въ руки Россіи.

Л. Загурскій.

ДРЕВНѢЙШІЯ СКАЗАНІЯ О КАВКАЗѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

> Вода же постепенно возвращалась съ земли, и стала убывать вода по окончаніи ста пятидесяти дней.
>
> И остановился ковчегъ въ седмомъ мѣсяцѣ, въ семнадцатый день мѣсяца, на горахъ Араратскихъ.
>
> Бытія VIII, 3—4.

Первое географическое названіе земли, омытой потопомъ, встрѣчающееся въ библіи, книгѣ книгъ единобожниковъ (христіанъ, мусульманъ и евреевъ)—исторіи послѣпотопнаго человѣчества, согласно наиболѣе распространенному мнѣнію, указываетъ намъ на Кавказъ.

Строки эти писаны были за три тысячи триста лѣтъ тому назадъ на языкѣ, по духу своему рѣзко отличномъ отъ всѣхъ нашихъ, и писаны исключительно для разумѣнія небольшаго племени, поставленнаго Всевышнимъ Промысломъ поотдаль отъ прочаго человѣчества, внѣ обычнаго хода человѣческихъ понятій, вѣрованій и стремленій.

Предназначенные къ храненію великой идеи единобожія, еврейскіе законоучители и пророки неумолимо отженали все то, что могло смутить чистоту ея. Многобожіе возникло изъ олицетворенія и обоготворенія людьми дѣйствующихъ силъ природы; евреи уничтожили всѣ таковыя силы; въ глазахъ ихъ чудо міроозданія повторялось безпрерывно. Человѣчество искало и ищетъ познать Создателя, изучая созданіе; для евреевъ было откровеніе свыше, книга природы была для нихъ излишнею.

Стремленіе разгадать тайны природы есть источникъ всякой любознательности, которая непрестанно тревожитъ человѣчество, которая влечетъ его впередъ, не давая ему отдыха и отрывая отъ

самодовольнаго наслажденія узнаннымъ неутолимою жаждою неизвѣстнаго. Таковое умственное безпокойство не тревожило евреевъ; для нихъ не существовало промежутка между явленіями природы и Создателемъ, промежутка, который силится наполнить любознательность человѣческая безъ надежды когда либо наполнить его.

Съ этой точки зрѣнія можно понять значеніе историческихъ сказаній о первобытныхъ судьбахъ человѣчества, переданныхъ Моисеемъ народу Израильскому.

Для народа этого могла существовать только одна разумная исторія—это его собственная. Исторія чуждыхъ народовъ имѣла какое либо значеніе лишь въ предѣлахъ ея вліянія на народъ Израильскій; событія внѣшнія совершались безсвязно, какъ совершаются безсвязно измѣненія атмосферныя, какъ появляются случайно знаменія на небѣ; безсвязно и случайно для того, кто не подозрѣваетъ существованія правильнаго и неизмѣннаго закона, связующаго между собою эти отдѣльныя явленія.

Такимъ образомъ библейскія историческія сказанія, за исключеніемъ исторіи еврейской, представляютъ собою только разсказъ о событіяхъ, сохранившихся въ памяти народной,—разсказъ не для любознательности и тѣмъ менѣе еще не для любомудрія. Богодухновенный историкъ не переступаетъ горизонта яснаго видѣнія и пониманія поучаемаго имъ народа: онъ повѣствуетъ, опираясь на авторитетъ свыше, не снисходя къ доказательствамъ, къ объясненіямъ, не предвидя ни противурѣчій, ни сомнѣній. Книга его писана не для египетскихъ волхвовъ: ихъ хитросплетенную науку зналъ онъ и уразумѣлъ всю тщету ея.

Но эти отрывочныя, безсвязныя историческія сказанія, встрѣчающіяся въ книгѣ Моисея, составляютъ драгоцѣннѣйшіе и достовѣрнѣйшіе матеріалы для древнѣйшей исторіи человѣчества. Они вѣрно изображаютъ воспоминанія евреевъ о событіяхъ предшествовавшихъ и событіяхъ современныхъ—воспоминанія, незатемненныя произвольными системами условной учености.

Чѣмъ болѣе знакомимся мы съ древнимъ востокомъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ непогрѣшимости библейскихъ историческихъ сказаній. Здѣсь скептицизмъ, ищущій для себя опоры въ наукѣ, скоро превращается въ глубокое вѣрованіе.

Но, какъ сказано выше, Моисей писалъ книгу свою исключительно для евреевъ; чтобы понимать книгу эту, необходимо поставить себя посреди евреевъ.

Возвращаемся къ библейскому выраженію „на горахъ Араратскихъ.“ Моисей не объясняетъ гдѣ лежатъ горы Араратскія; должно предположить, что евреямъ это извѣстно было, хотя бы даже весьма неопредѣлительно. Не мню объяснить себѣ таковое знаніе обыкновенными источниками народныхъ географическихъ свѣдѣній. Евреи не занимались торговлей, они чуждались сношеній съ ненавистными для нихъ чужеземцами: нечего и говорить, что географической литературы въ то время вовсе не существовало.

Такимъ образомъ вопросъ не въ томъ, съ какой опредѣленной вершиной евреи связывали воспоминаніе о ковчегѣ, но имѣли ли они хотя приблизительное понятіе о положеніи горъ Араратскихъ въ отношеніи къ четыремъ странамъ свѣта [1]). Для сего бросимъ обратный взглядъ на первоначальную исторію евреевъ.

1) У другихъ древнихъ народовъ, гораздо болѣе чѣмъ евреи подвинувшихся на полѣ положительныхъ знаній, употребительны были общія названія для означенія неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ имъ странъ, возбуждавшихъ въ нихъ одно какое либо синтетическое понятіе. Скиѳіей называлось все пространство земель, разстилающихся отъ Чернаго моря къ сѣверу и къ востоку; Тураномъ— земли къ востоку отъ Оксуса; Еѳіопіей страны жаркаго пояса и пр.

Ограничены таковыя страны были только тамъ, гдѣ соприкасались онѣ съ странами извѣстными, во всѣ прочія стороны предѣлы ихъ начертывались воображеніемъ: рѣка Океанъ, преисподняя, вѣчный мракъ, жилища праведниковъ, чародѣевъ, уродовъ, чудовищъ! Отдаленные предѣлы странъ этихъ рисовались въ воображеніи столь же неопредѣленно, какъ западные предѣлы Атлантическаго океана до открытія Америки.

Быть можетъ, такое же неопредѣленное значеніе имѣло и названіе Араратъ для евреевъ.

Событіе, которое сообщаетъ еврейской исторіи самобытный ходъ во всеобщей, весьма опредѣленно обозначено въ книгѣ Бытія: „И взялъ Ѳарра Аврама, сына своего, и Лота, сына Аранова, внука своего, и Сару, невѣстку свою, жену Аврама, сына своего, и вышелъ съ ними изъ Ура Халдейскаго, чтобы идти въ землю Ханаанскую: но дошедши до Харрана, они остановились тамъ". [1])

„И было дней жизни Ѳарры (въ Харранской землѣ) двѣсти пять лѣтъ, и умеръ Ѳарра въ Харранѣ". [2])

Такимъ образомъ Ѳарра не дошелъ до цѣли своего странствованія, до земли Ханаанской: смерть застигла его въ Харранѣ на пути. Остальную часть странствованія, во исполненіе велѣнія свыше, совершилъ Аврамъ; „и прошелъ Аврамъ по землѣ сей (по длинѣ ея) до мѣста Сихема, до дубравы Море. Въ землѣ сей тогда жили Хананеи." [3])

Географическое положеніе конечнаго пункта странствованія намъ вполнѣ извѣстно. Ханааномъ [4]) называлось Сирійское прибрежье Средиземнаго моря, начиная отъ Сидона къ югу, почти до крутаго африканскаго поворота морскаго берега къ западу. Внутри края Ханаанъ ограниченъ былъ теченіемъ Іордана, озеромъ Генесаретскимъ и Мертвымъ моремъ.

Родина Ѳарры, исходный пунктъ переселенія можетъ подать поводъ къ недоумѣніямъ. Гдѣ лежала земля Халдейская? Начиная съ самыхъ отдаленныхъ историческихъ временъ даже до нашихъ дней, названія „халдеи" „земля Халдейская" имѣли самое неопредѣленное значеніе. Названія эти въ обширномъ смыслѣ примѣняемы были къ цѣлому тигро-евфратскому бассейну. Только въ наше время историческія изысканія, при пособіи сравнитель-

1) Бытія XI, 31.

2) Бытія XI, 32.

3) Бытія XII, 6.

4) Собственно *хна* „низменная земля" въ противуположность *Араму*, „возвышенной землѣ". *Rosenmüller:* Biblische Alterthumskunde, 1, 2. p. 75—76.

ной филологіи, успѣли озарить лучемъ свѣта этотъ хаосъ безотчетныхъ понятій. Мы здѣсь ограничимся только тѣмъ, что прямо относится къ объясненію занимающаго насъ вопроса.

Ѳарра покинулъ родину свою съ тѣмъ, чтобы переселиться въ землю Ханаанскую. На пути своемъ, какъ мы сказали, умеръ онъ въ Харранѣ. Такимъ образомъ, на продолженіи направленія отъ Ханаана къ Харрану должно искать приблизительно первоначальное мѣсто жительства Ѳарры. [1])

Географическое положеніе Харрана не можетъ подавать повода ни къ какимъ сомнѣніямъ. [2]) Названіе это, означающее на симитическихъ языкахъ *страну сухую, опаленную солнцемъ*, неразрывно связано въ исторіи съ частію Месопотаміи, лежащей на лѣвомъ берегу Евфрата, у самой подошвы послѣднихъ отроговъ Тавра къ югу. Это есть классически-историческая страна: въ ней расходятся пути, ведущіе черезъ песчаныя пустыни Месопотаміи къ верховьямъ Тигра и на югъ внизъ по Евфрату къ Вавилону; во времена Селевкидовъ возникла здѣсь въ Харранѣ Мигдонская (Македонская) Месопотамія, греко-азіятская колонія въ обширныхъ размѣрахъ; здѣсь происходили важнѣйшія событія вѣковой борьбы запада съ востокомъ, начиная отъ гибели легіоновъ Красса до гибели графства Едесскаго, основаннаго Балдуиномъ. Наконецъ, страна эта играетъ важную роль въ церковной исторіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, почитается колыбелью древняго идолопоклонства и восточныхъ еретическихъ ученій.

Харранъ находится къ сѣверо-востоку отъ Ханаана. Продолжая это направленіе, мы вскорѣ вступаемъ въ дикій горный край, лежащій между южнымъ верховьемъ Евфрата, Мурадомъ, и источниками Тигра, въ страну порубежную между Арменіей, Месопотаміей и Ассиріей. Здѣсь прежде всего должно искать роди-

1) *Bertheau:* Zur geschichte der Israeliten (Goettingen 1842) p. 204 и сл.
2) *Ritter's* Erdkunde, zehnter theil p. 243.

ну Θарры, землю Халдейскую нашею перевода библіи. Чтобы привести всѣ данныя во всевозможную ясность, замѣтимъ, что въ переводѣ 70 толковниковъ, страна эта названа χώρα τῶν Χαλδαίων, въ еврейскомъ подлинникѣ Уръ-Касдимъ.

Отсюда видно, что названія *Касдъ и Халдъ-Калдъ* однозначущи. Какимъ образомъ еврейское Касдъ превратилось въ Калдъ греческаго перевода? Превращеніе буквы *с* въ *л*, при переходѣ слова въ иносемейный языкъ, есть явленіе весьма обыкновенное для филолога. Вообразимъ себѣ между названіями Касдъ и Калдъ промежуточную форму Кардъ, [1]) тогда ясность перехода становится еще ощутительнѣе. Но стоитъ произнести лишь названіе *Кардъ*, какъ множество однозвучныхъ географическихъ и этническихъ: именъ откликнутся намъ изъ предполагаемой родины Θарры Кардаки, Кардухи, Кордіи, Гордуены, Гордуи, Куртіи, Гордіаны, Карду, Курды и пр. и пр.

Мы сказали выше, что переселеніемъ Θарры изъ страны Халдейской, изъ Уръ-Касдима, начинается самобытный ходъ еврейской исторіи. Изложенію этого событія предшествуетъ въ библіи родословная Θарры, восходящая до Арфаксада, сына Симова. Филологическій разборъ именъ, встрѣчающихся въ таковой родословной, [2]) подаетъ поводъ къ весьма замѣчательнымъ заключеніямъ. Рагава, Серухъ, Нахоръ, Харранъ суть названія урочищъ, встрѣчающихся на пути отъ источниковъ Тигра по направленію къ Харрану. Даны ли названія эти въ воспоминаніе предковъ Θарры, подвигавшихся постепенно, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, съ служителями и стадами своими, отъ сѣверо-востока къ Евфрату, или наоборотъ, воспоминаніе о каждомъ изъ прародителей слилось съ воспоминаніемъ о мѣстахъ, гдѣ провелъ онъ вѣкъ свой? Послѣднее вѣроятнѣе тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя имена очевидно означаютъ особыя событія, памятныя въ семейной исторіи

1) *Renan:* Hist. gener. des langues sémitiques 1855 p. 60.

2) Бытія XI, 12—28.

евреевъ. Такъ напр. פלג фалекъ означаетъ *раздѣлъ*, и священный текстъ объясняетъ происхожденіе имени его: „имя одному: Фалекъ, потому что во дни его земля раздѣлена.“ [1])

Еще замѣчательнѣе имя *Еверъ*, откуда весь народъ въ послѣдствіи времени назвался евреями; имя это, какъ въ индо-европейскихъ, [2]) такъ и въ симитическихъ языкахъ означаетъ: за, по ту сторону, trans и т. п. Евреи были въ Ханаанѣ пришельцами изъ за-Ефрата, съ того берега. Подобнымъ образомъ произошло и названіе: *Иберія*, „земля по ту сторону“ для земли загорной, для Грузіи, и для земли заморской, для Испаніи. Названіе Еверъ дано повидимому въ память перехода черезъ какой-то значительный естественный рубежъ, черезъ горный хребетъ или черезъ большую рѣку.

Чѣмъ болѣе удаляемся мы отъ какого либо предмета, тѣмъ менѣе явственными становятся частныя черты его, тѣмъ болѣе сливаются онѣ въ одно недѣлимое цѣлое, которое, въ свою очередь, уменьшается и блекнетъ. Вблизи видимъ мы стволъ, вѣтви, и листья, вдали—дерево; отдѣльное дерево сливается съ сосѣдними и образуетъ для глаза лѣсъ; лѣсъ принимаетъ однообразный, неопредѣленный цвѣтъ, постепенно съуживается, малѣетъ, превращается въ точку, наконецъ исчезаетъ.

Такъ и съ историческими событіями. Чѣмъ отдаленнѣе они, тѣмъ менѣе явственны для насъ ихъ подробности, тѣмъ болѣе принимаютъ они характеръ отдѣльнаго единства, неразлагаемости. Вѣковая дѣятельность превращается въ дѣло момента; то, что создалось работой народовъ или поколѣній, представляется дѣломъ одного лица—военачальника, законодателя, философа или поэта.

Это есть *миѳическая* исторія, которая составляетъ какъ бы преддверіе къ положительной исторіи каждаго народа. Въ созда-

1) Бытія X, 25.

2) Upari—санскр., ὑπερ греч., ufar—готск., über—нѣмец., over—англ. и пр. и пр. Nouv. annales des Voyages. 1846. Sept. 327.

нiи ея не участвуютъ ни произволъ, ни фантазія: миѳъ есть неизбѣжное, оптическое явленіе, объясняемое законами перспективы, которой время подчинено также какъ и протяженіе.

Такимъ образомъ есть глубокое различіе между *миѳомъ* и *вымысломъ*, хотя послѣдній обыкновенно идетъ по слѣдамъ перваго. Дѣйствительно, то, что создалось вѣковою работою народовъ или поколѣній,—то въ миѳической исторіи представляется дѣломъ одного лица. Какое могущество, какой геній не предположить для таковаго лица! Оно дѣйствуетъ на землѣ, но не подчинено земнымъ законамъ; оно не земнаго происхожденія, оно изъ таинственнаго начала вынесло дивную силу свою, оно полубогъ, оно богъ! Все современное ему, злое и доброе, должно также измѣниться, принять небывалые размѣры, чтобы стать ему въ уровень. Такъ создается вымышленная исторія, которая опутываетъ собою миѳическую и дѣлаетъ для насъ разумѣніе послѣдней столь затруднительнымъ. Въ миѳѣ, какъ въ одной точкѣ, сосредоточиваются отдѣльные рѣдкіе лучи свѣта, проникающіе сквозь густой мракъ, застилающій отъ насъ глубокую старину; вымыселъ вновь разсѣваетъ собранные лучи, но не иначе, какъ пропустивъ ихъ сквозь обманчивую призму свою.

Эти объясненія считаемъ мы необходимыми, опасаясь чтобы въ понятіяхъ нѣкоторыхъ читателей *миѳъ* не смѣшался съ *вымысломъ*. Горсти звѣздъ образуютъ въ глазахъ нашихъ свѣтлыя пятна, называемыя *небулозами;* эти пятна принимаются астрономами за дѣйствительно существующія отдѣльныя небесныя тѣла, хотя, конечно, самое понятіе о небулозѣ должно исчезнуть, когда въ телескопѣ разрѣшится она на всѣ составляющія ее звѣзды. Миѳы суть небулозы исторіи.

Родословная Ѳарры безъ сомнѣнія запечатлѣна миѳическимъ характеромъ, но миѳъ здѣсь представляется въ чистотѣ, въ каковой тщетно стали бы мы искать его въ какой либо другой исторіи. Событія этого отдаленнаго времени въ глазахъ Моисея не имѣли

никакой важности для израильскаго народа, какъ чуждыя прямому содержанію книгъ божественнаго откровенія. Но историку необходима была послѣдовательность въ разсказѣ; онъ какъ бы опасался, чтобы воображеніе израильтянъ не наполнило перерывовъ вымыслами, заимствованными у идолопоклонниковъ. Миѳическій очеркъ исторіи первобытнаго человѣчества, съ строгимъ удаленіемъ всякаго вымысла, вполнѣ удовлетворялъ цѣли. При этомъ нельзя не принять въ соображеніе рѣзкихъ особенностей еврейскаго языка, по духу своему столь несходнаго съ нашими. Многое темное для насъ въ еврейскомъ подлинникѣ, языкъ котораго вышелъ изъ употребленія уже за 24 вѣка тому назадъ, было вполнѣ ясно для современниковъ Моисеевыхъ [1]). Замѣтимъ, что на еврейскомъ, какъ и на другихъ симитическихъ языкахъ, этническое названіе образуется черезъ прибавленіе къ имени собственному *бенъ-сынъ*, черезъ что олицетворяется мѣсто жительства народа, и самый народъ представляется въ видѣ одного человѣка. Такъ описаніе постепеннаго переселенія и разселенія племенъ, по свойству еврейскаго языка, принимаетъ видъ родословной.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не сознаться, что сказанія Моисея о прародителяхъ Авраамовыхъ весьма ясны, не смотря на всю сжатость свою. Это было семейство пастырей, мѣнявшее свои пастбища черезъ весьма длинные промежутки времени и не выходившее изъ пространства, заключающагося между источниками Тигра и Евфратомъ, изъ той именно части Месопотаміи, гдѣ разстояніе между обѣими рѣками наиболѣе значительно. Моисей высказалъ весьма ясно то, что хотѣлъ высказать; не должно искать въ книгахъ его того, что считалъ онъ чуждымъ религіознаго назначенія своихъ писаній.

Внимательное изученіе родословныхъ, наполняющихъ собою

1) Языкъ, на которомъ писаны книги Моисеевы, вышелъ изъ употребленія народнаго около времени плѣненія вавилонскаго, переродясь подъ вліяніемъ арамейскихъ нарѣчій. *E. Renan:* Hist. des langues sémit. p. 134.

главы X и XI книги Бытія, привели новѣйшихъ толкователей [1]) къ убѣжденію, что родословныя эти суть переписи всѣхъ народовъ, бывшихъ *на слуху* у современныхъ Моисею евреевъ и притомъ переписи, составленныя географически, а не этнографически; относительнымъ родствомъ народовъ обозначается ихъ относительное сосѣдство, а не единоплеменность; три главныя вѣтви: Симова, Хамова и Іафетова изображаютъ три условныя полосы извѣстнаго въ то время міра. Съ таковой точки зрѣнія легко объясняется многое, что прежде казалось весьма темнымъ или даже подавало поводъ къ сомнѣніямъ въ достовѣрности историческихъ библейскихъ сказаній. Во времена Моисея и Китай и Индустанъ не только были населены, но даже возвысились уже на значительную ступень развитія. Моисей не упоминаетъ ни о китайцахъ, ни объ индусахъ, такъ какъ существованіе ихъ не было извѣстно евреямъ: цѣль писаній его не расширеніе сферы знанія, а только классификація того, что было извѣстно въ его время и очищеніе отъ всякой вредной языческой примѣси. Конечно, многія этническія имена въ Моисеевыхъ таблицахъ и теперь еще подаютъ поводъ къ ученымъ спорамъ, но это разногласіе мнѣній должно быть исключительно приписано несовершенству умѣнія нашего читать священные тексты: каждый шагъ въ таковомъ умѣніи есть новое подтвержденіе правдивости библейскихъ сказаній.

Восходящая родословная Ѳарры достигаетъ Арфаксада, сына Симова, сына Ноева. У Сима были сыновья: Еламъ и Ассуръ и Арфаксадъ и Лудъ и Арамъ. Самое загадочное изъ этихъ именъ есть имя Луда, прочія не подаютъ повода къ значительнымъ недоумѣніямъ. Еламъ (древняя Елимаида, montes Elymaei у Страбона кн. XI, 5.)—горная страна, прилежащая къ хребту

1) *Rosenmüller:* Handbuch der bibl. Alterthumskunde, I, 1,140 и сл.; *Lengerke:* Kenaan, p. 208 и сл.; *Tuch:* Kommentar, p. 252 и сл.; *Bertheau:* Zur Geschichte der Jsraeliten, p. 173; *Winer:* Bibl. Realwoerterbuch, II, 448, 665.

Загросу, восточному рубежу Месопотаміи; Арамъ-нагорная Сирія, къ сѣверо-востоку отъ Ханаана и Финикіи. Между этими двумя крайними предѣлами тянется отъ востока къ западу длинной полосою горная страна, ограничивающая съ сѣвера равнины Месопотаміи и Сиріи; по направленію этому, слѣдуя старшинству сыновей Симовыхъ, начиная съ востока и съ Елама, старшаго брата, можно прослѣдить всѣхъ братьевъ до запада, до Арама, меньшаго изъ нихъ. Дѣйствительно, за Еламомъ слѣдуетъ Ассуръ, или, что все равно, за Елимаидой Ассирія, страна по лѣвому берегу Тигра къ западу отъ Загроса. Далѣе, по старшинству, за Ассуромъ слѣдуетъ Арфаксадъ; отъ востока къ западу, за Ассиріей, тянется страна по правому берегу верхняго Тигра до южнаго верховья Евфрата, до Мурадъ-чая. Въ этой странѣ, слѣдуя другому ряду разсужденій, мы предположили уже Уръ-Касдимъ еврейскаго подлинника библіи или страну Халдейскую греческаго перевода.

Эту самую страну Птоломей называетъ Αρραπαχιτίς; названіе это нѣкоторые объясняютъ черезъ Аріапакшата, что значитъ земля пограничная съ Аріей, съ Ираномъ. 1) Гораздо замѣчательнѣе, впрочемъ, объясненіе названія Арфаксадъ черезъ Авръ-Касдъ, Афръ-Касдъ Арфъ-Касдъ, что возвращаетъ насъ къ извѣстному уже намъ названію Уръ-Касдимъ, странѣ Касдовъ, Кардовъ, Калдовъ, Халдеевъ, χώρα των χαλδαίων.

И такъ мы видимъ, что, прослѣдивъ всю миѳическую исторію предковъ Ѳарры до самаго родоначальника ихъ Арфаксада, сына Симова, сына Ноева, мы по направленію отъ Ханаана къ нашему Эриванскому Арарату не подвинулись далѣе горной страны, составляющей крайнюю ступень Тавра къ равнинамъ Месо потаміи, не перешли по сѣверную сторону горъ Гордіенскихъ, не удалились отъ источниковъ Тигра. Всѣ преданія, заключающіяся

1) *M. Duncker:* Geschichte des Alterthums. 1855. 1,265.

въ книгахъ Моисеевыхъ о древнѣйшей родинѣ прародителей еврейскаго народа, показываютъ только, что они жили первоначально въ горахъ, ограничивающихъ Месопотамію съ сѣверо-востока, оттуда перешли въ Харранъ и, наконецъ, дошли до Ханаана, гдѣ начинается уже весьма подробная исторія ихъ,—исторія близко извѣстная большей половинѣ рода человѣческаго.

По прибытіи своемъ въ Ханаанъ, Авраамъ нашелъ тамъ своихъ одноплеменниковъ, говорившихъ на понятномъ для него языкѣ. За исключеніемъ нѣсколькихъ небольшихъ иноязычныхъ племенъ, нѣтъ сомнѣнія, что масса народонаселенія Ханаана, Финикіи, Арама, Месопотаміи и части Аравіи говорила въ глубокой древности на языкахъ взаимно весьма-сходныхъ, составляющихъ одну семью, извѣстную въ сравнительной филологіи подъ именемъ *симитической*. При этомъ замѣтимъ, что названіе это, укоренившееся въ употребленіи, дано совершенно произвольно и неудачно, такъ какъ можетъ подать поводъ къ недоумѣніямъ. Выше уже было объяснено, что въ переписяхъ народовъ у Моисея одноплеменность выражаетъ въ дѣйствительности сосѣдство, и симитическая группа заключаетъ въ себѣ обитателей средней полосы, безъ вниманія къ ихъ происхожденію. Во всякомъ случаѣ, нельзя не допустить, что народы, говорящіе на сходныхъ между собою языкахъ, суть развѣтвленія одного и того же первобытнаго племени; посему и народы, говорящіе на такъ называемыхъ симитическихъ языкахъ должны быть всѣ почитаемы одного происхожденія и называются симитами сходно съ условнымъ филологическимъ названіемъ.

Гдѣ же искать родину этого народа-праотца всѣхъ симитовъ? Нѣтъ никакихъ совершенно данныхъ для разрѣшенія вопроса. Кромѣ евреевъ, мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о происхожденіи другого симитическаго народа, игравшаго громкую роль въ древности—о финикіянахъ. Многія обстоятельства заставляютъ предполагать, что они пришли въ Ханаанъ съ низовьевъ Тигро-Евфрата, съ береговъ Персидскаго залива или даже отъ Эритрей-

скаго (Индійскаго) моря. [1]) Но изъ всѣхъ народовъ симитическаго происхожденія финикіяне представляютъ въ характерѣ своемъ наиболѣе примѣтъ чужеземной примѣси. Самое чистое воплощеніе симитскаго генія находимъ мы въ евреяхъ и потомъ въ меньшихъ братьяхъ ихъ, въ аравитянахъ. Переселеніе евреевъ съсѣверо-востока на равнину, единственное изъ всѣхъ симитскихъ переселеній, составляющее неоспоримое достояніе исторіи, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самое позднее. Прежнія извѣстны намъ какъ уже совершившіяся, но мы не знаемъ ни какъ, ни когда они совершились. Эта чистота родоваго генія показываетъ, что евреи позже всѣхъ соплеменниковъ своихъ покинули колыбель симитизма и позже всѣхъ подверглись вліянію чужеземному. По законамъ аналогіи, не для однихъ евреевъ, но и для всѣхъ вообще симитовъ можно предположить прежнее отечество въ горномъ краѣ, окаймляющемъ равнины Месопотаміи съ сѣверо-востока.

Край этотъ составляетъ самые южные предѣлы Арменіи, принимая для предѣловъ ея тѣ неизмѣнные рубежи, которые опредѣлила для нея сама природа. Край этотъ долженъ почитаться колыбелью всѣхъ симитовъ; здѣсь, въ дико-прекрасныхъ окрестностяхъ Ванскаго озера, не смотря на то, что нынѣ тамъ въ грубомъ нарѣчіи несторіанскихъ и халдейскихъ христіанъ слышатся звуки симитической рѣчи, они настоящіе туземцы, коренные обитатели. Эта страна, какъ мы объяснили, носитъ древнѣйшее положительное географическое названіе, съ которымъ связано воспоминаніе о первоначальной судьбѣ человѣчества, облеченное въ миѳическую форму. Далѣе къ сѣверу сама географія принимаетъ уже миѳическій характеръ.

Моисей Хоренаци въ армянской исторіи своей [2]) повѣствуетъ,

1) *Movers:* die Phönizier, II, 38; *Bertheau:* Zur geschichte der Israeliten, p. 163; *Knobel,* p. 311; *Tuch:* Kommentar über die Genesis, p. 244; Геродотъ, Clio, I, кн. 1.

2) *Mosis Chorenensis:* Hist. Armeniacae libri tres etc. ed. Whistoni (London 1736), lib. I, cap. XIV; въ русскомъ переводѣ Н. Эмина (Москва 1858) стр. 52.

что Шамирамъ (Семирамида), послѣ смерти супруга своего Нина, отправила пословъ къ царю армянскому Араю Прекрасному (Гегецику) съ предложеніемъ ему руки своей и всего царства Ассирійскаго. Предложеніе это было отвергнуто, и Семирамида выступила съ многочисленнымъ войскомъ противъ Арая: произошла кровавая битва, въ которой Арай погибъ отъ рукъ сыновей Семирамидиныхъ; поле битвы названо, въ память Арая, Араратскимъ, или, какъ нѣкоторые толкуютъ, Арай-аратъ (погибель Арая) 1). Нѣтъ надобности доказывать, что таковое объясненіе не имѣетъ тѣни правдоподобія. Названіе Арарата не можетъ быть истолковано помощію армянскаго языка; слѣдовательно, если оно и извѣстно армянамъ, то заимствовано ими у другого народа. Какъ мѣстное названіе встрѣчается оно въ числѣ наименованій 15 провинцій, на которыя Великая Арменія раздѣлена была при династіи Аршакидовъ, т. е. во II вѣкѣ до Р. Х., одинадцать вѣковъ послѣ Моисея. Конечно, нельзя безусловно утверждать, чтобы названіе это не было ранѣе еще извѣстно въ Арменіи, но, во всякомъ случаѣ, таковаго предположенія ничѣмъ нельзя доказать. Замѣтимъ притомъ, что иноязычное названіе чаще выпадаетъ на долю цѣлымъ провинціямъ, чѣмъ урочищамъ: первыя нерѣдко искусственно придумываются правительствами, послѣднія даются народомъ. Библейское названіе „Аратъ" весьма естественнымъ образомъ сдѣлалось извѣстнымъ въ Арменіи во II вѣкѣ до Р. Х. подъ вліяніемъ сирійской цивилизаціи или изъ разсказовъ евреевъ, которые въ то время въ огромномъ числѣ жили въ Арменіи. Какъ бы то ни было, но такъ называемая нами гора „Араратъ" до сихъ поръ неизвѣстна подъ этимъ именемъ ни армянамъ, ни другимъ сосѣднимъ народамъ. Армяне называютъ ее „Масисъ" и для объясненія этого названія намъ нѣтъ надобности прибѣгать къ потомку Іафетову въ шестомъ колѣнѣ, къ армянскому царевичу

1) *Шопенъ*: Историч. памятникъ Армянской области (Спб. 1852) стр. 235.

Амасіи, который будто бы далъ имя свое горѣ. *Масисъ*, всего вѣроятнѣе, происходитъ отъ зендскаго слова *масъ*—большой, которое имѣетъ множество родственныхъ словъ въ языкахъ индо-европейскаго корня. [1]) Армянскіе писатели часто даже называютъ Масисъ Великой горою, что приводитъ насъ къ первоначальному значенію названія. [2])

Но если армяне никогда не называли Масиса Араратомъ, то, быть можетъ, названіе это дано евреями.

Разберемъ тѣ немногіе тексты библіи, въ которыхъ говорится объ Араратѣ.

И остановился ковчегъ . . на горахъ Араратскихъ. [3]) Нельзя не обратить вниманія на неопредѣленность выраженія; здѣсь не говорится о какой либо вершинѣ, а *о горахъ Араратскихъ*. Ничто столько не придаетъ особенности виду Арарата, какъ совершенно отдѣльное положеніе его. Правда, что гора имѣетъ двѣ вершины, называемыя Большимъ и Малымъ Араратомъ но, не смотря на то, обѣ онѣ принадлежатъ одной и той же горѣ, подошва которой обозначается такъ явственно на гладкой Аракской равнинѣ, что вездѣ почти можно безошибочно опредѣлить первый шагъ, сдѣланный на покатость. Утвердительно можно сказать, что выраженіе „горы Араратскія" не совмѣстно съ нагляднымъ впечатлѣніемъ, производимымъ горою; это выраженіе или указываетъ на какую то систему горъ или, еще неопредѣленѣе, на горы, заключающіяся въ какой то странѣ.

„Адрамелехъ и Сарасаръ, сынове его, убиша его мечми, сами же убѣжаша во Арменію". [4]) Тоже самое событіе изложено въ другомъ мѣстѣ библіи: Адрамелехъ и Шарецеръ, сы-

1) Mah—по санскр., Medz по арм., μειζων—по греч., mees—готск., most—англ., masse, масса. Nouv. annales des Voyages, 1846, Sept., p. 264.

2) *St. Martin*: Mém. sur l'Arménie, I, 49; *Mosis Chor*. lib. I, cap. XXIX русскаго перевода Н. Эмина стр. 68.

3) Бытія VIII, 4.

4) *Исаія* 37, 38.

новья его, убили его мечемъ, а сами убѣжали въ землю Араратскую". [1]) Такимъ образомъ Арменія принимается здѣсь за одно съ землею Араратскою. Впрочемъ евреямъ едва ли было извѣстно названіе Арменіи; по крайней мѣрѣ въ еврейскомъ подлинникѣ библіи оно ни разу не встрѣчается. Арменія поставлена на мѣсто земли Араратской въ переводѣ 70 толковниковъ, откуда названіе это перешло и въ славянскій переводъ, точно также какъ земля Халдейская вмѣсто Уръ-Касдима, что мы уже выше замѣтили. Во всякомъ случаѣ, здѣсь Араратъ означаетъ не гору, а область; Арменія греческаго перевода, вмѣсто земли Араратской еврейскаго подлинника, доказываетъ кромѣ тождества этихъ названій и то, что въ времена 70 толковниковъ т. е. въ III вѣкѣ до Р. Х. первое изъ нихъ вытѣснило уже изъ употребленія второе, повидимому болѣе древнее. Два вѣка спустя въ Страбоновомъ описаніи Арменіи мы не встрѣчаемъ названія Араратъ, ни для страны, ни для горы, не смотря на то, что въ это время несомнѣнно,—хотя быть можетъ только официально,—существовало это названіе для обозначенія одной изъ провинцій Армянскаго царства.

Созовите на него царства Араратскія, Минійскія и Аскеназскія [2]). Мы возвратимся впослѣдствіи къ этому тексту, заключающему въ себѣ весьма важныя указанія для древнѣйшей армянской исторіи. Здѣсь замѣтимъ только, что названіе Араратъ принимается уже не для обозначенія какой либо области, но для цѣлой страны, заключающей въ себѣ нѣсколько царствъ. Это какъ бы уводитъ насъ въ миѳическую географію древнихъ народовъ, въ Скиѳію, Туранъ, Эѳіопію.

Сличеніе текстовъ священнаго писанія, въ которыхъ встрѣчается названіе Араратъ, приводитъ насъ къ убѣжденію въ томъ что: 1) Араратъ принимается въ священномъ писаніи за названіе страны, а не какой либо извѣстной горы. 2) Названіе это тожде-

1) Кн. IV Царствъ, XIX, 37.
2) *Іеремія* 51, 27.

ственно съ Арменіей, принимая послѣднюю въ тѣхъ границахъ, которыя сама природа создала для нея. Армянское возвышенное плато поднимается непосредственно надъ Месопотаміей съ сѣверной стороны ея; если, какъ все заставляетъ думать, страна Араратъ есть Арменія, то таковой Араратъ, въ видѣ длинныхъ, частію покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, горныхъ хребтовъ, замыкалъ собою съ сѣвера широкій горизонтъ плоской, жаркой Месопотаміи. Эта высокая страна, прохладная, дивно-разнообразная, подчиненная особымъ условіямъ физической жизни, составляла для евреевъ какъ бы особую часть свѣта, не ту симитскую, въ которой они жили. Происхожденіе даже названія Араратъ позволительно объяснять помощію симитическихъ языковъ: *аръ*=высота; удвоеніе слова, по духу этихъ языковъ, выражаетъ весьма большую высоту [1]).

Гдѣ же въ стороны, противуположныя Месопотаміи, къ сѣверу и сѣверо-востоку, кончалась, по мнѣнію евреевъ, эта высокая Араратская страна? На этотъ вопросъ нельзя дать опредѣленнаго отвѣта; скажемъ болѣе: эти отдаленные предѣлы не существовали въ землезнаніи, ни даже въ воображеніи евреевъ. Справедливо замѣтилъ глубокомысленный Риттеръ, что наша система землезнанія преимущественно занимается внѣшнею формою, наружными очертаніями [2]), иногда даже выпуская изъ виду содержаніе, что, напротивъ, у браминовъ содержаніе вытѣсняетъ форму. Что же сказать послѣ этого о симитахъ, чуждыхъ мыслію и формѣ и содержанію мірозданія, чуждыхъ всѣмъ элементамъ, изъ которыхъ создается человѣческая наука!

Земля Араратская не была совершенно неизвѣстною страною для симитовъ. Какъ мы увидимъ далѣе, исчисляя всѣ извѣстные евреямъ народы, Моисей называетъ и тѣ, которые, по всей вѣроятности, жили въ его время въ Закавказьѣ и даже по сѣверную сторону Кавказа. О народахъ этихъ, какъ видно, дошелъ слухъ

1) Nouv. annales des voyages. 1846. Sept. p. 264.
2) *Ritter*: Erdkunde, Zweiter Theil, 3—4.

БИБЛИОТЕКА № 39445 41566

до евреевъ, но ни въ книгахъ Моисея, ни въ цѣломъ ветхомъ завѣтѣ нѣтъ никакого намека на существованіе Кавказскаго хребта, не смотря на то, что послѣдній рѣзко отдѣляется отъ возвышеннаго Армянскаго плато. Для земли Араратской встрѣчаемъ мы у Моисея только одно названіе горы, это есть *Маси*, [1]) названіе, безъ сомнѣнія, одинаковаго происхожденія съ Эриванскимъ Масисомъ, но служащее для обозначенія совершенно другаго хребта, а именно: высокой окраины послѣдняго уступа Армянскаго плато, который возвышается надъ Харраномъ и, слѣдовательно, былъ хорошо извѣстенъ и памятенъ евреямъ. Это названіе *Маси* безъ перемѣны перешло черезъ длинные ряды вѣковъ: Страбонъ въ географіи своей называетъ именно эту часть хребта τὸ Μάσιον ὄρος,— горы Масійскія [2]).

Мы полагаемъ, что сдѣланный нами разборъ текстовъ священнаго писанія позволяетъ намъ теперь опредѣлить, какою именно цѣпью воспоминаній народъ еврейскій во времена Моисеевы связанъ былъ съ Арменіей. Если какой либо народъ считаетъ себя пришельцемъ въ странѣ, въ которой обитаетъ, то долго помнитъ, откуда пришелъ; забывъ даже названіе земли отцовъ своихъ, простолюдинъ по солнцу укажетъ рукою сторону, откуда пришли они: это есть самое живучее воспоминаніе. Часто за эту первобытную родину принимается какая либо ближайшая страна, которая дѣйствительно лежала на пути переселенцовъ и служила имъ временнымъ пристанищемъ, прежде чѣмъ пріискали они для себя окончательно новое отечество. Евреи помнили, что вышли на равнину изъ высокой страны, названной ими потому землею *Араратскою*; помнили, въ которую сторону лежала эта земля, знали по имени ближайшія къ равнинѣ горы Масійскія, равно какъ и ближайшій къ равнинѣ округъ этой высокой страны Арфаксадъ, Уръ-Касдимъ, землю Касдовъ, Халдеевъ: въ этомъ

1) Бытія X, 30.
2) *Страбонъ* кн. XI гл. 5, § 6; гл. 12 § 4; гл. 14, § 2.

округѣ, какъ думали они, жилъ праотецъ ихъ, что было очень давно, вскорѣ послѣ потопа, когда людей еще на землѣ было немного и всѣ они жили въ странѣ Араратской, не успѣвъ далеко отойти отъ того мѣста, гдѣ остановился ковчегъ, который, слѣдовательно, остановился на тамошнихъ горахъ, на горахъ Араратскихъ; горами покрыта была вся эта высокая страна, горы тянулись въ неизмѣримую даль. . . .

Преданія о потерянномъ раѣ, о постепенномъ распространеніи зла на землѣ, о всемірномъ потопѣ, о спасеніи небольшаго числа праведныхъ, о примиреніи Бога съ обновившимся твореніемъ—сохранились въ памяти весьма многихъ народовъ, но преданія эти каждый народъ разцвѣтилъ по своему самобытными созданіями своего воображенія. Если изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ повѣствованій выбрать только то, что въ нихъ есть общаго, то составился бы разсказъ сжатый, ясный, общечеловѣческій, не подчиненный никакому мѣстному колориту, никакому мѣстному или преходящему духовному настроенію, разсказъ вполнѣ удовлетворительный для вѣрующаго, но не для ученаго: послѣдній тщетно силился бы заключить его въ своей геологической, или географической, или исторической рамкѣ. Къ таковому, совершенно отрѣшившемуся отъ всѣхъ мѣстныхъ условій, преданію всего ближе подходятъ сказанія Моисея о всемірномъ потопѣ.

Но люди не могли помириться съ этою неизвѣстностію: они стали искать мѣсто, гдѣ впервые ступилъ спасшійся человѣкъ на осохшую землю, гдѣ въ лицѣ его Богъ благословилъ все земное на новую жизнь.

Къ этому весьма естественному любопытству скоро примѣшалось и чувство національнаго самолюбія, мечта о первородствѣ въ семьѣ народовъ, о неземномъ происхожденіи роднаго языка. Во многихъ странахъ возникло непоколебимое убѣжденіе, что таковое мѣсто, освященное всемірно-великимъ событіемъ, найдено или, лучше сказать, что память о немъ никогда не была утрачена.

Сходство индійскихъ преданій о потопѣ съ симитическими такъ поразительно, что нельзя не принять котораго либо изъ двухъ мнѣній: *или* что симиты и индусы самостоятельно сохранили воспоминанія, почерпнутыя ими изъ одного общаго центра, который искать должно въ послѣпотопной колыбели рода человѣческаго; *или* что одни заимствовали таковыя преданія у другихъ уже въ позднѣйшія времена.

Оставляя неприкосновеннымъ многознаменательный догматъ единства происхожденія рода человѣческаго, мы скажемъ, что наукѣ не только не удалось доказать догмата этого тѣми способами, которыми она обладаетъ, но даже невозможность таковаго доказательства съ каждымъ успѣхомъ науки становится очевиднѣе. Такимъ образомъ, хотя наука и доказала несомнѣннымъ образомъ единство происхожденія массы народонаселенія Индустана съ массою народонаселенія Европы, но таковаго единства между симитами и индусами не только доказать невозможно, но даже невозможно и объяснить, если бы допустить его a priori [1]). Съ другой стороны много есть признаковъ, заставляющихъ думать, что, во времена доисторическія, праотцы индусовъ и праотцы симитовъ жили близкими сосѣдями и въ тѣсномъ между собою соприкосновеніи. Если только мы можемъ отыскать страну, гдѣ эти двѣ расы находились между собою въ соприкосновеніи въ доисторическія времена, то, конечно, страна эта пріобрѣтетъ въ

1) *Julius Fürst*: Lehrgebaeude der Arameischen Idiome. (Lpz. 1835); *Franz Delitsch*: Tesurun sive Isagoge in grammaticam et lexicographiam linguae hebraicae. (Lpz. 1848); *Bunsen*: Outlines of the philosophy of universal history. (London 1854); *Max Müller*: Letter on the classification of the Turanian languages, помѣщены въ предъидущемъ сочиненіи. Опроверженія этихъ попытокъ привести симитовъ и индо-европейцевъ къ одному корню можно найти въ статьяхъ *Потта* (Aug. Friedr. Pott): въ Deutsche morgenländische Zeitschrift 1855 Bd. IX, p. 405; *Ersch* ung *Gruber*' s Encyclopädie, Zweite Section, 18 Theil. (Lpz. 1840) S. 7 N 11; Die Ungleichheit menschlicher Rassen. 1856. pp. 191, 202, 242, 263; *E. Renan*: de l'origine du langage. 1858. p. 40, 200 и сл.

глазахъ нашихъ особыя права на честь называться колыбелью рода человѣческаго.

Мнѣніе, что преданія индусовъ о всемірномъ потопѣ заимствованы ими уже въ историческія времена изъ западной Азіи, принадлежитъ знаменитому французскому ученому Евг. Бюрнуфу, [1]) котораго имя составляетъ громкій авторитетъ въ наукѣ. Но мнѣніе это подверглось весьма основательнымъ опроверженіямъ [2]). Мы не станемъ здѣсь излагать подробности индійскихъ сказаній о потопѣ: замѣтимъ только, что даже во многихъ именахъ собственныхъ они представляютъ сходство съ сказаніями Моисеевыми. Ману (Мануша, Mensch [3]), человѣкъ) съ семью мудрыми (Риши) выходитъ изъ ковчега на вершинѣ Гимавата, которая посему называется *Наубандхана* (нау-корабль и бандха—привязывать). Здѣсь замѣчательно это число *восьми* людей, спасшихся отъ потопа, тожественное съ числомъ, показаннымъ въ Моисеевомъ сказаніи; любопытно также указаніе на значеніе имени Ной (плаватель). Согласно другому индійскому преданію, [4]) ковчегъ остановился въ горахъ *Тахтъ Солиманъ* на возвышенной равнинѣ Арія-варта (Араратъ), гдѣ много дикихъ масличныхъ деревьевъ. Съ Эриванскаго Арарата далеко должно было летѣть голубицѣ, чтобы принести въ ковчегъ масличную вѣтвь.

Неизвѣстно, составили ли себѣ Ханаанскіе евреи какое либо опредѣлительное понятіе о мѣстѣ, гдѣ остановился ковчегъ. Древнѣйшее указаніе въ этомъ отношеніи находимъ мы у Флавія Іосифа

1) Bhagavata-Purana. t. III, p. XXI, L. 1. Cp. *F. Nève*: la tradition indienne du déluge dans sa forme la plus ancienne. Paris 1851.

2) *G. Ewald*: Geschichte des Volks Israel. 2-e Ausgabe, 1, 361 и Jahrbücher der biblischen Wissenschaft. 1852. IV, 227; *Roth*: Indische Studien. 1850. t. 1. p. 161 и сл., *Weber* въ Münchener gelehrte Anzeiger. 1849. p. 26 и сл., 1850. p. 72; *Fr. Windischmann*: Ursagen der arischen Völker. München 1852. p. 4 и сл. *A. Kuhn*: Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1854. t. IV. p. 88.

3) *Fr. Bopp*: die Sündfluth nach dem Maha-Bharata. 1827.

4) *Ritter*: Vorhalle europäischer Völkergeschichten. (Berlin 1820). p. 330

въ его сочиненіи о древностяхъ іудейскихъ [1]): «о потопѣ семъ и о ковчегѣ упоминаютъ всѣ бытописатели варварскихъ народовъ, между прочими Берозъ Халдеецъ. Говоря о потопѣ, онъ такъ выражается: разсказываютъ, что около горы Кордіейской до сихъ поръ существуетъ остатокъ корабля, который приплылъ въ Арменію, и что нѣкоторые соскабливаютъ съ него смолу, весьма употребляемую въ народѣ при очищеніи отъ грѣховъ. Объ этомъ упоминаетъ и Іеронимъ египтянинъ, который, какъ извѣстно, писалъ о древностяхъ финикійскихъ, равно какъ Мнизеасъ и многіе другіе. Николай Дамасскій въ XCVI книгѣ своей исторіи пишетъ: есть выше страны Минійской, въ Арменіи, большая гора, по имени Барисъ, на которой, какъ разсказываютъ, многіе спаслись бѣгствомъ во время потопа и нѣкто прибылъ на вершину горы въ ковчегѣ, остатки котораго долгое время сохранялись. Повидимому, человѣкъ этотъ тотъ самый, о которомъ писалъ Моисей, законодатель іудейскій».

Судя по немногимъ свѣдѣніямъ, которыя мы имѣнемъ о Березѣ, халдейскомъ историкѣ, можно положить, что онъ жилъ за три вѣка до Р. Х. [2]) Изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ его сочиненій, равно какъ и сочиненій ученика его Абидена, видно, что, по мнѣнію вавилонянъ, нѣкто Ксизутръ спасся во время всемірнаго потопа въ ковчегѣ, который остановился на Курдистанскихъ горахъ. Какъ бы то ни было, но древнѣйшее положительное указаніе симитовъ на мѣсто, гдѣ остановился ковчегъ, приводитъ насъ въ самые южные предѣлы Арменіи, гдѣ соприкасается она съ Месопотаміей, въ горы Кордіейскія, Гордійскія, Карду, гдѣ, какъ мы выше уже видѣли, была колыбель евреевъ, страна Арфаксадъ, Уръ-Касдимъ, земля Халдейская.

1) *Fl. Josephi* Antiquit. Jud. (Oxoniae 1700) Cap. III. lib. 1. §§ 6, 18.

2) *Moréri*: Dict. hist. (Amst. 1740) t. II, p. 238; Biographie universelle t. IV, (Paris 1811), p. 335; *Prideaux*: Connexion of the history of the Old and New Testament. (Lond. 1725). vol. II, p. 803.

Доказательствомъ, какъ распространено было между симитами убѣжденіе въ томъ, что ковчегъ остановился именно въ горахъ Курдистанскихъ, служитъ тарджумимъ т. е. халдейское толкованіе пятикнижія, составленное Онкелосомъ. *Горы Араратскія* подлинника названы у Онкелоса горами *Кордукскими*. Мы уже не разъ имѣли случай замѣтить, что въ греческомъ переводѣ семидесяти толковниковъ древнія названія еврейскаго подлинника замѣняемы были новѣйшими, сдѣлавшимися уже болѣе извѣстными. Такъ и устарѣвшее названіе Арарата въ иныхъ мѣстахъ замѣнено Арменіей. Этой самой системѣ слѣдовалъ и халдейскій парафразистъ; замѣняя названіе горъ Араратскихъ горами Кордукскими, онъ не противурѣчитъ ни подлиннику, ни переводу 70 толковниковъ, ни всѣмъ прочимъ переводамъ, такъ какъ горы Корду, заключающія въ себѣ источники Тигра, находятся въ предѣлахъ Арменіи или, что тоже самое, въ предѣлахъ страны Араратской. Горы эти, конечно, могли называться въ общемъ смыслѣ горами Араратскими. Халдейское толкованіе, какъ видно, придаетъ только болѣе опредѣлительное значеніе указанію подлинника и другихъ переводчиковъ.

Мнѣніе, согласно которому ковчегъ остановился на одной изъ горъ, ближайшихъ къ Месопотаміи, принято большею частію восточныхъ христіанъ, сирійскихъ и арабскихъ. Св. Епифаній, жившій въ IV в., въ сочиненіи своемъ противъ ересей пишетъ: «послѣ потопа ковчегъ Ноевъ остановился на горахъ Араратскихъ между Арменіей и Курдистаномъ, на горѣ, называемой Лубаръ. Тамъ послѣ потопа было первое жилище людей» [1]). Гора Лубаръ, по мнѣнію Св. Епифанія, возвышалась надъ равниной Сеннаарской. Св. Ефремъ полагалъ, что гора Араратъ находится въ Ассирійскихъ горахъ, занимаемыхъ курдами. На мѣстѣ, освя-

1) Epiph. adv. Hores. lib. 1. p. 4, 5.

щенномъ воспоминаніемъ о ковчегѣ, устроенъ былъ монастырь [1]).

Эти древнія преданія до нашего времени сохранились во всей свѣжести своей въ Курдистанѣ, хотя первоначальная чистота ихъ и омрачилась обильною примѣсью невѣжественнаго суевѣрія тамошнихъ жителей. Согласно мѣстнымъ повѣрьямъ, колыбель возрожденнаго человѣчества находится на высокомъ хребтѣ *Джебель-Джуди*, который тянется къ югу отъ озера Вана по лѣвому берегу верхняго Тигра. Селеніе Нахраванъ получило названіе свое отъ Ноя; по близости, на высотахъ Джебель-Джуди, находится урочище, называемое *Теманинъ* отъ арабскаго ثمان (тсеманъ восемь), въ память восьми спасшихся людей; тамъ, въ устроенной дервишами молельнѣ, каждую пятницу сами собою зажигаются таинственные огни [2]). Въ справедливости всего этого твердо убѣждены окрестные жители, и лѣтъ тридцать тому назадъ турецкій паша увѣрялъ англійскаго резидента Рича, что онъ самъ восходилъ на вершину Джебель-Джуди и собственными глазами видѣлъ тамъ остатки большаго корабля, въ которомъ виднѣлись еще длинные гвозди [3]).

Но въ сдѣланной нами выпискѣ изъ Флавія Іосифа есть еще ссылка на Николая Дамасскаго (жившаго около времени Р. Х.); показаніе послѣдняго заслуживаетъ особаго разбора.

Трудно опредѣлить, въ какой части Арменіи находилась гора Барисъ. Названіе это встрѣчается у Страбона въ одномъ мѣстѣ: «разсказываютъ, что нѣкоторые Айніанцы поселились частію въ Уитіи, частію же за армянами, по ту сторону горы Абоса и горы Имбара, двухъ частей Тавра, изъ которыхъ первая, Абосъ, находится подлѣ дороги, ведущей къ Екбатанѣ и проходящей мимо

1) *Assemani*: Bibliotheca orientalis Clementino—Vaticana (1—4 Roma 1719—28), T. II, p. 113.

2) I. *Rennel*: Illustrat. 1. c. p. 162.

3) I. *Rich*: Narrat. II p. 124.

святилища Бариды» [1]). Въ другомъ мѣстѣ [2]) Страбонъ говоритъ, что изъ Абоса берутъ начало свое Евфратъ и Араксъ, изъ которыхъ одинъ течетъ къ западу, а другой къ востоку. Это опредѣленіе неясно, потому что есть два отдѣльныхъ верховья Евфрата, но если примемъ за Абосъ хребетъ Бингёль и восточное продолженіе его между Араксомъ и Мурадомъ (восточнымъ верховьемъ Евфрата) до самаго Эриванскаго Арарата, то опредѣленіе, сдѣланное Страбономъ, становится понятнымъ. Какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Абосомъ Страбонъ называетъ горный хребетъ, лежащій въ центрѣ Арменіи, вдали отъ Месопотаміи. Весьма трудно объяснить, въ честь какого божества устроено было святилище Бариды (της Βαριδος νεων), такъ какъ богиня таковаго имени неизвѣстна. Для разрѣшенія этого вопроса истрачено было много учености [3]) и хотя выводы получились весьма различные, но всѣ они показываютъ, подъ вліяніемъ какого общаго предположенія было разбираемо загадочное слово. Слово это встрѣчается только разъ у Геродота [4]) въ видѣ названія для особыхъ судовъ весьма простаго устройства, бывшихъ въ употребленіи у египтянъ; оно, повидимому, не греческое, а принадлежитъ какому то восточному языку. По этому святилище Бариды или гора Барисъ имѣютъ, какъ кажется, отношеніе къ ковчегу. Теперь Эриванскій Араратъ окрестными жителями обыкновенно называется Агыръ-дагъ اغرطاغ, что значитъ по турецки тяжелая, трудная гора. Названіе это, впрочемъ, объясняютъ какъ испорченное Арги-дагъ, что приближаетъ къ греческому *Арго*, названію корабля Аргонавтовъ и къ *Арка*, названію ковчега въ переводѣ 70 толковниковъ. Бохартъ производитъ названіе свитилища *Барисъ* отъ еврейскаго слова: «беритсъ», что значитъ *завѣтъ поставилъ*, слово, семь разъ

1) *Страбонъ,* кн. XI, гл. 14, § 14.
2) Тамъ же, § 2.
3) *Ritter*: Erdkunde, X, 360.
4) *Геродотъ,* кн. II § 96.

повторяющееся въ повѣствованіи Моисея о томъ, какъ Елогимъ [1]) благословилъ Ноя и сыновей его [2]). Наконецъ, названіе Барисъ объясняютъ и армянскимъ словомъ «барисъ» или «баризъ», что значитъ исходъ. Замѣтимъ, что Фл. Іосифъ повѣствуетъ, что армяне назвали мѣсто, гдѣ вышелъ Ной съ сыновьями изъ ковчега ἀποβατήριον, что значитъ по гречески исходъ.

Какъ мы видимъ, недоумѣніе скорѣе можетъ возникнуть изъ изобилія таковыхъ словотолкованій, чѣмъ изъ недостатка. Это изобиліе вполнѣ доказываетъ совершенную безплодность ихъ для науки тамъ, гдѣ не подтверждаются они разносторонними сближеніями, основанными на историческихъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ, можно положить за несомнѣнное, что гора Барисъ находилась не на краю, а въ центрѣ Арменіи, не въ дальномъ разстояніи отъ Аракса. Въ такомъ случаѣ, всего вѣроятнѣе, что преданіе связано было съ Эриванскимъ Араратомъ, который не только огромностью своею, но и весьма оригинальнымъ видомъ привлекаетъ на себя вниманіе, предпочтительно предъ всѣми окрестными горами. И такъ, свидѣтельство Николая Дамасскаго доказываетъ, что уже во времена Р. Х., кромѣ горъ Курдистанскихъ, народное вѣрованіе связывало преданіе о ковчегѣ еще съ другою горою въ центрѣ Арменіи, по всей вѣроятности съ Эриванскимъ Араратомъ.

Нетрудно объяснить, почему таковое мнѣніе возникло уже въ позднѣйшія времена. Мы видѣли, что ханаанскіе евреи придавали названію Араратской страны весьма обширное значеніе; всякая гора въ Арменіи могла называться горою Араратскою. Весьма естественнымъ образомъ преданіе первоначально остановилось на наиболѣе близкихъ къ Месопотаміи и слѣдовательно на наиболѣе извѣстныхъ симитамъ горахъ, на горахъ Курдистанскихъ, тѣмъ бо-

1) Такъ называется Всевышній въ книгахъ Моисеевыхъ. Іегова есть позднѣйшее названіе.

2) Бытія IX, 9—17.

лѣе, что древнѣйшія сказанія еврейской исторіи съ ними связаны. Съ теченіемъ времени, неопредѣленное названіе «страна Араратская» замѣнилось Арменіей; Араратъ сдѣлался названіемъ области, лежащей въ центрѣ Арменіи; прежнее общее значеніе этого названія было забыто; должно было искать мѣсто пристанища ковчега въ горахъ области Араратской, и вниманіе не могло не остановиться на величественномъ при-аракскомъ Масисѣ. Это совершенно объясняется слѣдующимъ мѣстомъ изъ сочиненія Блаженнаго Іеронима, одного изъ ученѣйшихъ комментаторовъ библіи, жившаго во второй половинѣ IV и началѣ V в. по Р. X. [1]) «Араратъ, пишетъ онъ, есть ровная страна въ Арменіи, орошаемая Араксомъ, невѣроятно плодородная, у подошвы горы Тавра, который распространяется до этого мѣста. Слѣдственно, и ковчегъ, въ которомъ спасся Ной съ дѣтьми своими, по окончаніи потопа, остановился не вообще на горахъ Арменіи, которая называется Араратомъ, но на высочайшихъ горахъ Тавра, которыя поднимаются надъ полями Араратскими». Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что современникъ Св. Іеронима, историкъ армянскій Моисей Хоренаци ни слова не говоритъ о правахъ при-аракскаго Масиса на столь громкую знаменитость; доказательство, что мнѣніе это въ его время еще не сдѣлалось общенароднымъ. Впрочемъ, Араратская область въ этомъ вѣкѣ пріобрѣла въ глазахъ армянскаго народа глубоко-національный характеръ святости; въ ней, въ виду величественнаго Масиса, Царь Тиридатъ и народъ его воспріяли св. крещеніе; край просвѣтлѣлъ воспоминаніями о мѣстахъ, гдѣ жилъ, страдалъ и подвизался Св. Григорій, Просвѣтитель Арменіи.

Подобно тому, какъ въ средніе вѣка Іерусалимъ почитался средоточіемъ вселенной, такъ и для армянъ окрестности Масиса представились средоточіемъ всего обширнаго отечества ихъ,—даже средоточіемъ вселенной (Միջոց աշխարհի миджоцъ ашхархи)

1) Opera Sancti Hieronym. t. IV p. 12 Comment. in Isaiam.

umbilicus mundi, откуда рѣки текутъ во всѣ четыре стороны свѣта. [1]) Гдѣ же было и остановиться ковчегу, какъ не на высшей точкѣ этого средоточія вселенной!

Таковое убѣжденіе скоро пустило глубокіе корни въ умахъ армянъ.

Теперь еще вся долина Аракса въ Эриванской губерніи усѣяна свѣжими воспоминаніями о Ноѣ и семействѣ его; показываютъ мѣсто, гдѣ патріархъ принесъ первое жертвоприношеніе послѣ потопа, гдѣ насадилъ онъ виноградъ, гдѣ добылъ первый кусокъ соли, гдѣ поселился, гдѣ похороненъ... Чтобы доказать не только то, что ковчегъ дѣйствительно остановился на горѣ Масисѣ, но и то, что Ной говорилъ на армянскомъ языкѣ, туземные ученые прибѣгли къ самымъ изысканнымъ толкованіямъ мѣстныхъ топографическихъ названій. Названіе селенія Архури, которое находилось на уступѣ Большаго Арарата и погибло во время землетрясенія 1840 г., значитъ: онъ посадилъ виноградъ; округъ Арнойотнъ, къ востоку отъ Арарата,—*около Ноевой ноги*; Марандъ, городъ въ Адербиджанѣ,—*мать тамъ*, гдѣ и показываютъ могилу жены Ноевой; Нахичевань—*первое пристанище*. Послѣднее названіе заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, какъ весьма древнее, потому что Птоломей, писавшій въ началѣ II в. по Р. Х., упоминаетъ уже о городѣ Наксуанѣ,—греческая передѣлка армянскаго имени. Но, само собою разумѣется, что нѣтъ надобности прибѣгать къ потопу, чтобы объяснить себѣ возможность происхожденія таковаго названія.

Въ христіанской Европѣ, какъ кажется, долго придаваемо было Моисееву сказанію о потопѣ неопредѣленное значеніе, тѣмъ болѣе что, при затруднительности прямыхъ сношеній, всѣ свѣдѣнія объ Арменіи сдѣлались смутными и неопредѣленными. Рѣдкіе путешественники, посѣщавшіе этотъ край, сообщали мѣст-

1) *Mosis Chorenensis,* Geographia in Hist. Arm., ed. Whistoni, (Lond 1736). p. 358.

ныя легенды о Масисѣ, какъ нѣчто новое и неизвѣстное. Рубруквисъ [1]) (1253 г.) разсказываетъ, что онъ слышалъ въ Наксуанѣ (въ Нахичевани) будто бы на одной изъ двухъ горъ, у подошвы которыхъ протекаетъ Араксъ и которыя называются Масисъ, остановился ковчегъ. Тоже повѣствуетъ и Венеціанецъ Марко-Поло [2]), который, притомъ, и объясняетъ названіе горы Агыръ-дагъ посредствомъ Арка-дагъ—гора ковчега. Турнефоръ [3]), посѣтившій Арменію въ 1701 году, сомнѣвается въ справедливости преданія о Масисѣ. [4]). По мѣрѣ ближайшаго ознакомленія съ Арменіей, мѣстное повѣрье о ковчегѣ дѣлалось болѣе и болѣе извѣстнымъ въ Европѣ: теперь всякій знаетъ географическое положеніе библейской горы Арарата, хотя гора эта и совершенно неизвѣстна туземцамъ подъ таковымъ названіемъ.

Допустивъ, что Масисъ есть дѣйствительно гора ковчега, нѣкоторые германскіе ученые шагнули еще далѣе: они старались проникнуть причины, по которымъ гора эта сдѣлалась избранницею между всѣми горами земнаго шара или, по крайней мѣрѣ, между всѣми горами стараго свѣта. Оставляя въ сторонѣ мистическія толкованія, мы приведемъ здѣсь только мнѣнія Раумера и Гофа объ этомъ предметѣ, [5]) какъ болѣе ясныя и опредѣли-

1) Voyage en Orient du Frère Guillaume de Rubruk въ Recueil de Voyages et de Mémoires publié par la Société de Géographie. (Paris, 1824—1840. 4⁰), T. IV, 1839, p. 383—387.

2) *Marco Polo*, lib. 1, c. 2.

3) *Pitton de Tournefort*: Relation d'un voyage du Levant (T. 1, 2, Amsterdam, MDCCXVIII) t. 2, p. 140.

4) Необходимо прибавить, что Турнефоръ сомнѣвался вслѣдствіе того, что въ окрестностяхъ Арарата нѣтъ масличныхъ деревъ. Вотъ его подлинныя слова: „je ne sçai où la Colombe qui sortit de l'Arche fut chercher un rameau d'Olivier, supposé que l'Arche se soit arrêtée sur le Mont Ararat, ou sur quelque autre montagne d'Armenie; car on ne voit pas de ces sortes d'arbres aux environs, ou il faut que l'espece s'en soit perdue; cependant les Oliviers sont des arbres immortels.“ II, 140. Примѣч. ред.

5) *Raumer*: der Ararat etc. ein Beitrag zur biblischen Erdkunde in Herta Bd. XIII, 1829, pp. 333—340; *Carl Hoff*: Geschichte der durch

тельныя. Весьма естественнымъ образомъ можно предполагать для горы ковчега таковое географическое положеніе, которое благопріятствовало бы эксцентрическому разселенію рода человѣческаго, положеніе въ узлѣ великихъ, проведенныхъ самою природою путей, по которымъ люди могли бы постепенно производить свои переселенія. Замѣчены слѣдующія особенности положенія горы Арарата въ отношеніи къ материкамъ древняго свѣта: 1) она находится почти въ самой серединѣ длиннѣйшаго протяженія материка отъ мыса Доброй Надежды до Берингова пролива, 2) почти въ серединѣ великой африко-азіатской полосы пустынь, 3) въ серединѣ длинной полосы средиземныхъ морей и озеръ, начиная отъ Гибралтара до Байкала и 4) въ центральномъ положеніи въ отношеніи къ окрестнымъ морямъ: Каспійскому, Черному, Средиземному, Чермному и заливу Персидскому. Эти особенности дѣйствительно замѣчательны, но не имѣютъ никакого отношенія къ предполагаемымъ условіямъ положенія горы ковчега. Здѣсь обнаруживается для Арарата только центральность разстояній, центральность математическая, между тѣмъ какъ удобства переселеній народовъ опредѣляются другими законами, физическимъ устройствомъ земнаго шара, сходствомъ и противуположностію климатовъ, естественныхъ произведеній, всѣхъ условій жизни. Внимательное изученіе физической географіи вполнѣ обнаруживаетъ, что не на Араратѣ должны мы искать пункта, разсѣвающаго всѣ таковыя условія. Притомъ, не только для младенчествующаго послѣпотопнаго человѣчества, но и для пережившаго уже цѣлыя тысячелѣтія, негостепріимныя моря, каковы Черное и Каспійское, представляли преграды, а не средства къ разселенію.

Ueberlieferung nachgewiesenen natürl. Veränderungen der Erdoberfläche (Gotha 1822—41), Th. III, p. 369. Ср. также *I. Görres*: die Völkertafel des Pentateuch. 1845 и *A. v. Haxthausen*: Transkaukasia (1—2, Lpz. 1856), I, 168.

Обозначимъ въ нѣсколькихъ словахъ выводы, до которыхъ дошли мы:

1) Сказанія Моисеевы о первоначальномъ отечествѣ евреевъ и даже о колыбели рода человѣческаго несомнѣннымъ образомъ указываютъ на горную страну, лежащую къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Месопотаміи, на страну, называемую въ подлинникѣ Священнаго Писанія *страною Араратскою.*

2) Эта библейская страна заключала въ себѣ Арменію, но ничего не доказываетъ, чтобы предѣлы ея къ сѣверу и востоку совпадали съ естественными сѣверными и восточными рубежами Арменіи. Съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить, что таковые сѣверные и восточные предѣлы страны Араратской терялись для евреевъ въ неизмѣримой дали.

3) Немногія опредѣлительныя географическія данныя о землѣ Араратской, встрѣчающіяся въ книгахъ Моисеевыхъ, не выходятъ изъ той полосы Арменіи, которою она непосредственно соприкасается съ Месопотаміей. Названіе древняго праотца евреевъ, Арфаксада, сына Симова и внука Ноева, имѣетъ, какъ мы видѣли, соотношеніе съ землею Уръ-Касдимъ, откуда беретъ начало свое рѣка Тигръ.

4) Если ограничиться этими опредѣлительными географическими данными, то, конечно, всю исторію первобытнаго человѣчества и даже все преданіе о ковчегѣ можно бы отнести къ самымъ южнымъ предѣламъ Арменіи или къ горамъ Курдистанскимъ. Мы видѣли уже, что таковое мнѣніе дѣйствительно было самое древнее у жителей Месопотаміи. Можно бы заключить, что Великая Арменія и Закавказье населились съ юга и что, потомъ, изъ Закавказья, по направленію отъ запада къ востоку, населилась глубь Азіи.

Но таковое заключеніе рѣшительно противурѣчитъ всему, что только мы знаемъ изъ другихъ источниковъ о порядкѣ разселенія народовъ. Этого противурѣчія нельзя не приписать оши-

бочному взгляду нашему на сказанія Моисеевы. Часто отыскиваемъ мы опредѣленное, тѣсное значеніе тамъ, гдѣ въ одномъ условномъ наименованіи заключена цѣлая группа историческихъ или географическихъ понятій. Въ книгахъ Моисеевыхъ яркій свѣтъ брошенъ лишь на главное содержаніе, обстановка погружена въ тѣнь, обозначается вскользь, немногими чертами. Эти черты, эти намеки, наполняющіе собою первыя главы книги Бытія, позволяютъ явственно усматривать между писанными строками многое, что заключаетъ въ себѣ великую, всемірную занимательность, но чего Моисей не написалъ, потому что писалъ съ опредѣленною цѣлью и исключительно для евреевъ. Передъ нами рисуется какъ бы страна - призракъ, гдѣ была колыбель рода человѣческаго, гдѣ протекла въ невѣдомой для насъ дѣятельности долгая жизнь первыхъ людей, гдѣ глубокія различія, отдѣляющія нынѣ европейца отъ азіатца, жителя полярныхъ краевъ отъ жителя тропическихъ,—были не болѣе какъ легкія видоизмѣненія общаго семейнаго типа. Эта страна - призракъ исчезаетъ безъ слѣда въ послѣдующихъ книгахъ Бытія; исторія переносится въ западную Азію, на равнины Месопотаміи, въ Сирію, въ Египетъ.

Прежде всего замѣтимъ, что земля Араратская, Арменія, лежитъ къ сѣверу отъ Месопотаміи и отъ земли Сеннаарской, гдѣ, согласно Священному Писанію, возникли первыя человѣческія существа. Обозначая главное направленіе переселенія, Моисей не могъ бы иначе сказать, какъ то, что люди пришли съ сѣвера, отъ полуночи, если бы пунктъ начальнаго исхода ихъ находился въ Арменіи. Но мы читаемъ: «двинувшись *съ Востока*, они нашли въ землѣ Сеннааръ равнину, и поселились тамъ.» [1]) По сотвореніи человѣка, «насадилъ Господь Богъ рай въ Едемѣ *на востокѣ* и помѣстилъ тамъ человѣка, котораго создалъ.» [2]) Послѣ убійства

1) Бытія XI, 2.
2) Тамъ же II, 8.

Авеля, пошелъ Каинъ отъ лица Господня; и поселился въ землѣ Нодъ *на востокъ* отъ Едема. [1]) Всѣ эти выраженія не представляютъ ничего опредѣленнаго въ географическомъ смыслѣ; но нельзя не замѣтить, что они повторяются какъ бы только для означенія, что все повѣствуемое происходило на востокѣ, вдали отъ земли Сеннаарской, вглуби Азіи. Нигдѣ не встрѣчается означенія которой либо изъ остальныхъ трехъ сторонъ свѣта. Особаго вниманія заслуживаетъ страна Едемъ, въ которой *на востокъ* насаженъ былъ рай, откуда рѣка разлучается въ четыре начала.

Сдѣланный Моисеемъ очеркъ положенія страны Едемъ такъ неясенъ, что многіе придаютъ этому описанію мистическое значеніе, утверждая, что оно не относится ни къ какой странѣ земнаго шара, или, что страна Едемъ смыта съ лица земли всемірнымъ потопомъ. Конечно, нигдѣ нельзя отыскать рѣки, которая бы изъ одного первоначальнаго общаго ложа разливалась на четыре, образуя четыре великія рѣки, текущія въ четыре стороны свѣта. Но это есть только особый способъ воззрѣнія на гидрографію, свойственный всему древнему востоку. Возвышенная страна, гдѣ сходятся, врѣзываются другъ въ друга узкими зубцами и перепутываются бассейны великихъ рѣчныхъ системъ, представляется въ видѣ одного общаго недѣлимаго водоначала. Таковая страна имѣетъ характеръ особой мистической святости въ глазахъ индусовъ и персовъ, какъ средоточіе вселенной, порогъ міра между небомъ и землею, гдѣ начинаются воды и, разливаясь, напояютъ четыре стороны свѣта. [2]) Это есть Меру браминовъ, Борджъ персовъ, рѣка Арванда, изъ которой изливаются всѣ земныя рѣки. [3])

1) Тамъ же IV, 16.

2) Источникъ же исхождаше изъ земли и напояше все лице земли. Бытія II, 6.

3) *E. Burnouf*: Commentaire sur le Yaçna (Paris 1835), addit. p. CLXXXIV; *Spiegel*: Avesta (Lpz. 1853) 1, p. 61 и сл.

Текстъ Моисеевъ: «изъ Едема выходила рѣка для орошенія рая; и потомъ раздѣлялась на четыре рѣки» [1]) позволительно парафразировать слѣдующимъ образомъ: «воды же Едемскія напояютъ рай и оттуда разлучаются въ четыре начала».

Названія и въ особенности описаніе райскихъ рѣкъ несомнѣннымъ образомъ обнаруживаютъ, что страна Едемъ имѣла въ глазахъ Моисея опредѣленное положеніе. Понятіе о положеніи этой страны хочетъ онъ передать своему народу и потому, противъ обыкновенія своего, обращается къ объясненіямъ, такъ какъ дѣло повидимому шло о предметѣ, частью выступавшемъ изъ предѣловъ горизонта яснаго видѣнія и пониманія евреевъ.

Этихъ рѣкъ четыре: Фисонъ, Геонъ, (Гихонъ еврейскаго подлинника), Тигръ (Хиддекель подлинника) и Евфратъ (Фератъ). Названія первыхъ двухъ рѣкъ не встрѣчаются нигдѣ болѣе въ книгахъ Священнаго Писанія: разъ были произнесены они и потомъ умолкли. Очевидно, что двѣ рѣки эти находились совершенно внѣ симитскаго міра.

Евфратъ названъ послѣднимъ и безъ всякихъ поясненій, какъ рѣка, хорошо извѣстная евреямъ. Евфрату предшествуетъ рѣка Тигръ (Хиддекель), «она протекаетъ предъ Ассиріею». [2]) Очевидно, что мы находимся въ области географіи, весьма положительной и точной на столько, на сколько возможно это безъ помощи картъ и астрономическихъ опредѣленій. Послѣдняя рѣка Евфратъ находится къ западу отъ Тигра, слѣдовательно рѣки исчислены по порядку отъ востока къ западу, и Фисонъ есть самая восточная изъ числа ихъ, самая отдаленная отъ евреевъ.

Такъ какъ Моисей говоритъ, что всѣ четыре рѣки берутъ начало свое изъ одной страны, изъ Едема, то мы невольно сближаемъ въ воображеніи источники ихъ. Прежде всего представ-

1) Бытія II, 10.
2) Бытія II, 14.

ляется уму возможность причислить къ Евфрату и Тигру—Чорохъ или Куру и Араксъ; послѣдняя рѣка также называлась въ древности Фазисъ, Фасъ, что весьма близко подходитъ къ райскому *Фисонъ*. Страна Едемъ, ограниченная источниками этихъ четырехъ рѣкъ, не имѣла бы слишкомъ большаго протяженія; въ предѣлы ея вошли бы и Араратъ Эриванскій и область Арфаксадъ, гдѣ, какъ мы видѣли, началась положительная исторія евреевъ.

Но поясненія, присовокупленныя Моисеемъ къ названіямъ первыхъ двухъ рѣкъ, дѣлаютъ невѣроятнымъ та свое предположеніе.

„Имя одной Фисонъ: она обтекаетъ всю землю Хавила, ту гдѣ золото; и золото той земли хорошее; тамъ бдолахъ и камень оникcъ. Имя второй рѣки Гихонъ (Геонъ); она обтекаетъ всю землю Кушъ. [1])

Оксусъ теперь еще извѣстенъ на мусульманскомъ востокѣ подъ именемъ Джигона, (جيحون—Джейхунъ), но имя это, быть можетъ данное въ позднѣйшія времена, не доказываетъ тождества Оксуса съ библейскимъ Геономъ. Во всякомъ случаѣ, трудно отыскать рѣку, которая бы болѣе Оксуса удовлетворяла условіямъ объясненія. Нѣкоторые толкователи [2]) библіи подразумѣваютъ подъ Геономъ Нилъ, но, для означенія столь извѣстной евреямъ рѣки, Моисей не употребилъ бы неизвѣстнаго имени и не назвалъ бы Месраима (Египта) землею Еѳіопскою, Хусовою. Притомъ, Нилъ былъ бы не на мѣстѣ, послѣ Тигра и Евфрата, при исчисленіи рѣкъ отъ востока къ западу. Есть нѣкоторыя обстоятельства, объясняющія почему Моисей могъ назвать прибрежье Оксуса, древнюю Бактріану, землею Кушитскою или Еѳіопскою. Намъ представится еще случай возвратиться къ этому предмету.

1) Бытья II, 11—13.

2) См. *Lengerke*: Кenaan, p. 20.

Наиболѣе любопытства должна возбудить въ насъ самая восточная изъ четырехъ райскихъ рѣкъ-Фисонъ. Она укажетъ намъ, какъ далеко вглубь Азіи простиралась страна Едемъ.

Мы не знаемъ никакой большой рѣки съ таковымъ именемъ, но *Фисонъ*, какъ мы уже сказали, по всей вѣроятности есть родственное названіе съ *Фазисъ* или *Фасисъ*. Послѣднее принадлежитъ множеству рѣкъ древняго индо-европейскаго, арійскаго міра. Названіе это весьма вѣроятно въ связи съ санскритскимъ словомъ *визанъ* [1]), означающимъ *воду*, *влагу*, откуда Wasser, Water, вода. Оно, само собою разумѣется, нисколько не объясняетъ положенія библейской рѣки, а только развѣ то, что названіе это дано не симитами. Но названіе страны, орошаемой Фисономъ, страны *Евилатской* или *Хавила*, многозначуще. Замѣтимъ, что въ еврейскомъ подлинникѣ оно начинается согласною; ближе къ настоящему произношенію есть Hevila перевода Лютера, *Гевила* [2]), *Гавила*, *Кавила*. Это есть страна верхняго бассейна Инда, страна Капиловъ, древняго могущественнаго, смуглаго, индійскаго племени; страна гдѣ греки знали рѣку Кампиліосъ, гдѣ Птоломей помѣстилъ Каболитовъ и городъ ихъ Кабу-ра, нынѣшній Кабулъ; [3]) страна славившаяся въ глубокой древности изобиліемъ золота и камней самоцвѣтныхъ. Объ этомъ упоминаетъ Моисей, чтобы объяснить еврямъ, какая то есть страна, въ которой течетъ рѣка Фисонъ.

Сличеніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ придаетъ большую степень правдоподобія мнѣнію, что райскій Фисонъ есть рѣка Индъ. Это правдоподобіе принимаетъ характеръ несомнѣнности при изученіи индо-персидскихъ преданій о колыбели рода человѣческаго. Конечно, мы не станемъ окаймлять границами страну

1) Nouv. annales des Voyages, 1846, Octobre, p. 58.

2) *Chr. Lassen*: Indische Alterthumskunde (Bonn, 1844—61), I ,528—539, II, 528—531.

3) *Ferd. d'Eckstein*, Athenaeum français, 27 Mai 1854.

Едемъ. Для насъ покуда болѣе чѣмъ достаточно будетъ допустить робкое предположеніе, что восточныя оконечности этой страны доходили до мѣстъ, гдѣ берутъ начало свое Индъ и Оксусъ (Аму-Дарья), а западныя до источниковъ Тигра и Евфрата. Повторимъ еще разъ священный текстъ, который теперь долженъ озариться для насъ новымъ свѣтомъ: «и насадилъ Господь Богъ рай въ Едемѣ на востокѣ; и помѣстилъ тамъ человѣка, котораго создалъ [1]). Итакъ первое допотопное жилище человѣка должно искать по близости источниковъ Оксуса и Инда, тамъ гдѣ тянущійся отъ сѣвера къ югу Имаусъ, пересѣкая подъ прямымъ угломъ Гинду-Ку и Куэнь-Лунь, чертитъ *крестъ* въ самомъ сердцѣ Азіи. Послѣ грѣхопаденія, Богъ «изгналъ Адама, и поставилъ на востокѣ у сада Едемскаго Херувима и пламенный мечъ обращающійся, чтобы охранять путь къ дереву жизни» [2]).

Первое переселеніе. Преданіе о Херувимахъ, Крубимѣ, γρυπες, гриффахъ (grif, greifen-схватить) [3]), стерегущихъ сокровища и золото, сохранилось въ продолженіи цѣлыхъ тысячелѣтій.

Итакъ мы видимъ, что страна Едемъ составляла продолженіе Араратской страны къ востоку. Если, согласно тексту книги Бытія, принять, что страна Едемъ кончалась къ западу тамъ, гдѣ начинаются Тигръ и Евфратъ, то страна Араратская заключитъ въ себѣ только юго-западную часть Арменіи: въ таковомъ случаѣ начальная исторія послѣпотопнаго человѣчества дѣйствительно происходила гдѣ либо въ горахъ Курдистана, ближайшихъ къ равнинамъ Месопотаміи, что подтверждаютъ древнѣйшія историческія сказанія халдеевъ о Ксизутрѣ и евреевъ объ Арфаксадѣ. Но повторимъ еще разъ, не должно придавать опредѣлительнаго значенія библейскимъ географическимъ указаніямъ, которыя чужды

1) Бытія, II, 8.

2) Бытія III, 24.

3) *E. Renan*: Hist. des langues sémit., 460.

были всякой опредѣлительности и даже понятны были еврейскому народу только по причинѣ неопредѣлительности своей.

Выраженія: «страна заморская, за горами, къ полуночи, къ восходу, къ полудню, къ закату» суть единственныя географическія опредѣленія, понятныя *людямъ темнымъ* въ землезнаніи, каковыми безъ сомнѣнія были евреи. Мы уже выше объяснили, почему названіе «страна Араратская», страна нагорная, въ противуположность низменной Месопотаміи и Ханаану,—понятно было евреямъ. Люди пришли на равнину изъ этой высокой страны, изъ страны Араратской, откуда текутъ рѣки; прежде жили они еще далѣе отъ Месопотаміи въ болѣе высокой еще странѣ, въ странѣ Едемъ, гдѣ начинаются всѣ рѣки и откуда разливаются онѣ по лицу земли, колыбель же рода человѣческаго была въ самомъ дальномъ концѣ страны Едемъ, *на востокѣ*, гдѣ добываются самыя дальнія, самыя рѣдкія, самыя цѣнныя произведенія земли: злато и камни самоцвѣтные и благовонныя вещества (бдолахъ).

Въ видѣ общаго вывода изъ разбора текстовъ книги Бытія, повѣствующихъ намъ о доисторическихъ судьбахъ человѣчества, можемъ сказать, что, по мнѣнію евреевъ, колыбель рода человѣческаго находилась далеко на востокѣ, въ глуби Азіи; первоначальная историческая дѣятельность, выражавшаяся въ видѣ расселенія, въ видѣ превращенія семействъ въ народы, происходила вдоль длинной полосы земли, которая, какъ бы въ видѣ ленты, тянется изъ сердца Азіи къ западнымъ оконечностямъ ея.

Эта полоса, Едемъ и Араратъ, классическая страна временъ доисторическихъ, обозначается на необъятномъ материкѣ Азіи также явственно, какъ обозначается явственно на гладкой водяной поверхности теченіе рѣки, прорѣзывающей озеро.

Таковыхъ полосъ, по направленію которыхъ подвигались разселявшіеся историческіе народы древняго міра, тянется нѣсколько; всѣ онѣ, повидимому, выходятъ изъ одного узла, обусловливаются великими характеристическими чертами физическаго строенія ста-

раго свѣта. Чѣмъ далѣе расходились народы, тѣмъ болѣе различнымъ условіямъ жизни подчинялись они, тѣмъ разнообразнѣе развивались.

Вдали отъ общей колыбели, народы—братья встрѣтились другъ съ другомъ и не узнали другъ друга.

Мы увидимъ впослѣдствіи времени, что эти международныя встрѣчи преимущественно происходили на Кавказѣ.

Заключенія, которыя вывели мы изъ разбора историческихъ указаній первыхъ главъ книги Бытія,—понятіе, которое составили о положеніи страны Едема и страны Араратской,—позволяютъ уже намъ догадываться, что народы, имена которыхъ переносятъ мысль нашу въ эпоху глубочайшей древности, въ утренніе сумерки исторіи,—мидяне, ассирійцы, вавилоняне, халдеи, евреи,—тѣснились во времена, скрытыя отъ насъ мракомъ отдаленности, во времена доисторическія, по южную сторону Кавказа; остановленные въ движеніи своемъ непреодолимою гранью горъ, народы отхлынули къ югу и западу Азіи.

Мы предвидимъ одно возраженіе. Если Едемъ былъ *исторической* страною допотопнаго человѣчества, то страна Араратская, принимая за средоточіе ея Эриванскій Араратъ, могла быть колыбелью возродившагося послѣ всемірнаго потопа человѣчества. Но въ такомъ случаѣ надобно предположить переселеніе отъ запада къ востоку вглубь Азіи, и потомъ обратное переселеніе по прежнему слѣду. Этотъ доисторическій приливъ и отливъ противурѣчитъ всему, что мы знаемъ, противурѣчитъ разумному содержанію исторіи.

До сихъ поръ мы восходящимъ путемъ слѣдили за историческими воспоминаніями евреевъ; мы начали со страны, которой положеніе достовѣрно извѣстно, съ Ханаана, оттуда перешли въ страну Араратскую, въ Арменію, приблизились къ Закавказью и, потомъ, какъ бы потерялись въ неизмѣримой дали глубокой Азіи.

Библейскіе *Фисонъ* или *Геонъ* не удовлетворяютъ историче-

скимъ требованіямъ; Закавказье покуда представляется намъ какъ звено цѣпи, которой одинъ конецъ ускользаетъ отъ нашихъ взоровъ; выраженія глубь Азіи, сердце Азіи, кажутся неопредѣленными и безотчетными. Для разрѣшенія нашихъ сомнѣній, обратимся къ священнымъ сказаніямъ другихъ древнихъ народовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Духовный бытъ человѣка развивается и образуется подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Впечатлѣнія, производимыя окружающею природою, отношенія къ ближнимъ, эпоха, съ которою совпадаетъ жизнь человѣка, все это отпечатлѣвается глубокими чертами на его характерѣ. Допустимъ неосуществимое предположеніе, что два человѣка въ извѣстный моментъ представляютъ полное нравственное тождество; предположимъ, что, начиная отъ этого момента, подчиняются они совершенно противуположнымъ внѣшнимъ вліяніямъ: тождество должно неминуемо нарушиться и даже въ извѣстныхъ предѣлахъ перейдти въ противуположность.

Но съ другой стороны позволительно ли допустить, чтобы вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ вполнѣ обусловливало характеръ человѣка? Умственную и нравственную дѣятельность его можно ли уподобить листу бѣлой бумаги, которая выражаетъ только то, что на ней написано? Конечно нѣтъ.

Доказывать все это конечно излишне въ отношеніи къ отдѣльнымъ людямъ. Но эти самыя разсужденія могутъ ли быть примѣнены къ народамъ, принимая каждый народъ за особый органическій недѣлимый?

Глубокое, коренное различіе національностей, не переходящихъ ни при какихъ обстоятельствахъ одна въ другую, не трудно допустить въ отношеніи къ народамъ, принадлежащимъ къ расамъ физически различнымъ между собою. Отвергая преувеличенные выводы черепословія, нельзя отвергнуть, что выборъ рода

дѣятельности и предѣлы напряженія ея находятся въ зависимости отъ физическаго устройства человѣка.

Негръ, ни въ какомъ климатѣ и ни при какихъ условіяхъ жизни, не можетъ физически ни самъ сдѣлаться европейцемъ, ни даже въ отдаленномъ потомствѣ своемъ переродиться въ европейца. Если и встрѣчаются рѣдкіе примѣры негровъ, усвоившихъ себѣ европейское образованіе, то это нисколько не доказываетъ способности цѣлаго народа переобразоваться на европейскій ладъ. По крайней мѣрѣ, не имперія Сулука и не республика Либерія доказываютъ это.

Труднѣе допустить коренное, независимое отъ внѣшнихъ вліяній, духовное различіе между народами, принадлежащими къ одной и той же расѣ. Оно необъяснимо и многими даже совершенно отвергается. Изъ всѣхъ внѣшнихъ элементовъ, обусловливающихъ жизнь, физическія свойства страны дѣйствуютъ наиболѣе постоянно и подвергаются наименѣе измѣненіямъ. Многіе приписываютъ вліянію мѣстности столь исключительную важность, что неразрывно связываютъ каждую страну съ особымъ типомъ обитателей; съ перемѣной страны мѣняется и типъ, но въ одной и той же странѣ онъ неизмѣненъ, какіе бы народы ни поселялись въ ней. Множество историческихъ примѣровъ доказываютъ совершенно противное: сравните турокъ съ древними греками, сѣвероамериканцевъ съ краснокожими индѣйцами. Свойства страны способствуютъ или препятствуютъ преуспѣянію и нерѣдко даже скороспѣлому развитію младенчествующаго народа; когда же разъ народъ, не смотря на всѣ невзгоды, хотя и медленно, но окрѣпъ и вышелъ изъ колыбели, то вмѣстѣ съ тѣмъ, освободился и отъ тѣсной подчиненности физическимъ вліяніямъ своей родины. Силы, чтобы перенести всѣ эти испытанія и болѣзни дѣтскихъ лѣтъ, даны ему отъ природы и не всѣ народы надѣляются ими равномѣрно.

Какъ мы выше сказали, объяснить причины этой разницы въ народахъ, не представляющихъ между собою никакой разницы въ

физическомъ отношеніи, невозможно; достаточно указать на это явленіе, какъ на несомнѣнное, хотя и необъяснимое. Догматъ братства всѣхъ народовъ не есть догматъ равенства ихъ: онъ только возлагаетъ на болѣе сильныхъ обязанность въ духѣ любви и кротости пещись о слабыхъ, менѣе щедро одаренныхъ братьяхъ. Какъ бы то ни было, но человѣчество представляетъ собою расы, весьма различно одаренныя умственными способностями. Мы не скажемъ, что расы эти стоятъ на различныхъ ступеняхъ развитія: это выраженіе могло бы ввести въ заблужденіе, могло бы заставить думать, что если нѣкоторыя и не достигли еще извѣстной ступени развитія, то быть можетъ нѣкогда достигнутъ ея. Не разбирая вопроса этого отвлеченно, сошлемся только на историческія явленія. Китай въ продолженіи цѣлыхъ тысячелѣтій жилъ самобытною жизнью: справедливо сказано, что если планеты, по физическому устройству своему, сходныя съ землею, населены разумными существами, то исторія и языкъ ихъ не болѣе китайской исторіи и китайскаго языка могутъ разниться отъ нашихъ. Китайцы имѣли время перейти черезъ всѣ ступени доступнаго для нихъ развитія, но нѣтъ эпохи въ ихъ политической жизни, измѣряемой тысячелѣтіями, въ которую проявили бы они высшія способности духа человѣческаго. Тоже можно сказать и объ имперіи Ацтековъ и объ имперіи Инковъ, застигнутыхъ европейцами уже въ періодѣ полнаго самостоятельнаго развитія. Дикари океаническіе не могутъ ни усвоить себѣ европейскаго образованія, ни развиваться самостоятельно; это дѣти, подражающіе взрослымъ людямъ, въ дѣтствѣ дряхлѣющіе и быстрыми шагами приближающіеся къ преждевременной могилѣ.

Таковы суть явленія, представляемыя намъ низшими расами! Болѣе отраднаго явленія до сихъ поръ не встрѣчаютъ взоры наши; не отвергая безусловно возможности таковаго въ будущемъ, скажемъ, что покуда оно составляетъ не болѣе какъ утопическую мечту.

Начиная съ отдаленнѣйшихъ вѣковъ исторіи и до нашихъ временъ, мы для каждой эпохи болѣе или менѣе опредѣлительно можемъ обозначить высшіе предѣлы развитія, которыхъ успѣло достичь человѣчество.

Представителями таковаго высшаго развитія, то одни народы, то другіе, но въ немъ замѣтна непрерывная послѣдовательность; народы пристаютъ на пути къ усовершенствованію, остаются позади, но достигнутое ими не пропадаетъ для тѣхъ, которые смѣняютъ ихъ въ передовой фалангѣ подвигающагося человѣчества. Начиная съ самыхъ отдаленнѣйшихъ вѣковъ исторіи и до нашихъ временъ, мы замѣчаемъ, что всѣ народы, которымъ суждено было, хотя бы даже на короткій срокъ, стать въ эту передовую фалангу подвигающагося человѣчества, принадлежатъ исключительно къ одной расѣ, извѣстной въ физической исторіи человѣка подъ условнымъ названіемъ Кавказской. Къ ней принадлежатъ индусы, египтяне, [1]) вавилоняне, ассирійцы, финикіяне, евреи, греки, римляне, германцы, аравитяне и т. д.

На сценѣ исторіи появляются по временамъ народы не кавказской расы: гунны, монголы, турки, но только какъ представители матеріальной силы, враждебной всякому общечеловѣческому прогрессу.

Въ чемъ же заключается причина этого историческаго превосходства Кавказской расы передъ всѣми остальными? Должно ли искать ее исключительно въ физическомъ превосходствѣ? Послѣднее наиболѣе подчинено мѣстнымъ вліяніямъ, случайностямъ и подлежитъ оспариванію. Но если превосходство это по преимуществу моральное, природное, данное свыше, то, конечно, никогда не проявлялось оно въ такой чистотѣ и ясности, какъ въ эпоху младенчества расы. Теперь раздробилась она на тысячу племенъ

1) Мы считаемъ почти излишнею оговорку, что какъ въ Индіи, такъ и въ Египтѣ, низшіе классы народонаселенія не принадлежали къ Кавказскому племени, но эти классы и не имѣли никакого значенія во всемірной исторіи.

и народовъ, рѣзко отличныхъ между собою, но въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, мы подозрѣваемъ существованіе чего то общаго, родоваго. Это общее, родовое, конечно, обозначалось болѣе явственными, менѣе разрозненными чѣмъ теперь чертами, въ то время, когда цѣлая раса сосредоточивалась въ одномъ народѣ, въ одной общинѣ, быть можетъ въ одной семьѣ.

Но какія средства имѣемъ мы, чтобы заглянуть въ это завѣтное для исторіи время? Древнѣйшія народныя лѣтописи относятся уже къ гораздо позднѣйшему времени; поэтическія космогоніи, священные миѳы суть попытки ума человѣческаго, не закаленнаго еще въ горнилѣ сомнѣнія, опыта и науки, объяснить чудо мірозданія и созданія человѣка. Во всемъ этомъ отражается лишь самый вѣкъ созданія этихъ поэмъ и миѳовъ.

Но въ первые же дни появленія своего на землѣ люди заговорили. Отголосокъ говора ихъ слышится и нынѣ. Развѣ, прислушавшись къ рѣчи человѣка, нельзя судить о самомъ человѣкѣ. Вопросъ о происхожденіи языка вѣроятно никогда не будетъ разрѣшенъ такъ, чтобы устранены были окончательно всѣ сомнѣнія. Мы представимъ здѣсь современное состояніе его въ предѣлахъ, необходимыхъ для поясненія занимающаго насъ предмета.

Языкъ не есть вѣковое произведеніе изобрѣтательной способности человѣка, какъ то думали нѣкоторые (Кондильякъ, Мопертюи, Руссо, Кондорсе, Вольней, Аделунгъ). Если бы допустить это, то должно также допустить, что нѣкогда родъ человѣческій состоялъ изъ существъ безсловесныхъ, но мыслящихъ; разговоръ ихъ заключался въ тѣлодвиженіяхъ, въ игрѣ физіономіи, въ отрывистыхъ восклицаніяхъ. Далѣе, для удовлетворенія постепенно возраставшей потребности понимать другъ друга, люди придумали обратиться къ слову и взаимно условились въ созданіи этого способа объясняться. Здѣсь допускаются предположенія несовмѣстимыя: существа безсловесныя обладаютъ дивною способностью мышленія; какое позднѣйшее изобрѣтеніе можетъ стать на ряду

съ изобрѣтеніемъ языка, если только языкъ когда либо былъ изобрѣтенъ. Съ равною степенью правдоподобія можно предположить, что люди сначала открыли всѣ законы физіологіи и потомъ уже, сообразно съ этими законами, приступили къ правильному отправленію жизни.

Въ противуположность первому предположенію, нѣкоторые (Бональдъ, Местръ, Ламеннэ, Джіоберти) приписываютъ языку непосредственно небесное происхожденіе; усвоеніе языка человѣкомъ объясняютъ посредствомъ откровенія свыше, создаютъ въ воображеніи своемъ новый актъ творенія, дополнительный къ сотворенію человѣка безсловеснаго. Это мнѣніе, мнимо-религіозное, въ сущности запечатлѣно самымъ грубымъ антропоморфизмомъ. Богъ Словомъ Своимъ учитъ говорить человѣка, чуждаго слову, но какъ же человѣкъ, чуждый слову, понялъ Слово Божіе безъ врожденной къ тому способности. Богъ одарилъ человѣка органомъ зрѣнія: должно ли прибѣгать къ откровенію свыше, чтобы объяснить себѣ, какъ человѣкъ выучился смотрѣть? Это, повторимъ еще разъ, мнимо-религіозное мнѣніе находится даже въ явномъ противурѣчіи съ текстомъ Священнаго Писанія, гдѣ говорится о первой земной рѣчи: « и нарекъ человѣкъ имена всѣмъ скотамъ и птицамъ небеснымъ и всѣмъ звѣрямъ полевымъ». [1]) Какъ видно, Адамъ самъ собою составилъ для себя языкъ или, по крайней мѣрѣ, словарь.

Итакъ остается искать происхожденіе языка во врожденной способности человѣка создавать для себя языкъ, способности безусловно-свободной, чуждой мышленія, преднамѣренія и усилія. Потребность, возбуждающая дѣятельность таковой способности, возникаетъ въ тотъ моментъ, когда безотчетное созерцаніе, наглядное впечатлѣніе, ощущеніе превращаются въ понятіе. Понятіе человѣкъ уединяетъ, отрѣшаетъ отъ другихъ понятій и вмѣстѣ съ тѣмъ обобщаетъ съ тождественными посредствомъ особаго звука,

1) Бытія II, 20.

посредствомъ *слова*. Это есть, такъ сказать, полный процессъ дыханія въ духовной жизни человѣка: приливъ впечатлѣнія и отливъ слова. Слово не есть дѣйствительное изображеніе внѣшняго міра; оно выражаетъ только, какъ внѣшній міръ отразился во внутреннемъ мірѣ духовной личности человѣка. Но этотъ внутренній міръ есть отдѣльное, замкнутое, живое цѣлое, отражающее все внѣшнее не иначе, какъ согласно собственнымъ своимъ законамъ; языкъ, какъ мы сказали, создается безсознательно, инстинктивно, когда человѣкъ еще не пріучился объектировать для себя свой собственный внутренній духовный міръ; языкъ въ первый день созданія своего человѣкомъ отлился въ особой формѣ, которой потомъ ни произволъ, ни мышленіе измѣнить уже не могутъ. Это есть такъ называемый *духъ языка*. Предположимъ же теперь взаимно-независимое созданіе отдѣльными людьми нѣсколькихъ языковъ: въ каждомъ изъ нихъ общечеловѣческая способность создавать отпечатлѣется различно, сообразно различіямъ духовной природы создателей, и обратно, послѣднія ярко отразятся въ различіяхъ созданныхъ языковъ. Отсюда можно видѣть значеніе сравнительной филологіи въ исторіи!

Въ наше время языки не создаются, потому что уже созданы. Новые языки возникаютъ на глазахъ нашихъ, но это только свѣжія отрасли на вѣчно зеленѣющихъ деревьяхъ. Кѣмъ, когда и какъ посажены они?..

Сравнительная филологія позволяетъ намъ заглянуть въ глубь вѣковъ, совершенно недоступную для всѣхъ прочихъ пріемовъ историческаго анализа, но не должно думать, что мы можемъ проникнуть даже до языка, которымъ говорили первосозданные люди. Эти изслѣдованія подобны изслѣдованіямъ геологіи: слои, до которыхъ дорылась послѣдняя, не суть тѣ, которые составляютъ центръ земнаго шара. [2]) Мы изложимъ здѣсь только конечные

2) *Fr. Schlegel:* Philosophische Vorlesungen, insbesondere über Philosophie der Sprache und des Wortes. p. 74—75.

выводы; если въ нихъ представится нѣкоторое несходство съ библейскими сказаніями, то это потому, что послѣднія повѣствуютъ о времени недоступномъ даже для сравнительной филологіи.

Сходство между языками бываетъ иногда весьма чувствительно даже для невнимательнаго слуха: таково сходство между русскимъ и польскимъ, между французскимъ и итальянскимъ; иногда же оно не иначе можетъ быть открыто, какъ посредствомъ глубокихъ филологическихъ изслѣдованій. Отъ одного кореннаго языка расходятся производные, какъ радіусы расходятся отъ центра. Двѣ точки, находящіяся на оконечностяхъ діаметра, вдвое далѣе отстоятъ другъ отъ друга, чѣмъ каждая изъ нихъ отстоитъ отъ центра. Сродство между двумя, откинувшимися въ діаметрально-противуположныя стороны, языками трудно открыть, пока не отыщется общій для нихъ центръ. Таковымъ центромъ большею частью служитъ языкъ уже вышедшій изъ употребленія, языкъ *мертвый*: необходимо особое случайно-благопріятное стеченіе обстоятельствъ, чтобы онъ, давно уже схороненный въ забытой цѣлымъ свѣтомъ могилѣ, показался вновь на свѣтъ божій. Но каждый изъ производныхъ языковъ, по обстоятельствамъ, можетъ въ свою очередь сдѣлаться центромъ новаго разсѣванія; образуются новыя семейства языковъ, въ каждомъ семействѣ таковой процессъ продолжается, круги перекрещиваются, за разнообразіемъ лингвистическихъ явленій едва поспѣваетъ математическая теорія переложеній и сочетаній. Притомъ, каждый языкъ есть живой, организованный индивидуумъ: онъ развивается, растетъ, мужаетъ, дряхлѣетъ, умираетъ; онъ также не похожъ на себя въ различныя эпохи жизни, какъ старецъ не похожъ на младенца. Языкъ подчиняется всѣмъ коловратностямъ тревожнаго моря житейскаго, онъ отчуждается отъ родныхъ, онъ роднится съ чужими: братъ не узнаетъ брата, инородцы братаются между собою.

Отсюда видно какъ становится труднымъ признать родство языковъ, съ какою недовѣрчивостью должно принимать мнѣнія людей, непризванныхъ въ дѣлѣ сравнительной филологіи, которые, основываясь только на сужденіи слуха своего, отвергаютъ или утверждаютъ однородность языковъ. Разборъ генеалогическихъ отношеній послѣднихъ составляетъ предметъ сравнительной филологіи: отыскивается семейная связь ихъ, отыскиваются частные центры, такъ называемые языки коренные. Эти языки коренные, въ свою очередь, разсматриваются какъ производные, сравниваются, группируются, подводятся къ одному или къ нѣсколькимъ центрамъ и т. д. Ходъ изслѣдованій напоминаетъ химическій анализъ: тѣла разлагаются на составныя начала; въ тѣлахъ, наружно несходныхъ, открываются тождественныя вещества; послѣднія вновь разлагаются, процессъ разложенія продолжается, пока, наконецъ, онъ становится невозможнымъ; получаются тѣла простыя, неразлагаемыя; число ихъ, незначительное въ сравненіи съ безконечнымъ разнообразіемъ матеріи, кажется все еще слишкомъ великимъ для ума человѣческаго, инстинктивно подозрѣвающаго крайнюю простоту и немногосложность начальныхъ стихій. Таковыхъ стихій, какъ казалось людямъ, не болѣе четырехъ; наука открыла ихъ пятьдесятъ пять!

Въ области языкознанія люди инстинктивно предположили еще большую первоначальную простоту. Праотцы рода человѣческаго говорили на одномъ языкѣ; этотъ языкъ, при умноженіи рода человѣческаго, постепенно дробился на діалекты, которые съ теченіемъ времени расходились болѣе и болѣе и въ свою очередь дробились. Всѣ нынѣшніе языки хранятъ въ себѣ обломки этого первобытнаго общечеловѣческаго языка. Таковаго мнѣнія держался еще не болѣе какъ лѣтъ за двадцать пять тому назадъ извѣстный филологъ Клапротъ, который въ предисловіи къ сочиненію своему «Asia polyglotta» соглашается съ мнѣніемъ Гроція о первобытномъ языкѣ: «nullibi puram exstare, sed reliquias ejus esse

in linguis omnibus» т. е. нигдѣ не сохранился онъ чистымъ, но остатки его во всѣхъ языкахъ.

Если допустить, что нѣкогда дѣйствительно существовалъ одинъ общечеловѣческій языкъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно сказанному нами выше, необходимо допустить, что нѣкогда весь внѣшній міръ отразился однообразно и односторонне во внутренне-духовномъ мірѣ человѣчества. Все дальнѣйшее развитіе, не смотря на великое разнообразіе, должно быть принято за развитіе одного и того же начала, т. е. одинаковаго способа воззрѣнія внутренняго человѣка на внѣшнюю природу. Философское изученіе исторіи развитія человѣческаго совершенно противурѣчитъ этому предположенію и приводитъ къ убѣжденію, что таковое развитіе проистекло изъ нѣсколькихъ взаимно независимыхъ самостоятельныхъ началъ. Общее во всѣхъ этихъ коренныхъ началахъ есть только общечеловѣческое, то, что дѣйствительно придаетъ единство роду человѣческому; различное опредѣляется особенностями, не переходящими одна въ другую, не составляющими въ совокупности одной непрерывной гаммы.

Противъ предположенія о доисторическомъ единствѣ языка человѣческаго сравнительная филологія имѣетъ много доводовъ, или, лучше сказать, она доказываетъ, что, если языкъ этотъ и существовалъ когда либо, то онъ исчезъ съ лица земли безъ слѣда и безъ всякаго вліянія на нынѣ существующіе языки. Теперь различныхъ между собою языковъ на землѣ считается около 1000, на каждый можно положить до 1000 корней; если нынѣ существующіе языки суть обломки одного первобытнаго общечеловѣческаго, то въ таковомъ было до милліона однихъ коренныхъ словъ! Если же наоборотъ мы предположимъ, что этотъ первобытный языкъ не былъ богаче нынѣшнихъ, что онъ также заключалъ въ себѣ не болѣе 1000 корней, то наслѣдство его, раздѣленное между 1000 нынѣшнихъ языковъ, безъ замѣтнаго слѣда

поглотилось позднѣйшимъ языкосозданіемъ [1]). Сходство иныхъ словъ въ языкахъ, не имѣющихъ между собою никакой другой связи, или чисто случайное или легко объясняется безъ помощи гипотезы о первобытномъ общечеловѣческомъ языкѣ.

Мы сказали, что сравнительная филологія открываетъ и доказываетъ несомнѣннымъ образомъ сродство между языками, которые для поверхностнаго взгляда не представляютъ рѣшительно *ничего* общаго.

Такъ химія обнаруживаетъ матеріальное тождество угля и алмаза, на видъ столь несходныхъ между собою. Но, съ другой стороны, химія же обнаруживаетъ, что кислородъ и водородъ, которыхъ разнородность ускользаетъ отъ глаза, суть вещества совершенно особыя, никакимъ путемъ не приводимыя къ одному общему началу. Сравнительная филологія открыла однородность языковъ, которыми люди говорятъ въ Индустанѣ и въ Исландіи, но она же открыла, что персіяне и татары, рядомъ живущіе, говорятъ языками, столь же разнородными, какъ кислородъ и водородъ.

Не вдаваясь въ матеріальные выводы, можно однако допустить, что физическое строеніе человѣка до извѣстной степени обусловливаетъ умственный міръ и моральный произволъ его. Созданіе языка есть самое чистое отраженіе умственно-внутренняго міра человѣка, посему нельзя не предположить, что главныя филологическія раздѣленія языковъ человѣческихъ на семейства должны совпадать съ физическими разграниченіями расъ человѣческихъ. Но на самомъ дѣлѣ оказывается иначе. Правда, что односемейные языки никогда не встрѣчаются у различныхъ расъ, но народы, принадлежащіе къ одной и той же расѣ, говорятъ иногда на языкахъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго по духу своему и неподводимыхъ къ одному началу.

1) *Pott* въ Ersch und Gruber's Encyclopädie, zweite Sect. XVIII Th., p. 5.

Если въ физическомъ отношении весьма правдоподобно предположеніе, что всѣ народы Кавказской расы произошли отъ одной четы, то въ филологическомъ оно не можетъ быть допущено, не допуская въ тоже время какого то непостижимаго для ума нашего сцѣпленія исключительныхъ обстоятельствъ, какъ на пр. столпотворенія Вавилонскаго, вслѣдствіе котораго раса единая разщепилась такъ, что части, кромѣ наружнаго вида, не сохранили никакихъ примѣтъ прежняго единства. Въ историческомъ отношении эти вѣтви одной и той же расы имѣютъ то общее, что каждой изъ нихъ, въ свою очередь, пришлось выразить особый моментъ человѣческаго развитія; каждая изъ нихъ, для исполненія таковаго предназначенія, одарена была особыми умственными способностями; исполнивъ предназначенное, принеся свою долю труда въ дѣлѣ общечеловѣческаго совершенствованія, цѣлая отрасль расы погружается въ бездѣйствіе, но въ не бездѣйствіе отдыха, а въ бездѣйствіе медленной агоніи, въ продолженіе которой иногда безсознательно вновь принимается за работу разъ уже ею оконченную; безплодно возобновляетъ трудъ свой и въ немъ истощаетъ послѣднія силы свои.

Какъ мы старались объяснить выше, не для опредѣленія степени развитія умственныхъ способностей народа, но для опредѣленія общаго направленія этихъ способностей,—самыя положительныя данныя доставляетъ анализъ созданнаго языка, или, что все равно, анализъ того, какъ внѣшній міръ отразился во внутреннемъ, духовномъ мірѣ народа.

Выше также мы сказали, что, для объясненія себѣ созданія языка, нѣтъ надобности прибѣгать ни къ изобрѣтательной способности человѣка, ни къ божественному откровенію. Языкъ есть произведеніе свободно-дѣйствующей, дарованной свыше человѣку способности создавать языкъ или, повторимъ еще разъ, способности выражать внѣшнія впечатлѣнія, означившіяся во внутреннемъ, духовномъ мірѣ его.

Допуская, какъ несомнѣнное, это общее понятіе о происхожденіи языка, мы должны однако сознаться, что теперь намъ трудно мысленно соприсутствовать самому процессу таковаго происхожденія. Языкъ созданъ былъ инстинктивно, а не разумно; теперь разумъ господствуетъ и заглушаетъ собою инстинктъ. Человѣчество разучилось создавать языкъ; для новыхъ понятій слова придумываются; чахлость ихъ свидѣтельствуетъ объ искусственномъ произведеніи ихъ на свѣтъ. Во всякомъ случаѣ очевидно, что при созданіи языка, должно было совокупно исполнить двѣ задачи: отмѣтить каждый особый предметъ или, лучше сказать, каждое особое впечатлѣніе выразить особымъ звукомъ, *создать лексиконъ*; выразить случайное видоизмѣненіе этого особаго впечатлѣнія, равно какъ и отношеніе его къ другимъ, отношеніе слова къ рѣчи, *создать грамматику.*

Для первобытнаго человѣка безотчетно существовало соотношеніе между впечатлѣніемъ и звукомъ. Ощущеніе таковаго соотношенія для насъ уже затмилось; оно проявляется еще въ дѣтяхъ и въ простолюдинахъ, болѣе управляемыхъ инстинктомъ чѣмъ разумомъ; младенецъ, безъ сознанія и безъ произвола, по своему называетъ окружающіе его предметы; простолюдинъ чѣмъ менѣе разсуждаетъ, тѣмъ легче даетъ названія предметамъ, впервые поражающимъ его вниманіе; меткость таковыхъ названій ощутительна, хотя и съ трудомъ можетъ быть анализирована. Весьма вѣроятно, что звукоподражаніе играло большую роль при первоначальномъ созданіи языка, черезъ что и объясняется сходство звуковъ для изображенія однихъ и тѣхъ же понятій въ языкахъ, неимѣющихъ между собою ничего общаго. Одинъ и тотъ же предметъ производитъ на насъ много разностороннихъ впечатлѣній; одно изъ нихъ преимущественно предъ всѣми прочими врѣзывается въ памяти, какъ примѣта отличительная, характеристическая, по которой можемъ мы вновь узнать предметъ во всякое время, при всякихъ обстоятельствахъ; это впечатлѣніе опредѣ-

ляетъ имя предмету. Не всѣ люди обладаютъ въ одинаковой степени сноровкой выбирать таковыя впечатлѣнія для составленія названій; въ различныхъ языкахъ эта сноровка проявляется различно и свидѣтельствуетъ о весьма различномъ характерѣ воззрѣнія на внѣшній міръ. Это воззрѣніе то запечатлѣно матеріализмомъ, то по преимуществу духовное. Греки, обладавшіе безпримѣрномъ пониманіемъ прекраснаго въ видимой формѣ, назвали человѣка ἄνδρωπος (отъ ἄνω и ἀδρέω) «вверхъ смотрящій», что дѣйствительно составляетъ прекраснѣйшую физическую особенность человѣка въ животномъ мірѣ. Индусы, для которыхъ матерія есть только временная грѣховная оболочка духовнаго міра, называютъ человѣка по санскритски *манудша*=мыслящій (отъ корня *ман*=мыслить), чѣмъ совершенно отрѣшаютъ его отъ животнаго міра.

Всего труднѣе объяснить себѣ, какимъ образомъ человѣкъ создалъ названія для отвлеченныхъ понятій. Во всякомъ случаѣ сравнительный разборъ таковыхъ названій, существующихъ въ различныхъ языкахъ, доставляетъ много любопытныхъ данныхъ для составленія себѣ сужденія о врожденныхъ умственныхъ способностяхъ народовъ. Есть народы, которые, повидимому, почти не могутъ возвыситься надъ матеріальнымъ созерцаніемъ природы. Такъ напр. въ китайскомъ языкѣ нѣтъ слова для выраженія понятія о Богѣ [1]); все отвлеченное выражается околичностями и не представляетъ уму ничего опредѣленнаго. Поэтому можно уже судить о крайней ограниченности, сухости, безплодіи умственныхъ способностей китайцевъ, которыхъ наука заключается лишь въ обремененіи памяти мелочнымъ описаніемъ наружнаго, видимаго міра; которыхъ нравственность есть воспрепятствованіе всякому проявленію свободной дѣятельности духа человѣческаго; которые въ неизмѣнной послѣдовательности и въ неизмѣнномъ круговомъ возвращеніи явленій физическихъ видятъ образецъ для устройства человѣче-

1) Journal Asiatique, août 1848, p. 168—169.

скихъ обществъ. Есть народы, одаренные весьма глубокою впечатлительностью, но вполнѣ ей подчиняющіеся; для нея въ духовномъ мірѣ ихъ нѣтъ противувѣса. Таковые не могутъ возвыситься до отвлеченныхъ понятій, потому что не въ силахъ отрѣшиться умственно отъ своихъ впечатлѣній, не въ силахъ объектировать ихъ, взглянуть, такъ сказать, на самихъ себя извнѣ. Посему, въ языкахъ этихъ народовъ всѣ отвлеченныя понятія выражаются не иначе, какъ метафорически, посредствомъ впечатлѣній внѣшняго, физическаго міра; это суть языки по преимуществу живописные; желаніе назовется въ нихъ *жаждою*, истина—*прямизною*, ложь—*кривизною* [1]) и т. п. Какъ ни щедро одарены таковые народы природою, но уже очевидно, что не имъ суждено играть первенствующую или, лучше сказать, заключительную роль въ исторіи общечеловѣческаго развитія; страсть дѣлаетъ ихъ односторонними, они способны къ взрывамъ дѣятельности, но не къ дѣятельности постоянной и, тѣмъ менѣе, не къ дѣятельности разнообразной. Наконецъ, есть народы, духовный міръ которыхъ представляетъ болѣе равновѣсія. Всѣ впечатлѣнія воспринимаются ими, все внѣшнее доступно ихъ внутреннему міру, но ничто не подавляетъ свободной дѣятельности разума. Человѣкъ обладаетъ здѣсь дивной способностью отрѣшаться отъ самого себя, созерцать самого себя; ему становится доступнымъ безконечное, вѣчное, не обусловленное ни временемъ, ни пространствомъ. Онъ сознаетъ внутренную самостоятельность свою, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сознаетъ права всего внѣшняго міра на самостоятельность; здѣсь эгоизмъ не впадаетъ въ эксклюзивность, сочувствіе къ внѣшнему не влечетъ самоотреченія. Понятно, что въ языкахъ таковыхъ народовъ отвлеченный міръ могъ отразиться независимо отъ матеріальнаго. И здѣсь вполнѣ оправдывается то, что мы сказали о различіи врожденныхъ въ народахъ способностей, раз-

1) *E. Renan:* Histoire génér. des langues sémit. 1855, p. 22—23.

личіи, независимомъ отъ послѣдующаго ихъ развитія, обусловливаемаго внѣшними обстоятельствами. Народы послѣдней категоріи медленно совершенствуются, какъ все то, чему суждена долгая жизнь, но уже въ младенческихъ языкахъ ихъ ярко отсвѣчивается зародышъ будущаго превосходства; въ нихъ встрѣчаются названія для самыхъ отвлеченныхъ понятій; названія, создавшіяся безсознательно, но которыхъ глубокаго содержанія все еще не можетъ исчерпать разумъ, вступившій уже тысячелѣтіями позже въ свои права.

Созданіе народомъ грамматики заключаетъ въ себѣ еще болѣе обильныя выводами указанія, чѣмъ созданіе лексикона. Усвоивъ себѣ въ предѣлахъ возможности какой либо иностранный языкъ, мы пріобрѣтаемъ средство смотрѣть объективно на свой родной; мы открываемъ въ немъ, съ точки широкаго горизонта зрѣнія сравнительной филологіи, совершенства или недостатки, которыхъ прежде и не подозрѣвали. «Кто не знаетъ иностранныхъ языковъ, тотъ ничего не смыслитъ и въ родномъ», сказалъ Гёте. Но это объективное возрѣніе на языкъ вполнѣ убѣждаетъ насъ въ неприкосновенности коренныхъ началъ его, которыя могутъ развиваться, здорово или болѣзненно, но ничѣмъ не могутъ быть пополнены, какъ не можетъ быть искусственно пополненъ организмъ, дарованный природою живому существу. Если у насъ нѣтъ слова для выраженія новаго понятія, то таковое можетъ быть условно составлено или заимствовано, но создать небывалую грамматическую форму мы не можемъ. Иногда народъ мѣняетъ почти цѣлый лексиконъ свой, замѣняя родныя слова чужестранными, но послѣднія подчиняются грамматикѣ языка, въ который они приняты. Нѣтъ даже подобности объяснять, что въ грамматикѣ заключается настоящій капиталъ богатства языка. Языкъ есть органическое, живое цѣлое; грамматика физіологія его. Огромное разстояніе между одинокими звуками, выражающими рядъ одинокихъ впечатлѣній, и стройною рѣчью, въ которой слова отражаютъ все безконечное

разнообразіе мысли, подобно тому, какъ алмазы въ ожерельѣ сверкаютъ то тою, то другою гранью, безконечно разнообразя падающій на нихъ лучъ солнечный.

Чтобы дать хотя самое поверхностное понятіе о различіяхъ грамматическихъ системъ языковъ, мы должны снова стать на низшую ступень, обратиться къ китайскому языку. Въ немъ всѣ слова односложныя и неизмѣняемыя; въ немъ есть корни словъ, но нѣтъ собственно словъ. Возьмемъ напр. рядъ словъ: любовь, любовникъ, любовный, любить, любо и пр. и пр.; не вдаваясь въ глубокую этимологію, мы можемъ принять, что общій корень ихъ есть звукъ *люб*; звукъ этотъ заключаетъ въ себѣ для насъ понятіе, но онъ собственно не есть ни существительное, ни прилагательное, ни глаголъ, ни нарѣчіе, хотя и можетъ сдѣлаться всѣмъ этимъ. Далѣе таковыхъ звуковъ—корней не пошла китайская грамматика. Въ языкѣ нѣтъ ни словопроизводства, ни частей рѣчи, ни склоненій, ни спряженій. Взаимное отношеніе словъ обозначается относительнымъ положеніемъ ихъ также строго, какъ у насъ положеніемъ цифръ обозначаются единицы, десятки и проч. Эта система, быть можетъ, способствуетъ матеріальной точности, но отъ нея такъ и пашетъ мертвеннымъ холодомъ. Кому изъ насъ чуждъ глубокій смыслъ выраженія: *живое слово*? Можетъ ли наше *живое слово* подчиниться китайской системѣ рѣчи? Могутъ-ли китайцы когда нибудь, что нибудь плодотворное усвоить себѣ изъ европейскаго образованія? Развѣ что выучатся они точнѣе предсказывать затмѣнія. Конечно, если бы не *западные варвары*, то, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можно предположить для китайцевъ еще дальнѣйшій прогрессъ на пути, означившемся для нихъ въ день рожденія ихъ языка за нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ,—но этотъ прогрессъ подобенъ постепеннымъ усовершенствованіямъ въ механизмѣ часовъ, а не постепенному духовному развитію, къ которому предназначено человѣчество.

Начиная отъ китайскаго и подобныхъ ему моносиллабиче-

скихъ языковъ, мы постепенно возвышаемся по лѣстницѣ совершенства грамматическихъ системъ. Промежуточныя ступени заняты многочисленнымъ семействомъ или, лучше сказать, нѣсколькими семействами языковъ, въ которыхъ взаимное отношеніе словъ въ рѣчи и видоизмѣненія кореннаго значенія ихъ выражаются прицѣпленіемъ къ неизмѣняемому корню особыхъ словъ. Здѣсь всѣ слова остаются также неизмѣнными, какъ и въ первомъ классѣ языковъ, но видоизмѣненія и взаимныя отношенія ихъ выражаются посредствомъ особаго вводнаго механизма, болѣе или менѣе усложняющаго, а, слѣдовательно, и затрудняющаго теченіе рѣчи. Это какъ бы алгебраическія знаки + — и т. п., которые сами по себѣ выражаютъ не величины, а только отношенія, существующія между величинами. Въ таковыхъ языкахъ значеніе и отношеніе не сливаются между собою: каждый элементъ обнаруживается особо въ рѣчи.

Таковой механизмъ въ нѣкоторыхъ языкахъ доведенъ до весьма высокой степени совершенства. Но, съ точки зрѣнія сравнительной филологіи, мы открываемъ еще высшія условія совершенства. Вникнемъ снова въ смыслъ выраженія *живое слово*. Языкъ, какъ мы сказали, есть живое, организованное цѣлое. Лексиконъ корней заключаетъ въ себѣ описаніе органовъ этого цѣлаго; въ лексиконѣ не проявляется еще понятія о жизни, какъ не проявляется оно въ анатомическомъ описаніи органовъ тѣла человѣческаго.

Грамматика есть физіологія языка; она изображаетъ, какъ органы его дѣйствуютъ подъ вліяніемъ жизненной силы. Но въ каждомъ живомъ организованномъ цѣломъ жизненная сила не извнѣ дѣйствуетъ на мертвый организмъ: это не есть вѣтеръ, приводящій въ движеніе механизмъ мельницы; каждый органъ представляется намъ проникнутымъ жизнью, оживленнымъ, самодѣятельнымъ. Мы можемъ разсматривать отдѣльно эти элементы только такъ, какъ можемъ отдѣльно разсматривать цвѣтъ тѣла и протя-

женія его: въ сущности эти два свойства нераздѣльны. Такимъ образомъ, чтобы языкъ представлялъ собою не механизмъ болѣе или менѣе замысловатый, а дѣйствительно живое цѣлое, необходимо, чтобы его органы т. е. слова могли сами собою, безъ внѣшней помощи, воспроизводить всѣ явленія жизни, обусловливаемыя жизненною силою, духомъ языка; чтобы оба элемента, значеніе и отношеніе, выражались звуками, но звуками, которые бы не разрушали единства слова. Таковыми высшими свойствами обладаютъ языки, въ которыхъ корни, сами собою, безъ помощи другихъ, внутренно измѣняясь, могутъ изображать видоизмѣненія своего значенія, части рѣчи, равно какъ и слова, подобнымъ же образомъ измѣняясь, могутъ изображать случайности отношенія ихъ къ другимъ словамъ. Всѣ эти свойства, при сравнительномъ изученіи въ различныхъ языкахъ словопроизводства, склоненій и спряженій, обнаруживаются не въ одинаковой степени, черезъ что и обнаруживаются не одинаковыя степени совершенства созданія этихъ языковъ.

Итакъ, мы видимъ, что языки, разсматриваемые въ отношеніи къ грамматическимъ системамъ ихъ, могутъ быть всѣ подведены къ тремъ категоріямъ: 1) языки *уединяющіе*, односложные, 2) языки *совокупляющіе* и 3) языки *развивающіе*. Вторая категорія занимаетъ промежутокъ между первою и третьею; переходы отъ нея въ крайнія также трудно уловить, какъ переходы изъ царства растительнаго въ царства минеральное и животное [1]). Но подобно тому какъ всѣ попытки установить отъ минерала до животнаго непрерывную послѣдовательность совершенствованія организма не представляютъ ничего убѣдительнаго, такъ и попытки филологіи [2]) установить непрерывную послѣдовательность совершенствованія отъ языковъ уединяющихъ до языковъ развивающихъ не имѣли успѣха. Приверженцы этой теоріи предполагаютъ,

1) *A. Schleicher:* Zur vergleichenden Sprachengeschichte (Bonn 1848), p. 11.
2) *Bunsen:* Outlines of the philosophy of universal history (Lond. 1854).

что нѣкогда всѣ языки были подобны устройствомъ своимъ китайскому, что то была дограмматическая ихъ эпоха; что, постепенно совершенствуясь, перешли они черезъ всѣ ступени языковъ совокупляющихъ и, наконецъ, остановились на различныхъ ступеняхъ языковъ развивающихъ. Историческое изученіе жизни языковъ совершенно противурѣчитъ этому предположенію; чѣмъ далѣе углубляемся мы въ прошедшее время, тѣмъ отличительныя черты, характеризующія три категоріи, обозначаются рѣзче; изъ числа развивающихъ языковъ самые древніе, теперь уже мертвые, представляютъ совершенство, безпримѣрное въ языкахъ новѣйшихъ. Такъ и должно было быть: языкъ создался безсознательно, способность создавать безсознательно слабѣетъ по мѣрѣ того, какъ крѣпнетъ разсудокъ.

Итакъ, оставляя въ полной неприкосновенности библейское сказаніе о происхожденіи рода человѣческаго отъ одной четы, мы должны сказать, что это единство, въ глубокую, недоступную для нашихъ изслѣдованій эпоху, разрушилось вслѣдствіе одного какого либо переворота или цѣлаго ряда событій, которымъ ничего подобнаго не совершилось въ позднѣйшей исторіи человѣчества, о которыхъ мы не можемъ себѣ составить никакого понятія, которыя могутъ только служить поводомъ къ болѣе или менѣе остроумнымъ догадкамъ, во всякомъ случаѣ безплоднымъ для положительнаго знанія, а слѣдовательно и безполезнымъ. Главнѣйшіе человѣческіе языки возникли въ доисторическую эпоху, и ихъ происхожденіе показываетъ, что уже тогда родъ человѣческій утратилъ свое единство. Изображенія на пирамидахъ египетскихъ, построенныхъ во времена, также недоступныя для исторіи, рѣзкими чертами обозначаютъ различія расъ человѣческихъ: эти различія, слѣдовательно, еще до начала положительной исторіи, были столь же глубоки, какъ и въ наше время.

Отсюда видно, что, подъ опасеніемъ впасть въ крайнія несообразности, подъ опасеніемъ прибѣгнуть къ предположеніямъ и сбли-

женіямъ, противурѣчащимъ всякому положительному знанію, мы должны совершенно отказаться отъ возможности привести исторію рода человѣческаго къ одному общему началу. Таковыхъ началъ, совершенно независимыхъ одно отъ другого, несоединимо—различныхъ и физически и морально, должны мы допустить нѣсколько. Всѣ они заключаютъ въ себѣ, хотя не въ одинаковой степени, способность развиваться, распространяться; по мѣрѣ распространенія своего, каждое начало подчиняется болѣе и болѣе разнообразнымъ внѣшнимъ условіямъ, преимущественно условіямъ мѣстности; оно само разнообразится, первоначальная простота его утрачивается. Сферы дѣйствія независимыхъ началъ скоро сближаются, соприкасаются, сталкиваются, перекрещаются; одно начало какъ бы совершенно поглощаетъ другое, но въ сущности ничего не исчезаетъ безъ незамѣтнаго слѣда: изъ соединенія двухъ различныхъ началъ возникаютъ въ исторіи новыя явленія, не объясняемыя отдѣльно ни тѣмъ, ни другимъ, ни мѣстностью, но объясняемыя совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ трехъ разнородныхъ вліяній.

Если невозможно объяснить все безконечное разнообразіе историческихъ явленій однимъ лишь безконечно разнообразнымъ вліяніемъ внѣшней природы на первоначально единообразный, физически и морально, родъ человѣческій,—то, по крайней мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что мы значительно упростимъ таковое объясненіе, обозначивъ опредѣленными чертами особенности всѣхъ этихъ независимыхъ и единовременно возникшихъ первоначальныхъ направленій. Мы уже сказали, что важнѣйшія указанія въ этомъ отношеніи доставляетъ намъ философское сравнительное изученіе языковъ человѣческихъ. Само собою разумѣется, что изученіе это доставитъ намъ тѣмъ болѣе ясныя указанія, чѣмъ древнѣе изучаемые языки, чѣмъ менѣе подверглись они позднѣйшимъ случайнымъ вліяніямъ и посторонней примѣси. Мы можемъ мысленно представить себѣ, что всѣ нынѣшніе языки

суть болѣе или менѣе поздніе потомки нѣсколькихъ первобытныхъ, самостоятельныхъ, не имѣвшихъ между собою ничего общаго, кромѣ того, что проистекаетъ изъ общихъ условій человѣческаго духовнаго міра. Въ различіяхъ таковыхъ языковъ представились бы намъ въ полной ясности, въ рѣзкой противуположности, духовныя различія первыхъ народовъ или, лучше сказать, первыхъ группъ людей, создавшихъ человѣческое слово. Но это разногласное слово давно уже замолкло на землѣ и только отголоски его болѣе или менѣе явственно, болѣе или менѣе искаженно, слышатся въ неумолкамомъ говорѣ народовъ даже до нашихъ дней. До нѣкоторой степени мы имѣемъ однако средства возсоздать эти первоначальные языки. Справедливо сказано, что, если бы латинскій языкъ исчезъ, не оставивъ по себѣ ни одного письменнаго памятника, то изъ сравнительнаго изученія нынѣшнихъ романскихъ языковъ, какъ то: французскаго, итальянскаго, испанскаго и пр. мы не только могли бы догадаться о минувшемъ существованіи общаго ихъ родоначальника, но даже могли бы составить себѣ довольно ясное понятіе о характеристическихъ чертахъ его. Очевидно, что все то, что есть общаго во всѣхъ этихъ новѣйшихъ языкахъ, перешло къ нимъ изъ одного общаго источника; то, что только для нѣкоторыхъ изъ нихъ обще, можетъ почитаться частью наслѣдства, которая не всѣмъ наслѣдникамъ перешла во владѣніе. Языкъ коренной обыкновенно бываетъ богаче формами, чѣмъ языкъ производный, и это богатство гораздо значительнѣе въ юные годы его, чѣмъ въ годы возмужалости. Время юности есть вмѣстѣ съ тѣмъ и время анархіи языка; каждый изъ говорящихъ участвуетъ въ созданіи его, вноситъ въ него оттѣнокъ своей личности, склоняетъ, спрягаетъ слова по своему; нѣтъ другого предѣла личному произволу кромѣ опасенія сдѣлаться непонятнымъ. Но широкой гласности тогда еще не существуетъ, каждый проводитъ вѣкъ въ тѣсномъ кругу родныхъ или близкихъ сосѣдей: при такихъ условіяхъ жизни другъ

друга понимать не мудрено. Такъ должны были возникнуть діалекты, нарѣчія, одновременно съ созданіемъ языка; единство послѣдняго нельзя отыскать иначе, какъ развѣ въ одной семьѣ, даже въ одной четѣ; и тутъ мужъ и жена говорили не одинаково: происхожденіе различныхъ окончаній въ языкѣ для мужескаго и женскаго рода. Но вскорѣ изъ семействъ образуются общины, кланы, народы, государства; прежніе круги тѣсныхъ сношеній родственныхъ разширяются; молитвы, законы, пѣсни должны быть понимаемы значительнымъ числомъ людей, составляющихъ собою народъ, государство; создается языкъ общенародный, который постепенно стремится къ простотѣ, къ однообразію, къ удаленію всего слишкомъ индивидуальнаго, всего кажущагося излишнимъ; въ общемъ теряются частныя подробности, языкъ бѣднѣетъ формами, теряетъ выразительность свою. Это есть общая судьба всѣхъ языковъ; исторія развитія ихъ, какъ замѣтилъ Гегель, въ прямой противуположности съ исторіей развитія человѣчества [1]). Но таковое обѣднѣніе языковъ происходитъ медленно; какъ мы сказали, чѣмъ древнѣе языкъ, тѣмъ онъ богаче; богатство, въ коренномъ языкѣ заключавшееся, дѣлится между его дѣтьми, внуками, правнуками: каждый изъ нихъ живетъ лишь тѣмъ, что досталось на его долю. Такимъ образомъ, въ коренномъ языкѣ, какъ въ микрокозмѣ, отражаются всѣ его языки производные. Изъ того, что мы сказали выше, можно уже усмотрѣть путь, которымъ слѣдуетъ сравнительная филологія, чтобы дойти до языковъ коренныхъ. Мы сказали также, что эти самыя изслѣдованія приводятъ къ убѣжденію, что не было языка, отъ котораго можно бы было произвести всѣ человѣческіе языки. Но даже въ кругу односемейныхъ языковъ, мы не можемъ отыскать общаго прародителя ихъ. Обыкновенно доходимъ мы до нѣсколькихъ языковъ, которые всѣ представляютъ между собою фамильное сходство, но которыхъ нельзя уже выводить одинъ изъ другого, которыхъ нельзя даже

1) *Hegel:* Philosophie der Geschichte. Einleitung, p. 61.

назвать ровесниками, потому что мы не знаемъ, сколько поколѣній отдѣляетъ каждый изъ нихъ отъ общаго прародителя. Отсюда видно, что когда какой-либо языкъ мы называемъ коренным, то названія этого не должно считать безусловнымъ. Нѣкоторые изъ числа такъ называемыхъ коренныхъ языковъ представляютъ признаки близкаго взаимнаго родства, и мы можемъ считать ихъ за развѣтленія одной и той же невѣдомой отрасли. Наконецъ нѣкоторые изъ этихъ коренныхъ языковъ въ большей свѣжести, въ большей полнотѣ изображаютъ общія характеристическія черты цѣлаго семейства: таковые языки мы называемъ древнѣйшими не потому, что они прежде другихъ отдѣлились отъ главнаго корня, но потому, что въ нихъ удержался въ чистотѣ первоначальный, общеродовой характеръ. Для хронологіи сравнительная филологія немного можетъ доставить данныхъ.

Эти общія разсужденія о человѣческихъ языкахъ мы приложимъ теперь къ расѣ, которая, по физическимъ примѣтамъ своимъ, въ естественной исторіи человѣка, называется *кавказскою*.

Съ точки зрѣнія сравнительной антропологіи раса эта едина и нераздѣльна; сравнительная филологія доказываетъ, что языки ея составляютъ три семейства, которыя невозможно привести къ одному общему началу. Если выпустить изъ виду результаты изслѣдованій антропологіи, то единство расы исчезаетъ безъ слѣда посреди изслѣдованій филологическихъ; это есть сильное возраженіе противъ матеріальныхъ выводовъ физической исторіи человѣка. Но, съ другой стороны, всеобщая исторія обнаруживаетъ, что именно къ этой кавказской расѣ принадлежатъ всѣ народы, которые играли первенствующую роль на поприщѣ всемірной исторіи. Мы не считаемъ себя въ правѣ оставить совершенно безъ поясненія вопросъ что̀ должно понимать подъ выраженіемъ *обще-человѣческое развитіе*. Каждый изъ насъ, хотя бы то было въ безконечно слабой степени, участникъ въ этомъ развитіи, которое есть результатъ равнодѣйствующей всѣхъ нашихъ частныхъ

усилій. Что же двигаетъ насъ? Къ чему стремится каждый изъ насъ? Конечно, общимъ двигателемъ служитъ не смутное понятіе о томъ, что родъ человѣческій имѣетъ опредѣленное предназначеніе и что каждый обязанъ трудиться въ смыслѣ этой предвѣчной цѣли. Скорѣе можно сказать, что люди дѣйствуютъ какъ полипы, которые, повинуясь условіямъ тѣсной органической жизни своей, производятъ кораллы, а изъ этихъ коралловъ создается пятая часть свѣта...

Но, если мы не можемъ разгадать куда идетъ человѣчество, то, быть можетъ, имѣемъ средства разгадать, что заставляетъ его идти впередъ, если не прямымъ путемъ, то во всякомъ случаѣ не кругообразнымъ. Откуда разъ уже человѣчество выдвинулось, туда уже никогда оно не возвращается. Внутренняя дѣятельность человѣка есть душевная и умственная. Душевная выражается впечатлительностію и желаніемъ; умственная мышленіемъ и волею. Послѣдняя обусловливаетъ стремленіе человѣка къ совершенствованію своего положенія.

Пока мышленіе и воля дремлятъ въ народѣ, онъ недвигается впередъ: это не есть народъ историческій. Таковыхъ неисторическихъ народовъ много на землѣ и въ настоящее время. Но едва лишь эти двѣ высшія способности пробуждаются въ какомъ либо поколѣніи, какъ народъ трогается съ мѣста, предполагаетъ себѣ цѣль, съ достиженіемъ которой надѣется улучшить свой бытъ. Достигнута-ли эта цѣль или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ народъ не останавливается, пока дѣйствуютъ на него эти два двигателя. Мы очень далеки отъ того, чтобы утверждать, что каждое поколѣніе дѣйствительно счастливѣе предшествовавшаго: счастіе исключительно измѣряется способностью сознавать его. Но, во всякомъ случаѣ, подъ вліяніемъ непрестанно дѣйствующихъ мысли и воли, новое поколѣніе не можетъ уже довольствоваться тѣмъ, что для предшествовавшаго составляло окончательную цѣль, довольствоваться тѣмъ, чего достигли уже отцы. Такъ народъ подвигается

впередъ. Но и сфера мысли его и сфера воли имѣютъ предѣлы, переступить которыхъ народъ не можетъ и останавливается; для него наступаетъ болѣе или менѣе долгій періодъ агоніи, за которою слѣдуетъ смерть. Мѣсто его заступаетъ другой народъ, онъ усвоиваетъ себѣ наслѣдство покойника, но, не удовлетворяясь имъ, идетъ впередъ, пока станетъ запаса мысли и воли.

Но очевидно, что мысль не можетъ выйти изъ круга впечатлительности, воля изъ круга желаній. Говоря о происхожденіи языковъ, мы сказали, что есть народы, которые, повидимому, почти не могутъ возвыситься надъ матеріальнымъ созерцаніемъ природы. Эта ограниченность должна отразиться и въ желаніяхъ, и въ мышленіи, и въ волѣ ихъ; для нихъ временно можетъ быть открыто историческое поприще, но имъ доступна только одна сторона человѣческаго развитія; мысль и воля ихъ скоро должны утомиться и изсякнуть. Ихъ мѣсто въ передовыхъ рядахъ должны послѣдовательно занять достойнѣйшіе.

Подобное духовное различіе, замѣчаемое въ народахъ кавказской расы, позволяетъ намъ выпустить изъ виду единство ея, основанное на выводахъ антропологіи; въ филологическомъ отношеніи можно причислить къ одной расѣ только народы, говорящіе языками, принадлежащими къ одному и тому-же семейству. Принявъ филологическую систему раздѣленія на расы, мы находимъ, что кавказское племя заключаетъ въ себѣ три расы: кушитскую (хамитскую), симитскую и арійскую.

Въ книгѣ Бытія [1]) находимъ мы сказанія объ основаніи первыхъ царствъ на землѣ: «Сыны Хама: Хушъ, Мицраимъ и пр. Хушъ родилъ также Нимрода: сей началъ быть силенъ на землѣ... царство его вначалѣ составляли: Вавилонъ, Эрехъ и пр.» Мицраимъ есть Египетъ, который теперь еще на цѣломъ востокѣ называется Мисръ.

1) X, 6—10.

При первомъ проблескѣ разсвѣта всемірной исторіи, взоры наши останавливаются на Египтѣ, который представляется уже въ то время не въ видѣ юноши, исполненнаго силъ и кипящаго отвагой, а въ видѣ старца, отжившаго уже свой вѣкъ и готовящагося заснуть вѣчнымъ сномъ посреди созданныхъ имъ пирамидъ и сфинксовъ. Сверстниками египтянъ въ исторической жизни, давно уже забытой, были хананеи, къ которымъ пришелъ странникъ Аврамъ изъ земли Халдейской; строители Ниневіи, Вавилона, Сузы; плаватели по морямъ Чермному, Эритрейскому (Индійскому); ефіопы, сабеяне, евилаты (кавилы), кофены, кушиты, шудра, сонмъ народовъ, которыхъ прослѣдить можно отъ Архипелага Егейскаго до устьевъ Инда и оттуда вверхъ по рѣкѣ въ самую глубь Азіи. Народы дѣятельно-историческіе, но исторія ихъ дошла до насъ въ видѣ длиннаго ряда загадокъ, надъ которыми уже со временъ Геродота, въ продолженіи двадцати трехъ вѣковъ, изощряется любопытство человѣческое. Все убѣждаетъ насъ въ томъ, что начало древней исторіи нашей не есть дѣйствительное начало исторіи человѣчества; оно скорѣе походитъ на начало такъ называемой средней исторіи нашей, когда народы юные, свѣжіе, дотолѣ безвѣстные, вдругъ появились на сценѣ и смѣнили собою народы одряхлѣвшіе, народы, исполнившіе уже назначеніе свое, неспособные къ дальнѣйшему развитію. По наслѣдству, доставшемуся народамъ, смѣнившимъ собою кушитскую расу, мы можемъ въ главныхъ чертахъ судить о направленіи ея развитія. Мы говоримъ *Кушитская раса*, потому что дѣйствительно множество обстоятельствъ обнаруживаютъ тѣсное фамильное сходство между всѣми этими до-историческими народами; изученіе череповъ, сохранившихся въ древнихъ памятникахъ, равно какъ и изображенія на этихъ памятникахъ убѣждаютъ въ томъ, что кушиты въ антропологическомъ отношеніи принадлежали къ кавказской расѣ. О языкѣ ихъ или, лучше сказать, объ общемъ характерѣ языковъ мы можемъ составить себѣ лишь весьма огра-

ниченное понятіе. Единственный письменный памятникъ составляютъ іероглифическія надписи, которыми покрыты египетскіе пирамиды и обелиски. Но разборъ ихъ представляетъ величайшія затрудненія: должно, посредствомъ неизвѣстной письменной системы, читать на неизвѣстномъ языкѣ. Изученіе коптскаго языка, теперь уже мертваго, на которомъ есть переводъ книгъ священнаго писанія, представило путеводную нить въ этомъ лабиринтѣ трудностей. Можно считать, что коптскій языкъ прямо происходитъ отъ древнеегипетскаго. Къ этому же семейству относятся языки туземныхъ обитателей сѣверной Африки, языки ливійскіе и нумидійскіе [1]), языкъ Ехкили во внутренней Аравіи; наконецъ, открываются слѣды этого семейства въ языкѣ не-арійскихъ обитателей Малабарскаго берега Индіи [2]). Какъ ни мало покуда изслѣдованы еще всѣ эти языки, въ теченіе вѣковъ значительно подвергшіеся примѣси чуждыхъ элементовъ, но можно однако заключить, что первоначальный языкъ въ семействѣ походилъ грамматическимъ устройствомъ на китайскій: языкъ моносиллабическій, уединяющій, безъ частей рѣчи. Такъ напр. въ коптскомъ языкѣ *анх* значитъ жить, жизнь, живущій, живой. [3]). Замѣчательно, что система изображенія каждаго особаго понятія особымъ знакомъ возникла и въ Египтѣ и въ Китаѣ. То, что мы знаемъ о характерѣ кушитскаго развитія, представляетъ въ основаніи своемъ поразительное сходство съ китайскимъ образованіемъ: сходство характера языковъ отразилось и въ нравственномъ характерѣ. Грубый матеріализмъ составляетъ основу его; религіозныя побужденія смѣшиваются съ чувственными, обоготвореніе физической любви; отсутствіе всего идеальнаго; наука, направленная къ точному описанію наружныхъ явленій природы, къ астрономическимъ наблюденіямъ, къ созданію метрическихъ системъ; искуство въ ручныхъ ремеслахъ, въ постройкахъ, которыя изумляютъ огром-

1) *Renan:* Hist gén. des langues semit. p. 81; *Ritter*: Erdkunde, 12 Theil, p. 56.
2) *Lassen:* Indische Alterthumskunde, II, 580—581.
3) *Bunsen:* Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte, I, 324.

остью, но чужды изящности; склонность къ торговлѣ или, лучше сказать, къ барышничеству, мало расположенія къ войнѣ; чрезвычайно-искуственное политическое устройство, совершенное презрѣніе къ человѣческому достоинству, деспотизмъ необузданный, ищущій себѣ опоры въ преднамѣренномъ обезсиленіи народа морально суевѣріемъ, физически изнурительными работами. Эти нравственныя черты кушитовъ ясно отражаются, какъ во всемъ томъ, что мы знаемъ о Египтѣ, такъ и въ томъ, что перешло отъ нихъ къ финикіянамъ, къ позднѣйшимъ вавилонянамъ и ассирійцамъ. Это тлетворное наслѣдство доставляетъ ключъ къ объясненію многихъ историческихъ явленій, происшедшихъ въ юго-западной Азіи; многое объясняетъ оно и въ теперешнемъ бытѣ ея. Какъ нельзя понять исторіи Европы, средне-вѣковой и даже современной намъ, не вводя въ нее присутствія элемента греческаго и римскаго, такъ нельзя понять и исторіи юго-западной Азіи, не вводя въ нее элемента кушитскаго.

Эта *кушитская* или *хамитская* раса, съ которою исторія почти не можетъ вступить въ непосредственное соприкосновеніе, окончательно выполнила свое назначеніе по крайней мѣрѣ вѣковъ за 15 до начала нашей эры. На поприще исторіи изъ мрака неизвѣстности выступаетъ постепенно другая раса, которой дано произвольное названіе *симитской*. Духовныя особенности ея, роль, къ которой она предназначена, не вдругъ обнаруживаются. Дѣйствительно, первые историческіе семиты, какъ то: хананеи, финикіяне, вавилоняне, ассирійцы (если только послѣдніе два народа можно считать за симитовъ; гораздо вѣроятнѣе, что они были смѣсью народовъ различныхъ расъ) являются намъ уже не въ первобытной простотѣ родоваго характера; мы знакомимся съ ними только тогда, когда они уже вполнѣ подверглись моральному вліянію болѣе образованныхъ чѣмъ они кушитовъ, когда уже заимствовали у нихъ хорошее и дурное. Но, при таковомъ разнообразіи наружнаго проявленія симитскаго характера, какъ найти

основаніе для сужденія объ отличительныхъ чертахъ, свойственныхъ цѣлой расѣ? Въ языкахъ симитическихъ эти указанія тѣмъ болѣе ясны, что всѣ языки эти такъ близки другъ къ другу, что кажутся какъ бы діалектами одного и того же. Симитическій словарь необыкновенно богатъ, [1]) но отвлеченныя понятія не иначе выражаются, какъ посредствомъ понятій физическихъ. Богатство словаря обнаруживаетъ съ одной стороны впечатлительность, съ другой слабость мысли. При способности къ отвлеченности, одно названіе вызываетъ совокупность различныхъ впечатлѣній, которыя располагаются частію въ свѣту, частію въ полутѣни, частію въ тѣни и рисуютъ предметъ рельефно, какъ онъ есть въ природѣ. Но, если каждое неразлагаемое впечатлѣніе и имѣетъ особое названіе, то только таковое впечатлѣніе и вызывается названіемъ: предметъ выражается ярко, но односторонне. Итакъ впечатлительность и односторонность проявляются въ самомъ словарѣ симитовъ. Еще разительнѣе обнаруживаются эти качества въ грамматической системѣ симитическихъ языковъ. Они принадлежатъ къ категоріи языковъ развивающихъ, слѣдовательно, стоятъ на высокой ступени совершенства языкосозданія, но словосочиненіе отзывается крайнею скудностью. Каждый періодъ есть краткое безъискуственное предложеніе; слогъ есть рядъ таковыхъ однообразныхъ предложеній, слѣдующихъ одно за другимъ и взаимно связанныхъ союзомъ и. Способность располагать предложенія съ соблюденіемъ условій умственной перспективы, черезъ что одни понятія выдаются наружу, другія, второстепенныя, сопровождающія первыя, остаются въ глуби,—таковая способность совершенно чужда симитамъ. Весьма замѣчательна также ихъ система спряженій; времена глаголовъ крайне не опредѣлительны, прошедшее, настоящее, будущее не разграничены опредѣлен-

1) Увѣряютъ, что *левъ* имѣетъ до 500 названій на арабскомъ языкѣ, *змѣя* до 200, медъ болѣе 80, мечъ до 1000. Гаммеръ насчиталъ 5744 названія для верблюда. *E. Renan:* de l'origine du langage, 1858. p. 142.

ными формами: при глубокой впечатлительности, мысль всегда соприсутствуетъ явленію, понятіе о времени исчезаетъ. Этихъ поверхностныхъ наблюденій о симитическихъ языкахъ достаточно, чтобы составить себѣ общее понятіе объ умственныхъ способностяхъ симитовъ: впечатлительность глубокая, но по тому самому односторонняя, простая; неумѣніе сближать, сравнивать, взвѣшивать впечатлѣнія; подчиненность имъ при слабости мышленія; отсюда необузданный эгоизмъ, сильныя страсти, упорство въ своемъ мнѣніи, непониманіе чужаго, по невозможности отрѣшиться отъ своего собственнаго; эксклузивность, фанатизмъ. Всѣ эти качества не благопріятны устройству человѣческихъ обществъ на прочномъ основаніи; личность каждаго симита такъ самостоятельна, такъ независима, что не можетъ подчиниться общественнымъ условіямъ; съ другой стороны, симитическіе законодатели слишкомъ глубоко проникнуты единой мыслію, чтобы допускать какое-либо разнообразіе: симитическій законъ также неумолимо эксклузивенъ, какъ и каждый симитъ; законъ силится подчинить себѣ всю внутреннюю и всю наружную жизнь человѣка, не допуская не только разнообразія содержанія, но даже и разнообразія формы. По этому согласіе между обществомъ и индивидуумомъ можетъ быть только временное, скоропреходящее, когда, подъ вліяніемъ одного пламеннаго чувства, цѣлый народъ идетъ какъ одинъ человѣкъ. Этимъ объясняется почему симиты только по временамъ и какъбы мимоходомъ играютъ значительную роль во всемірной исторіи; всѣ политическія созданія ихъ не имѣютъ прочности, они возникаютъ мгновенно, быстро достигаютъ верха могущества и, затѣмъ, быстро клонятся къ паденію; это есть взрывъ, а не правильное возрастаніе и развитіе. Но участіе симитовъ въ дѣлѣ общечеловѣческаго совершенствованія другого рода; оно несравненно обильнѣе послѣдствіями, чѣмъ политическія перестройки. Способность чувствовать глубоко, не смущаемая притязаніями разума, придаетъ характеру симитовъ глу-

боко-религіозное направленіе. Безотчетное понятіе о Богѣ, о предвѣчномъ началѣ всего существующаго, присносущна внутреннему духовному міру человѣка; люди не дошли до понятія этого постепенно, какъ не дошли они постепенно до созданія языка своего. Не находя въ самомъ себѣ объясненія таковаго понятія, человѣкъ обратилъ вопрошающій взоръ на внѣшній видимый міръ: въ чертахъ творенія мнилъ онъ усмотрѣть черты Творца. Но человѣкъ самимъ собою заслонилъ отъ себя отраженіе Творца въ твореніи. Однимъ симитамъ стала доступною мысль о непосредственномъ откровеніи Бога человѣку; въ понятіяхъ ихъ идея о божествѣ отразилась въ чистотѣ, чуждой земной примѣси, въ единствѣ неприкосновенномъ. Три религіи,—три величайшія событія въ исторіи общечеловѣческаго развитія,—три неравно-прекрасныя и неравно-чистыя выраженія одной и той же великой идеи о единомъ Богѣ [1]), возникли у симитовъ. Но симитамъ суждено было только уготовить путь для дальнѣйшаго развитія другой расы, болѣе разнообразно одаренной; сами они не пошли по этому пути, какъ не для нихъ уготованному.

Первые лучи историческаго свѣта, разсѣвающіе мракъ вѣковъ доисторическихъ, открываютъ передъ нами существованіе множества народовъ, которые, слѣдуя общему направленію отъ юго-востока къ сѣверо-западу, отъ береговъ Бенгальскаго залива до береговъ Атлантическаго океана, заслоняютъ собою сравнительно-тѣсный міръ кушито-симитскій отъ внутренности Азіято-европейскаго материка. Исторія застаетъ уже кельтовъ въ западной Европѣ, латино-еллиновъ на Аппенинскомъ и Балканскомъ полуостровахъ, киммеріянъ вокругъ Азовскаго моря, кардовъ, касдовъ или халдовъ въ Курдистанѣ, мидянъ въ Адербиджанѣ, бактріянъ на Оксусѣ, Индійскихъ арійцевъ въ Индустанѣ до самаго Индійскаго Океана. Были ли народы эти первобытными обитате-

1) *E. Renan:* de l'origine du langage. 1858. p, 192.

лями всѣхъ этихъ странъ или пришельцами въ нихъ; если они были пришельцы, то откуда и когда пришли они? Всѣ эти вопросы исторія долго оставляла безъ разрѣшенія, какъ совершенно недоступные для нея. Но мы имѣемъ данныя, чтобы составить себѣ довольно вѣрное понятіе о языкахъ, которыми говорили эти народы; изъ сравнительнаго изученія этихъ языковъ обнаруживается, что всѣ они суть развѣтвленія одного языка, котораго мы не знаемъ и, конечно, никогда не узнаемъ; изъ этого можно заключить, что всѣ вышеозначенные народы суть развѣтвленія одного первобытнаго народа, быть можетъ, одного небольшаго племени, одной семьи, одной четы. Это открытіе, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу величайшихъ открытій въ области человѣческаго знанія; оно придало исторической наукѣ прочное основаніе и невѣроятно расширило предѣлы ея. Открытіе это принадлежитъ нашему вѣку, почти нашимъ современникамъ, но не есть плодъ учености одного лица. Событія историческія, въ особенности распространеніе британскаго владычества въ Индіи, расширили кругъ языкознанія; темныя догадки о сродствѣ различныхъ языковъ возникали постепенно и искали оправданія въ сравнительной филологіи, которую надобно было еще создать и которая создавалась постепенно. Опытъ и теорія шли параллельно. При разрозненности трудовъ, весьма естественнымъ образомъ возникаютъ различныя названія для означенія одного и того же понятія. Такъ и для обозначенія всего этого семейства языковъ и народовъ существуютъ различныя названія: семейство индо-германское, индо-европейское, арійское, санскритское. Изъ всѣхъ этихъ названій, *арійское* (согласно Лассену) кажется наиболѣе удовлетворительнымъ. Названіе *іаѳетово*, въ отличіе отъ симитскаго и хамитскаго, не можетъ быть принято, потому что подъ таковое названіе, связанное съ библейскимъ сказаніемъ, должны бы подойти всѣ народы не симитскаго и не хамитскаго корня. Съ другой стороны ни на одной человѣческой расѣ не обозначилось такъ, какъ на арійской, благословеніе Ноево:

«да распространитъ Богъ Іафета; и да вселится онъ въ шатрахъ Симовыхъ, Ханаанъ же будетъ рабомъ ему.» Можно ли сомнѣваться въ томъ, что столь чудное распространеніе арійскаго семейства далеко еще не достигло предназначенныхъ ему Всевышнимъ Промысломъ предѣловъ!

Допустивъ это первоначальное единство цѣлой арійской расы, мы должны исключительно приписать вліянію внѣшняго физическаго міра чрезвычайное разнообразіе, нынѣ существующее между народами этой расы. Это разнообразіе такъ велико, что можно думать, что первоначальное единство совершенно уже утратилось, не оставивъ по себѣ никакого другого слѣда, кромѣ общаго сходства въ языкахъ, сходства, не легко уже теперь уловимаго. Остановимся же покуда на этомъ сходствѣ языковъ и постараемся разгадать, какія общія умственныя свойства заставляетъ оно предполагать въ народахъ арійскаго семейства.

Мы сказали, что впечатлительность, субъективность, составляющія отличительныя свойства характера симитовъ, проявляются въ самыхъ языкахъ ихъ. Въ созданіи арійскихъ языковъ мы усматриваемъ другое направленіе: стремленіе освободиться отъ случайныхъ впечатлѣній, противупоставить ихъ чистому разуму, обобщить предметъ, сознать въ немъ самостоятельное существованіе, независимое отъ отношеній его къ чувствамъ нашимъ. Отвлеченность составляетъ характеристическую черту арійскихъ языковъ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ ихъ, въ индійскихъ Ведахъ, мы находимъ выраженія прямыя и свѣтлыя, для цѣлой дѣятельности чистаго, всеобщаго разума, для всѣхъ сторонъ нравственнаго міра. Арійскіе языки суть *развивающіе* по превосходству и въ этомъ отношеніи стоятъ далеко на высшей ступени, чѣмъ симитскіе; слова въ нихъ проникнуты жизнію; свободно изворачиваются они, отражая собою всѣ извороты мысли; они являются въ періодѣ, не по учрежденному разъ на всегда мертвому, единообразному уставу, а по призыву мысли; періоды не тянутся безконечной, утоми-

тельной вереницей, а группируются, выдаются впередъ, остаются позади; выпуклости, полутѣни, тѣни обозначаются въ рѣчи, какъ обозначаются они въ цѣломъ видимомъ мірѣ.

Если таковое превосходство арійскихъ языковъ предъ всѣми прочими не подлежитъ сомнѣнію и если изъ него можемъ мы заключить, что арійская раса болѣе щедро чѣмъ другія одарена въ умственномъ отношеніи, что вполнѣ доказывается позднѣйшею исторіей ея, то должно казаться удивительнымъ, почему столь долгое время оставалась она въ безвѣстности, почему дозволила кушитской расѣ играть въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ первенствующую роль въ исторіи. Дѣйствительно, не ранѣе, какъ за десять вѣковъ до Р. Х. проявляется въ обширныхъ размѣрахъ внѣшняя дѣятельность арійцевъ. Это замедленіе ихъ появиться на историческомъ поприщѣ объясняется, впрочемъ, самими основными свойствами ихъ характера. Они не такъ способны къ нравственному увлеченію, какъ симиты; любостяжаніе, стремленіе къ матеріальнымъ благамъ на нихъ слабѣе дѣйствовало, чѣмъ на кушитовъ, рабовъ чувственности. Въ тѣсномъ кругу семейной жизни, безмятежно могли развиваться самоотверженіе, привязанность къ независимости, сознаніе человѣческаго достоинства, чувства нравственности, которыя готовили мирныхъ семьянъ къ исторической дѣятельности. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, склонность къ идеализированію, къ свободному отысканію истины должна была вовлечь ихъ въ заблужденія. Вся природа казалась имъ одушевленною; въ разнообразіи естественныхъ явленій усматривали они цѣлый міръ разнообразныхъ таинственыхъ разумныхъ дѣятелей. Отсюда одухотвореніе матеріи, многобожіе, въ которое болѣе и болѣе погрузились арійцы. Тамъ, гдѣ отношенія къ внѣшнему міру непреодолимо приковываютъ къ себѣ вниманіе человѣка, гдѣ долженъ онъ въ потѣ лица заработывать себѣ кусокъ хлѣба насущнаго или отстаивать свое существованіе въ борьбѣ съ врагами, тамъ арійцы сохранили способность къ исторической дѣятельности; но тамъ, гдѣ природа, какъ мать-баловница осво-

бождаетъ человѣка отъ труда и отъ борьбы, тамъ арійцы вполнѣ отдались духовной жизни, отрѣшившись отъ всякой дѣятельности въ предѣлахъ земнаго, временнаго; дойдя до геркулесовыхъ столбовъ мышленія, они остановились въ виду безпредѣльнаго, единообразнаго океана, на которомъ нѣтъ болѣе пристанища: этимъ заключилось ихъ поприще совершенствованія. Такимъ образомъ, безъ соприкосновенія съ другими расами, хотя и менѣе совершенными, арійцы не могли бы выступить на историческую стезю. Матеріальное развитіе кушитовъ доставило противувѣсіе идеальному направленію арійцевъ: противувѣсіе, впрочемъ, гибельное тамъ, гдѣ подѣйствовало оно непосредственно и на народы, не успѣвшіе еще окрѣпнуть въ тихомъ, семейномъ быту. Симиты, передавъ арійцамъ мысль единобожія и откровенія свыше, измѣнили точку исхода ихъ умствованій; они вручили имъ руль и компасъ для плаванія по безпредѣльному океану идеализма.

Сравнительная филологія доставляетъ намъ возможность заглянуть во внутренній бытъ безвѣстнаго для исторіи народа-прародителя всѣхъ арійцевъ, разшедшихся теперь по лицу всея земли. Кругъ понятій всякаго народа измѣнялся съ измѣненіемъ жилища; для новыхъ понятій пришельцы должны были или заимствовать названія у туземцевъ или сами составлять новыя слова. Но въ составленіи даже этихъ новыхъ словъ должны уже были отразиться измѣненія, которымъ подверглись одноплеменные народы, подвергнувшись различнымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе въ противуположныя стороны разошлись два одноплеменныхъ народа, чѣмъ болѣе разнообразнымъ вліяніямъ подверглись они, тѣмъ лексиконы ихъ должны представить менѣе сходства. Но, если наоборотъ, мы возьмемъ два таковыхъ народа, которые не могли имѣть ничего общаго, ни въ источникахъ, откуда они заимствовали новыя слова, ни въ условіяхъ жизни своей, какъ напр. Кельты и индусы; если въ словаряхъ таковыхъ двухъ народовъ находимъ одинакія названія для нѣкоторыхъ понятій, то не можемъ не заключить, что

таковыя названія вынесли они изъ общей родины своей. Лексиконъ таковыхъ общеарійскихъ словъ очевидно принадлежитъ народу весьма малочисленному, скорѣе даже небольшому племени, которое весьма высоко стояло на ступени духовнаго развитія, но въ матеріальномъ отношеніи не вышло еще изъ состоянія сельской простоты. На этомъ языкѣ, то, что теперь значитъ *городъ*, значило еще *домъ*; нынѣшнія правительственныя названія означали семейную іерархію; нѣтъ словъ ни для войны, ни для охоты, но богатый словарь для мирной жизни, для скотоводства, для тканья, для земледѣлія, для самаго простаго рудокопства; всѣ отношенія родственныя обозначены особыми словами, которыя составлены согласно хозяйственнымъ занятіямъ, возложеннымъ на каждаго члена семейства. Таковой словарь несомнѣнно доказываетъ, что арійцы никогда не находились въ томъ состояніи дикости, которое, по мнѣнію Вико, было состояніемъ первыхъ послѣпотопныхъ людей, когда разсѣялись они по лѣсамъ, то спасаясь отъ дикихъ звѣрей, то гоняясь за женщинами, то отыскивая себѣ воду и пищу, и когда только первый ударъ грома, ужаснувъ ихъ, возбудилъ въ нихъ мысль о богѣ—громовержцѣ [1]).

Мнѣніе о первоначальномъ состояніи дикости человѣчества было обще-принято у древнихъ, которые при этомъ предположили, что человѣчество вышло изъ таковаго состоянія, благодаря сверхестественному благодѣтельному вмѣшательству въ человѣческія дѣла боговъ и полубоговъ. Мнѣніе о первоначальномъ состояніи дикости человѣчества было принято и философами прошлаго вѣка, но съ тою разницею въ мнѣніи, что человѣкъ самъ собою, безъ всякаго сверхестественнаго пособія, постепенно и весьма медленно вышелъ изъ таковаго состоянія. Мы уже выше сказали, что философы XVIII вѣка предполагали, что люди были нѣкогда на ступени безсловесныхъ и что они изобрѣли языкъ мед-

1) *Vico:* la scienza nuova, trad. par Michelet (Paris 1827), p. 66.

леннымъ вѣковымъ трудомъ и мышленіемъ. Теперь таковое мнѣніе вообще отвергнуто; дикость считается состояніемъ упадка человѣчества; предполагается, что праотцы нынѣшнихъ дикарей стояли на гораздо высшей умственной ступени; нѣтъ дикарей, которые бы не имѣли языка, не умѣли добывать огня, изготовлять оружіе для войны и для охоты, строить лодки и т. п. Всѣми этими первоначальными искуствами дикари владѣютъ, но не совершенствуютъ ихъ; если бы сами они выдумали все это, то изобрѣтательная способность ихъ, разъ возбужденная, на этомъ бы не остановилась; посему нельзя не заключить, что весь этотъ скудный запасъ знанія и искуства перешелъ къ нынѣшнимъ дикарямъ въ видѣ обломковъ прежней болѣе высокой культуры, которая принадлежала ихъ предкамъ. Итакъ изъ состоянія образованности можно перейти въ состояніе дикости, но послѣднее состояніе есть неизлечимо болѣзненное, потому что нѣтъ еще примѣровъ, чтобы дикари могли себѣ усвоить образованность. Мы можемъ заключить, что не только арійская, но равнымъ образомъ симитская и кушитская расы никогда не были въ дикомъ состояніи; впрочемъ, множество есть доказательствъ на то, что въ эпоху разселенія каждой изъ этихъ расъ, онѣ находили уже населенными всѣ страны, въ которыя приходили. Изъ этого видно, что сравнительная филологія, отодвинувъ вглубь временъ начало человѣчества, вовсе не имѣетъ притязаній на отысканіе самыхъ первыхъ слоевъ народонаселенія земнаго шара; какъ и всегда, здѣсь успѣхи науки, доставивъ богатый запасъ положительныхъ и неожиданныхъ свѣдѣній, вмѣстѣ съ тѣмъ наложили покровъ непроницаемой неизвѣстности на многое то, что прежде казалось хорошо и достовѣрно извѣстнымъ. Такимъ образомъ, часто употребляемое слово туземцы для означенія племени, будто бы испоконъ вѣковъ живущаго въ извѣстной странѣ, должно быть всегда понимаемо только относительно, условно. Эти до историческія народонаселенія, при столкновеніи своемъ съ историческими расами, *или* исчезли,

не оставивъ другаго слѣда, кромѣ могилъ, кургановъ, искуственныхъ гротовъ (троглодиты), длинныхъ стѣнъ, построенныхъ изъ огромныхъ камней безъ извести (киклопическія постройки) и слѣдовъ языка своего въ названіяхъ предметовъ мѣстности, названіяхъ сдѣлавшихся уже крайне сбивчивыми и неразборчивыми при переходѣ своемъ въ продолженіи вѣковъ черезъ нѣсколько разноплеменныхъ языковъ, *или* таковыя доисторическія народонаселенія уцѣлѣли въ видѣ небольшихъ племенъ, обществъ, спасшихся отъ меча пришельцевъ, благодаря неприступности мѣстности; какъ напр. въ Пиринеяхъ баски, которыхъ языкъ не принадлежитъ къ арійскому корню и не имѣетъ другаго сходства съ которымъ либо изъ извѣстныхъ языковъ, кромѣ сходства въ грамматическомъ отношеніи съ туземными американскими языками. Наконецъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что, въ теченіи вѣковъ, значительная часть этого первобытнаго народонаселенія слилась съ нынѣ господствующими расами или совершенно, или составивъ изъ себя низшіе классы общества, давно утративъ уже и языкъ праотцевъ и имя свое, какъ особаго народа и даже всякое воспоминаніе объ отдѣльной національности своей. Конечно, эти чуждыя примѣси къ историческимъ расамъ не могли не оказать вліянія на увеличеніе разнообразія, представляемаго народными характерами; таковое вліяніе трудно анализировать, потому что источника его большею частію не можемъ уже мы отыскать во всей чистотѣ, такъ какъ языки этихъ доисторическихъ расъ или окончательно потеряны или уцѣлѣли только въ видѣ топографическихъ названій, въ названіяхъ произведеній мѣстной природы, которыя неизвѣстны были пришельцамъ и т. п.: все это немного объясняется изъ духа таковаго исчезнувшаго языка. Впрочемъ, нельзя не думать, что вліяніе доисторическихъ расъ на расы историческія заключено въ извѣстныхъ довольно тѣсныхъ предѣлахъ: таковые туземцы могли сохранить характеристическія черты свои не иначе, какъ сохранивъ независимость въ недоступныхъ горахъ или непроницаемыхъ лѣсахъ, но тамъ, отор-

ванные отъ остальнаго свѣта, они неминуемо должны были снизойти на крайнюю ступень дикости; или они сохранили существованіе свое, порабощенные побѣдителями, при чемъ, вмѣстѣ съ языкомъ, постепенно утрачиваютъ всякую способность къ свободному проявленію духовной личности своей, теряютъ силу мыслить и дѣйствовать самостоятельно, подчиняются всему чуждому; такъ проходятъ цѣлые вѣка, пока въ этихъ порабощенныхъ классахъ, подъ вліяніемъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, пробуждается стремленіе къ жизни самостоятельной, но уже стихій для таковой жизни нѣтъ другихъ, кромѣ тѣхъ, которыя заимствованы побѣжденными отъ нѣкогда чуждыхъ для нихъ побѣдителей. Мы выше объяснили, что совершенно другой рядъ взаимныхъ отношеній существуетъ между историческими расами, появляющимися одна послѣ другой на сценѣ исторіи.

Итакъ вообще, когда говорится о колыбели рода человѣческаго, то должно относить это къ колыбели однихъ расъ историческихъ т. е. къ странѣ на земномъ шарѣ, которая бы могла почитаться первоначальною родиною предковъ всѣхъ народовъ, принадлежащихъ къ одной и той же расѣ. Могутъ ли имѣть таковыя изысканія, кромѣ удовлетворенія любопытства, какую либо важность для философскаго изученія исторіи? Въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться. Мы выше объяснили, что историческія явленія не могутъ быть объяснены, пока не допущено будетъ первоначальное различіе въ характерахъ человѣческихъ расъ, различіе, независимое отъ всякаго внѣшняго вліянія и преимущественно выразившееся въ различіи способовъ языкосозданія. Но съ первой же минуты жизни своей, люди подчиняются вліянію внѣшнихъ причинъ, въ особенности же многообразному вліянію внѣшней физической природы, вліянію мѣстности. Если мы имѣемъ какія либо средства отыскать, гдѣ была таковая колыбель какой либо расы, которую исторія застаетъ уже въ видѣ множества народовъ, разселившихся на весьма дальныя разстоянія, то можемъ узнать, ка-

кимъ именно внѣшнимъ вліяніямъ подвергся народъ прежде, чѣмъ очутился тамъ, гдѣ застаетъ его исторія. Языкъ и мѣстность суть два свѣточа, которые озаряютъ первоначальную судьбу народа лучше, чѣмъ мертвыя хроники событій нынѣшней жизни его.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Не далѣе какъ въ концѣ прошлаго вѣка, начала знакомиться Европа съ богатою индійскою литературою; для филологіи совершилось открытіе, подобное открытію Америки для географіи. Мы здѣсь принимаемъ филологію въ смыслѣ науки, имѣющей цѣлью, посредствомъ изученія всѣхъ литературныхъ памятниковъ какого либо народа, возсозданіе для воображенія цѣлой внутренней, духовной жизни народа, оставившаго по себѣ таковые памятники. До нашего времени, предметами таковаго изученія были почти исключительно греческая и латинская литературы, какъ полныя, законченныя выраженія духовной дѣятельности двухъ народовъ, оказавшихъ огромное вліяніе на обще-человѣческое развитіе. Нашему вѣку суждено было открыть, что и эти двѣ великія литературы суть не болѣе, какъ среднія главы въ одной великой послѣдовательной книгѣ, которой первыя главы для насъ долгое время были потеряны. Теперь постепенно извлекаются изъ мрака времени, изучаются эти первыя главы.

Языкъ, на которомъ писаны древнѣйшія индійскія священныя книги, *Веды*, давно уже вышелъ изъ общенароднаго употребленія, оставивъ послѣ себя многочисленное потомство языковъ, изъ которыхъ иные также уже давно мертвые, какъ напр. *пали* и *пракритъ*, другіе теперь еще живутъ въ устахъ обитателей Индустана. Этотъ языкъ-родоначальникъ есть языкъ *санскритскій*, отъ словъ *сам*—вмѣстѣ и *кри*—дѣлать, языкъ сотворенный, устроенный, обработанный. Есть много доказательствъ тому, что уже во времена

Александра Македонскаго, т. е. за двадцат два вѣка тому назадъ, санскритскій языкъ вышелъ изъ общенароднаго употребленія и сдѣлался уже языкомъ классическимъ, мертвымъ. [1]) Это одно уже свидѣтельствуетъ о глубокой древности санскритскаго языка; какой, сверхъ того, длинный рядъ вѣковъ не предположить для жизненнаго поприща этого языка-исполина!

При первомъ знакомствѣ европейскихъ ученыхъ съ санскритскимъ языкомъ, открылись въ немъ черты поразительнаго родственнаго сходства съ языками латинскимъ, греческимъ, персидскимъ, съ языками германскими и славянскими. Особенности этихъ языковъ, дѣлающія ихъ несходными, сходятся въ неистощимомъ богатствѣ санскритскаго языка. Множество неразрѣшимыхъ этимологическихъ загадокъ, множество темныхъ вопросовъ въ миѳологіи и народныхъ преданіяхъ глуби Европы внезапно озарились яркимъ свѣтомъ, блеснувшимъ съ отдаленныхъ береговъ Инда и Ганга.

Но, съ другой стороны, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ни одинъ изъ европейскихъ языковъ, за исключеніемъ цыганскаго, не происходитъ отъ санскритскаго; языки эти имѣютъ съ нимъ родственное сходство, но для всѣхъ ихъ, равно какъ и для санскритскаго, должно предположить еще одинъ общій корень въ видѣ языка, исчезнувшаго безъ письменнаго слѣда. По нѣкоторымъ признакамъ можно даже заключить, что европейскіе первородные языки ранѣе сдѣлались самостоятельными, ранѣе отдѣлились отъ общаго корня, чѣмъ санскритскій, но послѣдній предъ всѣми прочими имѣетъ то преимущество, что въ немъ сохранились въ прозрачности и полнотѣ, какъ матеріальная основа всѣхъ родственныхъ ему языковъ—слова, такъ и духовная сторона ихъ—грамматическія формы. [2]) Во всѣхъ другихъ языкахъ, каждое грамматическое правило влечетъ за собою длинный рядъ исключеній, ка-

1) *Ersch* und *Gruber*: Allgemeine Encyclopaedie, zweite Section, XVIII Th., p. 28-29.

2) *Heyse:* System der Sprachwissenschaft. p. 194.

жущихся необъяснимыми неправильностями; таковыя мнимыя неправильности проистекаютъ большею частью изъ началъ, утратившихся уже въ этихъ языкахъ и сохранившихся въ одномъ санскритскомъ.

Если языкъ этотъ не есть коренной и даже не есть самый древній въ арійскомъ семействѣ, то, во всякомъ случаѣ, онъ неоспоримо представляетъ намъ древнѣйшіе памятники арійской рѣчи, даже, быть можетъ, древнѣйшіе памятники человѣческой рѣчи. Собраніе Ведъ, извѣстное подъ именемъ Ригъ-Веды, содержитъ въ себѣ религіозные гимны и поученія, которые не могли быть составлены позже, какъ за пятнадцать вѣковъ до Р. Х. [1]) Такимъ образомъ въ Индіи въ первый разъ арійская раса даетъ намъ знать о своемъ существованіи. Позволительно ли заключить изъ этого, что Индія была колыбелью всѣхъ арійцевъ, что въ ней возникло первоначальное арійское слово, которое оттуда разнеслось до Атлантики, разсыпавшись на пути своемъ въ несмѣтномъ множествѣ языковъ и замолкло на родинѣ, переродясь въ санскритскій?

Это предположеніе опровергается уже вліяніемъ, которое должна произвести природа Индіи на своихъ обитателей. Изъ всѣхъ странъ, которыя въ древнія времена занимало великое семейство арійскихъ народовъ, Индія была самою отличительною, наименѣе сходною съ другими; невѣроятно, чтобы эти характеристическія свойства индійской природы не оставили по себѣ никакого слѣда въ языкахъ и обычаяхъ всѣхъ арійскихъ народовъ, если только всѣ они вышли изъ Индіи. Но мы этого не замѣчаемъ. Для произведеній Индіи, находимъ мы во всѣхъ языкахъ названія санскритскія, но не обще-арійскія. [2])

Впрочемъ, много есть прямыхъ несомнѣнныхъ доказательствъ тому, что индійскіе арійцы не были коренными обитателями Индіи. Теперь еще индійское народонаселеніе представляетъ собою

1) *Duncker:* Geschichte des Alterthums. 1856. II, 18.

2) *Lassen:* Indische Alterthumskunde, I, 512.

нѣсколько расъ, неперемѣшивающихся между собою и рѣзко отличающихся наружнымъ видомъ. Раздѣленіе на касты первоначально основано было на различіи цвѣта кожи; даже санскритское названія касты—*варна*, значитъ цвѣтъ. Бѣлое народонаселеніе Индіи, составляющее касты, первенствующія морально и физически, въ антропологическомъ отношеніи не представляетъ совершенно никакого отличія отъ европейскихъ арійцевъ, кромѣ отличій, легко объясняемыхъ вліяніемъ климата и образа жизни. Цвѣтное народонаселеніе разсыпано въ большихъ или меньшихъ оторванныхъ массахъ по цѣлой Индіи, но вездѣ встрѣчается оно въ мѣстахъ, наименѣе благопріятствуемыхъ природою: въ горахъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ, посреди зловредныхъ болотъ и пр.; очевидно, что не добровольно поселилось оно тамъ, а вынуждено было необходимостью спасти свое существованіе отъ гоненій со стороны болѣе сильной расы бѣлыхъ побѣдителей, которые вездѣ занимаютъ мѣста самыя плодородныя и привольныя для житья. Подобное распредѣленіе народонаселенія, краснокожихъ и бѣлыхъ, находимъ мы и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, но съ тою разницею, что тамъ стѣсненіе одной расы и распространеніе другой начались не болѣе, какъ за три вѣка тому назадъ, между тѣмъ какъ въ Индіи драма эта разъигрывается уже въ продолженіи сорока вѣковъ. Можно ли сомнѣваться, что эти цвѣтные люди, принадлежащіе, впрочемъ, къ нѣсколькимъ весьма различнымъ расамъ, къ монгольской, финской, негритянской, малайской, жили на почвѣ Индіи до прибытія бѣлыхъ и вынуждены были силою уступить имъ самыя благопріятныя для жительства полосы. Въ противномъ случаѣ, какъ могли они появиться отдѣльными группами посреди бѣлаго народонаселенія, которое презираетъ и преслѣдуетъ ихъ? Впустили ли бы во внутрь Индіи таковыхъ ненавистныхъ пришельцевъ столь высоко стоящіе надъ ними въ умственномъ и физическомъ отношеніяхъ Брамины, Кшатріи, Вайсія и Судра, принадлежащіе всѣ къ кавказской расѣ и, за исключеніемъ Судра, къ арійскому корню.

Впрочемъ порядокъ распространенія по Индіи арійскаго племени легко можно усмотрѣть изъ теперешняго размѣщенія арійскаго народонаселенія. Индія по сю сторону Ганга имѣетъ видъ неправильнаго четыреугольника, вершины угловъ котораго соотвѣтствуютъ четыремъ сторонамъ свѣта; трудно проходимый хребетъ Виндіа разрѣзаетъ въ видѣ діагонали отъ устьевъ Инда до устьевъ Ганга таковой четыреугольникъ на два треугольника, изъ которыхъ сѣверный называется Индустаномъ, а южный Декканомъ: послѣдній собственно составляетъ такъ называемый Индійскій полуостровъ. Отъ лѣваго берега Инда до устьевъ Ганга мѣстность открытая и удобопроходимая; по этому направленію распространилась главная масса арійскаго народонаселенія, которая потомъ, обогнувъ хребетъ Виндіа съ западной оконечности отъ устьевъ Инда, а съ восточной черезъ свободно проходимый Бенгалъ, разсыпалась по Деккану. Но здѣсь масса народонаселенія, заимствовавъ у арійцевъ религіозныя понятія и общественный порядокъ, равно какъ и обогативъ лексиконъ свой арійскими словами, сама осталась не арійскою. 1) Такимъ образомъ, точку исхода распространенія арійцевъ по цѣлой Индіи должно искать въ сѣверо-западной оконечности ея, въ Пенджабѣ, или еще выше, въ Кабулистанѣ. Въ Кабулистанъ Баміанскимъ переваломъ выходитъ и единственный путь въ Индію съ сѣвера, проходимый для людей, переселяющихся со стадами и имуществомъ.

Въ собраніи древнѣйшихъ Ведъ, извѣстномъ подъ названіемъ Ригъ-Веда, театръ дѣйствія заключенъ въ сѣверо-западномъ углу Индіи, въ Пенджабѣ, въ странѣ, называемой страною «семи рѣкъ», такъ какъ къ пяти рѣкамъ, составляющимъ притоки верхняго Инда, причисляется самый Индъ и Сарасвати, нынѣ Каггаръ или Гагуръ. О Гангѣ, который играетъ столь великую, священную роль въ религіи браминовъ, нигдѣ еще не упоминается: рѣка эта, какъ ви-

1) *Lassen:* Indische Alterthumskunde, 1, 384.

дно, не была извѣстна въ эпоху составленія первыхъ Ведъ. Народъ раздѣленъ на небольшія племена, которыми управляютъ вожди, называемые *гопа*, что значитъ *скотникъ;* мѣста, гдѣ засѣдаютъ они и правятъ народомъ, суть *госта*—хлѣвъ; война называется *гависти*—жадность къ коровамъ. [1]) Сочувствіе человѣка къ внѣшней природѣ выражается съ неподражаемой свѣжестію и дѣтской простотою; всѣ явленія, всѣ предметы видимаго міра одушевлены, живутъ собственной своей самостоятельною жизнію; человѣкъ любуется ими или старается задобрить ихъ простодушною мольбой или выражаетъ имъ благодарность свою. Позже уже начинаетъ онъ подводить отдѣльныя явленія къ нѣсколькимъ общимъ невидимымъ началамъ, которыя создаетъ по подобію своему, придумываетъ отношенія ихъ другъ къ другу и къ самому себѣ, вводитъ въ этотъ воображаемый міръ свои страсти, свои наслажденія, свои нужды: такъ постепенно развивается многобожіе.

Воспоминанія индусовъ хотя и восходятъ, какъ мы видѣли, по крайней мѣрѣ за восемнадцать вѣковъ до Р. Х., но не выходятъ изъ предѣловъ Индіи. Сѣверо-западная оконечность составляетъ таковую же точку исхода для исторіи индусовъ, какъ страна Арфаксадъ или страна Араратская для исторіи евреевъ. Но, для первоначальной исторіи человѣчества, для чудесныхъ событій, которыми ознаменована колыбель рода человѣческаго, въ воображеніи евреевъ, за страною Араратскою, рисовалась еще другая страна Едемъ, которая тянулась на востокъ въ невѣдомую даль, вглубь Азіи. Невольно приходитъ на мысль, что эта колыбель рода человѣческаго отодвинута на востокъ подъ вліяніемъ особаго впечатлѣнія, которое производитъ на умъ человѣческій востокъ, откуда восходитъ солнце, откуда льется къ намъ свѣтъ и жизнь, въ противуположность западу, сторонѣ тьмы и смерти. Но такого рода впечатлѣнія общи всѣмъ людямъ, гдѣ бы они ни жили; вездѣ

1) *Alb. Weber*: Indische Studien. I, 337, 815.

солнце восходитъ съ востока, вездѣ, слѣдовательно, востоку должно быть придаваемо особенно-священное значеніе; преданія всѣхъ народовъ относительно колыбели рода человѣческаго должны указывать на востокъ...

Таковое объясненіе не можетъ быть примѣнено къ священнымъ преданіямъ индусовъ: въ глазахъ ихъ не востокъ, а сѣверъ облеченъ особымъ характеромъ святости. Тамъ, на сѣверѣ, возвышается круглый Меру, золотая гора, свѣтящаяся, какъ восходящее солнце, подобная бездымному пламени [1]); Меру, завязь распустившагося цвѣтка Лотоса, представляющаго сотворенную землю и театръ рода человѣческаго. Съ Меру текутъ большія міровыя рѣки во всѣ стороны свѣта. Вершина Меру—Су-Меру служитъ жилищемъ боговъ, оттуда снизошли старые и новые боги, *асура* и *дева*, чтобы освѣжить одряхлѣвшій міръ; [2]) ниже на Меру живутъ въ раю праведники (греческіе Меропы), у подошвы—*Ку-Меру* жители мрака и преисподней (Гомеровы Киммеріяне, до которыхъ никогда не доходитъ лучъ солнечный) [3]). Къ сѣверу отъ Меру разстилаются гиперборейскія страны Уттара-Куру и Уттара-Мадра: тамъ уже болѣе не свѣтитъ солнце, а постоянно сіяютъ мѣсяцъ и звѣзды, тамъ люди не старѣются, и тамъ находятся прибѣжища непорочныхъ (блаженные гипербореи грековъ).

Въ этомъ мірѣ чудесъ мы можемъ уловить нѣкоторыя опредѣлительныя черты и, при помощи ихъ, связать фантастическое Меру съ положительнымъ землевѣдѣніемъ. Меру не есть какая нибудь отдѣльная высокая цѣпь; она есть возвышенная, пространная, нагорная терраса части свѣта, цѣлое нагорье нагорной Татаріи и Тибета. Средоточіемъ его должно полагать именно то пространство, гдѣ, какъ мы сказали выше, тянущійся отъ сѣвера

1) *К. Риттеръ*: Землевѣдѣніе Азіи, перев. П. Семенова (Спб. 1860), т. I, 22.

2) *Eckstein*: de quelques légendes brahmaniques qui se rapportent au berceau de l'espèce humaine. Journal asiatique, 1855, t. VI, 306.

3) Одиссея XI, 14.

къ югу Имаусъ, пересѣкая подъ прямымъ угломъ Гинду-Ку и Куэнь-Лунь, чертитъ *крестъ* въ самомъ сердцѣ Азіи. Съ этого нагорья, принимая его въ обширныхъ предѣлахъ, текутъ Яксартесъ (Сыръ-Дарья) и Оксусъ (Аму-Дарья), Гельмундъ Афганистана, Индъ, Гангъ и Бурремпутеръ Индустана, система Таримъ Китайскаго Туркестана. Между многими толкованіями названія Меру самое вѣроятное есть то, которое производитъ его отъ санскритскаго слова *мира*, значущаго море, озеро (Burnouf); Меру, быть можетъ, означаетъ озеристое нагорье; таковыхъ альпійскихъ озеръ много на означенномъ нами пространствѣ. Названіе весьма высокаго, обширнаго плоскогорья Памиръ, лежащаго къ востоку отъ Имауса (Болорскаго хребта), объясняется черезъ Упа-Меру— выше Меру, однозначущаго съ индійскимъ Су-Меру, жилищемъ боговъ. Въ цѣлой Азіи славится плоскогорье это, какъ *крыша свѣта, бамъ и дюнья, середина между небомъ и землею*, плоскогорье, съ котораго кажутся подъ ногами всѣ другія снѣжныя вершины [1]). Даже гиперборейская страна индійцевъ Уттара-Куру имѣла опредѣленное значеніе въ древней географіи: Птоломей называетъ нынѣшній Кашгаръ страною Отторокорровъ.

Итакъ мы видимъ, что въ воображеніи индусовъ Меру имѣло тоже значеніе, что страна Едемъ для симитовъ; нельзя не замѣтить здѣсь, что, не смотря на совершенно различный взглядъ на міозданіе еврейскаго законодателя и индійскаго собирателя Ведъ, не смотря на то, что оба они отдѣлены были другъ отъ друга огромнымъ пространствомъ земель и рядомъ нѣсколькихъ вѣковъ,—что ничего не могли они заимствовать другъ у друга,— Едемъ и Меру взаимно сходятся географически!

Какъ мы сказали выше, въ Ведахъ не встрѣчается никакого намека на первобытное жилище бѣлыхъ индусовъ внѣ предѣловъ Индіи; одноплеменность ихъ съ обитателями Иранскаго плоско-

1) A. de Humboldt: Asie centrale (Paris 1843), t. II, 389 и сл.

горья несомнѣнно доказывается сходствомъ языковъ; при этомъ не можетъ быть случайнымъ сходство или, лучше сказать, тождество этническихъ названій. Бѣлые индусы называютъ себя Арія, а страну свою Аріяварта; обитатели Иранскаго плато *Айрія* и страну свою Айріана, Иранъ. Аріи значатъ «благородные, достойные», въ противуположность «Млеча» варвары, невѣрные. Индійскихъ арійцевъ мы впервые застаемъ на довольно-тѣсномъ пространствѣ, тамъ именно, гдѣ вступаютъ въ Индію, приходя съ сѣверо-запада; по мѣрѣ размноженія своего, арійцы могли свободно распространяться по открытому и удобопроходимому Индустану, столь щедро одаренному всѣми дарами природы; дикіе аборигены Индіи не могли остановить арійцевъ и только сами вынуждены были укрываться отъ нихъ въ неприступныхъ мѣстахъ. При таковыхъ условіяхъ можно ли допустить, чтобы индійскіе арійцы промѣняли цвѣтущій Индустанъ на сѣверныя холодныя страны, на суровое царство зимы, на химаватъ (отъ санскр. *хима*=снѣгъ, откуда зима, hiems); не естественнѣе ли предположить, что сами они вышли изъ этой холодной страны туда, гдѣ жить теплѣе и привольнѣе. Мы выше уже замѣтили, что ни въ языкахъ, ни въ обычаяхъ другихъ арійскихъ народовъ не встрѣчается ничего, чтобы свидѣтельствовало о пребываніи ихъ въ Индіи; посему нельзя не заключить, что и индійскіе арійцы были пришельцами въ своей странѣ и что пришли они туда съ сѣверо-запада.

Страна по лѣвую сторону Инда и страна по правую представляютъ собою два несходные міра. По *лѣвую* сторону, отъ запада къ востоку, до устьевъ Ганга, тянется теплая, ровная страна, благословенная всѣми дарами природы. Здѣсь природа вознаграждаетъ легкій трудъ человѣка роскошнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ матеріальныхъ потребностей его; затѣмъ остается человѣку или создавать для себя искуственно потребности или погрузиться въ бездѣйствіе. Но избытокъ неудовлетворенной дѣятельности томитъ человѣка, пресыщеніе наводитъ на него тоску, которая переходитъ

въ апатію или разрѣшается какою либо судорожною нравственно-чудовищною дѣятельностію не успокоивающею, а окончательно убивающею. Конечно, открывать благословенное поприще для избытка дѣятельности составляетъ трудное знаніе, рѣдко достающееся въ удѣлъ народамъ, только что начинающимъ развиваться: одна лишь физическая нужда заставляетъ ихъ трудиться; имъ неизвѣстно наслажденіе трудиться для того времени, когда уже насъ самихъ не будетъ, для поздняго потомства; имъ непонятно, что земная жизнь наша, въ ряду вѣковъ, тоже, что въ глазахъ египтянъ были бренные ихъ дома-гостинницы въ сравненіи съ вѣковыми гробами—пирамидами. Большею частію или чрезмѣрный трудъ, клонящійся къ отвращенію непосредственныхъ матеріальныхъ нуждъ или праздность подавляютъ энергію въ народѣ. Арійцы менѣе подвергаются этой опасности чѣмъ другія расы, потому что одарены особенною склонностію къ умственной дѣятельности, созданы преимущественно предъ всѣми прочими расами по образу и по подобію Божію въ духовномъ отношеніи, они силяется,—едва лишь внѣшній міръ позволитъ имъ вздохнуть свободно,—неограниченно приспособить твореніе божіе къ волѣ человѣка и умственно воспроизвести созданіе міра Богомъ, разгадавъ тайны міросозданія. Какъ и для чего созданъ міръ? Если для чечеловѣка, то пусть и служитъ онъ человѣку; если для другой цѣли, то человѣкъ утѣшится въ своей подчиненности, когда разгадаетъ, къ чему нужна таковая подчиненность. Въ этотъ послѣдній родъ умственной дѣятельности безусловно вдались Индійскіе арійцы: въ глазахъ ихъ и человѣкъ и все сотворенное не болѣе какъ вещественныя страницы книги, но, невещественныя страницы составляютъ содержаніе книги. Таковое міровое содержаніе по самой сущности своей должно быть неизмѣнное, круговое,

Конецъ съ началомъ сопрягаетъ,

посему все промежуточное, созданное, стремится обратно къ тому первобытному отрицательному состоянію, когда оно еще не

было создано. Все земное только задерживаетъ безплодно созданіе на предназначенномъ ему возвратномъ пути къ предвѣчному началу. Таковъ взглядъ индійскихъ арійцевъ на человѣка и на внѣшній видимый міръ. Понятно, что отсюда должно породиться полное равнодушіе ко всему, что составляетъ историческое содержаніе судьбы человѣчества: все то, въ чемъ мы видимъ послѣдовательность и цѣль, индійцамъ представляется въ видѣ легкой зыби, которая на мигъ рябитъ зеркальную поверхность воды, не оставляя по себѣ слѣда. Таковое духовное направленіе должно замѣнить всякую политическую дѣятельность спокойнымъ аскетическимъ созерцаніемъ природы и углубленіемъ во внутренній міръ свой. Только въ благословенной, уединенной отъ всего остальнаго свѣта, Индіи могло развиться такое направленіе и только одними арійцами въ Индіи могло оно быть усвоено. Не можетъ существовать болѣе рѣзкой наружной противуположности, какъ между англо-саксами и индусами, но противуположность эта объясняется противуположными вліяніями внѣшней природы на одинакое духовное начало; къ одинакому духовному началу нельзя подвести индійскихъ арійцевъ съ сосѣдями ихъ, жителями дальней Индіи.

Теперь перейдемъ на правый берегъ Инда, здѣсь откроется намъ совершенно новый міръ

Начиная отъ этого берега къ западу, мѣстность внезапно возвышается въ видѣ покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, чрезвычайно крутыхъ хребтовъ, тянущихся почти параллельно теченію Инда и на близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Между таковыми хребтами находятся довольно ровныя полосы земли, находящіяся на различныхъ, но вообще весьма возвышенныхъ уровняхъ надъ поверхностію океана; такъ, верстахъ въ 200 къ западу отъ Инда, Кабулъ лежитъ на высотѣ 6000 ф., Келатъ на высотѣ 5600 ф. Горный характеръ мѣстности, подающейся къ западу, вскорѣ сглаживается, но не встрѣчается спусковъ соотвѣтственныхъ подъемамъ съ востока, отъ Инда: очевидно, что мѣстность поднялась на

большую высоту и держится на ней, не смотря на легкія колебанія. Край представляется въ видѣ безлѣсной открытой равнины, большею частію безплодной и безводной, плодоносной только оторванными клочками или узкими полосами, сопровождающими теченіе рѣчекъ, скоро теряющихся въ пескахъ пустыни. Это есть великое *Иранское плоскогоріе*. Горные хребты и параллельныя долины, тянущіеся къ западу отъ Инда, составляютъ окраину его, лѣстницу, по которой изъ низменнаго Индустана можно взобраться съ большимъ трудомъ на плоскогоріе Ирана. Съ удаленіемъ отъ окраины, все безводнѣе, безплоднѣе и пустыннѣе становится край; климатъ эксессивный; зимою трескучіе морозы, вьюги, лѣтомъ несносные жары, ураганы раскаленной пыли; съ мая до сентября ни одно облачко не туманитъ неба, ни капли дождя не падаетъ на засохшую землю, воздухъ сухъ и прозраченъ, небесныя свѣтила сіяютъ дивнымъ свѣтомъ. Отъ индійскаго подъема можно по направленію на С. З. проѣхать 1700 верстъ и мѣстность постоянно представляться будетъ въ одинакомъ видѣ: песчано-соленая пустыня, коегдѣ испещренная зелеными нитями и зелеными пятнами плодородной земли. Названіе *плоскогоріе* характеризуетъ въ самыхъ общихъ чертахъ физическія свойства края, но названію этому не должно придавать безусловной строгости: уровень страны не держится на неизмѣнной высотѣ, вообще падаетъ онъ отъ окраинъ къ внутренности, такъ что поверхность плоскогорія представляетъ въ огромныхъ размѣрахъ вогнутый чечевицеобразный видъ. Окраина плоскогорія не по всему протяженію своему обозначается одинаково рѣзко и однообразно. Къ югу, къ Индійскому морю, плоскогоріе имѣетъ террасовидный скатъ; къ западу, къ сторонѣ Месопотаміи, и къ сѣверо-западу, къ сторонѣ Арменіи, Иранское плоскогоріе переходитъ въ альпійскія страны, представляющія нѣсколько горныхъ цѣпей съ цѣлою сѣтью переплетающихся продольныхъ и поперечныхъ долинъ; къ Каспійскому морю окраина вновь принимаетъ чрезвычайно рѣзкій террассообразный видъ; да-

лѣе ниспадаетъ плоскогоріе къ низменности Аральскаго бассейна альпійскою полосою съ болѣе или менѣе смягченными формами, въ иныхъ мѣстахъ сглаживающимися въ пологіе скаты; на восточной сторонѣ плоскогорія колоссальнѣйшіе хребты земнаго шара сходятся между собою, перекрещаются, перепутываются; Иранское плоскогоріе окраиной своей соприкасается съ окрайной великаго восточно-азіятскаго плоскогорія: здѣсь характеръ страны альпійскій въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ.

Достаточно этого бѣглаго очерка, чтобы обнаружить, что на Иранскомъ плоскогоріи условія жизни совершенно иныя, чѣмъ по лѣвую сторону Инда. Если въ Индустанѣ природа располагаетъ человѣка къ спокойствію, къ отвращенію отъ всякой внѣшней дѣятельности, то, напротивъ, на Иранскомъ плоскогоріи дѣятельность составляетъ необходимое условіе существованія человѣка. При недостаткѣ въ водѣ, исскуственное орошеніе тамъ, гдѣ оно возможно, превращаетъ пустыни въ плодоносныя поля, но устройство таковаго орошенія не подъ силу отдѣльнымъ семействамъ, оно требуетъ не только совокупныхъ усилій большаго или меньшаго числа семействъ, но и учрежденія правильныхъ отношеній между всѣми таковыми семействами, соединенными въ общины. Эти общины слишкомъ слабы, слишкомъ разбросаны по Ирану, чтобы могли составить самостоятельныя политическія единицы или искать обезпеченія въ федеративномъ соединеніи. Съ другой стороны, обширныя пространства не допускаютъ развитія земледѣлія и осѣдлой жизни; большая масса народонаселенія должна вести кочевую жизнь. Если для земледѣльцевъ обладаніе землею составляетъ главный элементъ, связующій ихъ въ гражданственныя единицы, то таковаго связующаго цемента не существуетъ въ кочевой жизни. Но тамъ существуетъ другой цементъ, столь же прочный, хотя и не допускающій гражданскаго развитія народа: это есть родство. Дѣйствительно, племя или волость, составляющія политическія единицы въ кочевой жизни, устроены совершенно на

томъ же основаніи, какъ отдѣльныя семейства. Въ каждомъ семействѣ есть глава, есть старшіе и младшіе, повелители и повинующіеся, но образъ жизни всѣхъ членовъ семейства одинаковъ, ихъ благосостояніе одинаково, нѣтъ побужденій, которыя бы порождали разлагающій антагонизмъ, которыя бы заглушали естественное чувство родства. Семейный деспотизмъ, нерѣдко даже весьма тяжкій, легче переносится, чѣмъ деспотизмъ политическій. Въ кочевой жизни также нѣтъ разнообразія въ занятіяхъ, нѣтъ рѣзкаго различія въ благосостояніи людей, проводящихъ жизнь вмѣстѣ; и всѣ они почти одинаково богаты, почти одинаково развиты въ умственномъ отношеніи; общественная іерархія не можетъ установиться иначе, какъ на основаніи кровныхъ отношеній, пріобрѣтающихъ здѣсь несравненно большіе размѣры, чѣмъ въ жизни осѣдлой. Таковая кровная іерархія, какъ мы сказали, легче переносится, не смотря на свои злоупотребленія, чѣмъ всякая другая. Въ ней заключаются условія продолжительности и неизмѣнности общественнаго быта кочевыхъ народовъ, который измѣняется только отъ внѣшнихъ вліяній, но никогда вслѣдствіе внутреннихъ переворотовъ. Но весьма естественно, что кочевые народы, благодаря подвижности своей и прочности внутренней связи, болѣе осѣдлыхъ способны играть роль завоевателей. Таковая роль особенно привлекательна для нихъ тамъ, гдѣ осѣдлое народонаселеніе, по разрозненности своей, не въ силахъ противупоставить имъ отпора. Мы уже выше объяснили, что, по свойствамъ мѣстности, Иранское плоскогоріе должно быть театромъ этой безпрерывной борьбы между кочевыми и осѣдлыми. Дѣйствительно, таковое зрѣлище постоянно представляетъ оно, начиная съ самыхъ отдаленныхъ историческихъ вѣковъ и до нашего времени. Спокойствіе и благоденствіе не иначе могутъ быть установлены, какъ съ учрежденіемъ прочной центральной власти для цѣлаго Ирана, потому что по самымъ свойствамъ края, онъ представляетъ одно недѣлимое цѣлое. Не разъ случалось, что таковая центральная

власть действительно возникала для цѣлаго Ирана, но большею частію на шаткомъ началѣ матеріальной силы и, потому, была непродолжительною. За короткими періодами затишья, вновь возникала анархія. Во всякомъ случаѣ, понятно, что въ противуположность Индустану, въ Иранѣ дѣятельность людей была по преимуществу внѣшняя, политическая; дѣятельность государей, завоевателей и законодателей, а не законоучителей.

Первые лучи историческаго свѣта, падающіе на великое Иранское плоскогоріе, показываютъ его уже намъ заселеннымъ многими народами, кочевыми, осѣдлыми или находящимися въ переходномъ изъ одного въ другое состояніи. Окраины плоскогорія, болѣе обильно орошенныя водою, чѣмъ внутренность края, и, слѣдовательно, болѣе привольныя для жизни, служатъ главнымъ поприщемъ для международной дѣятельности. На западной окраинѣ, тянущейся отъ Персидскаго залива къ Каспійскому морю, находимъ мы мидянъ и южнѣе ихъ персовъ; на южной окраинѣ, сопровождающей берега Персидскаго залива и Эритрейскаго (Индійскаго) моря, находятся земледѣльцы керманы, далѣе разсѣянное населеніе ихтіофаговъ (рыбоѣдовъ), къ сѣверу отъ нихъ хищные, полудикіе гедрозійцы. На сѣверной окраинѣ, къ востоку отъ мидянъ и къ юго-востоку отъ Каспійскаго моря, парѳы и гирканцы занимаютъ необыкновенно плодоносную полосу земли; далѣе къ востоку, по теченію Гери-руда, въ окрестностяхъ нынѣшняго Герата, аріяне, и къ сѣверу отъ нихъ, вдоль степной рѣки Мурга, маргіане. Къ востоку отъ Мурга, Иранская окраина обозначается хребтомъ, все болѣе и болѣе возвышающимся, сѣверный скатъ котораго изобилуетъ водою и пастбищами: это есть страна бактровъ. По восточной окраинѣ, высоко поднимающейся надъ правымъ берегомъ Инда, обитали воинственные царанги, аріаспы, арахозцы (пактіи, пашту, пушту: послѣднимъ именемъ теперь еще называютъ себя афганцы). Внутренность плоскогорія занимали разныя кочующія племена: сагарты, уксіи, коссіи, и пр.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Какъ мы видимъ, древніе жители Иранскаго плоскогорія являются намъ подъ множествомъ наименованій: число таковыхъ наименованій можетъ еще весьма значительно увеличиться, при ближайшемъ изученіи исторіи иранскаго народонаселенія. Должно ли полагать, что эти взаимно несходныя наименованія означаютъ совершенно несходные, чуждые другъ другу народы, или считать, что названія эти означаютъ только подраздѣленія, народы одного и того же племени? Послѣднее не подлежитъ сомнѣнію.

Геродотъ [1]) говоритъ, что въ прежнія времена мидяне назывались арійцами (αριοι); о персахъ разсказываетъ онъ, что они назывались артійцами (αρταοι) [2]) Корень обоихъ словъ есть одинъ и тотъ же *ар*; *ія* и *та* суть прибавочныя окончанія. [3]) Страбонъ [4]) называетъ Аріаной всю восточную часть иранскаго плоскогорія, западная часть плоскогорія, т. е. Мидія, называлась Аріака, названіе, сохранившееся до нашего времени для этого края въ видѣ Иракъ-Аджеми. [5]) Армяне называютъ Персовъ Ари и Арикъ. [6]) Въ видѣ частнаго названія находимъ мы: *Арія* для означенія страны вдоль рѣки Арія, нынѣшняго Гери-рудъ, откуда Гератъ; *Арранъ* для означенія сѣверной оконечности Атропатенской (Адзербиджанской) Мидіи, нынѣшняго Карабага или Шушинскаго уѣзда. [7]) Птоломей [8]) упоминаетъ объ *Аріакахъ*, жившихъ близъ устья Яксарта (Сыръ-Дарьи). О томъ, какое обширное значеніе имѣло это названіе, свидѣтельствуетъ пышный титулъ Сассанидовъ,

1) VII, 62.

2) Тамъ же, 61.

3) *Lassen*: Indische Alterthumskunde, I, 6.

4) XV, гл. II.

5) Journal Asiatique. 1839. t. VIII, p. 298.

6) *St. Martin*: Mémoires sur l'Armenie, I, 275.

7) *St. Martin*: ib., I, 270.

8) VI, 14.

которые именовались повелителями арійцевъ и не-арійцевъ [1]. Наконецъ замѣтимъ, что, хотя греки чужды были наукѣ сравнительной филологіи и отъ нихъ легко могло ускользнуть сколько нибудь отдаленное сходство между языками, но и они находили, что языкъ, которымъ говорили всѣ разноименные обитатели Иранскаго плоскогорія, почти одинъ и тотъ же. Персы и мидяне, бактрійцы и согдіанцы почти одноязычны, говоритъ Страбонъ. [2])

Эти сказанія грековъ объ одноязычности, а, слѣдовательно, и одноплеменности древнихъ разноименныхъ обитателей Иранскаго плоскогорія весьма правдоподобны, но, для полнаго убѣжденія нашего, необходимо искать доказательства внутри самаго Иранскаго міра, внѣ сказаній чужеземныхъ древнихъ писателей, которыхъ, если не добросовѣстность, то, по крайней мѣрѣ, критическая способность во всемъ томъ, что касается до *варваровъ*, весьма подозрительна. Съ самыхъ первыхъ историческихъ вѣковъ и до нашего времени мы находимъ въ различныхъ частяхъ Иранскаго плоскогорія народонаселеніе, весьма прочно осѣдлое, которое не могло быть окончательно *смътено* съ земли предковъ своихъ нашествіемъ иноплеменниковъ; слѣдовательно, нѣтъ сомнѣнія, что въ массѣ нынѣшняго народонаселенія Ирана мы находимъ прямое потомство древнѣйшаго народонаселенія этой страны: нынѣшніе иранскіе языки должны представлять намъ перерожденія языка или языковъ, которыми жители Ирана говорили за нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ. Теперь находимъ мы главные живые языки: 1) *Афганскій*, *пушту* или *пакту*, 2) *Белучи*, весьма малоизвѣстный, но, повидимому, составляющій только вѣтвь предъидущаго, 3) *Персидскій* съ весьма богатою литературою; простонародный языкъ раздробился на множество діалектовъ, какъ напр. діалектъ Татъ на юго-западномъ берегу Каспійскаго моря, діалектъ

1) *Silvestre de Sacy*: Mémoire sur les inscription de Nakschi Roustam, p. 47; *St. Martin*: ib, I, p. 271.

2) *Strabo* XV, II § 8.

таджиковъ въ Бухаріи и пр., литературный языкъ Парси у огнепоклонниковъ въ Іездѣ, 4) *Курдскій*. Оставляя въ сторонѣ языкъ Белучи, какъ весьма-мало извѣстный, мы въ отношеніи къ тремъ другимъ можемъ сказать, что они составляютъ три самостоятельные языка, которые также мало происходятъ одинъ отъ другаго, какъ напр. французскій происходитъ отъ итальянскаго, но которые, подобно тому какъ французскій и итальянскій, носятъ явные и наружные признаки общаго происхожденія. Всѣ эти языки запечатлѣны характеромъ крайней *испорченности*, которая въ филологическомъ отношеніи нерѣдко прямо соотвѣтствуетъ выраженію обработанности. Нынѣшній сладкозвучный персидскій языкъ подобенъ древней медали, которая блеститъ какъ жаръ, потому что гладко вычищена, но на которой отъ чистки стерлось уже древнее изображеніе; на этой медали виднѣются, сверхъ того, и новѣйшіе отпечатки; въ персидскомъ языкѣ сильно отпечатались совершенно чуждые ему арабскій и тюркскіе языки. Возсоздать посредствомъ сравненія новыхъ иранскихъ языковъ формы древняго языка-праотца также невозможно, какъ возсоздать латинскій языкъ посредствомъ сравненія языка французскаго съ валлахскимъ. При искаженіи произношенія иногда постоянство орѳографіи доставляетъ этимологическія указанія (напр. il est фр. est лат.), но и этого пособія мы не имѣемъ въ отношеніи къ ново-персидскому языку: нынѣшнее письмо, арабское, чуждо языку и съ трудомъ принаравливается къ кореннымъ его условіямъ. Впрочемъ, мы имѣемъ образцы ново-персидскаго языка, почти неподвергшіеся арабской примѣси: это есть языкъ знаменитой поэмы Фердоуси Шахъ-Наме, писанной въ XI в. по Р. Х., и мало изслѣдованный еще языкъ огнепоклонниковъ гебровъ, которымъ ненавистно все арабское; языкъ ихъ долженъ быть изучаемъ тамъ, гдѣ онъ могъ сохраниться въ чистотѣ, какъ напр. въ Іездѣ. Восходя изысканіями во времени, мы находимъ надписи на монетахъ Сассанидовъ и на монетахъ Аршакидовъ, слѣдовательно, для періода времени, тя-

нущагося отъ III в. до Р. Х. по VII в. послѣ Р. Х. На монетахъ послѣднихъ Сассанидовъ надписи эти представляютъ почти вполнѣ выработавшіяся уже формы новоперсидскаго языка.[1]) Чѣмъ выше во времени, тѣмъ эти слѣды персидскаго языка на монетахъ становятся менѣе явственными; при первыхъ Сассанидахъ и при Аршакидахъ надписи эти подъ вліяніемъ греко-арамейской цивилизаціи заключаютъ въ себѣ мало персидскаго. Но мы находимъ множество персидскихъ словъ и персидскихъ собственныхъ именъ у классическихъ греческихъ и римскихъ писателей, въ Библіи, далѣе у Византійцевъ и въ Талмудѣ: эти имена, при этимологическомъ разборѣ, обнаруживаютъ связь свою съ нынѣшнимъ персидскимъ языкомъ. Еще болѣе драгоцѣнныя указанія доставило чтеніе гвоздеобразныхъ надписей Гротефендомъ, Раскомъ, Бюрнуфомъ и Лассеномъ. Таковыя надписи, списанныя въ развалинахъ Персеполиса и подлѣ Гамадана, заключаютъ въ себѣ имена: Дархавусъ (Дарій), Вистаспахъ (Гистаспъ), Ксхарсъ (Ксерксъ), Акамносохъ (Ахеменидъ), слѣдовательно, относятся къ эпизоду исторіи Ирана, хорошо извѣстному грекамъ и о которомъ мы черезъ ихъ посредство имѣемъ точныя свѣдѣнія. Въ этомъ заключаются всѣ данныя наши, чтобы судить о языкѣ, которымъ говорили въ западной части Ирана за пять вѣковъ до Р. Х. Какъ ни скудны, какъ ни отрывочны они, но нельзя не признать ихъ за разорванныя звенья одной и той же цѣпи, связующей нынѣшній персидскій языкъ съ языкомъ, которымъ говорили пресловутые цари персидскіе, игравшіе столь великую роль въ древне-греческомъ мірѣ.

Въ продолженіи періода времени отъ III в. до Р. Х. по эпоху распространенія исламизма въ Иранѣ и даже нѣсколько позже,—за исключеніемъ надписей на монетахъ Сассанидовъ, всѣ письменные памятники принадлежатъ совершенно другому языку,

1) *Mordtmann*: въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländ. Gesellschaft, IV, 84 и VIII, 9.

котораго происхожденіе весьма загадочно и который кончилъ жизненное поприще свое, не оставивъ по себѣ потомства. Это есть такъ называемый языкъ *пегльви* или *гузварешъ*. Сколько мы знаемъ, языкъ этотъ составился изъ примѣси элементовъ арійскихъ и симитическихъ къ невѣдомой для насъ основѣ. Онъ появляется въ Иранѣ вмѣстѣ съ появленіемъ пареянской династіи Аршакидовъ. Юстинъ [1]) говоритъ положительно, что пареяне были скиѳскіе выходцы и далѣе [2]) что языкъ ихъ промежуточный между скиѳскимъ и мидійскимъ и составился изъ смѣси обоихъ. Повидимому онъ былъ природный языкъ Аршакидовъ и, въ продолженіе властвованія ихъ, сдѣлался офиціальнымъ и ученымъ языкомъ Ирана, подобно тому, какъ латинскій въ Венгріи. [3]) Обильное присутствіе въ немъ симитскихъ элементовъ доказываетъ, что онъ образовался въ западной части Ирана, соприкасающейся къ Тигро-ефратскому бассейну. Памятниками пегльвійскаго языка служатъ, кромѣ нѣсколькихъ гвоздеобразныхъ надписей и надписей на монетахъ, переводы древнихъ священныхъ иранскихъ книгъ на этотъ языкъ, равно какъ и священная книга Бундегешъ, писанная на немъ уже въ эпоху Сассанидовъ. Можно предположить, что переводы эти были сдѣланы первоначально не для массы народонаселенія, а исключительно для Аршакидовъ и для приближенныхъ къ нимъ пареянъ, которымъ туземный языкъ былъ не понятенъ. Подъ вліяніемъ правительства, сохранявшаго въ Иранѣ свою особую національность, языкъ *пегльви* сдѣлался общеупотребительнымъ въ богослуженіи, языкомъ священнымъ, и сохранилъ этотъ характеръ даже и въ позднѣйшія времена, когда совершенно уже исчезли обстоятельства, способствовавшія первоначальному его распространенію; онъ сохранился при Сассанидахъ, не смотря на то, что послѣдніе ревностно заботились о

1) XLI, 1.
2) XLI, 2.
3) *Ersch* und *Gruber:* Encyclopaedie, 2 Section, XVIII Theil, p. 52.

возстановленіи чистой иранской національности и даже старались вытѣснить языкъ пеглъви изъ употребленія. Когда исламизмъ восторжествовалъ въ Иранѣ, то приверженцы прежней религіи, гонимые, презираемые гебры, парсы, разсѣялись по разнымъ мѣстамъ и унесли съ собою пеглъвійскія переложенія священныхъ книгъ своихъ. Языкъ этотъ сдѣлался уже совершенно мертвымъ; его понимаютъ немногіе ученые жрецы, *мобеды*; само собою разумѣется, что таковое пониманіе особенно ограниченно тамъ, гдѣ гебры живутъ между чужеземцами, вдали отъ главнаго средоточія своихъ единовѣрцевъ, вдали отъ Іезда; само собою разумѣется также, что, при упадкѣ знанія пеглъвійскаго языка, переписка священныхъ книгъ повлекла за собою чрезвычайное умноженіе ошибокъ, совершенно исказившихъ первоначальный текстъ. Быть можетъ есть возможность возстановить таковой текстъ, доставъ священныя книги изъ самаго Іезда, но до этого пункта не удалось еще проникнуть европейской любознательности.

Мы сказали, что священныя книги, употребляемыя парсами въ богослуженіи, писаны на пеглъвійскомъ языкѣ, но большая часть этихъ книгъ суть переводы съ другого, еще болѣе древняго языка. Такъ латинскій текстъ евангелія непонятенъ для массы народонаселенія въ католическихъ странахъ, хотя и употребляется въ богослуженіи, но текстъ этотъ есть переводъ съ другого мертваго языка, греческаго, еще менѣе доступнаго народу. Въ книгахъ парсовъ, пеглъвійскій языкъ играетъ роль латинскаго; роль греческаго относительно его играетъ языкъ, называемый европейскими учеными *зендъ*, хотя и не легко объяснить настоящее значеніе таковаго наименованія. Зендскій текстъ также сохранился въ отрывкахъ: легко догадаться изъ всего вышесказаннаго, что разборъ его долженъ представлять еще болѣе затрудненій, чѣмъ чтеніе пеглъвійскаго перевода.

Честь перваго ознакомленія Европы съ священной литературой парсовъ принадлежитъ французу Анкетиль-дю-Перрону, ко-

торый въ продолженіи пребыванія своего въ Индіи, въ Гузератѣ (1754—1762), успѣлъ, преодолѣвъ много затрудненій, сблизиться съ тамошними гебрами, которые сообщили ему зендскія и пеглвійскія священныя рукописи свои. Эти гебры принадлежали къ числу самыхъ невѣжественныхъ между своими собратьями; они сами худо понимали книги свои; подъ руководствомъ ихъ, Анкетиль-дю-Перронъ перевелъ книги эти на французскій языкъ и издалъ переводъ свой въ Парижѣ въ 1771 году подъ заглавіемъ Zend-Avesta, ouvrage de Zoroastre. Переводъ вышелъ весьма невѣрный, но Анкетиль-дю-Перронъ вывезъ изъ Индіи всѣ подлинныя рукописи, которыми пользовался. Эти рукописи, сданныя имъ въ парижскую королевскую библіотеку, открыли путь, уже спустя полвѣка, къ новымъ изученіямъ, обильнымъ выводами для познанія древняго иранскаго міра. Въ числѣ привезенныхъ Анкетилемъ рукописей былъ санскритскій переводъ зендскаго собранія молитвъ, извѣстнаго подъ именемъ *Ясна*. Знаніе санскритскаго языка доставило французскому ученому Евг. Бюрнуфу, для изученія зендскаго, средства, которыя были недоступны Анкетилю. Вопреки многимъ опроверженіямъ, подлинность и глубокая древность твореній Зороастровыхъ доказана несомнѣннымъ образомъ.

Оказалось, что зендскій языкъ совершенно самостоятельный, близко родственный санскритскому, ровесникъ ему и даже въ нѣкоторыхъ чертахъ представляющій примѣты старшинства. Съ другой стороны открывается сродство его съ древне-персидскимъ языкомъ и другими иранскими, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ почитаться производнымъ отъ зендскаго. Изъ числа древнихъ европейскихъ языковъ, въ зендскомъ значительнѣе обнаруживается сродство съ готскимъ и германскимъ, чѣмъ съ латинскимъ, греческимъ и славянскимъ: послѣдніе болѣе приближаются къ санскритскому [1]).

1) *E. Burnouf*: Nouv. journ. asiat. 1832, IX, p. 53—64.

При таковой самостоятельности зендскаго языка, естественно возникаютъ вопросы: гдѣ, у какого народа, въ какую эпоху, языкъ этотъ былъ въ употребленіи? Въ исторіи много встрѣчается именъ народовъ, которыхъ слово замолкло въ глуби времени, не долетѣвъ до насъ ни однимъ отголоскомъ; здѣсь, напротивъ, слышится рѣчь, невѣдомо чья! Ни народа зендъ, ни страны зендъ, мы не знаемъ. Само названіе это дано, какъ кажется, произвольно, по первому слову заглавія книги: Зендъ-авазъ, «живое слово». Языкъ дошелъ до насъ безъ имени. Ричардсонъ [1]) старался доказать, что языкъ зендъ никогда не существовалъ въ народномъ употребленіи и вымышленъ парсскими жрецами. Но таковая поддѣлка невозможна. Лучшимъ опроверженіемъ служитъ то обстоятельство, что множество топографическихъ названій на иранскомъ плоскогорьѣ, въ Закавказьѣ и въ Анатоліи объясняются помощію зендскаго языка, что даже заставляетъ думать, что нѣкогда языкъ этотъ или развѣтвленія его были въ употребленіи на обширномъ пространствѣ земель.

Составитель древнѣйшихъ парсскихъ священныхъ книгъ, провозвѣстникъ воли Добраго Начала, Ахура-Мазды, самъ себя называетъ въ книгахъ своихъ Заратустрой. Это имя Анкетиль въ переводѣ замѣнилъ Зороастромъ, какъ весьма извѣстнымъ изъ твореній классическихъ писателей. Впрочемъ, тождество между Зороастромъ и Заратустрой не подлежитъ никакому сомнѣнію. Зороастръ, основатель религіи маговъ, игралъ великую, но самую неопредѣленную роль въ воображеніи классическихъ писателей; эпоха жизни его большею частію переносима была въ фантастическую древность; утверждали, что онъ жилъ за 6000 лѣтъ до Платона и за 5000 до троянской войны [2]). Восточные писатели смѣшиваютъ его съ Авраамомъ, другіе приписываютъ ему участіе въ столпотвореніи Вавилонскомъ, представляютъ его то царемъ, то

1) Diss. on the lang. of Eastern nations.

2) *Diogenes Laertius* in prooemio.

отшельникомъ. Изъ всѣхъ этихъ сказаній видно, что имя Зороастра было извѣстно въ цѣломъ древнемъ мірѣ, но само лицо это какъ бы стояло на рубежѣ, отдѣлявшемъ простыхъ смертныхъ отъ полубоговъ и боговъ. Противурѣчивость сказаній свидѣтельствуетъ объ отдаленности эпохи, въ которую жилъ Зороастръ; быть можетъ имя это придаваемо было нѣсколькимъ знаменитымъ распространителямъ магизма, жившимъ въ различныхъ странахъ и въ различное время [1]).

Во всякомъ случаѣ, съ именемъ Зороастра связано огромное количество письменныхъ твореній, составляющихъ древнѣйшую священную литературу огнепоклонниковъ. Если только вѣрить разсказамъ классическихъ и восточныхъ писателей о ея обширности, то невозможно считать ее произведеніемъ дѣятельности одного и того же человѣка; быть можетъ, Зороастру должно приписать миѳическій характеръ Віазы или Гомера. Когда, вслѣдствіе завоеваній Александра Македонскаго, греческая наука проникла въ Иранъ, то греки обратили вниманіе на изученіе священныхъ иранскихъ книгъ. На этомъ полѣ знанія, съ особенною ревностію и съ успѣхомъ подвизался Гермиппъ Смирнскій во второй половинѣ III в. до Р. Х. Сочиненія его не дошли до насъ, но мы находимъ много извлеченій изъ нихъ и ссылокъ на нихъ въ твореніяхъ Плинія. Этимъ путемъ мы знакомимся нѣсколько съ твореніями Зороастра, но уже, не ближе, какъ черезъ посредство *третьяго* лица. Гермиппъ слышалъ отъ маговъ, что Зороастръ написалъ двадцать разъ сто тысячъ строкъ, два милліона [2]). Согласно преданіямъ самихъ парсовъ, творенія Зороастра состояли изъ двадцати одной книги, *наска*, по числу словъ въ священной заповѣди маговъ: «*какъ должно чтить Господа*». Преданіе объясняетъ и содержаніе каждой книги; какъ видно, всѣ вмѣстѣ заключали они полную энциклопедію религіи, философіи, законовѣдѣнія, домаш-

1) *Lassen:* Indische Alterthumskunde, I, 754.

2) *Plinii:* Hist. Nat. XVIII,55; XXXVII, 49, 55, 58, 59.

няго хозяйства, медицины, астрономіи,—словомъ сказать, разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, которые только могли возникнуть въ тогдашнемъ иранскомъ мірѣ. Это колоссальное твореніе утратилось по частямъ еще въ незапамятныя времена. Можно полагать, что самой роковой эпохой для твореній Зороастровыхъ была эпоха Селевкидовъ и Аршакидовъ. Греки совершенно чужды были духу религіозной нетерпимости, фанатическое чувство религіознаго самосохраненія не было возбуждено между иранцами; подъ вліяніемъ греческой философіи и греческой науки, охлажденіе и равнодушіе къ вѣрѣ праотцевъ дѣлали быстрые успѣхи. Забвеніе, а не преслѣдованіе, губитъ книги: такъ случилось и съ книгами Зороастровыми. Реакція иранизма противъ еллинизма, энергическая и систематическая, возникла при Сассанидахъ; возстановленіе древней національной религіи составило главнѣйшую заботу ихъ; вновь должно было собрать растерянныя книги Зороастровы и сдѣлать смыслъ ихъ доступнымъ народу; для этого собранъ былъ совѣтъ изъ нѣсколькихъ тысячъ маговъ, и всѣ они подчинены были одному великому магу. Какъ бы то ни было, но книгъ не удалось собрать въ первоначальной полнотѣ; притомъ, подъ вліяніемъ долговременной привычки, пегльвійскій языкъ успѣлъ вытѣснить зендскій изъ богослуженія, что, конечно, неблагопріятствовало ясному уразумѣнію первоначальнаго смысла текста. Послѣ распространенія исламизма, приверженцы древней религіи являются въ видѣ гонимыхъ, разсѣянныхъ, деморализированныхъ гебровъ; какъ ни крѣпко держатся они своей вѣры, но обстоятельства не способствуютъ развитію между ними религіозной учености; теперь въ главѣ этой учености стоятъ европейцы, у которыхъ должны учиться парсскіе мобеды. Уцѣлѣвшее или, по крайней мѣрѣ, отысканное изъ книгъ Зороастровыхъ составляетъ весьма незначительную часть полнаго творенія, если только послѣднее дѣйствительно имѣло размѣры, приписываемые ему преданіемъ. Сохранилась часть двадцатой *наски*, поучающей какъ

охранять себя отъ злыхъ духовъ и соблюдать чистоту,—наска эта называется *Вендидадъ*; далѣе книга богослужебныхъ гимновъ *Ясна*, въ которой встрѣчаются отрывки изъ другихъ *насокъ*, и, наконецъ, небольшое собраніе возгласовъ *Висперд*ъ. По этимъ отрывкамъ, если нельзя судить о содержаніи утраченнаго, то, по крайней мѣрѣ, можно вѣрить огромности его.

Эти отрывки долгое время извѣстные Европѣ по французскому переводу Анкетиля и по разноязычнымъ переводамъ съ французскаго, вообще возбудили весьма мало сочувствія къ твореніямъ Зороастра; они чужды всякой поэзіи, въ нихъ нѣтъ ни огненнаго лиризма симитовъ, ни величественнаго все гармонирующаго эпоса грековъ, ни теплаго сочувствія къ природѣ индусовъ. Гимны парсовъ утомительны своимъ однообразіемъ; поученія Зендавесты имѣютъ цѣлію управленіе механическою дѣятельностію человѣка, мало касаясь внутренняго міра его; ни форма, ни содержаніе не привлекательны. Въ кажущейся безсмыслицѣ Зендавесты Ричардсонъ усматривалъ неопровержимое доказательство ея поддѣльности.

Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что относительно малые отрывки, которыми мы обладаемъ, не могутъ дать полнаго понятія о цѣломъ. Діонъ Хризостомъ, близко знакомый съ книгами маговъ, говоритъ, что Зороастръ воспѣлъ колесницу Зевесову и свѣтило дневное величественнѣе, чѣмъ Гомеръ и Гезіодъ [1]). Зендавеста не есть свободное проявленіе генія народнаго, какъ поэмы Гомеровы или Веды индусовъ: основою служитъ ей соціальная мысль, которую Зороастръ тщился закрѣпить, опутавъ ее мистическими, религіозными обрядами, исходящими изъ другого, болѣе общаго начала. Соціальная мысль заключается въ упроченіи осѣдлой жизни, мирной сельской дѣятельности, въ противуположность кочевому бродяжничеству и хищничеству. Всѣ отправленія тако-

1) *Dio Chrysostomus*, orat. borysth., p. 448, ed. Reiske.

вой осѣдлой жизни запечатлѣны священнымъ характеромъ; нарушенію установленнаго домашняго порядка придавалась тяжкая важность грѣха. Подобнымъ образомъ, еврейскій законодатель положилъ правила для всѣхъ обстоятельствъ домашней жизни евреевъ, чтобы отдѣлить ихъ отъ идолопоклонниковъ, чтобы воспрепятствовать всякому смѣшенію ихъ съ сосѣдями. Съ этой точки зрѣнія Зендавеста представляется въ новомъ свѣтѣ; обряды огнепоклонниковъ, столь нелѣпые по наружности, пріобрѣтаютъ смыслъ и значеніе, будучи отнесены къ обще-арійскому началу, которое въ другой странѣ, въ Индіи, подчиняясь инымъ условіямъ, породило брахманизмъ, столь рѣзко отличный отъ магизма.

Мы выше сказали, какъ сбивчивы и противурѣчивы были понятія древнихъ классическихъ и восточныхъ писателей объ эпохѣ жизни Заратустры и о странѣ, въ которой проповѣдывалъ онъ свое ученіе. Недоумѣнія на счетъ столь знаменитой личности требовали разрѣшенія. Въ Зендавестѣ говорится о странѣ *Еерiемено*, [1]) (Айріаманъ) святой, чистой и могущественной; о горѣ Альборзъ, о царѣ Вистаспѣ, которому Заратустра возвѣстилъ свое ученіе. Эти данныя послужили основаніемъ гипотезѣ, которую въ прошломъ вѣкѣ Анкетиль почиталъ уже положительно доказанною. Названіе Еереміяно, Айріаманъ, весьма сходно звучитъ съ названіемъ «Арменія»; Арранъ, названіе, встрѣчающее въ Зендавестѣ много созвучныхъ, означало въ древности восточную часть Арменіи къ сѣверу отъ Аракса даже до главнаго Кавказскаго хребта и до Дербента [2]); впослѣдствіи оно придаваемо было лишь странѣ, лежащей между Араксомъ и Курой, Карабагу. Хребетъ Альборзъ, Эльборусъ возвышается къ югу отъ Мазандерана и соименникъ его составляетъ высочайшую вершину Кавказскаго хребта. Въ

1) *St. Martin*; Mém. sur l'Arménie I, 269; *Burnouf:* Commentaire sur le Yaçna, notes et éclaircissements, CVII.

2) *St. Martin*: Mém. sur l'Arménie I, 270.

послѣдней Анкетиль находилъ гору Альборузъ Зендавесты [1]). Наконецъ имя царя Вистаспа казалось легкимъ измѣненіемъ персидскаго имени Гуштаспъ, греческаго Гистаспъ, извѣстнаго Дарія Гистаспа. Изъ всего выводилось заключеніе, что Заратустра родился по близости Аракса; мѣсто родины его опредѣлялось въ адзербиджанскомъ городѣ Урміи; первая страна, въ которой распространилъ онъ ученіе свое, была восточная часть Арменіи, Карабагъ и Ширвань; оттуда прибылъ онъ ко двору персидскаго царя Дарія Гистаспа; слѣдовательно, эпоха жизни Заратустры относится къ VI в. до Р. Х.

Таковая гипотеза, дѣйствительно, могла казаться весьма правдоподобною, при тогдашнемъ ограниченномъ знаніи востока. Долгое время мы не могли освободиться отъ греческаго воззрѣнія на исторію Ирана. Греки все вниманіе свое сосредоточивали на восточной окраинѣ Ирана, на такъ называемый Мидійскій перешеекъ, тянущійся верстъ на 700 отъ юго-восточнаго угла Каспійскаго моря до сѣверной оконечности Персидскаго залива. Эта полоса представлялась грекамъ въ видѣ самостоятельнаго цѣлаго; на ней возникли временно Мидійскій и Персидскій политическіе центры Ирана; Персидскій игралъ великую роль въ греческой исторіи. Затѣмъ географическое средоточіе Ирана и восточная окраина его казались грекамъ чѣмъ то постороннимъ, побочнымъ, малозанимательнымъ, чѣмъ то въ родѣ глухихъ провинцій царства персидскаго. Для грековъ не существовало безпрерывной исторіи Ирана; въ глазахъ ихъ она началась внезапнымъ основаніемъ и кончилась внезапнымъ паденіемъ персидской монархіи; эпизодъ превратился въ законченное цѣлое. Таковое понятіе привилось и къ нашему воззрѣнію на исторію Ирана.

Если же, напротивъ, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на Иранъ

1) l'Albordj montagne de Géorgie. *Anquetil*: Zendavesta, t. I, Seconde partie, p. 20.

извнѣ, съ точки зрѣнія, взятой на классической почвѣ Греціи, мы станемъ въ центрѣ обширнаго иранскаго міра, то историческое воззрѣніе наше совершенно измѣнится. Мидійскій перешеекъ представится намъ въ видѣ окраины плоскогорія, ниспадающей къ другому міру, къ міру симитскому. Это есть переходная полоса, въ которой смѣшиваются элементы разнородные, недопускающіе присутствія чистаго, самостоятельнаго элемента. Геній народный всегда безсознательно отгадываетъ, гдѣ бьется сердце національной жизни. Въ иранскихъ преданіяхъ живы воспоминанія о герояхъ, о царяхъ, о царствахъ, о которыхъ слухъ почти не доходилъ до грековъ. Персидская династія Ахеменидовъ, сосредоточившая на себѣ вниманіе классическаго міра, забыта въ Иранѣ, какъ получужеземная. Изъ этого возникла непримиримая разладица между сказаніями греческихъ писателей объ Иранѣ и сказаніями туземныхъ поэтовъ и историковъ. Послѣднія долго принимаемы были нами за не заслуживающія вниманія выдумки; ближе познакомившись съ востокомъ, мы начинаемъ смотрѣть на предметъ иначе. Такъ, напр., въ нашей русской исторіи, средоточія историческихъ событій переходили изъ Новгорода въ Кіевъ, изъ Кіева во Владиміръ, изъ Владиміра въ Москву; на западѣ, кто нибудь могъ бы написать исторію русняковъ, исторію королевства галицкаго и назвать ее исторіей русскою. Таковая исторія дала бы намъ, русскимъ, настоящее понятіе персидской исторіи Ахеменидовъ, написанной греками и заключающей въ себѣ обычный источникъ нашихъ свѣдѣній о древней исторіи Ирана!

Относительно Царя Вистаспа или Гистаспа, которымъ опредѣляется эпоха жизни Зороастра, нельзя не замѣтить, что Гистаспъ, отецъ Дарія, не былъ царемъ и, слѣдовательно, необходимо предположить, что въ Зендавестѣ имя отца взято ошибочно за имя сына. Царь Вистаспа въ Зендавестѣ названъ сыномъ Аурватаспы, между тѣмъ какъ отецъ Гистаспа, дѣдъ Дарія, назывался *Аршама* [1]. Та-

1) *Lassen:* Indische Alterthumskunde, I, 753; *Геродотъ* кн. VII, 12.

кимъ образомъ, всѣ выводы, основанные на сходствѣ именъ Гистаспа и Вистаспы, оказываются совершенно неосновательными и эпоха жизни Заратустры остается неопредѣленною. Столь же мало и географическія названія, приведенныя нами выше, доказываютъ, что Адербиджанъ, Арменія и Закавказье были страны, въ которыхъ возникло ученіе Заратустры, и оттуда перешло оно въ Персію. Названія Ееремiано, Айрiамна, Арима, Арранъ суть не болѣе, какъ различныя видоизмѣненія одного и того же весьма обширнаго названія Айрія, которое придаваемо было всѣмъ странамъ, гдѣ обитали айрiи, т. е. арiйцы иранской вѣтви; слѣдовательно, всѣ вышеприведенныя названія не заключаютъ въ себѣ ничего опредѣлительнаго. Гора Эльборузъ, Альборджъ, Борджъ есть пеглевійская передѣлка зендскаго названія Березатъ-гаири, «высокая гора» [1]). Это названіе, не имѣвшее, повидимому, сначала опредѣленнаго значенія, пріобрѣло таковое по понятію, которое Зендавеста придаетъ какой то высокой горѣ, откуда берутъ начало свое всѣ воды, напояющія лице земли, откуда течетъ рѣка Арванда, Урвантъ, Аурватъ, Арватъ, Аргуатъ, Аргъ, Арагъ, Арагуа (Арагва), Араксъ и пр. [2]). Всѣ Эти названія, встрѣчающіяся въ зендскомъ мiрѣ, происходятъ отъ зендскаго слова Арватъ «бѣгущiй», слѣдовательно, естественнымъ образомъ могли быть придаваемы и дѣйствительно были придаваемы множеству рѣкъ. Миѳическая географія, изложенная въ Бундегешѣ, книгѣ, составленной при Сассанидахъ изъ древнѣйшихъ источниковъ, говоритъ о трехъ рѣкахъ: Аргъ, Вехъ и Фратъ; первое названіе, какъ доказалъ Бюрнуфъ, обозначаетъ Яксартесъ, Сыръ-Дарью, посему священная «высокая гора», Березатъ-Гаири, Борджъ, Альборджъ, Эльборусъ, согласно древнѣйшему опредѣлительному смыслу, должна быть отнесена къ хребту Имаусъ, именно туда, гдѣ хребетъ этотъ, пересѣкая подъ прямымъ угломъ Гинду-ку и Куэнь-Лунь чертитъ *крестъ*

2) *Burnouf*: Commen. sur le Yaçna, 299.
3) *id.*, Additions et corrections CLXXXV.

въ самомъ сердцѣ Азіи. Такъ Борджъ, Альборджъ, Эльборузъ, откуда вытекаютъ всѣ воды, напояющія землю, сходится съ Меру индусовъ и съ Едемомъ евреевъ. Отсюда усматриваемъ мы, какъ имена нарицательныя превращаются въ имена собственныя и какъ потомъ народы, при постепенномъ разселеніи своемъ, переносятъ съ собою названія эти, повторяющіяся потомъ въ неизмѣримой дали отъ мѣста, гдѣ впервые были созданы.

Итакъ мы видимъ, что всѣ данныя, по которымъ опредѣляема была, какъ эпоха жизни Заратустры, такъ и страна, въ которой началъ онъ проповѣдывать свое ученіе,—или совершенно ошибочны, или весьма неопредѣлительны. Вопросъ, гдѣ и когда зендскій языкъ былъ живымъ языкомъ, остается неразрѣшеннымъ. Но важность вопроса ростетъ въ глазахъ нашихъ: географическія названія на Кавказѣ, въ Закавказьѣ, въ Иранѣ, объясняются помощію зендскаго языка; слѣдовательно, народъ, говорившій имъ, или нѣкогда населялъ эти страны или, по крайней мѣрѣ, передалъ цивилизацію свою туземнымъ обитателямъ.

Зендскій языкъ гораздо болѣе, чѣмъ древне-персидскій языкъ Ахеменидовъ, имѣетъ сходства съ санскритскимъ; посему можно заключить, что языкъ этотъ распространенъ былъ преимущественно въ восточныхъ частяхъ Ирана. При Александрѣ Македонскомъ и въ послѣдующіе вѣка, мы находимъ, что національная религія, огнепоклоненіе, сказанія Зендавесты, иранская народность, пустили гораздо болѣе глубокіе корни на востокѣ, чѣмъ на западѣ [1]. Лишь въ Бактріи и Согдіанѣ Александръ встрѣтилъ народный отпоръ; реакція противъ исламизма возникла въ Маргіанѣ и въ Седжестанѣ; Фердоуси въ XI в. по Р. X. на сѣверо-востокѣ Ирана собралъ легенды и сказанія, которыя послужили основою для его безсмертной поэмы. То, что мы знаемъ объ огнепоклонствѣ въ Мидіи и Персіи, показываетъ, что оно тамъ не существо-

1) *M. Duncker:* Geschichte des Alterthums, II, 311.

вало въ первоначальной чистотѣ своей, въ чистотѣ, которой кодексомъ служитъ Зендавеста. Календарь Ахеменидовъ не тотъ, который находимъ мы въ Зендавестѣ; на западѣ былъ особый классъ духовныхъ, называемыхъ магами, каковое названіе не встрѣчается въ Зендавестѣ, гдѣ богослуженіе производится *Атравами*. Въ богослуженіи, согласно ученію Заратустры, могли участвовать всѣ «чистые люди», на западѣ богослуженіе составляло исключительность маговъ.

Географія Зендавесты несомнѣннымъ образомъ доказываетъ, что центръ извѣстныхъ ей странъ находился на востокѣ Ирана. Въ Зендавестѣ упоминается о Гапта-Гинду, нынѣшнемъ Пенджабѣ [1]), объ Арахозіи, о Седжестанѣ; на сѣверѣ извѣстны ей: Согдіана, Бактрія, Маргіана, Гирканія; къ западу говорится о Мазандеранѣ; предѣлы знанія Зендавесты къ западу останавливаются на *Рагѣ*, городѣ, лежавшемъ по близости нынѣшняго Тегерана. Западная окраина Ирана, повидимому, была совершенно неизвѣстна Зендавестѣ; о Мидіи и Персіи въ ней вовсе не говорится. Обитатели всѣхъ упоминаемыхъ странъ подвергаются въ Зендавестѣ охужденію за свои пороки и невѣріе; чистыми отъ таковыхъ упрековъ остаются лишь Айріана Ваеджо, (Airyana Vaedja), Бактрія, Маргіана и Согдіана. Это обстоятельство заставляетъ думать, что именно на сѣверо-востокѣ Ирана возникло и наиуспѣшнѣе распространилось ученіе Заратустры.

Діодоръ Сицилійскій повѣствуетъ, [2]) что царь Ассирійскій Нинъ, покоривъ безъ особаго труда народы, обитавшіе на западѣ Ирана, двинулся противъ цвѣтущаго и сильнаго государства Бактрійскаго. Въ то время царствовалъ тамъ царь Оксіартъ или Оксатръ, который противупоставилъ ассиріянамъ сильное сопротивленіе; по-

1) *Пенджабъ* значитъ пять рѣкъ по числу притоковъ верхняго Инда, гапта значитъ *семь*, что можно объяснить причисленіемъ самого Инда и Сарасвати къ пяти рѣкамъ.

2) *Діодоръ Сицилійскій*, кн II, § 1—6.

слѣдніе съ трудомъ и только, благодаря мудрости Семирамиды, успѣли овладѣть городомъ Бактрою. Геродотъ говоритъ, что ассиріяне господствовали въ Азіи въ продолженіи 520 лѣтъ, пока мидяне отъ нихъ отдѣлились: послѣднее событіе случилось за 714 лѣтъ до Р. Х., слѣдовательно царствованіе Нина можно отнести къ 1230 году. Отсюда видно, что уже въ эту эпоху на востокѣ Ирана существовало сильное и цвѣтущее государство. Обращаясь къ туземнымъ иранскимъ легендамъ, собраннымъ поэтомъ Фердоуси въ книгѣ Царей, Шахъ-Наме, мы находимъ, что въ Иранѣ, послѣ совершенно-баснословной династіи Пишдадовъ, воцарилась династія Каіановъ, основателемъ которой былъ царь Кай-Кобадъ, за нимъ слѣдуетъ Кай-Каусъ, далѣе Сіавушъ, Хосревъ, Лograспъ и Гуштаспъ. Затѣмъ исторія Персіи представляетъ перерывъ, наполненный нѣсколькими ни съ чѣмъ несообразными выдумками, и переходитъ къ Александру Руми (Александру Македонскому). Не рѣшаясь принять за совершенный вымыселъ таковую туземную исторію, европейскіе критики долго старались отыскать тождественность между династіей Каіановъ и извѣстною по классическимъ писателямъ персидской династіей Ахеменидовъ, но всѣ усилія науки сокрушились о величайшія несообразности. Дѣятельность Каіановъ сосредоточивается въ неумолимой войнѣ противъ Турана на Оксусѣ; театръ, на которомъ подвизаются они, совершенно чуждъ западной окраинѣ Ирана. Въ Зендавестѣ находимъ мы рядъ царей съ титуломъ Кава въ восходящей линіи: Вистаспа, Аурватаспа, Хусрава, Сіаварьна и Усъ (Кава-Усъ): значеніе этихъ именъ большею частію легко объясняется помощію зендскаго языка [1]), и въ нихъ усматриваются имена царей династіи Каіановъ, переиначенныя при переводѣ на другой, хотя и родственный съ зендскимъ языкъ.

Шахъ-Наме перерываетъ послѣдовательность разсказа своего

1) *Burnouf*: Commentaire sur le Yaçna, p. 437.

на Гуштаспѣ; за нимъ слѣдуютъ два имени: Бахманъ и Царица Гомаи, которыя служатъ только для связки Каіановъ съ двумя Дарабами (Даріи), послѣ которыхъ появляется Александръ Руми, тоже происходящій отъ царственной иранской династіи. Очевидно, что поэтъ-историкъ, имѣвшій главною цѣлью прославленіе подвиговъ иранскихъ царей, преднамѣренно погрузилъ въ неизвѣстность длинный періодъ времени, въ продолженіе котораго господствовали надъ Ираномъ ассирійскіе, мидійскіе и персидскіе цари, представлявшіе собою или чужеземное иго или, по крайней мѣрѣ, нечистый иранскій элементъ, сильно смѣшанный съ симитскимъ. Итакъ можно заключить, что покореніе Бактріи ассирійцами случилось именно при преемникѣ царя Гуштаспа. Имя его, Оксатръ, которое намъ извѣстно только черезъ посредство грековъ, позволительно объяснить зендскимъ именемъ *Хукшатра*, что значитъ «добрый царь». Персидскія легенды единогласно утверждаютъ, что Зердуштъ (такъ называютъ они Заратустру) началъ проповѣдывать свое ученіе при царѣ Гуштаспѣ, послѣднемъ, достовѣрно и отчетливо извѣстномъ царѣ изъ династіи Каіановъ, которая, впрочемъ, при помощи искусственныхъ вставокъ, тянется въ Шахъ-Наме до самаго Александра Руми, но которой нѣтъ никакой возможности совмѣстить съ персидской династіей Ахеменидовъ.

Тождество персидскаго Гуштаспа, при которомъ Зердуштъ проповѣдуетъ свое ученіе, съ зендскимъ Вистаспой, котораго поучаетъ Заратустра въ своей Зендавестѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Столь же несомнѣнно, что Ахеменидъ Дарій Гистаспъ былъ совершенно другое, гораздо позднѣйшее лицо. Изъ всего этого можемъ вывести заключеніе, что Заратустра проповѣдывалъ свое ученіе въ Бактріи прежде, чѣмъ страна эта покорена была ассиріянами, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, за тринацать вѣковъ до Р. Х.; быть можетъ, былъ онъ современникомъ Моисея. Если допустить, что весьма вѣроятно, что Оксатръ, Хукшатра, былъ сынъ Вистаспы, то эпоха жизни и дѣятельности Заратустры должна быть

отнесена къ періоду времени между 1300 и 1250 годами до Р. Х. Итакъ, въ это время, въ Бактріи и даже, вѣроятно, въ цѣломъ восточномъ Иранѣ, зендскій языкъ былъ общенароднымъ, потому что нельзя думать, чтобы Заратустра, имѣя въ виду распространеніе своего ученія, писалъ книги на языкѣ, непонятномъ для народа. Итакъ Зендавеста представляетъ намъ древнѣйшій памятникъ языка, которымъ говорили иранцы за тринацать вѣковъ до Р. Х. Этимъ ли самымъ языкомъ говорили первые арійцы, пришедшіе на Иранское плоскогоріе? На этотъ вопросъ нельзя дать отвѣта; Зендавеста писана въ эпоху, когда въ Иранѣ существовало уже сильное и благоустроенное Бактрійское царство; царю Вистаспѣ предшествовалъ длинный рядъ царей, оставившихъ по себѣ, какъ видно изъ Зендавесты, добрую память. Много вѣковъ нужно на то, чтобы кочевое или полукочевое племя, каковымъ мы должны представить себѣ первыхъ арійскихъ переселенцевъ, успѣло возвыситься на таковую ступень гражданскаго порядка. Очевидно, что Ригъ-Веда изображаетъ гораздо болѣе ранній моментъ жизни народной, чѣмъ Зендавеста.

Все это даетъ намъ, хотя поверхностное, но непроизвольно составленное понятіе о состояніи, въ которомъ находилось Иранское плоскогоріе за тринацать вѣковъ до Р. Х. На западной окраинѣ жили кочевые или полукочевые народы, для которыхъ не пробилъ еще часъ исторической дѣятельности. На восточной существовало благоустроенное царство: въ немъ возникло уже народное самосознаніе, стремленіе къ самостоятельному развитію, основанному на коренныхъ началахъ иранской жизни. Очевидно, что Зендавеста не заимствована извнѣ: мысль о борьбѣ Добраго Начала съ Злымъ, порядка съ неурядицей, осѣдлости съ бродяжничествомъ, могла возникнуть по преимуществу въ странѣ рѣзкихъ противуположностей, на Иранскомъ плоскогоріи. Таковую же страну противоположностей и борьбы представляетъ собою Закавказье. Выше изложено, на основаніи какихъ данныхъ возникло мнѣніе, буд-

то бы Закавказье было колыбелью ученія Зороастрова; эти самыя данныя послужили поводомъ къ другому еще болѣе гадательному заключенію, что Закавказье, а именно восточная часть Арменіи, нынѣшній Карабагъ, была колыбелью всѣхъ иранцевъ, которые были доисторическими обитателями Закавказья и оттуда разошлись потомъ до предѣловъ Индіи и Турана [1]). Это мнѣніе совершенно сходилось съ тѣмъ, которое въ Закавказьѣ, у подошвы Арарата, находило колыбель симитическихъ народовъ западной Азіи. Симиты пошли внизъ по теченію Тигра и Евфрата на югъ, и на юго-западъ, арійцы по Иранскому плоскогорію на югъ и юго-востокъ. Кавказъ и въ особенности Арменія вновь являются намъ въ видѣ колыбели рода человѣческаго.

И вновь таковое предположеніе разлетается какъ дымъ, при внимательномъ изученіи фактовъ. Въ первомъ фарагардѣ (главѣ) Вендидада изложены въ мистической формѣ древнѣйшія преданія обитателей Ирана о первоначальномъ отечествѣ ихъ и о постепенномъ разселеніи по плоскогорію. Все это Заратустра, вѣрный основной мысли своей, излагаетъ въ видѣ послѣдовательнаго созданія Ахура-Маздой раеподобныхъ странъ для жительства людей, но въ каждую изъ таковыхъ созданныхъ странъ Ангромайніусъ вноситъ сѣмена зла, черезъ что заставляетъ Ахура-Мазду создавать для жительства людей новую страну и такъ далѣе.

«Первымъ краемъ благодати и изобилія, который я, я же есмь Ахура-Мазда, сотворилъ въ чистотѣ былъ Айріана-Ваеджо (чистый Иранъ); красою подобнаго ему не найти въ цѣломъ свѣтѣ. И придя смертью-чреватый Ангромайніусъ, изготовилъ въ рѣкѣ, напояющей край этотъ, великаго змія *зимы*, исходящей отъ дивовъ (злыхъ духовъ). Наступило 10 мѣсяцевъ для зимы и лишь два мѣсяца для лѣта; дотолѣ семь мѣсяцевъ было тепло и только пять холодно. Зима изливаетъ хладъ на воду, землю и

1) *St. Martin*: Mém. sur l'Arm. I, 272; Шопенъ: Историч. памятникъ состоянія Армянской области. (Спб. 1852), стр. 227—231.

деревья; страшно-сурова она внутри Айріана-Ваеджо, но и этотъ бичъ сдѣлался благодатью для людей: съ появленіемъ зимы умножается изобиліе всѣхъ благъ».

Мы не станемъ разбирать, можно ли допустить предположеніе, чтобы въ памяти людей сохранилось воспоминаніе объ эпохѣ, когда охлажденіе земной коры происходило съ быстротою, ощутительною для чувствъ. Во всякомъ случаѣ, въ умѣренныхъ широтахъ средней и западной Азіи возможность существованія страны, въ которой десять мѣсяцевъ холодно и только два мѣсяца тепло, можетъ быть объяснена только весьма высокимъ положеніемъ ея надъ уровнемъ океана. Этимъ физическимъ условіямъ особенно хорошо удовлетворяетъ весьма замѣчательное, но до сихъ поръ весьма мало извѣстное нагоріе Памирѣ, лежащее къ востоку отъ меридіаннаго хребта Болуръ-тага (Иммауса) и дающее начало Оксусу. Къ югу отъ Памира, въ недальнемъ разстояніи отъ него, за хребтомъ Куэнь-лунь находятся источники Инда. Мы выше уже объяснили арійское происхожденіе названія Памиръ и громкую знаменитость его въ цѣлой Азіи. Буддійскіе пилигримы V в. по Р. Х. разсказываютъ объ озерѣ, тамъ находящемся и обитаемомъ ядовитымъ дракономъ (быть можетъ змій зимы Вендидада) [1]. Это озеро въ 1838 году было посѣщено англійскимъ офицеромъ Вудомъ, который пишетъ, что линія вѣчнаго снѣга на Памирѣ (37° 27′ с. ш.) выше 17,000 футъ, высота озера Сиръ-икуль 15,600 футъ, изъ него вытекаетъ главное верховье Оксуса. Въ продолженіе кратковременнаго тамошняго лѣта, берега озера покрыты стадами кочующихъ киргизовъ; пастбища Памира славятся необыкновенно сочною травою; самая тощая лошадь становится тучною менѣе, чѣмъ въ двадцать дней; овцы тамъ ягнятся не иначе какъ двойнею; въ чрезвычайномъ множествѣ водится особая порода длиннорогихъ дикихъ барановъ; нѣкоторыя по-

1) *Neumann*: Pilgerfahrten buddhistischer Pilger von China nach Indien (Lpz. 1833), pp. 41, 49.

роды домашнихъ животныхъ въ Памирѣ находятся въ дикомъ состояніи. Лучшаго мѣста для пастушеской жизни, говоритъ Вудъ, нельзя себѣ придумать [1]). Это описаніе Памира соотвѣтствуетъ вполнѣ тому, что говорится въ Вендидадѣ объ Айріано-Ваеджо, первоначальной родинѣ иранцевъ, но, конечно, далеко не приводитъ къ убѣжденію. На армянскомъ плоскогорьѣ много можно встрѣтить мѣстъ, которыя физическими свойствами своими подходятъ къ описанію Айріано-Ваеджо. Въ созвучіи именъ Айріано и Арранъ (Карабагъ) Анкетиль находилъ доказательство, что именно изъ Арменіи или, въ болѣе общемъ смыслѣ, изъ Закавказья вышли иранцы. Слѣдующія строки Вендидада разъясняютъ вопросъ.

«Второе благословенное мѣсто, которое сотворилъ я, я же есмь Ахура-Мазда, есть земля, гдѣ находится Сугда. Но тутъ смертью чреватый Ангромайніусъ произвелъ мухъ, смертоносныхъ для стадъ».

Итакъ арійцы, изгнанные стужею изъ благословеннаго Айріано-Ваеджо, столь привольнаго для стадъ ихъ, перешли туда, гдѣ было теплѣе и гдѣ не было недостатка въ пастбищахъ, перешли въ Сугда. Это названіе не можетъ подавать повода ни къ какимъ недоумѣніямъ, хотя и нельзя утвердительно сказать, обозначаетъ ли оно въ Зендавестѣ рѣку или страну или городъ [2]). Сугда на зендскомъ языкѣ значитъ «чистый» и, по мнѣнію Бюрнуфа, первоначально служило названіемъ рѣки, откуда послѣ распространилось на цѣлую страну, Сугда, Согда, Согдіана, названіе общеупотреблявшееся въ древнемъ мірѣ для нынѣшней Бухаріи и сохранившееся даже въ новѣйшія времена у мусульманскихъ писателей для обозначенія благословенной страны, лежащей къ югу отъ Самарканда, Аль-Согда, одного изъ четырехъ земныхъ

1) *S. Wood*: Personal narrative of a journey to the source of the river Oxus, 1841, p. 365.

2) *Burnouf*: Comment. sur le Jaçna, notes et éclaircissements LVI.

раевъ, такъ что названія *Аль-Согдъ* и *рай* сдѣлались однозначущими [1]). Опредѣлительность значенія Сугдо бросаетъ свѣтъ и на загадочное Айріано-Ваеджо. Въ поименованіи названій благословенныхъ странъ, созданныхъ Ахура-Маздой, представляемымъ первымъ фаргардомъ Вендидада, замѣтна географическая послѣдовательность: таковой послѣдовательности вовсе бы не существовало при непосредственномъ переходѣ изъ Айріано-Ваеджо въ Сугда, съ Кавказскаго перешейка въ Бухарію, если бы только позволительно было допустить предположеніе, что Айріано-Ваеджо лежало гдѣ либо въ Закавказьѣ. Напротивъ, если мы для Айріано-Ваеджо, т. е. для первоначальной родины, для общей колыбели всѣхъ иранцевъ, примемъ горную страну, лежащую въ самомъ сердцѣ Азіи, около меридіональнаго хребта Болурскаго, то прямой переходъ изъ этой холодной высокой страны на низменность, въ плодородную Согдіану, въ нынѣшнюю Бухарію, становится совершенно естественнымъ. Этой самой послѣдовательности соотвѣтствуетъ и третье созданное Ахура-Маздой благословенное мѣсто «Моуру крѣпкое и чистое», въ которомъ нельзя не признать: Мору, Мару, Марвъ, Мервъ, Маргъ, Маргіана. Таковыя названія частью доселѣ еще сохранились для плодородной и населенной полосы земли, лежащей вдоль степной рѣки Мургъ-абъ. Покинувъ Согдіану, перейдя на лѣвый берегъ Оксуса, арійцы, при движеніи своемъ на западъ, прежде всего должны были заселить плодородную Маргіану. Далѣе въ числѣ благословенныхъ мѣстъ, созданныхъ Ахура-Маздой, находимъ мы послѣдовательно *Бакхди* (быть можетъ искаженное названіе Бактры [2]), *Нисая* (Nisaea или Низа древнихъ, нынѣшній Нишапуръ въ Хорасанѣ), *Вегркана* (Gurcana, Υρκανία, *Гирканія)*, *Рагеа* (Rhagae, Rai, Rhei близь Каспійскихъ воротъ и нынѣшняго Тегерана). Далѣе къ западу пре-

1) *Ritter*: Erdkunde. Asien. VI. zweite Abth., 52.

2) *Burnouf*: Comment. sur le Jaçna, notes et éclaircissements, CX.

кращаются географическія наименованія. Всѣхъ таковыхъ созданныхъ Ахура-Маздой благословенныхъ мѣстъ и странъ поименовано шестнадцать; девять, которыя мы здѣсь считаемъ излишнимъ называть, обозначаютъ разселеніе арійцевъ съ сѣвера, изъ Айріано-Ваеджо, къ югу, по западной окраинѣ Ирана, и даже въ Индустанъ, потому что подъ названіемъ Гапта-Гинду нельзя не подразумѣвать Пенджаба. Изъ Ригъ-Веды мы, хотя и несомнѣннымъ, но тѣмъ не менѣе косвеннымъ образомъ выводимъ заключеніе, что индійскіе арійцы пришли въ Индустанъ съ сѣвера; въ Вендидадѣ обстоятельство это выражено прямо. Зендавеста, какъ должно полагать, нѣсколькими вѣками составлена позже эпохи составленія Ригъ-Веды; если въ этихъ двухъ священныхъ твореніяхъ есть что либо общее, то нельзя объяснить этого обстоятельства иначе, какъ общими преданіями, вынесенными индійскими и иранскими арійцами изъ общей ихъ родины, изъ Айріано-Ваеджо или Меру, какъ бы она ни называлась. Допустить, чтобы Заратустра что либо заимствовалъ изъ Ригъ-Веды, также невозможно какъ и то, чтобы что либо заимствовалъ онъ изъ историческихъ сказаній еврейскаго законодателя.

Замѣтимъ весьма важное и обильное выводами обстоятельство. Въ Зендавестѣ говорится о людяхъ *ветхозавѣтныхъ* (паойріо ткаеша) и людяхъ *близко-кровныхъ* (набаназдиста) [1]. По мнѣнію Заратустры люди ветхозавѣтные были праведники, лично обладавшіе истиннымъ богопознаніемъ и направлявшіе родъ человѣческій къ добру, но не открывшіе ему великаго знанія «какъ должно чтить Господа». Посему люди, не имѣя руководнаго начала для жизненнаго поприща, при всемъ добромъ намѣреніи своемъ, безпрестанно сбивались съ добраго пути, что навлекло неисчислимыя бѣдствія на цѣлый родъ человѣческій, утратившій при этомъ золотой вѣкъ свой. Предназначеніе Заратустры заключалось не въ

2) *Burnouf*: Comment. sur le Jaçna, 564; *Weber*: Indische Studien 1855, III, 448.

томъ, чтобы создать новую вѣру или чтобы преобразовать старую, но въ томъ, чтобы явственно возвѣстить роду человѣческому настоящую волю Ахура-Мазды, чтобы наконецъ прекратить колебанія и блужданія рода человѣческаго или, лучше сказать, арійцевъ,—точнымъ растолкованіемъ «какъ должно чтить Господа». Скудныя указанія на эти ветхозавѣтныя преданія, сохранившіяся въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ Зендавесты, пріобрѣтаютъ высокую занимательность, при сличеніи ихъ съ до-брахманическими преданіями индусовъ. Сходное, само собою разумѣется, должно быть отнесено къ тому времени, когда индусы и иранцы составляли одинъ народъ, жили вмѣстѣ. Какъ мы выше объяснили, филологическія наблюденія заставляютъ думать, что нѣкогда всѣ народы арійскаго корня, населяющіе теперь безконечное пространство земель отъ береговъ Атлантическаго океана до Бенгальскаго залива,—во времена до историческія составляли только одинъ небольшой народъ, жившій на небольшомъ пространствѣ. Арійскія вѣрованія, свободныя отъ вліянія Зендавесты съ одной стороны и вліянія брахманизма съ другой, конечно, составляли основу, какъ всѣхъ позднѣйшихъ вѣрованій, такъ и всего позднѣйшаго гражданскаго порядка всѣхъ арійскихъ народовъ, общую основу, на которой выткались потомъ, въ теченіи вѣковъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ внѣшнихъ вліяній, безконечно-разнообразныя національныя особенности.

Высшія богопочитаемыя существа въ иранскомъ мірѣ суть Ахура-Мазда и шесть амшаспентъ; всѣ таковыя названія неизвѣстны брахминамъ, въ Ведахъ не встрѣчается слѣдовъ понятія объ этихъ семи высшихъ существахъ Иранцамъ совершенно неизвѣстенъ былъ Брахма. Основной догматъ Зендавесты, дуализмъ добра и зла, чуждъ брахминамъ. Но и въ Зендавестѣ и въ Ведахъ встрѣчаются одинакія божества, а именно: огонь, солнце, мѣсяцъ, земля и вода [1]) Богъ солнца въ Иранѣ и въ Индіи на-

1) *Lassen*: Indische Alterthumsk., I, 517.

зывается Митрой. Можно даже прослѣдить, какъ одно и тоже понятіе, сохранившись неизмѣннымъ у одного народа, приняло противуположный характеръ у другого; такъ напр. добрые боги индійцевъ, *девы* (откуда Θεός, deus), превратились у иранцевъ въ *даевовъ*, *дивовъ*, злыхъ духовъ; высшій изъ Ведическихъ боговъ, богъ лазуреваго неба, укротитель чернокрылыхъ тучъ, Индра сдѣлался богомъ тьмы въ глазахъ иранцевъ, менѣе чѣмъ индійцы имѣвшихъ поводъ быть довольными своимъ небомъ. Но изъ всѣхъ индо-иранскихъ преданій, относящихся къ самой глуби доисторическихъ временъ, безъ сомнѣнія самыя замѣчательныя относятся къ иранскому Іимѣ и къ индійскому Іамѣ.

Согласно древнѣйшимъ понятіямъ арійцевъ, боги укрѣпляются въ силахъ, побуждаются къ дѣятельности и тогда только благодатно вмѣшиваются въ дѣла смертныхъ, когда вкусятъ сокъ растенія *сома* (инд.) или *гаома* (зенд.), особымъ образомъ приготовленный. Эта божественная пища напоминаетъ собою амброзію и нектаръ греческаго Олимпа, но въ древнѣйшей арійской миѳологіи играла она гораздо значительнѣйшую роль. *Сома* или *гаома* сама представлялась въ видѣ бога, дарующаго жизнь, силу мышцамъ и здравіе мышленію; это есть, если можно только такъ выразиться, богъ энергіи физической и моральной. Согласно сказанію Зендавесты, первый добывшій сокъ изъ гаомы и принесшій его въ жертву богамъ, былъ Вивангватъ [1]). Въ награду за то родился ему сынъ Іима, лучезарный и достославный повелитель людей. Зендавеста не поясняетъ, кто былъ Вивангватъ. Въ Ведахъ говорится о Вивасватѣ, у котораго родился сынъ Іама [2]). Очевидно тождество Вивангвата съ Вивасватой, Іимы съ Іамой. Индійская миѳологія объясняетъ намъ и значеніе имени Вивасватъ, которое употребляется въ видѣ эпитета для *солнца*, въ значеніи

1) *Yaçna*, IX, 4. 5. trad. par. *Burnouf*. Journ. Asiatique. 1844—46.
2) Natus, ed Bopp., p. 203; *Lassen*: Ind. Alterthumskunde, I, 518.

всевидящаго и всепроницающаго. Солнце есть вмѣстѣ съ тѣмъ всепроизводящее и всепитающее начало. Миѳическая связь между Вивангватомъ и гаомой, между солнцемъ и міровою энергіей становится ясною.

Іима есть олицетвореніе благополучія рода человѣческаго [1]) Въ чемъ заключается это благополучіе? Это тайна, которую тщетно силится разрѣшить родъ человѣческій въ продолженіе тысячелѣтій; много слезъ, много страданій стоило ему одно лишь стремленіе разрѣшить таковую тайну! Эта тайна занимала умы арійцевъ еще въ доисторическія времена: въ миѳѣ Іимы отразились понятія ихъ объ этомъ вопросѣ.

Въ Вендидадѣ повѣствуется, что Ахура-Мазда предложилъ Іимѣ быть провозвѣстникомъ святой воли его на землѣ, но Іима не чувствовалъ въ себѣ потребной для того силы. Тогда Ахура-Мазда предложилъ ему, для счастія людей, оплодотворить и расширить землю, хранить ее и царить надъ нею. Это принялъ на себя Іима, но на условіи, чтобы въ царствѣ его не дули ни холодные, ни жаркіе вѣтры, чтобы ни болѣзнь, ни смерть не касались людей, чтобы ему дана была сила разрушать козни злыхъ духовъ. На все это согласился Ахура-Мазда и вручилъ Іимѣ золотой плугъ и золотой посохъ, символы земледѣлія и скотоводства. Наступаетъ золотой вѣкъ на землѣ: вѣкъ изобилія, мирной дѣятельности, полной покорности природы человѣку, который наслаждается земными радостями съ дѣтскимъ простодушіемъ, не стѣсненный никакими условно-созданными религіозными обязанностями: его религія есть свободный пантеизмъ, преисполненное любовью созерцаніе природы. Люди и всѣ твари множатся, имъ становится тѣсно на землѣ, тогда Іима идетъ къ полудню, на встрѣчу солнцу, и пронзаетъ землю золотымъ копіемъ своимъ и говоритъ ей кротко:

1) *Westergaard*: Beitrag zur altiranischen Mythologie, пер. Шпигеля въ *Weber's* Indische Studien, 1855, III, 402.

«святая, покорная земля-кормилица всего живущаго, раздайся по слову моему». И земля раздалась на одну треть, и потомъ еще на одну треть и, наконецъ, еще на одну треть, такъ что всѣмъ живымъ тварямъ сдѣлалось просторно. И Ахура-Мазда повелѣлъ Іимѣ насадить *садъ*, огороженный тыномъ четыреугольно, для жительства людей, отличныхъ по красотѣ и добродѣтелямъ своимъ; въ садъ этотъ перенести сѣмена всѣхъ благоуханныхъ деревъ и растеній, всѣхъ приносящихъ сладчайшіе плоды; и по парѣ отъ всѣхъ птицъ и отъ всѣхъ скотовъ, полезныхъ человѣку. И Іима исполнилъ все по слову Ахура-Мазды, и праведники вели блаженную жизнь въ этомъ саду, годъ шелъ у нихъ за день, черезъ каждые сорокъ лѣтъ отъ каждой четы людей и отъ каждой пары скотовъ рожались двойни. Такъ и посреди общаго благоденствія рода человѣческаго существовало еще избранное блаженное мѣсто для праведниковъ, подобно тому какъ въ библейскомъ Едемѣ былъ *садъ* на восточномъ концѣ его.

Преданіе объ Іимѣ пустило глубокіе корни въ цѣломъ иранскомъ мірѣ и сохранилось въ позднѣйшихъ легендахъ, гдѣ онъ уже является въ измѣненномъ видѣ и подъ именемъ Джемшида. Впрочемъ названіе Джемшидъ прямо производится изъ зендскаго Іима-Кшаета (царь Іима), подобно тому, какъ названіе Хуршидъ произошло отъ зендскаго Хваре-Кшаета [1]). Образъ, въ которомъ люди представляютъ высочайшее благополучіе, явственно отражаетъ въ себѣ то, чѣмъ дѣйствительно опредѣляется главное направленіе ихъ дѣятельности. Въ этомъ отношеніи миѳъ Іимы доставляетъ намъ указанія на нравственный бытъ древнѣйшихъ иранскихъ арійцевъ. Іима отъ Ахура-Мадзы получаетъ не мечъ и не вѣнецъ, не принадлежности насилія или тщеславія, а плугъ и посохъ, символы мирной дѣятельности; Іима не строитъ столбовъ, ни пирамидъ, не обращаетъ людей въ рабовъ-тружениковъ убѣж-

1) *Lassen*: Indische Alterthumsk. I,517.

деніемъ, что такъ надобно, «*да сотворимъ себѣ имя*», онъ трудится лишь для того, чтобы всѣмъ было равно хорошо жить на землѣ. Конечно, нельзя отвергнуть, что многосложное законодательство служитъ доказательствомъ запутанности и противурѣчивости отношеній между людьми, что оно доказываетъ несовершенства человѣческихъ обществъ. Въ иранской утопіи нѣтъ вовсе законовъ; Іима не законодатель, онъ даже не считаетъ возможнымъ распространить какую-либо религію между людьми; вся дѣятельность его направлена къ противудѣйствію явленіямъ природы, враждебнымъ человѣку, къ тому, чтобы упрочить союзъ любви между человѣкомъ и землею. Во всемъ этомъ проявляются коренныя черты арійскаго характера: глубокое врожденное чувство нравственнаго долга, сознаніе правъ каждаго на участіе въ пользованіи земными благами, независимость мысли, стремленіе къ цѣли ясной, ощутительно-полезной. Это не суть завоеватели-хищники, не безсмысленное стадо, идущее на убой, чтобы потѣшить тщеславіе царя-быка-бога Навуходоносора, не жалкіе идіоты, отуманенные суевѣріемъ, искуственно-распространеннымъ привиллегированными кастами. Таковымъ здравымъ развитіемъ коренныхъ духовныхъ началъ, арійскіе иранцы, конечно, обязаны были особымъ условіямъ мѣстности иранскаго плоскогорія, побуждающимъ къ дѣятельности практической, отвлекающимъ отъ безплоднаго исключительно-идеальнаго направленія, въ которое впали индійскіе арійцы. У послѣднихъ миѳъ Іимы принялъ особый характеръ. Съ ихъ Іамой также связана мысль о золотомъ вѣкѣ, о безмятежномъ благоденствіи человѣческомъ [1]). Но индусу малыми кажутся земныя радости; мимолетность помрачаетъ всю прелесть ихъ; лишь за предѣлами гроба, въ тихой свѣтлой сторонѣ, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни воздыханія, тамъ лишь можетъ быть неизмѣнное блаженство и тамъ судитъ и рядитъ Іама. Устройство человѣ-

1) *Westergaard* въ *Weber's* Indische Studien III, 410.

ческаго общества въ здѣшней преходящей жизни выпало на долю второго сына Солнца-Вивасваты, прародителя всѣхъ людей, законодателя Ману.

Дальнѣйшее развитіе иранскаго миѳа о Іимѣ [1]) показываетъ непрочность благополучія, заключеннаго лишь въ предѣлахъ земной жизни, основаннаго на одной лишь врожденной въ человѣкѣ склонности къ добру. Какъ мы выше сказали, Іима отказался возвѣстить людямъ истинное богопознаніе, надѣясь безъ его пособія устроить ихъ благоденствіе. Ложь смутила, впослѣдствіи, чистоту мыслей Іимы и лучезарное счастіе отлетѣло отъ него въ видѣ птички. Скорбь овладѣла Іимой, и пригнула его къ землѣ. Митра, богъ свѣта, останавливаетъ упорхнувшее счастіе и возвращаетъ его Іимѣ и роду человѣческому: дневной свѣтъ разгоняетъ сгустившуюся надъ землей тьму. Но и во второй и въ третій разъ счастіе упорхаетъ отъ Іимы, въ мысли котораго, противъ воли его, проникаетъ ложь. Трастаона, сынъ Атбіи (Трита сынъ Ахтіи, согласно индійскимъ преданіямъ, воздушный богъ) поражаетъ змія *азхи*, индійскаго *агхи* (ahi), что въ переносномъ смыслѣ означаетъ черныя густыя тучи, производящія опустошительные ливни. Трита побѣждаетъ *агхи* съ помощью Индры, бога лазурнаго неба, но *дева Индра* въ понятіяхъ иранцевъ облеченъ злокачественнымъ характеромъ и ихъ Трастаона борется съ зміемъ *азхи* одинъ. Громовыя тучи въ Ведахъ называются *вритра* и Индра именуется *Вритраганъ*, тучепобѣдитель. Этотъ частный смыслъ утратился для иранцевъ, но самое слово вынесли они изъ общей арійской родины, съ общимъ смысломъ побѣдителя,—въ видѣ Веретрагна, откуда позднѣе образовался Бехрамъ. Трастаона возвращаетъ счастіе Іимѣ и роду человѣческому, но не на долго. Потомъ, сыновья цѣлителя Тхриты (изъ поколѣнія Самовъ «успокоители»), утѣшитель Урвакшаія и

1) Zemyad-yasht, VII, 283 der Westergaardschen Ausgabe.

воитель Кересаспа выручают Іиму и родъ человѣческій изъ бѣды. Кересаспа умерщвляетъ змія Сруварy, изъ котораго истекалъ ядъ, губившій людей и весь родъ человѣческій.

Мы начинаемъ проникать въ таинственный смыслъ миѳическаго языка коренныхъ арійцевъ. Сравненіе арійскихъ миѳовъ съ симитическими бросаетъ яркій свѣтъ на духовныя различія обѣихъ расъ. Въ глазахъ симитовъ Богъ пребываетъ внѣ міра; изъ ничего созидаетъ онъ міръ и видитъ *яко добро* есть. Но таковое видѣніе осталось недоступнымъ симиту; книга природы для него не раскрылась. «И предалъ я сердце мое тому, чтобъ изслѣдовать и испытать мудростію все, что дѣлается подъ небомъ: это тяжелое занятіе далъ Богъ сынамъ человѣческимъ, чтобы они упражнялись въ немъ. Видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ, и вотъ, все суета и томленіе духа!... И кто умножаетъ познанія, умножаетъ скорбь [1]). Поэтому симитскіе миѳы совершенно чужды явленіямъ природы: они представляются въ формѣ генеалогій, гдѣ расы, народы, государства олицетворяются въ видѣ отдѣльныхъ людей. Въ глазахъ коренныхъ арійцевъ, напротивъ, явленія природы производятся не богомъ и даже не богами; сами эти явленія были боги; такъ напр. нельзя сказать, чтобы въ понятіяхъ ихъ существовалъ богъ огня, но существовалъ богъ-огонь, дева-агни. Съ трепетомъ и любовью взирали они на борьбу стихій, на борьбу боговъ, съ исходомъ которой такъ тѣсно связано было ихъ благосостояніе. Первоначальная миѳическая исторія арійцевъ изображаетъ отношенія человѣка къ природѣ, этимологическій разборъ именъ древнихъ арійскихъ боговъ и героевъ обнаруживаетъ, что подъ именами этими олицетворяются природные дѣйствователи. Конечно, казалось бы, что таковая исторія, изображая собою явленія, постоянно, почти въ неизмѣнно-однообразномъ порядкѣ возобновляющіяся, не можетъ представлять ни-

1) Екклезіаста, I. 13—18.

какого поступательнаго движенія, никакого характера развитія. Но при всей неизмѣнности природныхъ дѣйствователей, отношенія къ нимъ человѣка измѣняются; на различныхъ ступеняхъ личнаго развитія, человѣкъ различно подчиненъ однимъ и тѣмъ же дѣйствователямъ природы. Въ миѳѣ Іимы находимъ мы изображеніе того состоянія, когда арійцы, безъ установившагося гражданскаго порядка, безъ установившейся религіи, въ видѣ мирныхъ земледѣльцевъ-пастырей, успѣваютъ поставить себя въ благопріятное положеніе къ природѣ. Это благопріятное положеніе безпрестанно нарушается; семейное благосостояніе ищетъ для себя болѣе широкой основы, гражданскаго устройства; послѣднее вырабатывается постепенно, безъ насильства, безъ потрясеній, безъ завоеваній; въ Индіи *гопа* (скотники) превращаются въ царей; на сѣверо-восточной окраинѣ Ирана возникаютъ царства, которыхъ сила проявляется не въ завоеваніяхъ, а въ противупоставленіи отпора западнымъ завоевателямъ и восточнымъ туранскимъ хищникамъ. Заратустра приходитъ не затѣмъ, чтобы проповѣдывать новую религію, а чтобы закрѣпить постояннымъ религіознымъ кодексомъ существующій уже порядокъ. Миѳъ Іимы, не успѣвшаго упрочить счастія на землѣ, безъ сообщенія людямъ истиннаго богопознанія, объясняетъ необходимость священной обязанности, которую принялъ на себя Заратустра.

Эти миѳы, возникшіе въ самой колыбели расы арійскихъ народовъ, прошли черезъ длинный рядъ вѣковъ; между тѣмъ, поколѣнія смѣнялись поколѣніями, сыновьямъ странными становились понятія отцовъ, внукамъ дѣлались они уже малопонятными, правнукамъ непонятными. Древніе языки постепенно перерождались, значеніе именъ миѳическихъ боговъ и героевъ затмѣвалось, чему способствовало и естественное искаженіе ихъ въ разговорномъ языкѣ. Этимъ преданіямъ, столь живучимъ, когда все ихъ породившее давно уже умерло, надобно было придать какой либо общедоступный смыслъ, изъ нихъ составили древнѣйшую басно-

словную иранскую исторію, исторію династіи Пишдадовъ (по зендски Парадатовъ, что значитъ первосозданныхъ). Первобытные арійцы одушевили природныхъ дѣятелей и придали имъ характеръ божественный; въ понятіяхъ позднѣйшихъ иранцевъ эти природные дѣятели преобразовались въ земныхъ царей и героевъ. Іима превратился въ царя Джемшида, который царствовалъ 700 лѣтъ. Джемшидъ научилъ людей ковать, ткать, строиться, лечиться; онъ раздѣлилъ ихъ на жрецовъ, воиновъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Триста лѣтъ ни скорбь, ни смерть не проникали въ царство Джемшида, но неизмѣнное счастіе сдѣлало его высокомѣрнымъ: онъ провозгласилъ себя богомъ. За таковое нечестіе, онъ былъ побѣжденъ завоевателемъ Зогакомъ (Азгхи-дахакъ=змій-губитель) и погибъ въ истязаніяхъ. Зогакъ въ иранскомъ мірѣ до сихъ поръ служитъ олицетвореніемъ тиранніи и жестокости. Къ плечамъ его приросли двѣ змѣи, которыя питались мозгомъ приносимыхъ имъ ежедневно въ жертву людей. Отъ этого царя чудовища освободилъ страну свою юный Феридунъ сынъ Абтина (Трастаона сынъ Атбіи, воздушный богъ, побѣдитель змія *азгхи*=громовой тучи). Далѣе въ исторіи Пишдадовъ играетъ первенствующую роль потомство мудраго царедворца Сама (Самъ=успокоитель, отецъ Тхриты). Мы считаемъ излишнимъ продолжать таковыя сближенія; сказаннаго достаточно для убѣжденія въ томъ, что вся исторія первой иранской династіи есть не что иное, какъ произвольная передѣлка древнѣйшихъ обще-арійскихъ миѳовъ, сдѣлавшихся непонятными иранцамъ. Можно считать, конечно, съ большою степенью вѣроятія, эти миѳы за коренное достояніе всѣхъ арійскихъ народовъ и въ этомъ отношеніи заслуживаютъ они величайшаго вниманія; но каждый народъ имѣетъ возможность передѣлывать ихъ впослѣдствіи времени самостоятельно. Если же гдѣ, не на иранской почвѣ, встрѣчаемъ мы иранскую передѣлку, тамъ очевидно обнаруживаетъ она позднѣйшее заимствованіе чуждаго родовому наслѣдству преданій. Если въ какой

либо не иранской исторіи встрѣтимъ мы Зогака или Феридуна, то это послужитъ доказательствомъ, что историкъ или лѣтописецъ пользовался иранскими источниками, за неимѣніемъ туземныхъ или, быть можетъ, за неумѣніемъ разобрать таковые.

Все вышесказанное, какъ мы полагаемъ, не позволяетъ сомнѣваться, что арійское народонаселеніе Индустана и Иранскаго плоскогорья разошлось изъ одного общаго центра. Выраженію «общій центръ», конечно, не должно придавать тѣснаго или опредѣлительнаго значенія; за общую родину всѣхъ арійцевъ мы можемъ принимать обширную горную полосу, тянущуюся къ сѣверу отъ Гинду-ку, по обѣ стороны Болуръ-дага (Иммауса), откуда берутъ начало свое Оксусъ (Аму-Дарья) и Яксартесъ (Сыръ-Дарья). Быть можетъ эта страна первобытныхъ арійцевъ, Айріано-Ваеджо, тянулась еще гораздо далѣе на сѣверо-востокъ, въ землю занимаемую нынѣ Большою Киргизскою Ордою, между озерами Балхашъ и Иссыкъ-куль. Во всякомъ случаѣ, разселеніе арійцевъ вдоль сѣверной окраины Иранскаго плоскогорья происходило по направленію отъ востока къ западу. Судя по нравственнымъ качествамъ ихъ, столь ясно отражающимся въ ихъ миѳахъ, разселеніе происходило мирно, безъ завоеваній, безъ потрясеній. Первые выходцы подавались постепенно къ западу, уступая ровному, спокойному напору множившагося народонаселенія, искавшаго себѣ простора. Таковое мирное разселеніе находится обыкновенно въ тѣсной зависимости отъ условій мѣстности. Человѣкъ, конечно, можетъ жить во всѣхъ странахъ, во всѣхъ климатахъ, но въ каждой странѣ его привычки, его образъ жизни должны быть приноровлены къ мѣстнымъ физическимъ условіямъ. Рѣзкіе переходы отъ однихъ привычекъ къ другимъ, отъ одного образа жизни къ другому, всегда отзываются болѣзненно; къ таковымъ рѣзкимъ переходамъ человѣкъ чувствуетъ непреодолимое отвращеніе. Въ каждой странѣ акклиматизированіе пришельцевъ требуетъ много времени и тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе подготовлено оно

предшествовавшими малочувствительными переходами. При этомъ воспоминаніе о прошедшемъ такъ дорого человѣку, что будущее не можетъ казаться ему привлекательнымъ, если ничѣмъ не связано съ прошедшимъ, если не составляетъ продолженія его, быть можетъ исправленнаго, усовершенствованнаго, но всетаки продолженія. Съ новой страной тѣмъ болѣе мы свыкаемся, чѣмъ болѣе напоминаетъ она намъ покинутую родину, чѣмъ легче представляется въ видѣ ея продолженія: тогда намъ кажется, что мы все еще дома. Люди охотнѣе селятся вдоль одной и той же рѣки; вдоль долины, гдѣ родились они, гдѣ жили отцы ихъ. Съ гребня окраины, въ противуположную сторону, открывается уже горизонтъ чуждый, непривычный. Таковыя впечатлѣнія, конечно, особенно сильно дѣйствуютъ на младенчествующіе народы, живо сочувствующіе природѣ и тѣсно подчиненные ея условіямъ. Только искусственно возбужденный взрывъ фанатизма или хищничества можетъ заставить ихъ отклониться отъ путей, начертанныхъ природой для ихъ переселеній. Но таковыя случайности, какъ по всему можно заключить, не смущали спокойнаго движенія иранскихъ арійцевъ отъ востока къ западу, отъ Аракса (Яксарта) восточнаго, туранскаго до Аракса армянскаго.

Отсюда видно, что направленія горныхъ хребтовъ и направленія рѣчныхъ долинъ должны были производить господствующее вліяніе на направленія разселенія младенчествующаго человѣчества. Очевидно также, что на судьбу и на дальнѣйшее развитіе разселяющагося человѣчества должно было оказывать рѣшительное вліяніе направленіе, принятое естественною путеводною линіей разселенія. Если линія эта тянется отъ сѣвера къ югу или наоборотъ, т. е. вообще по меридіанальному направленію, то она должна переходить черезъ различныя зоны, черезъ всѣ разнообразія климатовъ холоднаго, умѣреннаго и жаркаго, черезъ всѣ разнообразія распредѣленія дня и ночи. При таковыхъ условіяхъ переселенцы почти на каждомъ шагу подчиняются новымъ усло-

віямъ жизни, акклиматизированіе представляетъ трудно-преодолимыя препятствія и тѣмъ труднѣйшія, чѣмъ на низшей степени культуры стоятъ переселенцы. Это обстоятельство должно весьма значительно замедлять ходъ разселенія. Но если, не смотря на то, мы предположимъ, что таковая линія, проходящая черезъ всѣ разнообразія климатовъ, заселилась одною и тою же расою, то во всякомъ случаѣ единство расы утрачивается, внутренняя связь ея разрушается и разъединенно развивающіяся силы, безъ взаимной поддержки, подвергаются преждевременному упадку. Убѣдительный примѣръ въ томъ представляютъ собою индійскіе арійцы, которыхъ разселеніе провело отъ холоднаго Бадахшана и Кабула до жаркаго Бенгала: развитіе индусовъ получило черезъ это слишкомъ одинокій, оторванный характеръ, они сдѣлались чуждыми міровой дѣятельности, чуждыми своимъ арійскимъ братьямъ; брахманизмъ не могъ никогда утвердиться ни въ Кабулѣ, ни даже въ Пенджабѣ. Повторимъ еще разъ, что, конечно, человѣкъ можетъ жить во всѣхъ климатахъ и при всякихъ условіяхъ физическихъ; но таковую космополитическую способность пріобрѣтаетъ онъ лишь находясь на весьма высокой ступени культуры, какъ напр. нынѣшній европеецъ, стоящій во главѣ просвѣщенія. Для младенчествующаго человѣчества климатическое разъединеніе влечетъ за собою разъединеніе развитія, разорванность, общую слабость, безпомощность.

Эти общія разсужденія открываютъ передъ нами характеристическія особенности, представляемыя линіей разселенія, тянущеюся вдоль сѣверной окраины Иранскаго плоскогорія отъ верховьевъ Оксуса къ Закавказью. Линія эта тянется почти прямо отъ востока къ западу подъ параллелями умѣреннаго климата 36—40° с. ш. Разселяясь по ней, арійцы дѣйствительно какъ бы не покидали своего отечества, они только шли далѣе и далѣе по продолженію его къ западу. Мы выше сказали, что полоса эта есть полоса рѣзкихъ противуположностей, но противуположностей

встрѣчающихся постоянно, однообразно, какъ день и ночь: съ таковыми условіями человѣкъ легко можетъ свыкнуться. Эти противуположности выражаются жизнью кочевой и жизнью осѣдлой, скотоводствомъ и земледѣліемъ. Чтобы разселеніе могло производиться постоянно, спокойно, безъ потрясеній, безъ внѣшняго насильства, необходимо, чтобы разселяющееся племя вело кочевую жизнь. Таковой примѣръ кочевой жизни, сопряженной съ разселеніемъ по одному постоянному направленію, находимъ мы въ исторіи праотцевъ еврейскаго народа, которые въ теченіи многихъ вѣковъ постепенно подвигались отъ озера Вана къ Ханаану, и въ теченіи этого длиннаго періода времени перешли не болѣе какъ около 1200 верстъ. Но праотцы Авраама и первые еврейскіе патріархи вели чисто-кочевую жизнь: нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы они занимались земледѣліемъ. Арійцевъ никогда не застаемъ мы въ таковомъ чисто-кочевомъ состояніи; въ самыхъ разъединенныхъ арійскихъ языкахъ встрѣчается общее слово для сѣемаго хлѣба, хотя слово это у различныхъ народовъ служитъ для обозначенія различнаго рода хлѣба: *ява* (санскр.) жито, *яваи* (литов.) рожь, avena (лат.) овесъ, gav (перс.) Haber, Hafer [1]). Таковое общеарійское слово для обозначенія хлѣбныхъ породъ встрѣчается только одно, изъ чего можно заключить, что, при началѣ разселенія арійцевъ, земледѣліе существовало въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Глаголъ *пахать* выражается однимъ словомъ у европейскихъ арійцевъ и другимъ у азіятскихъ: ἀροῦν, arare, aran (др. герм.), орати, ar-ti литов.; и *кришъ* санскр., *керешъ* зенд. Между тѣмъ, имена большей части домашнихъ животныхъ сходны во всѣхъ арійскихъ языкахъ. Земледѣліе, въ видѣ второстепеннаго занятія, совмѣстно съ кочевой жизнью. При малочисленности первоначальнаго народонаселенія и при ограниченности посѣвовъ, легко было находить удобную землю; обработка ея не требовала

1) *Lassen*: Indische Alterthumsk., I, 247, 531, 814.

ни большихъ трудовъ, ни много времени, человѣкъ не привязывался къ своему полю и безъ сожалѣнія покидалъ его въ увѣренности скоро пріискать новое, по близости новыхъ пастбищныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ арійцы, перекочевывая къ западу, не теряли совершенно привычки къ земледѣлію, вынесенной ими изъ первоначальной родины.

Весьма естественно также предположить, что при этомъ спокойномъ, ничѣмъ невозмущаемомъ движеніи потока арійской расы къ западу, одна волна не обгоняла другой; поколѣнія, позднѣе вышедшія изъ средней Азіи, не прорѣзывали тѣхъ, которыя вышли прежде, не опережали ихъ, такъ что вообще можемъ мы заключить, что, чѣмъ далѣе къ западу исторія застаетъ арійское народонаселеніе, тѣмъ ранѣе выступило оно въ путь. Отсюда очевидно, что чѣмъ далѣе вглубь обще-арійской жизни можетъ проникнуть наше знаніе, тѣмъ болѣе данныхъ пріобрѣтаемъ мы для составленія понятія объ удалившихся къ западу арійцахъ. Зендавеста возникла на восточной оконечности сѣверной окраины Иранскаго плоскогорія и возникла посреди народа осѣдлаго, соединеннаго въ твердое политическое общество; требовалось много времени, чтобы оно могло закрѣпнуть въ той формѣ, въ которой представляетъ намъ его Зендавеста. Таковое общество, само собою разумѣется, обладаетъ уже значительною степенью непроницаемости, оно должно было загородить собою путь къ западу для дальнѣйшаго прилива переселенцевъ съ востока. Но въ то же время, ставъ на точку зрѣнія Зендавесты и оттуда бросивъ взглядъ къ западу, мы находимъ арійскую расу разселившеюся уже такъ далеко, какъ только можетъ проникнуть взоръ нашъ. Отсюда видно, что все это арійское народонаселеніе, западное въ отношеніи къ Бактріи, совершило свое передвиженіе въ то время, когда на берегахъ Оксуса не возникъ еще порядокъ вещей, который Заратустра надѣялся завершить своимъ ученіемъ. Итакъ не въ ученіи Зороастровомъ должны мы искать объясненія жизни западныхъ

арійцевъ, которые были чужды ему или породнились съ нимъ только въ позднѣйшія времена; таковыя объясненія кроются въ тѣхъ коренныхъ арійскихъ преданіяхъ, которыя тускло отсвѣчиваются въ Зендавестѣ и гораздо яснѣе въ древнѣйшихъ Ведахъ: золотой вѣкъ Іимы, пантеизмъ вмѣсто религіознаго кодекса, личная свобода каждаго, отсутствіе гражданскаго порядка, охраняемое врожденнымъ чувствомъ нравственности отъ бѣдствій анархіи, удаленіе отъ хищническаго духа завоеваній, склонность къ мирнымъ занятіямъ, высоко-развитая семейная жизнь.

Легко также догадаться, что *застой* въ ровномъ, непрерывномъ и спокойномъ разселеніи арійцевъ долженъ былъ первоначально возникнуть на западѣ. Мидійскимъ перешейкомъ (между Каспійскимъ моремъ и Персидскимъ заливомъ) оканчивается великій, однообразный въ постоянномъ разнообразіи своемъ, типъ рельефа земной поверхности, называемый Иранскимъ плоскогоріемъ. Далѣе типъ этотъ разнообразится, дробится на множество отдѣльныхъ типовъ, которые, усложняя вліяніе природы на человѣка, умножаютъ формы проявленій народностей. За предѣлами Мидійскаго перешейка арійцы подчиняются новымъ условіямъ жизни, несходнымъ съ тѣми, которыя сопутствовали имъ въ долгомъ ихъ странствованіи отъ предѣловъ первоначальной ихъ родины, отъ миѳической блаженной страны Айріано-Ваеджо. Здѣсь, на Мидійскомъ перешейкѣ, сталкиваются они съ чуждыми имъ расами, съ симитской и съ кушитской. Это столкновеніе не могло не быть враждебнымъ. Мирные пастыри, свободно-мыслящіе пантеисты, чуждые всякихъ узъ религіозныхъ и политическихъ, очутились лицомъ къ лицу съ симито-кушитами, торговцами, завоевателями, горожанами, изувѣрами, пропитанными гнилью давно уже умершаго просвѣщенія, котораго здравое развитіе, если только оно когда либо было, скрыто отъ насъ въ глуби вѣковъ и которое, во всякомъ случаѣ, основано было на началахъ, несвойственныхъ коренному духовному арійскому міру. Когда началось это столкнове-

ніе арійцевъ съ симито-кушитами, какъ происходило оно, намъ неизвѣстно. Въ сумракѣ вѣковъ мерцаетъ передъ нами одинъ изъ эпизодовъ этого столкновенія, который мы не можемъ не считать однако однимъ изъ относительно-позднѣйшихъ. Библія повѣствуетъ намъ о послѣднемъ переселеніи симитскаго племени съ западной окраины Иранскаго плоскогорія на равнины Месопотаміи и Сиріи, гдѣ уже находитъ оно неизвѣстно когда, но задолго ранѣе, переселившихся симитовъ, успѣвшихъ освоиться съ кушитскою культурою: это есть переселеніе Авраама и предковъ его изъ Арфаксада въ Ханаанъ. Быть можетъ переселеніе это произошло отчасти вслѣдствіе напора арійцевъ съ востока. Во всякомъ случаѣ находимъ мы, что на симитовъ, жившихъ около Мертваго моря, нападаютъ соединенными силами цари и порабощаютъ ихъ; плѣненію отъ нашельцевъ подвергается и племянникъ Авраамовъ Лотъ, жившій въ Содомѣ; Авраамъ вооруженною рукою выручаетъ его изъ бѣды. Имена этихъ царей-нашельцевъ сохранила для насъ библія: имена эти суть несомнѣнно-арійскія [1]). Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ арійцевъ, уже за 2000 лѣтъ въ борьбѣ съ симитами въ западной Азіи, и все заставляетъ насъ думать, что борьба эта началась еще гораздо ранѣе. Итакъ, за несомнѣнный хронологическій выводъ можно принять, что застой или, по крайней мѣрѣ, нарушеніе спокойнаго и мирнаго разселенія арійцевъ къ западу, возникло ранѣе еще, чѣмъ за 2000 лѣтъ до Р. Х. Но, если въ эту эпоху уже мы находимъ арійцевъ въ окрестностяхъ Мертваго моря, то необходимо допустить, что Закавказья достигли они еще многими вѣками прежде. Въ глубочайшей древности театръ положительной исторіи ограничивается Египтомъ и Тигро-Евфратскою равниною; Закавказье и, въ особенности, Армянское плоскогоріе, составляютъ для переселяющихся народовъ крайнее

1) *Kunick* въ Mél. Asiat. de l'Acad. des sciences de St.-Pétersbourg 1852, t. I, 5-me livr. 611—630.

преддверіе исторической почвы. Немудрено, что Кавказъ вообще почитаемъ былъ за колыбель исторіи.

Столкновеніе передовыхъ арійцевъ съ симито-кушитами, конечно, не могло не измѣнить условій переселенія по протяженію цѣлой длинной полосы земли отъ верховьевъ Оксуса и Яксарта до самаго Закавказья. Въ теченіи должны были образоваться водовороты, застои. Съ остановкой въ свободѣ переселенія, осѣдлая жизнь начала развиваться на счетъ кочевой, земледѣліе на счетъ скотоводства; земля, которою, въ продолженіи золотаго вѣка Іимы, люди пользовались также свободно, какъ водою изъ рѣки, земля сдѣлалась собственностью отстаиваемою, оспариваемою. Само собою разумѣется, что этотъ антагонизмъ между жизнію осѣдлой и кочевой преимущественно долженъ былъ проявиться на восточной оконечности сѣверной окраины плоскогорія, куда постоянно силился хлынуть потокъ кочевыхъ племенъ изъ сердца Азіи. Здѣсь осѣдлость должна была возложить на себя броню гражданскаго, искусственно-созданнаго, порядка, укрыть себя эгидой монархической власти; такъ установился порядокъ вещей, по видимому чуждый первоначальнымъ арійцамъ, не знавшимъ ни крови, благородной по преимуществу, ни верховной власти, исходящей изъ мистическихъ, неземныхъ началъ. Возникло на берегахъ Оксуса сильное Бактрійское царство, первое изъ исторически-извѣстныхъ намъ, чисто-арійскихъ царствъ. Для исторіи этого царства имѣемъ мы лишь одну правдоподобную хронологическую цифру, опредѣляющую эпоху паденія его подъ ударами пришедшаго съ запада завоевателя Нина, что случилось въ XIII в. до Р. Х. Какъ мы сказали выше, обстоятельства, подавшія поводъ къ развитію такого порядка вещей на берегахъ Оксуса, по всей вѣроятности заключаются въ столкновеніи иранскихъ арійцевъ съ симито-кушитами, каковое столкновеніе возникло, по крайней мѣрѣ, за двадцать вѣковъ до Р. Х. Итакъ мы можемъ приблизительно положить, что въ теченіе этихъ, почти недоступныхъ для взора исторіи, семи

вѣковъ, болѣе или менѣе успѣшно, болѣе или менѣе быстро, развивалась гражданственность, совершался переходъ отъ семейной жизни къ общественной между иранскими арійцами, на всемъ протяженіи сѣверной окраины Иранскаго плоскогорія отъ верховьевъ Оксуса до Закавказья.

Во всякомъ случаѣ, въ этой области историческихъ гаданій, мы ясно усматриваемъ одно лишь прочно-устроенное политическое тѣло: это есть царство Бактрійское, возникшее на восточной оконечности сѣверной окраины Иранскаго плоскогорія за много вѣковъ до Заратустры, т. е. гораздо ранѣе XIII в. до Р. Х. То, что мы знаемъ изъ Авесты объ этомъ царствѣ и то, что дошло до насъ въ видѣ Шахъ-Наме Фердоуси отъ древнѣйшихъ народныхъ иранскихъ преданій, обнаруживаетъ, что внѣшняя дѣятельность Бактрійскихъ царей сосредоточивалась въ кровавой, вѣковой, неумолимой борьбѣ съ *Тураномъ*. Борьба эта возникла по минованіи золотаго вѣка Іимы. Въ Зендавестѣ разсказывается о царѣ Хусравѣ (послушномъ), воюющемъ съ зміемъ—губителемъ Фрагаршей Туранскимъ. Далѣе Заратустра испрашиваетъ помощь небесную противъ Ареджатаспа—зломыслящаго, врага Кава Вистаспы и готовящагося опустошить страну Иранскую. Въ Шахъ-Наме говорится о царѣ туранскомъ Афразіабѣ (Фрагарисѣ), поработившемъ Иранъ и побѣжденномъ героемъ Рустамомъ; потомъ, повѣствуется, что царь туранскій Арджаспъ (Ареджатаспъ) пошелъ войною на царя иранскаго Гуштаспа (Вистаспу) за то, что послѣдній принялъ ненавистное для Турана ученіе Заратустры; Арджаспъ побѣжденъ, наконецъ, сыномъ царя иранскаго, Исфендіаромъ, которому Заратустра помогалъ своими чарами. Замѣчательно, что Рустамъ, герой Ирана, донынѣ живущій въ народныхъ преданіяхъ, побѣдитель Афразіаба и современникъ Заратустры, прейденъ молчаніемъ въ Зендавестѣ. Повидимому, Рустамъ не хотѣлъ принять ученія Заратустры; онъ даже отложился отъ царя Бактрійскаго, сдѣлался независимымъ въ Седжестанѣ (Саке-

станъ) [1]), части Афганистана вокругъ озера Заре, и умертвилъ на поединкѣ Исфендiара, за что вскорѣ и самъ погибъ плачевною смертiю. Такъ разсказываетъ объ этомъ Фердоуси.

Эти распри между Ираномъ и Тураномъ не были временными, случайными; въ сознанiи народномъ существуетъ вѣковой, непримиримый антагонизмъ между Ираномъ и Тураномъ. Это понятiе выразилось въ Иранскомъ преданiи, которое разсказываетъ Фердоуси. Фридунъ (Трастаона), побѣдитель жестокаго Зогака (Азгхи) и повелитель всей вселенной имѣлъ трехъ сыновей: Селема, Тура и Иреджа, между ними раздѣлилъ онъ землю: Селему далъ западъ, Туру востокъ, середина земли отъ Оксуса до Евфрата, свѣтлый Иранъ, достался Иреджу. Это раздѣленiе земли на востокъ, середину и западъ напоминаетъ симитское раздѣленiе рода человѣческаго на сѣверъ, середину и югъ между Iафетомъ, Симомъ и Хамомъ. Въ глазахъ иранцевъ разселенiе народовъ шло по направленiю отъ востока къ западу, отъ восточнаго Айрiано-Ваеджо къ западному Понтiйскому Кавказу; въ глазахъ симитовъ таковое разселенiе шло отъ сѣвера къ югу, отъ Понтiйскаго Кавказа, отъ высокой страны Араратской, занятой потомствомъ Iафетовымъ, черезъ среднюю полосу, занятую потомствомъ Симовымъ, въ жаркую полосу Ефiопскую, занятую потомствомъ Хамовымъ. Селемъ и Туръ были нечистой крови, происходя по матери отъ окаяннаго Зогака, Иреджъ былъ сынъ дщери Ирана Ирандохтъ. Иреджъ, прекрасный и кроткiй, погибъ отъ рукъ старшихъ братьевъ своихъ. Иранская поэзiя истощила все могущество свое, чтобы возбудить участiе къ умерщвленному Иреджу; оборотную сторону этого участiя составляетъ изступленное ожесточенiе противъ Селема и Тура. Подобнымъ образомъ воспоминанiе о гибели сыновей Гуссейна непрестанно разжигаетъ ненависть шiитовъ къ суннитамъ. Такъ, наконецъ, въ допотопномъ сказанiи

1) *Ritter's* Erdkunde, VIII, 183.

объ умерщвленіи кроткаго «пастыря овецъ» Авеля братомъ его «дѣлателемъ земли» Каиномъ отразилась ненависть кочевыхъ «пастырей овецъ» евреевъ къ осѣдлымъ земледѣльцамъ Хананеямъ.

Эта вѣковая народная ненависть производится не случайными событіями; зародышъ ея обыкновенно лежитъ гораздо глубже, въ разнообразіи и нерѣдко въ противуположности условій строенія и положенія великихъ типовъ земной поверхности. Эти противуположности представляются для простой впечатлительности въ видѣ взаимно-враждебныхъ; эти же самыя противуположности для мышленія, оплодотвореннаго опытомъ и наукою, представляются тѣсно-союзными, взаимно-пополняющимися, такъ какъ лѣвая сторона пополняетъ правую, ночь день, зима лѣто. Въ этихъ коренныхъ противуположностяхъ физическихъ условій строенія земной поверхности должно искать объясненія вѣковаго антагонизма между Ираномъ и Тураномъ, антагонизма, выразившагося наглядно вглуби Средней Азіи, на Оксусѣ и Яксартѣ, но обозначившагося непрерывной, хотя и легко ускользающей отъ невнимательнаго взгляда, чертой на великое разстояніе отъ Средней Азіи по направленію къ сѣверо-западу.

Происхожденіе названія Туранъ до сихъ поръ не объяснено; обыкновенно толкуютъ его въ значеніи чернаго, темнаго, враждебнаго, противуположнаго свѣтлому, пріязненному Ирану. Очертить Туранъ опредѣлительными географическими границами нельзя, и всякая попытка въ этомъ родѣ ведетъ къ искаженному пониманію названія. Въ понятіяхъ иранскихъ арійцевъ Турану придаваемъ былъ такой же неопредѣленный смыслъ, какой придаваемъ былъ въ понятіяхъ грековъ Скиѳіи, Ефіопіи или Ливіи, въ понятіяхъ евреевъ землѣ Араратской, какой придается нашими простолюдинами землѣ заморской, нѣмечинѣ или басурманщинѣ. Даже рубежа между Ираномъ и Тураномъ опредѣлить нельзя, за таковой рубежъ часто принимаемъ былъ Оксусъ, но Согдіана,

Сугда Зендавесты, второе благословенное мѣсто, созданное Ахура-Маздой, хотя и лежитъ по правую сторону Оксуса, но не должно быть причисляемо къ Турану.

Мы уже часто говорили о сѣверной окраинѣ иранскаго плоскогорія, постараемся дать о ея физическихъ свойствахъ нѣсколько болѣе отчетливое понятіе.

Чтобы необъятное для чувствъ нашихъ пространство земной поверхности сдѣлать доступнымъ пониманію и памяти, умъ человѣческій силится отыскать естественныя раздѣленія его, такія раздѣленія, изъ которыхъ каждое заключало бы въ себѣ особый типъ, отличный физическими свойствами своими отъ сосѣднихъ, прилежащихъ къ нему. Таковое раздѣленіе, само собою разумѣется, не должно зависить ни отъ случайности, ни отъ самопроизвола; оно должно быть обозначено чертами, проведенными самой природой. Политика можетъ нарушать таковыя естественныя раздѣленія, но исторія доказываетъ, что таковыя нарушенія никогда не обходятся безнаказанно. Выразимъ мысль нашу яснѣе: нельзя оспаривать, что физическія свойства страны оказываютъ вліяніе на образъ жизни, на направленіе дѣятельности, матеріальной и духовной, на историческое развитіе, или быть можетъ, на неподвижность обитателей. Если какая либо однородная раса подпадаетъ одной таковой категоріи физическихъ условій, то изъ нея образуется отдѣльный народъ, недѣлимый или котораго дѣлить нельзя, не изувѣчивъ его, не совершивъ тяжкаго преступленія противъ всего человѣчества. Если даже нѣсколько особыхъ расъ подпадутъ одинакому вліянію физическихъ условій, то, въ теченіи вѣковъ, разнородныя духовныя начала, подчиняясь однороднымъ внѣшнимъ физическимъ вліяніямъ, приходятъ въ равновѣсіе, образуютъ амальгаму единообразную, не смотря на разнообразіе началъ. Отсюда видно, что дѣлить совокупность земной поверхности на отдѣльныя страны всего разумнѣе можно, соображаясь съ измѣненіями физическихъ вліяній на человѣка. Дѣло заключается

въ томъ, чтобы подмѣтить черты, проведенныя самой природой на земной поверхности и обозначающія таковыя измѣненія. За межевыя черты обыкновенно принимаемы были тѣ, которыя свойствами своими наиболѣе привлекаютъ вниманіе, какъ напр. большія рѣки. Но рѣки нисколько не могутъ разнообразить физическихъ условій береговъ своихъ; если это изрѣдка и случается, какъ напр. на берегахъ Инда, то таковое разнообразіе произведено не рѣкою. Гораздо основательнѣе, казалось бы, принимать за естественные рубежи высокіе горные хребты, но нерѣдко все вліяніе ихъ на людей ограничивается тѣмъ, что они въ большей или меньшей степени затрудняютъ международныя сношенія: во всякомъ случаѣ эти затрудненія преодолѣваются людьми съ теченіемъ времени и вмѣстѣ съ тѣмъ сглаживается вліяніе горныхъ хребтовъ на судьбу рода человѣческаго. Иногда длинные горные хребты спускаются по обѣ стороны равномѣрно или аналогически въ одинаковыя или сродныя, расположенныя по обѣимъ сторонамъ низменности, которыя въ отношеніи другъ къ другу не представляютъ разнообразія физическихъ свойствъ; если горный хребетъ въ таковомъ случаѣ тянется по меридіональному направленію и если, притомъ, онъ удобо-проходимъ, то онъ вовсе не можетъ служить естественнымъ рубежомъ типовъ земной поверхности. Такъ напр. Уральскій хребетъ, который условно принимается за рубежъ между двумя частями свѣта, въ сущности не обозначаетъ никакого раздѣленія земной поверхности, которая представляетъ совершенно одинаковыя условія по обѣ стороны его: даже искуственно-созданное раздѣленіе на губерніи не подчиняется вліянію Урала, такъ напр. Пермская губернія распространяется по обѣ стороны его, слѣдовательно, лежитъ въ двухъ частяхъ свѣта. Распредѣленіе теплоты и свѣта, имѣющее первенствующее вліяніе на условія жизни, зависитъ отъ широты мѣста и измѣняется собственно съ каждымъ шагомъ, приближающимъ къ экватору или къ одному изъ полюсовъ, но таковое измѣненіе, если принимать

въ соображеніе только широту, происходитъ нечувствительными переходами, безъ перерывовъ, безъ замѣтныхъ рубежей. Математическое раздѣленіе земной поверхности параллельными экватору кругами, арктическимъ, антарктическимъ, тропическими, раздѣленіе ея на поясы холодный, умѣренный и жаркій, даетъ намъ искусственную, опредѣленную мѣру для того, что само по себѣ неизмѣримо, такъ какъ дѣйствительное очертаніе разнообразныхъ типовъ, составляющихъ земную поверхность, не представляетъ собою ни математическихъ, очерченныхъ прямыми линіями, фигуръ или геометрически устроенныхъ пространствъ, ни рядовъ прямыхъ линій, ни точекъ [1]). Въ сущности, раздѣленія земной поверхности параллельными экватору кругами показываютъ *опредѣлительно* лишь измѣненія распредѣленій свѣта, слѣдовательно, лишь одинъ изъ элементовъ, обусловливающихъ жизнь человѣка на землѣ.

Но теплота, притокъ жизненнаго начала для всего живущаго на землѣ, обусловливается, кромѣ широты, разстояніемъ каждаго пункта отъ центра земнаго шара или, проще сказать, высотою каждаго пункта надъ уровнемъ океана, который можемъ мы принимать за однообразный. Измѣненія таковой высоты вообще ничтожны въ сравненіи съ радіусомъ земнаго шара. Высочайшая гора на землѣ, Эверестъ (на Гималайскомъ хребтѣ) имѣетъ 29000 футовъ надъ уровнемъ океана, но эта высота въ отношеніи къ радіусу земли представляется въ содержаніи, какъ 6:4000. Таковые исполины земледанія сильно приковываютъ къ себѣ вниманіе человѣка, но на условія жизни его не оказываютъ никакого вліянія. Такъ человѣкъ любуется звѣздами и еще думаетъ найти въ нихъ таинственное соотношеніе съ своей судьбою! Если мы ограничимся оболочкой земнаго шара, въ которой живутъ всѣ органическія существа, т. е. оболочкой, заключающейся между дномъ

1) Землевѣдѣніе Азіи *Риттера,* пер. П. Семенова, часть 1, стр. 139 и 140.

океана и предѣлами вѣчныхъ снѣговъ, то разности разстояній каждой точки отъ уровня океана должны намъ представиться еще болѣе ничтожными. Но для условій жизни эти разности такъ важны [1], „что возвышенія уровня, напримѣръ, на 350 футовъ, „что составляетъ только высоту многихъ изъ нашихъ публичныхъ „зданій, достаточно, чтобы понизить среднюю температуру того „мѣста почти на цѣлый градусъ стоградуснаго термометра; т. е. „это произвело бы такое же точно дѣйствіе, какъ если бы цѣлая „страна была перенесена на шестьдесятъ миль ближе къ полюсу. „Нѣсколько тысячъ футовъ высоты, что составляетъ сущую бездѣ- „лицу въ сравненіи съ массой земнаго шара—совершенно из- „мѣняютъ видъ и характеръ страны. Богатые виноградники, по- „крывающіе берега швейцарскихъ озеръ, не могли бы вовсе су- „ществовать на 1000 или даже на 500 футовъ выше настоящаго „ихъ положенія. Хлѣбопашество и другія занятія жителей прини- „маютъ на этомъ слабомъ возвышеніи уже совершенно иной ха- „рактеръ. Еще тысячу футовъ выше,—и суровость климата не „допускаетъ уже произрастанія фруктовыхъ деревьевъ; остаются „только пастбища, какъ единственное богатство горнаго жителя, „потому что хлѣбопашество уже перестаетъ быть средствомъ его „жизни. Еще немного выше,—и растительность, а съ нею вмѣстѣ и „животныя уже исчезаютъ; и вскорѣ, вмѣсто очаровательныхъ ви- „довъ долинъ, является зрѣлище величественныхъ, но пустынныхъ „странъ вѣчнаго льда и снѣга, гдѣ говоръ и дѣятельность жизни „уступаютъ мѣсто безмолвію мертвой природы“.

Эти общія разсужденія даютъ намъ средство убѣдиться въ томъ, что сопредѣльные Иранъ и Туранъ составляютъ два совершенно несходные типа земной поверхности. Противуположными признали ихъ безсознательно народы, чуждые положительной науки; справедливость таковаго сознанія удостовѣрила положитель-

1) *А. Гюйо:* Земля и человѣкъ, русскій переводъ. (Спб. 1858), стр. 23.

ная наука своими изслѣдованіями. Мы выше говорили о весьма значительномъ возвышеніи нѣкоторыхъ пунктовъ Иранскаго плоскогорія надъ уровнемъ океана; мы сказали также, что уровень плоскогорія не держится на неизмѣнной высотѣ, а вообще падаетъ отъ окраинъ къ внутренности. Самыя низменныя точки должно искать въ окрестностяхъ озера Царе, въ Афганистанѣ, куда текутъ значительнѣйшія рѣки, ниспадающія съ окраины внутрь плоскогорія. Но и высота этихъ немногихъ низменныхъ точекъ не менѣе 2100 футовъ. Среднюю высоту всего Иранскаго плоскогорія нельзя положить менѣе, какъ въ 3500 футовъ надъ поверхностью океана. Нынѣшняя столица Персіи, Тегеранъ, имѣетъ высоту 3762 фута; если оттуда передвинемся на сѣверъ верстъ на 100, то очутимся на берегу Каспійскаго моря, и барометръ покажетъ намъ, что уровень его футовъ на 80 ниже уровня океана. Итакъ Тегеранъ на 3800 футовъ, т. е. слишкомъ на одну версту выше, чѣмъ囀囀囀Решть или Астерабадъ, поднятъ въ воздушной оболочкѣ. Мешхедъ находится почти по серединѣ сѣверной окраины Ирана и, притомъ, тамъ, гдѣ окраина эта имѣетъ наименьшую высоту: высота Мешхеда около 2690 футовъ [1]). Если изъ Мешхеда направимся мы къ сѣверу, къ устью Оксуса въ Аральское море, то достигнемъ уровня, не превыщающаго футовъ 35 надъ поверхностью океана; если отъ Аральскаго моря повернемъ къ сѣверо-западу, къ р. Уралу, то опустимся уже ниже уровня океана, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже ниже уровня Каспійскаго моря (озера Камышъ-Самарскія въ Оренбургской губерніи). Если будемъ продолжать движеніе по направленію къ сѣверо-западу, то замѣтимъ возвышеніе уровня; изъ отрицательнаго перейдетъ онъ въ поло-

1) Карта, приложенная къ III тому сочиненія Гумбольдта Asie centrale. (Paris 1843).

На этой картѣ высота Мешхеда показана въ 415 туазовъ.

Прим. Ред.

жительный, но возрастанія его весьма слабы: въ Саратовѣ достигаетъ онъ 36 ф., въ Казани 54, въ Москвѣ 330; высочайшая точка между Балтійскимъ и Каспійскимъ морями, Попова гора въ Валдайскомъ уѣздѣ имѣетъ 1080 ф., но такая высота составляетъ такое же отдѣльное явленіе на этой безконечной равнинѣ, какъ напр. Демавендъ, имѣющій до 14000 футовъ, на Иранскомъ плоскогоріи. Наконецъ, если мы проведемъ черту изъ Голландіи даже до верховьевъ Иртыша, черту, которая будетъ тянуться на 80° долготы и пересѣчетъ Уральскій хребетъ, то на всемъ протяженіи ея не встрѣтимъ ни одной точки, которой уровень превышалъ бы 1200 или 1300 футовъ, т. е. самыя возвышенныя точки будутъ по крайней мѣрѣ футовъ на 800 ниже дна наибольшаго внутренняго углубленія Иранскаго плоскогорія [1]).

Теперь ясно видно, въ чемъ заключается естественное различіе между Ираномъ и Тураномъ. Иранъ есть *плоскогоріе*, Туранъ *низменность*. Соображая то, что выше сказано было о вліяніи измѣненія уровня на условія жизни, равно какъ и великую разницу среднихъ уровней Ирана и Турана, легко можно заключить, что обитатели Ирана и обитатели Турана подчинены совершенно различнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, что дѣятельность людская на плоскогоріи Иранскомъ несходна съ кипящею у подножія его, на необозримой низменности Туранской.

Сѣверная окраина Иранскаго плоскогорія обозначается цѣпью возвышенностей, которыя огибаютъ южный берегъ Каспійскаго моря и оттуда направляются почти прямо на востокъ, примыкая въ видѣ колоссальнаго Гинду-ку къ великому горному узлу или горному перекрестку Средней Азіи. Легко понять, что эта цѣпь возвышенностей кажется гораздо значительнѣе, если смотрѣть на нее съ низменности Турана, чѣмъ съ плоскогорія Ирана, но вообще она по протяженію своему представляетъ весьма разнооб-

1) *Humboldt*: Asie centrale III, 11.

разный характеръ. Наибольшую высоту имѣетъ она на своихъ оконечностяхъ, т. е. къ югу отъ Каспійскаго моря и близь верховьевъ Оксуса. Въ промежуткѣ т. е. въ Хорасанѣ цѣпь эта мало возвышается надъ Иранскимъ плоскогоріемъ и нерѣдко совершенно прерывается. Здѣсь плоскогоріе ниспадаетъ въ низменность нѣсколькими пологими уступами, представляющими удобства для осѣдлой жизни и потому, прочно заселенными. Такимъ образомъ переходъ съ плоскогорія въ низменность обозначается не какою либо рѣзкою чертою; Иранъ постепенно переходитъ въ Туранъ; но эта легкость перехода, нисколько не примиряя противуположныхъ элементовъ обѣихъ странъ, только способствуетъ ихъ взаимному враждебному столкновенію. Хорасанъ испоконъ вѣковъ служитъ театромъ таковыхъ столкновеній, Хорасанъ, *мечъ Персіи*, какъ называлъ его Надиръ-Шахъ; *у кого въ рукѣ мечъ этотъ, у того въ рукѣ Иранъ и Туранъ.*

Изъ всего сказаннаго выше оказывается, что, не смотря на все рѣзкое различіе физическихъ свойствъ Ирана п Турана, нельзя означить точной границы между ними. Мы сказали также, что, принявъ за отличительную примѣту Турана, отрицательный или малый уровень его надъ поверхностью океана, мы можемъ распространить таковое названіе, какъ названіе отдѣльнаго типа земной поверхности на большую часть Европы и почти на цѣлую Сибирь. Но это общее значеніе мы заключимъ въ болѣе тѣсные предѣлы, принявъ за предѣлы Турана къ сторонѣ сѣверо-запада, т. е. къ сторонѣ Европы появленіе почвы, богатой источниками и перегноемъ (humus) [1]), удобной для полей, луговъ, а далѣе и для лѣсовъ, начало земли хлѣбородной, благопріятствующей осѣдлой земледѣльческой жизни. Въ противуположность этой картинѣ, Туранъ представится намъ въ видѣ покрытыхъ морскимъ пескомъ, валунами, солончаками, соляными озерами, раковинами и морски-

1) Землевѣдѣніе Азіи, *К. Риттера*, русск. пер. часть I, стр. 33.

ми продуктами, горизонтальныхъ равнинъ, безъ удобнаго для растительности землянаго слоя, безъ водныхъ источниковъ сплошнаго дерна, безъ полей и лѣсовъ, а съ почти исключительно преобладающею, характеристически однообразною, солонцоватою, степною почвою. Посреди этихъ печальныхъ равнинъ, мѣстами встрѣчаются плодородные оазисы, которые издавна заселились и образовали собою небольшія, отдѣльныя политическія единицы, островки осѣдлости посреди широкаго, вѣчно тревожнаго моря кочевой жизни. Одна лишь таковая жизнь возможна въ большей части Турана, но и для нея онъ не представляетъ большихъ удобствъ. Пастбища большею частью весьма скудны; лѣтомъ, по причинѣ чрезвычайной сухости воздуха, обусловливающей весьма сильное испареніе, высыхаютъ скудныя степныя рѣчки; колодцы доставляютъ большею частью горько-соленую воду; зимою, то свирѣпствуютъ снѣжныя бури, бураны, то наступаетъ гололедица, препятствующая домашнимъ животнымъ добывать скудный кормъ изъ подъ окрѣпшаго снѣга, и тогда въ нѣсколько дней гибнутъ стада, съ ними гибнутъ всѣ средства пропитанія обитателей: бичъ голода и смерть страшно свирѣпствуютъ тогда въ степи. Поэтому, и въ отношеніи къ немногосложнымъ требованіямъ кочевой жизни, Туранъ далеко не можетъ считаться обѣтованной землею. Не смотря на то, изъ всѣхъ странъ, занятыхъ кочевымъ народомъ, Туранъ представляетъ самую густую массу народонаселенія; отношеніе числа жителей къ пространству представляетъ высшую цифру, чѣмъ цифра народонаселенія сосѣднихъ странъ, болѣе благопріятствуемыхъ природой и занимаемыхъ осѣдлыми обитателями, для которыхъ вообще земли требуется гораздо менѣе, чѣмъ для кочевыхъ [1]). Притомъ, все заставляетъ думать, что и въ самыя отдаленныя времена Туранъ имѣлъ значительное народонаселеніе, болѣе значительное даже, чѣмъ теперь. Это замѣчатель-

1) *Humboldt*; Asie Centrale, II, 127—130.

ное свойство, явно противурѣчащее тому, что мы знаемъ о невыгодныхъ физическихъ условіяхъ Турана, объясняется географическимъ положеніемъ его.

Отъ вниманія самаго поверхностнаго даже наблюдателя историческихъ явленій не можетъ ускользнуть великое вліяніе, которое имѣло Средиземное море на судьбу человѣчества. Это море породило сношенія, какого бы, впрочемъ, рода они ни были, между народами, рѣзко отличными между собою, какъ по происхожденію, такъ и по физическимъ условіямъ ихъ странъ. Не будь этого моря, каждый народъ развивался бы одиночно, односторонне, какъ развились китайцы; человѣчество разрознилось бы на несближаемыя единицы; общечеловѣческое развитіе, тысячами путями ведущее къ одной общей цѣли, сдѣлалось бы невозможнымъ. Таковое значеніе море это пріобрѣло не однимъ лишь средиземнымъ положеніемъ своимъ, но и формою врѣзывающихся въ него полуостровов и придаточными къ нимъ островами, которые какъ бы стелятъ мосты между тремя частями Стараго Свѣта. Не будь Средиземнаго моря, ни Египетъ, ни Финикія, ни Греція, ни Карѳагенъ, ни Римъ, ни, позже еще, Итальянскія средневѣковыя республики, не разыграли бы въ исторіи человѣчества той роли, которую разыграли; человѣчество до сихъ поръ представлялось бы, или въ видѣ средне-африканскихъ политическихъ тѣлъ, или въ разрозненномъ видѣ одновременно и самостоятельно развившихся имперій Инковъ и Ацтековъ, которыя даже не знали о существованіи одна другой. Нельзя придумать, чѣмъ Провидѣніе могло бы замѣнить Средиземное море, чтобы вывести человѣчество на настоящую стезю совершенствованія.

На Туранъ можно смотрѣть, какъ на обширное, средиземное сухое море, туловище великаго Азіято-европейскаго материка. Туранская низменность, въ общихъ чертахъ своихъ допускающая одну лишь кочевую жизнь, занимаетъ среднее положеніе между великими отдѣльными типами земной поверхности, обусловливаю-

щими жизнь осѣдлую, гражданственную, совершенствующуюся въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Туранская низменность соприкасается съ уединеннымъ Индостаномъ, съ эксклузивнымъ китайскимъ міромъ, съ едва начинающей просыпаться Сибирью, съ обще-человѣчески развитой Европой, съ вѣчно-колеблющимся между двумя противуположностями Ираномъ. Туранская низменность доступна со всѣхъ сторонъ, удобопроходима по всѣмъ направленіямъ, это есть какъ бы мѣсто стока для цѣлаго материка Стараго свѣта, это есть какъ бы *азиль* (убѣжище), нейтральная, индифферентная страна для выходцевъ со всѣхъ сторонъ свѣта. Такую же роль играютъ и нѣкоторыя горныя страны, но съ тою разницею, что таковыя горныя страны, если разъ что приняли въ нѣдра свои, то хранятъ уже навѣки, между тѣмъ какъ Туранъ обладаетъ безпримѣрною разсѣвающею способностью. Такъ, въ жерлѣ волкана собираются вещества изъ глуби земли, но волканъ не хранитъ ихъ, а раскидываетъ на всѣ стороны. Весьма естественнымъ образомъ кочевая жизнь менѣе способствуетъ развитію привязанности къ мѣсту, чѣмъ жизнь осѣдлая. Привязанность къ родинѣ для кочевыхъ народовъ заключается въ привязанности къ ихъ образу жизни, обыкновенно весьма глубокой, и въ привычкѣ къ физическимъ условіямъ края. Въ однообразной степи, также какъ и посреди открытаго моря, нѣтъ предметовъ мѣстности, съ которыми бы тѣсно могъ сродниться человѣкъ, которыя бы обозначали для него его родину, какъ то бываетъ въ горныхъ странахъ, гдѣ человѣкъ, отойдя на нѣсколько шаговъ отъ роднаго крова, переходитъ уже какъ бы на чужбину. Но такого рода впечатлѣнія могутъ возникнуть и при кочевой жизни, если она вращается въ тѣсныхъ предѣлахъ, какъ напр. то было у праотцевъ еврейскаго народа. Совсѣмъ другое въ Туранѣ. Здѣсь, по условіямъ мѣстности, каждое кочевое племя должно въ теченіе года переходить огромныя пространства, соображаясь съ тѣмъ, чтобы лѣтомъ отыскать мѣста, гдѣ вода еще не совсѣмъ высохла,

гдѣ кормъ не совсѣмъ еще выжженъ палящимъ солнцемъ, чтобы зимою укрыться отъ врановъ, пріютиться тамъ, гдѣ снѣгъ менѣе глубокъ. Такимъ образомъ, кочевыя племена Турана суть самыя подвижныя изъ всѣхъ кочевыхъ племенъ. Они всегда готовы покинуть свою печальную родину, не изъ желанія измѣнить свой образъ жизни, но потому, что сопредѣльныя страны болѣе представляютъ выгодъ для кочевокъ, чѣмъ ихъ низменность. Въ этомъ отношеніи юго-восточныя степи Европейской Россіи или богатыя пастбища, разстилающіяся у сѣверной подошвы Кавказа, манятъ ихъ къ себѣ съ магнетическою силою. Страна между южною подошвою Урала и сѣвернымъ склономъ Кавказа, пересѣченная нижнею Волгою и съуженная сѣверною оконечностью Каспійскаго моря, въ теченіи тысячелѣтій, служила большими воротами народныхъ миграцій изъ Азіи въ Европу [1]. Но, кромѣ того, страны, подчинившіяся уже осѣдлой жизни, привлекали къ себѣ бродячія племена Турана приманкою поживы; не говоря уже о безпрерывной борьбѣ Турана съ Ираномъ, есть много доказательствъ тому, что въ глубочайшую древность туранскія хищныя скопища проникали въ самые отдаленные предѣлы Западной Азіи, тревожили появленіемъ своимъ дремоту Египта, по другому направленію пробирались въ Индустанъ. Зайдя далеко, иные не возвращались уже на родину и спорадически селились въ разныхъ странахъ, постепенно подчиняясь новымъ условіямъ жизни.

Къ какой расѣ причислить туранцевъ? Очерченная нами характеристика Турана показываетъ, что народонаселеніе его могло много разъ мѣняться въ теченіе вѣковъ; нѣтъ достаточныхъ поводовъ думать, чтобы нынѣшнее народонаселеніе Арало-Каспійской низменности представляло собою прямое потомство «всадниковъ-копьеносцевъ», съ которыми состязался иранскій герой Рустемъ вѣковъ за тридцать тому назадъ. Легенда о трехъ братьяхъ,

1) Землевѣдѣніе Азіи, *Риттера* русскій пер., часть I, стр. 91.

сыновьяхъ Феридуновыхъ, Селемѣ, Турѣ и Иреджѣ, чужда Зендавестѣ; она очевидно позднѣйшаго происхожденія и, потому, не можетъ служить доказательствомъ одноплеменности иранцевъ и туранцевъ. Въ Зендавестѣ находимъ мы одно общее коллективное названіе «туранцы»; происхожденіе названія этого до сихъ поръ не объяснено, и неизвѣстно, было ли оно дѣйствительно туземнымъ названіемъ или прозвищемъ, даннымъ сосѣдями. Послѣднѣе правдоподобнѣе, если вѣрить толкованію, находящему въ названіи этомъ нѣчто враждебное, зловѣщее, противуположное Ирану. Въ Зендавестѣ встрѣчаются имена двухъ царей или вождей туранскихъ, Фрагарша и Ареджатаспа. Имена эти объясняются помощію зендскаго языка и значатъ: «разрушитель» и «конестяжатель», быть можетъ «конокрадъ». Но таковыя названія царей, по всей вѣроятности, суть прозвища, данныя имъ врагами-иранцами.

Религія и поэзія увѣковѣчили названіе «Туранъ»; но каково бы ни было происхожденіе его, нѣтъ никакихъ доказательствъ тому, чтобы какая либо страна дѣйствительно такъ называема была своими обитателями, чтобы когда либо существовалъ народъ, который бы себя называлъ туранцами. Уже много вѣковъ спустя послѣ Р. Х., страна эта сдѣлалась обиталищемъ тюркскихъ племенъ и получила названіе Туркестана. Сходство между Тураномъ и Туркестаномъ очевидно, но чисто случайно, потому что въ эпоху Зендавесты тюркскія племена не появлялись еще въ Средней Азіи. Не смотря на то, сходство этихъ названій вовлекло во множество заблужденій, какъ восточныхъ писателей, такъ и европейскихъ, вскользь занимавшихся востокомъ. У Страбона [1]) находимъ мы названіе Туріуа (Τουριού'α) для одной сатрапіи за Оксусомъ: въ этомъ названіи заключается единственный положительный слѣдъ пресловутаго Турана.

Древнимъ Индусамъ жители Турана извѣстны были подъ

1) XI, 517 ed. Casaub.

общимъ именемъ саковъ, которыхъ Магабхарата [1]) изображаетъ весьма воинственными и непобѣдимыми. Саки въ незапамятныя времена еще производили вторженія въ Пенджабъ, гдѣ имя ихъ сохранилось въ названіи города Сакала (жилище саковъ) [2]). Вмѣстѣ съ саками упоминаются и тухара, многочисленное и сильное племя. Происхожденіе названія саковъ нельзя объяснить; Тухара есть санскритское слово, значущее снѣгъ, мятель и холодъ [3]) Въ Иранѣ саки дали имя свое сатрапіи Сакестану (жилище саковъ), каковое названіе въ послѣдствіи времени превратилось въ Седжистанъ, Систанъ: это есть родина героя Рустема [4]). Слѣды саковъ замѣтны въ области Армянской, Сакасенѣ (вѣроятно, нынѣшній Елисаветпольскій уѣздъ) и еще западнѣе въ верховьяхъ Куры, въ долинѣ Чороха и даже до береговъ Архипелага. Таковая географическая разбросанность имени саковъ заставляетъ думать что оно служило для означенія множества народовъ, подведенныхъ подъ одно наименованіе по поводу какой либо общей, свойственной имъ черты. Классическіе писатели вполнѣ объясняютъ намъ эту загадку. Геродотъ [5]) говоритъ что саки суть скиѳы амургійскіе и что саками персы называютъ всѣхъ вообще скиѳовъ. Быть можетъ, спеціальное названіе амургійскіе находится въ связи съ рѣкою Мургъ, классическимъ Margus, рѣкою Маргіаны, которая теряется въ пескахъ Турана, не достигая Оксуса. Саки изъ числа всѣхъ туранскихъ племенъ могли быть самыми ближайшими къ иранцамъ; имя этого племени иранцы распространили на всѣ многочисленныя Туранскія племена. Примѣровъ подобнаго обобщенія частнаго названія встрѣчается множество. Замѣтимъ, притомъ, что Едризи называетъ «Сакита»

1) VII, 11.
2) *Lassen*: Indische Alterthumsk., I, 652.
3) Id. I, 852.
4) *Ritter's*: Erdkunde, VIII, 94.
5) VII, § 64.

страну, лежащую между Оксусомъ и Яксартомъ [1]): это названіе представляетъ какъ бы переходный звукъ отъ саковъ къ скитамъ, скиѳамъ. Страбонъ [2]) говоритъ, что Яксартъ (Сыръ-Дарья) отдѣлялъ саковъ отъ согдіанцевъ, изъ чего можно заключить, что саки не были ближайшимъ къ Ирану кочевымъ племенемъ. Но всѣ таковаго рода изслѣдованія не имѣютъ совершенно никакой важности; несравненно важнѣе составить себѣ ясное понятіе о томъ, какую роль играли въ древне-азіятскомъ мірѣ саки, гдѣ бы, впрочемъ, ни была первоначальная ихъ родина. Реннель справедливо замѣчаетъ, что саки, повидимому, вели такую же воинственно-бродяжническую жизнь, какъ въ позднѣйшіе вѣка козаки, косаки; ему кажется даже, что имя саковъ вошло въ составъ имени козаковъ, косаковъ; прибавимъ къ сему, что теперь киргизы называютъ самихъ себя косаками и что это есть ихъ настоящее этническое названіе, вовсе незаимствованное отъ русскихъ. Отъ Дуная до Восточнаго океана и отъ Кавказа до Ледовитаго моря, при всемъ безконечномъ разнообразіи народонаселенія, разбросанно слышится названіе *казаковъ;* въ древне-азіятскомъ мірѣ, отъ Инда до Геллеспонта и отъ Египта до страны Гиперборейской, встрѣчаются саки. До сихъ поръ мы говорили о правильномъ спокойномъ разселеніи расъ: это суть наносы рѣчнаго теченія, слои, располагающіеся въ опредѣленномъ порядкѣ, подлежащемъ извѣстнымъ законамъ; посреди ихъ усматриваются разбросанно чуждыя имъ вещества, аеролиты, эрратическіе камни, которые возбуждаютъ вопросы, откуда, какимъ путемъ они сюда попали. Это суть вулканическія произведенія великаго кратера Турана, изверженія котораго тѣмъ сильнѣе дѣйствовали, тѣмъ далѣе распространяли кругъ своей дѣятельности, чѣмъ менѣе успѣла окрѣпнуть въ сосѣднихъ странахъ сдерживающая ихъ кора осѣдлости.

1) *Rennel*: The geographical system of Herodotus, 1800, p. 220.
2) XI, 514 ed. Casaub.

Мы снова обращаемся къ многознаменательному сказанію Геродота, что саки были скиѳы и что персы всѣхъ вообще скиѳовъ называли саками. Въ другомъ мѣстѣ [1]) говоритъ онъ: «Каспійское море прилежитъ западною стороною къ Кавказу, а восточною къ равнинѣ безконечной и необозримой. Массагеты занимаютъ большую часть этой просторной равнины... Ихъ страна за Араксомъ (Яксартомъ) противъ исседеновъ. Нѣкоторые полагаютъ, что они также скиѳскій народъ... Массагеты одѣваются подобно скиѳамъ и имѣютъ съ ними одинакій образъ жизни». Какъ видно, Геродотъ имѣлъ о массагетахъ неопредѣленное понятіе. Страбонъ [2]) пишетъ, что древніе авторы, говоря о скиѳахъ, живущихъ къ востоку отъ Каспійскаго моря, называютъ однихъ изъ числа ихъ саками, а другихъ массагетами, не умѣя, впрочемъ, сказать о нихъ ничего опредѣлительнаго. Далѣе [3]) «большая часть скиѳовъ, начиная отъ Каспійскаго моря, называются даіями. Тѣ, которые восточнѣе даіевъ, называются массагетами и саками. Прочіе извѣстны подъ общимъ наименованіемъ скиѳовъ, но въ частности каждый изъ нихъ носитъ особое имя». Страбонъ, потомъ, приводитъ много такихъ именъ: азы, пазіаны, тохары, сакараулы, апарны, ксантіи, писсуры. Къ числу массагетскихъ и сакскихъ племенъ относятся аттазіи и хорасміи. Мы не станемъ исчислять множества названій для туранскихъ племенъ, встрѣчающихся у древнихъ классическихъ писателей, въ особенности у Плинія. У Геродота на пространствѣ между Ураломъ и Алтаемъ находимъ мы, кромѣ саковъ и массагетовъ, аргиппеевъ исседоновъ, аримасповъ. Замѣтимъ, что походъ Александра Македонскаго и существованіе Еллино-Бактрійскаго государства далеко расширили предѣлы знанія грековъ о Средней Азіи. Прежнія собирательныя названія дробятся на множество частныхъ; съ дру-

1) кн. I, §§ 189, 191, 201.

1) XI, 507, ed. Casaub.

3) XI, 511, ed. Causab.

гой стороны самыя общія собирательныя названія „скиѳы“ и «Скиѳія» принимаютъ все болѣе и болѣе обширныя названія. Азіятская Скиѳія дѣлится на Скиѳію по сю сторону Иммауса (Scythia intra Imaum) и Скиѳію по ту сторону Иммауса (Scythia extra Imaum). Послѣдняя вдали на востокѣ сливается съ Серикой. Геродотъ находился еще въ недоумѣніи, причислить ли массагетовъ къ скиѳамъ или нѣтъ; таковое недоумѣніе разрѣшилось положительно для позднѣйшихъ классическихъ писателей.

Какъ мы видѣли, отъ великаго горнаго узла Средней Азіи одна вѣтвь народовъ откинулась къ югу, въ Индустанъ, другая къ западу, въ Иранъ. Теперь мы усматриваемъ третью великую вѣтвь народовъ, раскинувшуюся къ западу, вдоль Арало-Каспійской низменности, по сѣверную сторону Каспія, Кавказа, отъ морей Азовскаго и Чернаго до самаго Дуная. Къ востоку ея развѣтвленія достигли верхняго Иртыша и Китайскаго Туркестана. Въ началѣ развѣтвленія своего, народы эти соприкасаются съ осѣдлымъ азіятскимъ міромъ и соприкосновеніе это враждебное: заклятая вражда между Ираномъ и Тураномъ. Но это соприкосновеніе только въ Бактріи принимаетъ историческій характеръ. Въ другія мѣста Азіи попадаютъ какъ бы осколки этого великаго Туранскаго или Скиѳскаго цѣлаго, производятъ при паденіи временное сотрясеніе, и потомъ все снова идетъ тамъ прежнимъ усвоеннымъ ходомъ.

Но, кромѣ общаго имени, быть можетъ искусственно и на ложномъ основаніи созданнаго классическою ученостію,—что общаго въ народахъ называемыхъ скиѳами; что общаго между обитателями низовьевъ Днѣпра и верховьевъ Иртыша? Происхожденіе ли, языкъ, образъ жизни, географическое положеніе? О происхожденіи скиѳовъ классическіе писатели сообщаютъ нѣсколько легендъ, но, при всемъ легковѣріи своемъ, сами они почитаютъ ихъ за басни. Отъ Зевеса и дщери рѣки Бористена (Днѣпра) родился *Таргитаосъ*, прародитель всѣхъ скиѳовъ; отъ него роди-

лись три сына; изъ числа ихъ младшій, *Колаксаисъ*, былъ родоначальникомъ всѣхъ сколотовъ, которыхъ греки назвали скиѳами произвольно. По другой легендѣ, Геркулесъ, проходя чрезъ Скиѳію, имѣлъ связь съ Ехидной, съ полудѣвой-полузмѣей, отъ которой родились три сына; младшій изъ нихъ *Скиѳесъ* былъ родоначальникомъ всѣхъ скиѳскихъ царей, Если только таковыя легенды были дѣйствительно туземными на Днѣпрѣ, то онѣ въ высшей степени замѣчательны, обнаруживая родственное сходство съ древнѣйшими азіятскими миѳами. Согласно таковымъ легендамъ, бывшимъ въ ходу на Дунаѣ и на Днѣпрѣ, скиѳы оказываются туземными обитателями сѣвернаго берега Чернаго моря, а не пришельцами. Но есть и другія преданія, приводимыя Геродотомъ [1]) и Діодоромъ Сицилійскимъ [2]) согласно которымъ скиѳы, жившіе по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, пришли туда изъ Средней Азіи, съ Яксарта. Таковая одноплеменность обитателей береговъ Сыръ-Дарьи и береговъ Днѣпра, конечно, оправдывала бы тождество ихъ этническаго названія, но она должна бы обнаружиться въ сходствѣ языковъ массагетскаго и сколотскаго; существовало ли таковое сходство или нѣтъ, о томъ классическіе писатели умалчиваютъ, будучи вообще весьма плохими судьями въ дѣлѣ сравнительной филологіи, Припомнимъ однако, что одноязычность всѣхъ обитателей Иранскаго плоскогорія была ими подмѣчена. Въ отношеніи къ образу жизни скиѳы представляютъ собою величайшее разнообразіе: были скиѳы земледѣльцы, земледѣльцы-промышленники, кочевые, охотники, воинственные; нѣкоторые были до того грубы, что считались людоѣдами, другіе совершенно воздерживались отъ всякой мясной пищи; нѣкоторыхъ скиѳовъ греки называютъ «самыми праведными и честнѣйшими изъ людей», другихъ изображаютъ развращенными,

1) Кн. IV, § 11.
2) Кн. II, § 43.

жестокими, погрязшими въ животной чувственности. Итакъ, имя скиѳъ едвали означало «бродячаго, скитающагося», или «кибиточника» или «стрѣлка» отъ финно-литовскаго skitta, или «человѣка гнѣвнаго» отъ греческаго слова, означающаго гнѣваться.

Нельзя также допустить, чтобы подъ общимъ наименованіемъ скиѳовъ греки подразумѣвали множество разноплеменныхъ народовъ, занимавшихъ одну опредѣленную географическую полосу, а именно извѣстную часть Европейско и Сибирско-Туранской низменности. Геродотъ называетъ скиѳами обитателей страны между Дономъ и Днѣпромъ, равно какъ и кочующія на Сыръ-Дарьѣ племена, но въ промежуткѣ между этими двумя оконечностями онъ исчисляетъ нѣсколько народовъ, о которыхъ положительно говоритъ, что они не были скиѳы. Ошибочно или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ скиѳы, по понятіямъ грековъ составляли одно племя, разселившееся на огромное протяженіе [1]). Чтобы разгадать происхожденіе скиѳовъ, вниманіе ученыхъ обращено было на описаніе ихъ наружности древними. Геродотъ говоритъ [2]) о будинахъ, которыхъ онъ, впрочемъ, не причисляетъ собственно къ скиѳамъ и которые жили по лѣвую сторону Дона, какъ кажется въ предѣлахъ нынѣшней Воронежской губерніи, что они всѣ бѣлокуры и голубоглазы; объ аргиппеяхъ, жившихъ за Ураломъ, въ западной части Киргизской степи, имѣвшихъ особый языкъ, но одѣтыхъ, какъ скиѳы, что они плѣшивы, мужчины и женщины, имѣютъ плоскій носъ и длинный подбородокъ [3]). Аристотель [4]) говоритъ, что всѣ сѣверные народы имѣютъ голубые глаза, что у скиѳовъ, равно какъ и у Понтійскихъ ѳракійцевъ, гладкіе, мягкіе и длинные волосы, рыжеватые и тонкіе. Гиппократъ разсказываетъ [5]), что всѣ скиѳы очень

1) *Humboldt:* Asie centrale, I, 400.

2) IV, 101.

3) IV, 21.

4) Probl. XIV, 14.

5) De aëre etc. § 91, 95.

похожи другъ на друга, но не похожи на другіе народы. Они толсты, мясисты и сыраго темперамента. Сочиненіе Гиппократа, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ которомъ дошло до насъ, почитается подложнымъ [1]); описаніе скиѳовъ сдѣлано заочно и съ цѣлью доказать медицинскую теорію о вліяніи сырости на человѣка. Какъ бы то ни было, все то, что мы знаемъ изъ древнихъ писателей о наружности скиѳовъ, нисколько не доказываетъ, чтобы скиѳы были монгольскаго происхожденія, какъ то думалъ Нибуръ [2]) и вслѣдъ за нимъ множество другихъ ученыхъ. Нигдѣ не говорится, чтобы скиѳы были безобразны, говорится даже о красотѣ нѣсколькихъ женщинъ скиѳскаго происхожденія [3]). Монгольскій типъ впервые показался въ Европѣ въ образѣ финновъ-гунновъ и на современныхъ писателей произвелъ глубокое впечатлѣніе невиданнымъ и даже неслыханнымъ дотолѣ безобразіемъ своимъ. Амміанъ Марцеллинъ описываетъ наружность гунновъ чудовищною; онъ же повѣствуетъ объ аланахъ, почитаемыхъ имъ за скиѳскій народъ, что они почти всѣ красивой наружности, высокаго роста, бѣлокуры, имѣютъ взглядъ болѣе гордый, чѣмъ свирѣпый [4]). Какъ ни недостаточны всѣ разсказы древнихъ писателей о наружности скиѳовъ, но можно вывести заключеніе, что тѣлесными примѣтами своими они представляли большое сходство съ германскими и славянскими племенами, но ни какъ не съ монгольскими, которыхъ типъ обозначенъ рѣзкими особенностями.

Происхожденіе названія «Скиѳъ», какъ мы сказали, составляетъ загадку, надъ которой тщетно изощрялось остроуміе ученыхъ. Наиболѣе распространено мнѣніе, что скиѳъ есть греческая передѣлка славянскаго чудь, которымъ славяне вообще на-

1) *Ukert:* Geographie der Griechen und Römer (1816—43), III, 2, p. 273.
2) *Niebuhr*: въ Kleine histor. und philos. Schriften. p. 301.
3) *Arriani* Exp. Alex. 19, 8.
4) *Amm. Marc.* XXXI, 2.

зываютъ финскія племена. Въ этимологическомъ отношеніи это мнѣніе весьма правдоподобно: славянскія *чуждь*, *чудь*, *chtchoud* почти не могутъ быть выражены греческими буквами иначе какъ черезъ Σκυθης [1]). Но при этомъ необходимо допустить, что скиѳы были финскаго происхожденія, что таковое названіе греки заимствовали у славянъ, потому что финны самихъ себя не называютъ чудью и даже не могутъ произнести таковаго названія, что съ славянами, жившими внутри Россіи, греки вступили въ соприкосновеніе прежде чѣмъ съ скиѳами, жившими по берегу Чернаго моря, что, наконецъ, это названіе чудь греки распространили и на самихъ славянъ, за каковыхъ почитаются земледѣлатели—скиѳы. Допустить этотъ длинный рядъ неизбѣжныхъ предположеній невозможно безъ большихъ натяжекъ. На египетскихъ пирамидахъ читается неоднократно названіе побѣжденнаго египетскими царями народа *схета*: все заставляетъ думать, что дѣло тутъ идетъ о хищническихъ ордахъ скиѳовъ, проникавшихъ въ самую глубь Азіи и даже доходившихъ до Египта. Древнѣйшая изъ таковыхъ надписей относится къ царствованію Сетоса (1445—1394 [2]). Вѣроятно-ли чтобы египтяне, въ эту глубокоотдаленную эпоху, заимствовали названіе скиѳовъ у славянъ или даже у грековъ? Другая догадка, быть можетъ, болѣе основательна. Къ сѣверу отъ Балкана до Дуная жили геты; это названіе отъ Балкана, обходя съ сѣверной стороны Черное море и Каспій, можемъ мы прослѣдить до самаго Яксарта, въ соединеніи съ разными мѣстными прилагательными: на р. Тирасъ (Днѣстръ) тирагеты, на Волгѣ ѳиссагеты, наконецъ, на Яксартѣ массагеты (Большіе геты). Безъ сомнѣнія племя гетовъ заключало въ себѣ множество народовъ, жившихъ на огромномъ разстояніи

1) *Schafarik:* Slavische Alterthümer, I, 282; *Dubois de Montepereux*; Voyage autour du Caucase, IV, 357.

2) *Rosellini*: Monumenti storici, III, 1, 315.

другъ отъ друга. Мы вскорѣ представимъ доказательства, что названіе это было дѣствительно туземное, не иноплеменниками данное, не прозвище въ родѣ басурмановъ, нѣмцевъ, чуди. По всей вѣроятности, однако, туземцы произносили его не совсѣмъ такъ, какъ греки; названіе геты въ устахъ ихъ звучало болѣе или менѣе иначе, весьма вѣроятно даже, что на Яксартѣ туземцы произносили его нѣсколько иначе, чѣмъ соплеменники ихъ на Дунаѣ. Послѣдовательность названій гѣты, кеты, куты, скуды (Σκύθης) не представляетъ ничего невѣроятнаго [1]). Во всякомъ случаѣ это не болѣе какъ догадка, которой справедливости доказать нельзя.

Въ этомъ темномъ вопросѣ сравнительная филологія выводитъ насъ изъ лабиринта болѣе или менѣе произвольныхъ догадокъ на надежный путь положительныхъ выводовъ. Ирано-индійскіе письменные памятники доставляютъ намъ только общія наименованія, туранъ, саки, тухара, изъ которыхъ нельзя вывести почти никакихъ объясненій для занимающаго насъ вопроса. Классическіе писатели гораздо обильнѣе указаніями. Мы сказали уже, что въ нихъ встрѣчается множество названій для тураноскиѳскихъ племенъ; сверхъ того находимъ мы много именъ мужскихъ и женскихъ, имена скиѳскихъ боговъ и богинь и, наконецъ, нѣсколько словъ для означенія различныхъ понятій. Замѣтимъ, что всѣ эти имена дошли до насъ болѣе или менѣе искаженными греческимъ и римскимъ алфавитами, которыхъ невозможно было приноровить къ варварскимъ скиѳскимъ звукамъ, что классическіе писатели сами не понимали настоящаго значенія скиѳскихъ собственныхъ именъ, что, наконецъ, были они совершенно чужды знанію зендскаго и другихъ азіятско-арійскихъ языковъ. Тѣмъ замѣчательнѣе то обстоятельство, что большая часть этихъ скиѳскихъ названій безъ труда объясняется помощію

1) *Rennel*: The geographical system of Herodotus, 1800, p. 48.

зендскаго и санскритскаго языковъ. Здѣсь уже неумѣстно сомнѣніе, выраженное нами на счетъ именъ туранскихъ царей, встрѣчающихся въ Зендавестѣ; классики не могли вводить въ скиѳскій міръ прозвища изъ языка, который имъ самимъ былъ неизвѣстенъ: названія эти, не греческія и не римскія, суть очевидно туземныя скиѳскія. Плиній [1]), исчисляя извѣстныя ему туранскія племена, называетъ аріаковъ, антаріановъ, аримасповъ, арамеовъ. Всѣ эти названія, какъ замѣтилъ Бюрнуфъ [2]), объясняемы помощію зендскаго языка, равно какъ и названіе харизмъ, харизміи. Имена скиѳскихъ боговъ, богинь, царей и царицъ, не заимствованы изъ зендскаго языка, но объясняются помощію его [3]); слѣдовательно, имена эти суть самостоятельныя скиѳскія и обнаруживаютъ только родственную связь съ зендскими. Важнѣйшій источникъ свѣдѣній для ознакомленія съ скиѳами въ странѣ, изъ которой, повидимому, началось ихъ разселеніе, находимъ мы въ китайскихъ лѣтописяхъ династіи Ханъ, властвовавшей отъ 163 г. до Р. Х. по 196 г. по Р. Х. Эти драгоцѣнныя указанія, заимствованныя, впрочемъ, не изъ первоначальнаго источника, впервые сообщены были ученой Европѣ Абелемъ Ремюза и Клапротомъ. Ознакомленіемъ съ содержаніемъ самихъ лѣтописей династіи Ханъ, Европа обязана соотечественнику нашему, знаменитому синологу отцу Іакинѳу [4]).

Не ранѣе какъ во II в. до Р. Х. Китай вошелъ въ соприкосновеніе съ такъ называемымъ нынѣ Китайскимъ Туркестаномъ. Побудительными къ тому причинами были вѣковыя грабительства и безпокойства, которыя осѣдлые китайцы претерпѣвали отъ сѣверныхъ сосѣдей своихъ хунъ-ну или гіунгъ-ну, коче-

1) VI, 17, 19.

2) Comment. sur le Jaçna. Notes et eclairciss., CV.

3) *Schafarik*: Slaviche Alterthümer, I, p. 282.

4) Описаніе Джунгаріи и Восточнаго Туркестана. СПБ. 1829.

ваго племени или, быть можетъ, смѣси нѣсколькихъ кочевыхъ племенъ тюрко-финскаго происхожденія: Чтобы держать этихъ безпокойныхъ сосѣдей въ страхѣ, китайская политика поставила себѣ цѣлью пріискивать имъ враговъ, а себѣ союзниковъ между народами, обитавшими въ отдаленныхъ и обширныхъ странахъ Си-юй, т. е. на западѣ. Такъ открылся для китайцевъ новый, дотолѣ невѣдомый міръ; географическія и этнографическія познанія ихъ распространились до восточныхъ береговъ Каспійскаго моря и записаны ими съ мелочною тщательностью, составляющею характеристическую черту китайской науки. Въ нихъ заключаются для насъ указанія самостоятельныя, незаимствованныя изъ извѣстныхъ уже намъ источниковъ, относящіяся до странъ и народовъ, малодоступныхъ для изслѣдованій съ западной стороны. Въ особенности важны они для объясненія первоначальной исторіи варваровъ, наводнившихъ собою Европу въ эпоху паденія западной Римской Имперіи; только при помощи китайскихъ лѣтописей можно объяснить себѣ причины такъ называемаго *великаго переселенія народовъ*. Геродотово знакомство съ скиѳскими или туранскими именами начинается съ береговъ Дуная и Днѣпра, китайское совершенно съ противуположной оконечности, терявшейся для классическихъ писателей вглуби востока, но составлявшей для китайцевъ начало отдаленнаго запада.

Безобразіе новыхъ знакомыхъ, западныхъ варваровъ, къ которымъ пришли китайцы искать себѣ союзниковъ, произвело на нихъ столь же глубокое впечатлѣніе какъ безобразіе гунновъ на грековъ и римлянъ, хотя въ томъ и другомъ случаѣ условія безобразія діаметрально противуположны. У людей этихъ, какъ пишутъ китайскіе лѣтописцы, длинныя лица, похожія на лошадиныя морды, впалые глаза, уродливые, выдающіеся впередъ носы [1]). Особенно безобразными показались китайцамъ усуни, люди

1) *Ritter*'s Erdkunde Asien, I, 193, 351.

бѣлокурые, съ голубыми или зелеными глазами и красными бородами. О нихъ китайцы говорятъ, что они очень похожи на большихъ обезьянъ, отъ которыхъ, впрочемъ, будто-бы происходятъ. Несмотря на невыгодную наружность усуней, китайцы употребили всѣ усилія къ тому, чтобы вступить съ ними въ тѣсный союзъ; въ супружество усунскому государю, Кунми (Kunig, König?) отдана была китайская княжна, которая потомъ всю жизнь свою горевала по родинѣ между безобразными грубыми усунями и которой жалобная, безъискусственная пѣсенка сохранилась до нашего времени:

Родственники отправили меня
Въ далекую сторону,
Въ чужомъ царствѣ выдали меня
За Государя Усунскаго.
Онъ живетъ въ бѣдной хижинѣ,
Войлоками покрытой;
Ѣсть онъ лишь мясо,
Пьетъ молоко.
Какъ вспомнится мнѣ о родинѣ,
Такъ и хотѣлось бы быть дикой гусыней,
Улетѣлабъ я къ себѣ назадъ домой.

Это происходило во второй половинѣ II в. до Р. Х. Усуни составляли многочисленное кочевое племя, которое могло выставлять въ поле до 188,800 воиновъ. Кочевали они въ странѣ, прилежащей къ озерамъ Иссекуль и Балхашъ и орошаемой теченіемъ р. Или. Страна эта представляетъ собою естественное единственное звено, связующее западъ Азіи съ востокомъ Азіи. Ни горы, ни пустыни не отдѣляютъ здѣсь Китая отъ Сибири, отъ Россіи, отъ Европы; здѣсь идетъ ближайшій путь, — не въ Пекинъ, который стоитъ на краю Китая также, какъ Петербургъ на краю Россіи, — путь идетъ въ роскошныя западныя и южныя области Китая, составляющія настоящее средоточіе этой замкну-

той еще доселѣ для цѣлаго свѣта имперіи. Такимъ образомъ, Илійскому краю суждено міровое значеніе въ будущемъ, быть можетъ не слишкомъ отдаленномъ времени. Теперь уже возникли въ немъ русскія укрѣпленія Копалъ и Вѣрное; теперь китайцы первое европейское народонаселеніе къ сторонѣ запада встрѣчаютъ на Или, тамъ, гдѣ за двадцать вѣковъ тому назадъ впервые встрѣтили они бѣлокурыхъ усуней.

Мѣсто жительства усуней приблизительно совпадаетъ съ мѣстомъ жительства геродотовыхъ исседоновъ. Послѣдніе Алкманомъ Сардскимъ называются также асседонами [1]). Это названіе весьма естественнымъ образомъ можно разложить на составныя части: Ассъ, Азъ, Ессъ, Иссъ, Оссъ—этническое названіе, и донъ, имѣвшее общее значеніе *рѣки*, слово весьма распространенное въ древнія времена по сѣверную сторону Кавказа т. е. въ Скиѳіи и даже гораздо далѣе на западѣ Европы. Теперь таковое общее значеніе *донъ* сохранилось безъ измѣненія въ языкѣ осcетинъ. Плиній говоритъ [2]), что посреди горъ, соприкасаясь съ колхами, живутъ есседоны; быть можетъ, этимъ названіемъ означалъ онъ осcетинъ, хотя, впрочемъ, послѣдніе называютъ себя не иначе какъ иронами. Во всякомъ случаѣ, слишкомъ смѣло было бы безъ дальнѣйшихъ доказательствъ установить соотношеніе между китайскими усунями, геродотовыми исседонами и плиніевыми кавказскими есседонами-осcетинами. Притомъ, китайцы разсказываютъ, что усуни, которыхъ нашли они на Или, переселились туда не за-долго передъ тѣмъ изъ горной страны, лежащей въ верховьяхъ великой китайской рѣки Хуанъ-хэ (Гоанго). Къ таковому переселенію вынуждены они были врагами своими Хунъ-ну.

Въ первоначальной родинѣ своей усуни жили вмѣстѣ или рядомъ съ народомъ юэ-чжи, которыхъ *большая* часть вынуждена

1) *Humboldt*: Asie centrale, I, 390.

2) VI, 7.

была еще ранѣе чѣмъ усуни, удалиться на Или. Эта вѣтвь называется китайцами та-юэ-чжи, т. е. большіе юэ-чжи. Послѣдніе оттѣснены были усунами съ Или далѣе къ западу, на Сыръ-Дарью, въ нынѣшній Коканъ [1]), по сѣверную сторону Аму-Дарьи. Къ югу отъ страны, въ которой поселились юэ-чжи, жили та-хіа, къ западу, въ разстояніи отъ нихъ 49 дней пути, а-сы; къ сѣверу кхангъ-кіу. Страна на Или, до прибытія юэ-чжи занята была народомъ се или саи, который оттѣсненъ былъ оттуда къ западу. Позднѣе въ китайскихъ лѣтописяхъ вмѣсто названія юэ-чжи чаще встрѣчается названіе юэ-ти, іи-та, іе-та, что, впрочемъ, можно объяснить чрезвычайною затруднительностью писать иностранныя названія китайскими буквами, а посему колеблющимся правописаніемъ. Къ сѣверо-западу отъ Сыръ-Дарьи, по направленію къ Уралу и Волгѣ, жилъ многочисленный народъ, который китайскія лѣтописи за 120 лѣтъ до Р. Х. называютъ іанъ-тсай или анъ-тсай; позже названіе это измѣняется въ А-лан-на.

Эти разсказы китайцевъ о туранскихъ народахъ весьма важны для науки; кромѣ запаса положительныхъ свѣдѣній, они доставили еще величайшимъ ученымъ основанія для длиннаго ряда догадокъ касательно темнаго вопроса о ходѣ разселенія нынѣшнихъ обитателей Европы. Нельзя, впрочемъ, не позволить себѣ замѣчанія, что многія изъ этихъ догадокъ, повидимому, основаны на довольно произвольныхъ толкованіяхъ.

Описаніе наружности усуней побудило причислить ихъ не только къ великой индо-европейской расѣ, но даже спеціально къ числу народовъ германскихъ, такъ какъ рыжій цвѣтъ волосъ вовсе не составляетъ принадлежности народовъ греко-латинскихъ или славянскихъ. Такимъ образомъ усуни представились отставшими на дальнемъ востокѣ, у предѣловъ Китая, братьями германцевъ. Но съ другой стороны, кромѣ наружнаго вида, мы не знаемъ ни-

1) Nouv. Ann. des voyages, 1849, Juil. et Août, p. 38 и сл.

чего, что бы ясно характеризовало въ понятіи нашемъ усуней. Даже вопросъ о томъ, дѣйствительно ли принадлежали они къ индо-европейской расѣ, можетъ покуда считаться не окончательно разрѣшеннымъ [1]). Признать въ нихъ родство съ исседонами, азами, оссами и проч. нельзя, потому что, до переселенія своего на Или, жили они совершенно оторванно отъ туранскихъ народовъ, по южную сторону великой пустыни Гоби. Въ видѣ доказательства, что языкъ усуней былъ дѣйствительно индо-европейскаго корня, можно привести то обстоятельство, что въ языкахъ сосѣднихъ съ ними тюркскихъ и монгольскихъ племенъ, въ особенности же въ языкахъ тунгузовъ и манджу, встрѣчается множество индо-европейскихъ словъ. Клапротъ замѣтилъ даже большое сходство въ грамматикѣ манджу съ грамматикой нѣмецкой [2]). Китайцы называютъ еще нѣсколько народовъ, одноплеменныхъ съ усунями; между этими народами замѣчательно особенно названіе: куты, кхуты или хуты, которые кажутся какъ бы обрывкомъ великаго готскаго племени [3]). Мы напомнимъ здѣсь о толкованіи названія скиѳовъ помощію геты, куты и скуды (Σκύθης). Наконецъ, китайцы считаютъ одноплеменниками съ усунями іанъ-тсай или а-лан-на, въ которыхъ нельзя не видѣть алановъ, игравшихъ столь великую роль въ Европѣ.

Народу юэ-чжи, который предшествовалъ усунямъ въ Туранѣ, суждено было въ послѣдствіи времени играть великую историческую роль въ Азіи подъ разными неопредѣленными названіями: бѣлыхъ гунновъ, ефталитовъ, индо-скиѳовъ и пр. Названіе юэ-чжи особенно обратило на себя вниманіе въ позднѣйшихъ формахъ, приданныхъ ему китайскими писателями, а именно: юэ-ти,

1) Vivien de St. Martin въ Nouv. ann. des voyages, 1849, Juil. et Août, p. 32.

2) *Ritter's Erdkunde*, II, 436.

3) *Ab*: *Remusat*: Recherches sur les langues. tartares, p. 327; *Klaproth*: Tableaux historiques de l'Asie, p. 167.

iи-та, ie-та. Созвучie съ столь извѣстнымъ въ древнемъ мiрѣ названiемъ гетовъ весьма ощутительно и потому юэ-чжи приняты были за гетовъ, болѣе или менѣе рѣшительно, почти всѣми учеными, занимавшимися этимъ вопросомъ. Китайское названiе таie-та для народа, жившаго на Сыръ-Дарьѣ, буквально соотвѣтствуетъ Геродотовскому массагеты для обитателей той же страны: оба значутъ большiе геты. Такимъ образомъ, можемъ мы прослѣдить гетовъ отъ Дуная до предѣловъ Китая. Выводы сравнительной филологiи, обнаруживающiе родственность обитателей Исландiи съ обитателями Бенгала, если не возбуждаютъ недовѣрiя, то, по крайней мѣрѣ, поражаютъ сначала своею странностiю, неожиданностiю; сравнительная исторiя какъ бы позволяетъ намъ очью соприсутствовать этому расселенiю индо-европейской расы. Въ сердцѣ Азiи, тамъ, повторимъ еще разъ, гдѣ меридiональные и параллельные хребты чертятъ крестъ, усматривается ядро разселенiя, отъ котораго раскидываются три связки лучей; каждая изъ нихъ отдѣльна отъ другихъ, но каждая непрерывна отъ ядра до оконечности своей: первая идетъ на югъ въ Индустанъ, вторая на западъ въ Иранъ, третья на сѣверо-западъ въ Европу, къ Атлантикѣ и къ Ледовитому океану: индусы, иранцы и кельтоскиѳы. Послѣднее названiе должно быть понимаемо, какъ опредѣляющее одно цѣлое посредствомъ означенiя двухъ противуположныхъ оконечностей, а не какъ что либо частное, промежуточное.

Но если справедливость общихъ выводовъ не подлежитъ сомнѣнiю, то нельзя не сознаться, что она болѣе основана на сводѣ множества вѣроятностей, составляющихъ совокупно достовѣрность, чѣмъ на какомъ либо одномъ вполнѣ несомнѣнномъ доказательствѣ. Такъ напр. соотношенiе между гетами и ie-та, юэ-та, юэ-чжи, хотя и принято величайшими учеными, но можетъ быть подвергнуто опроверженiямъ. Массагеты на Яксартѣ извѣстны были Геродоту въ V в. до Р. Х., между тѣмъ какъ большiе

юэ-чжи, согласно китайскимъ сказаніямъ, прибыли на Яксартъ только во II в. до Р. Х. Вообще индо-германское происхожденіе юэ-чжи можетъ быть сильно оспариваемо; о соплеменникахъ ихъ, оставшихся на верховьяхъ Хуанъ-хэ, въ прежней общей родинѣ, китайцы положительно говорятъ, что языкъ ихъ тибетскій, но, быть можетъ, эти малые юэ-чжи, смѣшавшись съ сосѣдями своими восточными тибетцами (кянъ, Khiany, какъ называютъ послѣднихъ китайцы), заимствовали у нихъ и языкъ [1]). Во всякомъ случаѣ, вопроса этого нельзя почитать окончательно рѣшеннымъ. Если допустить, что *се* или *саи*, вытѣсненные съ Или и съ Яксарта народомъ юэ-чжи, суть *саки* иранцевъ и *скиѳы* классическихъ писателей, то можно заключить, что названіе это было дѣйствительно туземнымъ въ Туранѣ. Тождественность та-хіа съ даіями, дахами, даками, аси съ азами, и іанъ-тсай, а-лан-на съ аланами, не можетъ подлежать сомнѣнію. Ту-хо-ло, жившіе въ горахъ, по близости верховьевъ Оксуса, суть, по всей вѣроятности, тохары классиковъ, древніе тухара Магабхараты.

Конечно, весьма трудно установить, не подвергаясь опроверженіямъ, соотношеніе между именами туранскихъ народовъ, переданными намъ классическими писателями и тѣми, которыя находимъ мы въ китайскихъ лѣтописяхъ. Но послѣднія весьма значительно разъясняютъ вопросъ о Туранѣ и вообще о цѣлой Скиѳіи, доставляя несомнѣнныя доказательства, что за два вѣка до Р. Х. монгольскія и тюркскія племена скитались еще вглуби Восточной Азіи и не доходили не только до Яксарта, но даже до Иртыша. Усуни ни въ какомъ случаѣ не могутъ почитаться монголами; юэчжи, быть можетъ, были тибетскаго происхожденія, но они появились въ Туранѣ впервые только во II в. до Р. Х. Теперь въ степяхъ Каспійско-Аральской низменности путешественникъ встрѣ-

1) *Vivien de St. Martin* въ Nouv. Ann. des voyages, 1849, Juil., Août. p. 66. См. также *Ritter's* Erdkunde VII, 605.

чаетъ монголовъ (калмыковъ) и тюркскія племена въ кочевомъ состояніи. Видя неизмѣнность быта ихъ, невольно склоняемся къ мысли, что номады эти суть потомки громкихъ въ древнемъ мірѣ скиѳовъ, саковъ и туранцевъ; какъ жили обитатели страны этой за тридцать вѣковъ тому назадъ, такъ живутъ они и теперь, но это сходство обусловлено лишь физическими свойствами страны, а не одноплеменностію древнихъ туранцевъ съ нынѣшними. Такъ обнаруживается неосновательность всѣхъ догадокъ о монгольскомъ происхожденіи скиѳовъ или тюркскомъ древнихъ туранцевъ [1]. Все, напротивъ, въ совокупности приводитъ насъ къ убѣжденію, что туранцы Зендавесты, саки иранцевъ, скиѳы азіятскіе и европейскіе классиковъ, если *не цѣлою*, то, по крайней мѣрѣ, *большою массою своей принадлежали къ великому семейству арійскихъ*, т. е. индо-европейскихъ народовъ, и что разселеніе ихъ началось изъ той же самой обще-арійской родины, изъ которой вышли индусы и иранцы.

Сквозь завѣсу миѳовъ мы усматриваемъ въ древнѣйшихъ священныхъ преданіяхъ послѣднихъ двухъ народовъ нѣкоторыя опредѣленныя черты, по которымъ можемъ себѣ составить понятіе, хотя весьма слабое, объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ ихъ разселеніе; по общимъ миѳамъ ихъ можемъ мы даже отчасти судить о бытѣ ихъ до разселенія. Непроницаемый мракъ, ненарушимое безмолвіе окружаютъ первоначальную исторію народовъ арійской расы, разселявшихся отъ источниковъ Яксарта и Оксуса по сѣверной сторонѣ Арала, Каспія, Кавказа и Понта Евксинскаго. Вѣковъ за тринадцать до Р. Х. появляются въ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ первыя сказанія о существованіи къ сѣверу отъ тогдашняго образованнаго міра многочисленныхъ народовъ, но сказанія эти представляютъ лишь выраженіе догадокъ современной учености о томъ, какъ люди живутъ посреди

1) Нибуръ, Гр. Потоцкій, Шафарикъ и пр.

мрака и хлада полуночныхъ странъ. Это почти тоже, что догадки объ условіяхъ существованія обитателей планетъ нашей солнечной системы. Первыя положительныя свѣдѣнія объ обитателяхъ сѣверныхъ странъ встрѣчаемъ мы у Геродота, т. е. въ V в. до Р. Х. Въ это время мы находимъ уже при устьяхъ Дуная народы, которыхъ не можемъ не причислять къ индо-европейской расѣ. Много вѣковъ потребно было имъ на то, чтобы пройти великое разстояніе, отдѣляющее устья Дуная отъ верховьевъ Яксарта и Оксуса! Сколько же вѣковъ до Геродота протекло съ тѣхъ поръ, когда безвѣстный народъ индо-европейской расы достигъ средней Европы и по обѣ стороны Адріатическаго моря раздѣлился на двѣ родственныя вѣтви: италійскую и греческую [1]). Всю Европу исторія застаетъ заселенною народами индо-европейской расы; кельты, германцы, славяне представляютъ собою вѣроятную послѣдовательность заселенія, потому что, принимая, что всѣ они вышли изъ средней Азіи, тѣ, которые наиболѣе удалились отъ нея къ западу, естественнымъ образомъ ранѣе выступили въ путь. Но и переселеніе славянъ скрыто отъ насъ въ мракѣ времени, безъ сомнѣнія совершилось оно за много вѣковъ до Геродота. Такимъ образомъ передвиженія всего длиннаго ряда такъ называемыхъ скиѳскихъ народовъ, отъ Хуанъ-хэ до Дуная, передвиженія усуней, массагетовъ, азовѣ, аланъ и пр., происходившія болѣе или менѣе въ виду исторіи, представляютъ намъ лишь окончательныя явленія великаго переселенія народовъ изъ Азіи въ Европу, совершившагося невѣдомо когда, невѣдомо какъ.

Но таковое переселеніе нѣкогда совершалось: сравнительная филологія доказываетъ это столь же несомнѣннымъ образомъ, какъ геологія перевороты на земной корѣ, происходившіе въ то время, когда не было еще людей на землѣ, когда не было еще ни единаго очевидца. Пока неизвѣстны геологическіе законы, на-

1) *Ersch* und *Gruber*: Encyclopaedie, zweite Section, XVIII Th., 24.

слоеніе земной коры представляется дѣломъ случайности. Такъ и расселеніе народовъ, о которомъ молчитъ исторія, могло быть управляемо случайностями, которыхъ мы не знаемъ, которыхъ, конечно, никогда не узнаемъ. Но великія историческія явленія управляются не случайностями и не самопроизволомъ. Камень, брошенный съ берега въ широкую рѣку, на одно мгновеніе производитъ въ точкѣ паденія водоворотъ, но не измѣняетъ теченія рѣки. Очевидно, что направленіе расселенія народовъ опредѣлялось преимущественно условіями очертанія земной поверхности; эти условія, если и измѣнились нѣсколько съ тѣхъ поръ, какъ люди на землѣ, то во всякомъ случаѣ весьма незначительно. Такимъ образомъ у насъ теперь еще на глазахъ физическія условія, которыя управляли переселеніемъ народовъ индо-европейской расы изъ средней Азіи въ Европу. Замѣтимъ, притомъ, что народы эти, въ эпоху переселенія своего, безъ сомнѣнія стояли еще на весьма низкой ступени развитія, какъ бы, впрочемъ, щедро ни были они надѣлены природою умственно и физически. Чѣмъ менѣе развиты люди, тѣмъ болѣе подчинены они мѣстнымъ вліяніямъ.

Сравнительное изученіе арійскихъ языковъ, какъ мы сказали выше, заставляетъ думать, что индо-европейцы въ общей родинѣ своей, находившейся въ средней Азіи, занимались преимущественно скотоводствомъ, работами для домашняго неприхотливаго обихода, нѣсколько земледѣліемъ и рудокопствомъ, вовсе не занимались ни войною, ни охотою. Нечего и говорить, что мореплаванію были они совершенно чужды, и что искусство это самостоятельно могло развиться между ними только весьма вдали отъ ихъ первоначальной родины. Море и берега должны были обладать особыми свойствами, чтобы первоначально возбудить въ людяхъ склонность къ плаванію. Море не должно было страшать первобытнаго, дѣтски впечатлительнаго человѣка своею безпредѣльностію, пустынностію, непривѣтливостію; оно не должно было

представляться ему въ образѣ зловѣщаго Понта [1]), оно должно было манить его на свою поверхность, указывая ему на горизонтѣ полуисчезающую въ синевѣ дали землю, которая какъ бы вела неумолкаемую, таинственную, чарующую рѣчь съ берегомъ. Таковыя моря должны или врѣзываться глубоко въ землю бухтами, заливами, или быть усѣяны островами; таковыя моря должны обладать періодическою правильностію вѣтровъ, чтобы робкому, неопытному плавателю не трудно было подстеречь попутный вѣтеръ для отправленія въ путь и предвидѣть діаметрально-противуположный первому попутный вѣтеръ для возврата.

Такъ училось впервые началамъ мореплаванія младенчествующее человѣчество на морѣ Эритрейскомъ (индійскомъ), врѣзывающемся глубоко въ землю заливами Персидскимъ и Краснымъ (Чермнымъ) и представляющемъ правильную періодичность двухъ противуположныхъ муссоновъ. Этимъ моремъ посылалъ Хирамъ, царь тирскій, современникъ Соломоновъ, „рабовъ знающихъ море“ и „въ три года разъ возвращались корабли изъ Ѳарсиса, и привозили золото и серебро, слоновую кость, и обезьянъ и павлиновъ“ [2]). Но плаваніе по Эритрейскому морю производилось кушитами за много еще вѣковъ прежде эпохи, въ которой жили цари Соломонъ и Хирамъ. Позже развилось мореплаваніе на восточной оконечности Средиземнаго моря, гдѣ сближаются три части свѣта, гдѣ архипелагъ представляетъ собою какъ бы полуразобранный мостъ изъ Азіи въ Европу. Эти первые мореплаватели не принадлежали къ индоевропейской расѣ, которая только въ позднѣйшія времена, окончивъ въ главныхъ чертахъ разселеніе свое, пускается мѣстами въ море, по путямъ, извѣданнымъ уже иноплеменными расами. Склонности къ плаванію не могли возбудить ни великія озера

1) *Ritter*: Vorhalle Europaeischer Völkergeschichten. 1820. p. 168.

1) *Паралипоменонъ*, 2 книга, VIII, 18 и IX, 21; *Царствъ*, кн. третья, X 22; *Lassen*: Indische Alterthumsk, I, 538.

Турана, ни Каспійское море, ни даже Понтъ Эвксинскій. Такимъ образомъ разселеніе арійской расы происходило сушью, а не моремъ. Нельзя допустить, чтобы заселеніе Европы нынѣ господствующей расой произошло вслѣдствіе вторженій толпы завоевателей, которые, покинувъ хозяйство и семейство, отправились вдаль за добычей, поработили туземцевъ, остались между ними навсегда въ видѣ господствующаго класса и сдѣлались прародителями новаго смѣшаннаго народа. Тогдашняя Европа мало представляла привлекательнаго для завоевателей; нынѣшніе обитатели ея не могли бы сохранить столь явственно слѣды своего арійскаго происхожденія, если бы были столь смѣшаннаго происхожденія. Итакъ арійская раса подвигалась въ Европу изъ средней Азіи въ полномъ домашнемъ устройствѣ своемъ, съ женами, дѣтьми и имуществомъ. Это были народы кочевые, которыхъ главное имущество заключалось въ стадахъ. Мы выше замѣтили, что, не смотря на кочевой образъ жизни, европейскіе арійцы не совершенно утратили привычки къ земледѣлію: перекочеваніе, движеніе къ западу производилось, слѣдовательно, весьма медленно.

Если мы предположимъ, что изъ средней Азіи европейскіе арійцы отправились прямо на западъ, т. е. по описанной нами выше сѣверной окраинѣ Иранскаго плоскогорія, то, чтобы проникнуть въ Европу, они должны были пройти или черезъ Кавказскій перешеекъ, т. е. между Чернымъ и Каспійскимъ морями, или идти еще далѣе къ западу, по Армянскому плоскогорію въ Анатолійскій полуостровъ, который, по справедливому замѣчанію, представляется въ видѣ моста, перекинутаго изъ Азіи въ Европу. Поверхностное даже ознакомленіе съ разнообразными физическими условіями мѣстности Кавказскаго перешейка дѣлаетъ совершенно невѣроятнымъ весьма распространенное мнѣніе, будто бы служилъ онъ проводникомъ населенія Европы. Спустившись съ Иранскаго плоскогорія въ чрезвычайно разнообразныя по свойствамъ своимъ долины Аракса, Куры и Ріона, переселенцы долж-

жны были подвергнуться чрезвычайно разнообразнымъ вліяніямъ мѣстности, которыя не могли не измѣнить радикально прежняго ихъ образа жизни, не могли не превратить большей, по крайней мѣрѣ, части переселенцевъ изъ кочевыхъ въ осѣдлыхъ: осѣдлые запрудили собою дальнѣйшій потокъ переселенія, которое должно было измѣнить направленіе, искать для себя новыхъ путей. Если мы предположимъ, что первые переселенцы въ Закавказьѣ, уступая сильному напору новаго притока, вытѣснены были изъ своихъ жилищъ, (что, впрочемъ, противурѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ историческимъ явленіямъ этого края), то, во всякомъ случаѣ, они могли удалиться въ горныя ущелья южнаго ската Кавказа и тамъ держаться уже крѣпко. Легче допустить, что они всѣ были истреблены или погибли, подвергнувшись невыносимо-рѣзкимъ измѣненіямъ вліяній природы, чѣмъ то, что съ семействами и стадами своими успѣли они перебраться черезъ снѣжный гребень Кавказа. Во всякомъ случаѣ, эти выходцы, перейдя черезъ неслыханный рядъ бѣдствій, должны были подвергнуться такому упадку физическихъ и моральныхъ силъ, что не могли сдѣлаться праотцами могучихъ, кипящихъ жизнію европейскихъ народовъ. Мы знаемъ одно лишь направленіе, по которому могло происходить переселеніе изъ Закавказья на сѣверную сторону горъ: это есть Дагестанское прибрежье Каспійскаго моря, но и этотъ путь, перпендикулярно пересѣкающій рѣчныя долины, съуженный въ иныхъ мѣстахъ горными отрогами, скоро могъ быть загороженъ первыми поселенцами. Замѣтимъ еще разъ, что переселеніе народа подчинено совсѣмъ инымъ условіямъ, чѣмъ движеніе орды завоевателей: гдѣ можетъ пройти орда, тамъ переселенцы могутъ встрѣтить непреодолимыя препятствія. Но мы сказали уже, что арійцы появились въ Европѣ переселенцами, а не хищною ордою. Еслибы проникли они туда черезъ Кавказскій перешеекъ, то не могли бы не оставить въ кавказскомъ народонаселеніи какихъ либо слѣдовъ своего пребыванія; кавказскіе арійцы должны бы

представлять собою звенья длинной цѣпи, связующей европейскихъ съ азіятскими, но этой связи наука не открыла, не смотря на всѣ свои усилія, не смотря даже на убѣжденія, преждевременно составившіяся. Чтобы отыскать связь между европейскими и азіятскими арійцами, должно было обратиться въ среднюю Азію. Таковымъ связующимъ звеномъ долгое время казались осетины, которыхъ индо-европейское происхожденіе не могло ускользнуть даже отъ самыхъ первыхъ наблюдателей; сами себя называютъ они иронами, что заставляетъ думать, что они изъ Ирана пришли въ нѣдра Кавказа. Но народъ этотъ могъ произойти отъ насильственной позднѣйшей мидійской колонизаціи, на что встрѣчаются даже историческія указанія. Въ заключеніе скажемъ, что г. Шёгренъ, изслѣдовавшій основательно осетинскій языкъ, вопреки прежнимъ своимъ убѣжденіямъ, окончательно впалъ въ сомнѣніе, должно ли осетинъ, не смотря на ихъ названіе ироны, причислить къ иранской вѣтви арійской расы.

Но съ Иранскаго плоскогорія арійскіе переселенцы могли свободно распространяться къ западу по Арменіи, по Малой Азіи и такимъ образомъ дойти до Архипелага, до Геллеспонта, до Босфора, откуда стоитъ лишь рукой подать въ Европу. Какъ ни легко это можетъ казаться намъ, но не такъ то легко было это для народа, чуждаго мореплаванію и судостроенію, для народа, подвигавшагося цѣлымъ домашнимъ бытомъ своимъ. Это возраженіе, впрочемъ, можетъ считаться не слишкомъ важнымъ; есть другія, болѣе убѣдительныя, доставляемыя сравнительной филологіей. Между латинскимъ и греческимъ языками существуетъ родственное сходство, болѣе тѣсное, чѣмъ то, которое можетъ быть объяснено однимъ лишь ихъ общимъ индо-европейскимъ происхожденіемъ. Но, съ другой стороны, оба языка носятъ одинакія примѣты древности; латинскій нѣкоторыми свойствами своими имѣетъ даже въ этомъ отношеніи преимущество надъ греческимъ. Во всякомъ случаѣ эти языки не происходятъ одинъ отъ другого, но

происходятъ отъ одного общаго языка-прародителя, которымъ говорили, слѣдовательно, общіе праотцы грековъ и латиновъ. Если бы эти общіе праотцы проникли въ Европу черезъ Геллеспонтъ, Дарданеллы и Архипелагъ, то весьма естественнымъ образомъ прежде всего заселили бы Грецію и потомъ уже, съ теченіемъ вѣковъ, распространяясь далѣе и далѣе къ западу, достигли бы Аппенинскаго полуострова, сушью или моремъ. Въ такомъ случаѣ, конечно, произошло бы то филологическое явленіе, что латинскій языкъ обнаружилъ бы свое происхожденіе отъ языка древнѣйшаго, греческаго. Такъ и думали филологи прежняго времени: omnem Latinam linguam puberis matris Graecae puberam filiam esse. Но таковое мнѣніе теперь признано ложнымъ [1]). Итакъ, необходимо принять, что общіе праотцы грековъ и латиновъ не видали ни Греціи, ни Италіи, слѣдовательно, проникли въ Европу не со стороны Малой Азіи. Затѣмъ остается правдоподобнымъ одно лишь предположеніе, а именно, что они расселились по обѣ стороны Адріатическаго моря изъ туловища европейскаго материка, т. е. съ сѣвера относительно Греціи и Италіи. Физическія свойства нѣкоторыхъ странъ порождаютъ весьма крѣпкую связь между почвой и обитателями, связь, которую весьма трудно разорвать или, по крайней мѣрѣ, невозможно разорвать безъ того, чтобы на почвѣ не осталось отпечатка народа и на народѣ отпечатка почвы; въ другихъ странахъ, напротивъ, связь эта легко разрывается. Очевидно, что полуострова, острова, земли, прислоняющіяся къ непроходимымъ горнымъ хребтамъ, должны по преимуществу обладать этою силою, связующею почву съ обитателями; очевидно также, что равнины, удаленныя отъ морей, не пересѣченныя никакими естественными препятствіями,— какъ то: горными хребтами или длинными болотистыми полосами, обнаруживаютъ эту связь въ весьма слабой степени: ни земледѣ-

1) *Ersch* und *Gruber:* Encyclopaedie, zweite Section, XVIII, 61.

ліе, ни религія, ни гражданское устройство, не въ силахъ прочно закрѣпить ее; она устанавливается только постепеннымъ сообщеніемъ изъ тѣхъ странъ, которыя благопріятствуютъ ея развитію.

Этою способностью привязывать народъ къ почвѣ, въ высшей степени обладаютъ Закавказье, Анатолійскій полуостровъ, Архипелагъ, Греція. Мы выше сказали, что Туранъ, принимая его въ тѣсномъ значеніи Арало-Каспійской низменности, не только лишенъ совершенно этой способности, но, напротивъ, въ высокой степени обладаетъ способностью, ей противуположною, *разсѣвающею*. Связь между почвой и обитателями только въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и подъ вліяніемъ внѣшней силы могла развиться въ сѣверо-восточной, плоской части Европы. Разселеніе шло отъ востока къ западу, политическая осѣдлость, напротивъ, шла отъ запада къ востоку вдоль туловища материка Европы. Разселеніе, на нѣсколько тысячелѣтій, встрѣтило себѣ непреодолимую преграду въ Атлантическомъ океанѣ; геній Коломба успѣлъ раздвинуть ее, но великое событіе это совершилось лишь тогда, когда вполнѣ осѣдлая западная Европа довольно уже окрѣпла, чтобы къ закату и восходу солнца одновременно раскинуть сферу своего вліянія. И теперь еще осѣдлость, гражданственность, двигаясь въ продолженіе тысячелѣтій отъ Атлантики на востокъ, далеко не дошла до цѣли предназначеннаго ей пути.

Слѣды прохода кельтовъ, германцевъ и славянъ отпечатались бы навсегда на почвѣ Закавказья или Анатоліи, если бы племена эти прошли черезъ означенныя страны въ Европу. Простымъ разселеніемъ невозможно объяснить перехода арійцевъ изъ теплыхъ, щедро одаренныхъ всѣми естественными благами земель, въ Европу, гдѣ человѣку предстояла долгая борьба съ непривѣтливой, негостепріимной природой. Это дѣйствіе юга на сѣверъ, противурѣчащее естественнымъ отношеніямъ человѣка къ физическимъ условіямъ земнаго шара, не безъ примѣровъ въ исторіи, но оно возникало вслѣдствіе многосложныхъ замысловъ на-

родовъ, соединенныхъ въ великія и сильныя политическія тѣла. Такъ Дарій, ослѣпленный блескомъ своего могущества, царь царей, предпринималъ походы противъ скиѳовъ; такъ римляне проникли въ холодную Каледонію (Шотландію). Но таковыхъ великихъ арійскихъ государствъ не существовало въ Азіи въ эпоху заселенія Европы: иначе бы они не исчезли, не оставивъ по себѣ даже никакого воспоминанія. Мы видимъ предъ собою даже нѣсколько примѣровъ народовъ, которые рядомъ бѣдствій вынуждены были промѣнять теплую южную отчизну свою на отдаленный сѣверъ. Таковы напр. выходцы Индустана, цыгане, которыхъ языкъ доказываетъ ихъ арійское происхожденіе, но при насильственномъ переселеніи своемъ народъ этотъ утратилъ навсегда всякую способность къ совершенствованію: онъ представляетъ собою какъ бы болѣзненный наростъ, какъ бы сыпь, на здоровомъ тѣлѣ общества, въ которое успѣла проникнуть. Мы не позволимъ себѣ сказать чего либо подобнаго о евреяхъ, но и для нихъ нѣтъ въ будущемъ никакого историческаго поприща. Въ таковомъ состояніи бездомныхъ выходцевъ съ юга безъ сомнѣнія никогда не находились праотцы нынѣшнихъ европейскихъ народовъ.

Не придавая вѣроятностямъ характера достовѣрности, мы можемъ однако сказать, что нѣтъ ни малѣйшаго повода думать, будто бы Кавказскій перешеекъ служилъ когда либо путемъ населенія Европы изъ Азіи, и что, напротивъ, все въ совокупности дѣлаетъ предположеніе это въ высшей степени неправдоподобнымъ. Если даже этнографическія изслѣдованія открываютъ намъ какое либо родство племенъ, обитающихъ по южную сторону Кавказа, съ европейскими народами, то естественнымъ образомъ должно искать основу этого родства или въ Средней Азіи или, наконецъ, въ вторженіяхъ сѣверныхъ народовъ въ западную Азію черезъ Кавказскій хребетъ или Анатолію: послѣдняго рода явленія подтверждаются исторіей и не противурѣчатъ общему ходу вліяній физическихъ условій земнаго шара на человѣка. Такъ

напр. извѣстно намъ разселеніе грековъ съ запада на востокъ, въ Малую Азію, вторженіе туда же въ III в. до Р. Х. кельтовъ, которые сообщили завоеванной ими странѣ названіе Галатіи; вторженія славянъ въ Балканскій полуостровъ, наконецъ, многократныя вторженія схетовъ, скиѳовъ через Кавказскій перешеекъ въ западную Азію. Весьма вѣроятно, что длинный рядъ подобныхъ же событій, т. е. вторженій народовъ изъ Европы черезъ Анатолію и Кавказъ въ западную Азію скрывается отъ взоровъ нашихъ въ глуби временъ.

Но, съ другой стороны, мы не можемъ отказаться отъ убѣжденія, что столь загадочный скиѳскій міръ, котораго завѣса впервые приподнята Геродотомъ, міръ, начинающійся у Дуная и Карпатовъ и теряющійся для классическихъ писателей на востокѣ, въ безвѣстной фантастической дали, освѣтившейся для насъ историческимъ свѣтомъ, исходящимъ изъ Китая, что этотъ міръ представляетъ намъ явленія, продолжающія и довершающія великое доисторическое населеніе Европы господствующими въ ней нынѣ племенами. Послѣднія вышли изъ Средней Азіи и прошли въ Европу черезъ широкія Урало-Кавказскія ворота. Мы уже выше объяснили замѣчательное историческое предназначеніе Арало-Каспійской низменности: открытая, доступная со всѣхъ сторонъ, она втягивала въ себя народы съ востока какъ бы только для того, чтобы ринуть ихъ далѣе къ западу. Народы пускались въ это море суши не за тѣмъ, чтобы вѣчно блуждать по однообразной пустынѣ его, а чтобы достигнуть другого берега новаго отечества. И эти переходы не сопровождались никакими разрушительными для силъ народныхъ переходами черезъ рѣзкія противуположности физическихъ условій земной поверхности, каковымъ подверглись бы они, переходя съ юга на сѣверъ, съ плоскогорья на низменность. Долго не могла возникнуть прочная связь между почвой восточной Европы и ея народонаселеніемъ, потому что для первыхъ пришельцевъ уготована была Всевышнимъ Промысломъ

другая историческая почва, далѣе на западѣ, на полуостровахъ Европы и на прибрежьѣ Атлантики. Въ этомъ доисторическомъ разселеніи народовъ съ востока на западъ усматривается одинъ общій физіологическій періодъ: періодъ *хаотическаго сосредоточенія*; въ обратномъ дѣйствіи запада на востокъ—другой общій физіологическій періодъ: періодъ *организирующаго сосредоточенія*, періодъ *распредѣленія*.

Въ этомъ *взаимнодѣйствіи* великихъ историческихъ началъ, поверхностный взглядъ усматриваетъ одно лишь непримиримое *противудѣйствіе*, одинъ лишь непрерывный, безотрадный рядъ явленій разрушенія. Но это есть мнимая враждебность дня и ночи, лѣта и зимы.

Благословенъ и тьмы приходъ.

Въ послѣдовательности дня и ночи, въ послѣдовательности временъ года, мы усматриваемъ одно лишь возвратное, однообразное движеніе. Если подъ этимъ наружнымъ однообразіемъ скрывается процессъ развитія, если съ вѣками понижается внутренняя температура земнаго шара, если совокупность всего нынѣ живущаго на землѣ есть не болѣе какъ одинъ изъ геологическихъ періодовъ, которому были предшественники и которому будутъ преемники,—то во всякомъ случаѣ наблюденіе таковой жизни, измѣряемой длиннымъ рядомъ тысячелѣтій, покуда еще недоступно опыту. Человѣческая жизнь не представляетъ намъ собою таковаго однообразнаго возвращенія неизмѣнныхъ явленій: человѣкъ привѣтствуетъ возвратъ весны, во всемъ подобной прошлогодней, но самъ онъ уже не тотъ, какимъ былъ прошлою весною. Родъ человѣческій также живетъ своею жизнію, какъ и отдѣльный человѣкъ, но ходъ жизни его обозначается не столь быстро. Не изъ опыта скоротечной жизни нашей почерпаемъ мы понятіе о жизни человѣчества. Каждый шагъ его сопровождается колебаніями, но человѣчество идетъ впередъ и не возвращается по слѣдамъ своимъ. Мы, съ нашимъ вседневнымъ опытомъ, можемъ со-

присутствовать однимъ лишь колебаніямъ, исторія подмѣчаетъ шаги [1]).

Жизнь есть *обмѣнъ* взаимныхъ отношеній, обмѣнъ предполагаетъ различіе; чѣмъ различія умножаются, чѣмъ разнообразія увеличиваются, тѣмъ расширяется и усиливается дѣятельность жизни. Конечная цѣль таковой дѣятельности есть—*стройное цѣлое*, которое допускаетъ всѣ различія, всѣ отдѣльности, но соединяетъ и подчиняетъ ихъ одной высшей цѣли.

При поверхностномъ взглядѣ на физіологію земнаго шара т. е. на общность отношеній его къ судьбѣ рода человѣческаго, самыми ощутительными различіями представляются тѣ, которыя обусловливаются различнымъ распредѣленіемъ теплоты на земной поверхности, различіемъ климатовъ. Въ общемъ смыслѣ таковыя различія опредѣляются преимущественно относительнымъ разстояніемъ каждаго мѣста отъ полюса и отъ экватора, говоря объ одномъ лишь сѣверномъ полушаріи, т. е. лежитъ ли оно ближе къ сѣверу или къ югу. Такъ возникаетъ понятіе о противуположности сѣвера къ югу [2]). Если, какъ мы сказали, жизнь есть обмѣнъ различій, противуположностей, то жизнь рода человѣческаго должна бы по преимуществу проявиться во взаимодѣйствіи сѣвера и юга; таковое взаимодѣйствіе должно бы придать ей всю доступную ей полноту. Но сближеніе различій составляетъ не первоначальную, а конечную, высшую цѣль общечеловѣческой дѣятельности; ей предшествуетъ періодъ организирующаго сосредоточенія, періодъ распредѣленія. Каждая форма жизни должна самостоятельно развиться, чтобы потомъ, въ будущемъ единомъ *стройномъ цѣломъ*, выполнить свое предназначеніе. Чѣмъ болѣе могуче таковое отдѣльное развитіе, тѣмъ большій запасъ силы вноситъ оно въ общечеловѣческій кругъ дѣятельности, тѣмъ скорѣе возбуждаетъ таковую дѣятельность. Нигдѣ сѣверъ и югъ не

1) *А. Гюйо:* Земля и человѣкъ, русскій переводъ, (Спб. 1858), стр. 56.
2) *Ritter*'s Erdkunde, VIII, 209.

представляютъ столько удобствъ для взаимодѣйствія, какъ въ новомъ свѣтѣ [1]), который, притомъ, въ обоихъ полушаріяхъ переходитъ почти черезъ всѣ зоны, начиная отъ полярныхъ до тропическихъ. Но безъ посредства европейцевъ общечеловѣческая жизнь не могла здѣсь возникнуть: развитіе каждой особенности было слишкомъ слабо для участія во всемірной дѣятельности.

Различія между востокомъ и западомъ не такъ легко бросаются въ глаза, какъ между сѣверомъ и югомъ. Но климатическое разнообразіе опредѣляется не однимъ измѣненіемъ широты мѣста, оно зависитъ, какъ мы видѣли, и отъ возвышенія каждаго мѣста надъ уровнемъ океана и отъ болѣе или менѣе континентальнаго положенія и, наконецъ, отъ множества другихъ физическихъ условій. Климатическаго однообразія не существуетъ на земной поверхности на большомъ протяженіи, ни отъ сѣвера къ югу, ни отъ востока къ западу. Не смотря на то, само собою разумѣется, болѣе однообразія, менѣе противуположностей, ожидать можно между востокомъ и западомъ, чѣмъ между сѣверомъ и югомъ. Въ старомъ свѣтѣ, ограничивая таковое названіе Азіей, сѣверо-западнымъ продолженіемъ ея (Европой) и сѣверной окраиной Африки, взаимодѣйствіе постоянно происходило между востокомъ и западомъ, что вполнѣ объясняется великимъ распространеніемъ материка стараго свѣта отъ востока къ западу и несравненно меньшимъ распространеніемъ его отъ сѣвера къ югу, въ противуположность образу распространенія материка новаго свѣта. Итакъ, жизнь человѣчества развилась полнѣе и совершеннѣе тамъ, гдѣ происходила встрѣча менѣе рѣзкихъ климатическихъ разнообразій, что, повидимому, противурѣчитъ сказанному нами о широкости и полнотѣ жизни. Противурѣчіе это мнимое. При величайшемъ разнообразіи пластическаго строенія и очертанія своего, старый свѣтъ обладаетъ несравненно большимъ климатическимъ единствомъ, чѣмъ новый; въ старомъ свѣтѣ не

1) *Humboldt:* Asie Centrale, I, 95.

произошло первоначальнаго разъединенія между востокомъ и западомъ, ни между сѣверомъ и югомъ [1]), въ тоже время каждая особенность могла развиться въ широкихъ размѣрахъ.

Филологическія изслѣдованія, изученіе древнѣйшихъ священныхъ преданій стараго свѣта, приводятъ насъ въ Среднюю Азію, какъ въ общую колыбель, изъ которой началось разселеніе историческихъ народовъ, періодъ *хаотическаго сосредоточенія* [2]).

1) Землевѣденіе Азіи Риттера, русскій переводъ, I, 102.

2) Мы должны сознаться, что сближеніе противуположныхъ выраженій *разселеніе* и *сосредоточеніе* должно казаться неестественнымъ. Всякая выработавшаяся національность есть гармонія, установившаяся между физическими условіями страны и ея обитателями. Конечно, нельзя допустить, чтобы когда либо существовалъ странствующій народъ, который, выступивъ изъ Средней Азіи, шелъ безостановочно до самыхъ береговъ Атлантики. Вѣроятно каждый переселявшійся народъ заселялъ собою послѣдовательно и каждый, быть можетъ, на много вѣковъ лежавшія на пути страны. Но ни въ одной изъ этихъ странъ не успѣла водвориться гармонія, свойства которой мы сейчасъ объяснили; вездѣ народъ находился въ первобытномъ состояніи хаотическаго сосредоточенія, пока не наступилъ для него второй періодъ.

Въ Индіи періодъ организаціи наступилъ весьма рано и весьма давно уже достигъ полнаго своего развитія. Этотъ быстрый ходъ самостоятельнаго развитія объясняется самой природой Индіи и въ особенности строеніемъ ея въ видѣ полуострова. Но участіе ея въ общечеловѣческой дѣятельности не могло идти столь же быстрымъ ходомъ; оно ограничилось лишь ближайшими островами. На туловище азіятскаго материка Индія не оказывала обратнаго вліянія, что равномѣрно объясняется строеніемъ ея въ видѣ полуострова, хотя и весьма обширнаго, но несоразмѣрно малаго въ сравненіи съ великимъ туловищемъ азіятскаго материка, въ который врѣзывается она сѣверной половиной своей, но врѣзывается, не сливаясь съ нимъ и вездѣ сохраняя характеръ рѣзкой индивидуальности. Такимъ образомъ распространеніе индійской цивилизаціи по туловищу материка стараго свѣта сдержано было пластическими условіями самаго Индустана. Только впослѣдствіи времени насильственно изверженныя изъ Индустана сѣмена религіозной цивилизаціи пали въ восточной Азіи не на безплодную почву: теперь считается до 300 милліоновъ послѣдователей Буддизма, колыбель котораго была въ Индіи. Всякая цивилизація, хотя бы даже весьма односторонняя, достигнувъ нѣкоторой степени развитія, пріобрѣтаетъ силу, которой сами собою подчиняются менѣе развитые народы. Изгнанники, индійскіе буддисты, составили изъ разноплеменныхъ народовъ религіозную единицу, которая заключаетъ въ себѣ болѣе народонаселенія, чѣмъ величайшія монархіи, созданныя мечемъ завоевателей.

Таковаго вывода достигли мы изслѣдованіями, не касавшимися общаго строенія стараго свѣта. Но, если бы на оборотъ, оставивъ въ сторонѣ міръ преданій, мы ограничились однимъ лишь обсужденіемъ пластическаго устройства стараго свѣта въ великихъ его формахъ; если бы предположили себѣ на основаніи таковаго обсужденія отыскать страну, которая по всѣмъ вѣроятностямъ нѣкогда предназначена была служить мѣстомъ исхода общечеловѣческой исторической дѣятельности, то таковую страну указали бы въ Средней Азіи. «Въ этой серединѣ находимъ мы: наивозможно бо́льшее взаимное сближеніе обоихъ нагорій (Монгольскаго и Иранскаго) къ ю.-з. и с.-в., между которыми проникаютъ съ ю. и с., въ видѣ прямыхъ угловъ, обширныя низменности (Туранская и Индустанская), принимающія послѣдовательно участіе въ явленіяхъ двухъ совершенно различныхъ нагорій, образующихъ гористую вершину ихъ треугольниковъ, а связь между нагорьями и низменностями образуется уступами главныхъ рѣчныхъ системъ Ганга, Инда и Окса, принадлежащихъ къ самымъ замѣчательнымъ воднымъ системамъ земнаго шара. Здѣсь скучены слѣдовательно всѣ главныя формы низменностей и нагорій: плоскогорія, альпійскія и горныя страны, хребты окраинъ, равнины и долины съ водосклонами на всѣ стороны свѣта, съ далеко раскинувшимися передовыми странами, приготовившими для всего движущагося и одареннаго жизнію пути къ двумъ океанамъ и двумъ частямъ свѣта; такія соединенія представляютъ театръ безконечнаго разнообразія, котораго вліяніе на ходъ развитія исторіи человѣчества превращаетъ этотъ пунктъ въ самый возбужденный импульсомъ природы на всемъ земномъ шарѣ» [1]).

Начиная отъ Средней Азіи, отъ страны, гдѣ протекаетъ райская рѣка Геонъ (Оксусъ), «она обтекаетъ всю Кушъ»,

1) Землевѣдѣніе Азіи К. Риттера, русскій переводъ, I, 97.

внизъ къ югу вдоль райской рѣки Фиссона (Индъ), «она обтекаетъ всю землю Хавила» [1]), вдоль восточной и южной окраины Иранскаго плоскогорія, въ Мессопотаміи, вдоль восточнаго и южнаго береговъ Аравійскаго полуострова, вдоль африканскаго берега Чермнаго моря, въ Сиріи, на ближайшихъ къ Азіи островахъ Архипелага, даже, быть можетъ, по берегамъ Греціи, по южному и восточному берегамъ Понта Эвксинскаго, находимъ мы признаки давно минувшаго существованія непрерывной цѣпи народовъ дѣятельныхъ, предпріимчивыхъ, торговыхъ, мореплавателей, одаренныхъ высокою способностью наблюдать, изобрѣтать, строить, мѣрить, — народовъ, которыхъ открытія въ области прикладныхъ точныхъ наукъ составляли въ теченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій весь капиталъ обихода человѣчества, капиталъ, постепенно скудѣвшій, даже въ самую цвѣтущую эпоху классической образованности, и только въ наше время вновь быстро возрастающій. Ни одинъ изъ народовъ древности, ни въ одну изъ эпохъ существованія своего, озаренныхъ для насъ свѣтомъ исторіи, не обладалъ ни средствами, ни умѣньемъ создать колоссальныя постройки, подобныя сооруженіямъ египетскимъ, вавилонскимъ, ассирійскимъ. Всѣ великія изобрѣтенія, имѣвшія величайшее вліяніе на судьбу человѣчества, какъ напр., искусство добывать и обработывать металлы, земледѣліе, мореплаваніе и проч. теряются въ недосягаемой для взора нашего глуби времени. Историческіе вѣка до возрожденія наукъ въ Европѣ не ознаменованы никакимъ великимъ открытіемъ и собственно составляютъ какъ бы перерывъ въ изобрѣтательной дѣятельности человѣчества. Въ древнѣйшихъ священныхъ преданіяхъ народовъ находимъ мы имена таковыхъ великихъ изобрѣтателей, но имена эти суть, очевидно, миѳическія, выражающія собою изобрѣтатель-

1) Бытія II, 11, 13.

ную дѣятельность цѣлыхъ вѣковъ, длиннаго ряда поколѣній. Всякое новое открытіе содержитъ въ зародышѣ нѣсколько другихъ; чѣмъ болѣе сдѣлано таковыхъ, тѣмъ болѣе облегчается путь къ послѣдующимъ. На сборотъ, нельзя сомнѣваться, что первыя открытія требовали неимовѣрныхъ усилій, величайшаго напряженія изобрѣтательныхъ способностей; нѣкоторыя изъ нихъ, конечно, можно приписать счастливымъ случайностямъ; другихъ, какъ напр. кованія желѣза, не только нельзя приписать случайностямъ, но даже трудно объяснить, какъ человѣкъ дошелъ до нихъ. Таковыя открытія могли слѣдовать одно за другимъ не иначе, какъ весьма медленно. Не станемъ разсуждать о томъ, съ какимъ запасомъ врожденныхъ свѣдѣній человѣкъ появился на землѣ; ограничиваясь наблюденіями, къ которымъ и теперь еще могутъ представляться случаи, позволительно думать, что одно лишь умѣнье добывать огонь и обращаться съ нимъ составляло первоначальный запасъ познаній человѣчества. Представимъ же себѣ, сколько вѣковъ должно быто учиться людямъ, чтобы отъ простаго умѣнья добывать огонь дойти до умѣнья построить пирамиды египетскія, въ сравненіи съ которыми наши нынѣшія постройки кажутся ничтожными, до умѣнья основать государства, которыхъ столицы обширностію превосходили Парижъ и Лондонъ, наконецъ, до умѣнья дѣлать точныя астрономическія наблюденія, которыя производились уже за девятнадцать вѣковъ до Александра Македонскаго. Если мы сообразимъ все это, то должны сознаться, что наши новѣйшія открытія составляютъ незначительную часть того пути, который знаніе человѣческое совершило въ эпоху, недосягаемую для исторіи. Кто же были эти дѣятели на поприщѣ первоначальныхъ успѣховъ человѣческаго развитія? Кто же были эти исполины-строители, которые кажутся какъ бы сродни таинственнымъ строителямъ пирамидъ новаго свѣта, скрывающихся теперь въ глуби непроницаемыхъ лѣсовъ, вдали отъ жилищъ человѣческихъ. «Все они открыли намъ, кромѣ имени и существованія свое-

го» [1]). Имя есть «написанное на листѣ бѣлой бумаги, но ни строчки болѣе» [2]). «Написаны имена по лицу цѣлой земли, но невѣдомо кѣмъ».

Замѣтимъ, что въ преданіяхъ всѣхъ древнѣйшихъ народовъ эти великіе изобрѣтатели, наставники людей, являются въ видѣ чужеземцевъ; ни одинъ изъ историческимъ народовъ не причисляетъ ихъ къ сонму своихъ родоначальниковъ. Еще замѣчательнѣе, что, не смотря на благодѣтельныя послѣдствія ихъ открытій, они причисляются къ племени, проклятому Богомъ, къ племени, мудрому, какъ змій, но, какъ змій, преисполненному лукавства и злобы. Первый «земледѣлецъ» былъ Каинъ, убившій брата своего «пастыря овецъ» [3]) Авеля, въ которомъ олицетворенъ первоначальный бытъ непорочныхъ пастырей симитскихъ и арійскихъ. «Голосъ крови брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли. И нынѣ проклятъ ты отъ земли». Каинъ построилъ первый городъ на землѣ; потомокъ Каина *Іавалъ* былъ «отецъ живущихъ въ *шатрахъ* со стадами»; братъ его Іувалъ «былъ отецъ всѣхъ играющихъ на гусляхъ и свирѣли»; третій братъ Ѳовелъ «былъ ковачемъ всѣхъ орудій изъ мѣди и желѣза». И отецъ ихъ Ламехъ радуется изобрѣтенію Ѳовелову, какъ средству кровомщенія, и въ порывѣ дикаго восторга обращается къ женамъ своимъ съ слѣдующею пѣснею:

Ада и Села, услышьте гласъ мой,
Жены Ламеховы, прислушайтесь къ рѣчи моей,
За язву убью я человѣка,
За царапину ребенка.
За Каина мстилось седмицею,
За Ламеха да мстится семьдесятъ седмицею [4]).

1) *Д'Аламберъ.*

2) *Баронъ Экштейнъ.*

3) Бытія IV, 3, 9, 10, 20—25.

4) *Ewald*: Gesch. des Volkes Israel, Zw. Ausg. I, 357. Мы позволили себѣ представить этотъ точный переводъ допотопной пѣсни Ламеховой, полагая,

Проклятое Богомъ потомство Каиново размножилось на землѣ, «въ то время были на землѣ исполины» «сильные, издревле славные люди». Вмѣстѣ съ ними «увеличилось развращеніе человѣковъ на землѣ». И сказалъ Господь: истреблю съ лица земли человѣковъ, которыхъ Я сотворилъ, отъ человѣковъ до скотовъ, и гадовъ и птицъ небесныхъ истреблю» [1]). Но послѣ потопа вновь возникаетъ племя людей могучихъ, исполиновъ, нечестивыхъ, въ лицѣ проклятаго Ноемъ Хама, сыновей его Хуша (Куша), Мицраима (Египта), Фута и Ханаана. Хушъ (Кушъ) роди Нимрода: «сей началъ быть силенъ на землѣ» «царство его въ началѣ *составляли*: Вавилонъ» и пр. Далѣе повѣствуется, какъ строился Вавилонъ и башня его «высотою до небесъ»; «надѣлаемъ кирпичей и обожжемъ огнемъ; и стали у нихъ кирпичи вмѣсто камней, а земляная смола вмѣсто извести». Великое изобрѣтеніе искусственныхъ строительныхъ матеріаловъ, давшее человѣку возможность строить города въ замѣнъ кочевыхъ шатровъ и пещеръ троглодитовъ, какъ мы видимъ, также приписано нечестивому потомству Хамову, кушитамъ. Священное писаніе проникнуто чувствомъ омерзенія къ нимъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вездѣ описываются они въ видѣ народовъ богатыхъ, торговыхъ, промышленныхъ, свѣдущихъ во всякомъ искусствѣ. Всѣ усилія Моисея и, потомъ, пророковъ направлены къ тому, чтобы охранить избранный Богомъ народъ израильскій отъ язвы блестящаго, матеріальнаго развитія кушитовъ: но непрестанно народъ израильскій поддавался соблазну. Изъ исторіи премудраго царя Соломона видно, что онъ мыслилъ сблизить два враждебные элемента, заимствовавъ у кушитовъ одни лишь чудеса ихъ образованности, но и онъ не устоялъ противъ соблазна. «И разгнѣвался Господь на Соломона, за то, что онъ уклонилъ сердце свое отъ Господа, Бога Израилева» [2]).

что библейскій текстъ можетъ казаться темнымъ для тѣхъ, которые не вполнѣ усвоили себѣ разумѣніе языка церковнаго.

1) Бытія, VI, 4—8.

2) Кн. Царствъ III, XI, 9.

Основаніе всѣхъ древнѣйшихъ городовъ и, слѣдовательно, древнѣйшихъ государствъ въ западной Азіи приписывается книгой Бытія *исключительно* потомству Хамову [1]). Ни изъ потомства Симова, ни изъ потомства Іаѳетова ни одно лицо не является въ видѣ завоевателя или строителя городовъ и царствъ. Очевидно, что мы соприсутствуемъ той отдаленной эпохѣ, когда ни симиты, ни арійцы не дошли еще до западной Азіи, или, быть можетъ, начали появляться въ ней лишь въ видѣ разрозненныхъ, слабыхъ, неопасныхъ для осѣдлаго могучаго Хамова потомства, кочевыхъ племенъ. Историческія указанія книги Бытія составляютъ какъ бы лучъ солнечный, на короткое время приподнимающій передъ глазами нашими густую мглу тумана, скрывающаго картину; ускользнулъ этотъ лучъ свѣта и снова все погрузилось въ мракъ на длинный рядъ вѣковъ. Когда, наконецъ, за двадцать вѣковъ до Р. Х., въ эпоху жизни Авраамовой, вновь начинаетъ мерцать свѣтъ, то мы усматриваемъ въ западной Азіи прежніе города, прежнія царства, но уже въ этихъ городахъ живутъ, этими царствами правятъ, повидимому, одни лишь симиты и арійцы. Въ одномъ Египтѣ, не смотря на всѣ примѣси, видимъ мы народъ, не симитскаго и не арійскаго происхожденія. Какія же событія совершились въ этомъ долгомъ промежуткѣ историческаго мрака? Не знаемъ. Мы знаемъ Царьградъ Константина Великаго; представимъ себѣ, что мгла неизвѣстности налегла на этотъ городъ слишкомъ на тысячелѣтіе, что, потомъ, въ XV в. снова вышелъ онъ предъ лицо исторіи: городъ тотъ же, но властители въ немъ другіе. Такъ, быть можетъ, въ продолженіе длиннаго, неизвѣстнаго намъ періода времени, одряхлѣвшіе кушиты исчезли, подавленные напоромъ исполненныхъ свѣжихъ силъ симитовъ и частію арійцевъ, оставивъ имъ въ наслѣдство и великолѣпные чертоги свои, и матеріальное

1) Бытія, X.

образованіе и даже религію. Нельзя думать, чтобы кушиты были истреблены до послѣдняго человѣка, но они могли смѣшаться съ новыми пришельцами; какія средства имѣемъ мы теперь, по прошествіи тысячелѣтій, подсмотрѣть ихъ въ смѣшанномъ древнемъ народонаселеніи Тигро-Евфратскихъ монархій и южнаго Ирана? То, что утратили они языкъ свой, не должно удивлять насъ: кушиты были по преимуществу городскіе жители, которые не такъ легко сохраняютъ языкъ свой, какъ жители сельскіе и, въ особенности, кочевые. Если всѣ кушитскіе языки были родственны съ древнимъ египетскимъ, который, сколько мы можемъ судить, былъ языкомъ почти *уединяющимъ* (isolante), то, не смотря на все превосходство своего образованія, кушиты могли уступить природному превосходству *изгибающихъ* [1]) (fléchissantes) языковъ симитскихъ и арійскихъ. Замѣтимъ, притомъ, что древніе писатели знали о существованіи на югѣ западной Азіи темной породы людей съ гладкими волосами. Этихъ людей называли они *восточными* или *азіятскими* еѳіопами [2]). Замѣчено было уже выше, что греческіе переводчики библіи замѣняли еврейскія названія странъ и народовъ другими названіями, сдѣлавшимися болѣе извѣстными, какъ напр. страну Араратскую—Арменіей, Уръ - Касдимъ—Халдеей. Такъ и еврейскихъ кушитовъ, потомковъ Хуша, сына Хамова, замѣнили они еѳіопами; райская рѣка Геонъ, орошающая землю еѳіопскую, въ еврейскомъ подлинникѣ орошаетъ землю Хусову. Все это несомнѣннымъ образомъ доказываетъ, что Геродотъ и другіе классики называли еѳіопами остатокъ потомства Хамова, племени, нѣкогда господствовавшаго на землѣ.

Должно ли считать кушитовъ за совершенно особую расу, столь же отличную отъ симитской и арійской, какъ послѣднія двѣ отличны одна отъ другой? Нельзя не сознаться, что вопросъ этотъ

1) На стр. 59 эти языки названы авторомъ *развивающими*. Прим. ред.
2) *Геродотъ* VII, 69.

до сихъ поръ подаетъ поводъ ко многимъ сомнѣніямъ. Библейское распредѣленіе на три расы всѣхъ бывшихъ на слуху у евреевъ народовъ съ перваго взгляда не оставляетъ никакого сомнѣнія въ самостоятельности кушитской расы, распавшейся на множество народовъ; при внимательномъ изслѣдованіи, возникаютъ недоумѣнія, конечно, не въ отношеніи къ справедливости библейскихъ сказаній, но въ отношеніи къ способу, какъ толковать ихъ. Распредѣленіе это, повидимому, основано не столько на происхожденіи народовъ, сколько на положеніи странъ, которыя были ими занимаемы, при чемъ страны эти раздѣлены на сѣверную, среднюю и южную полосы [1]). Потомство Хамово изображаетъ совокупность обитателей южной, жаркой полосы zona torrida: даже само названіе Хамъ значитъ *черный* [2]), что, быть можетъ, прямо относится къ отличительному физическому свойству обитателей жаркой полосы. Если принять безусловно таковое толкованіе, то, конечно, могли быть причислены къ племени Хамову симитскіе и даже арійскіе народы, обитавшіе въ жаркой полосѣ. Намъ положительно извѣстно, что языкъ финикіянъ былъ симитскій, а, между тѣмъ, библія причисляетъ ихъ къ потомству Хамову: «Отъ Ханаана родился Сидонъ, первенецъ его» [3]). Наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ, что первые основатели городовъ и государствъ въ Месопотаміи и Сиріи были симитскаго происхожденія, кажется то, что большая часть названій этихъ городовъ и государствъ могутъ быть объяснены помощію симитическихъ языковъ. Съ другой стороны можно возразить, что всѣ эти названія переданы намъ симитами; что если бы только черезъ турокъ потомство узнало о существованіи Византіи и Константинополя, то не знало бы оно ничего ни о Византіи, ни о Константинополѣ, а знало бы объ одномъ лишь Стамбулѣ; что кушиты могли

1) *Tuch*: Kommentar über die Genesis, 203.
2) *Renan*: Hist. des langues sémit. I, 40.
3) Бытія X, 15.

промѣнять языки свои на симитскіе точно также, какъ въ послѣдствіи времени не разъ случалось, что симиты мѣняли языки свои на арійскіе. Языкъ древнихъ египтянъ, сколько можемъ мы судить о немъ, не принадлежалъ къ симитскому корню. Туземное названіе Египта *Хеми*, быть можетъ въ связи съ названіемъ Хама. Соотношенія между характеромъ развитія Египта и таковымъ же древнѣйшаго Вавилона не могутъ подлежать сомнѣніямъ; трудно предположить, чтобы вавилоняне были только учениками египтянъ въ наукахъ и искусствахъ; скорѣе даже можно полагать, что обѣ таковыя цивилизаціи, основанныя на общемъ началѣ одноплеменности, развивались каждая самостоятельно, тѣмъ болѣе, что Египетъ, по уединенному положенію своему, не обладалъ большою способностью къ внѣшней дѣятельности [1]. Имя кушита Нимрода, библейскаго основателя Вавилона, встрѣчается въ числѣ царей одной изъ древнѣйшихъ египетскихъ династій; наконецъ, если библія называетъ кушитами нѣкоторые народы несомнѣнно симитскаго происхожденія, то это могло относиться къ тому, что народы эти вполнѣ подчинились вліянію кушитской образованности и тѣмъ наложили на себя, въ глазахъ евреевъ, печать отверженія, тяготѣвшаго надъ цѣлымъ потомствомъ Хамовымъ.

Припомнимъ еще разъ читателю, что основаніе городовъ въ Месопотаміи книга Бытія приписываетъ кушитамъ, т. е. потомству Хуша, сына Хамова; выше говорится о райской рѣкѣ Геонъ, «сія окружающая всю землю Еѳіопскую», въ еврейскомъ подлинникѣ «сія окружающая всю землю Хусову». Землею Хушовою должно бы почитать Месопотамію, но страна эта орошается Тигромъ (Хиддекель) и Евфратомъ, которые поименованы въ числѣ райскихъ рѣкъ; слѣдовательно, рѣку Геонъ и землю Хушову надобно искать не въ Тигро-Евфратскомъ бассейнѣ. Притомъ, не

1) *Kunick* въ Mel. asiat. de l'Académie des sciences de St.-Pétersb. 5-me livr. 1852, 512, 513.

самъ Хушъ является основателемъ городовъ, а сыновья и внуки его, которые «двинувшись съ Востока, нашли въ землѣ Сенааръ равнину, и поселились тамъ» [1]). Итакъ, согласно библейскому сказанію, землю Хушову должно искать на востокѣ отъ Месопотаміи; на Иранскомъ плоскогоріи, или далѣе еще въ Средней Азіи. Въ числѣ сыновей Хушовыхъ названъ Эвила (Хавила) [2]), въ числѣ райскихъ рѣкъ названа рѣка Фисонъ «она обтекаетъ всю землю Хавила, ту гдѣ злато; и золото той земли хорошее; тамъ бдолахъ и камень ониксъ» [3]). Судя по этимъ произведеніямъ, которыя въ Египетъ и Аравію привозились во времена Моисеевы моремъ изъ Индустана, рѣка Фисонъ изображаетъ Индъ, слѣдовательно, на Индѣ должно искать землю Эвилатскую. Эвила названъ въ книгѣ Бытія сыномъ Хуша; согласно историческому смыслу библейскихъ родословныхъ росписей, должно думать, что народъ эвилатскій вышелъ изъ земли Хушовой, что народъ этотъ прямо произошелъ отъ обитателей земли Хушовой (Еѳіопской греческаго перевода), которую орошаетъ рѣка Геонъ. Мы выше замѣтили, что разселеніе арійцевъ по Индустану происходило по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку и что первоначальное отечество ихъ должно искать въ высокой странѣ источниковъ Оксуса и Яксарта. Если допустить подобное же направленіе разселенія кушитовъ по Индустану, то за библейскую землю Хушову (Еѳіопскую) должно принять высокія полосы Турана, а за райскую рѣку Геонъ—Оксусъ, нынѣшнюю Аму-Дарью. Но все это не болѣе, какъ выводы изъ цѣлаго ряда предположеній, которыхъ справедливости ничѣмъ нельзя доказать. Если, совершенно независимо отъ библейскихъ сказаній, мы въ древнѣйшихъ преданіяхъ самаго Индустана найдемъ какіе либо слѣды Хуша (Куша), Эвила (Хавила) и пр., то, конечно, весь вопросъ о кушитахъ пріобрѣтетъ

1) Бытія XI, 2.

2) Тамъ же X, 7.

3) Тамъ же II, 11 и 12.

надежную степень достовѣрности и уясненія. Таковые слѣды дѣйствительно находимъ мы.

Въ Индустанѣ и въ цѣломъ древнемъ мірѣ славилась изобиліемъ золота и драгоцѣнныхъ камней сѣверо-западная оконечность полуострова, страна Дарада, подлѣ Кашмира. Эта страна въ тоже время носитъ въ древнѣйшихъ Ведахъ названіе Кампила [1]), Капила, близко подходящее къ Хавила. Оно имѣетъ весьма разнообразныя формы, изъ которыхъ одна, быть можетъ, уцѣлѣла въ нынѣшнемъ названіи города Кабула. Самый корень всѣхъ этихъ разнообразныхъ названій въ санскритскомъ языкѣ заключаетъ въ себѣ нѣчто зловѣщее, темное, подземное [2]). Въ понятіяхъ индійскихъ арійцевъ, темнокожіе народы, издревле обитавшіе у подошвы Гималая, находились въ тѣсной связи съ этимъ подземнымъ міромъ. Были двѣ сестры, миѳически изображающія состояніе первосозданной жены до грѣхопаденія и послѣ него. Одна изъ нихъ, царица дня, бѣлая, лучезарная, покровительница людей бѣлолицыхъ, поклоняющихся богамъ, живущимъ на небѣ, богамъ охотниковъ, пастырей и воиновъ; другая сестра, царица ночи, темная покровительница людей темнокожихъ, поклоняющихся богамъ подземнымъ, богамъ-зміямъ, расточающимъ поклонникамъ своимъ «дѣлающимъ землю» плоды земли и сокровища, скрытыя въ нѣдрахъ ея. Неумолимая вражда отдѣляетъ поклонниковъ жены свѣтлой отъ поклонниковъ жены темной, жены-змѣи. Послѣдняя носитъ различныя названія: Капиши, Кадру, Кефены; съ этими наименованіями связаны этническія названія: Кадравейасъ (Кадру, Гедрозія) [3]) и весьма распространенное между греками

1) *Lassen*: Ind. Alterth. I, 530.

2) *Baron Eckstein* въ Athenaeum français, 22 avril, 27 mai, 19 août 1854; его же въ *Journ. asiat.* 1855 août—septembre, oct.—nov., déc.: de quelques légendes brahmaniques qui se rapportent au berceau de l'espèce humaine.

3) *Lassen*: въ Zeitsch. für die Kunde des Morgenl. IV, 111—113.

названіе Кефены, служившее для означенія всѣхъ вообще восточныхъ, азіятскихъ еѳіоповъ, или библейскихъ кушитовъ. Эти древнѣйшіе темные обитатели предгорій Гималайскаго хребта считали себя потомками Прадшапати, повелителя всѣхъ созданій, бога *Куши*. Такимъ образомъ мы въ индійскихъ преданіяхъ, относящихся къ эпохѣ, многими вѣками предшествовавшей эпохѣ Моисеевой, находимъ имя Куши, несомнѣнно тождественное съ библейскимъ Хушомъ, въ видѣ имени родоначальника многочисленныхъ народовъ, обитавшихъ, какъ въ самомъ Индустанѣ, такъ и въ прилежащей къ нему странѣ *Куша двипа*. Библейское сказаніе о рѣкѣ Геонѣ, орошающей землю Хушову (Еѳіопскую), объясняется совершенно чуждыми евреямъ индійскими преданіями. Дѣйствительно, Капила (Хавила, Эвила) находится въ Пенджабѣ, при входѣ въ Индустанъ съ сѣверо-запада; Капила есть сынъ Хуша, или, иначе, Капила есть народъ, вышедшій изъ страны Хушовой, которую орошаетъ не Фисонъ (Индъ), а вторая рѣка, называемая Геономъ. Эта страна Капила лежитъ подлѣ самой двери въ Индію; если народъ находится вблизи таковой двери, то надобно предположить, что онъ только что вошелъ въ Индію, а не то, что готовится покинуть ее; послѣднее предположеніе опровергается всѣми особенностями индійской природы. Но если капила только что вступили въ Индію, то послѣдняя великая рѣка, которую они могли видѣть, была Оксусъ, Аму-Дарья. Мусульмане теперь называютъ Оксусъ Джейхуномъ, тождественнымъ съ Геономъ, Каина Кабиломъ: таковыя названія могутъ казаться произвольными, ни на чемъ не основанными; объясненіе ихъ находили мы въ сравнительномъ изученіи библейскихъ и индійскихъ преданій. Потомство Куши въ Индіи развѣтвилось на множество племенъ или народовъ, извѣстныхъ подъ общимъ собирательнымъ названіемъ каушика. Изъ числа ихъ, нѣкогда носившіе названіе кшудрака, въ теченіи времени превратились въ шудра или судра, составляющіе теперь особую касту въ браманической Индіи, четвертую

по степени достоинства, обрѣченную служенію высшимъ кастамъ, отъ которыхъ теперь еще рѣзко отличается она болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи. У шудра существовало поклоненіе богу *Камъ*, олицетворявшему собою жаръ любви оплодотворяющей. Это имя божества, столь близкое къ имени второго сына Ноева, Хама, разошлось по всему западу Азіи и даже проникло въ Египетъ, гдѣ чествовали древняго бога Кхема; между хананеями распространено было служеніе богу Камосу, и Соломонъ, совратившійся въ старости своей вслѣдъ боговъ иныхъ «построилъ капище Хамосу, мерзости Моавитской» [1]).

Слѣды распространенія хамитскаго племени къ западу особенно явственно замѣтны вдоль южной приморской окраины материка западной Азіи и далѣе по восточному берегу Средиземнаго моря и по островамъ Архипелага. Слѣды доисторической дѣятельности хамитскаго племени внутри великаго азіятскаго материка труднѣе подмѣтить, или, лучше сказать, они обнаруживаются лишь рядомъ явленій, очевидно имѣющихъ между собою взаимную связь, но совершенно чуждыхъ, по характеру, всему тому, что могло возникнуть изъ коренныхъ началъ симитскихъ или арійскихъ. Чистѣйшее проявленіе симитскаго характера, конечно, находимъ мы въ исторіи первыхъ еврейскихъ патріарховъ до-египетской эпохи, которые такъ опасались притока въ семейную жизнь свою чужеземныхъ элементовъ, что даже женъ брали у однородцевъ, жившихъ въ далекой сторонѣ. Картина жизни первыхъ еврейскихъ патріарховъ производитъ на воображеніе чарующее впечатлѣніе, будучи проникнута истиною, не смотря на то, что въ ней встрѣчаются нравственныя явленія, рѣзко противуположныя нашимъ понятіямъ, но съ которыми можно, впрочемъ, примириться, вникнувъ въ особенности симитскаго характера. Согласно понятіямъ симитовъ, Богъ создалъ человѣка *по образу*

1) Кн. царствъ 3, XI, 7.

и по подобію своему, человѣкъ долженъ творить добро, но добро есть воля Божія, которую человѣкъ познаетъ откровеніемъ свыше, а не мышленіемъ; міръ созданъ, чтобы *повѣдать славу Божію* и *возвѣстить твореніе рукъ его человѣку*. Другого смысла мірозданія не существовало для первоначальныхъ симитовъ, которыхъ типъ сохранился во всей чистотѣ въ аравитянахъ пустыни.

Подобнымъ образомъ раскрывается передъ нами и картина первобытнаго арійскаго міра въ древнѣйшихъ Ведахъ и въ древнѣйшихъ иранскихъ преданіяхъ о золотомъ вѣкѣ Іимы: это есть дѣтски-свѣтлое сочувствіе къ природѣ, безсознательное убѣжденіе, что все существующее имѣетъ разумное право на существованіе. Въ глазахъ первобытныхъ арійцевъ всѣ дѣятели природы были боги, дѣйствующіе подъ вліяніемъ неотъемлемыхъ условій, такъ же опредѣляющихъ свойства ихъ, какъ три угла опредѣляютъ свойства треугольника. Между этими богами, одни благопріятны, другіе враждебны человѣку, но совокупная дѣятельность ихъ, животрепещущая природа, не удручаетъ его ни скорбію, ни уныніемъ, ни сомнѣніемъ, не возбуждаетъ въ немъ ропота. Какъ говоритъ Гумбольдтъ, простое соприкосновеніе съ природою, вліяніе чистаго воздуха, дѣйствуютъ на человѣка успокоительно, услаждаютъ горе, укрощаютъ страсти, когда духъ взволнованъ. Они возбуждаютъ въ насъ безотчетное сознаніе порядка и законовъ, природою правящихъ, представляя намъ противуположность между тѣсными предѣлами нашего существованія и безпредѣльностью, отражающеюся вездѣ, и на звѣздномъ сводѣ неба, и на равнинѣ, теряющейся вдали, и на поверхности океана, сливающейся съ туманомъ [1]). Таковыя дѣвственныя почвы, симитская и арійская, могли ли сами собою, безъ инородныхъ наносовъ, породить и выростить чудовищныя вѣрованія, которыя встрѣчаемъ мы въ древнеазіятскомъ мірѣ?

1) *Humboldt*: Cosmos (Stuttgart und Tübingen 1845), I, 6.

Начало всѣхъ этихъ вѣрованій должно искать въ естественномъ стремленіи человѣка проникнуть тайну происхожденія органической жизни на землѣ. Чисто матеріальный способъ воззрѣнія на эту неразрѣшимую задачу, повидимому, былъ безусловно принятъ хамитами. Хаосъ, водная бездна, въ которой въ видѣ ила растворена была матерія всего нынѣ существующаго, былъ предвѣченъ. Это есть начало библейской космогоніи: »земля же была безвидна и пуста, и тьма надъ бездною», причемъ вычеркнута первая строка ея «въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю». Матеріализмъ представлялъ хаосъ предвѣчнымъ, никѣмъ несотвореннымъ. Но необходимо предположить какое нибудь внѣшнее вліяніе на него, чтобы былъ свѣтъ, чтобы была твердь, чтобы явилась суша. Вода, море представлялись въ видѣ женскаго начала, оплодотворяемаго; это есть Мага-Маія великая матерь, египетскія богини Нейтъ, Пахтъ, Мутъ, Изида, вавилонская Милитта, Деркето филистимлянъ, хананейская Ашера, наконецъ архипелажская Аѳродита, богиня чувственной любви, исходящая изъ моря. Начало оплодотворяющее, мужское, представлялось въ неопредѣленномъ видѣ, смотря по тому, болѣе или менѣе успѣвалъ грубый матеріализмъ подавить въ кушитахъ всякую способность возвыситься надъ чувственными ощущеніями. Это другое начало, деміургъ, міростроитель, иногда представляется въ видѣ бога, не сотворившаго предвѣчной матеріи, но столь же предвѣчнаго, какъ и она, бога, ее оплодотворившаго, бога теплоты, свѣта, солнца, вызвавшаго жизнь въ сырости хаоса, великой матери, предвѣчной матеріи. Таковы боги-деміурги суть египетскіе Фра, Птахъ, Аммонъ, Кнефъ, Хемъ, Озирисъ, вавилонскій Белъ, Дагонъ филистимлянъ, хананейскій Баалъ. Во всякомъ случаѣ первоначальное значеніе этихъ боговъ заключаетъ въ себѣ одно лишь понятіе оплодотворяющей теплоты, мужскаго начала. Въ сущности всѣ эти боги-деміурги не болѣе, какъ физическія силы, то, что называемъ мы теперь невѣсомою матеріей. Согласно основнымъ понятіямъ

хамитовъ, предвѣчная матерія сама заключала въ себѣ дѣйствующее мужское начало; она была андрогиническая, обоюдополая; безъ всякаго внѣшняго вліянія, въ ней возникло Вожделѣніе, Апазонъ, Любовь, даже не половое влеченіе животныхъ, а скорѣе взаимное притяженіе частицъ матеріи, химическое сродство.

Отсюда видно, что, если въ древне-азіятскомъ мірѣ, симиты, или лучше сказать, евреи суть представители монотеизма, арійцы пантеизма, то кушиты суть чистѣйшіе представители атеизма въ основаніяхъ своей космогонической философіи. Весьма сомнительна возможность встрѣтить атеиста, вполнѣ убѣжденнаго въ своихъ мнѣніяхъ, тѣмъ невѣроятнѣе еще существованіе народа-атеиста: таковыя понятія слишкомъ противурѣчатъ общеврожденному въ людяхъ способу воззрѣнія на мірозданіе. Такъ было и у хамитовъ-атеистовъ: по мнѣнію ихъ, изъ согрѣтой грязи возникли боги, полу-человѣки, полу-рыбы или полу-зміи: Эхидна, Деркето, Дагонъ и пр. Хамиты не могли устранить вѣрованія въ безсмертіе души, но это вѣрованіе связано было у нихъ съ нетлѣнностію бреннаго тѣла, откуда бальзамированіе. Не входя въ изложеніе подробностей религіозныхъ обрядовъ хамитовъ, ограничимся однимъ лишь указаніемъ на гибельное вліяніе, которое имѣли они на нравственный бытъ древнихъ обитателей цѣлой западной Азіи, преимущественно же симитовъ.

На началахъ, исключавшихъ всякое общечеловѣческое понятіе о божествѣ, хамиты должны были создать богослуженіе. Прекрасное есть равновѣсіе мысли съ формою, есть конечное, осязаемое, матеріальное проявленіе безпредѣльнаго, трудно-уловимаго чувства. Конечно, способность понимать прекрасное не составляетъ еще способности выражать его, но безъ первой вторая невозможна. Сознаніе человѣкомъ предвѣчнаго, разумнаго начала всѣхъ началъ, всеблагаго Творца вселенной, составляетъ самый плодотворный источникъ всего прекраснаго, совершеннаго человѣкомъ. Таковой источникъ въ самомъ началѣ изсякъ для хамитовъ.

Изящное было для нихъ лишь осуществленіемъ идеи колоссальнаго. Таковы суть пирамиды египетскія, башни и стѣны вавилонскія, колоссы баміанскіе и родосскіе, индійскія и армянскія скалы, обращенныя въ храмы и дворцы. Какими формами осуществить мертвыя понятія о предвѣчной матеріи, о возникшемъ въ ней вожделѣніи, о силѣ оплодотворяющей? Олицетвореніе всего этого египтяне пріискали въ животныхъ, которыхъ инстинктивная жизнь соотвѣтствовала ихъ понятіямъ объ инстинктивной дѣятельности природы. Такъ возникло въ Египтѣ обожаніе кошекъ, которыхъ глаза свѣтятъ въ темнотѣ и изображаютъ свѣтъ хаотической тьмы; крокодиловъ, амфибій, представлявшихъ собою выходъ творенія изъ темныхъ водъ хаоса на свѣтъ и на сушь; быковъ, олицетворявшихъ оплодотворяющую силу и т. п. Но обожаніе оплодотворяющей силы породило другіе символы, еще болѣе возмутительные для чувства, фаллусы, составлявшіе, на показъ всѣмъ, въ преувеличенныхъ размѣрахъ принадлежности нѣкоторыхъ идоловъ; египетскія женщины торжественно носили ихъ, при извѣстныхъ религіозныхъ церемоніяхъ. Можно ли предположить какое либо эстетическое чувство въ народахъ, создавшихъ таковые обряды? Можно ли приписывать вліянію жаркаго климата страны или чрезмѣрному обилію даровъ природы, таковое извращеніе всякаго нравственнаго чувства? Въ Вавилонѣ, въ Сиріи, въ Малой Азіи, въ Арменіи существовали храмы великой богини оплодотворенія и сладострастія, извѣстной подъ разными названіями: Милитты, Ашеры, Деркеты, Анаиты и пр. Въ честь ея, юныя дѣвы въ храмахъ и въ священныхъ рощахъ обязаны были жертвовать своею непорочностью, отдаваясь безотговорочно приходившимъ чужестранцамъ. Замужнія женщины посѣщали храмы и на извѣстный срокъ обрѣкали себя служенію богини, которое состояло въ распутствѣ. Знаменитѣйшіе всегда заключали по нѣскольку сотъ служительницъ, іеродулъ; подобные храмы разсѣяны были по пространству западной Азіи, начиная отъ береговъ Средиземна-

го моря до Индустана, гдѣ также издревле существовали священнослужительницы—баядерки. Положеніе этихъ храмовъ сладострастія находится въ тѣсной связи съ направленіемъ древнѣйшихъ доисторическихъ торговыхъ караванныхъ путей, которые соединяли отдаленную, загадочную страну Ѳины (Thynae, Чинъ, Chine?) съ берегами Средиземнаго и Чернаго морей. По этимъ путямъ шли драгоцѣнные камни и золото на западъ, изъ богатой страны царя Куверы, лежавшей къ сѣверу отъ Индустана, гдѣ, какъ слышалъ Геродотъ, муравьи, которые менѣе собаки, но болѣе лисицы, стерегутъ золото. Это есть міръ дѣятельности кушитскихъ купцовъ, о которыхъ темныя воспоминанія сохранились въ обширной сказочной литературѣ индусовъ. Вездѣ является въ нихъ богиня, отверзающая храмы свои богатымъ купцамъ для любовныхъ наслажденій съ прекрасными священными служительницами сладострастія [1]). Такъ по всей Азіи находимъ мы плоды древа «познанія добра и зла», которые мудрые, но лукавые, какъ зміи, кушиты, разсѣяли между болѣе одаренными, но неуспѣвшими еще выйти изъ состоянія дѣтской простоты, симитами и арійцами.

Существуетъ необъяснимая, но несомнѣнная связь между необузданнымъ сладострастіемъ и кровожаднымъ помѣшательствомъ, находящимъ наслажденіе въ мученіяхъ и истязаніяхъ; въ человѣкѣ или даже въ цѣломъ обществѣ меркнетъ всякая способность отличать изящное отъ уродливаго или, лучше сказать, послѣднее заступаетъ мѣсто перваго. Какъ бы утомленные сладострастіемъ, кушиты обоготворили начала, враждебныя плодородію земли и умноженію рода человѣчества. Это были страшныя божества Молохъ и Астарте, которыхъ нельзя было умилостивить иначе, какъ приношеніемъ людей въ жертву и самоувѣчьемъ. Ежегодно приносимы были таковыя жертвы и, сверхъ того, чрезвычайныя въ случаѣ общественныхъ несчастій, тяжкой войны, глада или бо-

1) *Journ. asiat.*, 1855, Décembre, 512.

лѣзни. Чтобы жертва угодна была Молоху, для нея избирался непорочный ребенокъ, первородный или единородный сынъ въ семействѣ и ни одно семейство не могло уклониться отъ выпавшаго ему жребія. Въ храмѣ стоялъ колоссальный мѣдный истуканъ Молоха съ распростертыми руками, пустой внутри, гдѣ разводился огонь, и когда колоссъ раскалялся, то, при оглушительныхъ звукахъ трубъ и литавръ, возлагали на руки истукана дѣтей, которыя скользили въ извергавшую пламя пасть Молоха [1]). Матери должны были присутствовать при этихъ жертвоприношеніяхъ и сдерживать слезы, удушать стенанія. Въ другихъ мѣстахъ, людей кидали въ море, олицетворявшее собою божество безплодное и враждебное всякой жизни. Великая Астарте, богиня дѣвственная, но воинственная и кровожадная, требовала себѣ въ жертву дѣвочекъ. Ея служительницы обрѣкали себя на вѣчное цѣломудріе, жрецы оскоплялись въ честь богини; во время великаго весенняго праздника Астарте, иногда фанатическое изступленіе овладѣвало толпами богомольцевъ, которые внезапно совершали надъ собою оскопленіе. Такъ распространился въ Азіи чудовищный обычай, которымъ умѣло въ послѣдствіи времени воспользоваться ревнивое сластолюбіе. При ложномъ основаніи, всѣ даже здравыя внушенія способствовали умноженію заблужденій. Кушиты не могли совершенно освободиться отъ вѣрованія въ единобожіе; мы видѣли, что предвѣчная матерія, по ихъ понятіямъ, заключала въ себѣ начала оплодотворяющее и оплодотворяемое, мужское и женское. Отсюда божества андрогиническія, обоеполыя, соединявшія въ себѣ противуположные характеры: Мелькартъ финикіянъ служилъ олицетвореніемъ соединенныхъ Баала и Молоха, дѣвственная богиня Астарте изображалась съ бородою Мелькарта [2]); во время религіозныхъ празднествъ женщины надѣвали на себя

1) *Діодоръ Сицилійскій*, XX, 14.

2) *Gerhart*: Kunst der Phönikier, 36, 38.

мужскія платья, вооружались мечами и копьями; мужчины облекались въ женскія одежды, сшитыя изъ тонкихъ, прозрачныхъ тканей [1]). Жрецы-евнухи ходили постоянно въ женскихъ платьяхъ прибѣгая ко всѣмъ ухищреніямъ женскаго кокетства; священнослужительницы были въ полномъ вооруженіи; при нѣкоторыхъ храмахъ таковыхъ было множество; что могло подать поводъ, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, къ преданіямъ объ амазонкахъ. На счетъ таковыхъ переодѣваній законодатель еврейскій предостерегалъ народъ Божій: «на женщинѣ не должно быть мужской одежды, и мужчина не долженъ одѣваться въ женское платье; ибо мерзокъ предъ Господомъ, Богомъ твоимъ, всякій дѣлающій сіе» [2]). Легко представить себѣ, до какой степени всѣ таковыя зрѣлища развратили воображеніе народное, какое болѣзненно-причудливое направленіе придали они ему. Женщина воинственная, кровожадная, мужчина слабый, женоподобный,—таковые идеалы встрѣчаемъ мы въ древнѣйшихъ кушитскихъ миѳахъ. Адонаи (Адонисъ) и Мемнонъ, прекрасные юноши, погибшіе до возмужалости; Семирамида, дщерь Милитты-Деркето, богини сладострастія и кровожадности, является величайшей завоевательницей, она имѣетъ множество любовниковъ, платящихъ жизнію за наслажденіе, каждаго Семирамида зарываетъ живаго въ землю и приказываетъ насыпать надъ нимъ высокій холмъ; она вводитъ въ употребленіе между воинами одежду, подобную женской, и окружаетъ себя евнухами, чтобы приближенные къ ней не казались ея сильнѣе. Сынъ ея Ниніасъ и всѣ послѣдующіе цари, въ продолженіе тридцати поколѣній до Сарданапала, проводятъ жизнь посреди наложницъ, не показываются подданнымъ, не ведутъ войны; Сарданапалъ занимается женскими рукодѣльями, носитъ женское платье, румянится и бѣлится, подделываетъ голосъ свой подъ женскій [3]).

1) *Movers*: Religion der Phönikier, 451.

2) Второзаконія XXII, 5

3) *Діодоръ Сицилійскій*, II, 21, 23.

Конечно, эти странные нравы выработались въ течении длиннаго ряда вѣковъ и относятся къ эпохѣ цивилизаціи, отжившей уже свой вѣкъ и умиравшей посреди продолжительной мучительной агоніи. Конечно, древнѣйшіе исполины-кушиты, строители, изобрѣтатели, не похожи были на Сарданапала, но нѣтъ сомнѣнія, что въ самомъ первоначальномъ настроеніи ихъ генія, *вполнѣ матеріальнаго*, въ ихъ религіозныхъ системахъ, хранились зародыши окончательнаго позорнаго развитія ихъ цивилизаціи. Скажемъ еще болѣе, эти зародыши обнаружились даже въ невѣдомую и непостижимую для насъ эпоху созданія кушитскихъ языковъ, если только о системѣ ихъ позволительно судить по тому немногому, что намъ извѣстно о языкѣ древнихъ египтянъ. Съ другой стороны можно полагать, что ни симитская, ни арійская расы, достигнувъ даже періода совершеннаго истощенія, глубокой дряхлости, каковой періодъ, какъ кажется, наступилъ уже для симитовъ, не представляли бы явленій, подобныхъ тѣмъ, которыя мы описали выше. Еще разъ повторимъ, что явленія эти можемъ мы наблюдать лишь между древними народами, которые языкомъ и большинствомъ массы своей принадлежали несомнѣнно къ симитской расѣ и частію къ арійской. Но, во всякомъ случаѣ, таковые нравы у симитовъ и у арійцевъ суть заимствованные; чѣмъ менѣе подвергались эти двѣ расы столкновенію съ кушитскою, тѣмъ врожденный геній ихъ проявлялся въ большей чистотѣ. Таковыхъ чистыхъ симитовъ находимъ мы въ евреяхъ, пока хранили они законъ Моисеевъ, въ аравитянахъ пустыни; чистыхъ арійцевъ въ индусахъ Ригъ-Веды, въ иранцахъ Зендавесты, въ ахеменидахъ Киропедіи, въ германцахъ Тацита. Есть организмы, въ которыхъ болѣзнь можетъ развиться сама собою, другимъ сообщается лишь путемъ заразы; чѣмъ длиннѣе этотъ путь, тѣмъ болѣе слабѣетъ болѣзненное начало. Не мудрено, что на сирійскихъ и месопотамскихъ симитовъ всего сильнѣе подѣйствовала кушитская цивилизація, въ которой, конечно, не позволительно

видѣть одну лишь темную сторону. Переданныя симитами сѣмена этой цивилизаціи пали на благословенную почву Греціи; геній арійскій требовалъ лишь возбужденія, чтобы, посреди самыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, блеснуть яркимъ свѣтомъ [1]). Этихъ первыхъ впечатлѣній для него было довольно; позднѣйшее тѣсное сближеніе грековъ съ Азіей вслѣдствіе персидскихъ войнъ и завоеваній Александра Македонскаго не внесло никакихъ живительныхъ, благотворныхъ началъ; скорѣе подѣйствовало оно зловредно. Александрійская школа философовъ, риторовъ, грамматиковъ, музыкантовъ, ничего не добавила къ сокровищу человѣческаго развитія. Клеопатра представляетъ собою смягченныя, измѣнившіяся черты кушитскаго вліянія, нѣкогда столь сурово обозначившіяся въ миѳической Семирамидѣ. Но ветхому грѣшнику, напутствовавшему первый выходъ историческаго міра изъ колыбели, суждено было во всей отвратительной гнили выйти изъ могилы, чтобы мерзостной оргіей отпраздновать конецъ до-христіанскаго развитія человѣчества; римскіе легіоны на далекомъ востокѣ мечомъ раскопали смрадную могилу его; въ Неронахъ, Калигулахъ, Иліогабалахъ воскресли хананейскія, вавилонскія, нипевійскія чудовища разврата. Но это было не надолго. На самомъ востокѣ, послѣ паденія монархіи Ахеменидовъ, воздухъ очистился притокомъ свѣжихъ арійскихъ элементовъ, съ одной стороны изъ Турана париянскихъ, съ другой греческихъ. Позже исламизмъ замѣнилъ матеріальное религіозное ученіе кушитовъ симитскимъ монотеизмомъ, въ теченіи вѣковъ сохранившимся, какъ искра подъ пепломъ.

Индійскіе арійцы, сперва занятые упроченіемъ своего владычества на полуостровѣ, потомъ устройствомъ внутренняго быта, наконецъ, вполнѣ отдавшіеся мистическому созерцанію, отвергавшему всякую внѣшнюю политическую дѣятельность, не заботились

1) *Kunick* въ Mél. asiat. de l'Acad. de St.-Petersb., 1852, I, 5-me livr., 510.

о сѣверныхъ иранскихъ одноплеменникахъ своихъ. Если во всѣхъ народахъ арійской расы можно замѣтить *общія родовыя* нравственныя черты, то едва ли духъ внѣшней пропаганды составляетъ таковую черту; нѣкоторые арійскіе народы обладаютъ этимъ свойствомъ весьма въ слабой степени, индусы совершенно лишены его. Но затворническій, эгоистическій, уединенный отъ цѣлаго свѣта Индустанъ во всѣ эпохи магнитически манилъ къ себѣ всемірныхъ завоевателей: Индустанъ, откуда шли драгоцѣннѣйшія произведенія природы, находился, по мнѣнію древнихъ, на краю обитаемаго міра. „Изъ числа всѣхъ народовъ индійцы ближе всѣхъ къ зарѣ и къ восходу солнца. Съ этой стороны они суть первые обитатели Азіи. Далѣе къ востоку пески превращаютъ землю въ пустыню. Оконечности обитаемой земли одарены всѣмъ что есть прекраснѣйшаго на землѣ" [1]). Завоеваніе Индіи представлялось завоевателямъ въ видѣ окончательнаго подвига, долженствовавшаго увѣнчать трудное ихъ поприще. Но этого окончательнаго подвига не удалось совершить вполнѣ ни одному изъ древнихъ завоевателей, приходившихъ съ запада. Міръ индійскій и міръ западно-азіятскій никогда не могли слиться воедино, даже на короткое время.

Не смотря на чрезвычайное разнообразіе, представляемое физическими свойствами западной половины континента Азіи, составленной изъ нѣсколькихъ великихъ отдѣльныхъ типовъ мѣстности: обширныхъ плоскогорій, низменностей, альпійскихъ странъ, не смотря на то, что обитатели ея принадлежали къ тремъ различнымъ расамъ, изъ которыхъ каждая способна была къ самостоятельному развитію, западная Азія, за исключеніемъ Аравійскаго полуострова, въ продолженіи большей части древнихъ историческихъ вѣковъ представляется въ видѣ одного политическаго тѣла, которое, по временамъ, распадается на части, потомъ вновь

1) *Геродотъ*, III, 93, 101.

составляется во едино, каждый разъ измѣняя свое политическое средоточіе. Прочная осѣдлость, неразрывная связь между почвой и людьми здѣсь могли возникнуть рано. Дѣятельность силы разселенія ничѣмъ не стѣсняема была лишь на Иранскомъ плоскогоріи, но и тутъ она направлялась преимущественно по окраинамъ, избѣгая серединной безводной и безплодной пустыни. Чѣмъ тѣснѣе ложе рѣки, тѣмъ напоръ сильнѣе, тѣмъ скорѣе воды уносятся вдаль. Западная окраина Ирана, Мидійскій перешеекъ, представляетъ собою альпійскую страну, гдѣ общій типъ плоскогорія дробится на множество частныхъ, взаимно несходныхъ. Пришельцы, не находя впереди тѣхъ самыхъ физическихъ условій, съ которыми успѣли уже свыкнуться, должны были заботиться, какъ имъ удержаться въ странѣ, которую разъ успѣли занять, должны были отстаивать свою самобытность, національность, независимость. Въ этомъ помогала имъ сама страна, горнымъ характеромъ своимъ способствовавшая оборонѣ. Но сѣверо-западною оконечностью своей Иранское плоскогоріе соединяется съ Армянскимъ, сходнымъ съ нимъ по климату, но различествующимъ тѣмъ, что всѣ измѣненія, встрѣчающіяся въ Иранѣ и требующія тамъ для обнаруженія себя значительныхъ разстояній, въ Арменіи сближаются, перепутываются; здѣсь нѣтъ обширныхъ, негостепріимныхъ пустынь Ирана. Во всякомъ случаѣ, кочевыя племена, волей или неволей переселившіяся изъ Ирана въ Арменію, могли въ ней продолжать прежній образъ жизни, постепенно подготовляясь къ различнымъ новымъ условіямъ, ожидавшимъ ихъ впереди. Если сравнивать Арменію съ Ираномъ въ отношеніи къ способности разсѣванія скопившагося народонаселенія въ прилежащія страны, то всѣ преимущества остаются на сторонѣ Арменіи. Говоря вообще, каждая страна, при извѣстномъ содержаніи поверхности своей, тѣмъ тѣснѣе связана съ сосѣднею, чѣмъ болѣе имѣетъ съ нею точекъ соприкосновенія; такимъ образомъ, принимая въ соображеніе не физическія свойства страны, а одну лишь конфигура-

цію и поверхность ея, большая или меньшая связь ея съ сосѣдними можетъ быть опредѣлена большимъ или меньшимъ отношеніемъ площади ея къ длинѣ пограничной черты; но послѣдняя тѣмъ длиннѣе, чѣмъ болѣе изломана, чѣмъ болѣе заключаетъ въ себѣ исходящихъ и входящихъ угловъ, слѣдовательно, чѣмъ болѣе врѣзывается въ сосѣднія страны. Въ этомъ отношеніи особенно невыгодно очертаніе Иранскаго плоскогорія, имѣющее видъ четыреугольника, ограниченнаго почти прямыми линіями; къ югу лежитъ безостровное Индійское море, къ сѣверу также безостровный Каспій. Въ противуположность Ирану, Арменія имѣетъ весьма извилистыя границы и ниспадаетъ самыми разнообразными формами къ низменной долинѣ Курс-Ріонской, къ Месопотаміи, къ Малой Азіи, оттуда въ Понту Эвксинскому и къ Средиземному морю. Мы выше говорили о мнѣніи древнихъ восточныхъ народовъ, будто существуетъ высокая страна, откуда бѣгутъ всѣ воды, напояющія землю, откуда разбѣгаются онѣ на четыре стороны свѣта. Подобныя понятія существовали и о высокой странѣ, общей родинѣ всѣхъ народовъ, странѣ, которая не есть ни Индія, ни Иранъ, ни Туранъ, ни Чинъ, но, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и Индія, и Иранъ, и Туранъ и Чинъ; изъ этой высокой страны всѣ народы, населяющіе землю, разошлись на всѣ четыре стороны свѣта. Мы видѣли выше, что, если не въ отношеніи къ теченію рѣкъ и если не для цѣлаго свѣта, то, по крайней мѣрѣ, для огромнѣйшей части туловища материка стараго свѣта дѣйствительно существуетъ таковой узелъ, въ которомъ сходятся величайшіе отдѣльные типы его поверхности, два плоскогорія: Иранское и Монгольское, и двѣ низменности: Индійская и Туранская; мы видѣли также, что многія обстоятельства дѣлаютъ весьма правдоподобнымъ мнѣніе, что вокругъ этого узла находилась страна, изъ которой вышли три историческія расы стараго свѣта. Такимъ образомъ, величайшіе контрасты географическіе и этнографическіе сходятся вмѣстѣ въ Средней Азіи и страна сближенія ихъ, по всей справедливости,

можетъ быть названа *индифференціальною*, т. е. нейтральною относительно всего того, что опредѣляетъ отличія народовъ и странъ. Весьма естественно также, что если для цѣлаго стараго свѣта можно открыть таковую общую индифференціальную страну, то и для великихъ раздѣленій его, для частей его, могутъ существовать подобныя же частныя индифференціальныя страны. Если мы примемъ за одно великое цѣлое западную Азію, т. е. пространство континента отъ восточной окраины Ирана до Егейскаго Архипелага и отъ Кавказа до Персидскаго залива, пространство взятое за одно цѣлое вовсе не произвольно [1]), то индифференціальною, нейтральною страною его будетъ Армянское плоскогоріе. Не мудрено, что въ воображеніи народовъ западной Азіи это плоскогоріе облеклось миѳическимъ характеромъ, которое законнымъ образомъ принадлежитъ Средней Азіи, этому сердцу цѣлаго континента стараго свѣта. На Арменію западно-азіятцы смотрятъ, какъ на родную сторону: это есть вторая колыбель историческаго, обновленнаго, новаго, Ноева человѣчества; прежняя забыта или сохранилась лишь въ воспоминаніяхъ народовъ, живущихъ въ виду ея, на восточной окраинѣ Иранскаго плоскогорія. Въ Арменію воображеніе народовъ, спустившихся съ Армянскаго плоскогорья, перенесло и рай и ковчегъ; изъ Арменіи текутъ райскія рѣки Тигръ и Евфратъ; Фиссонъ есть, быть можетъ, Фазисъ, которымъ назывались нѣкогда и Араксъ и Чорохъ и Ріонъ. Кромѣ евреевъ, древніе вавилоняне [2]) полагали, что Ксизутръ, спасшійся отъ потопа, вышелъ на землю въ горахъ Халдейскихъ, въ Арменіи, и оттуда отправилъ спутниковъ своихъ въ Месопотамію, чтобы отыскать зарытыя тамъ священныя допотопныя книги. Арменія никогда не представлялась иранцамъ въ видѣ колыбели

1) *Ritter's* Erdkunde, VIII: Rückblick auf die Gegensätze zwischen dem Osten und Westen in Mittel-Asien, 207—211.

2) *Берозъ* въ отрывкахъ у разныхъ древнихъ писателей.

ихъ племени, но какъ названіе страны, такъ и названія множества географическихъ предметовъ ея, сродни древнѣйшимъ зендскимъ названіямъ, что легко могло ввести въ заблужденія первыхъ толкователей Зендавесты. Грузины выводятъ какъ себя, такъ и всѣхъ коренныхъ обитателей Кавказа изъ Арменіи. Наконецъ, даже греки усматривали въ Арменіи что-то родное и приписывали армянамъ ѳессалійское происхожденіе. Находя близкое сходство между армянами и фригійцами, они указываютъ намъ на этническую цѣпь, тянущуюся съ Армянскаго плоскогорья черезъ Анатолію къ западу до Архипелага.

Мы выше объяснили невѣроятность предположенія, чтобы расы, населившія Европу, проникли въ нее черезъ Кавказскій перешеекъ и тѣмъ менѣе еще черезъ Егейское море, Геллеспонтъ или Босфоръ. Такимъ образомъ разселеніе народовъ, вышедшихъ изъ Средней Азіи и направившихся черезъ Иранское и Армянское плоскогорія, должно было сравнительно рано достигнуть конечныхъ предѣловъ своихъ, непроходимаго Кавказскаго хребта, непрерывнаго морскаго рубежа и, наконецъ, къ югу, песчанныхъ пустынь африканскихъ. Здѣсь, слѣдовательно, періодъ образованія прочной связи между почвой и обитателями долженъ былъ также возникнуть сравнительно ранѣе. Уже этихъ соображеній достаточно, чтобы объяснить, почему въ западной Азіи возникли самыя древнія политическія общества, почему она сдѣлалась колыбелью исторіи. Даже построеніе городовъ, основаніе государствъ выходитъ изъ предѣловъ историческаго знанія, которое не удовлетворяется драгоцѣнными, но весьма краткими сказаніями, заключающимися въ книгѣ Бытія. Конечно, общежительность имѣетъ корни въ самой природѣ человѣческой, но общежительность въ извѣстныхъ предѣлахъ; жизнь семейная, жизнь кочевая, жизнь сельская, правительство, основанное на родственной привязанности, чистый воздухъ, близкое и тѣсное соприкосновеніе съ свободной природой, составляютъ

болѣе раннія потребности человѣчества. Отъ всего этого въ значительной степени должны были отказаться люди, когда начали строить огромные города, соединяться въ великія политическія общества, подчиняться централизирующей власти, широко распространяющей свое стѣсняющее, сдавливающее дѣйствіе. Нельзя не предположить также, что первыми дѣйствователями на таковомъ поприщѣ политической дѣятельности были народы, для которыхъ всѣ невыгодныя стороны жизни городской и жизни въ большихъ политическихъ обществахъ могли быть менѣе ощутительными по самымъ свойствамъ ихъ духовной природы. Таковыми дѣйствительно представляются намъ народы кушитской расы, которыхъ направленіе было чисто матеріальное, которые смотрѣли на всѣ дары природы, какъ на одно лишь средство къ удовлетворенію чувственности, которые мѣряли, наблюдали, испытывали природу, чтобы исхитить изъ нея новый, дотолѣ невѣдомый даръ, а не затѣмъ, чтобы сблизиться съ нею безкорыстнымъ уразумѣніемъ новой, дотолѣ невѣдомой тайны ея. Созерцательное наслажденіе природой, безполезное и для знанія и для матеріальныхъ потребностей какъ человѣка, такъ и народа, но доставляющее и человѣку и народу богатый запасъ духовной крѣпости, которая и въ болѣе строгую, болѣе суровую эпоху жизни не дозволяетъ жару юношескаго возраста остыть до холодной золы, наслажденіе, произведшее Веды, Иліаду, Одиссею, Калевалу, быть можетъ, совершенно чуждо было кушитамъ, которые не пѣснями, а грудами нагроможденныхъ камней, іероглифическими записями *на память*, передали вѣсть о себѣ потомству. Таковые народы какъ бы существовали для того, чтобы указать грядущему, болѣе разносторонне-одаренному человѣчеству, примѣръ единства въ дѣятельности, но не примѣръ единства въ свободномъ разнообразіи дѣятельности: до такого состоянія человѣчество еще не доросло. Какъ ни противуположно было кушитское направленіе врожденнымъ кореннымъ свойствамъ симитовъ и арійцевъ, но послѣдніе ослѣплены были блескомъ ку-

шитской образованности: побѣдителямъ жаль было покинуть доставшіеся имъ въ добычу великолѣпные чертоги побѣжденныхъ, имъ не хотѣлось уже снова возвратиться въ бѣдные шатры свои. Чужая высоко-развитая цивилизація, внезапно и легко доставшаяся народу, не усвоившему себѣ ея ни вѣковымъ трудомъ, ни длиннымъ рядомъ испытаній, подавляетъ всякую самостоятельную творческую способность: онъ идетъ рабски по слѣдамъ предшественника; гдѣ прерываются эти слѣды, тамъ онъ останавливается; способность его къ развитію заключена въ тѣсныхъ предѣлахъ. Мы знаемъ, что уже во времена Авраама существовали въ цѣлой западной Азіи цвѣтущіе торговые города симито-кушитскіе, существовали сильныя государства; послѣ того, въ теченіи пятнадцати вѣковъ, происходило множество политическихъ переворотовъ, но отъ всего этого шума завоеваній, что осталось въ наслѣдство позднѣйшему человѣчеству? Великое наслѣдство, книги Ветхаго Завѣта переданы намъ народомъ, державшимъ себя поодаль отъ всего современнаго ему человѣчества; великія открытія, имѣвшія величайшее вліяніе на судьбу цѣлаго человѣческаго рода, были сдѣланы ранѣе этого пятнадцати вѣковаго періода, вѣроятно въ эпоху полной свѣжести силъ кушитовъ, одностороннихъ, но тѣмъ не менѣе даровитыхъ. Если не развитіе, то, по крайней мѣрѣ, непрерывность дѣятельности мы замѣчаемъ въ однихъ финикіянахъ, но и они оказали услугу человѣчеству лишь тѣмъ, что распространили по свѣту дошедшее до нихъ отъ кушитовъ, сами не прибавивъ ничего къ пріобрѣтенному наслѣдствомъ [1]).

Мы выше видѣли, что кушитскія религіозныя вѣрованія должны были имѣть самое губительное вліяніе на благоустройство семейной жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что гражданская жизнь можетъ правильно развиваться только изъ семейной. Между нѣсколькими семействами существуетъ родство, которое придаетъ имъ совокуп-

1) *Kunick* въ Mél. asiat. de l'Acad. de St.-Petersb., 1852, t. I, 516.

ную индивидуальность въ отношеніи къ семействамъ чужимъ, нероднымъ. Этотъ союзъ семействъ обладаетъ чѣмъ либо общимъ, что принадлежитъ каждому члену, но не принадлежитъ никому изъ нихъ исключительно, это общее есть: или родовое имя, котораго добрую славу каждый изъ носящихъ долженъ охранять отъ нарѣканія чужихъ людей, или какое либо фамильное повѣрье въ особое таинственное существо, осѣняющее покровомъ своимъ лишь людей однокровныхъ, или, наконецъ, какая либо собственность, всѣмъ принадлежащая, но недѣлимая: вода, лѣса, луга, пастбища, въ противуположность домамъ, полямъ, садамъ, составляющимъ частную собственность. Очевидно, что, по мѣрѣ умноженія числа таковыхъ семействъ, болѣе обширные интересы выростаютъ надъ частными; интересъ общины заключаетъ въ себѣ все, что есть общаго между семейными интересами, интересъ государства все, что есть общаго между интересами общинъ. Государственный интересъ, или лучше сказать, необходимость существованія центральнаго правительства, широко распространяющаго свое вліяніе, должны выработаться изъ интересовъ частныхъ, изъ самовозникшихъ правительствъ семейныхъ и общинныхъ. Родники питаютъ ручьи, ручьи питаютъ рѣки; если родники изсякнутъ, то и рѣки изсякнутъ; искусственными плотинами можно запереть воду въ рѣкѣ, чтобы не ушла она въ море, но рѣка образуетъ тогда смрадное болото.

Кочевымъ народамъ, не успѣвшимъ еще окрѣпнуть въ домашней жизни, досталось богатое наслѣдіе кушитовъ. Горе бѣдняку, которому внезапно достанется во владѣніе мѣшокъ съ золотомъ! Но наслѣдія кушитовъ кочевые симиты не могли принять иначе, какъ подчинившись совершенно чуждымъ для нихъ политическимъ формамъ; пастухи внезапно сдѣлались горожанами, прежній порядокъ, естественнымъ путемъ развивавшійся, разстроился безвозвратно, даже семейная жизнь не устояла противъ тлетворныхъ кушитскихъ вѣрованій. Вновь возникшая жизнь могла

тянуться долго безъ внѣшнихъ потрясеній, какъ можетъ долго тянуться хилая жизнь хвораго человѣка, но уже цѣлью жизни становится одно лишь сохраненіе ея. Въ таковомъ состояніи находимъ мы историческій Египетъ; таковое состояніе представляетъ намъ въ настоящее время Китай. Внѣшнія потрясенія не заставили себя долго ждать; изъ Средней Азіи продолжался напоръ кочевыхъ народовъ; арійцы смѣнили собою симитовъ, прежнія частныя завоеванія кочевыхъ племенъ, при наступившемъ общемъ разслабленіи осѣдлыхъ народовъ, приняли огромные размѣры. Такъ возникла великая ассирійская монархія. Но связью между всѣми завоеванными частями, изъ которыхъ каждая уже издавна проникнута была гнилью разложенія, служила одна лишь матеріальная сила завоевателей, которая скоро должна была переродиться и истощиться. Ходъ таковыхъ явленій мы легко можемъ наблюдать въ исторіи персидской монархіи ахеменидовъ, которая намъ ближе извѣстна, чѣмъ скрытыя въ полумракѣ монархіи тигро-евфратскія. Если даже и не вѣрить буквально идеализированной Киропедіи Ксенофонта, то во всякомъ случаѣ нельзя отвергнуть, что персы Кира представляютъ собою народъ юный, свѣжій, исполненный энергіи, предназначенный для великой будущности. Центральное управленіе всѣми разнородными частями великой персидской монархіи, созданное Даріемъ Истаспомъ, въ предѣлахъ, доступныхъ для такого рода управленія, обличаетъ чувство справедливости, уваженіе человѣческаго достоинства, уваженіе національностей, отсутствіе суевѣрія. Все, что составляетъ внѣшнюю сторону дѣятельности правительствъ, подати, судопроизводство, военныя силы, внутреннія сношенія, все это было приведено въ порядокъ. За соблюденіемъ порядка смотрѣли избранники, *очи и уши царскія*. Не мудрено создать хорошіе законы, но хорошіе законы не въ силахъ создать хорошихъ людей. Таковыхъ не было въ западной Азіи; свѣжіе арійскіе элементы подверглись скорой порчѣ въ зараженной атмосферѣ и достаточно было горсти гре-

ковъ, чтобы сокрушить въ прахъ все созданіе великолѣпнаго царя царей.

Мы выше сказали, что вліяніе западной Азіи на Индустанъ заключено было весьма въ тѣсныхъ предѣлахъ. Столь же мало распространялось оно и за означенные нами сѣверные и западные предѣлы ея. Вѣковой антагонизмъ между Ираномъ и Тураномъ не прекращался, какъ не прекращается онъ и въ наше время, но не ознаменовалъ себя никакими великими послѣдствіями. Съ одной стороны вторженія саковъ, съ другой походъ Кира противъ массагетовъ, не измѣнили ни въ чемъ судьбы народовъ. Черезъ Кавказъ вторгались въ Азію скиѳы, какъ скоропреходящій ураганъ, производящій временное опустошеніе. Обратнаго дѣйствія черезъ Кавказъ незамѣтно. Важнѣе торговая дѣятельность финикіянъ вдоль большей части морской периферіи Европы. Но эта дѣятельность ограничилась почти одними берегами; финикійская цивилизація не проникла во внутрь европейскаго материка, не внесла примѣси своей во внутренній духовный бытъ арійскаго народонаселенія Европы. Дарій Истаспъ предпринималъ походъ противъ скиѳовъ черезъ Босфоръ и Ѳракію въ нынѣшнюю южную Россію: это гигантское предпріятіе осталось безъ всякихъ послѣдствій. Походы Дарія и Ксеркса противъ Греціи были лишь предвозвѣстниками паденія персидской монархіи. Такимъ образомъ Европа съ Тураномъ уцѣлѣли отъ водоворота древней западно-азіятской политики. Просвѣщеніе симито-кушитское вызвало Грецію на стезю блестящаго самостоятельнаго развитія, имѣвшаго величайшее вліяніе на ходъ общечеловѣческаго развитія, но таковому вліянію суждено было пройти длиннымъ окольнымъ путемъ прежде, чѣмъ отозвалось оно въ туловищѣ материка Европы. Вниманіе грековъ устремлено было на югъ, на востокъ и на западъ; на сѣверѣ жили варвары, которые ничего не хотѣли заимствовать отъ утонченно-развитыхъ грековъ; послѣдніе съ своей

стороны не умѣли и не хотѣли сблизиться съ варварами; колоніи торговали съ скиѳами, но не цивилизировали ихъ.

Такимъ образомъ намъ представляется третья особая часть стараго историческаго свѣта, которая, подобно индустанской и западно-азіятской, врѣзывается клиномъ въ сердце Азіи и оттуда распространяется по направленію къ сѣверо-западу до Атлантическаго и Ледовитаго океановъ. Эту особую историческую часть стараго свѣта мы покуда не можемъ назвать европейскою, потому что въ нее входитъ обширное пространство земель, которыя привыкли мы причислять къ Азіи. Но означеніе географической сухопутной границы между Европой и Азіей до сихъ поръ составляетъ спорный вопросъ, который навсегда останется таковымъ, потому что ни въ какомъ случаѣ граница эта не можетъ быть проведена иначе, какъ произвольно и условно. Европа составляетъ сѣверо-западное продолженіе Азіи; таковое понятіе возникаетъ при одномъ взглядѣ на географическую карту обѣихъ частей свѣта, ничего не объясняющую, кромѣ распредѣленія суши и воды; при болѣе внимательномъ обсужденіи вопроса, принимая въ соображеніе разнообразіе физическихъ условій, опредѣляющихъ разнообразіе великихъ типовъ земной поверхности, мы найдемъ, что Европа есть продолженіе одного великаго типа, Туранской низменности, начинающейся въ сердцѣ Азіи. По мѣрѣ удаленія своего къ сѣверо-западу, этотъ типъ постепенно измѣняется: отрицательная низменность переходитъ въ положительную, т. е. уровень континента, углубленный относительно океана, сравнивается съ нимъ, потомъ превышаетъ его, не достигая однако высоты меньшихъ уровней плоскогорій Иранскаго и Армянскаго. Почва, сначала безплодная, солонцоватая, явно свидѣтельствуетъ, что нѣкогда была она дномъ великаго средиземнаго моря, при осушеніи своемъ раздробившагося на множество соленыхъ озеръ, въ свою очередь подчиненныхъ вѣковому процесу осушенія; достигнувъ положительнаго уровня, она дѣлается весьма способною къ

земледѣлію, обращается въ необозримые травоносные луга; еще далѣе покрывается безконечными, дремучими лѣсами, посреди которыхъ, еще въ недавнее время, расчищенныя топоромъ и огнемъ поляны для городовъ, для селеній, для пашенъ, представлялись, какъ острова-точки на водной поверхности Тихаго океана. Мѣстами, гдѣ тянутся водораздѣлы между великими рѣчными бассейнами, равнина дѣлается болотистою, усѣянною небольшими прѣсными озерами; мѣстами пески мѣшаютъ ея плодородію; вглуби сѣвера она представляется въ видѣ унылыхъ необозримыхъ тундръ, гдѣ одни лишь мхи напоминаютъ о не совсѣмъ оцѣпенѣвшей еще плодотворной дѣятельности природы. Постепенное измѣненіе уровней, широтъ и долготъ мѣстъ, климатовъ, обусловливаемыхъ послѣдними измѣненіями, большая или меньшая близость морей,—все это придаетъ разнообразіе наружно однообразной равнинѣ, но это разнообразіе обнаруживается постепенно, не обозначается опредѣленными чертами. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же типъ мѣстности, начинающійся въ Средней Азіи, заключаетъ въ себѣ большую часть Европы. Юго-западная окраина этого типа, начиная отъ пересѣченія Болуръ-тага съ Гинду-Ку, совпадаетъ съ сѣверной окраиной Иранскаго плоскогорія, перерѣзываетъ Каспій, далѣе опредѣляется Кавказомъ, Таврскимъ хребтомъ, Карпатомъ, Судетами и доходитъ до Ламанша на сѣверѣ Франціи. Къ юго-западу отъ этой окраины, Европа представляетъ большое разнообразіе типовъ земной поверхности, которые всѣ по горизонтальнымъ размѣрамъ ничтожны въ сравненіи съ великимъ сѣверовосточнымъ типомъ, но взаимнымъ сближеніемъ способствуютъ разнообразію и полнотѣ жизни народонаселенія своего. Въ сѣверовосточной Европѣ естественнымъ образомъ должно было возникнуть великое государство, юго-западная Европа предназначена къ раздробленію на многія политическія тѣла, столь же разнообразныя, какъ и типы поверхности ея. Богатство взаимнодѣйствія на юго-западѣ Европы возбудило въ немъ цивилизирующую силу, ко-

торая постепенно оживляетъ сѣверо-востокъ. Послѣднему суждено выдвинуть нѣкогда на стезю общечеловѣческаго развитія глубь азіятскаго материка, чего нельзя достигнуть ни со стороны моря, ни черезъ полуострова. Ни финикіяне, ни высоко-образованные въ древности полуострова Греція и Италія, не успѣли увлечь за собою материка Европы, легко доступнаго и относительно мало обширнаго. Тѣмъ менѣе еще въ состояніи европейская культура оживить колоссальный материкъ Азіи путемъ Индустанскаго полуострова или береговъ Китая, открывающихся въ наше время для мореплавателей [1]).

Древнѣйшія письменныя сказанія, тысячелѣтіемъ предшествовавшія началу нашего лѣтосчисленія, показываютъ, что въ тогдашнемъ образованномъ мірѣ носились только смутныя понятія о томъ, что на сѣверѣ живутъ люди посреди вѣчной тьмы и вѣчнаго холода, полуночники, Гамеръ, Киммеріане, Гогъ, Магогъ. Гораздо позже даже, когда землезнаніе распространилось отъ Геркулесовыхъ столбовъ (Гибралтара) до Индустана, въ V в. до Р. Х., Геродотъ, усвоившій всю современную ученость и лично посѣтившій греческія колоніи на сѣверномъ берегу Чернаго моря, нынѣшній Новороссійскій край, писалъ: «что касается до Европы, то никто не знаетъ, окружена ли она моремъ съ сѣвера и востока. Длиной она превосходитъ двѣ другія части свѣта, Азію и Ливію (Африку), но мнѣ кажется, что она уступаетъ имъ въ отношеніи къ ширинѣ» [2]). Замѣтимъ, что Геродоту, въ противуположность позже распространившемуся между классическими писателями мнѣнію, будто бы Каспійское море есть заливъ Сѣвернаго океана,—совершенно хорошо извѣстно было, что материкъ не прерывается по сѣверную сторону Каспія; этотъ материкъ извѣстенъ былъ ему до Алтая, онъ слышалъ даже, что за Алтаемъ къ сѣ-

1) Землевѣдѣніе Азіи *К. Риттера*, рус. пер. I, 100.

2) *Геродотъ* кн. IV, 42 и 45.

веро-востоку есть еще земли. Изъ того, что онъ говоритъ о неизвѣстности, есть ли море на востокѣ Европы, видно, что онъ Европой почиталъ всю западную Сибирь и даже часть восточной, о которой слышалъ. По этому онъ былъ вправѣ предположить, что Европа длиннѣе обѣихъ другихъ частей свѣта, но, быть можетъ, уже ихъ. Этотъ взглядъ отца исторіи на то, что такое есть Европа, несходный съ настоящимъ, гораздо основательнѣе принятаго произвольно между двумя частями свѣта, раздѣленія, на счетъ котораго мы, притомъ, до сихъ поръ еще, не можемъ окончательно условиться. Итакъ, вопреки существующему нынѣ географическому раздѣленію между Европой и Азіей, мы, согласно съ мнѣніемъ Геродота, будемъ разсматривать весь материкъ, лежащій къ сѣверу отъ западной Азіи, которой границы мы очертили въ видѣ одного цѣлаго, неразрывнаго съ Европой.

Итакъ мы видимъ, что безконечная равнина-низменность, тянущаяся отъ горнаго узла Средней Азіи по направленію къ сѣверо-западу до Ламанша, играла, для расселенія европейскихъ народовъ, такую же роль, какую Иранское плоскогоріе для народовъ западно-азіятскихъ, но только несравненно въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Расселеніе могло здѣсь производиться, слѣдовательно, просторнѣе, спокойнѣе, медленнѣе, безъ крутыхъ потрясеній, но прочная связь между землей и обитателями должна была возникнуть гораздо позже, чѣмъ въ западной Азіи. Въ селеніяхъ, а тѣмъ менѣе еще въ городахъ, нравы не могутъ оставаться неизмѣнными: при кочевой жизни, они не мѣняются въ теченіи тысячелѣтій, если только народъ не перекочевываетъ изъ одной страны въ другую, по физическимъ свойствамъ своимъ несходную съ первой, если только онъ не подвергается какому либо внезапному внѣшнему вліянію. Мы выше сказали, что великая Турано-европейская равнина представляетъ разнообразіе по физическимъ свойствамъ своимъ, но оно обнаруживается весьма постепенно, медленно. Оставляя въ сторонѣ измѣненія земной по-

верхности, произведенныя трудомъ человѣческимъ, можно сказать, что плоская сѣверная Германія на глазъ ничѣмъ не отличается отъ Сибири до самаго Енисея, за исключеніемъ, само собою разумѣется, полосы тундръ. Во всякомъ случаѣ, если и есть несходства, то они исчезаютъ въ сравненіи съ противуположностями, представляемыми Иранскимъ плоскогоріемъ и Месопотаміей, Армянскимъ плоскогоріемъ и Куро-Ріонской долиной. Филологическія изслѣдованія, бросающія свѣтъ на эпоху, недоступную ни для какихъ другихъ, обнаруживаютъ передъ нами внутренній домашній бытъ арійцевъ до ихъ разселенія. Это былъ народъ, имѣвшій понятіе о высшемъ невещественномъ началѣ, одушевляющемъ все міроздапіе; народъ, у котораго семейная жизнь, основанная на правильныхъ, высоко-нравственныхъ началахъ, вполнѣ развилась, но общественныя отношенія почти не выдвинулись еще изъ среды домашнихъ; народъ, занимавшійся скотоводствомъ, весьма въ тѣсныхъ предѣлахъ земледѣліемъ, рудокопствомъ, незнавшій ни звѣроловства, ни войны. Какъ мы видимъ, таковой первоначальный бытъ арійцы, на большей части пути своего къ сѣверо-западу, могли сохранить безъ всякаго измѣненія. Спокойное переселеніе предполагаетъ кочевую жизнь, но объ образѣ жизни арійцевъ мы не должны судить по нынѣшнимъ киргизамъ или по библейскимъ симитамъ; на пути своемъ, европейскіе арійцы не утратили привычки къ земледѣлію, слѣдовательно, къ нѣкотораго рода осѣдлости. Продолжительность зимы и глубокіе снѣга должны были скоро остановить распространеніе скотоводства. Въ западной Азіи земледѣліе большею частью требуетъ искусственнаго орошенія, вызывающаго совокупныя усилія болѣе или менѣе многолюдныхъ общинъ. Разъ употребивъ большіе труды для плодородія почвы и потомъ постоянно получая богатое вознагражденіе за свой трудъ, переселенцы должны были привязываться крѣпко къ занятому ими участку земли. Напротивъ, на сѣверѣ, первоначальная система земледѣлія безъ сомнѣнія основана была на *па-*

лахъ, т. е. на очищеніи подъ посѣвъ земли отъ лѣса посредствомъ огня. Таковая система не требуетъ большихъ усилій и не только не привязываетъ человѣка къ почвѣ, но, напротивъ, заставляетъ его перемѣнять свое жилище, не смотря на всю склонность къ осѣдлой жизни. Приготовленная посредствомъ пала пашня даетъ богатые урожаи, но скоро истощается и требуетъ продолжительнаго отдыха, чтобы опять сдѣлаться плодородною. Необходимо снова прибѣгать къ паламъ и уже, само собою разумѣется, все далѣе и далѣе отъ домовъ; приходится сблизить домъ съ пашней, возникаютъ выселки, которые вскорѣ дѣлаются селеніями, прежнія покидаются, старыя пашни зарастаютъ лѣсомъ, который въ свою очередь истребляется позднѣйшими пришельцами, между тѣмъ какъ старые хозяева далеко уже ушли впередъ. Таковъ, по всей вѣроятности, былъ ходъ разселенія полуосѣдлыхъ европейскихъ арійцевъ и въ такомъ видѣ продолжался онъ, безвѣстно для исторіи, пока, наконецъ, передовые переселенцы дошли до моря и вынуждены были остановиться на берегахъ его. Тутъ вызваны были они къ исторической дѣятельности необходимостію удерживать напоръ позднѣйшихъ пришельцевъ. Это противудѣйствіе возбудило въ нихъ сознаніе невѣдомыхъ дотолѣ силъ: они сами двинулись наперерѣзъ напору отъ запада къ востоку, отъ сѣвера къ югу. Таковы были воинственныя передвиженія галловъ, не разъ доводившія на край гибели Италію и Грецію, которыя успѣли уже въ то время, благодаря полуостровному своему положенію, стать на высокой ступени гражданскаго развитія.

Итакъ мы видимъ, что физическія свойства европейскаго материка охраняли младенчество европейскихъ народовъ отъ слишкомъ сильныхъ потрясеній, способствовали ровному и здоровому возрастанію ихъ. Грустную будущность большею частью сулитъ дѣтямъ преждевременная возмужалость ихъ или, лучше сказать, скороспѣлость, принимающая ложный видъ возмужалости. Тако-

вымъ грустнымъ характеромъ запечатлѣна древняя исторія западной Азіи. Отъ этой преждевременной порчи Промыселъ Всевышняго охранилъ европейцевъ. Умственное превосходство родоначальниковъ арійской расы предъ всѣми прочими, обнаруживающееся при сравнительномъ изученіи разнородныхъ системъ языковъ, могло сохраниться въ холодной, бѣдной, непривѣтливой Европѣ лучше, чѣмъ среди природы Индустана, подавляющей своей могучей дѣятельностію дѣятельность человѣческую, лучше, чѣмъ и въ западной Азіи, гдѣ дѣтство арійцевъ подверглось испытаніямъ, не подъ силу возрасту. Но не однимъ лишь особенностямъ природы европейскіе арійцы обязаны своимъ нравственнымъ преуспѣяніемъ. Мы выше сказали, что западно-азіятскіе братья ихъ, и въ особенности симиты, подверглись сильному и большею частію весьма вредному вліянію умиравшей кушитской цивилизаціи. Это вліяніе губительно было для дальнѣйшаго развитія народовъ-дѣтей, какъ вообще примѣръ разврата стариковъ отравляетъ въ самомъ зародышѣ нравственность дѣтей. Много обстоятельствъ доказываютъ, что европейскіе арійцы, вступивъ въ предназначенную имъ часть свѣта, нашли ее уже населенною другими расами. Не говоря уже о томъ, что во всѣхъ европейскихъ языкахъ встрѣчается много словъ совершенно неизвѣстнаго происхожденія, которыя должно почитать заимствованными изъ исчезнувшихъ уже въ наше время языковъ, древнѣйшіе обитатели Европы оставили по себѣ слѣды въ видѣ могилъ и многочисленныхъ кургановъ. Черепа, найденные въ древнихъ могилахъ въ различныхъ мѣстахъ Европы, представляютъ между собою весьма рѣзкія различія, такъ что можно даже думать, что Европа нѣкогда или послѣдовательно была обитаема расами, весьма разнородными въ антропологическомъ отношеніи; формы древнихъ могилъ также разнообразны, равно какъ и вещи, которыя въ нихъ находимы; въ древнѣйшихъ, открытыхъ въ Московской губерніи, найдены черепа необыкновенно-длинной формы, спереди

весьма узкіе; при нихъ горшки, сдѣланные изъ грубой глины съ примѣсью маленькихъ камешковъ, нѣтъ никакихъ металлическихъ издѣлій [1]); въ иныхъ могилахъ попадаются украшенія, сдѣланныя изъ камней или зубовъ животныхъ и, по берегамъ Балтійскаго моря, изъ янтаря. Въ другихъ находятся украшенія изъ мѣди или изъ смѣси мѣди съ разными металлами, но нѣтъ никакихъ примѣтъ желѣза; наконецъ, есть могилы, въ которыхъ или при которыхъ находятся оружіе и другія утвари изъ желѣза. Многія обстоятельства заставляютъ думать, что весьма въ отдаленныя времена, до прихода еще индо-европейской расы, Скандинавскій полуостровъ и сѣверо-востокъ Европы заняты были финскими племенами; но финны въ Европѣ суть пришельцы изъ восточной Азіи, оттуда принесли они съ собою земледѣліе и рудокопство; искуство обработывать металлы никогда не было чуждо европейскимъ финнамъ и можно заключить изъ этого, что могилы безъ всякихъ металлическихъ издѣлій принадлежатъ не финскому племени, тѣмъ болѣе, что и черепа въ нихъ находимые, вовсе не сходны съ финскими. Искуство добывать и выдѣлывать желѣзо появилось позже, чѣмъ добывка и выдѣлка золота, серебра и мѣди; желѣзомъ долгое время обладали исключительно одни лишь народы, стоявшіе во главѣ просвѣщенія; даже въ эпоху троянской войны, греческіе герои вооружены были мѣдными мечами. Во всякомъ случаѣ, должно думать, что европейскія могилы, въ которыхъ нѣтъ никакихъ металлическихъ вещей, принадлежатъ расѣ, жившей въ Европѣ за нѣсколько тысячелѣтій до Р. Х., и которая, судя по особой формѣ череповъ ея, исчезла, не оставивъ по себѣ никакихъ представителей. Но, до сихъ поръ, существуютъ еще въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ представители нѣкоторыхъ расъ, въ древнѣйшія времена обитавшихъ въ Евро-

1) *К. Бэръ:* Человѣкъ въ естественно-историческомъ отношеніи. Переводъ въ Русской Фаунѣ Симашко, ч. I, 470, 512.

пѣ. Таковы суть баски, нынѣшній остатокъ великаго племени, которое нѣкогда занимало весь Пиринейскій полуостровъ, южную часть Франціи, острова западной части Средиземнаго моря и нѣкоторыя полосы въ Италіи. Это доказывается топографическими названіями этихъ странъ, которыя не могутъ быть объяснены иначе, какъ помощію языка басковъ. Языкъ этотъ не имѣетъ ничего общаго съ языками арійскими, но грамматической системой своей представляетъ изумительное сходство съ грамматическими системами туземныхъ американскихъ языковъ. Остатки древняго туземно-европейскаго языка, иллирійскаго, сохранились въ албанскомъ языкѣ; по нѣсколькимъ надписямъ можно составить себѣ понятіе о языкѣ этрусковъ. Какъ иллирійскій, такъ и этрусскій языки не имѣютъ, повидимому, ничего общаго съ языками арійскими. Мы уже сказали, что весь сѣверо-востокъ Европы занятъ былъ финнами, которые, какъ полагаютъ, вслѣдствіе напора арійской расы, вынуждены были удалиться въ самую глубь сѣвера, оставивъ по себѣ на память финскія топографическія названія и сохранивъ въ полярныхъ жилищахъ своихъ воспоминаніе о прежней родинѣ, гдѣ природа была щедрѣе и привѣтливѣе.

Нельзя думать, чтобы эти древнѣйшіе обитатели Европы были истреблены въ своихъ жилищахъ или вытѣснены оттуда до послѣдняго человѣка. Гораздо вѣроятнѣе, что они значительною частью своей смѣшались съ арійскою расой, утративъ въ этомъ смѣшеніи большую часть характеристическихъ особенностей своихъ. Подобный процесъ перерожденія расы теперь еще происходитъ въ большихъ размѣрахъ въ Россіи, гдѣ финскія племена, болѣе и болѣе знакомясь съ русскимъ языкомъ, начинаютъ его употреблять въ семейномъ кругу своемъ; новое поколѣніе, съ дѣтства прислушавшись къ русскому языку, считаетъ его уже роднымъ и забываетъ языкъ предковъ: такъ русѣютъ финны; теперь это обрусѣвшее финское народонаселеніе, не имѣя генеалогіи, считаетъ себя кореннымъ русскимъ. Множество русскихъ дворян-

скихъ домовъ, носящихъ обрусѣвшія фамиліи, только по генеалогическимъ актамъ, знаютъ о своемъ нерусскомъ происхожденіи. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ процессъ поглощенія арійскими національностями чуждыхъ имъ и болѣе слабыхъ, происходилъ въ Европѣ съ самаго начала появленія въ ней арійцевъ. Если уцѣлѣли еще кое гдѣ небольшіе остатки древнихъ расъ, то этимъ обязаны они особеннымъ обстоятельствамъ, преимущественно же условіямъ мѣстности. Не должно думать, чтобы эти древнія расы поглощены были арійскою, не произведя на нее съ своей стороны никакого дѣйствія: въ этихъ примѣсяхъ должно искать объясненія многихъ разнообразій, умственныхъ и физическихъ, замѣчаемыхъ въ народонаселеніи Европы, разнообразій, не вполнѣ объясненныхъ однимъ лишь разнообразіемъ вліянія почвы и географическаго положенія. При этомъ, конечно, надобно принять въ соображеніе, что и арійская раса, по всей вѣроятности, не одновременно двинулась въ Европу; нѣкоторыя племена долѣе жили въ Азіи, слѣдовательно, долѣе могли подвергнуться впечатлѣніямъ сосѣдства своихъ одноплеменниковъ, навсегда оставшихся въ Азіи. Изученіе домашней жизни сельскаго народонаселенія Европы, при помощи сравнительной филологіи и сравнительной антропологіи, конечно, приведутъ со временемъ къ множеству важныхъ и неожиданныхъ открытій, но историческая наука, возведенная такимъ образомъ на степень точной, еще покуда въ колыбели.

Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что древнѣйшіе обитатели Европы стояли на весьма низкой ступени человѣческаго развитія и что, слѣдовательно, ихъ вліяніе на арійцевъ заключено было весьма въ тѣсныхъ предѣлахъ. Одни лишь этруски представляются намъ достигшими нѣкоторой ступени самостоятельной цивилизаціи, которой связь съ древне-азіятской цивилизаціей, если только обѣ проистекли изъ одного источника, довольно трудно подмѣтить. Эта цивилизація, повидимому, составляла лишь принадлежность одного привилегированнаго класса

лукумоновъ, которые держали народъ въ состоянiи крайняго уничиженiя. Влiянiе этрусской цивилизацiи отразилось лишь въ религiозныхъ обрядахъ и въ искуствѣ первоначальныхъ римлянъ и другихъ итальянскихъ народовъ: позже оно сглажено было влiянiемъ Грецiи. Итакъ, вообще говоря, развитiе европейскихъ народовъ шло самостоятельнымъ путемъ; чуждыя цивилизацiи вызывали къ дѣятельности дремлющiя силы европейцевъ, но не подчиняли ихъ себѣ. Древнѣйшая исторiя человѣчества, начинающаяся въ Средней и Западной Азiи и въ Индустанѣ, содержитъ въ себѣ самостоятельную цивилизацiю, которую мы назвали *кушитскою*, но которую мы можемъ изучать только въ развалинахъ ея. На этихъ развалинахъ возникаютъ самостоятельныя цивилизацiи индiйская и греко-латинская: первая уединенная и замкнутая, вторая, заключающая въ себѣ болѣе обще-человѣческихъ началъ, но слишкомъ слабая для возбужденiя воли и мысли въ массѣ народонаселенiя материка Стараго Свѣта. Такъ называемая средняя исторiя составляетъ начало цивилизацiи великихъ массъ народонаселенiя континентовъ, подвигающейся въ старомъ свѣтѣ отъ запада къ востоку, къ которой, быть можетъ, вскорѣ присоединится и цивилизирующая дѣятельность новаго свѣта черезъ Тихiй океанъ, направляющаяся на встрѣчу первой отъ востока къ западу. Если мы географически сравнимъ пройденный уже путь съ предстоящимъ, то убѣдимся въ томъ, что много вѣковъ минетъ прежде, чѣмъ всѣ дѣятели вызваны будутъ къ дѣятельности. Сколько же вѣковъ можно предвидѣть для совокупной дѣятельности цѣлаго человѣческаго рода пока, дѣйствительно, истощится и изнеможетъ она, какъ нѣкогда, дѣйствительно, истощилась и изнемогла кушитская дѣятельность, какъ нѣкогда, дѣйствительно истощились и изнемогли мѣстныя цивилизацiи Грецiи и Рима!

Мы выше замѣтили, что замкнутый индустанскiй мiръ не распространялъ своего влiянiя на западную Азiю, но привлекалъ къ себѣ оттуда завоевателей. Совершенно въ противуположномъ отношенiи

находилась къ Европѣ западная Азія. Туранъ, Кавказъ и моря составляли съ сѣвера и сѣверо-запада предѣлы, черезъ которые не переступала ни завоевательная, ни цивилизирующая дѣятельность ея. Въ видѣ совершенно исключительнаго явленія представляется намъ походъ Дарія въ Скиѳію. Хотя предлогомъ къ этому походу послужило намѣреніе отмстить скиѳамъ за вторженіе въ западную Азію, произведенное за полтора вѣка тому назадъ [1]), но трудно допустить, чтобы таковое намѣреніе могло побудить къ столь химерическому предпріятію. Гораздо естественнѣе видѣть во всемъ этомъ случайную прихоть всемогущаго деспота, желаніе увѣковѣчить имя свое совершеніемъ похода неслыханнаго и безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ завоеваній. Предпріятія противъ Греціи основаны были на болѣе разумныхъ соображеніяхъ, но цѣлью ихъ собственно было упроченіе покорности Малой Азіи, въ которой греки распространяли духъ возмущенія. Этими предпріятіями заключилась вся сфера дѣйствія западной Азіи на Европу. Дѣятельность финикіянъ въ Европѣ ограничивалась одними лишь корыстолюбивыми торговыми оборотами, подобно тому какъ въ наше время дѣятельность европейцевъ въ Африкѣ, за исключеніемъ сѣвернаго берега ея.

Но, между тѣмъ, богатая, образованная, развратная, пресмыкавшаяся подъ игомъ деспотизма западная Азія сознавала съ трепетомъ заслуженной казни, что въ безвѣстныхъ пустыняхъ Турана, что въ холодныхъ и темныхъ странахъ, лежащихъ къ полуночи отъ Кавказа, скитаются несмѣтные числомъ народы, Гогъ и Магогъ, которые нѣкогда прорвутъ оплоты горъ и пустынь, хлынутъ къ югу и сокрушатъ все. Греція, близкая и хорошо извѣстная, какъ всякая опасность, которую можно обсудить и измѣрить, не возбуждала таковаго суевѣрнаго трепета. Мы видѣли уже выше, что политическое устройство и сама религія древнѣйшихъ восточно-иранскихъ государствъ проистекали изъ необходи-

1) *Геродотъ* IV, 1.

мости обезпечить свѣтлый Иранъ, царство Ахуры-Мазды, отъ темнаго Турана, царства Анграмайніуса. Но ни на одно звено рубежа, отдѣляющаго обѣ части свѣта, западная Азія не взирала съ такимъ томительнымъ, безпрерывнымъ безпокойствомъ, какъ на Кавказскій перешеекъ. Безконечнымъ разнообразіемъ своей природы, перешеекъ этотъ долженъ былъ производить глубокое впечатлѣніе на воображеніе азіятцевъ, привыкшихъ къ обширнымъ типамъ мѣстности, къ однообразію условій жизни. Волканы, пустынныя озера на вершинахъ горъ, вѣчные огни, цвѣтущія долины и голыя скалы, снѣгъ и зелень, ключи волшебной воды, дорогіе металлы, скрытые въ нѣдрахъ горъ,—все это должно было придавать Закавказью фантастическій, сказочный характеръ. Еще болѣе въ таинственномъ видѣ долженъ былъ представляться самый Кавказъ, тянущійся въ видѣ нѣсколькихъ рядовъ колоссальныхъ стѣнъ отъ моря до моря, Кавказъ съ его темными безлюдными ущельями, оглашаемыми ревомъ бѣшеныхъ потоковъ, стономъ вѣтра, гуломъ обваловъ, которые представлялись пугливымъ азіятцамъ въ видѣ неистовыхъ воплей злыхъ духовъ, джиновъ, дивовъ, непускающихъ человѣка въ свои завѣтныя обиталища. На заоблачныхъ, снѣжныхъ вершинахъ Кавказа замирало житейское треволненіе запада Азіи; черезъ Кавказъ не смѣли перешагнуть древніе великіе завоеватели, мечтавшіе о завоеваніи вселенной: Киръ пошелъ на сѣверъ черезъ Туранъ, Дарій черезъ Босфоръ. Но, какъ знаменія небесныя, какъ бѣдствія физическія, землетрясеніе, саранча или язва, которыхъ предвидѣть невозможно,—въ теченіи вѣковъ изъ за Кавказа не разъ врывались въ Азію несмѣтныя ополченія невѣдомыхъ народовъ, Гогъ и Магогъ, которыхъ призывалъ Господь устами пророка: «и поднимешься, какъ буря, пойдешь, какъ туча, чтобы покрыть землю! [1]). И эта кара небесная, спускавшаяся съ Кавказа, отъ конца сѣвера, свирѣпствова-

1) *Пророка Іезекіиля*, XXXVIII, 9.

ла въ Азіи, пока истощалась мѣра гнѣва Божія, тогда Гогъ и Магогъ гибли посреди опустошенныхъ ими странъ: «и буду судиться съ нимъ моровою язвою и кровопролитіемъ, и пролью на него всепотопляющій дождь и каменный градъ [1]). Это боязливое ожиданіе Гога и Магога пустило глубокіе корни въ Азіи. Въ Апокалипсисѣ предсказывается, что сатана «выйдетъ обольщать народы, находящіеся на четырехъ углахъ земли, Гога и Магога, и собирать ихъ на брань. Число ихъ какъ песокъ морской» [2]). Эти повѣрья сохранились въ Коранѣ, гдѣ Мухаммедъ пророчествуетъ, что, при скончаніи свѣта, разверзнутся проходы для яджудовъ и маджудовъ, которые низринутся тогда съ горъ [3]).

Таковое вѣковое ожиданіе бѣдствія придало Кавказскому хребту особое значеніе въ глазахъ обитателей западной Азіи. Какъ ни трудно проходима естественная преграда, воздвигнутая природою отъ Чернаго моря до Каспійскаго, но она не въ состояніи была удержать Гога и Магога. Эту естественную преграду народы, жившіе къ югу отъ Кавказа, старались во всѣ времена усилить искусственными сооруженіями. Начало ихъ теряется въ глубочайшей миѳической древности: первое основаніе Кавказской стѣны приписываютъ царю Зулкарнейну-Двурогому, близкому потомку Ноеву, грузинская хроника Ардаму, намѣстнику иранскаго царя Афридуна (Феридуна, Трастаоны) миѳической династіи пишдадовъ. Эти великія сооруженія приписываются, сверхъ того, многимъ еще знаменитымъ позднѣйшимъ государямъ Азіи. Изъ всего можно заключить, что съ эпохи самой отдаленной древности вниманіе правительствъ и народовъ постоянно обращаемо было на усиленіе обороны, противупоставляемой Кавказомъ сѣверу. Кавказскіе горные проходы пользовались, какъ въ древнемъ азіят-

1) Пророка Іезекіиля, XXXVIII, 22.

2) *Апокалипсисъ*, XX, 7.

3) *Коранъ*, гл. XXI.

скомъ мірѣ, такъ и въ классическомъ, гораздо большею извѣстностью, чѣмъ теперь: на нихъ обращаемо было вниманіе цѣлаго образованнаго свѣта, котораго безопасность связана была съ ихъ охраненіемъ. Если описанія этихъ проходовъ, встрѣчающіяся у классиковъ, кажутся намъ темными, то это происходитъ лишь отъ крайней запутанности географической номенклатуры древняго Кавказа.

Такимъ образомъ Кавказъ для цѣлой западной Азіи въ древнія времена имѣлъ исключительное, но весьма важное значеніе оборонительной линіи противъ Европы; всѣ политическіе виды азіятскихъ государей въ отношеніи къ Кавказу сосредоточивались на томъ, какъ сдѣлать его непроходимымъ для Гога и Магога, устройствомъ укрѣпленій, *воротъ* во всѣхъ проходахъ, и склоненіемъ горныхъ жителей къ тому, чтобы не пропускали они сквозь эти ворота на югъ сѣверныхъ хищниковъ. О томъ, какъ распространить свое владычество на сѣверную сторону Кавказа, азіятскіе деспоты никогда не помышляли, потому что, дѣйствительно, это дѣло было для нихъ невозможное. Такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что масса народонаселенія Куро-Ріонской долины, за исключеніемъ спорадически разбросанныхъ наносовъ, вышла не изъ ущелій Кавказа, то заселеніе этихъ ущелій, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя выходятъ на югъ, можно объяснить, кромѣ другихъ причинъ, необходимостію охранять горные проходы, для чего должно было прибѣгать къ искуственной военной колонизаціи, не подлежащей и нерѣдко даже діаметрально противуположной законамъ естественнаго, добровольнаго разселенія народовъ. Таковыя колонизаціи, производимыя правительствами для достиженія какихъ либо особыхъ политическихъ или военныхъ цѣлей, большею частію основаны на переселеніи большаго или меньшаго числа семействъ, или даже одинокихъ людей, изъ какой либо весьма отдаленной страны, не имѣющей никакой прямой связи съ страною колонизируемою; переселенцы внезапно переводятся изъ

одного предѣла обширнаго государства въ противуположный; нерѣдко состоятъ они изъ плѣнниковъ, захваченныхъ въ какомъ либо отдаленномъ походѣ. Эти догадки могутъ служить ключемъ для объясненія многихъ явленій, представляемыхъ до чрезвычайности разнообразнымъ горнымъ населеніемъ Кавказа, нерѣдко неимѣющимъ никакой родственной связи съ населеніемъ подгорныхъ низменностей, но, быть можетъ, имѣющимъ гдѣ либо вдали родичей, о которыхъ давно уже безъ всякаго слѣда изгладилось воспоминаніе.

Совершенно противуположное въ древнія времена значеніе долженъ былъ имѣть Кавказскій хребетъ для Гога, Магога, для скиѳовъ, сарматовъ, или какъ бы они ни назывались, для невѣдомыхъ народовъ, которые скитались въ безлѣсной равнинѣ, разстилающейся къ сѣверу отъ послѣднихъ уступовъ Черныхъ горъ, къ сѣверу отъ Кубани и Терека, между Азовскимъ и Каспійскимъ морями, между Дономъ и Волгою. Геродотъ говоритъ, что изъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ скиѳы нашли вѣрнѣйшіе способы къ тому, чтобы нападающіе не могли ни ускользнуть отъ нихъ, ни настигнуть ихъ; у скиѳовъ нѣтъ ни городовъ, ни крѣпостей; дома свои перевозятъ они съ собою; сидя верхомъ искусно пускаютъ стрѣлы, живутъ не земледѣліемъ, а скотоводствомъ, не имѣютъ другихъ домовъ, кромѣ повозокъ. Какъ не быть непобѣдимыми такимъ народамъ и легко ли настичь ихъ для боя? [1]) Если бы даже когда нибудь между этими народами могло распространиться опасеніе, что великолѣпные цари, живущіе по южную сторону Кавказа, двинутъ противъ нихъ ополченія свои, то оборону для себя предвидѣли они въ безпредѣльныхъ пустыняхъ сѣвера, а не въ трудно проходимыхъ ущельяхъ Кавказа. За Терекомъ и Кубанью начиналась лѣсистая страна, не допускавшая бродячей жизни въ юртахъ и кибиткахъ. Что привлекательнаго могъ су-

1) *Геродотъ*, IV, 43.

лить Кавказъ степнымъ обитателямъ въ замѣнъ полнаго измѣненія ихъ образа жизни? Развѣ лишь возможность изъ горныхъ вертеповъ, какъ изъ недоступныхъ убѣжищъ, по произволу громить западную Азію. Но таковыя вторженія варваровъ въ благоустроенныя страны обыкновенно чужды бываютъ политическихъ соображеній, постепенныхъ и долговременныхъ подготовленій. Совокупность усилій, составляющая необходимое условіе таковыхъ великихъ предпріятій, возникаетъ внезапно и не напродолжительный срокъ между кочевыми племенами, искони враждебными одно другому.

Выше мы объяснили невѣроятность предположенія, будто бы Кавказскій перешеекъ въ доисторическія времена служилъ путемъ разселенія народовъ изъ Европы въ Азію, и что горское кавказское народонаселеніе составилось изъ обломковъ этого разселенія, оставшихся по невѣдомымъ причинамъ на пути. Убѣдившись въ томъ, что Кавказскій хребетъ составлялъ столь же непреодолимую преграду при первоначальномъ разселеніи народовъ, какъ моря или морскіе проливы, легко объяснить причины, по которымъ негостепріимныя ущелья сѣвернаго ската Кавказа могли густо населиться, даже въ самыя отдаленныя времена. Распространеніе европейскихъ народовъ вѣроятно происходило весьма долго, безъ сильныхъ потрясеній, по направленію къ сѣверо-западу, гдѣ не встрѣчается никакихъ естественныхъ преградъ до самыхъ береговъ Атлантики; напротивъ, на южныхъ выступахъ материка, оно должно было скоро остановиться и даже, быть можетъ, въ то время, когда западъ Европы былъ еще безлюденъ или населенъ доисторическими расами, большею частію исчезнувшими въ послѣдствіи времени. Сѣверная половина Кавказскаго перешейка составляетъ точно таковой выступъ европейскаго материка и, въ отношеніи къ разселенію народовъ, можетъ быть принимаема за полуостровъ, подобный Таврическому, Балканскому, Апенинскому и Пиринейскому. Представимъ себѣ для самыхъ от-

даленныхъ временъ существованіе какого либо племени, кочеваго или полуосѣдлаго, распространившагося отъ лѣваго берега Дона до праваго берега Кубани; несмотря на обширность занимаемой страны, условія мѣстности одинаковы, образъ жизни, языкъ, нравы на всемъ этомъ пространствѣ могли сохраняться въ однообразномъ видѣ. Но, при первомъ напорѣ новыхъ пришельцевъ съ востока, въ этомъ предполагаемомъ нами народѣ могъ образоваться, при устьѣ Дона въ Азовское море, разрывъ на вѣчныя времена. Придонская часть народа могла спокойно подвигаться далѣе къ западу, сохраняя неизмѣнными свои національныя особенности; прикубанская перейти черезъ Кубань, углубиться въ лѣса, далѣе въ горныя ущелья, перевалиться черезъ Кавказскій хребетъ и, наконецъ, на глубоко-изрытомъ восточномъ берегу Чернаго моря гибнуть или отстаивать свое существованіе, пока станетъ силъ. Подобныя явленія по сѣверную сторону Кавказскаго перешейка должны были повторяться при каждомъ новомъ нашествіи народовъ на Европу. Въ эпоху, когда историческій свѣтъ начинаетъ разсѣвать мракъ, покрывавшій европейскій материкъ, мы находимъ три арійскія расы, живущія въ послѣдовательномъ порядкѣ отъ запада къ востоку: кельтскую, германскую и славянскую. Послѣдовательность ихъ географическаго положенія весьма правдоподобно обнаруживаетъ хронологическую послѣдовательность ихъ исхода изъ Азіи, т. е. кельты вышли первые, а славяне послѣдніе. Но ни хронологической, ни географической послѣдовательности въ первоначальномъ заселеніи Кавказа подмѣтить невозможно: кельты, быть можетъ, длиннымъ рядомъ вѣковъ ранѣе славянъ появились въ Европѣ и теперь отдѣлены отъ нихъ множествомъ странъ и промежуточныхъ народовъ; на Кавказѣ вслѣдствіе условій, опредѣляемыхъ главными характеристическими чертами края,—двумя замкнутыми морями безъ острововъ и діагонально пересѣкающимъ перешеекъ непроходимымъ хребтомъ,—представители доисторическихъ расъ, родственные или чуждые

баскамъ, этрускамъ, иллирійцамъ и пр., историческіе кельты, германцы, славяне живутъ, быть можетъ, перемѣшанно. Въ иныхъ мѣстахъ, вслѣдствіе вѣковаго взаимнодѣйствія, эти пестро-разноцвѣтныя начала подчинились уже, такъ сказать, химическому соединенію, превратились уже въ нѣсколько отдѣльныхъ смѣсей, изъ которыхъ каждая представляетъ въ цѣлой массѣ своей болѣе или менѣе однообразный составъ; въ глухихъ мѣстахъ Кавказа, гдѣ земная поверхность дробится на безконечное множество мелкихъ, бокъ-о-бокъ противуположныхъ типовъ мѣстности, амальгамація разнородныхъ этническихъ обломковъ до сихъ поръ не можетъ совершиться: общества, деревни, фамиліи языкомъ, наружнымъ видомъ, нравственными свойствами, обычаями, такъ рѣзко отличаются другъ отъ друга, что можно бы подумать, что обитатели, выйдя небольшими группами съ разныхъ концовъ земли, только теперь, впервые, встрѣтились на Кавказѣ, не смотря на то, что тамъ, не рѣдко въ виду другъ друга, живутъ они уже цѣлыя тысячелѣтія!

Если мы покинемъ область догадокъ и предположеній, чтобы сосредоточить вниманіе исключительно на томъ, что положительно знаемъ въ настоящее время о совокупной массѣ кореннаго народонаселенія Кавказскаго перешейка,—то можемъ остановиться на слѣдующихъ данныхъ, положительныхъ, хотя и далеко неудовлетворительныхъ.

Все туземное кавказское народонаселеніе принадлежитъ въ антропологическомъ отношеніи къ одной расѣ, названной по имени его *кавказскою*. На Кавказѣ находятся племена, представляющія чистѣйшіе и прекраснѣйшіе образцы этой расы, при чемъ всѣ видоизмѣненія ея встрѣчаютъ тамъ представительницъ. Лезгины, грузины, армяне, адыги (черкесы), осетины, начхе (чеченцы), хотя всѣ въ антропологическомъ отношеніи принадлежатъ къ такъ называемой кавказской расѣ, но различаются другъ отъ друга не менѣе, какъ скандинавы, евреи, германцы и латины между собою. Однимъ лишь разнообразіемъ мѣстности и образа жизни труд-

но объяснить различіе наружнаго вида всѣхъ этихъ племенъ. Но, какъ мы сказали, всѣ они принадлежатъ къ одной расѣ и въ этомъ отношеніи дѣйствительно представляютъ единство при величайшемъ разнообразіи, не встрѣчаемомъ ни въ какой другой странѣ земнаго шара. Это самое обстоятельство, хотя темно сознаваемое, побудило Блуменбаха назвать цѣлую расу *кавказской*, что, впрочемъ, не заключаетъ въ себѣ понятія, чтобы съ Кавказа, какъ изъ Ноева ковчега, разошлись по лицу земли всѣ разнообразные представители этой расы.

Антропологическое единство не составляетъ признака единства происхожденія; послѣднее съ гораздо большимъ правдоподобіемъ выводится изъ сходства языковъ. Какъ ни мало изслѣдованы еще многочисленные языки кавказскихъ туземцевъ, но изъ того, что извѣстно, можно заключить, что они не принадлежатъ къ единому корню. Выраженіе «кавказское семейство языковъ», введенное нѣкоторыми въ область сравнительной филологіи, рѣшительно ни на чемъ не основано. Нѣкоторые изъ этихъ языковъ, какъ то армянскій, грузинскій и осетинскій, имѣютъ между собою родство, происходя отъ индо-европейскаго корня, но это взаимное родство ихъ нисколько не теснѣе, чѣмъ съ другими языками того же корня; такъ напр. осетинскій языкъ не болѣе отличается отъ славянскаго или готскаго, чѣмъ отъ грузинскаго. Едва ли не тоже можно сказать и о взаимныхъ отношеніяхъ между грузинскимъ и армянскимъ языками. Если длинный рядъ прочихъ кавказскихъ языковъ имѣетъ родственное сходство съ названными нами тремя, которые одни хорошо изслѣдованы, то всѣ они принадлежатъ къ индо-европейскому корню, но это подлежитъ величайшему сомнѣнію. Отвергать это родство теперь еще преждевременно: отсутствіе письменности и всякаго языка официальнаго и литературнаго, ограниченность международныхъ сношеній, могли въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ совершенно исказить всѣ таковыя родственныя черты, которыя, быть можетъ, обнаружатся вслѣдствіе тща-

тельныхъ филологическихъ изслѣдованій. Не болѣе еще, какъ лѣтъ за двадцать пять тому назадъ, извѣстнѣйшіе филологи совершенно отвергали происхожденіе армянскаго и грузинскаго языковъ отъ индо-европейскаго корня, происхожденіе, которое теперь вполнѣ доказано.

Мы выше сказали, что въ Кавказскихъ горахъ, быть можетъ, уцѣлѣли еще въ видѣ небольшихъ обломковъ доисторическія европейскія расы, теперь уже совершенно исчезнувшія въ другихъ странахъ; что тамъ, быть можетъ, обитаютъ еще потомки великихъ арійскихъ племенъ, населившихъ въ незапамятныя времена европейскій материкъ, племенъ: эллино-латинскаго, кельтскаго, германскаго и славянскаго. Противъ этого предположенія представляется весьма естественное возраженіе. На берегахъ Атлантики до сихъ поръ еще сохраняются обычаи, преданія, повѣрья, миѳы, которыхъ сходство съ древне-индійскими и съ зендскими не можетъ быть объяснено иначе, какъ единоплеменностію. Таковыя обще родовыя черты должны бы сохраниться во всей чистотѣ въ недоступныхъ ущельяхъ Кавказа, гдѣ нерѣдко горсть людей живетъ почти оторванно отъ остальнаго свѣта въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій и представляетъ характеръ полной неизмѣнности посреди вѣчно тревожнаго моря исторической жизни человѣчества. До сихъ поръ ничего подобнаго, однако, не удалось намъ еще открыть между разнообразными проявленіями общественной жизни въ нѣдрахъ Кавказскихъ горъ. Оставляя въ сторонѣ замѣчаніе, что таковыя житейскія обстоятельства горцевъ покуда еще весьма мало извѣстны и вовсе не изслѣдованы сообразно съ требованіями науки, обратимъ вниманіе лишь на то, черезъ какой рядъ тяжкихъ испытаній должны были перейти племена, которыя, бывъ вытѣснены съ равнинъ, нашли себѣ убѣжище въ горахъ. Чѣмъ на низшей ступени развитія находится народъ, тѣмъ теснѣе подчиненъ онъ вліянію мѣстности, которая тогда вполнѣ обусловливаетъ образъ жизни его. Въ безконечныхъ степяхъ, растилаю-

щихся къ сѣверу отъ Кавказа, между Дономъ и Волгою, обитатели смѣнялись неоднократно даже въ историческія времена; происхожденіемъ, языкомъ, религіей различествовали они между собою, но образъ жизни всѣхъ ихъ тождественно одинаковъ и таковымъ останется онъ, пока обитатели не успѣютъ освободиться отъ строгой подчиненности мѣстнымъ условіямъ. То, что Геродотъ разсказываетъ о скиѳахъ, питавшихся кобыльимъ молокомъ, не имѣвшихъ другихъ домовъ, кромѣ повозокъ, ни другихъ средствъ существованія, кромѣ многочисленныхъ стадъ и табуновъ, кажется описаніемъ современнаго намъ домашняго быта калмыковъ, киргизовъ, нагайцевъ, трухменцевъ, нынѣшнихъ обитателей Астраханской и Ставропольской губерній, не смотря на то, что всѣ они, безъ сомнѣнія, по происхожденію совершенно чужды Геродотовымъ скиѳамъ. Мы выше сказали, что свойства мѣстности въ особенности благопріятствовали спокойному и здоровому развитію между европейскими арійцами всѣхъ тѣхъ высокихъ нравственныхъ качествъ, которыми отличались предки ихъ, намъ невѣдомые, но въ созданіи языка своего отразившіеся, какъ бы въ зеркалѣ. Представимъ же себѣ этихъ арійцевъ-пастырей, обитателей кибитокъ, богатыхъ исключительно стадами и табунами, вытѣсненныхъ съ равнинъ напоромъ новыхъ непріязненныхъ пришельцевъ и вынужденныхъ искать спасенія въ недоступныхъ горныхъ ущельяхъ: прежній бытъ разрушился безвозвратно, нити, связывавшія людей въ народъ, разомъ лопнули, прежняя опытность сдѣлалась безполезною, отъ прежняго народа уцѣлѣло большее или меньшее число одинокихъ людей, изъ которыхъ для каждаго, вновь съ самаго начала, должна была начаться тяжкая работа приноровленія условій жизни къ незнакомой природѣ и потомъ уже приспособленія природы къ требованіямъ жизни. Дѣйствительно, представимъ себѣ калмыка, котораго домашній бытъ выработался степною жизнію длиннаго ряда поколѣній, котораго вниманіе исключительно сосредоточено на скотоводствѣ и на коневодствѣ,—представимъ себѣ этого кал-

мыка насильственно перенесеннымъ съ необозримо-просторной степи въ какое либо тѣсное и темное ущелье Дагестана, гдѣ посреди голыхъ, почти отвѣсныхъ скалъ, кое-гдѣ встрѣчается небольшой выступъ, на которомъ можетъ лежать земля не осыпаясь, по которому можетъ человѣкъ ступать, цѣпляясь: на этомъ небольшомъ выступѣ, составляющемъ совершенно особый, самостоятельный типъ земной поверхности, типъ не менѣе особый и самостоятельный, какъ и великое Иранское плоскогоріе,—должно устроить жилище и завести все необходимое для жизни; *необходимое* въ этомъ микроскопическомъ мірѣ, въ этомъ мірѣ-каплѣ, должно быть заключено въ крайне тѣсныхъ предѣлахъ; иначе придется или мечомъ или данью пополнять необходимое изъ другого столь же микроскопическаго, сосѣдняго, но свойствами своими діаметрально противуположнаго міра-капли. Жажда независимости также стѣсняетъ понятіе о *необходимомъ* для горцевъ, какъ преднамѣренное умерщвленіе плоти для восторженныхъ отшельниковъ. Разсѣянные, одинокіе люди постепенно сосредоточивались въ небольшія группы; общественная связь возникала не изъ единства языка, не изъ единства происхожденія или вѣрованій, а изъ единства отношеній людей къ природѣ. Но эти отношенія посреди кавказскихъ горъ до безконечности разнообразны; мнѣніе, будто бы одни физическія свойства страны опредѣляютъ историческую судьбу ея обитателей, конечно, весьма одностороннее, но, въ отношеніи къ горскому кавказскому народонаселенію, оно представляетъ болѣе основательности, чѣмъ въ другихъ странахъ. Взаимодѣйствіе народовъ усложняетъ судьбу ихъ съ одной стороны, съ другой же сглаживаетъ рѣзкія отличія, напечатлѣваемыя на нихъ мѣстными условіями. Величайшее разнообразіе при величайшей разрозненности, обусловливаемое физическими свойствами горной полосы Кавказа, опредѣляетъ для каждой этнической единицы особый кругъ дѣятельности, мало или почти вовсе не соприкасающійся съ сосѣдними. Слабость силъ духовныхъ и матеріальныхъ каждой таковой

единицы сдавливаютъ всякую внѣшнюю дѣятельность ея; крайняя односторонность составляетъ прямое послѣдствіе таковой разрозненности и одинокости. Кавказское народонаселеніе не представляетъ собою переливовъ тѣни и свѣта: это пестрая мозаика, составленная изъ цвѣтовъ столь же ярко разнообразныхъ, какъ кавказскій ландшафтъ. Бѣлизна вѣчныхъ снѣговъ прерывается чернымъ шиферомъ отвѣсныхъ крутизнъ, испещренныхъ желтыми мшистыми выступами; ниже темная зелень дремучаго лѣса, еще ниже золотистыя пашни, съ пятнами виноградниковъ, садовъ, сѣрыхъ ауловъ, съ жилами сверкающихъ на солнцѣ рѣзвыхъ потоковъ, перепрыгивающихъ со скалы на скалу, убѣгающихъ вглубь ущелья...

Конечно, всякая альпійская страна представляетъ болѣе или менѣе рѣзкое разнообразіе физическихъ свойствъ; по этому самому горное народонаселеніе никогда не бываетъ такъ однообразно по характеру, наружному виду и образу жизни, какъ народонаселеніе равнинъ, даже разстилающихся на необъятное пространство. Но есть горныя страны, народонаселеніе которыхъ, не смотря на наружное разнообразіе свое, легко объясняемое разнообразіемъ мѣстности, очевицно носитъ печать общаго происхожденія: таково напр. гальское народонаселеніе нагорной Шотландіи. Таковаго единства происхожденія невозможно допустить для кавказскихъ горцевъ. Считать ли Кавказскій хребетъ колыбелью и разсадникомъ различныхъ племенъ, какъ то напр. мы въ правѣ думать о высокихъ гималайскихъ странахъ и какъ то можетъ безотчетно казаться, вслѣдствіе превратнаго пониманія употребительнаго названія: кавказская раса? Но, между всѣми предположеніями, таковое наименѣе вѣроятно. Можно ли допустить, чтобы раса, которой предназначено Промысломъ Всевышняго играть главнѣйшую роль во всемірно-исторической драмѣ, имѣла колыбелью страну, которая болѣе всякой другой препятствуетъ исторической дѣятельности. Разрозненность, подчиненность физическимъ условіямъ,

одинокость, односторонность, отчужденіе отъ остальнаго свѣта, замкнутость,—таковы суть характеристическія черты кавказскаго горскаго народонаселенія: таковыя черты подавляютъ всякую способность народа къ другого рода дѣятельности, кромѣ какъ развѣ къ упорному отстаиванію независимости, съ которою, впрочемъ, не связано никакое убѣжденіе, распространяющееся далѣе тѣснаго горизонта роднаго ущелья. Если мы отъ отвлеченныхъ разсужденій о вліяніи мѣстности на людей обратимся къ положительнымъ историческимъ фактамъ, то найдемъ, что никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, кавказскіе горцы не играли никакой исторической роли: не смотря на всю беззащитность прилежащихъ къ нимъ равнинъ, ни въ какую эпоху, даже на короткое время, не успѣвали они ни создать, ни даже разрушить тамъ чего либо на долго; внѣшняя дѣятельность ихъ никогда не возвышалась надъ грабежомъ и разбоемъ. На какомъ же основаніи допустимъ мы, чтобы нѣкогда Кавказскій хребетъ служилъ колыбелью и разсадникомъ историческихъ народовъ? Еще яснѣе представится намъ истина всего вышеизложеннаго, если мы сравнимъ *извѣстную* намъ исторію Кавказа съ *извѣстною* намъ исторіей возвышенной Средней Азіи. Оставивъ въ сторонѣ вовсе не произвольныя догадки о томъ, какъ происходили невѣдомыя намъ разселенія эллинолатиновъ, кельтовъ, германцевъ, славянъ, припомнимъ себѣ лишь историческія движенія къ западу гунновъ и другихъ варваровъ, разрушившихъ Западную Римскую Имперію, бѣлыхъ гунновъ (ефталитовъ), турокъ, монголовъ. Въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ народы эти, на отдаленномъ востокѣ, посреди непрерывной тревоги, влачили какъ бы неизмѣнное, колесообразное существованіе, но едва касались они *сердца* Азіи, какъ непреоборимымъ, разсѣвающимъ вліяніемъ почвы, отбрасывались они вдаль на западъ: одно прикосновеніе къ этой волшебной почвѣ сообщало имъ дотолѣ невѣдомую силу, энергію, быстро пожиравшую ихъ самихъ, быстро оставлявшую, вслѣдъ за ослѣпительно вспыхнувшимъ пламе-

немъ, холодную безплодную золу! Ничего подобнаго не представляетъ намъ исторія Кавказа.

Итакъ, невозможно допустить, чтобы историческія расы вышли на равнины изъ горной кавказской полосы; мы видѣли также невѣроятность предположенія, будто-бы переступили онѣ черезъ Кавказъ на пути своемъ изъ Азіи въ Европу. Какъ ни мало данныхъ имѣемъ мы для составленія окончательнаго заключенія о происхожденіи кавказскихъ горцевъ,—нельзя однако отвергнуть, что многія горскія племена представляютъ признаки одноплеменности съ разными обитателями равнинъ, теперь большею частію весьма далеко живущими отъ Кавказа. Языкъ осетинъ неоспоримо принадлежитъ къ индо-европейскому корню, въ языкахъ адыге и начхе обнаруживается присутствіе финскихъ элементовъ. Принимая въ соображеніе все вышесказанное, нельзя не придти къ убѣжденію, что кавказскія горы *населились съ равнинъ* и преимущественно съ сѣвера: древнѣйшими пришельцами на Кавказъ были, вѣроятно, доисторическіе аборигены Европы, теперь уже совершенно исчезнувшіе на равнинахъ; потомъ, быть можетъ, арійскія историческія расы, нынѣ господствующія въ Европѣ, вмѣстѣ съ ними финскія племена, слѣдовавшія отъ Алтая къ Балтикѣ; позже дако-гетскія племена, подъ собирательнымъ именемъ скиѳовъ, служившія представителями переселенія азіятскихъ народовъ въ Европу, въ продолженіе историческаго періода древняго міра до самаго Р. Х.; наконецъ, явленія, совершенно подобныя тѣмъ, которыя, какъ мы предполагаемъ, происходили во времена, недоступныя для исторіи, происходятъ передъ нами явственно даже во всѣхъ мелкихъ подробностяхъ своихъ, въ продолженіе средней и новой исторіи; ни разу не видимъ мы, чтобы какой либо народъ, двинувшись изъ Закавказья, перешелъ черезъ Кавказскій хребетъ, оставилъ тамъ на пути своемъ поселенцевъ, а самъ главною частью массы распространился на сѣверъ между Дономъ и Волгою, гдѣ, какъ кажется, было тогда еще болѣе простору, чѣмъ во времена

Геродотовы. Но, въ тоже время, какой бы народъ не двигался отъ востока къ западу, по большой дорогѣ переселенія народовъ, выходящей въ Европу между Уральскимъ хребтомъ и Каспіемъ, какой бы то ни былъ народъ: гунны ли, аланы, авары, мадьяры, турецкія или монгольскія племена,—всѣ они влѣво отъ пути слѣдованія, частями подаются къ Кавказу, къ югу; быть можетъ, для того только, чтобы на зимнее время пріискать для себя кочевье потеплѣе и гдѣ бы снѣгъ былъ не такъ глубокъ. Тутъ рвалась связь между главною массою народа, слѣдовавшею къ западу, и частями ея, поворотившими къ югу, разрывъ, естественнымъ образомъ быстро возраставшій. Но для частей, поворотившихъ къ югу, въ скоромъ времени могъ сдѣлаться невозможнымъ возвратный путь. Одноплеменники ихъ, уступая напору съ востока, болѣе и болѣе подвигались къ западу; пространство между Дономъ и Волгой наводнялось толпами новыхъ пришельцевъ, которые не только запирали собою выходъ на материкъ изъ перешейка, но, сверхъ того, сами по хозяйственнымъ разсчетамъ своимъ распространялись по степямъ перешейка, порабощая или вытѣсняя въ горы всѣхъ встрѣчавшихся тамъ инородцевъ. Горское народонаселеніе умножалось притокомъ новыхъ этническихъ стихій, болѣе и болѣе разнообразившихъ, но не обогащавшихъ его: новые пришельцы, вступая въ ущелья суроваго Кавказа, какъ бы стрекались отъ всего прошлаго; на Кавказѣ искали они лишь свободы, въ замѣнъ чего подчинялись строгому уставу горской отчужденной жизни. Всѣхъ безъ разбору Кавказъ принималъ къ себѣ, но, разъ принявъ, не выпускалъ болѣе никого: не заботясь о прошломъ пришельца, будущее его, единожды на всегда, выковывалъ въ неизмѣнную форму. Къ сѣверу и къ югу отъ Кавказа не затихало волненіе двухъ житейскихъ полныхъ событій, морей - океановъ, вѣчно тревожимыхъ близостію двухъ великихъ водоворотовъ: туранской низменности и армянскаго плоскогорія. Безстрастнымъ, безмолвнымъ, бездѣйственнымъ порубежнымъ стражемъ стоялъ Кав-

казъ между двумя морями-океанами. Но имъ суждено нѣкогда слиться, Кавказу уступить напору волнъ! Такъ въ продолженіи несчетнаго ряда вѣковъ Атлантика отдѣляла старый свѣтъ отъ новаго; теперь связываетъ она ихъ во-едино для согласнаго труда въ обще-человѣческомъ дѣлѣ.

Сѣверная половина Кавказскаго перешейка въ отношеніи къ материку Европы имѣетъ историческое значеніе, подобное значенію полуострововъ Таврическаго, Балканскаго, Аппенинскаго и Пиринейскаго. Кавказскій выступъ болѣе другихъ доступенъ со стороны материка, первый встрѣчается на пути разселенія народовъ изъ Средней Азіи къ западу. На расчлененіяхъ материка обыкновенно ранѣе, чѣмъ на самомъ материкѣ, возникаетъ осѣдлая, гражданственная жизнь, составляющая первое условіе народнаго развитія. Можно предположить, что древнѣйшею историческою почвою Европы была сѣверная половина Кавказскаго перешейка. И дѣйствительно, много есть указаній, подтверждающихъ справедливость таковаго предположенія [1]). Почему же исторія древне-европейскаго развитія не удержалась на берегахъ Меотическаго (Азовскаго) моря, на цвѣтущей равнинѣ, орошаемой классическимъ Гупанисомъ (Кубанью), почему вскорѣ перенеслась она на полуострова Средиземнаго моря? Конечно, таковой ходъ европейской исторіи легко объясняется совершенно безпрепятственною доступностью съ сѣверной стороны Кавказскаго перешейка: это есть просторная гавань, легко доступная для судовъ, гонимыхъ бурею въ открытомъ морѣ, но не укрывающая ихъ отъ крушенія, такъ какъ сама она доступна всѣмъ невзгодамъ. Младенческіе всходы просвѣщенія вскорѣ вырваны были съ корнемъ вонъ ураганомъ, непрерывно дувшимъ со стороны туранской низменности: частью унесены они были на благословенную почву европейскаго юга, гдѣ потомъ созрѣли и прине-

1) *Ritter*: Vorhalle europaeischer Völkergeschichten, 147 и сл.

сли обильную жатву; частью упали на голыя скалы Кавказа, гдѣ погибли безвозвратно.

Мы выше объяснили, что на Кавказскій хребетъ должно смотрѣть какъ на весьма рѣзко проведенный самою природою рубежъ между двумя историческими частями свѣта, Европейскою и Западно-Азіятскою,—рубежъ, черезъ который могли, конечно, прорываться ополченія хищниковъ изъ Европы въ Азію, но который былъ непереходимымъ для народовъ, болѣе или менѣе спокойно разселявшихся съ семействами и имуществомъ своимъ. Такимъ образомъ страна, составляющая Кавказскій перешеекъ, частями своими, лежащими по сѣверную или по южную сторону Кавказскаго хребта, принадлежитъ къ двумъ различнымъ историческимъ частямъ свѣта. Мы сказали также, что обѣ онѣ, равно какъ и индустанская, сходятся къ востоку отъ Каспійскаго моря, тамъ, гдѣ сближаются два великія плоскогорія и двѣ великія низменности. Это мѣсто сближенія великихъ типовъ земной поверхности стараго свѣта, по преимуществу можетъ быть названо *индифференціальнымъ*, безразличнымъ, въ географическомъ и историческомъ смыслѣ, такъ какъ здѣсь всѣ различія, взаимно соприкасаясь, взаимно уничтожаются. Относительная близость Кавказскаго перешейка къ этой великой индифференціальной странѣ имѣла вліяніе на общій характеръ его народонаселенія, вліяніе уравнивающее, въ противуположность разнообразящему вліянію мѣстности. Само собою разумѣется, что рѣзкія разнообразія между народами могли возникнуть не въ общей родинѣ ихъ, но уже послѣ того какъ они разошлись; чѣмъ далѣе и долѣе расходились они, тѣмъ разнообразія дѣлались глубже и нагляднѣе. Представимъ же себѣ какой либо народъ, какъ напр. даіи, массагеты или алане, нѣкогда кочевавшій нераздѣльной массой въ Туранѣ, къ востоку отъ Каспійскаго моря, и потомъ раздѣлившійся, при движеніи своемъ къ западу, на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна достигла сѣверной половины Кавказскаго перешейка, обогнувъ Каспійское море съ сѣ-

вера, другая же проникла въ Закавказье черезъ Мазандеранъ. Обѣ вѣтви, не успѣвъ еще утратить общаго этническаго наименованія, не успѣвъ значительно разойтись ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ, могли или вновь сблизиться на Кавказѣ, въ особенности гдѣ либо въ Дагестанѣ, или, наконецъ, не возстановивъ прерванной связи, поселиться другъ отъ друга отдѣльно, одна въ сѣверной, а другая въ южной половинѣ перешейка. Это явленіе весьма обыкновенно на Кавказѣ, и теперь еще можетъ быть наблюдаемо во всей полнотѣ надъ позднѣйшими пришельцами, тюркскими или, такъ называемыми, татарскими племенами. Татары встрѣчаются въ юго-восточномъ углу Закавказья, въ Талышѣ; есть татары и по берегу Азовскаго моря, но, для объясненія таковаго расселенія въ противуположныя оконечности Кавказа, нѣтъ надобности предполагать, что они переходили черезъ Кавказскій хребетъ. Таковое расселеніе началось въ весьма отдаленной отъ Кавказскаго перешейка странѣ, и каждая вѣтвь направилась въ особую страну, прервавъ на всегда связь съ родственною ей.

Мы обратили, сверхъ того, вниманіе на тѣсное приближеніе Европы къ Азіи вдоль водяной полосы Босфора, Мраморнаго моря, Геллеспонта и Эгейскаго моря. Этой водяной полосы, конечно, достаточно было, чтобы перегородить пути расселенія младенчествующаго человѣчества, но при первыхъ робкихъ попыткахъ мореплаванія люди успѣли переплыть черезъ эту раздѣльную полосу. Если Азія мало заботилась о Европѣ, за то Европа не сводила глазъ съ Азіи. Начало предпріятій Европы противъ Азіи теряется во мракѣ времени, въ который не можетъ проникнуть лучъ исторіи. Поэмы о походѣ Аргонавтовъ, Иліада, Одиссея основаны или на преданіяхъ о таковыхъ предпріятіяхъ, или на мечтаніяхъ, подготовлявшихъ таковыя предпріятія. Все это понимаемо было исторической Греціей еще менѣе чѣмъ нами, такъ какъ только въ наше время историческая критика начинаетъ принимать положительное направленіе. Вѣковое вліяніе Греціи, или, лучше ска-

зать, Балканскаго полуострова, не ранѣе, какъ во времена Александра Македонскаго проникло въ самую глубь Азіи, но на ближайшихъ странахъ, на Малой Азіи, на Арменіи, на Черноморскомъ берегу Кавказскаго перешейка, отозвалось оно еще въ самую отдаленную эпоху. Если вліяніе собственно Греціи обозначилось, какъ отблескомъ просвѣщенія, исходившаго изъ Аѳинъ и досягавшаго черезъ Малую Азію даже до Армянскаго плоскогорія, такъ и торговыми колоніями, основанными по берегамъ Чернаго моря, - то вліяніе Ѳракіи на Закавказье, хотя и весьма въ слабыхъ размѣрахъ, представляло аналогію съ вліяніемъ Туранской низменности на сѣверную половину Кавказскаго перешейка. Столпленіе народовъ на отдаленномъ западѣ материка Европы повлекло за собою обратныя движенія, принявшія направленія на южные полуострова; въ самыхъ отдаленныхъ историческихъ эпохахъ встрѣчаются указанія на вторженія галловъ въ Аппенинскій и Балканскій полуострова. Эти вторженія, въ средней Италіи и въ Греціи, достигшихъ уже высокой степени гражданскаго развитія, ознаменовались одними лишь скоро изглаживающимися слѣдами опустошенія; но осадки вторженій успѣли пріютиться въ дикой Ѳракіи. Оттуда толпы европейскихъ варваровъ, пріискивая для себя болѣе теплое небо и болѣе плодородную почву, переправлялись, хотя не безъ труда, черезъ Босфоръ Ѳракійскій и разсыпались по Малой Азіи, огибая съ южной стороны Черное море. Этими историческими явленіями объясняются признаки присутствія въ древнія времена въ Закавказьѣ нѣкоторыхъ спеціально европейскихъ этническихъ элементовъ, которыхъ не должно смѣшивать съ тѣми общими, которые какъ закавказскіе, такъ и европейскіе арійцы вынесли изъ общей своей первоначальной родины, которую искать должно въ Средней Азіи.

Такимъ образомъ видимъ мы, что кровеносныя жилы организма исторіи стараго свѣта, не случайностью и не произволомъ, а самой природой проведенныя на поверхности земнаго шара,

извившись въ безчисленныхъ изгибахъ, связавъ незримыми для поверхностнаго взгляда нитями отдаленныя и взаимно-несходныя страны, бо́льшею частью концовъ своихъ подходятъ къ сѣверной или къ южной сторонѣ стѣны Кавказа. Удастся ли когда на самомъ Кавказѣ крѣпко соединить эти разнородные концы, ссучивъ ихъ въ непрерывныя нити, посредствомъ которыхъ связать Европу съ Азіей? Европа возмужавшая, обогатившаяся, сторицею выплатитъ Азіи то, что заняла у нея нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ... Что обѣщано человѣчеству исторіей, то исполнится, хотя бы тысячелѣтія отдѣляли исполненіе отъ надежды.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сыны Іафета: Гомеръ, Магогъ, Мадай, Іаванъ, (Елиса), Ѳувалъ, Мешехъ и Ѳирасъ. Сыны Гомера: Аскеназъ, Рифатъ, и Ѳогарма. Сыны Іавана: Елиса, Ѳарсисъ, Киттимъ и Доданимъ. Отъ сихъ паселились острова народовъ въ земляхъ ихъ, каждый по языку своему, по племенамъ своимъ, въ народахъ своихъ.

Бытія, X, 2—5.

Десятая глава книги Бытія заключаетъ въ себѣ родословную потомства Ноева, которое представлено въ видѣ трехъ особыхъ семействъ. Въ семействѣ Іафетовомъ показано два поколѣнія и названо 14 лицъ, въ семействѣ Хамовомъ три поколѣнія и 30 лицъ, въ семействѣ Симовомъ пять поколѣній и 26 лицъ. Въ слѣдующей главѣ книги Бытія родословная Симова продолжена еще на четыре поколѣнія и доведена до родоначальника еврейскаго народа, Авраама, который такимъ образомъ приходится потомкомъ Ноевымъ въ десятомъ колѣнѣ.

Если не допускать для этихъ родословныхъ инаго смысла, кромѣ того, который кажется при первомъ, поверхностномъ взглядѣ, то, конечно, для насъ, отдѣленныхъ тысячелѣтіями отъ Ноя, родословныя эти не имѣютъ совершенно никакой важности. Толкованіе книгъ Священнаго Писанія представляется невѣжественному пустовѣрію, встревоженному легкомысленными выходками прошлаго вѣка, въ видѣ преступнаго искаженія истины, исходящей свыше, не изъ общаго источника всякаго другого человѣческаго знанія. Отъ вѣрующаго требуютъ слѣпой вѣры въ буквальный смыслъ библіи, но библія извѣстна большинству вѣрующихъ лишь по переводамъ: понятіе о буквальномъ смыслѣ смѣшивается съ понятіемъ о буквальномъ переводѣ. Возьмемъ для примѣра

два языка, которыми говорятъ два современные и сосѣдніе народа, находящіеся въ тѣсномъ умственномъ соотношеніи, вращающіеся въ одной и той же срединѣ цивилизаціи. Развѣ буквальный переводъ съ одного изъ таковыхъ языковъ на другой не затемнилъ бы буквальнаго смысла подлинника? Что же заключить о буквальномъ переводѣ на одинъ изъ живыхъ европейскихъ языковъ еврейскаго подлинника книги Бытія, писанной вѣковъ за тридцать тому назадъ на языкѣ, по духу своему совершенно отличномъ отъ нашихъ, для народа, слѣдовавшаго путемъ развитія, совершенно отличнымъ отъ нашего. Буквальное пониманіе буквально сдѣланнаго перевода библіи можетъ вовлечь въ совершенно превратное пониманіе подлинника. На какомъ прочномъ основаніи установить понятіе о *буквальномъ смыслѣ* еврейскаго подлинника? Рѣчь человѣческая не имѣетъ опредѣлительности алгебраической формулы; слово, невѣдомо кѣмъ, невѣдомо кому, невѣдомо для чего сказанное, можетъ быть толкуемо различно, хотя бы лексическое значеніе его было вполнѣ извѣстно. Буквальный смыслъ есть собственно смыслъ, приданный слову тѣмъ, который произнесъ его; чтобы разгадать его, должно знать и того, кто говоритъ, и тѣхъ, которымъ говоритъ онъ, и взаимныя отношенія ихъ. Чѣмъ менѣе намъ все это извѣстно, тѣмъ непонятнѣе для насъ чуждая рѣчь. Всѣ таковыя условія крайне неблагопріятны для разумѣнія настоящаго смысла книгъ Священнаго Писанія, безъ помощи весьма тщательнаго изученія, какъ всѣхъ особенностей еврейскаго языка, такъ и всѣхъ особенностей еврейскаго умственнаго развитія. Конечно, священная духовная личность ветхозавѣтныхъ законоучителей и пророковъ не подлежитъ никакому анализу, но историческую, по крайней мѣрѣ, часть книгъ своихъ писали они не для пророковъ, не для людей, одаренныхъ свыше: это обстоятельство удерживало ихъ въ доступномъ для массы еврейскаго народа кругу ясности. Но прежде всего должно имѣть въ виду, что писали они книги свои не для всего рода

человѣческаго, а собственно для избраннаго Богомъ народа; если бы писали для насъ, то мысль свою облекли бы совершенно въ иныя формы. Мы не касаемся общечеловѣческой части содержанія библіи, этой книги книгъ, безконечной какъ міръ, исходящей изъ бездны мірозданія и выростающей до таинственнаго звѣзднаго неба [1],—мы говоримъ объ одной лишь исторической части ея, къ которой принадлежитъ вся книга Бытія. Боговдохновенный историкъ, конечно, обозрѣвалъ прошедшее и настоящее современнаго ему человѣчества съ гораздо высшей точки зрѣнія, чѣмъ поучаемый имъ народъ: не скрывалъ онъ и не измѣнялъ преднамѣренно истины, но въ изложеніи ея приноровлялся къ понятіямъ еврейскаго народа, говорилъ иносказаніями, совершенно ясными для современниковъ его, но для насъ сдѣлавшимися уже темными. То, что, при нынѣшнемъ направленіи образованія, кажется намъ весьма важнымъ и занимательнымъ, не казалось ни важнымъ, ни занимательнымъ для евреевъ, и Моисей умолчалъ объ этомъ. Мы должны, отрѣшившись отъ всего настоящаго, поставить себя на мѣсто древнихъ евреевъ, чтобы понимать космогоническую, историческую и географическую часть библіи. Таковое идеальное воскресеніе давно умершихъ уже понятій, чувствованій, страстей, есть высшее назначеніе филологіи. Съ каждымъ новымъ словомъ ея явственнѣе и явственнѣе выступаетъ предъ глаза наши тѣнь усопшаго, вызванная ею изъ вѣковой могилы.

Евреямъ стоило услышать имена внуковъ и правнуковъ Ноя, чтобы догадаться о многомъ, что совершенно ускользаетъ отъ насъ, читающихъ библію въ переводѣ. Большая часть именъ этихъ суть названія странъ, городовъ, рѣкъ, горъ западной Азіи, весьма извѣстныя въ древнемъ мірѣ. Конечно, они могли быть заимствованы отъ именъ ближайшихъ потомковъ Ноевыхъ, но замѣчательно, что многія изъ этихъ названій какъ то: Киттимъ,

1) *Henri Heine:* De l' Allemagne (Paris 1855), II, 11.

Доданимъ, [1]) имѣютъ еврейское окончаніе множественнаго числа и, слѣдовательно, не суть имена отдѣльныхъ лицъ. Въ числѣ сыновей Хамовыхъ показанъ Мицраимъ (Египетъ), котораго имя имѣетъ окончаніе двойственнаго числа названію Египта евреи дѣйствительно придавали окончаніе двойственнаго числа на основаніи нѣкоторыхъ особенностей его географическаго положенія. Иныя изъ этихъ именъ, какъ напр. Іебуси (Іевусей), Амори (Аморрей) и пр., суть явно отчественныя и, слѣдовательно, могли служить именами для потомковъ, а не для родоначальника. Наконецъ, нѣкоторыя имѣютъ окончанія женскаго рода, нѣкоторыя отвлеченное значеніе, какъ напр. Шелагъ (Сала)=отправленіе, Эверъ (Еберъ)=переходъ, Фалекъ=раздѣлъ: послѣдняго рода имена относятся, повидимому, къ какимъ то событіямъ, а не къ отдѣльнымъ лицамъ.

Всѣ эти особенности весьма естественнымъ образомъ наводятъ на мысль, что родословныя книги Бытія, для поверхностнаго взгляда не заключающія въ себѣ ничего, кромѣ нѣсколькихъ именъ внуковъ и правнуковъ Ноевыхъ, въ дѣйствительности содержатъ драгоцѣннѣйшій для науки историческій и этнографическій очеркъ, представленный въ условной формѣ, для насъ сдѣлавшейся уже весьма темною. Въ исторіи нашего времени безпрестанно олицетворяются и изображаются въ видѣ историческихъ дѣятелей: реформація, революція, сто дней, Іюль, Февраль и т. п. Если изъ всей нашей необъятной исторической литературы, только одна или двѣ страницы, исписанныя таковыми именами, черезъ тридцать вѣковъ дойдутъ до потомства, то, быть можетъ, создастъ оно изъ нихъ родословныя, придерживаясь мнимо буквальнаго смысла перевода!

Итакъ, во всякомъ случаѣ, нельзя отвергнуть, что между названіями народовъ, географическихъ предметовъ, событій съ одной стороны, и названіями ближайшихъ потомковъ Ноевыхъ съ

1) *Knobel*: Die Völkertafel der Genesis, p. 11.

другой, существуетъ тѣснѣйшая связь. Остается еще обсудить, дѣйствительно ли потомки Ноевы назывались такъ, какъ называетъ ихъ, повидимому, книга Бытія. Нельзя не обратить особаго вниманія на объясненіе самой книгой Бытія имени одного изъ нихъ: Фалекъ (раздѣлъ)—«во дни его земля раздѣлена» [1]), откуда видно, что по событію дано имя этому лицу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволительно даже заключить, что таковое имя есть не что иное, какъ олицетвореніе историческаго событія.

Если принять, что потомки Ноевы дали каждый свое имя особому народу или, лучше сказать, что каждый изъ нихъ изображалъ въ своемъ лицѣ цѣлый народъ, то родословная ихъ пріобрѣтетъ величайшую важность для исторической части сравнительной филологіи, изображая доисторическое развѣтвленіе рода человѣческаго той эпохи, когда „*на всей землѣ былъ одинъ языкъ и одно нарѣчіе*", [2]) на особыя семейства народовъ, развѣтвлявшіяся въ свою очередь постепенно на особые народы. Предметомъ изслѣдованій должно быть отысканіе соотношеній между библейскими и извѣстными намъ изъ другихъ источниковъ древними народными названіями, затѣмъ сравненіе выводовъ, доставляемыхъ намъ исторіей и сравнительной филологіей съ указаніями Моисеевыхъ народныхъ таблицъ. Хотя, конечно, не безусловно вѣрными, но, по крайней мѣрѣ, наиболѣе надежными заключеніями о взаимномъ родствѣ народовъ почитаются тѣ, которыя основаны на антропологическомъ и филологическомъ сходствахъ. Но, не смотря на всѣ усилія, даже, можно сказать, на всѣ натяжки учености, нельзя не сознаться, что, при сличеніи выводовъ науки съ толкованіемъ таблицъ Моисеевыхъ на объясненномъ основаніи, обнаруживаются непримиримыя противурѣчія. Это заставляетъ думать, что Моисеевы таблицы народовъ не представляютъ народныхъ родословныхъ, а

1) *Бытія*, X, 25.

2) *Бытія*, XI, 1.

составлены по какой то другой системѣ. Къ этому заключенію приводятъ насъ и другаго рода разсужденія. Библейское сказаніе о томъ, что только одно небольшое семейство уцѣлѣло на землѣ послѣ всемірнаго потопа, конечно, должно остаться неприкосновеннымъ, но весьма трудно объяснить, какимъ образомъ семейство это не только могло существовать, но еще весьма быстро вновь населить опустѣлую землю. Человѣкъ, даже въ отношеніи къ потребностямъ животной жизни своей, можетъ преуспѣять только въ обществѣ себѣ подобныхъ; муравей не живетъ безъ муравейника, пчела безъ улья. Ни семейство Ноево, ни ближайшіе потомки его, долго не могли расходиться, чтобы не усугубить невыгодъ, проистекавшихъ изъ ихъ малочисленности. Еслиже отыскивать порядокъ разселенія народовъ въ таблицахъ Моисеевыхъ, то оказывается, что уже первыя поколѣнія разошлись въ отдаленные концы земли и что черезъ пять поколѣній вся западная Азія, юговосточная Европа и сѣверо-восточная часть Африки были заселены.

Большая часть недоумѣній, возникающихъ при толкованіи Моисеевыхъ народныхъ таблицъ, уничтожается, если предположить, что онѣ составлены лишь для того, чтобы исчислить всѣ народы, бывшіе на слуху у еврейскаго народа во времена Моисеевы и чтобы показать мѣсто евреевъ въ общечеловѣческой семьѣ. Таблицы эти собственно служатъ вставочнымъ звеномъ разсказа. Допотопная и послѣпотопная исторія до временъ Авраама касается всего человѣческаго рода; отъ этой всеобщей исторіи повѣствователь переходитъ къ частной исторіи евреевъ. Родъ человѣческій, представлявшійся единымъ и нераздѣльнымъ въ предъидущихъ главахъ, необходимо было для дальнѣйшаго разсказа изобразить раздробленнымъ на множество народовъ, но Моисей, за исключеніемъ очевидно-посторонняго и прерывающаго связь повѣствованія эпизода о столпотвореніи Вавилонскомъ, не имѣлъ въ виду объяснить отчетливо, какъ произошло таковое раздробленіе.

Таблицы его не болѣе, какъ исчисленіе лицъ-народовъ, дѣйствующихъ въ дальнѣйшей исторической драмѣ, которыя группируетъ онъ по условной системѣ, наиболѣе доступной понятіямъ евреевъ. Иначе современная наука въ правѣ была бы усумниться въ справедливости разсказа Моисеева: почему въ этой мнимо-отчетливой картинѣ развѣтвленія рода человѣческаго, ни слова не сказано ни объ индусахъ, ни о монголахъ, ни о финнахъ, ни о неграхъ, не говоря уже объ отдаленныхъ малайскихъ и американскихъ племенахъ, между тѣмъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что эти великія отрасли образовались уже задолго до Моисея? Почему нѣкоторые народы, несомнѣнно разноплеменные, причислены къ одному семейству и наоборотъ? Но всѣ эти возраженія, столь привлекательныя для легкомысленнаго невѣрія, сами собою уничтожаются, если только не искать въ книгѣ Бытія того, чего Моисей не имѣлъ въ виду писать. Допустивъ, что Моисеевы таблицы представляютъ лишь исчисленіе народовъ, бывшихъ извѣстными евреямъ и группированныхъ условно, остается опредѣлить, какіе народы могли быть извѣстны евреямъ въ ту эпоху и на основаніи какой системы они группированы.

Принимая въ соображеніе преднамѣренное отчужденіе еврейскаго народа отъ всего остальнаго рода человѣческаго, малочисленность его, отсутствіе торговли, недостатокъ любознательности, можно подумать, что этнографическія познанія ихъ заключены были весьма въ тѣсныхъ предѣлахъ. Теперь еще можно встрѣтить много народовъ, которые, подъ вліяніемъ таковыхъ условій, знаютъ по имени однихъ лишь пограничныхъ сосѣдей своихъ. Но, съ другой стороны, должно припомнить, что евреи, волей или неволей, находились въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ египтянами, отъ которыхъ не могли не узнать именъ многихъ эѳіопскихъ и ливійскихъ народовъ, обитателей Африки, которые теперь намъ едва извѣстны. [1]) Еще во времена первыхъ патріарховъ шелъ че-

1) Knobel: die Völkertafel der Genesis, p. 5.

резъ Палестину караванный путь изъ Аравіи въ Египетъ: «и взглянувъ, увидѣли, вотъ идетъ изъ Галаада караванъ Измаильтянъ, и верблюды ихъ несутъ стираксу, бальзамъ и ладонъ; идутъ они отвезти это въ Египетъ» [1]) Даже оставаясь праздными, равнодушными зрителями этого торговаго движенія, евреи могли ознакомиться съ аравійскими племенами. Съ сѣверными симитскими народами не прерывали евреи связи во времена патріарховъ. Наконецъ, не смотря на строгія запрещенія патріарховъ своихъ, потомки Авраамовы не могли уклониться отъ повседневныхъ сношеній съ хананеями, въ землѣ которыхъ жили: къ числу этихъ хананеевъ принадлежали и всемірно-знаменитые финикіяне, которые уже во времена до-Моисеевы успѣли близко ознакомиться съ цѣлымъ европейскимъ прибрежьемъ Средиземнаго моря. Отъ финикіянъ евреи слыхали о существованіи *заморскихъ* народовъ, предковъ нынѣшняго господствующаго населенія Европы.

Итакъ, независимо отъ указаній, представляемыхъ Моисеевыми таблицами, мы въ правѣ съ большою степенью вѣроятія предположить, что въ означенныхъ предѣлахъ заключалось доступное евреямъ народознаніе. Эти предѣлы довольно обширны, но ихъ расширило географическое положеніе избраннаго Богомъ народа, а не любознательность. На отдаленномъ востокѣ существовала Китайская монархія, но еще не наступила эпоха политической дѣятельности ея къ сторонѣ запада; Индустанъ въ то время, какъ и всегда, составлялъ замкнутый міръ, жившій собственною своею затворническою жизнію; на востокѣ Иранскаго плоскогорія существовало сильное Бактрійское государство, но вся дѣятельность его была поглощена борьбою съ Тураномъ. О всѣхъ этихъ народахъ слухъ не доходилъ до Ханаана, и Моисей не упомянулъ о нихъ въ своихъ таблицахъ. Около того же времени быстро начало возникать могущество Ассирійской монархіи, которая была

1) Бытія, XXXVII, 25.

извѣстна евреямъ: ополченія Нина и Семирамиды направились на востокъ, вглубь Азіи; юго-западъ ея оставался спокойнымъ еще долго послѣ Моисея. Великой политической централизаціи западной Азіи, не разъ возникавшей въ теченіи вѣковъ, не существовало или, быть можетъ, прервалась она временно, въ эпоху Моисееву. Къ сторонѣ востока, видимый для евреевъ міръ замыкался западной окраиной Иранскаго плоскогорія. Въ смутныхъ преданіяхъ, которыхъ отголосокъ находимъ мы въ первыхъ главахъ книги Бытія, встрѣчаемъ сказаніе, что *на востоцѣхъ* лежитъ Эдемъ, откуда райская рѣка *разлучается въ четыре начала*, что въ невѣдомой дали текутъ рѣки Фисонъ и Геонъ, лежатъ земли Евилатская и Хусова, земля Наидъ, гдѣ Каинъ создалъ градъ Енохъ: географическія названія, чуждыя положительной библейской географіи.

Гораздо труднѣе дать себѣ опредѣлительный отчетъ въ системѣ, которой слѣдовалъ Моисей для раздѣленія на особыя группы извѣстныхъ евреямъ народовъ.

Всѣ они происходятъ отъ одного общаго родоначальника Ноя. До сихъ поръ, конечно, выводы антропологіи о различіи человѣческихъ расъ весьма шатки, но во всякомъ случаѣ они болѣе говорятъ въ пользу мнѣнія о происхожденіи рода человѣческаго отъ нѣсколькихъ родоначальниковъ. Мнѣніе это, повидимому, противурѣчитъ показаніямъ Моисеевымъ, но не всѣ народы, несомнѣнно существовавшіе уже въ его времена, упомянуты въ его таблицахъ. Кромѣ того, нѣтъ причины думать, чтобы тѣ, о которыхъ говоритъ онъ, не принадлежали къ одной и той же антропологической расѣ, обыкновенно называемой *кавказскою*: мы выше замѣтили, что единство этой расы въ филологическомъ отношеніи подлежитъ большимъ сомнѣніямъ. Нѣтъ никакого повода думать, чтобы европейскіе народы, о которыхъ говоритъ Моисей, не были арійскаго происхожденія, а африканскіе кушитскаго, но не негритянскаго. Укажемъ здѣсь, сверхъ того, на одно весьма любопытное

обстоятельство. Во многихъ мѣстахъ библіи упоминается о народахъ, которые не вошли въ Моисеевы таблицы. Таковы суть *Рефаимы*=великаны [1]), *Зоммины* или, ближе къ еврейскому подлиннику, *Зомзоммимы*=варвары, *Хорреи*=пещерожители, троглодиты. Всѣ они, повидимому, были одного происхожденія и въ иныхъ мѣстахъ [2]) называются сыновьями Енака, но этотъ Енакъ не поименованъ въ числѣ потомковъ Ноевыхъ. Ожесточенная ненависть, которую евреи питали къ другимъ обитателямъ Ханаана, проявляется вездѣ, гдѣ только говорится о послѣднихъ, но тѣмъ не менѣе библія признаетъ, что эти закоснѣлые враги происходятъ отъ Ноя, хотя и принадлежатъ къ отрасли Хамовой, проклятой Богомъ. Но о потомствѣ Енаковомъ говорится въ библіи, какъ о какой то чудовищной расѣ, имѣвшей сомнительныя права на человѣческое достоинство. Такъ говорится [3]) объ «Огѣ (длинношеемъ), [4]) царѣ Васанскомъ, изъ Рефаимовъ, котораго одръ желѣзный былъ девяти локтей въ длину и четырехъ локтей въ ширину». Названіе Зомзоммимы заставляетъ думать, что народы эти выражались языкомъ, котораго звуки казались странными евреямъ [5]); названіе Хорреи=пещерожители показываетъ, что народы эти, хотя и не всѣ, вели образъ жизни совершенно особый отъ прочихъ обитателей Ханаана. Изъ всего можно заключить, что потомство Енаково принадлежало къ особой расѣ людей, теперь уже, быть можетъ, окончательно исчезнувшей съ лица земли и жившей въ Палестинѣ до прихода туда кушитскихъ и симитскихъ поселенцевъ. То обстоятельство, что таблицы Моисеевы умалчиваютъ объ этихъ народахъ, быть можетъ, позволяетъ думать, что въ понятіяхъ евреевъ единство рода человѣческаго не имѣло такого обширнаго значенія, каковое придается ему въ наше время.

1) *Втор.* III, 13.
2) *Втор.* II, 10.
3) *Второзаконіе* III, 11.
4) *Ritter*: Erdkunde, XV, 121.
5) *Renan*: Hist. géner. des langues sémit., 33.

Итакъ, за исключеніемъ расъ, казавшихся чудовищными въ глазахъ евреевъ и которыхъ число значительно возрасло бы, если бы евреи успѣли ознакомиться съ народонаселеніемъ земнаго шара также хорошо, какъ мы, родъ человѣческій, или, лучше сказать, та часть его, которую называемъ мы нынѣ *кавказскою расою*, происходитъ, согласно Моисеевымъ таблицамъ, отъ одного родоначальника *Ноя*. Въ имени Ноевомъ замѣчательнымъ образомъ слышится звукъ, въ множествѣ языковъ означающій и *новъ* и *плаваніе* (navis), что какъ бы относится къ преданію объ обновленіи ветхаго человѣчества посредствомъ потопа. Но засвидѣтельствовавъ такимъ образомъ единство происхожденія множества народовъ или, лучше сказать, единство происхожденія почти всего извѣстнаго евреямъ человѣчества, священный составитель таблицъ усматриваетъ три великія раздѣленія, три великія группы народовъ: симитскую, іафетидскую и хамитскую. Остается изслѣдовать, что́ общее и что́ различное между народами послужило основаніемъ таковому этнографическому раздѣленію.

При отсутствіи въ самой библіи всякихъ прямыхъ указаній на занимающій насъ вопросъ, всего естественнѣе, конечно, обратиться къ толкованію именъ сыновей Ноевыхъ; въ названіяхъ, приданныхъ великимъ подраздѣленіямъ рода человѣческаго, должны отозваться соображенія, послужившія имъ основаніемъ. Растолкованіемъ этихъ именъ, дѣйствительно, занимались знаменитѣйшіе знатоки древняго еврейскаго языка, но заключенія ихъ, какъ мы увидимъ ниже, разногласятъ между собою. Это заставляетъ думать, что имена эти не суть чисто-еврейскія, а заимствованныя у какого-то невѣдомаго, болѣе древняго народа, быть можетъ, народа-прародителя всѣхъ симитовъ. Такъ напр. названіе Іафета имѣетъ на еврейскомъ языкѣ окончаніе женскаго рода, чего не могло бы случиться, если бы названіе это составлено было евреемъ [1]).

1) *Knobel*: Die Völkertafel der Genesis, p. 21.

Всего естественнѣе предположить, что имена эти дошли до современныхъ Моисею евреевъ въ видѣ древнѣйшаго народнаго преданія, вынесеннаго изъ страны, бывшей родиною предковъ Авраамовыхъ. Страна эта есть Арфаксадъ, составляющая часть высокой страны Араратской, которая, по мнѣнію евреевъ, была колыбелью послѣпотопнаго человѣчества, мѣстомъ жительства Ноева и, во всякомъ случаѣ, хотя первоначальнымъ мѣстомъ жительства трехъ сыновей его. Нѣтъ ли какихъ либо независимыхъ отъ библейскихъ сказаній доказательствъ, что въ этой странѣ Араратской или далѣе еще къ Черному морю, нѣкогда извѣстны были имена, сходныя съ библейскими именами сыновей Ноевыхъ?

Въ греческой миѳологіи существовало неопредѣленное сказаніе о Титанѣ Іапетѣ, сынѣ Урана и Земли, супругѣ Океаниды Азіи, отцѣ Прометея, дѣдѣ Девкаліона, отъ котораго произошло послѣпотопное человѣчество, въ особенности же еллинское племя. Выраженіе Iapeti genus служило для означенія всего рода человѣческаго въ классическомъ мірѣ. Сказаніе о Іапетѣ встрѣчается у Гезіода, жившаго лѣтъ за 900 до Р. Х. Можно думать, что миѳъ этотъ извѣстенъ былъ грекамъ въ эпоху глубочайшей древности и перешелъ къ нимъ съ востока Малой Азіи, т. е. изъ той же страны Араратской, гдѣ сосредоточиваются симитскія преданія о потопѣ. Греческое названіе Іапетъ и библейское Іаѳетъ такъ близки другъ къ другу, что заставляютъ предполагать тождество происхожденія, хотя, безъ сомнѣнія, ни греки не заимствовали его у евреевъ, ни евреи у грековъ. Но значеніе этого названія еще менѣе объяснимо посредствомъ греческаго языка, чѣмъ посредствомъ еврейскаго. Быть можетъ это есть древнѣйшая форма названія Iupiter, Zevs, Pater [1]).

Замѣчательны также отрывки изъ сочиненія Сивиллы, дочери вавилонскаго мудреца Бероза, помѣщенные въ исторіи Моисея

1) *Buttmann*: Mythologos (Berlin 1829), I, 222.

Хоренскаго. Прежде столпотворенія, говоритъ она, и размноженія говора человѣческаго языка, и послѣ плаванія Ксисуѳра въ Арменію, Зруанъ, Титанъ и Іапетостэ являются владыками земли [1]). Это вавилонское преданіе о Ксисуѳрѣ, спасшемся отъ потопа на караблѣ въ Арменіи съ тремя сыновьями, повидимому, есть искаженіе весьма древняго преданія, которое во всей чистотѣ сохранилось у евреевъ. Названіе Іапетостэ очевидно соотвѣтствуетъ еврейскому Іаѳету и греческому Іапету. О Зруанѣ Моисей Хоренскій положительно говоритъ, что онъ есть Симъ, имя котораго сохранилось въ названии одной горы въ Арменіи (по близости нынѣшняго города Муша), у подошвы которой онъ первоначально поселился. Въ этомъ имени Зруанъ или, какъ иначе пишется оно, Зерванъ или Зеруанъ, нельзя не замѣтить присутствія зендскаго корня *зер*=золото, блескъ: сходственное значеніе, повидимому, на еврейскомъ имѣетъ имя Симъ. Сивилла повѣствуетъ, что Зеруанъ господствовалъ надъ всей землею и что оба брата его покорились ему, но на томъ условіи, чтобы всѣ сыновья, которые произойдутъ отъ Зеруана, были истребляемы. На основании этого преданія, въ послѣдствіи времени, подъ вліяніемъ греческой миѳологіи, армяне своего древняго бога или героя Зервана смѣшали съ Сатурномъ или Хроносомъ. Какъ олицетвореніе *предвѣчнаго времени* Зерванъ играетъ большую роль въ ученіи маговъ. Вавилонское названіе втораго сына Ксисуѳра—Титанъ, подземный богъ, совершенно соотвѣтствуетъ понятію, которое въ древнѣйшемъ, кушитскомъ мірѣ соединялось съ именемъ Хама, бога Камоса. Въ противуположность ему Іапетостэ могъ представляться въ видѣ бога выси, неба, Іаопата, отецъ Іао, откуда род. пад. jovis, Іаго, Іегова. Замѣчательно, что сыну его самаританская хроника приписываетъ молнію [2]).

1) *Моисей Хоренскій:* Исторія Арменіи, перев. Н. Эмина, (Москва 1858), стр. 38.

2) *Iuynbell:* Commentarii historiae gentis Samaritanae (Leyde 1846), p. 271.

Какъ ни смутны всѣ эти миѳы, но они позволяютъ намъ допустить, что въ Малой Азіи и въ странѣ Араратской, гдѣ происходило доисторическое соприкосновеніе между симитами и арійцами, сохранялось, независимо отъ библейскихъ сказаній, преданіе о второмъ послѣпотопномъ поколѣніи и что даже имена сыновей плавателя, прародителя обновленнаго человѣчества, представляютъ нѣкоторое сходство съ библейскими названіями сыновей Ноевыхъ. Но, если эти названія и не условно придуманы составителемъ народныхъ таблицъ, то во всякомъ случаѣ остается неразрѣшеннымъ вопросъ, въ какомъ видѣ это троякое развѣтвленіе рода человѣческаго отразилось на современныхъ Моисею народахъ.

Если допустить, что подъ потомствомъ Ноевымъ библія исключительно подразумѣваетъ кавказскую расу, то антропологическое единство ея выражается въ лицѣ Ноя. Эта раса, въ филологическомъ отношеніи, раздѣляется на три особыя и едва ли совмѣстимыя; филологическое раздѣленіе, быть можетъ, изображается тремя сыновьями Ноевыми. Всего естественнѣе предположить, что Іафетъ изображаетъ индо-европейцевъ, арійцевъ Симъ — симитовъ; Хамъ — хамитовъ или, какъ ихъ чаще называютъ, кушитовъ. Какъ ни правдоподобно таковое предположеніе но оно рѣшительно опровергается тѣмъ, что намъ извѣстно о народахъ и странахъ, поименованныхъ въ Моисеевыхъ таблицахъ. Такъ, сынами Симовыми названы: Эламъ, и Ассуръ, и Арфаксадъ, и Лудъ, и Арамъ. Если догадка наша справедлива, то всѣ эти народы должны почитаться за симитскіе; между тѣмъ какъ выводы настоящаго изученія древнѣйшаго востока противурѣчатъ таковому заключенію. Эламъ, повидимому, тождественно съ названіемъ Иранъ=Айріама, зенд. Айріана, производнымъ отъ древняго названія индо-европейской расы, Айрія; Ассуръ образовался изъ смѣшенія кушитовъ съ арійцами; Арфаксадъ, страна, изъ которой нѣкогда вышли предки Авраамовы, но народонаселенія ея (Касдъ, Кардъ), было индо-европейское; названіе

Лудъ (Лидія?) подаетъ поводъ къ недоумѣніямъ; наконецъ одна лишь страна Арамъ можетъ почитаться за несомнѣнно симитскую [1]). Итакъ, во всякомъ случаѣ, можно утвердительно сказать, что если Моисей и имѣлъ въ виду распредѣленіе народовъ на три группы по языкамъ ихъ, то, по крайней мѣрѣ, не держался строго и исключительно таковаго основанія.—

Распредѣленіе народовъ на великія группы по языкамъ доступно пониманію немногихъ. Таковое пониманіе недоступно было и евреямъ.—Есть другой способъ распредѣленія, совершенно наглядный и на которомъ останавливается самая поверхностная наблюдательность: это есть классификація людей по цвѣту кожи. Таковой вообще держались и новѣйшіе этнологи, пока, наконецъ, дознано было, что устройство черепа и нѣкоторыя другія примѣты составляютъ гораздо болѣе опредѣлительное отличіе между различными народами людей, чѣмъ цвѣтъ кожи. Древніе писатели вообще обращали большое вниманіе на цвѣтъ кожи [2]): бѣлый приписывали они обитателямъ сѣвера, темный обитателямъ юга, смуглый обитателямъ средней полосы. — Названіе еѳіопъ составлено изъ греческихъ словъ горѣть и лицо, *загорѣлые*. — Замѣтимъ притомъ, что этой породы темныхъ людей не слѣдуетъ почитать за негритянскіе. Геродотъ говоритъ, что азіятскіе еѳіопы имѣли гладкіе волосы; колховъ, которыхъ считаетъ онъ за египетскихъ поселенцевъ, называетъ кудрявыми, что не заключаетъ въ себѣ еще понятія о курчавыхъ неграхъ. Египтяне рисовали бѣлыхъ, красныхъ и черныхъ людей; еврейскіе толкователи ветхаго завѣта изложили даже мнѣніе, что первосозданный человѣкъ былъ пестрый, т. е. заключалъ въ себѣ всѣ три вышеозначенные цвѣта, которые потомъ разъединились между его потомками. Весьма правдоподобнымъ можетъ казаться, что еврейскій этнографъ имѣлъ въ виду таковое различіе народовъ по цвѣту кожи. Даже само толкованіе

1) *Renan*: Hist. des langues Sémit., p. 39.
2) *Knobel*: Die Völkertafel, 12

именъ сыновей Ноевыхъ можетъ нѣсколько подтверждать таковое предположеніе.—Слово *Хамъ* на симитскихъ и на древне-египетскомъ языкѣ означаетъ жаркій, сожженный, темный. Въ названіи Іаѳета заключается корень еврейскаго слова, означающаго красоту; бѣлизна кожи составляла условіе красоты по понятіямъ евреевъ. Имени Сима нельзя дать никакого подобнаго толкованія: оно, повидимому, означаетъ *славу*, но весьма естественнымъ образомъ евреи обращали вниманіе лишь на цвѣтъ кожи народовъ, отличный отъ ихъ собственнаго; свое же племя обозначали почетнымъ названіемъ, заимствованнымъ не изъ физическихъ примѣтъ. Подобнымъ образомъ, предки персовъ называли себя арійцами — достопочтенными, а наши славянами. Очевидно, впрочемъ, что всѣ эти этимологическія толкованія весьма натянуты; нельзя, притомъ, допустить, чтобы Эламъ (иранцы) или Арфаксадъ (касды, курды) не представлялись евреямъ въ видѣ бѣлокожихъ, что заставило бы причислить ихъ къ іаѳетидамъ, а не къ симитамъ.

Таковая неопредѣленность въ способѣ толкованія народныхъ таблицъ Моисеевыхъ и проистекающія изъ нея противурѣчія, конечно, должны возбудить сильное недовѣріе ко всѣмъ выводамъ. Но нельзя не замѣтить при этомъ, что большая часть недоумѣній возникаетъ изъ того, что мы не можемъ освободиться отъ строгой отчетливости, къ которой пріучило насъ настоящее состояніе землевѣдѣнія и народознанія; не можемъ довольно свыкнуться съ неопредѣленностію древнѣйшей географіи, которой чуждо было великое пособіе географическихъ картъ и точныхъ измѣреній земной поверхности. Какъ мы сказали свыше, народныя таблицы въ книгѣ Бытія служатъ единственно для перехода отъ исторіи первоначальнаго послѣпотопнаго человѣчества, жившаго и дѣйствовавшаго въ отдаленной отъ Палестины странѣ, къ исторіи народа еврейскаго, который появляется уже посреди множества народовъ. Всѣ они разошлись въ разныя стороны изъ одной общей отчизны, которая была мѣстомъ жительства Ноева семейства: таблицы Мои-

сеевы показываютъ куда разошлись народы. При этомъ для повѣствователя, находившагося въ Палестинѣ или по близости ея, разошедшіеся народы весьма естественнымъ образомъ представились въ трехъ великихъ группахъ. Одни разошлись по той самой странѣ, которая была колыбелью послѣпотопнаго человѣчества, принимая ее въ самыхъ обширныхъ физическихъ предѣлахъ; другіе ушли вдаль *за* эту страну, третьи разселились по *сю* сторону ея. Весьма естественнымъ образомъ представилось, что страна, гдѣ жилъ прародитель Ной, осталась во владѣніи потомства старшаго сына его, благословеннаго и достославнаго Сима. Эта страна прародителя Ноя была страна высокая, замыкавшая великимъ полукругомъ съ сѣверо-востока и сѣвера, отъ Персидскаго залива до Средиземнаго моря, низменную Месопотамію и Сирію. Одна лишь ближайшая къ равнинамъ полоса ея была извѣстна евреямъ: Моисей исчисляетъ народы, жившіе на ней, называя ихъ сынами Симовыми: Эламъ, и Ассуръ, и Арфаксадъ, и Лудъ, и Арамъ; сыновья исчислены не по порядку старшинства: Арфаксадъ, прародитель евреевъ, былъ старшій изъ сыновей Симовыхъ: «родилъ Арфаксада чрезъ два года послѣ потопа» [1]), а между тѣмъ онъ поименованъ послѣ Элама и Ассура. Но исчисленіе народовъ, разошедшихся вдоль высокой Ноевой страны, должно было начать съ народа, отправившагося прежде другихъ въ путь и потому наиболѣе удалившагося: Эламъ, Элимаида находится на самой отдаленной оконечности высокой страны, близъ Персидскаго залива. Послѣдній изъ сыновей Симовыхъ, Арамъ, замыкаетъ собою противуположную оконечность, упирающуюся въ Средиземное море. По *сю* сторону высокой Ноевой страны, на равнину спустились сыны Хамовы, которые распространились на западъ въ Африку, на югъ въ Аравійскій полуостровъ. Вопросъ о совершенной самостоятельности хамитской или кушитской расы, конечно, до сихъ поръ еще не приведенъ въ окончательную ясность. Мы

1) *Бытія*, XI, 10.

знаемъ, что древне-египетскій языкъ, языкъ Мицраима, сына Хамова, не принадлежалъ къ числу симитскихъ; мы знаемъ также, что на югѣ западной Азіи жили такъ называемые азіатскіе еѳіопы, темнокожіе съ гладкими волосами, но мы знаемъ также положительно, что языкъ финикіянъ былъ чисто симитскій, что наружностію своею они не походили на еѳіоповъ, а между тѣмъ финикіяне причисляются Моисеевыми таблицами къ потомству Хамову. Это обстоятельство сильно говоритъ въ пользу того мнѣнія, что потомствомъ Хамовымъ Моисей назвалъ всѣ народы разселившіеся, въ отношеніи къ Палестинѣ, по *сю* сторону высокой Ноевой страны, каковыя бы, впрочемъ, ни были языки ихъ или физическія принадлежности. Но между народами хамитскаго происхожденія были и народы симитскаго, по показанію Моисееву. Таковъ былъ народъ Божій евреи, таковыя были арабскіе іоктаниды. Тутъ какъ бы возникаетъ противурѣчіе: если народы группированы Моисеемъ по географическому положенію ихъ, то и евреи и іоктаниды должны бы быть причислены имъ къ потомству Хамову. Это замѣчаніе какъ бы предусмотрѣлъ священный историкъ: между строками его исторіи проявляется желаніе предостеречь читателя отъ заключенія, столь оскорбительнаго для народнаго самолюбія евреевъ. Завоеватели обыкновенно пріискиваютъ старинныя права на завоеванную страну; завоеваніе охотно выставляется ими въ видѣ возвращенія утраченной собственности а не пріобрѣтенія чужой. Въ книгѣ Бытія, напротивъ, вездѣ весьма тщательно объясняется, что евреи пришли въ *чужую* землю, съ которою предки ихъ не имѣли ничего общаго. „Въ землѣ сей тогда (жили) Хананеи“ [1]. Во всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ туземцами, Авраамъ сознается, что не имѣетъ никакой поземельной собственности въ странѣ ихъ: онъ проситъ Авимелеха Герарскаго, чтобы ему уступленъ былъ кладязь, который самъ онъ ископалъ; онъ покупаетъ у Ефрона Хеттейскаго цѣною серебра

1) *Бытія*, XII, 6.

мѣсто для погребенія мертвеца своего. Всѣ эти подробности изложены какъ бы для того, чтобы изобразить чуждость праотца народа израильскаго почвѣ Ханаанской. Послѣ исхода своего изъ Египта, израильтяне мечомъ истребленія утвердили свое владычество надъ Палестиной; чужое достояніе, земля Ханаанская обѣтована имъ была Господомъ; проклятіе Ноево, тяготѣвшее надъ непочтительнымъ Хамомъ, разразилось надъ младшимъ сыномъ послѣдняго: «Ханаанъ же будетъ рабомъ ему (Симу)» [1]). Итакъ, если географическое положеніе народовъ послужило основаніемъ къ распредѣленію ихъ на три семейства въ таблицахъ Моисеевыхъ, то таковое не распространялось на евреевъ, завоевавшихъ область Ханаанскую. Столь же мало евреи считали себя хананеями, какъ въ наше время англичане, владѣющіе Индіей и живущіе въ ней, почитаютъ себя индусами.

Страны, занятыя хамитами, ограничены были безостровными южными морями и пустынями Африканскими; съ сѣвера и востока опоясаны были онѣ высокой страной, которой обитатели почитаемы были за потомковъ Симовыхъ. Мы не знаемъ настоящаго порядка рожденія сыновей Хамовыхъ, но изъ числа ихъ Хусъ наименованъ прежде другихъ, Ханаанъ стоитъ послѣднимъ. Народы хусовой вѣтви занимаютъ южныя оконечности хамитскихъ странъ, Абиссинію и Аравію; хананеи соприкасаются съ Арамомъ, страною Симовой. Между Хусомъ и Ханааномъ находятся Мицраимъ (Египетъ) и Фудъ (сѣверный берегъ Африки) [2]).

Какъ мы видимъ, хамиты, наиболѣе удалившіеся отъ страны Ноевой, поименованы первыми, потому что естественно было предположить, что они прежде другихъ начали свое разселеніе.

Западный край земли Ханаанской омывается моремъ. Безъ сомнѣнія евреи не имѣли никакого опредѣлительнаго понятія ни о величинѣ, ни объ очертаніи этого моря, но отъ ближайшихъ

1) *Бытія*, IX, 27.

2) *Knobel*: Die Völkertafel, 298.

сосѣдей своихъ, отъ мореплавателей финикіянъ, могли они слыхать, что море это весьма обширное, что оно въ связи еще съ другими морями, лежащими далѣе къ полуночи, что на немъ много населенныхъ острововъ, что за этимъ моремъ лежатъ обширныя страны, обитаемыя множествомъ народовъ. Съ жителями ближайшихъ острововъ евреи могли ознакомиться даже въ самую отдаленную эпоху: мнѣніе, что ихъ непримиримые враги, филистимляне, суть выходцы съ острова Крита, весьма правдоподобно. Съ другой стороны въ цѣлой западной Азіи, съ незапамятныхъ временъ, извѣстны были, по опустошительнымъ вторженіямъ своимъ, Схеты, Гогъ и Магогъ, которые, выходя съ глубокаго сѣвера, прорывались черезъ высокія Симовы страны и доходили даже до самаго Египта. Всѣ эти народы, заморскіе и сѣверные, при разселеніи послѣпотопнаго человѣчества, направились въ сторону совершенно противуположную хамитамъ, по *ту* сторону высокой Ноевой земли; всѣ они соединены въ народныхъ таблицахъ въ одно семейство, названное Іаѳетовымъ, по имени третьяго сына Ноева. Іаѳетово семейство было наименѣе извѣстно евреямъ, по крайней мѣрѣ во времена Моисеевы; въ семействѣ этомъ заключались народы заморскіе и далекіе. Въ заключительной формулѣ генеалогіи іаѳетидовъ говорится объ «островахъ языковъ»; этимъ отличается она отъ заключительныхъ формулъ генеалогій Симовой и Хамовой, которыя обѣ совершенно сходны между собою [1]). Подъ общимъ выраженіемъ «острова» въ библіи всегда подразумѣваются западныя приморскія страны, Малая Азія и Европа [2]). Въ еврейскомъ языкѣ имя Іаѳета имѣетъ близкое созвучіе съ словомъ, означающимъ *распространеніе*, *даль*, что придаетъ особую выразительность благословенію Ноеву: «*да* распространитъ

1) *Бытія*, X, 5, 20, 31.

2) *Исаія*, XLI, I; LX, 9; LXVI, 19; *Іезекіила*, XXXIX, 6; *Даніила*, XI, 18; *Псал.* LXXII, 10.

Богъ Іаѳета» [3]). Но само собою разумѣется, что въ Моисеевыхъ таблицахъ объ этихъ заморскихъ и далекихъ народахъ гораздо менѣе подробностей, чѣмъ о симитахъ или о близкихъ къ евреямъ хамитахъ. Семейство іаѳетидовъ должно возбуждать въ насъ наиболѣе участія, заключая въ себѣ имена древнѣйшихъ обитателей Европы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, растолкованіе этой части таблицъ представляетъ наиболѣе затрудненій и подаетъ поводъ къ множеству неосновательныхъ догадокъ. Обитатели материка западной Европы едвали могли быть извѣстны евреямъ даже по слуху, потому что финикіяне занимаясь морскою торговлей, не углублялись во внутрь материка; но народы, жившіе по сѣверную сторону Кавказа и тѣмъ болѣе еще въ Закавказьѣ, по всей вѣроятности, извѣстны были евреямъ, хотя по имени, чрезъ посредство народовъ Симовой группы. Посему мы можемъ предположить, что свѣдѣнія евреевъ о іаѳетидахъ наидалѣе распространены были къ сторонѣ Кавказскаго перешейка и что отдаленнѣйшій извѣстный народъ обиталъ по этому направленію. Соображаясь съ порядкомъ исчисленія именъ, подмѣченнымъ нами въ семействахъ Симовомъ и Хамовомъ, этотъ наиболѣе отдаленный или, что все равно, наиболѣе сѣверный народъ, долженъ быть наименованъ первымъ. Имя его Гомеръ. Послѣдними въ семействѣ Іаѳетовомъ названы сыны Іавана, изображающаго собою, безъ сомнѣнія, іонійцевъ, близкихъ сосѣдей симитскаго Арама.

Приступимъ теперь къ разбору тѣхъ именъ народовъ, которыя могутъ быть отнесены къ Кавказскому перешейку, для чего начнемъ разборъ нашъ съ Гомера.

ГОМЕРЪ.

Какъ мы сказали, должно думать, что народъ этотъ жилъ далѣе всѣхъ отъ народовъ симитовой группы. На востокѣ Азіи

3) *Бытія,* IX, 27; *Bohlen:* die Genesis, 113; *Lengerke:* Kenaan, I, 209; *Knobel:* die Völkertafel, 22.

искать мы его не можемъ, потому что изъ всего видно, что въ эту сторону этнографическія свѣдѣнія евреевъ были весьма ограничены и не переходили западной окраины Иранскаго плоскогорія; югъ занятъ былъ хамитской группой. Итакъ остается искать его или къ западу или къ сѣверу отъ высокихъ симитскихъ странъ.

Замѣтимъ, сверхъ того, что этническое названіе Гомеръ, повидимому, имѣетъ обширное значеніе въ таблицѣ народовъ. Изъ числа іаѳетидовъ только у Гомера и Іавана показаны сыновья. Это заставляетъ думать, что евреямъ извѣстно было нѣсколько народовъ, принадлежавшихъ къ группѣ Гомеръ и нѣсколько принадлежавшихъ къ группѣ Іаванъ. Послѣдній несомнѣнно означаетъ народы, жившіе на западѣ и весьма понятно, что евреямъ могли быть извѣстны, по крайней мѣрѣ, главнѣйшіе изъ числа ихъ: Елиса (Эолійцы, Эллада), Тарсисъ (отдаленный финикійскій западъ, Испанія?), Китійстіи (острова восточной части Средиземнаго моря), Родійстіи, въ подлинникѣ, какъ многіе утверждаютъ, Доданимъ (Эпиръ и Ѳессалія). Это заставляетъ насъ предположить, что Гомеръ и народы Гомеровой группы жили къ сѣверу отъ симитскихъ странъ, слѣдовательно, прямо по направленію къ Кавказскому перешейку.

Названіе Гомеръ встрѣчается въ библіи, сверхъ того, въ Паралипоменонъ [1]), но это не болѣе какъ повтореніе Моисеевыхъ таблицъ народовъ. У Іезекіиля: «Гомеръ со всѣми отрядами его, домъ Ѳогарма, отъ предѣловъ сѣвера, со всѣми отрядами его, многіе народы съ тобою» [2]). Здѣсь Гомеръ поставленъ въ связи съ сѣверными народами. Болѣе подробныхъ объясненій названія мы въ библіи нигдѣ не встрѣчаемъ.

Толкованіе помощію еврейскаго языка не приводитъ къ положительнымъ выводамъ. Оно значитъ *уголь* и переносно *темный* [3]);

1) I, 5.

2) XXXVIII, 6.

3) *Bochart:* Phal., 3, 8; *Инджиджіанъ:* Древности Арменіи, IX.

при измѣненіи гласныхъ можетъ значить также *конечный* [1]). Если только таковыя толкованія заслуживаютъ довѣрія, то можно заключить, что никогда на существовало народа, который бы самъ себя называлъ Гомеромъ, и что таковое названіе создано самими евреями для обозначенія народа, живущаго на краю свѣта, тамъ, куда не доходитъ свѣтъ солнечный!

Это объясненіе, основанное на весьма сомнительныхъ этимологическихъ толкованіяхъ, озаряется новымъ свѣтомъ, если обратимся къ древнѣйшей миѳической географіи другихъ народовъ.— Мы выше уже говорили о баснословной горѣ индусовъ, о священномъ Меру, возвышающейся въ срединѣ земли, составляющей центръ или ось ея. Подошва этой горы Ку-Меру соотвѣтствовала преисподней, царству мрака, въ противуположность вершинѣ, лучезарному Су-Меру, жилищу боговъ [2]). На сѣверѣ, по мнѣнію индусовъ, властвуетъ Кувера: богатая страна его недоступна лучу солнечному. Нельзя безусловно отринуть связи между еврейскимъ Гомеромъ и индійскими Кумеру и Кувера. Еще явственнѣе связь эта обнаруживается съ греческими киммеріанами.

Не вдаваясь въ разсужденія о томъ, какимъ путемъ дошло до грековъ понятіе о людяхъ, живущихъ въ вѣчной тьмѣ, равно какъ и о томъ, откуда произошло греческое названіе ихъ, отъ слова ли означающаго мракъ, или отъ греческаго названія зимы, можемъ лишь сказать, что миѳъ этотъ весьма древенъ. Гомеръ въ Одиссеѣ [3]) говоритъ о киммеріанахъ: «мы достигаемъ конца глубокаго океана. Тамъ лежитъ земля киммерійцевъ, покрытая туманомъ и мракомъ. Геліосъ не взираетъ на нее свѣтлыми лучами своими, ни поднимаясь вверхъ по звѣздному небу, ни опускаясь съ неба на землю: мрачная ночь покрываетъ злополучныхъ людей». Легко представить себѣ, какъ возникло понятіе о странѣ,

1) Nouv. Ann. des voyages. 1846 Septembre.

2) *Renan*: de l'origine du langage, 228.

3) XI, 12.

которой никогда не озаряетъ солнце, но трудно опредѣлить, гдѣ первоначально думали найти ее. На западѣ ли, гдѣ угасаетъ дневное свѣтило, или на сѣверѣ, котораго никогда не посѣщаетъ оно? Географія одиссеи или орфической поэмы аргонавтовъ есть чисто-фантастическая. Въ то время пустынное, безостровное Черное море представлялось величайшимъ изъ всѣхъ морей: аргонавты и Улиссъ переплываютъ изъ Понта Евксинскаго въ западные предѣлы Средиземнаго моря, минуя Босфоръ Ѳракійскій и Геллеспонтъ. Едвали греки не воображали себѣ въ это отдаленное время, что Понтъ Евксинскій на глубокомъ сѣверо-западѣ соединяется съ океаномъ и Средиземнымъ моремъ. Это предположеніе не должно намъ казаться страннымъ, когда мы подумаемъ, что цѣлымъ тысячелѣтіемъ позже, географы считали еще Каспійское море заливомъ Сѣвернаго океана. Можно дѣйствительно думать, что первоначально темная страна киммеріанъ, по понятіямъ грековъ, лежала на далекомъ западѣ. Но географическія свѣдѣнія древняго міра распространились къ западу гораздо ранѣе, чѣмъ къ сѣверу. Въ отдаленной Иберіи (Испаніи) также свѣтло и тепло, какъ и въ Греціи: ничто не обнаруживало близости темной и холодной страны Киммерійской. Должно было искать ее къ сторонѣ сѣвера. Здѣсь дѣйствительность какъ бы оправдывала воображеніе: зима сѣвернаго берега Чернаго моря была непривычнымъ явленіемъ для грековъ; быть можетъ, о ней судили они по преувеличеннымъ разсказамъ. Для насъ страннымъ кажется впечатлѣніе ужаса, которое Молдавія произвела на Овидія; мы едва узнаемъ природу Германіи въ описаніи Тацита. Какъ бы то ни было, но фантастическая темная и холодная страна Киммерійская нашла для себя опредѣленное положеніе въ географіи грековъ: такъ названъ былъ сѣверный берегъ Чернаго моря. Есхилъ въ своемъ Прометеѣ говоритъ о перешейкѣ Киммерійскомъ и объ узкихъ вратахъ Меотійскаго болота, Босфорѣ Киммерійскомъ. Здѣсь фантастическая географія Гомера и Орфея замѣняется вполнѣ положительною.

Въ твореніи Геродота киммеріане изъ области поэзіи переносятся въ область исторіи, въ видѣ народа, обитавшаго на сѣверномъ берегу Чернаго моря.

Итакъ нѣтъ сомнѣнія, что въ эпоху глубочайшей древности, быть можетъ, за много вѣковъ еще до Моисея, отъ Индіи до Греціи распространено было мнѣніе о существованіи народа, живущаго весьма далеко, въ странѣ, неозаряемой солнечными лучами. Библейскій Гомеръ, какъ Іаѳетическій народъ, наиболѣе удалившійся отъ странъ симитскихъ, быть можетъ, названъ такъ на основаніи повѣрія общаго, какъ арійцамъ, такъ и симитамъ. Если не придавать важности этимологическому толкованію еврейскаго названія, то можно думать, что съ именемъ Гомера евреи соединяли одно лишь понятіе о народѣ, живущемъ на краю обитаемаго міра; по крайней мѣрѣ, въ библіи нигдѣ не говорится о мракѣ, окружающемъ Гомеръ. Конечно, характеристическія примѣты Кумеру и Куверы индусовъ, равно какъ греческихъ киммеріанъ, совершенно тождественны, но само собою разумѣется, что эти родственныя названія относимы были индусами и греками къ совершенно различнымъ странамъ и народамъ. Подъ Куверой индусовъ, по всей вѣроятности, должно предполагать Сибирь; греки, какъ мы видѣли, сначала не имѣли никакого опредѣленнаго понятія о положеніи страны Киммерійской, и впослѣдствіи уже времени помѣстили ее на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Гдѣ же искать библейскаго Гомера? Въ библіи на это нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній, но судя по народамъ, поставленнымъ рядомъ съ Гомеромъ въ таблицахъ Моисеевыхъ, равно какъ и по тексту Іезекіила [1]) гдѣ Гомеръ является въ политической или военной связи съ *домомъ Ѳогармы*, можно заключить, что библейскій Гомеръ тождественъ съ Черноморскими киммеріанами грековъ. Справедливость этого заключенія объяснится при разборѣ другихъ именъ

1) XXXVIII, 6.

Іаѳетова семейства, но покуда необходимо ближе ознакомиться съ Геродотовыми сказаніями о киммеріанахъ.

Геродотъ посѣтилъ лично сѣверный берегъ Чернаго моря около 450 г. до Р. Х. Въ это время киммеріанъ тамъ уже не было, но Геродотъ разсказываетъ, что страна, принадлежавшая въ его время скиѳамъ, нѣкогда, *какъ говорятъ*, обитаема была киммеріанами. Еще теперь, говоритъ онъ [1], существуютъ въ Скиѳіи городъ Киммеріумъ и киммерійскія становища; есть страна, удержавшая названіе Киммеріи, и Босфоръ, именуемый Киммерійскимъ. При этомъ Геродотъ повѣствуетъ, по какому случаю киммеріане покинули эту страну. Кочевые скиѳы, жившіе въ Азіи, будучи тѣснимы массагетами, переправились черезъ Араксъ (Волгу) и пришли въ Киммерію. Обитатели собрались совѣтоваться, что имъ дѣлать. Народъ желалъ бросить край, не вступая въ безполезный бой съ несмѣтными толпами нашельцевъ; цари съ приверженцами утверждали, что лучше умереть на родинѣ, чѣмъ покинуть ее. Это разногласіе довело до кровопролитія, народная сторона взяла верхъ. Всѣ погибшіе при этомъ случаѣ схоронены были на рѣкѣ Тирасѣ (Днѣстрѣ), гдѣ еще во времена Геродота показывали ихъ могилы; оставшіеся въ живыхъ вышли изъ страны и скиѳы овладѣли опустѣлымъ краемъ. Киммеріане прошли восточнымъ берегомъ Чернаго моря черезъ Кавказъ, утвердились на южномъ берегу въ окрестностяхъ Синопа, откуда, подъ предводительствомъ Лигдамиса [2], проникли въ Лидію и Іонію, взяли городъ Сардесъ и свирѣпствовали въ Малой Азіи, пока, наконецъ, были истреблены лидійскимъ царемъ Аліаттомъ, отцомъ Креза. Между тѣмъ, скиѳы, не довольствуясь тѣмъ, что безъ боя успѣли овладѣть страною киммерійскою, погнались за бѣглецами черезъ Кавказъ, но, не отыскавъ пути, ведущаго по восточному

1) *Геродотъ*, IV, 11.
2) *Страбонъ*, I, 61.

берегу Чернаго моря, направились по западному Каспійскаго, такъ что Кавказъ остался у нихъ вправо, между тѣмъ какъ у киммеріанъ онъ былъ влѣво. Обогнувъ такимъ образомъ Кавказъ, скиѳы обрушились всею массою своей на Мидію, въ которой царствовалъ въ то время царь Кіаксаръ, побѣдитель ассирійцевъ. Мидяне не устояли въ бою противъ скиѳовъ, которые, вслѣдъ затѣмъ, опустошительнымъ потокомъ разошлись по цѣлой западной Азіи, разграбили Палестину и дошли до Египта, гдѣ царь Псамметихъ остановилъ ихъ не мечомъ, а дарами. Вскорѣ ополченіе грабителей разъединилось и это дало возможность Кіаксару истребить ихъ.

Нашествіе скиѳовъ на западную Азію (633 г. до Р. Х.), составляетъ несомнѣнный историческій фактъ. О немъ съ незначительнымъ разногласіемъ повѣствуютъ всѣ древніе историки; пророки: Іеремій и Іезекіилъ дивно-поэтическими чертами рисуютъ страшную картину этого нашествія. Но, тѣмъ не менѣе, весь разсказъ Геродота о киммеріанахъ не можетъ не возбудить недовѣрія. Геродотъ былъ въ Скиѳіи менѣе, чѣмъ два вѣка спустя послѣ нашествія этого, когда воспоминаніе о немъ не могло еще изгладиться, а между тѣмъ онъ говоритъ о киммеріанахъ на основаніи темнаго преданія, которое лишь считаетъ правдоподобнымъ. Мѣстныя названія, которыя онъ приводитъ, не могутъ служить доказательствомъ, потому что названія эти очевидно даны самими греками, милетскими поселенцами, на основаніи существовавшаго повѣрія о киммеріанахъ. Такъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи указываютъ на чудскія могилы, на чудскія городища, что вовсе не можетъ служить доказательствомъ, чтобы когда нибудь въ мѣстахъ этихъ обиталъ народъ, самъ себя называвшій чудью. Невѣроятно, чтобы многочисленный народъ безъ боя, изъ одного страха нашествія, покинулъ родину; еще менѣе вѣроятно, чтобы киммеріане, спасаясь отъ скиѳовъ, наступавшихъ съ востока, бѣжали съ Днѣстра къ Кавказу, т. е. отъ запада къ востоку. Развѣ

только часть ихъ, жившая на восточномъ берегу Азовскаго моря, что, впрочемъ, несогласно съ разсказомъ Геродота. Совершенно невѣроятно, чтобы скиѳы завоевали всю западную Азію какъ бы мимоходомъ, отыскивая ускользнувшихъ отъ нихъ киммеріанъ. Впрочемъ, весь разсказъ Геродота о киммеріанахъ всего сильнѣе опровергается тѣмъ, что самъ онъ повѣствуетъ о скиѳахъ. По всему видно, что послѣдніе въ его время уже съ незапамятныхъ временъ жили въ странѣ, въ которой онъ нашелъ ихъ. Скиѳы почитали себя новѣйшимъ изъ всѣхъ народовъ, но думали, что праотецъ ихъ Таргитаусъ, сынъ Юпитера и дщери Бористена (Днѣпра), родился въ самой странѣ, лѣтъ за 1000 до похода Дарія въ Скиѳію. Таковая легенда не могла возникнуть посреди народа, едва лишь успѣвшаго водвориться въ странѣ. Притомъ, самъ Геродотъ въ другомъ мѣстѣ своей исторіи [1]), говоритъ о походѣ Сезостриса противъ ѳракійцевъ и скиѳовъ. Сезострисъ же жилъ за семь вѣковъ до мнимаго удаленія киммеріанъ съ сѣвернаго берега Чернаго моря.

Страбонъ, въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія, сообщаетъ о вторженіи киммеріанъ въ Малую Азію подробности, которыя бросаютъ свѣтъ на это событіе [2]). Киммеріане, которыхъ *называютъ также трерами*, быть можетъ не всѣхъ, а только часть ихъ, обитали на темномъ Босфорѣ. Они пришли изъ весьма далекихъ странъ и, вѣроятно, вытѣснены были скиѳами. Не разъ вторгались они черезъ правую (т. е. восточную) сторону Понта и воевали съ Каппадокіей, Пафлагоніей и Фригіей; они переправлялись черезъ Галисъ (Кизиль—Ермакъ) и доходили даже до Іонійскихъ городовъ. Первое вторженіе ихъ лѣтописцы относятъ къ временамъ Мидаса или приблизительно къ временамъ Гомера; Лигдамисъ же съ особой толпой дошелъ до Лидіи и до Іоніи, завоеалъ Сардесъ, но самъ погибъ въ Киликіи. Каллисѳенъ (современникъ

1) *Геродотъ*, II, 103.
2) *Страбонъ*, I, 61; XIV, 647.

Александра Македонскаго) говоритъ: что Сардесъ сначала завоеванъ былъ киммеріанами, потомъ трерами и, наконецъ, взятъ былъ Киромъ. О первомъ завоеваніи свидѣтельствуетъ и Каллиносъ въ стихѣ своемъ: «но вотъ приближается ополченіе свирѣпыхъ киммеріанъ». Наконецъ треры, которыми предводительствовалъ Кобосъ, были вытѣснены скиѳами, ведомыми Мадисомъ. Замѣтимъ, что Геродотъ [1]) называетъ Мадіасомъ царя скиѳскаго, побѣдившаго Кіаксара. Отсюда видно, что киммеріане Геродота частію или даже въ цѣлости носили названіе треровъ. Послѣднихъ Страбонъ иногда называетъ киммерійскимъ, иногда же ѳракійскимъ народомъ. Но замѣтимъ, при этомъ, что нигдѣ киммеріане не называются ѳракійцами. Это становится весьма понятнымъ, если только подъ именемъ киммеріанъ исключительно подразумѣвать людей, живущихъ на глубокомъ сѣверѣ, *полуночниковъ*. Эти выходцы съ глубокаго сѣвера, по всей вѣроятности, только на чужой сторонѣ пріобрѣтали характеристическое названіе свое. Такъ въ средніе вѣка во Франціи, въ Германіи, въ Сициліи, норманами называли выходцевъ изъ Скандинавскаго полуострова. Геродотъ гетовъ называетъ ѳракійцами [2]), Страбонъ говоритъ, что языкъ гетовъ есть ѳракійскій, и что языкъ гетовъ и даковъ одинъ и тотъ же. Но, начиная отъ Дуная до Яксарта (Сыръ-Дарьи) находимъ мы гетовъ и даковъ. Собирательное имя скиѳовъ, конечно, заключало въ себѣ и гетовъ, если только не было равнозначущее съ нимъ; отдаленныхъ массагетовъ Геродотъ не знаетъ, слѣдуетъ ли причислить къ скиѳамъ или нѣтъ, но позднѣйшіе писатели рѣшительно причисляютъ ихъ къ таковымъ. Армянскіе писатели массагетовъ называютъ *маскутами*, что значитъ большіе скиѳы. Скутъ ближе къ греческому [illegible] чѣмъ скиѳъ; масса*геты* дѣлаются равнозначущими въ ма*скиѳами*, и, слѣдова-

1) *Геродотъ*, I, 103.
2) *Геродотъ*, IV, 93.

тельно, скиѳы съ гетами, какъ ни кажутся разногласными эти звуки съ перваго разу. Основательно или нѣтъ было показаніе древнихъ объ одноплеменности ѳракійцевъ, гетовъ и скиѳовъ, во всякомъ случаѣ легко понять, что если треры почитались ѳракійскимъ племенемъ, то могли почитаться одноплеменными съ гетами и съ скиѳами; но ѳракійцы не могли называться киммеріанами, потому что географическое положеніе Ѳракіи не соотвѣтствовало понятію о *странѣ киммерійской*, лежавшей на крайнихъ предѣлахъ сѣвера.

Весь разсказъ Геродота о киммеріанахъ, столь же темный, какъ и сама страна киммерійская, становится яснымъ, если только не выпускать изъ виду настоящаго значенія этого названія. По всему видно, что въ эпоху глубочайшей древности, на Мало-Азіатскомъ полуостровѣ распространено было мнѣніе, что по другую сторону, у пустыннаго, непривѣтливаго, казавшагося неизмѣримо-огромнымъ, Понта Эвксинскаго, къ сторонѣ полуночи, находилась темная, холодная страна киммерійская, которой само названіе придумано было для обозначенія воображаемыхъ свойствъ ея. При первомъ проблескѣ историческаго свѣта, мы усматриваемъ также, что народы, обитавшіе на сѣверномъ берегу Чернаго и вокругъ Азовскаго (Меотійскаго болота) морей, производятъ вторженія въ Малую Азію, пробираясь черезъ Кавказъ вдоль восточнаго берега Чернаго моря, быть можетъ черезъ удобопроходимый Тебердинскій перевалъ и чрезъ Цебельду. Древнѣйшія преданія объ этихъ сѣверныхъ народахъ относятся къ юго-восточному углу Черноморскаго прибрежья, гдѣ, говорятъ, жили они на р. Термодонѣ, которой само названіе окончаніемъ своимъ напоминаетъ рѣки сѣверной стороны Кавказа и южной Россіи; около Термодона сосредоточиваются преданія объ амазонкахъ, которыя являются въ безпрерывной связи съ Меотикой и съ Кавказомъ. Въ VIII в. до Р. Х. эти сѣверные народы проникаютъ въ западные предѣлы Малой Азіи, подъ начальствомъ Илинуса и Сколопитуса [1]), побѣж-

даютъ фригійскаго царя Мидаса и раззоряютъ Сардесъ. Эти народы, согласно существовавшему тогда повѣрью, были извѣстны, какъ въ Малой Азіи, такъ и въ Греціи и, безъ сомнѣнія, на югѣ западной Азіи, подъ общимъ названіемъ киммеріанъ; быть можетъ, находясь въ Малой Азіи, сами они себя такъ называли, подобно тому, какъ, повторимъ еще разъ, выходцы Скандинавскаго полуострова на материкѣ Европы не только были называемы норманами, но и сами себя такъ называли. Нѣтъ сомнѣнія, что это названіе имѣло обширное значеніе и что вблизи народы эти имѣли еще частныя названія: одно изъ нихъ, треры, мы уже знаемъ. Когда Геродотъ путешествовалъ по южной Россіи, то страна эта уже отчасти утратила прежній фантастическій характеръ свой: туземцы, на какомъ бы то ни было основаніи, но уже называемы были не киммеріанами, а скиѳами. Между тѣмъ Геродотъ, какъ человѣкъ весьма ученый и хорошо знакомый съ исторіей Малой Азіи, зналъ многое о киммеріанахъ и зналъ, что пришли они изъ страны, въ которой самъ онъ нашелъ скиѳовъ. Это самое заставило его думать, что киммеріане вытѣснены были изъ древней отчизны своей скиѳами; эту догадку думалъ онъ подтвердить, какъ мѣстными названіями, такъ и преданіями, быть можетъ, искаженными и худопонятыми. Наконецъ, это исчезновеніе киммеріанъ съ сѣвернаго берега Чернаго моря связалъ онъ съ великимъ вторженіемъ скиѳовъ чрезъ Кавказъ въ западную Азію, тѣмъ болѣе, что киммеріане, жившіе въ Синопѣ, были прогнаны скиѳами къ западу, что могло заставить думать, что киммеріане были преслѣдуемы скиѳами и что преслѣдованіе это началось вдали. Во всякомъ случаѣ это повѣрье о киммеріанахъ оставило по себѣ неизгладимые слѣды въ древней географіи Чернаго моря, которое позднѣйшими поэтами даже было иногда называемо Понтомъ Киммерійскимъ [1]. Многіе отъ этого древняго названія производятъ

1) *Claudian*: De laud. Stilich. I, 129; *Ovidius*: Ex Ponto, IV, 10, I.

и нынѣшнее названіе Херсонеса Таврическаго, Крымъ, арабское قرم, равно какъ и арабское названіе Чернаго моря بحر القرم бахр-ель-Киримъ. Но это названіе съ большимъ вѣроятіемъ можетъ быть производимо отъ слова χρημνός крутой берегъ, *крутецъ*, что совершенно соотвѣтствуетъ южному берегу Крыма. Наоборотъ, отъ этого самаго слова нѣкоторые даже производили названіе самихъ киммеріанъ [1]).

Нѣсколько вѣковъ спустя послѣ Геродота, вновь воскресло воспоминаніе о сказочныхъ киммеріанахъ. Многіе писатели начали утверждать, что только небольшая часть этого народа производила вторженія въ Малую Азію, что наибольшая и самая воинственная живетъ въ лѣсистой странѣ, которая мало согрѣвается солнцемъ, по причинѣ обширности и густоты лѣсовъ [2]). О киммеріанахъ напомнили кимвры, которые въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. внезапнымъ появленіемъ своимъ изъ глубокаго невѣдомаго сѣвера привели въ трепетъ Римъ. Снова заговорили о киммеріанахъ, будто бы живущихъ по берегамъ Понта Эвксинскаго и Меотики; тавровъ, нанимавшихся въ службу у Митридата, Юстинъ называетъ кимврами [3]). Это мнѣніе о сродствѣ кимвровъ съ киммеріанами принято было и многими новѣйшими учеными [4]); но, кажется, напрасно было доказывать то, чего ни доказать, ни опровергнуть невозможно. Современные остатки имени кимвровъ на западѣ Европы, въ особенности въ Британіи: Камбрія, Кумбрія, Кимру, Кумри, Кимри и пр. [5]), конечно, весьма близки къ классическому названію *киммеріане* или даже къ библейскому *Гомеръ*, но всѣ они, помощію языка западно-европейскихъ кимвровъ, объясняются

1) *Eichwald*: Alte Geographie des Kaspischen Meeres, 255.

2) *Uckert*: Geogr. der Griechen und Römer, III, zw. Abth., 373.

3) *Юстинъ*, XXXVIII, 3.

4) *Fréret* въ Mem. de l'Acad. des Inscript. t. XIX, p. 577; *Pinkerton*: On inquiry into the History of Scotland, I, 202; *Thierry*: Hist. du Gaulois. 1845. I, p. LXV.

5) *Knobel*: die Völkertafel, 29.

въ значеніи *силачей*, *воиновъ* [1]: названіе, которое весьма естественнымъ образомъ могло дать себѣ какое-либо племя въ доисторическія времена. Итакъ созвучіе здѣсь ничего не доказываетъ. Можно ли сомнѣваться, что киммеріане были первоначально совершенно фантастическій народъ, и что потомъ уже греки отыскивали ихъ то въ одной, то въ другой землѣ, подобно тому, какъ испанскіе авантюристы отыскивали страну Эльдорадо или, прежде еще, монахи землю попа Ивана. О народѣ, который греки называли киммеріанами и который обиталъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря, мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній; изъ всего же можно заключить, что такъ называемъ былъ народъ, который всѣ позднѣйшіе писатели древности называютъ скиѳами, потому что разсказъ Геродота о томъ, какъ исчезли киммеріане съ сѣвернаго берега Чернаго моря, совершенно неправдоподобенъ. Почти не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ нынѣшніе главнѣйшіе европейскіе народы вышли изъ Азіи и, слѣдовательно, на пути своемъ къ западу, нѣкогда проходили черезъ Россію: всѣ они могли поочередно играть роль киммеріанъ въ отношеніи къ обитателямъ Малоазіатскаго полуострова. Есть много обстоятельствъ, заставляющихъ думать, что еще во времена, недоступныя для исторіи, происходили частыя вторженія сѣверныхъ европейскихъ народовъ въ Азію, и что слѣды ихъ не совсѣмъ изгладились тамъ, но подмѣтить настоящее происхожденіе каждаго отпечатка весьма трудно; подмѣтить въ Малой Азіи или на Кавказѣ слѣды кимвровъ посреди слѣдовъ родственныхъ съ ними кельтовъ или даже тевтоновъ, гетовъ, даіевъ и пр. едва ли возможно. Нерѣдко примѣты, кажущіяся сначала отличительными для какого либо народа, при болѣе внимательномъ изученіи являются принадлежностію, общею многимъ народамъ.

Но, если между кимврами и киммеріанами, по всей вѣроят-

1) Fréret, Mem. de l'Acad. des Inscript. t. XIX, p. 591.

ности, нѣтъ ничего общаго, кромѣ нѣкотораго созвучія въ именахъ, за то едва ли можно сомнѣваться, что Моисей, для обозначенія племени весьма отдаленнаго, жившаго на крайнихъ предѣлахъ извѣстнаго въ то время сѣвера, употребилъ названіе *Гомеръ*, представляющее собою только еврейскій способъ произношенія греческаго Кимеръ. У Іезекіиля [1]) Гомеръ является въ союзѣ и въ подчиненности у Гога, что, какъ мы увидимъ, оправдывается извѣстнымъ намъ ходомъ историческихъ событій того отдаленнаго времени. Остается только разрѣшить вопросъ, подразумѣвалъ ли Моисей, подъ именемъ Гомера, малоазіатскихъ киммеріанъ, или киммеріанъ, жившихъ будто бы на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Перваго мнѣнія держались многіе толкователи. Бошаръ [2]) полагалъ, что Гомеръ означаетъ фригійцевъ; Іоаннъ Каѳоликосъ, армянскій историкъ IX вѣка говоритъ о Гомерѣ въ гл. IV: «во имя его, страна ему подвластная, назвалась *Гамиркъ*». Согласно Инджиджіану, такъ называется у армянскихъ историковъ постоянно Каппадокія. Флавій Іосифъ [3]) говоритъ: «тѣ, которыхъ греки называютъ нынѣ галатами, нѣкогда назывались гомаритами, потому что Гомеръ положилъ начало имъ». Такимъ образомъ, по мнѣнію Іосифа, Гомеръ означаетъ всѣхъ галловъ или кельтовъ: значеніе весьма обширное и соотвѣтствующее особенности, которую Гомеръ раздѣляетъ съ однимъ лишь Іованомъ, а именно, что у него показаны сыновья, изображающіе происшедшіе отъ него народы. Но первый и послѣдній сыновья Гомеровы означаютъ безъ сомнѣнія народы, жившіе въ Малой Азіи, подлѣ Арменіи или въ самой Арменіи; Рифатъ одинъ можетъ подавать поводъ къ недоумѣніямъ. Если бы Моисей подъ названіемъ Гомера подразумѣвалъ обитателей запада Европы, то, конечно, назвалъ бы сыновья-

1) XXXVIII, 6.
2) *Bochart:* Phal. 3, 8.
3) *Flavius Josephus:* Ant. I, 6.

ми Гомеровыми народы европейскіе, а не жившіе подлѣ земли Араратской, каковое положеніе несомнѣнно придаютъ имъ всѣ тексты, гдѣ только встрѣчаются эти имена. Если въ западной Азіи были народы, считавшіеся киммерійскаго происхожденія, то съ этимъ понятіемъ соединялось также и то, что народы эти вышли съ сѣвернаго берега Чернаго моря: тамъ могъ жить многочисленный народъ и отдѣлять отъ себя отрасли. Итакъ Моисей, говоря о дѣтяхъ Гомеровыхъ, жившихъ въ Арменіи и Малой Азіи, видѣлъ въ нихъ отрасли великаго народа Гомера, жившаго еще далѣе, *не къ западу*, потому что къ западу находилось великое семейство Іованово, а къ сѣверу, за Кавказомъ [1]), или за Понтомъ Эвксинскимъ, потому что къ югу отъ Кавказа и Понта не было никакого великаго народа Гомера. Все это заставляетъ допустить, что библейскій Гомеръ означалъ обитателей сѣвернаго берега Чернаго моря, которыхъ греки называли киммеріанами, хотя намъ совершенно неизвѣстно, какіе народы жили тамъ во времена Моисеевы и хотя нѣтъ сомнѣнія, что народы эти самъ себя не называли ни Гомеромъ, ни киммеріанами.

МАГОГЪ.

Допустивъ, что подъ именемъ Гомера священный историкъ подразумѣвалъ народъ, или народы, жившіе на сѣверномъ берегу Чернаго моря и вокругъ Меотики,—должно искать Магога по близости этихъ мѣстъ, но нѣсколько далѣе къ югу, по направленію къ Симовой полосѣ. Если только эта догадка справедлива, то для Магога опредѣляется жительство по сѣверную сторону Кавказскаго хребта. Для западной Азіи, киммеріане были сѣвернымъ народомъ, жившимъ *за моремъ*; Магогъ сѣвернымъ народомъ, жив-

1) Само собою разумѣется, что здѣсь выраженіе *за Кавказомъ* имѣетъ значеніе діаметрально — противуположное тому, которое мы обыкновенно придаемъ ему.

шимъ *за горами*.

Имя это, кромѣ книги Бытія и Паралипоменона [1]), встрѣчается еще въ книгѣ пророка Іезекіиля: «сынъ человѣческій! обрати лице твое къ Богу въ землѣ Магогъ» [2]). Далѣе [3]): «и пошлю огонь на землю Магогъ и на жителей островов». Въ первомъ текстѣ Гогъ, повидимому, означаетъ народъ, Магогъ—страну. Названіе Гогъ весьма часто повторяется въ книгѣ Іезекіиля: «вотъ Я на тебя, Гогъ, князь Роша, Мешеха и Ѳувала»! [4]) Названіе Рошъ подаетъ поводъ ко многимъ толкованіямъ, не приводящимъ къ убѣдительнымъ выводамъ; въ этомъ имени подразумѣваютъ иные еврейское и арабское слово *рась*, глава, такъ что выраженіе *Князь Рошъ* значитъ верховный князь [5]); два послѣдующія имени принадлежатъ двумъ сыновьямъ Іаѳетовымъ. Гогъ является повелителемъ этихъ народовъ и множества другихъ. Общее содержаніе книги Іезекіиля заключается въ томъ, что могучій повелитель, народъ или государь, Гогъ, съ несмѣтнымъ ополченіемъ, составленнымъ изъ множества народовъ, со стороны глубокаго сѣвера двинется на народъ Божій, на обѣтованную землю, но въ ней погибнетъ: «и погребутъ тамъ Гога и все множество его».

Пророкъ Іезекіиль жилъ приблизительно за 600 лѣтъ до Р. Х. Его описаніе нашествія и гибели Гога, составляющее одно изъ самыхъ высокихъ произведеній поэзіи всѣхъ народовъ и вѣковъ, имѣетъ наружный видъ пророчества. Іезекіиль говоритъ въ будущемъ времени, но замѣненіе одного времени другимъ составляетъ обыкновенную принадлежность всякихъ поэтическихъ произведеній; сверхъ того времена крайне неопредѣленны въ симитскихъ языкахъ. Во всякомъ случаѣ пророчество о нашествіи и

1) I, 5.
2) XXXVIII, 2.
3) XXXIX, 6.
4) XXXIX, 1.
5) Переводъ Лютера

гибели Гога не примѣнимо ни къ одному историческому событію, случившемуся отъ Іезекіиля даже до нашихъ дней: мы не говоримъ о толкованіяхъ мистиковъ, которые по временамъ возбуждаютъ къ себѣ величайшее довѣріе въ народѣ, но нелѣпость которыхъ обнаруживается, едва лишь народъ успѣетъ отрезвиться отъ суевѣрнаго трепета. Такъ, даже въ 1812 году въ нашествіи и гибели Гога усматривали пророчество о нашествіи и гибели полчищъ наполеоновыхъ. Но Іезекіиль едва ли не былъ очевиднымъ свидѣтелемъ великаго нашествія скиѳовъ на западную Азію черезъ Кавказъ; если нѣтъ, то во всякомъ случаѣ слышалъ онъ объ этомъ нашествіи отъ очевидцевъ. Въ пророчествѣ своемъ говоритъ онъ, обращаясь къ Гогу: «и пойдешъ съ мѣста твоего, отъ предѣловъ сѣвера, ты и многіе народы съ тобою» [1]). Эти народы, которыхъ увлекъ за собою Гогъ, суть Мосохъ и Ѳовелъ (народы Кавказскіе), домъ Ѳоргамы (народы араратскіе и малоазіатскіе), Гомеръ (киммеріане), Фарсъ (персы, мидяне) и пр. Это описаніе ополченія Гогова съ совершенною вѣрностію изображаетъ путь, которымъ слѣдовали скиѳы, и въ какомъ порядкѣ увлекали они за собою народы. Они не основали какого либо великаго государства, въ родѣ Ассирійскаго, Вавилонскаго, Мидійскаго или Персидскаго. изъ которыхъ каждое въ свою очередь господствовало надъ цѣлой западной Азіей; это была огромная толпа хищниковъ, которая въ каждой опустошенной ею странѣ возрастала присоединеніемъ всѣхъ туземныхъ хищниковъ, которая ничего нигдѣ не созидала, но все вездѣ ставила верхъ дномъ. Въ дополненіе къ величественному библейскому описанію шествія Гога по Азіи, мы имѣемъ безъискуственный разсказъ Геродота о походѣ скиѳовъ [2]): «Скиѳы въ продолженіи двадцати восьми лѣтъ властвовали надъ Азіей. Все раззорили они насиліемъ и безпечностію

1) Іезекіиля XXXVIII, 15.
2) *Геродотъ*, I, 106.

своей. Сверхъ обыкновенныхъ податей, съ каждаго взимали они произвольно назначаемые, особые поборы; независимо отъ всѣхъ этихъ налоговъ, бродили они по землѣ, грабя и похищая всякую частную собственность». Замѣчательно также, что ни пророкъ, ни историкъ, не объясняютъ намъ довольно ясно, какъ погибъ Гогъ или какъ Азія освободилась отъ скиѳовъ. Пророкъ говоритъ, что надъ Гогомъ разразился гнѣвъ Адонаи Господа, который исторгъ у Гога «лукъ отъ руки лѣвой и стрѣлы отъ руки правой». Гогъ кончилъ вѣкъ свой внезапно, какъ единъ человѣкъ, и погребенъ былъ въ Исраили, въ особой дебри, и прозвалась та дебрь: многопогребательное Гога, и погребеніе Гога народомъ исраилевымъ длилось семь мѣсяцевъ. Геродотъ повѣствуетъ, что Кіаксаръ пригласилъ къ себѣ большое число скиѳовъ и, напоивъ ихъ до пьяна, приказалъ умертвить. Этимъ способомъ мидяне освободили свою страну и воротили себѣ господство надъ странами, которыми прежде владѣли. Очевидно, что этимъ способомъ нельзя было освободить Азіи отъ скиѳовъ. Другое показаніе Геродота близко подходитъ къ библейскому повѣствованію, быть можетъ, даже объясняетъ его. Онъ говоритъ, что часть скиѳовъ, проходя черезъ *Палестину*, разграбила по близости Аскалона древній храмъ богини Венеры-Ураніи (Деркето), за что богиня поразила ихъ болѣзнію разслабленіемъ. Очень вѣроятно, что моровая язва истребила большую часть скиѳовъ и что сынамъ исраилевымъ остался лишь трудъ очищать землю свою отъ труповъ пришельцевъ и хоронить ихъ въ одномъ мѣстѣ.

Принимая въ соображеніе эпоху жизни Іезекиля и сравнивая то, что онъ говоритъ о нашествіи Гога, съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ другихъ источниковъ о великомъ вторженіи скиѳовъ черезъ Кавказъ въ Западную Азію, нельзя сомнѣваться, что библейскій Гогъ означаетъ скиѳовъ классическихъ писателей. Но при этомъ должно замѣтить, что Гогъ, по всей вѣроятности, не имѣлъ того обширнаго значенія, которое придаваемо было впослѣдствіи

названію скиѳовъ. Уже во времена Геродота, это названіе распространилось и на обитателей сѣвернаго берега Чернаго моря, на бывшихъ киммеріанъ; въ эпоху пророка Іезекіиля киммеріане и скиѳы представлялись въ видѣ двухъ различныхъ народовъ. Киммеріане прошли по знакомому имъ пути вдоль восточнаго берега Чернаго моря; этотъ путь неизвѣстенъ былъ скиѳамъ, послѣдніе проникли въ Закавказье черезъ Дагестанъ или, быть можетъ, черезъ Даріальское ущелье. По всему видно, что эти скиѳы жили по сѣверную сторону Кавказа, въ нынѣшней Ставропольской губерніи, преимущественно къ сторонѣ Каспійскаго моря, которое огибали они съ сѣверной стороны, примыкая къ туранскимъ народамъ, къ массагетамъ, отъ которыхъ оторвались вслѣдствіе взаимныхъ междоусобій, заставившихъ ихъ перейти на лѣвый берегъ Аракса (Волги) [1]).

Тѣсная связь между названіями Гогъ и Магогъ обнаруживается не изъ одного созвучія и не изъ того, что имена эти встрѣчаются въ библіи по сосѣдству. Какъ мы сказали, у Іезекіиля, повидимому, Гогъ означаетъ народъ, а Магогъ страну. Слогъ *ма*, въ симитскихъ и многихъ другихъ древнихъ языкахъ, служитъ для означенія страны. Впрочемъ, гораздо правдоподобнѣе объясненіе *ма* санскритскимъ *mah* или *mass*, значущимъ *большой*, *великій*, откуда можно заключить, что названіе Магогъ составлено также, какъ массагеты, по армянски маскуты. Итакъ, весь вопросъ приводится къ объясненію происхожденія названія *Гогъ*. Большая часть толкователей въ этомъ названіи видятъ арійское слово کوه, гора, осетинское *хохъ*, которое на гортанномъ горномъ нарѣчіи произносится *гаугъ*, иногда гофъ [2]): быть можетъ, первый слогъ, входящій въ составъ названія Кавказъ. Высшіе горные хребты даже называются у осетинъ *Мугогъ* или *Могефъ*, гдѣ мы нахо-

1) *Геродотъ*, IV, 11.

2) *Knobel*: Die Völkertafel, 63; *Rosenmüller*: Handbuch der bibl. Alterth. II,, 243; *Reineggs*: Beschreibung des Kaukasus, II, 79.

димъ какъ бы названіе Магога. Если допустить таковое толкованіе, то Гогъ и Магогъ означаютъ жителей нагорій и горъ, что не можетъ относиться къ скиѳамъ, жителямъ степей, народу кочевому. Съ другой стороны можно замѣтить, что, гдѣ бы Гогъ и Магогъ ни жили прежде, но въ западной Азіи появлялись они не иначе, какъ выходя изъ горъ, спускаясь съ возвышеннѣйшихъ переваловъ, что могло для нихъ усвоить названіе горцевъ. Нѣкоторые филологи пошли еще далѣе. Мы выше объяснили, что, быть можетъ, существуетъ единство между названіями: скиѳъ, скудъ, гудъ, гетъ, готъ, какъ оно несомнѣнно существуетъ между маскутами армянъ и массагетами грековъ. Таковую же связь нѣкоторые усматриваютъ между гетомъ, готомъ и Гогомъ, между массагетомъ, маскутомъ и Магогомъ [1]). Конечно, таковыя этимологическія толкованія сами по себѣ не заслуживаютъ довѣрія, но здѣсь они не противорѣчатъ выводамъ, основаннымъ на другихъ, гораздо болѣе надежныхъ началахъ.

Названія Гогъ и Магогъ не встрѣчаются у классическихъ писателей, но мы находимъ названіе маіэты для народовъ, жившихъ къ востоку отъ Азовскаго моря. Геродотъ говоритъ [2]), что изъ страны тиссагетовъ, съ сѣвера текутъ четыре великія рѣки, которыя впадаютъ въ болото Меотійское, оросивъ земли маіэтовъ. Вообще обширныя степи, тянущіяся отъ мѣста сближенія Дона съ Волгой къ югу до Кавказа, Меотики и Каспія, почитались страною маіэтовъ, маіотовъ, матовъ, весьма обширнаго племени, которое представляетъ собою нѣсколько подраздѣленій, выражаемыхъ именами: саурамaты, іазаматы, ѳэмеоты; позже у Птоломея на этомъ пространствѣ является множество этническихъ именъ. Какъ мы видимъ, географическое положеніе маіэтовъ довольно вѣрно совпадаетъ съ тѣмъ, которое предположили мы для библейскихъ Гога

1) *Lenormant*: Cours d'histoire ancienne, p. 290; Nouv. Ann. des voyages. 1846. Sept. p. 306—307.

2) *Геродотъ*, IV, 123.

и Магога. Еврейское названіе Магогъ не есть ли измѣненная форма греческаго имени маіэ, маіо; названіе Гогъ для народа не придумано ли только потому, что въ имени Магогъ, по свойству еврейскаго языка, изображалось понятіе о странѣ, а не о народѣ? Замѣтимъ, при этомъ, что въ таблицахъ народовъ, равно какъ и въ Паралипоменонѣ, встрѣчается одно лишь названіе Магога; Гогъ появляется у Іезекіиля, потому что Магогъ могъ подавать поводъ къ превратному понятію. Если только эта догадка не подвергнется опроверженію, то можно заключить, что народа Гога никогда не существовало, что былъ одинъ лишь Магогъ, тождественный съ классическими маіотами также, какъ Гомеръ тождественъ съ киммеріанами. Какъ мы видимъ, библейская этнографія вполнѣ оправдывается классическою, имѣя передъ нею, въ глазахъ науки, великое преимущество болѣе отдаленной древности. Названіе маіотовъ подаетъ поводъ къ разсужденіямъ, подобнымъ тѣмъ, которыя изложили мы, говоря о киммеріанахъ. Доказать, что существовалъ когда либо народъ, самъ себя называвшій маіотами, невозможно, но названіе это, въ видѣ сарматовъ, оставило по себѣ длинный слѣдъ въ исторіи. Меотика называлась у грековъ матерью [1]) или кормилицей Понта, что объясняетъ и доисторическое происхожденіе ея названія отъ maha—Маіа, названія древне-арійскаго божества, *Великой матери* или *Питательницы* [2]).

Флавій Іосифъ, сохранившій для насъ много древнихъ еврейскихъ преданій, опредѣлительно говоритъ, что подъ именемъ Магога въ библіи подразумѣваются скиѳы [3]). Равнымъ образомъ, Іеронимъ въ объясненіи своемъ Іезекіиля пишетъ: «Магогомъ называются грубые и безчисленные скиѳскіе народы, которые распространяются за Кавказскими горами и Меотійскимъ боло-

1) *Геродотъ*, IV, 86.
2) *Ritter:* Vorhalle europ. Völkergeschichten, 164.
3) *Fl. Iosephi*: Antiquit. I, 6.

томъ вокругъ Каспійскаго моря даже до самой Индіи». Какъ мы видимъ, здѣсь подъ именемъ Магога подразумѣваются не только меоты, но и весь Туранъ. Арабы, вмѣстѣ съ другими библейскими преданіями, заимствовали и преданіе о Гогѣ и Магогѣ, которыхъ измѣнили они въ Джуджъ и Маджуджъ или *въ Яджуджъ* и *Маджуджъ*. Великая Кавказская стѣна, которая, согласно мнѣнію восточныхъ, тянется отъ Каспійскаго моря до Чернаго, называлась у нихъ *Седди Яджуджъ ва Маджуджъ*—ограда *Яджуджа и Маджуджа*. Позже, впрочемъ, когда арабы ознакомились съ народами, жившими къ сѣверу отъ Кавказа, то Яджуджа и Маджуджа удалили они въ самую глубь сѣверо-востока Азіи.

Армянскія преданія о Гогѣ и Магогѣ, изложенныя въ сочиненіи Инджиджіана, замѣчательны по своей странности. Первоначальнымъ мѣстомъ жительства *отцовъ* Гога и Магога почитаютъ армяне округъ Великой Арменіи, Гугаркъ, т. е. Гогъ-Харкъ. Потомство Гога и Магога разсѣялось по горамъ Кавказскимъ и оттуда на дальныя границы Татаріи, гдѣ встрѣчаются сходныя съ Магогомъ названія: Мангу, Моголъ или Мугалъ. Князь Роша, Мешеха и Ѳувала [1]) почитается княземъ русскихъ, московъ и тубаровъ. Названіе Грузіи, Джорджіа, произошло отъ Яджуджа, арабскаго названія Гога. Впрочемъ, Инджиджіанъ самъ опровергаетъ это послѣднее толкованіе.

Послѣ Магога въ исчисленіи именъ сыновей Іаѳетовыхъ слѣдуютъ Мадай и Іаванъ. Оба имени не подаютъ никакого повода къ сомнѣніямъ, и всѣ толкователи на счетъ ихъ согласны. Мадай означаетъ мидянъ; въ гвоздеобразныхъ надписяхъ мидяне называются мада [2]); слѣдовательно, библейское названіе гораздо ближе къ настоящему, чѣмъ классическое меды. Іаванъ означаетъ все племя еллиновъ; таковое названіе существовало въ цѣломъ древнѣйшемъ востокѣ. Индусы называли грековъ

1) *Іез.* XXXVIII, 3.
2) *Lassen* въ Seitschrift für die Kunde des Morgenlandes, VI, 46. 92.

Іавана [1]), въ гвоздеобразныхъ надписяхъ называются они *Іюна*, [2]) у Египтянъ Греція именуется *Юнанъ* [3]).

Мидяне съ востока, Малоазіатскіе греки съ запада, примыкаютъ къ Симовой полосѣ. Между Магогомъ и Мадаемъ, между страной, лежащей къ сѣверу отъ Кавказскаго хребта, и Мидіей, образуется значительный перерывъ, который, какъ можно предполагать, долженъ быть наполненъ семействомъ Гомеровымъ, примыкающимъ къ Магогу и Мадаю. Гомеръ безъ сомнѣнія означаетъ крайній сѣверный народъ, Іаванъ съ семействомъ весь далекій заморскій западъ; по всему видно, что къ востоку, далѣе Мидіи или Мадая, не распространялись этнографическія свѣдѣнія евреевъ. И такъ въ Закавказьѣ и въ Малой Азіи остается искать мѣсто жительства остальныхъ сыновей Іаѳетовыхъ. Замѣтимъ, при этомъ, что имя Ѳирасъ подаетъ поводъ къ самымъ большимъ недоумѣніямъ и до сихъ поръ не могло быть объяснено удовлетворительно. Большею частію полагаютъ, что имя это означаетъ ѳракійцевъ, которые въ эпоху отдаленнѣйшей древности производили черезъ Босфоръ вторженія въ Малую Азію, встрѣчаясь съ киммеріанами, вторгавшимися туда же черезъ Кавказъ, отъ востока къ западу. Вивьенъ де Сенъ-Мартенъ [4]) полагаетъ, что имя это означаетъ треровъ, о которыхъ мы говорили выше. Но въ такомъ случаѣ Ѳирасъ долженъ бы быть причисленъ къ сыновьямъ Гомеровымъ.

Оставивъ въ сторонѣ Ѳираса и прежде, чѣмъ приступимъ къ разбору именъ сыновей Гомеровыхъ, остановимся на именахъ остальныхъ двухъ сыновей Іаѳетовыхъ: на Ѳувалѣ и Мешехѣ.

ѲУВАЛЪ.

Въ еврейскомъ подлинникѣ имя это пишется *Тубалъ*, гдѣ *т* имѣетъ придыхательный звукъ. Названіе Тубалъ удержимъ мы

1) *Lassen*: Indische Alterthumsk., I, 862.
2) *Lassen* въ Seitschr. für die Kunde des Morgenl. VI, 51. 372.
3) *Champollion*: Gramm. égypt., 151.
4) Въ Nouv. ann. des voyages. 1846. Sept., 276.

вмѣсто Θувала русскаго перевода библіи.

Это самое имя встрѣчается въ книгѣ Бытія [1]), гдѣ говорится о трехъ сыновьяхъ допотопнаго Ламеха, изъ числа которыхъ одинъ, Тубалъ, «былъ ковачемъ всѣхъ орудій изъ мѣди и желѣза». Эвальдъ [2]) находитъ въ различіи занятій трехъ сыновей Ламеховыхъ изображеніе трехъ сословій первобытныхъ народовъ: Іовилъ—скотопитатель,земледѣлецъ, индійскій Виса, Іувалъ—показавшій пѣвницу и гусли—художникъ, ученый, браминъ; Тубалъ—ковачъ оружія, воинъ, кшатрія. Сквозь мракъ, покрывающій исторію первобытнаго человѣчества, мерцаетъ таинственный обликъ кузнеца Тубалкаина. Это есть Вулканъ [3]) грековъ, Тельханы [4]) острова Родоса, Двалинъ сѣверной миѳологіи. Замѣтимъ, при этомъ, что Тупалъ по персидски значитъ мѣдь. Первоначальная еврейская форма Твалкинъ или Твалканъ соединяетъ всѣ эти имена [5]).

Названіе Тубалъ встрѣчается у Іезекіиля [6]): «Іаванъ, Θувалъ и Мешехъ торговали съ тобою, вымѣнивая товары твои на души человѣческія и мѣдную посуду». Далѣе [7]): «тамъ Мешехъ и Θувалъ со всѣмъ множествомъ своимъ; вокругъ его гробы ихъ»; «князь Роша, Мешеха и Θувала» [8]); у Исаіи [9]): «и въ Мешехъ и въ Θувалъ». Здѣсь, прежде всего можно замѣтить, что имена Θувалъ и Мешехъ постоянно встрѣчаются рядомъ; слѣдовательно, нѣтъ сомнѣнія, что эти два народа жили во взаимномъ соприкосновеніи. Далѣе видимъ, что народы эти находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ Тиромъ, на рынки котораго доставляли невольни-

1) *Бытія*, IV, 22.
2) *Ewald*: Geschichte des Volkes Israel. 2 Ausg., I, 364.
3) *Buttmann*: Mythol., I, 164.
4) *Діодоръ Сицилійскій*, V, 55.
5) *Winer*: Bibl. Realwörterb., II, 618.
6) XXVII, 13.
7) XXXII, 26.
8) XXXVIII, 2, 3; тоже XXXIX, 1.
9) LXVI, 19.

ковъ и мѣдныя издѣлія. Послѣдній предметъ торговли представляетъ замѣчательное соотношеніе съ названіемъ народа Тубалъ. Тубалъ съ неразлучнымъ своимъ спутникомъ Мешехомъ являются въ ополченіи Гога первыми, изъ числа покоренныхъ народовъ, откуда можно заключить, что они жили подлѣ Кавказскаго хребта и, притомъ, такъ какъ Мешехъ въ ополченіи Гога называется постоянно прежде Тубала, противуположно порядку исчисленія именъ въ народныхъ таблицахъ,—то, повидимому, Мешехъ жилъ ближе къ Кавказу, чѣмъ Тубалъ, или восточнѣе его, такъ какъ скиѳы въ Закавказьѣ двигались отъ востока къ западу. Кромѣ этихъ выводовъ, довольно гадательныхъ, библія не доставляетъ намъ никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о народахъ Тубалѣ и Мешехѣ. Для разъясненія вопроса обратимся къ классическимъ писателямъ. У Геродота [1]), при исчисленіи народовъ, платившихъ дань персидскому правительству, поставлены рядомъ мосхи и тибарены; въ другомъ мѣстѣ [2]), называя по именамъ всѣ народы, находившіеся въ ополченіи Ксеркса, онъ говоритъ о тибаренахъ вслѣдъ за мосхами. Итакъ, подъ персидскомъ владычествомъ, оба эти народа являются соединенными въ военномъ и административномъ отношеніи. Геродотовы мосхи почти буквально соотвѣтствуютъ библейскому Мешеху; въ названіи тибарены, отбросивъ этническое окончаніе, находимъ мы Тибаръ, который тѣмъ болѣе быть можетъ близокъ къ Тубалу, что мы навѣрно не знаемъ съ какими гласными названіе это произносилось по еврейски. Сходство названій и въ особенности то обстоятельство, что, какъ въ библіи, такъ и у Геродота, названія эти встрѣчаются рядомъ, привело почти всѣхъ толкователей къ убѣжденію, что Тубалъ есть Тибаръ и Мешехъ—Мосхъ.

Географическое положеніе Тибара, какъ мы будемъ назы-

1) III, 94.
2) VII, 77, 78.

вать народъ этотъ, не можетъ подавать повода къ значительнымъ недоумѣніямъ. Мы могли бы опредѣлить его приблительно и по Геродоту, но у другихъ писателей древности находимъ болѣе точныя указанія. Ксенофонтъ [1]) повѣствуетъ, что 10,000 грековъ, пройдя через земли мозинековъ и халибовъ, достигли земли тибаровъ, гораздо болѣе ровной, чѣмъ земли ихъ сосѣдей; города тибаровъ построены были на морскомъ берегу и менѣе сильно укрѣплены. Въ ихъ землѣ находился греческій городъ Котіоръ, выселокъ Синопа. Греки сначала хотѣли дѣйствовать непріязненно противъ тибаровъ и отвергли ихъ дары, но гадатели объявили, что боги не одобрятъ таковой войны. Итакъ греки приняли дары тибаровъ и прошли черезъ ихъ землю, щадя ее, какъ землю народа дружественнаго. Послѣ двухдневнаго пути достигли они Котіора.

Въ Котіорѣ къ грекамъ прибыла депутація отъ синопскихъ земляковъ ихъ съ просьбою не чинить никакого вреда городу, который платитъ дань Синопу также, какъ Керазосъ и Трапезосъ. Далѣе синопская депутація посовѣтовала грекамъ возвратиться въ отечество моремъ, а не сухимъ путемъ. Сухимъ путемъ трудно; пафлагонцы не пропустятъ черезъ свою землю добровольно, придется оружіемъ пролагать путь черезъ горныя ущелья и черезъ рѣки. Первая изъ этихъ рѣкъ будетъ Термодонъ, потомъ Ирисъ, далѣе Галисъ и пр.

Всѣ эти мѣста совершенно хорошо извѣстны и отчасти до нашихъ дней сохранили древнія названія свои, какъ напр. Керазосъ—Керасунда, Трапезосъ—Трапезондъ. Термодонъ, прославленный амазонками—нынѣшній Термехъ-чай, Галисъ—нынѣшній Кизиль-Ирмакъ [1]). Отсюда видно, что, по показанію Ксенофонта, тибары жили восточнѣе Термодона и западнѣе Требизонда, вдоль

1) *Ксенофонтъ:* Anabasis, V, 20.

2) Котіоръ—мѣсто, называемое теперь Орду, между Карасундомъ и Самсуномъ.

южнаго берега Чернаго моря. Къ востоку отъ тибаровъ жили халибы, о которыхъ Ксенофонтъ говоритъ, что ихъ немного, и что они подвластны мозинекамъ; большая часть ихъ промышляла разработкой желѣзной руды. Но еще прежде, 10000 грековъ встрѣтили многочисленный и воинственный народъ халибовъ на верховьяхъ Аракса, такъ что понтійскихъ халибовъ можно почитать лишь за выходцевъ съ Аракса. Халибы въ эпоху глубочайшей древности слыли рудокопами, ковачами: ихъ сосѣдство съ тибарами объясняетъ сказаніе библіи о томъ, что Тубалъ доставлялъ мѣдные сосуды на Тирскіе рынки, если только допустить тождество Тибара съ Тубаломъ. И теперь еще, около Требизонда производится дѣятельный торгъ невольниками; весьма вѣроятно, что, по географическому положенію своему, тибары занимались таковой торговлей, продавая людей финикіянамъ.

Эти характеристическія черты, конечно, подтверждаютъ догадку о тождествѣ Тубала съ Тибаромъ, но тутъ возникаетъ сильное возраженіе. Судя по разсказу Ксенофонта, тибары были весьма небольшой народъ. Какимъ образомъ имя ихъ могло быть включено въ библейскую таблицу народовъ и, притомъ, въ видѣ самостоятельнаго племени, наряду съ Іаваномъ и Мадаемъ. Вообще Іаѳетово семейство, какъ наиболѣе отдаленное и наименѣе извѣстное, описано въ самыхъ общихъ чертахъ; тибары, землю которыхъ греки прошли въ два дня, повидимому, столь же мало заслуживали библейскаго упоминанія, какъ халибы, мозинеки и другіе сосѣди ихъ.

Сличая различныхъ писателей древности, упоминающихъ о тибарахъ, можно заключить, что небольшому народу, который Ксенофонтъ нашелъ къ западу отъ Термодона, присвоено было этническое названіе, которое въ обширномъ смыслѣ придавалось множеству народовъ. Подобнымъ образомъ въ наше время названіе славянъ преимущественно придается небольшимъ славянскимъ племенамъ, живущимъ разсѣянно въ Венгріи и Турціи. Страбонъ говоритъ, что Кавказъ простирается до странъ, занимаемыхъ *на-*

родами, называемыми тибаренами и что къ западу Арменія окружена этими же тибаренами [1]). О Трапезусѣ Страбонъ выражается неопредѣлительно, находится ли онъ въ Колхидѣ или въ въ Тибареніи [2]). Замѣтимъ при этомъ, что весь Понтъ былъ особенно хорошо извѣстенъ Страбону, какъ тамошнему уроженцу. Изъ разныхъ мѣстъ его сочиненія видно, что онъ зналъ множество народовъ, которымъ свойственно было общее наименованіе тибаровъ, хотя, быть можетъ, они носили и другія, частныя названія. Эти тибарскіе народы, повидимому, наполняли собою верхній бассейнъ Чороха, какъ то можно заключить изъ сказаннаго Страбономъ о западной границѣ Арменіи. Геродотъ, говоря о тибарахъ, очевидно, принимаетъ ихъ въ такомъ же тѣсномъ значеніи, какъ и Ксенофонтъ, но у него не разъ упоминается о народѣ сапирѣ или саспирѣ; въ особенности замѣчательно показаніе его, что между Колхидой и Мидіей живутъ одни лишь сапиры [3]). Принимая за сѣверные предѣлы Мидіи Адердбиджанъ, а за восточную оконечность Колхиды Сурамскій перевалъ, и минуя Арменію, мы найдемъ, что вся долина Куры, отъ выхода этой рѣки изъ Боржомскаго ущелья до соединенія ея съ Араксомъ, принадлежала къ странѣ Геродотовыхъ саспировъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у Страбона [4]) встрѣчаемъ мы страну Сиспіеритисъ, Сиспейретисъ, Гиспиратисъ. Хотя трудно опредѣлить настоящіе предѣлы этой страны, но изъ всего видно, что Страбонъ полагалъ ее подлѣ Арменіи съ запада, откуда можно также заключить, что въ странѣ этой жили тибары, о которыхъ Страбонъ говоритъ, что они съ запада окружаютъ Арменію. Положеніе этой страны Сиспіеритисъ, Сиспиритисъ, Гиспиратисъ, о которой говоритъ также Константинъ Багрянородный [5]),

1) *Страбонъ,* XI, 527.
2) *Страбонъ,* XII, 548; III, 61.
3) *Геродотъ* I, 104.
4) *Страбонъ,* XI, 503, 529, 530.
5) De themat., lib. I, cap. 8.

не можетъ подавать повода къ сомнѣніямъ, хотя Страбонъ въ одномъ мѣстѣ [1]) придаетъ ей чрезмѣрное протяженіе къ югу. Страна эта есть Сперъ грузинскихъ географовъ, названіе Чорохскаго бассейна, сообщившая имя свое Черному морю или по крайней мѣрѣ части его: море Сперское [2]). Это есть провинція Сберъ или Совберъ царства армянскаго, бывшая первымъ удѣломъ знаменитой фамиліи Багратидовъ (Багратіоновъ). Названіе Сберъ, Соберъ, Совперъ сохранилось до нашего времени въ видѣ Испира, санджака Арзерумскаго пашалыка. Страбонъ повѣствуетъ [3]), будто бы Александръ Македонскій послалъ отрядъ въ Гиспиратисъ, услышавъ, что тамъ находится золотая руда, но что отрядъ этотъ истребленъ былъ туземцами. Страна Сберъ до сихъ поръ извѣстна металлическимъ богатствомъ своимъ; армянскіе историки видятъ въ ней библейскія имена Сафиръ и Офиръ, богатый золотомъ [4]).

Названія Сиспіеретисъ, Саспиръ, Сперъ, Сберъ, Испиръ, очевидно родственны между собою; сближая показанія Страбоновы съ Геродотовыми, мы можемъ заключить, что названіе это изъ долины Чороха распространялось въ долину Куры, огибая собственную Арменію съ сѣверо-запада, сѣвера и сѣверо-востока до предѣловъ Мидіи. Отсюда можно заключить, что тибаренскіе народы, жившіе, по словамъ Страбона, къ западу отъ Арменіи, по близости Кавказа, суть тѣ же сосберы или, по крайней мѣрѣ, родственники ихъ. Принявъ въ соображеніе измѣняемость гласныхъ, сродство зубныхъ согласныхъ *т* и *с*, и, наконецъ, въ особенности то, что оба эти имени дошли до насъ черезъ посредство грековъ, затруднявшихся произносить и писать гортанные и шипящіе звуки Кавказскихъ нарѣчій, мы не рѣшимся отвергнуть

1) XI, 503.

2) Histoire de la Géorgie, trad. par Brosset, I, 20, 383.

3) *Страбонъ*, XI, 529.

4) *Инджиджіанъ* въ статьѣ о торговлѣ Арменіи.

безусловно предположенія, что тибаръ, (быть можетъ Тберъ) и Сберъ представляютъ собою только различные виды произношенія одного и того же имени. Во всякомъ случаѣ названіе Тибаръ является въ весьма разнообразныхъ формахъ въ Малой Азіи и на Кавказскомъ перешейкѣ. Встрѣчаются близъ Сиріи тибураны; у Птоломея замѣчено мѣсто Тапура недалеко отъ той страны, гдѣ Ксенофонтъ нашелъ нѣкогда тибаренъ; о самихъ тибаренахъ Птоломей нигдѣ не говоритъ: повидимому они ему извѣстны уже были подъ другимъ именемъ. Названіе тибаровъ съ различными видоизмѣненіями можно прослѣдить глубоко на востокъ, до истоковъ Яксарта, до самаго центра Азіи. Къ югу отъ Каспійскаго моря, въ Мазандеранѣ издревле жилъ народъ, который у классическихъ писателей назывался тапирами [1]), а у восточныхъ табарами или таберами, откуда названіе Мазандеранскаго округа Таберистанъ. Древность присутствія этого народа на южномъ берегу Каспійскаго моря доказывается тѣмъ, что Ктезій, заимствовавшій свѣдѣнія для своего сочиненія о Персіи у древнѣйшихъ придворныхъ лѣтописцевъ, называетъ тапировъ въ числѣ народовъ, покоренныхъ Ниномъ [2]). Въ Бундегешѣ, священной книгѣ парсовъ, заключающей въ себѣ между прочимъ таблицы народовъ, подобныя Моисеевымъ, говорится о народѣ *авиръ*, который, повидимому, жилъ въ Мазандеранѣ: сходство названій тапиръ и авиръ очевидно [3]). Конечно, это сходство этническаго имени, замѣчаемое въ древнѣйшія времена, на длинной полосѣ земель, отъ Требизонда до источниковъ Яксарта, недостаточно, чтобы основать на немъ цѣлую гипотезу о направленіи разселенія тибарскихъ народовъ; принявъ за основаніе сходство названій, можно тибаровъ прослѣдить и далѣе къ западу, до самыхъ предѣловъ Атлантики, и при этомъ впасть въ совершенныя несообразности, какъ мы

1) Plinius, VI, 18.
2) *У Діодора Сицилійскаго,* кн. II, гл. 2.
3) Nouv. ann. des voyages. 1846. Sept., 321.

то увидимъ ниже. Родство каспійскихъ и туранскихъ тапировъ, табаровъ, таберовъ съ понтійскими тибаренами, тибарами можетъ быть обнаружено лишь тщательнымъ изученіемъ или сличеніемъ слѣдовъ, оставленныхъ этими народами въ странахъ, гдѣ нѣкогда они жили: слѣдовъ, безъ сомнѣнія обозначившихся въ мѣстныхъ преданіяхъ, въ собственныхъ именахъ, въ нарѣчіяхъ. Пока, можно лишь указывать на это сходство названій, не дозволяя себѣ дѣлать изъ него какихъ либо выводовъ. Напротивъ, сближеніе Тибара съ Саспиромъ или Сапиромъ вовсе не основано на сходствѣ названій, которое здѣсь имѣетъ второстепенную важность.

И Саспиръ и Тибаръ совершенно исчезаютъ изъ кавказской этнографіи во второмъ вѣкѣ по Р. Х. Событія того времени слишкомъ хорошо намъ извѣстны, чтобы мы могли допустить, что народъ сабиръ, жившій отъ Колхиды до Мидіи, или народы тибарскіе, облегавшіе Арменію съ запада, исчезли вслѣдствіе какихъ либо мѣстныхъ переворотовъ, не подмѣченныхъ исторіей. Для средней части Закавказья является названіе *Иберіи*, которое въ первый разъ находимъ мы въ длинной надписи, начертанной на особыхъ таблицахъ для увѣковѣченія воспоминанія о походѣ Великаго Помпея на Кавказъ въ 65 г. до Р. Х. Это названіе вскорѣ дѣлается общеупотребительнымъ у римлянъ и грековъ и до сихъ поръ служитъ для означенія Грузіи. При отсутствіи рѣзко начертанныхъ природныхъ рубежей, границы Иберіи къ сторонѣ юга являются довольно неопредѣленными у различныхъ авторовъ, но, если бы въ сказаніи Геродотовомъ о томъ, что между Колхидой и Мидіей лежитъ одна лишь земля саспировъ, поставить: «одна лишь земля иберовъ», то таковое замѣненіе не подало бы повода ни къ какимъ недоумѣніямъ. На грузинскій языкъ выраженіе «земля иберовъ» переводится черезъ *Саиберо*, гдѣ мы находимъ Геродотово названіе сабиры или саспиры. Конечно, у Геродота означаетъ оно народъ, а не страну, но, при незнаніи имъ грузинскаго языка, ошибка его весьма легко можетъ быть объяснена.

Въ долинѣ Чороха, въ Сберѣ, въ Сиспіеретисѣ, масса народонаселенія до сихъ поръ чисто грузинская по происхожденію; все заставляетъ думать, что грузинское или иверское племя обитало тамъ издревле. Если Сберъ почитался частію Арменіи, то это была связь политическая, а не этническая. Названіе Тибареніи, страны, прилежащей съ юго-востока къ Черному морю, замѣняется Лазикой; теперь еще страна эта извѣстна подъ именемъ Лазистанскаго санджака Требизондскаго пашалыка. Лазы составляютъ въ наше время небольшой народъ, имѣющій рѣзкую отличительную физіономію, но сродство лазскаго языка съ грузинскимъ не подлежитъ никакому сомнѣнію и свидѣтельствуетъ о единоплеменности лазовъ съ прочими иберами [1]).

Мы, конечно, только въ видѣ сомнительной догадки изложили возможную связь между названіями Саспиръ и Иберъ. Связь между Тибаромъ и Иберомъ многіе старались объяснить. Кнобель приводитъ нѣсколько примѣровъ собственныхъ именъ, теряющихъ начальную букву *т*; онъ полагаетъ, что эти имена, то произносились съ членомъ, то безъ онаго [2]). Графъ Потоцкій [3]) находитъ даже Тобела или Тибара въ названіи города Тбилиси (Тифлисъ), но городъ этотъ основанъ въ концѣ V в. послѣ Р. X. и названіе его происходитъ отъ грузинскаго слова *тбили*, означающаго *теплый*. Не вдаваясь въ безплодныя этимологическія розысканія, скажемъ, что трудно отвергнуть всякую связь между Тибаромъ и Иберомъ.

Излишне было бы доказывать, что названіе Иберія, иберы, во всѣ времена и всѣми безъ исключенія писателями относимо было къ Грузіи и къ грузинамъ, когда только рѣчь шла о кавказскомъ перешейкѣ. Но откуда произошло таковое названіе, было ли оно когда либо мѣстнымъ или придумано чужеземцами?

1) *Klaproth*: Asia polyglotta, 110; *Rosen*: Ueber die Sprache der Lazen, 2.
2) *Knobel*: Die Völkertafel, 115.
3) Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase, II, 251.

Изъ числа мѣстныхъ названій, Имеръ почти тождественъ съ Иберомъ. Такъ какъ названіе Иберія сдѣлалось извѣстнымъ въ классическомъ мірѣ только послѣ похода Помпея, то можно предположить, что римляне заимствовали его изъ названія Имеретіи, черезъ которую проникли въ Закавказье [1]). Но носила ли Имеретія нынѣшнее названіе свое, уже въ эту отдаленную эпоху,— весьма сомнительно. Начиная съ конца X в. по Р. Х., появляется туземное названіе: *амеръ-имери*, для означенія въ совокупности картвеловъ (грузинъ) *сюсторонних*ъ и *тусторонних*ъ (cis и trans), т. е. живущихъ въ отношеніи къ Тифлису по *сю* или по *ту* сторону Ликскаго хребта (сурамскаго перевала), раздѣляющаго бассейнъ Куры отъ бассейна Ріона. Названіе *Имер*етъ, *по ту* сторону, утвердилось за этимъ краемъ вмѣстѣ съ началомъ политической его самобытности [2]). Все это не даетъ никакого повода думать, чтобы названіе это употребляемо было въ Закавказьѣ уже во времена Помпея. Гораздо правдоподобнѣе толкованіе, предлагаемое г. Броссе: армяне даютъ грузинамъ названіе *Виркъ,* отъ армянскаго слова *веръ*, значущаго *на*, *вверху*, на томъ основаніи, что Грузія лежитъ къ сѣверу въ отношеніи къ Арменіи. Названіе *Иберъ* или *Иверъ* грековъ и римлянъ могло произойти отъ армянскаго, тѣмъ болѣе, что безъ сомнѣнія европейскіе завоеватели прежде познакомились съ Арменіей, чѣмъ съ Грузіей.

Толкованіе, предложенное г. Броссе, даетъ ключъ къ объясненію сходства или тождества этническаго названія кавказскихъ иберовъ съ иберами пиринейскими, и съ еберами палестинскими, съ евреями. Дѣйствительно армянскій предлогъ или нарѣчіе *веръ* одного происхожденія и значенія съ англ. over, съ нѣмец. über, съ греч. uper, съ евр. *еберъ*; это есть одно изъ словъ, которыхъ корень столько же принадлежитъ арійскимъ, сколько и симитскимъ

1) Nouv. ann. des voyages. 1846. Sept., 325.

2) *Brosset*: Histoire de la Géorgie. Introduction, VII; *Іосселіани* въ Закавказскомъ Вѣстникѣ, 1846 г., № 8, стр. 84.

языкамъ. Значеніе его есть *на*, *вверху* и вмѣстѣ съ тѣмъ *черезъ*, *пере* (*пере*ходить), *за*. Весьма понятно, что во времена доисторическія, когда этническія имена имѣли еще смыслъ нарицательный, отъ таковаго слова могли произойти многія народныя названія. Во всякомъ случаѣ сходство ихъ не можетъ оправдывать гипотезы о доисторической одноплеменности кавказскихъ иберовъ съ евреями, какъ то думаютъ Ленгерке [1]) и Евальдъ [2]), или еще менѣе объ одноплеменности ихъ съ пиринейскими иберами, какъ то учеными натяжками доказываетъ Кнобель [3]). Сравнительная филологія обнаруживаетъ, что грузинскій языкъ не принадлежитъ къ семейству симитскихъ; если же подъ именемъ испанскихъ иберовъ подразумѣвать тамошнихъ аборигеновъ, нынѣшнихъ басковъ, то характеромъ своимъ языкъ ихъ болѣе приближается къ къ языкамъ американскихъ туземцевъ, чѣмъ къ грузинскому, съ которымъ не имѣетъ ничего общаго, какъ и ни съ однимъ изъ индо-европейскихъ языковъ. Эти выводы сравнительной филологіи рѣшительно опровергаютъ всѣ гипотезы, основанныя на одномъ лишь сходствѣ этническихъ названій.

Но мы не можемъ здѣсь умолчать о мнѣніи Адольфа Пикте, ученаго изслѣдователя кельтскихъ нарѣчій. Онъ говоритъ, что названіе Иберіи столько же чуждо баскамъ, сколько и грузинамъ, но что оно объясняется помощію кельтскаго слова *ибъ* страна и *ери*,—послѣднее есть измѣненная форма *Ари*, древнѣйшаго общаго наименованія индо-европейской расы. Такимъ образомъ Иберія значитъ *страна Ери*; этимъ можетъ быть объяснена не только тождественность наименованія Испаніи и Грузіи, но, сверхъ того, и классическое названіе Ирландіи Hibernia. Можно подумать, что кельты были первымъ арійскимъ племенемъ, прибывшимъ, какъ въ Европу, такъ и въ Закавказьѣ; въ

1) *Lengerke*: Kenaan, I, 215.
2) *Ewald*: Geschichte des Volkes Israel., 2 Ausg., I, 382.
3) *Knobel*: die Völkertafel, 113.

видѣ подкрѣпленія этой гипотезы, Пикте объясняетъ помощію кельтскихъ нарѣчій древнія мѣстныя названія на Кавказскомъ перешейкѣ. Общія географическія данныя дѣлаютъ, конечно, эту гипотезу правдоподобною, но подтверждена можетъ быть она только тщательнымъ сравненіемъ грузинскихъ нарѣчій съ кельтскими, чему никѣмъ еще не положено и начала.

Итакъ, покуда всего вѣроятнѣе, что грузины сами себя никогда не называли иберами, но что въ самыя отдаленныя времена уже армяне и, быть можетъ, другіе малоазіатскіе народы называли ихъ *Виръ*, *Вирк*ъ, откуда произошло классическое названіе Иберъ. Весьма вѣроятно также, что этническіе Тибаръ, Сасберъ, Саспиръ, Саперъ были въ этимологической связи съ *веръ*, хотя мы и не въ состояніи уже обнаружить эту связь, по незнанію нами древнихъ малоазіатскихъ языковъ.

Допустивъ, что подъ библейскимъ этническимъ названіемъ Ѳувалъ или Тубалъ подразумѣвались всѣ народы иберскаго племени, жившіе отъ Понта Эвксинскаго до предѣловъ Мидіи, мы найдемъ весьма естественнымъ, что Тубалъ поставленъ на ряду съ Іаваномъ, Мадаемъ и другими. Евреи не могли не слыхать объ этомъ племени, распространившемся на большое протяженіе, бывшемъ въ соприкосновеніи съ Малой Азіей, съ Арменіей и Мидіей. Греческіе этнографы называли иногда тибареновъ скиѳскимъ народомъ, но это было самое безотчетное выраженіе, потому что греки почитали пришельцами съ сѣверной стороны Кавказа всѣ народы не мидійскаго и не сирійскаго происхожденія, встрѣчавшіеся имъ въ восточной половинѣ Малоазіатскаго полуострова. Все заставляетъ насъ полагать, что иберское племя еще въ доисторическія времена занимало тѣ самыя страны, въ которыхъ мы его теперь находимъ, и нельзя не согласиться съ библейскимъ показаніемъ о самостоятельности Тубала. Въ заключеніе скажемъ, что тождество Тубала съ иберами вовсе не составляетъ открытія или догадки современныхъ намъ толковате-

лей. Флавій Іосифъ [1]) говоритъ: «отъ Ѳовела зачались ѳовелы, которые въ наше время именуются иберами». Такимъ образомъ, сколько мы знаемъ, во всѣ времена, съ именемъ Ѳувала или Тубала, связывалось преданіе, что онъ былъ родоначальникомъ иберовъ. Но такъ какъ многимъ толкователямъ Пиринейскіе иберы были гораздо болѣе извѣстны, чѣмъ Кавказскіе, то многіе имѣли въ виду первыхъ предпочтительно предъ послѣдними, какъ напр. св. Іеронимъ,—или принимали безусловно одноплеменность обоихъ. Нѣтъ надобности доказывать даже, что въ библіи подъ именемъ Тубала не подразумѣваются Пиринейскіе иберы. Можно ли напр. допустить, чтобы послѣдніе были покорены скиѳами (Гогомъ) и принимали участіе въ великомъ нашествіи ихъ на западную Азію черезъ Кавказъ?

МОСОХЪ.

Мосохъ, Мешехъ въ еврейскомъ подлинникѣ, встрѣчается вездѣ вмѣстѣ съ Тубаломъ, изъ чего можно заключить, что народъ этотъ жилъ въ его сосѣдствѣ. Тамъ, гдѣ говорится объ этихъ двухъ народахъ въ соединеніи съ Гогомъ, Мосохъ упоминается прежде Тубала; можно полагать, что онъ находился ближе къ Гогу; слѣдовательно обиталъ къ востоку отъ Тубала или ближе къ Кавказскому хребту. Мы нигдѣ не нашли объясненія значенія имени Мосохъ или Мешехъ. Весьма вѣроятно, впрочемъ, что названіе это происходитъ отъ *мешіо* (Mensch), зендскаго слова, означающаго *человѣкъ*.

Какъ мы выше видѣли, у Геродота [2]), послѣ тибаровъ говорится о мосхахъ; классическое имя почти не отличается отъ библейскаго. На счетъ географическаго положенія мосховъ, Страбонъ доставляетъ намъ опредѣлительныя показанія. Исчисляя на-

1) Antiquit., I, гл. 6.
2) III, 94 и VII, 77, 78.

роды, живущіе близъ восточнаго берега Чернаго моря, онъ ставитъ мосховъ между керкетами и колхами, и говоритъ, что выше ихъ живутъ фтирофаги (вшеѣды), соаны и другія небольшія племена вокругъ Кавказа [1]). Далѣе [2]) говоритъ онъ, что за Евфратомъ, въ Малой Арменіи, тянется къ сѣверу высокій хребетъ съ многими отраслями, изъ которыхъ одна называется Паріадресъ (Понтійскій хребетъ), другая Мосхійскими горами, и пр. Мосхійскія горы наполняютъ всю Арменію до Иберіи и Албаніи. Колхида [3]) лежитъ у Кавказа и у Мосхійскихъ горъ, которыя сходятся съ горою Скойдизесъ (Копъ-Дагъ) [4]). Мосхика дѣлится на три части, изъ которыхъ одна принадлежитъ колхамъ, другая иберамъ, третья армянамъ [5]).

Изъ этого описанія ясно, что Мосхійскій хребетъ есть тотъ самый, который мы обыкновенно называемъ Аджарскимъ и который ограничиваетъ Ахалцихскій уѣздъ съ сѣвера. Продолженіе его къ юго-востоку составляетъ нашъ Малый Кавказъ, но Страбонъ, какъ видно, и для Малаго Кавказа сохраняетъ общее названіе Мосхійскихъ горъ. Если Мосхика раздѣлена была между колхами, иберами и армянами, то само собою разумѣется, она имѣла центральное положеніе въ отношеніи къ странамъ этихъ трехъ народовъ. Таковому условію вполнѣ удовлетворяетъ географическое положеніе бассейна верхней Куры до Боржомскаго ущелья. У Страбона не находимъ мы опредѣленія границъ Мосхики. Плиній пишетъ [6]), что у мосховъ беретъ начало свое Фазисъ (Квирила). Если только это справедливо, то и нынѣшняя Имеретія, или, по крайней мѣрѣ, часть ея входила въ составъ Мосхики.

1) *Страбонъ,* XI, 497.
2) *Страбонъ,* XI, 521.
3) *Ritter*: Erdkunde, X, 742.
4) *Страбонъ,* XI, 492.
5) *Страбонъ,* XI, 499.
6) VI, 4.

Какъ мы видѣли, много есть обстоятельствъ, убѣждающихъ въ томъ, что названіе иберовъ никогда не было туземнымъ. Въ отношеніи къ названіямъ: мосхи, Мосхійскія горы, Мосхика, можно утвердительно сказать, что они не придуманы были классическими географами и не заимствованы ими у сосѣднихъ грузинамъ народовъ,—но что они дѣйствительно были туземными. Имя месховъ появляется въ грузинской исторіи въ концѣ X в. по Р. Х. [1]), но нѣтъ никакихъ причинъ думать, чтобы только около этого времени оно впервые вошло въ употребленіе. Месхетія, *Месхетъ*, земля месховъ, часто измѣняла свои границы, но средоточіемъ ея всегда былъ бассейнъ верхней Куры до Боржомскаго ущелья. Впрочемъ, болѣе употребительнымъ названіемъ страны было *Самцхе*, которое нѣкоторые [2]) производятъ отъ *Сами-цихе=три крѣпости*, будто бы тамъ построенныя. Толкованіе совершенно произвольное и не заслуживающее довѣрія. Царевичъ Вахуштъ самъ производитъ названіе Самцхе отъ имени Мцхетоса, сына Картлоса, праотца грузинскаго народа. Мцхетосъ былъ основателемъ города Мцхета на сліяніи Арагвы и Куры. Какъ ни понимать сказанія грузинъ о древнѣйшей исторіи ихъ,—отвергать ли ихъ какъ пустыя сказки или отыскивать въ нихъ историческую основу,—во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что Мцхетъ или, лучше сказать, окрестности сліянія Арагвы съ Курой, всегда представлялись грузинамъ въ видѣ колыбели ихъ національности, въ видѣ центра, гдѣ завязалась и откуда распространилась политическая жизнь ихъ. Таковымъ общенароднымъ, вѣковымъ повѣріемъ историческая критика не въ правѣ пренебрегать. Почему же Мцхетосъ далъ имя свое только одному городу на соединеніи Арагвы съ Курой, между тѣмъ какъ именемъ его называлась цѣ-

1) *Brosset*: Hist. de la Géorgie. Introduction, VIII.

2) *Wakhoucht*: Descr. géograph. de la Géorgie, publiée par Brosset, p. 74.

лая страна и цѣлый народъ на верхней Курѣ? Изъ этого, конечно, съ достовѣрностію можно бы вывести заключеніе, что первоначальная родина грузинъ находилась въ горномъ краѣ, откуда берутъ начало свое Кура и Чорохъ; что месхи или мосхи, въ видѣ завоевателей или колонизаторовъ, спустились внизъ по Курѣ и основали на чужой землѣ городъ, названный ихъ именемъ и сдѣлавшійся въ послѣдствіи времени средоточіемъ политической жизни грузинъ; что библейскій Мосохъ означаетъ этихъ первоначальныхъ грузинъ—мосховъ или, быть можетъ, основанную уже ими, задолго еще до Моисея, столицу Мцхетъ. Къ этому нельзя не присоединить и разсужденій, основанныхъ на физическихъ свойствахъ *цѣлаго* края, занимаемаго народами, принадлежащими къ грузинскому племени. Если распространеніе этого племени дѣйствительно началось изъ окрестностей Мцхета, то трудно понять, почему оно вмѣсто того, чтобы направиться преимущественно внизъ по теченію Куры, приняло совершенно другое направленіе, болѣе и болѣе углубляясь въ горы, въ край дикій, малодоступный, пока наконецъ остановилось на юго-восточномъ берегу Чернаго моря. Невѣроятно, чтобы это безпримѣрное направленіе разселенія было вынуждено доисторическимъ напоромъ сильнѣйшихъ сосѣдей; гдѣ только первые лучи историческаго свѣта обнаруживаютъ присутствіе грузинскаго племени, тамъ живетъ оно и до сихъ поръ; никакіе удары, направленные извнѣ, не могли разорвать связи между народомъ и почвою; обитатели дикихъ ущелій долины Чороха или верховій Куры имѣютъ по крайней мѣрѣ столько же правъ почитать себя коренными обитателями своей земли, какъ и жители Карталиніи и Сомхетіи.

Во всякомъ случаѣ, распространеніе грузинскаго племени *внизъ*, а не *вверхъ* по теченію Куры можетъ быть допущено, какъ гипотеза, которую свойства мѣстности дѣлаютъ правдоподобною, но которая не можетъ быть подтверждена никакими историческими свидѣтельствами и даже *покуда* находится въ явномъ съ

ними противурѣчіи. Еще менѣе можно основать эту гипотезу на сходствѣ между именами Мосохъ, Месхи, Месхетъ, Самцхе и Мцхетъ, какъ то сдѣлали нѣкоторые ученые [1]). Г. Броссе доказалъ, что, по свойству грузинскаго словопроизводства, названія Мцхетъ, Самцхе и Месхи не могутъ имѣть между собою ничего общаго [2]).

Нѣтъ никакого повода думать, чтобы Мосохъ книги Бытія и Мосохъ, о которомъ говоритъ пророкъ Іезикіиль были два различные народа. Но послѣдній несомнѣнно обиталъ на Кавказскомъ перешейкѣ и даже нѣтъ сомнѣнія, что онъ изображаетъ месховъ, принадлежавшихъ къ иберскому (картвельскому) племени. Мы выше объяснили причины, заставляющія думать, что Тубалъ изображаетъ собою также народы иберскаго племени. Эта двойственность наименованія одного и того же племени подаетъ поводъ къ недоумѣнію, которое едвали можетъ быть разрѣшено удовлетворительно, по смутности древней исторіи иберовъ и въ особенности потому, что мы совершенно не знаемъ, въ какомъ видѣ исторія эта дошла до слуха евреевъ. Можно полагать, что въ то время уже иберское племя образовало два отдѣльныя государства: Тубалъ и Мосохъ. Вивьенъ де С. Мартенъ [3]) находитъ въ имени Тубала имя сына и наслѣдника Мцхетоса, Уплоса, которому братья, удѣльные владѣльцы, не хотѣли повиноваться, какъ разсказываютъ грузинскія лѣтописи. Сближеніе Тубала съ Уплосомъ кажется довольно произвольнымъ; Уплосу грузины приписываютъ основаніе весьма замѣчательнаго города пещеръ, Уплисъ-цихе, находящагося по близости нынѣшняго Гори. Если библейскій Тубалъ изображаетъ царство Уплоса, то городъ Мцхетъ находился въ предѣлахъ Тубала и, слѣдовательно, между Мцхетомъ и Мосохомъ нѣтъ ничего общаго. Должно думать, что послѣдній исключительно озна-

1) *K. Koch:* Reise im pontischen Gebirge (Weimar 1846), 195: *Vivien de St. Martin* въ Nouv. Ann. des voyages. 1846. Sept., 312.

2) *Brosset:* Hist. de la Géorgie. Introd. IX.

3) *Vivien de St. Martin,* l. c., 314.

чалъ верхній бассейнъ Куры и долину Чороха, словомъ сказать страну, которая въ послѣдствіи времени называема была Месхіей, и что послѣднее названіе *никогда* не распространялось на совокупность всѣхъ земель, занимаемыхъ грузинскимъ племенемъ. Но все это составляетъ рядъ однихъ лишь предположеній. Какъ видно, библейскіе Мосохъ и Тубалъ представляютъ два подраздѣленія картвельскаго племени, но мы не можемъ разгадать на чемъ основаны послѣднія.

Флавій Іосифъ [1]), признавъ Тубала за родоначальника всѣхъ иберовъ, говоритъ: «отъ Мосоха произошли мосхины, которые въ наше время называются каппадоками: остался слѣдъ древняго названія ихъ. Есть у нихъ городъ, который до сихъ поръ называется Мазака и доказываетъ людямъ проницательнымъ, что нѣкогда всѣ обитатели этой страны такъ назывались». Доказательство весьма недостаточное, но Флавій Іосифъ не приводитъ никакихъ другихъ для подкрѣпленія своего мнѣнія. Моисей Хоренскій разсказываетъ [2]), что армянскій царь Арамъ въ Каппадокіи оставилъ одного изъ своихъ сродниковъ, по имени Мешака, съ десятью тысячами войска, который построилъ тамъ городъ и назвалъ его своимъ именемъ, но старожилы, не умѣя правильно произносить, прозвали его Мажакомъ. Это разногласіе мнѣній о происхожденіи города Мазака во всякомъ случаѣ доказываетъ, что показаніе Флавія Іосифа о мосохахъ не было общепринятымъ и, какъ всего вѣроятнѣе, придумано было имъ единственно для разрѣшенія недоумѣнія, возникающаго изъ двойственности наименованія иберскаго племени.

Кнобель [3]) представилъ о Мосохѣ мнѣніе замѣчательное по своей странности. Принимая его за кавказскій народъ, онъ пола-

1) *Flavius Josephus:* Antiquit., I, 6.

2) *Моисей Хоренскій*: Исторія Арменіи. Перев. Н. Эмина, стр. 50.

3) Knobel: Die Völkertafel der Genesis, p. 117.

гаетъ, что подъ этимъ библейскимъ названіемъ подразумѣваются мизджеги (чеченцы). Мнѣніе свое онъ основываетъ на сходствѣ названія Мешехъ съ Мизджегомъ и на томъ, что лезгины теперь еще называютъ тушинъ мосохами. Мнѣніе это, впрочемъ, не имѣетъ даже и тѣни правдоподобія. Мизджегами называютъ чеченцевъ сосѣди ихъ кумыки, по имени рѣки Мичикъ; названіе это не есть общее для всѣхъ чеченцевъ и неупотребительно между ними. Самихъ себя чеченцы называютъ нахче. Правда, что тушины принадлежатъ также къ племени нахче, что доказывается грамматическимъ строеніемъ ихъ языка, но они, подчинившись грузинскому вліянію, совершенно переродились и утратили чеченскій характеръ. Въ глазахъ горныхъ сосѣдей своихъ, они уже грузины и, если лезгины называютъ ихъ мосохъ, то скорѣе можно заключить, что названіе это сохранилось въ горахъ отъ той отдаленной эпохи, когда Мосохъ или Мешехъ служилъ этническимъ названіемъ для большей части грузинскаго племени.

Мы теперь перейдемъ къ разбору именъ трехъ сыновей Гомеровыхъ. Имена эти, какъ мы выше уже объяснили, должны обозначать или три подраздѣленія великаго Гомерова т. е. киммерійскаго племени, или три народа, вышедшіе съ сѣвера и потому почитаемые киммерійскаго происхожденія. Послѣднѣе вѣроятнѣе, потому что, при смутномъ понятіи объ отдаленныхъ киммеріанахъ, евреямъ едва ли могли быть извѣстны этническія подраздѣленія ихъ.

Аскеназъ.

Сверхъ книги Бытія и Паралипоменона [1]) названіе это встрѣчается только однажды въ библіи, а именно у пророка Іереміи [2]): «созовите на него царства араратскія, минійскія и аскеназскія». Названіе «минійскія» подаетъ поводъ къ многимъ толкованіямъ, далеко

1) Кн. I, I, 6.
2) LI, 27.

неудовлетворительнымъ, но, если мы и не можемъ дать себѣ яснаго отчета въ томъ, какое значеніе имѣютъ царства араратскія, то во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что они находились въ Арменіи, или, по крайней мѣрѣ по близости ея, въ Малой Азіи. Изъ этого можно заключить, что и библейскіе асханазеи жили около тѣхъ же мѣстъ. Въ еврейскомъ подлинникѣ стоитъ ашкеназъ или, быть можетъ, аскеназъ.

Обращаясь для разъясненія этого вопроса прямо къ армянскимъ источникамъ, мы находимъ у Іоанна Каѳоликоса, историка IX в. по Р. Х., сказаніе, что у Ѳираса, сына Іаѳетова, было три сына [1]): Аскеназъ, праотецъ сарматовъ, Рифатъ, праотецъ саурматовъ и Торгама. Асказъ сначала далъ свое имя армянскому народу, какъ старшій. Торгама подчинилъ себѣ потомство Асказово и назвалъ его домомъ Тогармы... Вы знаете, продолжаетъ Каѳоликосъ, что верховная власть въ нашей странѣ сначала носила имя Асказа, а потомъ имя Торгамы. Изъ этого разсказа, вообще довольно темнаго, можно заключить, что древнѣйшая армянская царственная династія называлась Асказомъ и потомъ замѣнилась династіей Тогармы. Замѣчательно, что, хотя имена, приводимыя Каѳоликосомъ, суть чисто библейскія, но является противорѣчіе съ библейскими сказаніями: сыновья Гомеровы названы сыновьями Ѳираса. Конечно, это не могло произойти по незнанію библіи армянскимъ Каѳоликосомъ и позволяетъ даже думать, что онъ почерпнулъ свои сказанія изъ источниковъ самостоятельныхъ, не библейскихъ, тѣмъ болѣе, что преданія о ближайшихъ потомкахъ Ноевыхъ несомнѣнно существовали у халдеевъ и въ Малой Азіи еще до распространенія христіанства. Асказъ названъ праотцемъ сарматовъ, слѣдовательно, народа, жившаго по сѣверную сторону Кавказа, изъ чего можно бы заключить,

3) *Iean Catholicos:* Hist. d'Arménie, trad. par St. Martin, p. 6—8.

что первый основатель армянскаго царства пришелъ съ сѣвера, въ видѣ ли завоевателя или, быть можетъ, по приглашенію, подобно Рюрику. Но такъ какъ намъ совершенно не извѣстно, изъ какихъ источниковъ Іоаннъ Каѳоликосъ почерпнулъ свои сказанія, то мы и не можемъ имъ придавать большой важности, и тѣмъ менѣе, что дѣло идетъ о событіяхъ, относящихся къ эпохѣ, недоступной для исторіи.

Многое обнаруживаетъ, что названіе Аскеназъ, въ эпоху глубочайшей древности, отразившуюся для насъ единственно въ поэтическихъ созданіяхъ еллиновъ,—было весьма распространено въ Малой Азіи: сближеніе Аскеназа съ греческимъ Асканіосомъ, конечно, никому не можетъ показаться страннымъ. Гомеръ говоритъ [1]): «фригійцы ведомы были Форкисомъ и Асканіосомъ: они пришли издалека, изъ Асканіи». Географическіе выводы, которые можно сдѣлать изъ этого стиха Иліады, совершенно сходятся съ догадками о положеніи аскеназовъ, основанными на текстѣ пророка Іереміи. Была Асканія фригійская и Асканія мизійская, два озера Асканійскихъ, рѣка Асканійская, городъ Асканія. Вблизи Троады находились острова Асканскіе, въ Троѣ ворота Асканскія. Одинъ изъ сыновей Пріамовыхъ назывался Асканіосомъ; сынъ Энея Асканіосъ былъ родоначальникомъ древней царственной династіи въ Италіи. Имя это можно прослѣдить далеко на западѣ Европы и съ нимъ, повидимому, постоянно связываемо было понятіе о знаменитомъ царственномъ происхожденіи. Асканіосъ представляется царемъ, царевичемъ, принцемъ. У древнихъ саксовъ существовало преданіе, что праотцы ихъ въ зеленомъ лѣсу, у водопада, вышли на свѣтъ Божій, вмѣстѣ съ первымъ царемъ своимъ Ашканесомъ, изъ скалъ Гарца [2]). Многіе изъ древнѣйшихъ

1) Иліада кн. II, ст. 862.
2) *I. Grimm:* Deutsche Mythologie, 537.

владѣтельныхъ германскихъ домовъ (Брауншвейгъ, Ангальтъ,) возводятъ родословныя свои до Асканія или Ашкана.

Все это, конечно, не можетъ быть дѣло случая, но возбуждаетъ лишь любопытство, не удовлетворяя ему. Нѣсколько лучей свѣта падаютъ на загадочныхъ аскеназовъ въ III в. до Р. Х., когда возникла въ западной Азіи колоссальная монархія Аршакидовъ, которыхъ восточные писатели обыкновенно называютъ *ашканіями*. Аршакъ было имя, общее всѣмъ членамъ династіи, но встрѣчается также и *Ашакъ*: послѣдняя форма объясняетъ переходъ аршакидовъ въ *Ашканіевъ* [1]). Трудно разрѣшить, которая изъ этихъ двухъ формъ названія есть коренная: нѣкоторые [2]) полагаютъ, что послѣдняя. Аршакиды обыкновенно почитаются скиѳскаго происхожденія; первымъ театромъ ихъ исторической дѣятельности была Парѳія, Партва или Партава гвоздеобразныхъ надписей [3]), страна лежащая къ юго-востоку отъ Каспійскаго моря. Парѳы, хотя и жили на окраинѣ Иранскаго плоскогорія, но во всѣ времена почитались скиѳскими выходцами. Аршакиды сначала при помощи даіевъ, даховъ, кочевавшихъ по Оксусу, овладѣли Парѳіей; эти даіи, по мнѣнію нѣкоторыхъ, жили прежде выше Меотійскаго болота (Азовскаго моря); другіе, напротивъ, утверждали, что Аршакиды происходили изъ Бактріи [4]). Такъ разсказываетъ о происхожденіи Аршакидовъ или Ашканіевъ Страбонъ, единственный древній писатель, передавшій намъ свѣдѣнія объ этомъ темномъ вопросѣ. Оставляя въ сторонѣ подраздѣленія даіевъ или даховъ на множество поколѣній, скажемъ лишь, что народъ этотъ, какъ видно изъ географіи Страбона, занималъ въ его время весьма обширное пространство земель къ востоку отъ Кас-

1) *St. Martin*: Fragm. d' une hist. des Arsacides, II, 89.

2) Nouv. ann. des voyages. 1846. Sept., 280.

3) *Роулинсонъ* и *Лассенъ; St. Martin*: Fragm. d'une hist. des Arsacides, II, 307—308.

4) *Страбонъ*, XI, 515.

пійскаго моря. Но въ другомъ мѣстѣ географіи своей [1]), Страбонъ говоритъ о гетахъ: «издревле народъ этотъ раздѣлялся на даковъ и на гетовъ, послѣднимъ именемъ называютъ тѣхъ, которые живутъ къ востоку и къ Понту Эвксинскому; даками же тѣхъ, которые находятся въ противуположную сторону, по направленію къ Германіи и къ истокамъ Дуная; я думаю, что они нѣкогда назывались даіями». Нѣтъ сомнѣнія, что геты и даки были одинъ и тотъ же народъ; первое имя преимущественно было въ употребленіи у грековъ, второе у римлянъ. Все заставляетъ думать, что дахи или даки, равно какъ и геты, были германскіе народы: дахи сливаются съ тевтонами, геты съ готами; скиѳами назывались всѣ эти народы собирательно и можно допустить, вмѣстѣ съ С. Мартеномъ [2]), что въ древнія времена, начиная отъ Дуная по сѣверную сторону Понта Эвксинскаго, Кавказа и Каспійскаго моря до береговъ Оксуса и Яксарта, обиталъ одинъ и тотъ же народъ, раздѣленный на множество племенъ. Съ помощію даіевъ туранскихъ, братьевъ по происхожденію даіямъ германскимъ, быть можетъ пришедшихъ даже, какъ говоритъ Страбонъ, изъ странъ, лежащихъ далѣе Меотійскаго болота,—положили Ашканіи - Аршакиды основаніе великому государству или, лучше сказать, конфедераціи государствъ, которая къ сторонѣ запада составила противувѣсіе могуществу Рима, а къ сторонѣ востока вошла въ соприкосновеніе съ Китаемъ. Казалось суждено было Цесарямъ, Ашканіямъ и Ханъ [3]) раздѣлить между собою міръ.

Чтобы очертить передъ читателями настоящую физіономію Аршакидовъ, мы сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ знаменитой рѣчи С. Мартена о происхожденіи и исторіи ихъ.

«При сравненіи Европы XII в. съ монархіей, основанной Аршакидами въ Азіи за три столѣтія до начала нашей эры, от-

1) VII, 304.
2) *St. Martin:* Fragm. d'une histoire des Arsacides, I, 11.
3) Названіе современной династіи, царствовавшей въ Китаѣ.

крывается сходство обычаевъ и установленій; усматриваются тѣже званія, даже тѣже титулы маркизовъ, бароновъ, кавалеровъ, простыхъ воиновъ. Подобнымъ же образомъ, многіе пользовались тамъ всѣми правами свободы, между тѣмъ какъ большая часть людей лишена была всякихъ правъ. Пареы, какъ и наши воинственные предки, любили свободу, но для себя, а не для другихъ; пировать, охотиться, воевать, возводить и низводить государей: таковы были благородныя занятія пареа. Подобно тому какъ на польскихъ сеймахъ, кровь часто лилась въ ихъ избирательныхъ собраніяхъ и не разъ остріе меча прерывало рѣчь неосторожнаго оратора. Благородные пареы, покрытые, вмѣстѣ съ конемъ, желѣзомъ, походили на нашихъ рыцарей; они составляли всю военную силу, народъ считался за ничто. Когда Маркъ Антоній двинулся на востокъ, для отмщенія за гибель Красса, то царю пареском у достаточно было восьмисотъ пятидесяти всадниковъ, чтобы отразить нападеніе; не задолго до того, двадцать пять пареских ъ всадниковъ завоевали Іудею и овладѣли Іерусалимомъ. Не трудно продолжать таковое сравненіе и показать чрезвычайное сходство, существовавшее между монархіей Аршакидовъ и западными государствами: тамъ не было, правда, ни герцоговъ, ни графовъ, заимствованныхъ новымъ феодализмомъ у римской имперіи, но мы найдемъ тамъ, что коннетабль командуетъ арміей, что маркизы защищаютъ границы. Бароны, династы, феодальные владѣльцы разнаго рода, между которыми встрѣчаются и духовныя лица, были землевладѣльцами и составляли благородное сословіе или, лучше сказать, саму націю, между тѣмъ какъ народъ, привязанный къ землѣ, находился въ состояніи полнаго рабства. Во главѣ этой политической системы былъ государь, который назывался царемъ царей и который, дѣйствительно, былъ таковымъ, потому что первостепенные его вассалы назывались царями: ихъ было семь подобно тому, какъ было семъ курфирстовъ въ священной римской имперіи».

Этихъ выписокъ достаточно, чтобы дать понятіе объ исторической роли Аршакидовъ. Конечно, они не изобрѣли феодальной системы, но и нельзя согласиться съ мнѣніемъ С. Мартена, будто система эта составляетъ неизбѣжное послѣдствіе военнаго управленія или завоеванія. Турки до сихъ поръ занимаютъ Балканскій полуостровъ въ видѣ завоевателей, но въ Турціи ничего похожаго нѣтъ на феодальную систему, кромѣ развѣ притѣсненія простаго народа. Въ Арменіи Аршакиды явились не завоевателями, а скорѣе освободителями, но тѣмъ не менѣе первымъ дѣломъ ихъ было введеніе феодальной системы, при чемъ, большая часть армянской феодальной аристократіи составилась не изъ парѳовъ. Если допустить, что названіе парѳской династіи, основавшей одну изъ величайшихъ монархій въ свѣтѣ, есть тоже самое нарицательное имя, которое еще въ доисторическія времена, какъ мы видѣли, было распространено въ Малой Азіи, въ видѣ имени принцевъ, родоначальниковъ династій,—то можно заключить, что названія Аскеназъ, Асканіосъ, Асканъ, Ашканъ постоянно служили для означенія предводителей небольшихъ воинственныхъ дружинъ, которые изъ Скиѳіи, черезъ Ѳракію, Кавказъ или Бактрію, приходили въ Азію искать счастія, быть можетъ сначала въ видѣ союзниковъ, даже наемниковъ, но потомъ, при удачѣ, предводитель дружины становился государемъ, сподвижники его землевладѣльцами въ завоеванной странѣ, феодольной аристократіей, распредѣленной сообразно первоначальному распредѣленію обязанностей въ дружинѣ. Аскеназы были древнѣйшими родоначальниками аристократическаго сословія въ западной Азіи, которое, подъ вліяніемъ всеуравнивающаго исламизма, почти исчезло тамъ въ послѣдствіи времени, за исключеніемъ Закавказья, гдѣ суждено было ему играть постоянно великую историческую роль.

Флавій Іосифъ, въ толкованіи своемъ таблицъ Моисеевыхъ

говоритъ, [1]) что Асханаксы суть тѣ самые, которыхъ греки называютъ Регинами. Послѣднее названіе несомнѣнно происходитъ отъ знаменитаго мидійскаго города *Рага*, куда странствовалъ нѣкогда Товитъ, сопутствуемый ангеломъ. Развалины города этого, о которомъ упоминается уже въ Вендидадѣ въ числѣ мѣстъ, созданныхъ Ахура-Маздой, находятся по близости нынѣшней столицы Персіи, Тегерана. Это была лѣтняя резиденція Аршакидовъ, которые даже замѣнили *Аршакіей* древнее названіе города. Отсюда видно, что Іосифъ подъ библейскими аскеназами подразумѣваетъ Аршакидовъ, которые были въ Азіи пришельцами изъ Европы и даже, если вѣрить сказанію Страбона, то пришельцами изъ глуби Европы, съ вершинъ Дуная. Позднѣйшіе еврейскіе толкователи библіи подъ названіемъ Аскеназовъ постоянно подразумѣваютъ германцевъ, сознавая, что библейскіе Аскеназы жили въ Малой Азіи, а именно во Фригіи, но утверждая, что германцы вышли нѣкогда изъ Малой Азіи и суть потомки фригійцевъ. Мнѣніе, конечно, основанное на сходствѣ множества этническихъ примѣтъ древнѣйшихъ обитателей Малой Азіи и германскихъ племенъ, сходствѣ, которое не могло ускользнуть даже отъ вниманія поверхностныхъ наблюдателей. Но объясненіе этого сходства слѣдуетъ искать гораздо далѣе на востокѣ, въ Туранѣ, по сѣверную сторону Кавказа или во Ѳракіи.

Мы выше сказали, что названіе Аскеназъ съ небольшими видоизмѣненіями встрѣчается въ древней исторіи множества народовъ; въ видѣ названія царственныхъ династій, страны въ Малой Азіи, нѣкоторыхъ мѣстныхъ предметовъ, но народа Азкеназа мы нигдѣ не находимъ. Это обстоятельство дѣлаетъ правдоподобнымъ предположеніе, что названіе Аскеназъ составлено изъ *Азъ*, названія народа и *кеназъ*, для котораго въ индо-европейскихъ языкахъ встрѣчается множество родственныхъ словъ, какъ напр.

1) Antiquit, I, 6.

греч. genos, лат. gens и пр. и пр., означающія вообще *родъ, племя*. Итакъ настоящій смыслъ Аскеназа есть *племя Азовъ* [1]). Если только, такимъ образомъ, позволено будетъ въ библейскихъ Аскеназахъ видѣть Азовъ, то названіе это, весьма загадочное, облеченное таинственностію эпохи, недосягаемой для положительной исторіи, приметъ дивно обширные размѣры.

Когда христіанство проникло въ Швецію (около 1000 г.), то Папа писалъ къ королю Олафу I, что руны съ ихъ магическими начертаніями препятствуютъ распространенію истинной вѣры. Король созвалъ главныхъ совѣтниковъ своихъ, и положено было сжечь всѣ книги и руническіе жезлы. Это повелѣніе было исполнено; отъ писанныхъ древнихъ преданій уцѣлѣло лишь то, что находилось въ то время въ Исландіи.

Въ XIII в. найденъ былъ на этомъ островѣ сборникъ таковыхъ преданій, составленіе котораго приписывается исландцу Саемунду (умершему въ 1133); этотъ сборникъ вообще извѣстенъ подъ именемъ Эдды Саемунда. По мнѣнію ученѣйшихъ критиковъ скандинавскихъ и германскихъ, преданія эти относятся къ эпохѣ за-долго предшествовавшей Рождеству Христову; Шиммельманъ даже не колеблется приписывать имъ древность, не уступающую древности книги Бытія, Ригъ-Веды или Авесты.

Въ этой Эддѣ, равно какъ и въ другой, нѣсколько позднѣйшей, въ Эддѣ Стурлесона, говорится о поколѣніи блестящихъ, въ послѣдствіи времени обоготворенныхъ азовъ, которые, подъ предводительствомъ старѣйшаго изъ нихъ Одина, пришли изъ далекой страны Азаланда, гдѣ былъ городъ Азагардъ, лежавшій за рѣкою Танаисомъ [2]). Это племя азовъ въ сѣверныхъ сагахъ называется Азкунгръ, названіе, приближающееся уже къ Аскану восточныхъ писателей и далѣе къ библейскому Аскеназу. Быть можетъ даже, какъ полагаетъ Кнобель, названіе полуострова

1) *Knobel*: die Völkertafel, 35.
2) *Едда Saemund*. II, p. 865.

Скандинавія или, лучше сказать, Скандія, Сканція (у Іорнанда) находится въ связи съ названіемъ Аскеназъ, которое въ Самаританскомъ пятикнижіи пишется Шкеназъ [1]). По крайней мѣрѣ, для объясненія происхожденія этого названія до сихъ поръ не пріискано толкованія, болѣе правдоподобнаго.

У этрусковъ, Азами назывались существа неземнаго происхожденія; присутствіе слога *Aes* въ имени Caesar, по понятіямъ суевѣрныхъ римлянъ, имѣло многознаменательное значеніе [2]). У тирреновъ, древнѣйшихъ этрусковъ, сохранялось воспоминаніе о праотцахъ Аезіетахъ (Aesyetes), о богахъ Азахъ, сопутствовавшихъ имъ въ переселеніи въ новую отчизну изъ далекой страны [3]). Въ какой степени имя это уважаемо было у готовъ, видно изъ показанія Іорнанда, что, послѣ великой побѣды, одержанной надъ арміей императора Домиціана, готы обоготворили своихъ полководцевъ и назвали ихъ Аезами. Греческое этническое названіе Iaon, впослѣдствіи измѣнившееся въ *Іонъ*, іонійцы, по всей вѣроятности, есть родительный падежъ множественнаго числа отъ именительнаго Ias. Вмѣсто Iaon, у поэтовъ встрѣчается форма Iaton, прямо выводимая изъ Ias. Стефанъ Византійскій положительно говоритъ, что Іонія называема была также *Іасъ*; Страбонъ [4]), что въ древнія времена Аттика носила названіе Іоніи, равно какъ Іасъ. Покуда мы оставимъ въ сторонѣ сближеніе имени предводителя Аргонавтовъ съ азами, но скажемъ только, что уже въ позднѣйшія времена, въ эпоху походовъ римлянъ въ Закавказье, классическіе писатели обратили вниманіе на чрезвычайно распространенное тамъ названіе *Азъ* или *Іазъ*, и на этомъ обстоятельствѣ основали самыя невѣроятныя гипотезы о происхожденіи кавказскихъ народовъ отъ спутниковъ Язоновыхъ [5]). То,

1) *Sylv. de Sacy*: Notices et extraits. XII, p. 116.
2) *Suetonii*: Vita Augusti, c. XCVII.
3) *Ritter*: Vorhalle europ. Völkergeschichten, 471.
4) *Strabo*: IX, 392.
5) *Taciti* Annal. VI, c. 34; *Iustin*: Histor. Philip. XLII, c. 4; *Strabo*: 1, 45 и XI, 531; *Plinii* VI, c. 15.

что названіе это и въ Закавказьѣ служило для означенія благороднаго происхожденія, доказывается армянскимъ словомъ *Азнъ* порода, благородство, и грузинскимъ *Азнауръ*, означающимъ дворянина.

Изъ всего сказаннаго можно вывести общее заключеніе, что въ древнемъ европейскомъ мірѣ и соприкосновенной къ нему части азіятскаго, существовало преданіе о доблестномъ народѣ или племени азовъ, и что, какъ цѣлые народы, такъ и частныя лица, основательно или неосновательно, почитали величайшею честью происхожденіе отъ азовъ.

Понятія объ особенномъ благородствѣ крови, о преимуществахъ, составляющихъ законное достояніе нѣкоторыхъ людей на основаніи одного лишь рожденія, — безъ сомнѣнія возникаютъ во всѣхъ странахъ вслѣдствіе завоеванія одного народа другимъ, когда побѣдители водворяются посреди массы побѣжденныхъ въ видѣ болѣе или менѣе многочисленной господствующей касты. Таковы были франки между галлами, англо-саксы между бриттами и позже норманны между англо-саксами; варяги между славянскимъ и финскимъ народонаселеніемъ Европейской Россіи. Конечно, существуютъ въ нѣкоторыхъ странахъ аристократическія сословія, представляющіяся чисто туземными, какъ напр. въ Германіи или въ Польшѣ, но туземнымъ невольно почитаемъ мы все то, что водворилось при обстоятельствахъ, скрытыхъ отъ взора исторіи за отдаленностію времени. Филологическія изслѣдованія, при отсутствіи даже всякихъ другихъ историческихъ свидѣтельствъ, не позволяютъ сомнѣваться, что каждый изъ нынѣшнихъ европейскихъ народовъ составился изъ длиннаго ряда послѣдовательныхъ народныхъ наносовъ, которые даже теперь, не смотря на работу цѣлыхъ тысячелѣтій, не успѣли переработаться въ однообразныя массы. Это разнообразіе, по всей вѣроятности, нѣкогда выражалось въ Европѣ гораздо болѣе рѣзкими чертами, чѣмъ въ эпохи, доступныя для исторіи. Какъ мы видѣли,

племя азовъ, Аскеназъ, служило представителемъ высшаго, дѣйствовавшаго на политическомъ поприщѣ, сословія. Конечно, нельзя допустить существованія когда либо великаго государства азовъ, которое бы тянулось отъ Ледовитаго океана до Средиземнаго моря и отъ Атлантики до Каспія. Должно думать, что азы подвизались въ разныхъ странахъ, подобно тому, какъ послѣ паденія западной Римской имперіи, германскія племена одновременно, но безсвязно, созидали и разрушали, въ Африкѣ и въ Британіи, въ Испаніи и во Ѳракіи, или, какъ позже, норманны по морямъ и рѣкамъ цѣлой Европы разнесли грозную о себѣ вѣсть.

Нѣтъ сомнѣнія, что названіе азовъ находится въ связи съ Азіей, названіемъ цѣлой части свѣта, но подъ азами, конечно, нельзя подразумѣвать азіятцевъ въ томъ обширномъ значеніи, которое придаемъ мы теперь этому названію. Понятіе объ Азіи, какъ объ особой части свѣта, во всѣ времена совершенно чуждое обитателямъ ея, возникло первоначально у грековъ, которые, по имени небольшаго округа, лежавшаго у подошвы Олимпа Фригійскаго и называвшагося Азіей, начали называть такъ всѣ страны къ востоку отъ Егейскаго моря [1]). Но, кромѣ этой Азіи, сосѣдней къ Греціи, существовала еще другая страна Азія, собственно Азія, Asia propria, лежавшая по лѣвую сторону рѣки Танаиса и по восточному берегу болота Меотійскаго. Въ самыя отдаленныя времена, повидимому, греки хранили смутное воспоминаніе объ этой далекой, священной Азіи, Азіи Іапета и Прометея, гдѣ посреди тяжкихъ испытаній протекло дѣтство рода человѣческаго. Эта Кавказская Азія была для грековъ тѣмъ же, чѣмъ для евреевъ Эдемъ и страна Араратская, для иранцевъ Айріано—Ваеджо и для индусовъ Меру. Около середины VI в. до Р. Х., Іоническіе греки завели колоніи по сѣверному и восточ-

1) *Vivien de St. Martin*: Hist. géogr. de l'Asie Mineure ancienne, p. 160.

ному берегу Понта Аксинскаго (негостепріимнаго), который тогда только измѣнилъ прежнее названіе свое въ Понтъ Эвксинскій (гостепріимный). Кругъ географическихъ познаній грековъ къ сторонѣ востока расширился также внезапно, какъ съ открытіемъ Америки географическія познанія европейцевъ въ концѣ XV в. Открывъ Кавказскій перешеекъ или, лучше сказать, восточное прибрежье болота Меотійскаго и Понта Эвксинскаго, отъ устья Танаиса (Дона) до устья Фазиса (Ріона или Чороха), греки убѣдились, что очью видятъ передъ собою страны, которыя до сихъ поръ мерещились имъ какъ бы въ сновидѣніи, какъ бы въ воспоминаніи дѣтства, тревожущемъ разсудокъ зрѣлаго возраста, ускользающемъ отъ свѣта пониманія и возвращающемся для возбужденія, но не для удовлетворенія мысли. Мы не можемъ объяснить себѣ отчетливо, на какомъ основаніи греки признали въ Кавказскомъ перешейкѣ страну, о которой нашептывали имъ преданія праотцевъ; теперь многотрудное изученіе санскритской и зендской литературъ постепенно объясняетъ для насъ то, что, быть можетъ, щедро одаренным природою грекамъ досталось даромъ вполнѣ удовлетворительно, хотя и безсознательно. Во всякомъ случаѣ, священная Азія разостлалась на правомъ берегу Кубани, тамъ, гдѣ теперь живутъ Черноморскіе казаки; вершины Эльбруса, Дыгь-Тау или Казбека, смѣло и дерзко врѣзывающіяся въ небо, тѣ или другія показались грекамъ соотвѣтственными преступленію лобными мѣстами для Прометея, смѣлаго и дерзкаго посредника между небомъ и человѣкомъ; таинственно-непроходимые, постоянно-зеленѣющіе лѣса Мингреліи и Гуріи осѣнили очарованный островъ Кирке (Цирцеи), блестящій престолъ богатаго царя Эетеса и колдовство дочери его, хитрой Медеи. Во всякомъ случаѣ, географія греческихъ поэтовъ этого періода представляетъ опредѣлительность, совершенно чуждую географіи Иліады и Одиссеи. У Есхила скованный Прометей возвѣщаетъ любовницѣ Зевеса, Іо о предстоя-

щихъ ей скорбныхъ странствіяхъ: «Потомъ достигнешь ты перешейка Киммерійскаго и вскорѣ тѣсныхъ вратъ болота Меотійскаго: смѣло устремись черезъ проливъ. Слава переправы твоей увѣковѣчится между смертными, и проливъ назовется Босѳоромъ. Тутъ покинешь ты Европу и очутишся въ Азіи». Керчь, Таманскій проливъ и Черноморія, — таковъ переводъ на современный географическій языкъ предвѣщанія Прометеева. За тридцать вѣковъ тому назадъ возникло географическое недоумѣніе, существующее и до нашихъ дней. Именемъ небольшаго округа, Азіи, назвалась цѣлая и величайшая часть свѣта, которую вездѣ слѣдовало бы ограничить опредѣленными рубежами, подобными морю Егейскому, Геллеспонту, Пропонтидѣ, Босѳору Ѳракійскому и Понту Эвксинскому. По восточную сторону Понта Эвксинскаго природа провела достойный для цѣлой части свѣта рубежъ, хребетъ Кавказскій, но по сѣверную сторону хребта находилась страна, носившая собственно ей принадлежавшее названіе Азіи, хотя и лежавшая внѣ естественныхъ предѣловъ Азіи. Отсюда произошло разграниченіе Танаисомъ (Дономъ) двухъ частей свѣта, Европы и Азіи, — разграниченіе, неоправдываемое природою. Уже Геродотъ замѣтилъ, что оно неосновательно [1]); самъ онъ, говоря о Европѣ и Азіи, обнаруживаетъ весьма вѣрный взглядъ на естественные рубежи, ихъ раздѣляющіе. Геродотъ приводитъ два мнѣнія, существовавшія въ его время на счетъ страны, давшей цѣлой части свѣта названіе Азіи; таковою страною одни почитали Лидію, другіе Азію Кавказскую, Прометееву. Честь эта безъ сомнѣнія принадлежитъ Лидіи, но все заставляетъ думать, что сама Лидія первоначально заимствовала съ Кавказа названіе Азіи.

У Страбона встрѣчаемъ мы нѣсколько указаній на эту Кавказскую Азію. Онъ говоритъ [2]), что Танаисъ отдѣляетъ Европу отъ Азіи, что при устьѣ этой рѣки въ болото Меотійское нахо-

1) IV, 45.
2) XI, 492, 493.

дился нѣкогда городъ Танаисъ, служившій для торговыхъ сдѣлокъ номадовъ азійскихъ и европейскихъ съ купцами, пріѣзжавшими съ юга. Конечно, во всемъ этомъ Азія можетъ означать цѣлую страну свѣта, но тутъ же Страбонъ говоритъ: «у Босѳора (Киммерійскаго) лежитъ страна Азія и Синдика». Въ другомъ мѣстѣ [1]), онъ разсказываетъ, что «босѳорцы платили извѣстную подать, но не одни, а вмѣстѣ съ жителями страны Азіи, лежащей подлѣ Синдики». Подъ названіемъ Синдики, какъ мы объяснимъ ниже, должно подразумѣвать страну къ сѣверу отъ нынѣшней Анапы. Отсюда видно, что, не смотря на всѣ превратности времени, частное названіе Азіи, которое за пять вѣковъ до Р. Х. Есхилъ придавалъ странѣ, орошаемой Кубанью, удержалось за нею и во времена Страбона, жившаго передъ самымъ началомъ нашей эры.

Лучшимъ доказательствомъ, впрочемъ, что эта Кубанская Азія не была однимъ лишь созданіемъ греческихъ поэтовъ, увлекшихъ за собою и греческихъ географовъ, служитъ то обстоятельство, что этническое названіе *Азъ* неизгладимо привилось къ мѣстнымъ собственнымъ именамъ. Птоломей [2]) на восточномъ берегу болота Меотійскаго, между Дономъ и Кубанью, называетъ города Азара, Азабетисъ, Азараба; Страбонъ [3]) говоритъ о народѣ аспургіанахъ, имя которыхъ возбуждаетъ величайшее участіе въ германскихъ и скандинавскихъ ученыхъ, предположившихъ, довольно произвольно впрочемъ, существованіе когда то города Ас-бурга на берегу Меотики и въ этомъ городѣ, построенномъ воображеніемъ, видѣвшихъ Асгардъ, Асгородъ, родину Одина [4]). Это названіе, заимствованное изъ недосягаемой глуби времени, сохранилось до нашихъ дней въ названіи города Азова, въ нынѣшнемъ названіи болота Меотійскаго—Азовскомъ морѣ. Черное море греки сначала называли Понтомъ Аксинскимъ (не-

1) XII, 311.
2) *Ptol.* Geogr., lib. V, c. 8.
3) XI, 495.
4) *Pototzky*: Voyage dans les steppes d'Astrakhane et du Caucase, p. 240.

гостепріимнымъ), потомъ Понтомъ Эвксинскимъ (гостепріимнымъ). Не безъ основанія можно полагать, что они остроумно передѣлывали на свой ладъ чуждое имъ названіе Аскеназъ въ противуположность мнѣнію тѣхъ, которые принимаютъ Аскеназъ за испорченное axeinos [1]). Но гораздо замѣчательнѣе еще присутствіе звука азъ, іазъ, ассъ, озъ, оссъ въ этническихъ кавказскихъ названіяхъ. Мы выше уже замѣтили, что для обозначенія народовъ, жившихъ къ сѣверу отъ Кавказа, греки употребляли названіе Маіоты или Маты съ разными прибавленіями для подраздѣленій. Самое обширное названіе было *Сарматы*, которыхъ придаточный слогъ объясняется персидскимъ *саръ* голова, *передовые Маты*. Часть группы маэтическихъ народовъ, жившая у Азовскаго моря, называлась іаз-маты или аз-маты [2]). Подобнымъ образомъ Зиги несомнѣнно черкесское племя, какъ мы то докажемъ впослѣдствіи, при распространеніи своемъ къ сѣверу вокругъ Меотики, получили названіе іаз-зиги, подъ которымъ и теперь еще извѣстны они въ Венгріи. Оссетины или, лучше сказать, оссы, сами себя называютъ иронами, названіе, происходящее несомнѣнно отъ одного корня съ иранцами, Арія; названіе же, подъ которымъ извѣстны они у другихъ народовъ, оссы или ассы, досталось имъ вслѣдствіе географическаго положенія ихъ. Еще замѣчательнѣе то, что оссетины, не присвоивая себѣ названія оссовъ или ассовъ, называютъ этимъ именемъ западныхъ сосѣдей, живущихъ на Кубани. Абхазцы называютъ Азухо, т. е. азами, племя Адиге, живущее отъ нихъ къ сѣверу, къ сторонѣ Кубани. Само собою разумѣется, что таковая туземная этническая кавказская номенклатура совершенно независима отъ всего того, что писали и думали о Кавказѣ греки и римляне; очевидное доказательство, что страна по Кубани въ незапамятныя времена называлась Азіей, Asia propria, и что названіе это

1) *Hasse*: Entdek. I, 19.

2) *Uckert*: Skythien, 546; Nouv. ann. des voyages. Ianv. et Févr, 1847. p. 116.

до такой степени укоренилось за нею, что сообщалось всѣмъ племенамъ въ ней появлявшимся, хотя бы даже племена эти были столь же различнаго происхожденія, какъ нынѣшніе оссетины—арійцы и балкарцы—тюрки.

Принявъ далѣе въ соображеніе, что библія свидѣтельствуетъ намъ о присутствіи въ Малой Азіи племени азовъ или Аскеназа и что это племя азовъ или Аскеназъ называется на условномъ библейскомъ языкѣ сыномъ Гомера, обитателя отдаленнаго сѣвера, мы приходимъ къ убѣжденію, что дружины доисторическихъ завоевателей, вышедшія изъ коренной Прометеевой, Кубанской Азіи, передали Анатоліи знаменитое имя отчизны своей и что уже изъ Анатоліи, изъ *Малой Азіи*, распространилось оно на цѣлую часть свѣта. Конечно, мы не можемъ обозначить, какимъ путемъ завоеватели азы отъ Меотики и отъ сѣверо-восточнаго угла Понта Эвксинскаго достигали юго-западной оконечности его: Кавказскимъ-ли перешейкомъ, Ѳракіей или моремъ на перевалъ. Все заставляетъ думать, что всѣми тремя путями производились таковыя нашествія. Подобнымъ образомъ, вѣковъ тридцать спустя, руссы громили Восточную Имперію на Дунаѣ, моремъ на ладьяхъ достигали береговъ Анатоліи и раззоряли торговые города въ Закавказьѣ, не разрывая, между тѣмъ, связи своей съ глубокимъ Скандинавскимъ сѣверомъ. Въ этой картинѣ широкихъ поисковъ руссовъ отъ Торнео до Аракса, быть можетъ, отражается доисторическая широкая предпріимчивость азовъ, имѣвшихъ на берегахъ Меотики болѣе благопріятное средоточіе, чѣмъ руссы на мерзлыхъ берегахъ Балтики.

Припомнимъ себѣ сказанное нами выше о разселеніи великаго *арійскаго*, или, что, быть можетъ, тоже *азійскаго* племени изъ одного общаго центра, находящагося тамъ, гдѣ Имаусъ, пересѣкая подъ прямымъ угломъ Гиндуку и Куэнь-лунь, чертитъ *крестъ* въ самомъ сердцѣ Азіи. Чѣмъ болѣе расходились родственники, одни въ Индустанъ, а другіе въ Европу, тѣмъ, ко-

нечно, болѣе и болѣе расходились общія родовыя черты ихъ. Но отпечатки слѣдовъ этихъ доисторическихъ арійцевъ или азійцевъ должно искать не на переходахъ, а на привалахъ, не въ безводномъ и пустынномъ Туранѣ, который спѣшили они покинуть, а на богатыхъ, тучныхъ пастбищахъ, прилегающихъ къ Кубани и Меотикѣ, тамъ, гдѣ они останавливались и отдыхали, готовясь къ дальнѣйшему пути. Древнѣйшія географическія названія окрестностей Меотики дѣйствительно представляютъ изумительное сходство съ таковыми же названіями, встрѣчающимися въ Индустанѣ. Таково названіе страны, лежащей къ югу отъ устья Кубани въ Черное море: Синдика или *Индика*; названіе Кубани *Гипанисъ*, тождественное съ древнимъ названіемъ величайшаго изъ притоковъ Инда; названіе городовъ Корокондама и Фанагоріи на дельтѣ Кубани [1]). Конечно, трудно согласиться съ мнѣніемъ знаменитаго Риттера, что названія эти даны были выходцами изъ Индустана, принужденными вслѣдствіе религіозныхъ переворотовъ покинуть свою родину; скорѣе можно думать, что они даны были европейскими арійцами еще въ ту завѣтную эпоху, когда во всей свѣжести сохранялись черты родственнаго сходства послѣднихъ съ арійцами, направившимися черезъ Кабулистанъ въ Пенджабъ.

Такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что историческіе Аршакиды назывались Ашканіями и, кромѣ того, весьма многое заставляетъ насъ думать, что это названіе тождественно съ Асканіосомъ, Ашканомъ, Аскеназомъ, Азомъ, столь громкимъ въ эпоху глубочайшей древности въ Европѣ, въ Малой Азіи и на Кавказскомъ перешейкѣ, то весьма естественнымъ образомъ рождается вопросъ, позволительно ли то немногое, что мы знаемъ о происхожденіи парескихъ Ашканіевъ, примѣнить къ соименникамъ ихъ, предшествовавшимъ имъ по крайней мѣрѣ вѣковъ за десять. Но пароскіе

1) *Ritter*: Vorhalle europ. Völkergeschichten, 181 и далѣе.

Ашканіи появляются на сценѣ исторіи первоначально въ видѣ предводителей племени даіевъ, даковъ, которые, какъ по всему можно заключить, принадлежали къ обширному семейству германскихъ народовъ. Можно ли допустить, на основаніи присутствія имени Аза, Асканіоса, Аскеназа, присутствіе германскихъ элементовъ въ Малой Азіи и въ Закавказьѣ еще задолго до эпохи Моисеевой? Конечно вопросъ этотъ едва ли когда нибудь можетъ достигнуть вполнѣ удовлетворительнаго разрѣшенія, но мы замѣтимъ, что то весьма немногое, что намъ извѣстно изъ языка фригійцевъ, обнаруживаетъ тѣсную связь съ языками германскими [1]); Нейманъ замѣтилъ, что многое загадочное въ древне-германскомъ правѣ и древне-германскомъ быту объясняется помощію армянскаго языка [2]). Даіи или дахи съ незапамятныхъ временъ жили въ окрестностяхъ Требизонда и въ сѣверо-западной части Арменіи, гдѣ по имени ихъ цѣлая область названа была Даикомъ; Ксенофонтъ прошелъ чрезъ страну ихъ и называетъ обитателей таохами; до сихъ поръ верхняя часть долины Чороха выше Артвина извѣстна у грузинъ подъ именемъ Тао [3]). Проф. Кохъ, посѣтившій эту дикую страну, замѣтилъ, что наружностью туземцы весьма походятъ на нѣмцевъ [4]).

РИФАТЪ.

Происхожденіе этого названія не можетъ подавать повода къ недоумѣніямъ. У древнихъ народовъ существовало обще-распространенное мнѣніе, что далеко, очень далеко, къ сторонѣ полуночи, стоятъ огромныя оледенѣлыя горы, съ гребня которыхъ постоянно дуетъ свирѣпый борей, несущій къ югу вьюги и холодъ. По ту сторону горъ погода всегда тихая и климатъ благо-

1) *Pototzky*: Hist. prim. des peuples de la Russie, 254.
2) Въ Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, I, 1837, p. 242.
3) *Wakhoucht*: Description géogr. de la Géorgie, trad. par. Brosset, p. 121.
4) *K. Koch*: Wanderunden im Orient. (Weimar 1846), II, 181.

словенный: тамъ мирно живутъ блаженные гипербореи, чуждающіеся всякихъ сношеній съ остальнымъ человѣчествомъ. По временамъ лишь посылали они въ Делосъ дары свои Аполлону, уложенные въ соломенную корзину; корзину вручали ближайшимъ сосѣдямъ сѣвернымъ народамъ, съ просьбой передать далѣе: корзина переходила изъ рукъ въ руки, отъ народа къ народу, пока, наконецъ, длиннымъ окольнымъ путемъ, начало котораго терялось въ неизвѣстной дали, доходила она до Делоса [1]). Это понятіе о благословенной странѣ гипербореевъ составляло *метеорологическій миѳъ*, по счастливому выраженію Александра Гумбольдта [2]). Оледенѣлыя горы, вертепъ Борея, назывались Rhipaei, Riphaei montes, горы Рипейскія или Рифейскія. Корень названія по видимому, есть греческое ripto=ринуть сверху внизъ, что означаетъ, какъ порывъ Борея сверху внизъ, такъ и обрывистое паденіе горной крутизны. Дебелое придыханіе греческой буквы быть можетъ, соотвѣтствовало звуку *хр*, и греческое слово ripe близко подходило къ славянскому *хрибъ*, *хребетъ*

Изъ всего можно заключить, что библейскій Рифатъ означалъ народъ, жившій въ ущельяхъ весьма высокихъ горъ, лежащихъ на далекомъ сѣверѣ. Таковое заключеніе, впрочемъ, не приводитъ насъ еще ни къ чему положительному. Какое опредѣлительное географическое положеніе можемъ мы назначить для миѳическихъ Рифейскихъ горъ? Въ самыя отдаленныя времена, какъ кажется, думали, что горы эти находятся къ сѣверозападу отъ Греціи, къ сторонѣ вечерняго мрака и полуночнаго холода. Есхилъ [3]) говоритъ, что изъ горъ этихъ беретъ начало свое Истръ (Дунай). Позже греки и римляне ознакомились съ Альпами, Карпатами и промежуточными горами Германіи; все, сдѣлавшееся извѣстнымъ, не соотвѣтствовало уже глубоко вкоренившемуся

1) *Геродотъ*, IV, 33.
2) Asie Centrale, I, 403.
3) Schol. Apoll. Rhod. IV, 284.

понятію о Рифеѣ; необходимо было отодвинуть его далѣе къ сѣверу, но на сѣверѣ Германіи открылась непрерывная полоса морей. Затѣмъ лишь Россія, Сибирь, Сарматія, Скиѳія, неизмѣримымъ для древнихъ географовъ протяженіемъ своимъ къ сѣверу представляли неизвѣданную страну, гдѣ могли помѣститься миѳическія Рифейскія горы и за ними блаженные гипербореи. Аристотель [1]) пишетъ, что подъ самой Медвѣдицей, на оконечности Скиѳіи, находятся Рипеи. Трогъ Помпей [2]), что Скиѳія простирается отъ Понта до Рипейскихъ горъ. Около времени Рождества Христова въ особенности затемнились всѣ понятія о сѣверномъ берегѣ Каспійскаго моря, который, за пять вѣковъ ранѣе, представлялся Геродоту въ настоящемъ видѣ. Каспій обратился въ заливъ Сѣвернаго океана; сѣверо-восточнымъ продолженіемъ своимъ Кавказъ ушелъ въ неизвѣстную даль и соединился съ Рипеемъ, гдѣ беретъ будто бы начало свое Танаисъ. Рипей тянется къ востоку въ Азію; подъ самымъ полюсомъ, у входа изъ океана въ Каспій, живутъ гипербореи. Эту фантастическую географію находимъ мы у Мелы [3]) и у Плинія [4]). Страбонъ [5]), раздѣлявшій современныя превратныя понятія о Каспіѣ, считаетъ однако баснями разсказы о Рипеѣ и гипербореяхъ.

Отъ этихъ позднѣйшихъ географическихъ заблужденій, возвратимся къ первоначальному содержанію Рифейскаго миѳа. Рифеи суть весьма высокія, покрытыя снѣгомъ горы, имѣющія общее направленіе отъ запада къ востоку; съ гребня ихъ дуетъ холодный вѣтеръ, за сѣвернымъ скатомъ ихъ положительно неизвѣстно, что находится; воображеніе можетъ создавать тамъ, что ему угодно. Въ весьма отдаленную эпоху, въ эпоху Моисееву, таковымъ

1) Meteor. I, 13.
2) *Iustin* II, 2.
3) I, 19.
4) IV, 24; V, 27; VI, 5, 14.
5) VII, 295.

условіямъ, конечно, для тогдашняго образованнаго или, лучше сказать, грамотнаго міра, могли удовлетворять Пиринеи, Альпы, Карпаты или даже Балканъ (Гемусъ), наконецъ Кавказъ. Мы выше объяснили, что, по всей вѣроятности, Гомеръ изображалъ народъ, жившій по сѣверную сторону Понта, Магогъ обиталъ по сѣверную сторону Кавказа, Тубалъ и Мешехъ въ Закавказьѣ; остается незанятою полоса Кавказскаго хребта. Изъ числа сыновей Гомеровыхъ, старшій Аскеназъ жилъ на берегахъ Меотики, младшій, Ѳогарма, какъ мы увидимъ, безъ всякаго сомнѣнія, находился на Армянскомъ плоскогоріи; весьма вѣроятнымъ становится, что средній сынъ, Рифатъ, занималъ полосу Кавказскаго хребта. Но допустивъ даже, что Рифатъ изображаетъ всю массу Кавказскаго горскаго народонаселенія, мы еще вовсе не вправѣ допустить, на основаніи библейскаго текста, что всѣ горцы одного и того же происхожденія; то, что мы покуда знаемъ о наружномъ видѣ ихъ и языкахъ, находится въ совершенномъ противурѣчіи съ гипотезой о ихъ единоплеменности, гадательно и бездоказательно принятой Вивьенъ де Сенъ Мартеномъ[1]). Но въ библейскомъ сказаніи о происхожденіи Рифата отъ Гомера, отъ народа сѣвернаго, мы находимъ блестящее подтвержденіе выводовъ, сдѣланныхъ исключительно на обсужденіи вліянія, которое географическія данныя должны были оказывать на разселеніе народовъ. Припомнимъ здѣсь сказанное нами выше о разрывѣ, который возникалъ близъ устья Дона въ каждомъ народѣ, подвигавшемся отъ востока на западъ, изъ Средней Азіи въ Европу. Гомеръ, киммеріане, полуночники, не есть какой либо народъ исключительно; такъ могъ называться всякій народъ, жившій или проходившій по сѣверную сторону Понта Эвксинскаго. Въ библейскомъ сказаніи о происхожденіи Рифата отъ Гомера, мы усматриваемъ лишь из-

1) въ Nouv. Ann. des voyages. 1846. Octobre, p. 49.

ложеніе мнѣнія, обще-распространеннаго во времена Моисеевы, что горная полоса Кавказскаго перешейка населилась съ сѣвера,— мнѣнія, которое, какъ мы полагаемъ, въ наше время пріобрѣтетъ незыблемое основаніе посредствомъ тщательнаго изученія языковъ и быта Кавказскихъ горцевъ.

Флавій Іосифъ пишетъ [1]), что отъ Рифата произошли рифеи, которые называются пафлагонцами. Объясненіе этого показанія Іосифа довольно сложно. Въ Пафлагоніи издревле обиталъ народъ, называвшійся генетами; это имя встрѣчается уже у Гомера [2]). Адріатическіе венеды, давшіе въ послѣдствіи времени имя свое Венеціи, почитались выходцами изъ Пафлагонской Генетіи [3]); они торговали янтаремъ и находились издревле въ сношеніяхъ съ народомъ, жившимъ на южномъ берегу Балтійскаго моря и называемымъ также венедами у классическихъ писателей. Этимъ прибалтійскимъ венедамъ, жившимъ на самомъ отдаленномъ сѣверѣ, могло преимущественно предъ всѣми прочими народами приличествовать названія рифеевъ, рифатовъ или гиперборееъ. Пафлагонскіе же генеты (славные), по родству своему съ Адріатическими венедами, почитались въ родствѣ съ прибалтійскими: отсюда сказаніе Флавія Іосифа, что рифаты суть пафлагонцы [4]). Но не подлежитъ сомнѣнію, что прибалтійскіе венеды принадлежали къ славянской расѣ, отсюда заключеніе, что пафлагонскіе генеты, славные, были славяне, что библейскій Рифатъ вообще означаетъ славянское племя. Въ доказательство, что преданіе о тождествѣ Рифата съ славянами было распространено на востокѣ, гр. Потоцкій ссылается на Рабби-Садіасъ-Гаона, жившаго въ Багдадѣ въ X. в. и переведшаго ветхій завѣтъ на арабскій языкъ; въ этомъ переводѣ Рифатъ названъ *Секлабомъ*, каковымъ именемъ арабы вообще

1) Antiquit., I, 6.
2) Иліада, II, 851—852.
3) *Страбонъ*, XII, 543.
4) *Pototzky*: Hist. prim. des peuples de la Russie, p. 59.

называютъ славянъ. Этого далеко недостаточно для нашего убѣжденія, и сближеніе Іосифомъ Рифата съ пафлагонцами остается дль насъ загадочнымъ. Нѣкоторые екзегеты читаютъ вмѣсто Рифатъ Дифаѳъ [1]) и ссылаются на городъ Тобату, лежавшій въ Пафлагоніи, и на гору Тибейонъ. Птоломей говоритъ о народѣ рибійскомъ, жившемъ на Оксусѣ [2]).

Мы можемъ ограничиться сдѣланнымъ уже заключеніемъ, что библейскій Рифатъ означалъ народъ, жившій въ горахъ на сѣверѣ, что во времена Моисеевы, Кавказскій хребетъ былъ самымъ сѣвернымъ изъ всѣхъ извѣстныхъ симитамъ хребтовъ, тѣмъ болѣе, что сѣверо-восточное продолженіе Кавказа, Андійскій хребетъ, терялся въ неизвѣданной дали. Порядокъ исчисленія сыновей Гомеровыхъ дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что подъ именемъ Рифата подразумѣвались Кавказскіе горцы. Изъ того, что Рифатъ названъ сыномъ Гомера, можно лишь заключить, что Кавказскіе горцы вообще почитались пришедшими съ сѣвера, мнѣніе, вполнѣ оправдываемое разсужденіями, основанными на географическихъ данныхъ.

ѲОРГАМА.

Такъ названъ третій сынъ Гомеровъ въ греческомъ переводѣ библіи 70 толковниковъ; въ латинскомъ и Лютеровомъ называется онъ *Thogarma;* едва ли есть возможность опредѣлить настоящую еврейскую форму этого имени [3]), которое не можетъ быть объяснено помощію еврейскаго языка. Соображаясь съ правописаніемъ нынѣ общепринятымъ, мы можемъ замѣнить Торгамой библейскаго Ѳоргаму, подобно тому, какъ теперь пишется театръ, вмѣсто ѳеатръ.

1) *Rosenmüller*: Handb. der bibl. Alterthumsk. I, 1, 232.
2) VI, cap. 14; *Uckert*: Skythien, 358.
3) *Michaelis*: Spicileg., I, 68.

Кромѣ книги Бытія и Паралипоменона названіе это встрѣчается у Іезекіиля [1]): «изъ дома Өогарма за товары твои доставляли тебѣ лошадей и строевыхъ коней и лошаковъ»; далѣе [2]): «Гомера со всѣми отрядами его, домъ Өогарма, отъ предѣловъ сѣвера».

Изъ перваго текста видно, что страна, гдѣ находился «домъ Өогарма» изобиловала лошадьми, которыя приводимы были въ Тиръ на продажу. Въ цѣлой древней западной Азіи обиліемъ и качествомъ лошадей славились Мидія и Арменія: это были знаменитыя Низейскія лошади, называвшіяся въ Арменіи *Ныжуйкъ* [3]). Страбонъ разсказываетъ, что многіе полагаютъ, что эта порода первоначально изъ Арменіи распространилась въ Мидію [4]); сатрапъ, управлявшій Арменіей, ежегодно обязанъ былъ поставлять царю персидскому 20,000 жеребятъ [5]). Объ этой подати Арменіи персидскому царю жеребятами говоритъ и Ксенофонтъ [6]). Во всякомъ случаѣ подъ названіемъ *дома Өогарма* въ текстѣ Іезекіиля нельзя подразумѣвать Мидіи, потому что послѣдняя страна всегда называется *Мадай* въ Ветхомъ Завѣтѣ. Второй текстъ, относящійся къ описанію ополченія Гога, обнаруживаетъ только, что домъ Өогарма былъ въ *предѣлахъ сѣвера*; этому выраженію, однако, нельзя дать болѣе опредѣлительнаго значенія, какъ на *глубокомъ сѣверѣ* въ отношеніи къ Палестинѣ, что также не находится въ противурѣчіи съ относительнымъ географическимъ положеніемъ Арменіи.

До сихъ поръ, при толкованіи именъ, заключающихся въ Моисеевыхъ таблицахъ народовъ, мы находили нѣкоторое посо-

1) XXVII, 14.
2) XXXVIII, 6.
3) *Инджиджіанъ*, о произведеніяхъ Арменіи.
4) XI, 525.
5) XI, 529.
6) IV, 26.

біе въ классикахъ: библейскія названія болѣе или менѣе явственно слышатся въ рѣчи греческихъ и римскихъ поэтовъ, историковъ и географовъ. Но о Торгамѣ совершенно молчатъ и греки и римляне. Риттеръ [1]) сближаетъ Тогар-ма съ названіемъ *Тохары*, народа, жившаго въ Средней Азіи и передавшаго имя свое *Тохаристану*, странѣ, лежащей на верховьяхъ Оксуса. Но это сближеніе основано исключительно на сходствѣ названій и ни въ какомъ случаѣ ничего не объясняетъ. Мы позволимъ себѣ другое сближеніе, которое, быть можетъ, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Геродотъ разсказываетъ [2]), что скиѳы почитаютъ прародителемъ своимъ Таргитаоса, имя котораго, безъ сомнѣнія, есть Таргита и представляетъ сходство съ Торгама тѣмъ болѣе, что послѣдніе слоги, быть можетъ, суть именныя окончанія въ двухъ различныхъ языкахъ. Конечно, невѣроятно, чтобы скиѳы, которыхъ зналъ Геродотъ, поселились лишь незадолго до него на сѣверномъ берегу Чернаго моря, но нѣтъ сомнѣнія, что, до прихода ихъ, жили тамъ народы, изъ числа которыхъ азы оставили по себѣ неизгладимые слѣды въ древнѣйшихъ преданіяхъ почти всѣхъ европейскихъ странъ. Допустивъ, что *Гомеръ* или *Киммеръ* означалъ *полуночниковъ*, и что имя это, исчезнувшее съ распространеніемъ предѣловъ положительной географіи, нѣкогда могло служить для обозначенія всѣхъ народовъ, проходившихъ на западъ по сѣверному берегу Понта Эвксинскаго, не смотря на разноплеменность ихъ,—мы можемъ заключить, что разноплеменность эта обозначалась въ отрасляхъ, отброшенныхъ ими къ югу, на Кавказскій перешеекъ, во Ѳракію и далѣе въ Арменію и Малую Азію,—въ отрасляхъ, называемыхъ въ книгѣ Бытія Аскеназомъ, Рифатомъ и Торгамой, которые всѣ считались сыновьями миѳическаго Гомера (полуночи) по тому только, что всѣ появились со стороны сѣвера. Быть можетъ, Торгама изображаетъ от-

1) *Ritter:* Vorhalle europ. Völkergeschichten, p. 458.
2) IV, 5.

расль, отдѣлившуюся отъ Геродотовыхъ скиѳовъ, считавшихъ себя потомками Торгиты. Не придавая большой важности скиѳской хронологіи, мы замѣтимъ, однако, что, по словамъ Геродота [1]), скиѳы думали, что, отъ времени Торгиты до времени нашествія на ихъ землю персидскаго царя Дарія, протекло не менѣе тысячи лѣтъ; посему нѣтъ ничего невѣроятнаго, что имя Торгиты въ видѣ Торгамы могло быть извѣстно уже Моисею.

Основательно или нѣтъ сближеніе именъ Торгамы и Торгиты, во всякомъ случаѣ оно не объясняетъ настоящаго значенія ни того, ни другого. Самое правдоподобное толкованіе названія Торгамы находимъ мы у Гоше, который почитаетъ его составленнымъ изъ *тохмъ*, значущаго на армянскомъ, зендскомъ и персидскомъ языкахъ родъ, племя, и *арма*, этническаго названія армянъ, несомнѣнно состоящаго въ связи съ общими названіями арійской расы. Если это толкованіе основательно, то должно думать, вопреки мнѣнію армянъ, что этническое названіе *арма* древнѣе названія хайканъ, которое сами себѣ придаютъ они. Это весьма вѣроятно и армяне могли назваться хайканами также, какъ часть славянъ назвалась русью. Иноземцы, чуждые этимъ внутреннимъ народнымъ переворотамъ, сохранили для армянъ древнѣйшее ихъ наименованіе, которое послѣдними до такой степени предано было забвенію, что впослѣдствіи даже приписано было ему чужеземное происхожденіе.

Флавій Іосифъ называетъ меньшаго сына Гомерова Тюграммесъ или Торгаммесъ и говоритъ, что отъ него произошли тиграмеи, которыхъ нынѣ греки называютъ фригійцами [2]). Если для повѣрки сказанія Флавія Іосифа, мы вновь обратимся къ текстамъ Іезекіиля, то найдемъ, что они могутъ быть примѣнены къ фригійцамъ. Гомеръ [3]) называетъ ихъ народомъ коннымъ

1) IV, 7.

2) Antiquit. I, 6.

3) *Иліада*, III, 185.

по преимуществу. Фригія имѣла точно такое же сѣверное положеніе въ отношеніи къ Палестинѣ, какъ и Арменія; фригійцы могли быть также увлечены вслѣдъ за Гогомъ въ нашествіи его на Палестину, какъ и армяне. Кого же подразумѣвать подъ библейскимъ Торгамой: фригійцевъ или армянъ? Это недоумѣніе можетъ быть, какъ кажется, устранено. Геродотъ [1]) пишетъ, что въ ополченіи Ксеркса армяне были вооружены одинакимъ образомъ съ фригійцами, имѣли общаго съ ними военачальника и что, наконецъ, армяне происходятъ отъ фригійцевъ. Въ другомъ мѣстѣ своей исторіи [2]), Геродотъ разсказываетъ, что вслѣдствіе опыта, произведеннаго царемъ Псамметихомъ, египтяне не признали фригійцевъ за самый древній народъ на землѣ. Какъ ни нелѣпъ этотъ опытъ самъ по себѣ, но мнѣніе, что фригійцы древнѣйшій народъ на землѣ, сходится съ мнѣніемъ, которое армяне имѣютъ о себѣ до нашего времени. Византійскіе писатели утверждаютъ, что армяне говорятъ языкомъ, весьма сходнымъ съ фригійскимъ [3]). Гораздо важнѣе всѣхъ этихъ показаній новѣйшія изслѣдованія, объясняющія дошедшія до насъ фригійскія слова посредствомъ армянскаго языка [4]).

Но какъ бы велико ни было сходство между армянами и фригійцами, во всякомъ случаѣ во всѣ времена они почитались за два различныхъ народа; если они были дѣйствительно одноплеменны, то раздвоеніе ихъ произошло въ эпоху, недоступную ни для какихъ историческихъ изслѣдованій. Геродотъ [5]) говоритъ, что фригійцы нѣкогда жили въ Европѣ и назывались въ то время бригами, слѣдовательно въ Азію пришли они изъ Ѳракіи черезъ Геллеспонтъ и Босѳоръ Ѳракійскій. Во времена персидскихъ

1) VII, 73.
2) II, 2.
3) *Стефана Византійскаго,* Armenia; *Евставій* въ комментаріяхъ на Діонисія Періегетеса, 694; *Renan*: Histoire des langues sémit., 43.
4) *Gosche*: de ariana linguae gentisque Armeniae indole (Berol. 1847).
5) VII, 73.

войнъ во Ѳракіи жили еще бриги [1]). Мы выше уже привели мнѣніе Геродота, что армяне суть фригійскіе выходцы. Страбонъ два раза [2]) повторяетъ старинное преданіе, будто бы армяне суть выходцы изъ Ѳессаліи и говоритъ, что одежда ихъ ѳессалійская Итакъ, по мнѣнію древнихъ грековъ, армяне европейскаго происхожденія и пришли въ страну свою съ запада. Таковое мнѣніе можетъ служить образцомъ легкомыслія грековъ въ темныхъ вопросахъ о происхожденіи и разселеніи народовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что армяне принадлежатъ къ арійскому племени, начало разселенія котораго должно искать въ Средней Азіи. По всей вѣроятности они прошли черезъ Иранское плоскогоріе позже симитовъ, но ранѣе иранцевъ; достигнувъ нынѣшняго отечества своего, высокаго Армянскаго плоскогорія, они не остановились, а продолжали подвигаться къ западу въ Малую Азію по плодоносной сѣверной покатости Тавра; трудно даже было бы объяснить, что могло задержать древнѣйшихъ армянъ, или, лучше сказать, народы армянской вѣтви, въ холодной странѣ на лѣвомъ берегу верхняго Евфрата. По этому близкое родство армянъ съ народами Малой Азіи, замѣченное уже древними и подтверждаемое изысканіями новѣйшихъ ученыхъ, составляетъ само по себѣ обстоятельство въ высшей степени правдоподобное. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, все показываетъ намъ, что этотъ первоначальный слой арійскаго народонаселенія *армянской вѣтви*, распространившійся внѣ путей разселенія европейскихъ арійцевъ, отъ Мидійскаго перешейка до Егейскаго моря, въ самыя отдаленныя времена уже подвергся нашествіямъ европейскихъ завоевателей, предпріимчивыхъ дружинъ, отдѣлявшихся отъ Гомера, Аскеназа, Рифата (?), Ѳогармы, Ѳираса, и проникавшихъ въ Арменію черезъ Кавказъ, въ Малую Азію черезъ Босѳоръ и Геллеспонтъ. Эти завоеватели, принося разнородные элементы, раздробили населеніе, нѣкогда представ-

1) *Геродотъ*, VI, 45.
2) XI, 503 и 530.

лявшее однородную массу, на отдѣльные народы. Такимъ образомъ, въ незапамятныя времена, бриги, ѳракійскій народъ, говоря миѳическимъ языкомъ сынъ Тираса, могли народонаселеніе завоеванной ими части страны обратить въ особый народъ и передать ему свое имя. Въ наше время, даже при могучемъ пособіи единства духовной письменной дѣятельности, народное единство съ трудомъ можетъ устоять противъ политической разрозненности: древніе народы быстро становились другъ другу чуждыми, какъ братья, разрозненные въ младенчествѣ.

Фригійская исторія намъ исключительно извѣстна изъ разсказовъ грековъ, отъ которыхъ дошли до насъ преданія о бѣдномъ погонщикѣ воловъ Гордіѣ, родоначальникѣ царственной фригійской династіи, о царѣ Мидасѣ съ ослиными ушами, превращавшемъ прикосновеніемъ своимъ все въ золото,—быть можетъ, миѳъ политической экономіи,—о томъ, что фригійцы, чуждаясь войны, мирно занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ, что они изобрѣли искусство играть на свирѣли: имени Торгамы не встрѣчается въ фригійской исторіи, примѣненіе Іосифомъ Торгамы къ фригійцамъ не находитъ себѣ подтвержденія. Но это неизвѣстное въ классическомъ мірѣ имя представляетъ весьма обширное значеніе въ древнѣйшей армянской и грузинской исторіи. Ниже мы разсмотримъ, на сколько заслуживаютъ вниманія эти туземныя кавказскія преданія, здѣсь напомнимъ только сказанное уже нами, что, по всей вѣроятности, преданія о трехъ сыновьяхъ Ноевыхъ и о ближайшихъ потомкахъ ихъ, родоначальникахъ народовъ, сохранялись въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ во всѣ времена на Кавказскомъ перешейкѣ или, по крайней мѣрѣ, у халдеевъ и что они не появились тамъ вмѣстѣ съ библіей, какъ то полагаетъ С. Мартенъ [1]). Замѣтны со стороны древнѣйшихъ армянскихъ историковъ-христіанъ безплодныя усилія къ согласованію халдейскихъ преданій съ библейскими,

1) *St. Martin*: Mém. sur l'Armenie, I, 257.

въ чемъ не встрѣтилась бы необходимость, если бы преданія эти были почерпнуты изъ библейскаго источника. Моисей Хоренскій [1]) называетъ Ѳираса сыномъ, а не братомъ Гомера, вопреки библейскому сказанію. Ѳракія (Ѳирасъ) безъ сомнѣнія заселилась съ сѣвера, поэтому Ѳирасъ названъ сыномъ Гомера, но весьма естественнымъ образомъ эта подробность, относившаяся къ отдаленнымъ и малоизвѣстнымъ сѣвернымъ племенамъ, не обратила на себя особаго вниманія евреевъ. Іоаннъ Каѳоликосъ, [2]), согласно библіи, называетъ Ѳираса братомъ Гомера, но какъ онъ, такъ и Моисей Хоренскій, считаютъ Ѳоргаму сыномъ Ѳираса, а не Гомера. Итакъ Ѳоргама вышелъ изъ Ѳракіи и, если онъ достигъ Арменіи, то прошелъ черезъ Фригію, чѣмъ, повидимому, подтверждаются не только сказаніе Іосифа, но даже и предположеніе грековъ о происхожденіи армянъ съ запада. Ѳоргама всѣми армянскими историками почитается за отца Хайка, прародителя всѣхъ армянъ, которые сами себя называютъ до сихъ поръ хайканами: названіе армянъ также имъ чуждо, какъ названіе нѣмцевъ германцамъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, армяне въ письменномъ языкѣ иногда называютъ себя *торгаматси*, по имени Торгамы или Ѳоргамы, отца Хайка, подобно тому, какъ мы, русскіе, *иногда* называемъ себя славянами. Названіе торгаматси имѣетъ такое же обширное значеніе, какъ и названіе славянъ: подъ это названіе можетъ подойти множество народовъ, согласно мнѣнію кавказскихъ туземныхъ историковъ,—мнѣнію, впрочемъ, не только не оправдываемому *покуда* точною наукою, но даже находящемуся въ явномъ съ нею противурѣчіи. Въ армянской исторіи говорится только о сынѣ Торгамы, о Хайкѣ, о сыновьяхъ, дочеряхъ и внукахъ послѣдняго, которые, числомъ около трехсотъ, въ сопровожденіи своихъ домочадцевъ и людей пришлыхъ, составили за-

1) Исторія Арменіи, русск. переводъ Эмина, стр. 36.
2) *Jean Catholicos,* trad. par St. Martin, 6,

вязь армянскаго народа [1]). Согласно древнимъ грузинскимъ преданіямъ, которыхъ источника мы, впрочемъ, не знаемъ, Таргамосъ сынъ Ѳарсисовъ, Аванановъ, Іаѳетовъ, Ноевъ, раздѣлилъ весь Кавказскій перешеекъ между своими восемью сыновьями—исполинами, которые сдѣлались родоначальниками туземныхъ кавказскихъ народовъ. Поэтому всѣ древніе кавказскіе народы армяне, грузины, лезгины, чеченцы и черкесы, какъ думаютъ грузины, имѣютъ право называться Таргамозіанами, по имени общаго своего прародителя [2]). Къ племени Таргамозіанъ, на основаніи одного лишь отдаленнаго созвучія, нѣкоторые писатели, европейскіе и армянскіе, причислили и тюркскіе народы, находящіеся на Кавказѣ. Инджиджіанъ пишетъ, что это доказывается какъ именемъ, такъ и существующимъ у туркомановъ преданіемъ, что они съ армянами двоюродные братья, происшедшіе отъ одного родоначальника. Исторія и сравнительная филологія самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаютъ одноплеменность армянъ съ турками.

То, что Іоаннъ Каѳоликосъ говоритъ о Торгамѣ, заставляетъ думать, что имя это означало весьма древнюю династію, царствовавшую въ Арменіи послѣ династіи Асханазовъ, или даже, сходно съ толкованіемъ Гоше, цѣлое воинственное племя, пришедшее въ Арменію и утвердившее господство свое надъ этой страной, быть можетъ, также, какъ норманны утвердили господство свое въ Англіи. Армянская родословная Торгамы заставляетъ думать, что онъ пришелъ въ Арменію изъ Ѳракіи черезъ Малую Азію, но въ Малой Азіи, гдѣ столь много неизгладимыхъ слѣдовъ оставилъ по себѣ Аскеназъ, мы не находимъ никакихъ слѣдовъ Торгамы. Позволительно остановиться лишь на томъ заключеніи, что имя это, связанное съ исторіей Закавказья, теряющейся въ недосягаемой глуби времени, впослѣдствіи утратило ясный

1) *Моисей Хоренскій*, перев. Эмина, стр. 43.
2) Histoire de la Géorgie, trad. par M. Brosset, I, 16 и сл.

смыслъ свой, удержавъ лишь ту характеристическую черту, что въ немъ въ смутномъ видѣ отпечатлѣлось основаніе одного или нѣсколькихъ государствъ въ Закавказьѣ племенемъ вышедшимъ отъ конца сѣвера, изъ Европы.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Въ Ригъ-Ведѣ, древнѣйшей изъ Ведъ, театръ дѣйствія заключенъ въ сѣверо-западномъ углу Индіи, въ Пенджабѣ, въ странѣ, которая болѣе и болѣе дѣлается чуждою позднѣйшимъ Ведамъ, отразившимъ собою дальнѣйшее развитіе брахманизма и распространеніе его внизъ по Гангу. Подобнымъ образомъ древнѣйшія миѳическія преданія грековъ относятся къ Эпиру и къ Ѳессаліи, къ странамъ, которыя, впослѣдствіи времени, въ блестящей исторической дѣятельности грековъ, принимаютъ незначительное, постороннее участіе. Какъ индусамъ, такъ и грекамъ суждено было достигнуть зрѣлаго возраста не тамъ, гдѣ протекло дѣтство ихъ, но и въ зрѣломъ возрастѣ, ни аскетическая сосредоточенность индусовъ, ни кипучая, рвавшаяся на необъятный просторъ дѣятельность грековъ, не могли затушить воспоминаній дѣтства. Позднѣйшая ткань, сокрывъ начальную основу, составила съ нею одно цѣлое.

Вникая въ характеръ древнѣйшихъ миѳическихъ преданій грековъ, нельзя не придти къ убѣжденію, что хотя преданія эти взошли на греческой почвѣ, хотя заключаютъ въ себѣ вполнѣ свободное проявленіе извѣстной ступени развитія народнаго духа, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, они относятся къ той завѣтной для исторіи эпохи, когда греки на самой родинѣ воспринимали такія впечатлѣнія, которыя сдѣлались имъ вполнѣ чуждыми, по крайней мѣрѣ на родинѣ, въ позднѣйшее время. По всему видно, что эти древнѣйшіе греки находились въ близкомъ соприкосновеніи съ чуждымъ имъ племенемъ, весьма высоко уже стоявшимъ на ступени просвѣщенія: съ племенемъ мореплавателей, торговцевъ,

строителей, рудокоповъ, земледѣльцевъ. По всему видно также, что никакой духовной связи не существовало между греками и этими чужеземцами, что послѣдніе столь же мало заботились дѣлиться плодами своего знанія съ греками, сколько въ послѣдствіи времени греческіе колонисты въ Ольбіи или въ Діоскуріи мало заботились о просвѣщеніи скиѳовъ или кавказскихъ горцевъ. Дѣти жадно прислушиваются и приглядываются ко всему тому, что происходитъ вокругъ нихъ, хотя бы даже это не имѣло прямаго къ нимъ отношенія; чего не хотятъ или не умѣютъ объяснить имъ взрослые, то дѣти сами себѣ объясняютъ безъ ихъ помощи и, конечно, всего чаще превратно. Иногда впечатлѣніе, полученное въ дѣтствѣ, сохраняется во всей свѣжести и въ зрѣломъ возрастѣ; дѣтское объясненіе становится неудовлетворительнымъ, но не всегда уже возможно отыскать настоящія причины давно минувшаго явленія; дѣтское объясненіе замѣняется другимъ, болѣе правдоподобнымъ, но не менѣе превратнымъ. Таковое сравненіе даетъ понятіе о происхожденіи нѣкоторыхъ миѳовъ, хотя, конечно, большая часть изъ нихъ имѣютъ начало свое въ другомъ источникѣ, въ особомъ способѣ воззрѣнія младенчествующаго народа на явленія природы, воззрѣнія, выразившагося или особо составленными именами, или произведеніями искуства, символическое значеніе которыхъ превратно перетолковывалось въ послѣдствіи времени. Обратимся къ Ѳессалійскому преданію о походѣ Аргонавтовъ, къ преданію, которое въ глазахъ цѣлаго древняго классическаго міра неразрывно связалось съ Закавказьемъ. Въ *древнѣйшихъ* дошедшихъ до насъ памятникахъ греческой поэзіи говорится, что *нѣкогда* въ Ѳессаліи по берегамъ залива Пелазгійскаго и въ Беотіи вокругъ озера Копайскаго жило героическое племя минійцевъ, племя богатое и безпредѣльно отважное. Родоначальникомъ минійцевъ почитался Эолъ, богъ вѣтровъ, сынъ Еллина, внукъ Девкаліона. Между царями или родоначальниками минійскими находимъ мы Орхомена (Торхоиса?), сына Хризе-

са (золотаго). Городъ Орхоменъ, «жилище древнерожденныхъ минійцевъ», находился на устьѣ рѣки Кефиса въ Копайское озеро. О городѣ Орхоменѣ Гомеръ [1]) говоритъ, что, послѣ пресловутыхъ египетскихъ Ѳивъ, городъ этотъ есть богатѣйшій на землѣ; въ немъ царь Миніасъ выстроилъ казнохранилище, почитавшееся строительнымъ чудомъ, не уступавшимъ въ совершенствѣ ни одному изъ позднѣйшихъ греческихъ сооруженій. Но уже въ самую отдаленную историческую эпоху, Орхоменъ является лишь въ видѣ воспоминанія, и можно бы даже подумать, что Гомеровъ великолѣпнѣйшій городъ на землѣ, второй послѣ Ѳивъ Египетскихъ, никогда не существовалъ иначе, какъ въ миѳическихъ сказаніяхъ грековъ. Изысканія новѣйшихъ путешественниковъ въ окрестностяхъ озера Копайскаго оправдываютъ дѣйствительность существованія доисторическаго Орхомена [2]). Тамъ найдены огромные обдѣланные монолиты, и, если сами зданія не сохранились, то это объясняется, кромѣ дѣйствія всесокрушающаго времени, наводненіями, которымъ страна эта подвержена. Вспомнимъ, что только въ наше время древній Вавилонъ начинаетъ выказываться изъ подъ грудъ мусора, которымъ былъ засыпанъ въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ. Въ особенности заставляютъ призадуматься слѣды огромныхъ гидротехническихъ сооруженій, замѣтныя теперь еще въ окрестностяхъ озера Копайскаго. Видно, что «древнерожденные минійцы» для охраненія жилищъ и полей своихъ отъ наводненій, вступили въ смѣлую борьбу съ природой, подобно голландцамъ новѣйшихъ временъ. Теперь еще можно прослѣдить остатки водосточнаго тоннеля на протяженіи нѣсколькихъ верстъ...

Гомеръ говоритъ уже о богатствѣ Орхомена; какъ ни мало надежна миѳическая хронологія, но нельзя сомнѣваться, что трудолюбивые Орхоменскіе соорудители многими вѣками предшествовали

1) *Иліада*, IX, 381.
2) *Fiedler*: Reise durch Griechenland, I, 115.

знаменитымъ, но дѣтски простодушнымъ героямъ, изъ за Елены осаждавшимъ Трою въ продолженіе десяти лѣтъ. Допустимъ весьма правдоподобное предположеніе, что ни троянской войны никогда не было, ни даже города Трои никогда не существовало,—во всякомъ случаѣ въ пѣсняхъ Гомера или множества поэтовъ, собирательно называемыхъ именемъ Гомера, отразился бытъ Греціи, позднѣйшій, чѣмъ невѣдомая эпоха процвѣтанія Орхомена. Какимъ образомъ для Греціи наступилъ бы вѣкъ героическій послѣ вѣка промышленнаго: это также мало вѣроятно, какъ если бы вѣкъ крестовыхъ походовъ послѣдовалъ за вѣкомъ желѣзныхъ дорогъ. Такимъ образомъ, миѳическую исторію минійцевъ едва ли возможно связать непрерывною нитью съ положительной исторіей Греціи. Имя минійцевъ исчезаетъ на материкѣ Греціи еще въ доисторическія времена; отголосокъ имени находимъ мы на нѣкоторыхъ островахъ Архипелага, жители которыхъ почитали себя потомками минійцевъ, вытѣсненныхъ съ материка Греціи пелазгами [1]) Но сами пелазги вовсе не принадлежатъ къ области исторіи: греки думали, что народы начали свое историческое поприще съ самой низкой ступени развитія, повинуясь одному лишь инстинкту, что въ Греціи нѣкогда жилъ таковой первобытный народъ, питавшійся желудями. Таковъ былъ взглядъ грековъ на первоначальную исторію человѣчества; первобытные обитатели Греціи названы были именемъ пелазговъ. Все весьма древнее, чуждое положительной исторіи, необъяснимое, греки приписывали пелазгамъ. Болѣе о пелазгахъ они ничего не могли сказать [2]). Что же, послѣ того, положительнаго можемъ мы сказать о минійцахъ, которые будто бы жили въ Греціи еще ранѣе миѳическихъ пелазговъ. Положительное представляютъ собою одни лишь донынѣ существующіе на греческой почвѣ остатки водопроводовъ и построекъ, сооруженія которыхъ невозможно приписать историче-

1) *Геродотъ,* IV, 145—148.

2) *Pott,* въ *Ersch und Gruber* Encyclopaedie, Zweite Section, XVIII. Indogerm. Sprachstamm.

скимъ грекамъ. Все это отодвигаетъ насъ въ недосягаемую глубь времени, въ эпоху цивилизаціи кушитской или кушито-симитской, которая нѣкогда процвѣтала въ Греціи и потомъ, также въ безвѣстно-отдаленную эпоху, подавлена была напоромъ грубыхъ еллиновъ, которымъ въ свою очередь суждено было внести новое могуче-творческое начало для человѣческаго развитія. Отъ эпохи соприкосновенія грубыхъ еллиновъ съ чуждой имъ умиравшей цивилизаціей сохранилось нѣсколько уликъ, нѣсколько безсознательныхъ, но неизгладимыхъ впечатлѣній, которыя, потомъ, въ эпоху возбужденнаго стремленія къ сознанію, облеклись въ опредѣлённыя формы, но уже въ этихъ формахъ исключительно отразилась индивидуальность греческаго генія. Подобнымъ образомъ, въ грекахъ и римлянахъ трагедій Корнеля отразился не греческій и не римскій міръ, а современный ему міръ французскій, міръ Ришелье и Фронды.

Мимоходомъ замѣтимъ, что мореплаватели минійцы грековъ напоминаютъ собою древнѣйшихъ плавателей по морямъ Черному и Эритрейскому, арабскихъ минійцевъ [1]), которыхъ классики почитали потомками Миноса, царя Критскаго, между тѣмъ какъ съ большимъ вѣроятіемъ можно даже думать, что имя Критскаго Миноса перешло [2]) въ Критъ изъ Аравіи черезъ Тиръ. Замѣтимъ также мимоходомъ, что названія Копаисъ для озера и Кефисъ для рѣки встрѣчаютъ множество родственныхъ названій на берегахъ Индійскаго и Чермнаго морей, въ странахъ, гдѣ жили и дѣйствовали кушиты, древнѣйшіе ѳеіопы. Наконецъ, скажемъ, что мнѣніе о заселеніи береговъ и острововъ Греціи, до прихода еллиновъ, расою кушито-симитскою, все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ приверженцевъ между современными намъ учеными [3]).

1) *Ritter*: Erdkunde, XII, 277—278.

2) *Fresnel*: Lettres sur la géogr. de l'Arabie, X, 184—195.

3) *Bertheau*: Zur Geschichte der Israeliten, p. 190; *Lengerke*: Kenaan, p. 195; *Movers*: die Phoenizier, I, p. 10, 27, 33, II, 17—21; *Ewald*: Geschichte des Volkes Israel, p. 329.

Согласно греческимъ сказаніямъ, между минійцами Өессалійскими и Беотійскими существовало поклоненіе Зевсу-Лафистіосу (пожирателю), требовавшему принесенія въ жертву людей. Въ семействѣ Атамантидовъ, царствовавшихъ надъ минійцами, велся обычай приносить въ жертву Зевсу-Лафистіосу собственныхъ дѣтей. Атамасъ, сынъ Эола, бога вѣтровъ, имѣлъ отъ брака съ Нефеле (облако) сына Фриксоса и дочь Гелле. Атамасъ рѣшается принести въ жертву Зевсу-пожирателю сына своего Фриксоса (трепещущаго, отъ греч. frissein, франц. frissoner), но мать, облако, для спасенія дѣтей своихъ, ниспосылаетъ овна съ золотымъ руномъ, который уноситъ ихъ по воздуху, на край свѣта, въ страну солнца, въ Эу. Гелле на пути падаетъ съ овна въ проливъ, названный, потомъ, по имени ея Геллеспонтомъ. Фриксосъ, на краю свѣта, въ странѣ солнца, приноситъ въ жертву овна и вѣшаетъ кожу его въ священной рощѣ. Отъ другаго брака Атамаса съ Ино, дочерью Кадма Өивскаго, родились два сына: Леархосъ и Меликертесъ. Атамасъ умерщвляетъ Леархоса и готовится умертвить Меликертеса: Ино бѣжитъ съ послѣднимъ на перешеекъ Коринөскій и тамъ вмѣстѣ съ сыномъ бросается со скалы въ море [1]). Здѣсь перервемъ мы разсказъ о золотомъ рунѣ нѣсколькими объясненіями.

Приношеніе людей въ жертву богамъ было совершенно чуждо, не только грекамъ, но и всѣмъ вообще арійцамъ, иранскимъ и индійскимъ. Служеніе Зевсу-пожирателю, равнымъ образомъ, было неизвѣстно грекамъ во всѣ времена [2]). Отсюда можно заключить, что греки нѣкогда были посторонними свидѣтелями обрядовъ совершенно чуждаго имъ богослуженія и что эти обряды, запечатлѣнные характеромъ кровожаднаго изувѣрства, глубоко врѣзались у нихъ въ памяти. Съ другой стороны мы знаемъ, что у финикіянъ и вообще у симито-кушитскихъ обитателей Сиріи су-

1) Hesiod. Fragm., 183 Götting.

2) *Duncker*: Gesch. des Alterth. III, 67.

ществовало поклоненіе Молоху и принесеніе ему въ жертву дѣтей. Молохъ былъ обоготвореніемъ всеистребляющаго жара, засухи, уничтожающей всякое растеніе. Чтобы умилостивить его, приносили ему въ жертву дѣтей, преимущественно для прекращенія засухи. Приношеніе Атамасомъ дѣтей въ жертву Зевсу-Лафистіосу заставляетъ предположить тождество послѣдняго съ Молохомъ. Сынъ Атамаса отъ втораго брака называется Меликертесъ, слегка переиначенное имя финикійскаго бога Мелькарта; мать Меликертеса Ино почитается дочерью Кадма, именемъ котораго греки вообще обозначали все финикійское, занесенное на почву Греціи. Можно заключить, что имена, впечатлѣнія, все перемѣшалось въ воспоминаніяхъ позднѣйшихъ грековъ, которые изъ хаоса матеріаловъ, уцѣлѣвшихъ отъ древняго разрушавшагося зданія, построили, по внушеніямъ самостоятельнаго генія, свое собственное зданіе, но уже въ послѣднемъ камни пришлись не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лежали въ прежнемъ. Во всякомъ случаѣ не трудно объяснить происхожденіе и смыслѣ миѳа о Фриксосѣ и Гелле. Основаніемъ послужило воспоминаніе о древне-азіятскомъ обычаѣ приносить въ жертву Молоху или Зевсу-пожирателю дѣтей для прекращенія засухи. Бракъ сына вѣтра (Атамаса сына Эолова) съ облакомъ (Нефеле), очевидно имѣетъ метеорологическое значеніе. Чтобы прекратить засуху, чтобы вызвать дождь, Фриксоса (трепещущаго) обрекаютъ въ жертву божеству, враждебному всякому плодородію, Зевсу-пожирателю, но мать-облако, для спасенія трепещущей жертвы, ниспосылаетъ златорунпаго барашка, одного изъ тѣхъ барашковъ-тучекъ, пасущихся по небу, въ странѣ царя-пастыря солнца. Уподобленіе разсѣянныхъ по небу тучекъ пасущемуся стаду барашковъ такъ естественно, что знакомо едва ли не всѣмъ безъ исключенія народамъ. Златорунный барашекъ служилъ у грековъ употребительнымъ олицетвореніемъ благодѣтельнаго вліянія дождя. Принесеніе въ жертву овна вмѣсто Фриксоса живо напоминаетъ жертвоприношеніе Авраамово: «Авраамъ пошелъ, взялъ овна, и принесъ

его во всесожженіе вмѣсто (Исаака), сына своего» [1]). Въ обоихъ повѣствованіяхъ выражается противуположность жертвоприношеній арійцевъ и чистыхъ симитовъ съ жертвоприношеніями кушитовъ, возмутительными для всякаго человѣческаго чувства. Златорунный барашекъ, дождевая тучка, избавивъ Фриксоса отъ гибели, несется обратно домой, къ солнцу, гдѣ все свѣтло, и земля Эа, и море Геллеспонтъ.

Возвратимся къ дальнѣйшему изложенію сказанія о золотомъ рунѣ.

Согласно преданію, поколѣніе сыновей Эоловыхъ царствовало въ разныхъ мѣстахъ Ѳессаліи и Беотіи. Внукъ Эоловъ Пеліасъ завладѣлъ городомъ Іолкосомъ, составлявшимъ достояніе брата его Эзона. Сынъ послѣдняго, Язонъ (врачующій, услаждающій), питомецъ Кентавра Хейрона, въ полномъ блескѣ юношеской красоты и отваги, предстаетъ передъ дряхлымъ Пеліасомъ и требуетъ возвращенія отцовскаго наслѣдія. Пеліасъ отвѣчаетъ, что не прочь отъ этого, но что ему приснился сродникъ ихъ Фриксосъ, молящій о выручкѣ какъ души своей, такъ и золотаго руна изъ заточѣнія у Ээтеса, царя отдаленной солнечной страны Эи. «Согласенъ ли доблестный Язонъ, до воспріятія отцовскаго наслѣдія, совершить этотъ смѣлый подвигъ»? Язонъ подалъ кличъ ко всѣмъ героямъ Греціи, и на этотъ кличъ отозвались всѣ полубоги и герои Греціи; Гера (Юнона) возжгла въ сердцахъ всѣхъ огонь участія къ предпріятію, дабы ни одинъ герой не сидѣлъ празднымъ дома. Пришелъ Геркулесъ, пришли Діоскуры, кудрявые сыновья Леды, пришелъ сладкогласный Орфей. Сама Аѳина (Минерва) научила какъ построить для плаванія героевъ быстро несущійся Арго, корабль съ пятьюдесятью скамьями для гребцовъ. На пути Арго изрекъ жалобу на чрезмѣрную тяжесть, и тяжелѣйшій изъ героевъ, Геркулесъ, покинулъ спутниковъ своихъ.

1) *Бытія*, XXII, 13.

Сквозь множество самыхъ разнообразныхъ опасностей, совершивъ плаваніе, которое никакимъ способомъ филологи не могутъ согласовать съ положительной географіей, Аргонавты достигаютъ, наконецъ, солнечной страны Эи, царства царя Эетеса. Эта страна Эя лежитъ на краю земли, но гдѣ, на востокѣ ли, откуда солнце исходитъ для совершенія дневнаго пути своего, или на западѣ, гдѣ какъ бы достигнувъ обычнаго мѣста ночлега, скрывается оно для успокоенія? У Гомера солнечная страна Эя, гдѣ живетъ Кирке, сестра Эетеса,—лежитъ посреди рѣки-Океана: въ этой странѣ пасутся стада солнца-бога [1]). По мнѣнію древнихъ, *островъ* Эя Кирке лежалъ на далекомъ западѣ, но Кирке жила врозь съ братомъ: царство Эетеса *страна* Эя представляется лежащею на далекомъ востокѣ. Эти двѣ Эи глубокой древности какъ бы изображаютъ собою Вестъ и Остъ-Индію нашего времени. Все заставляетъ думать, что, по понятіямъ грековъ, Аргонавты отправились изъ Іолкоса къ востоку. Опасности, преодоленныя Аргонавтами на пути въ Эу, ничего не значили въ сравненіи съ тѣми, которыя ожидали ихъ въ этой солнечной странѣ. Послѣ того, какъ Фриксосъ принесъ въ жертву златоруннаго овна и повѣсилъ кожу его въ священной рощѣ Ареевой, оракулъ предвѣстилъ царю Эетесу смерть, когда чужеземцамъ удастся овладѣть золотымъ руномъ. Для отвращенія опасности, Эетесъ повелѣлъ умерщвлять всѣхъ прибывающихъ въ страну его чужеземцевъ и приставилъ къ золотому руну крѣпкую, волшебную стражу. Но Эетесъ чувствуетъ себя не довольно сильнымъ, чтобы открыто бороться противъ сонма прибывшихъ въ страну его греческихъ героевъ; онъ опасается раздражить ихъ рѣшительнымъ отказомъ. Подобно Пеліасу, онъ изъявляетъ согласіе на требованія Язона, но согласіе свое хитро подчиняетъ неисполнимымъ условіямъ: золотое руно будетъ выдано Язону, но Язонъ долженъ прежде совершить под-

1) *Одиссея*, X, 137.

вигъ, который не разъ уже совершенъ былъ самимъ Эетесомъ: у послѣдняго есть два вола съ мѣдными копытами, пышущіе пламенемъ; ихъ долженъ Язонъ запречь въ плугъ утромъ, вспахать четыре десятины поля Арейскаго, засѣять борозды зубами дракона и къ вечеру того же дня пожать то, что выростетъ. Эетесъ надѣялся, что Язонъ не сладитъ съ огнепышущими волами, но если даже и сладитъ съ ними, если даже успѣетъ запречь ихъ въ плугъ, если даже вспашетъ въ одно утро четыре десятины твердой почвы дикаго поля Арейскаго, то неминуемо долженъ погибнуть отъ всходовъ порученнаго ему Эетесомъ роковаго сѣва. Аѳина, зная волшебное свойство зубовъ дракона, нѣкогда умерщвленнаго финикіяниномъ Кадмомъ, половину ихъ отдала Кадму, а другую половину Эетесу; посѣянные на пашнѣ, зубы эти производили сонмище вооруженныхъ исполиновъ, противъ котораго не устоять было никакому смертному. Язонъ долженъ погибнуть, но о спасеніи его пекутся Юнона и Минерва; онѣ уговариваютъ Афродиту послать въ чертоги царя Эетеса Эроса, который поражаетъ стрѣлою сердце царской дщери Медеи и возжигаетъ въ ней огонь страстной любви къ Язону. Все царственное семейство Эетесово обладаетъ волшебнымъ искуствомъ и знаніемъ таинственныхъ свойствъ травъ. Это знаніе, вопреки намѣреніямъ отца своего, влюбленная Медея рѣшается употребить для спасенія Язона. Она вручаетъ ему дивную мазь; человѣка, покрытаго этой мазью, не берутъ, ни огонь, ни желѣзо, въ продолженіи цѣлыхъ сутокъ. Ободренные минійцы плывутъ на своемъ Арго по рѣкѣ во внутрь страны Эи и причаливаютъ къ берегу близъ поля Арейскаго. Тамъ уже ожидаетъ ихъ царь Эетесъ, окруженный блестящимъ дворомъ своимъ и безчисленнымъ народомъ: всѣ жаждутъ быть свидѣтелями гибели Язона, послѣ чего Эетесъ намѣревается сжечь Арго и истребить минійцевъ. Густымъ клубомъ валитъ дымъ изъ подземелья, откуда съ яростію выбѣгаютъ огнепышащіе волы. Неуязвимый для пламени, проникнутый притокомъ сверхъестественной

силы, благодаря волшебной мази, Язонъ одолѣваетъ воловъ, запрягаетъ ихъ въ плугъ и бороздитъ поле Арейское, засѣвая борозды зубами дракона. Солнце совершило двѣ трети дневнаго пути своего, когда Язонъ окончилъ паханіе. Онъ садится на берегу рѣки, утоляетъ жажду водою, зачерпнутою шлемомъ, и спокойно ожидаетъ всхода посѣва. Съ мракомъ слилась черная пашня; но, подобно тому, какъ въ зимнюю ночь, небо начинаетъ сверкать звѣздами, послѣ того, какъ разсѣялись снѣжныя тучи, такъ и пашня засверкала щитами, копьями, шлемами, блескъ которыхъ отразился до неба [1]): исполины въ несмѣтномъ числѣ всходятъ на пашнѣ! Вспомнивъ совѣтъ Медеи, Язонъ беретъ огромный камень и кидаетъ его посреди исполиновъ. Какъ голодные псы, толпою мечутся они на камень, пронзаютъ другъ друга копьями и падаютъ на землю, ихъ произведшую, какъ сосны и дубы, сокрушенные бурею. Быстрый какъ звѣзда, пробѣгающая по небу и чертящая посреди мрака длинную свѣтлую полосу, Язонъ устремляется съ мечомъ на исполиновъ, онъ разсѣкаетъ все встрѣчное, онъ пожинаетъ и тѣхъ, которые вышли изъ земли до плечъ, и тѣхъ которые вышли до пояса, и тѣхъ которые стали на ноги, и тѣхъ, которые шли уже на побоище. Такъ, посреди ужасовъ войны, земледѣлецъ, чтобы жатва не сдѣлалась добычею воиновъ, беретъ заново выточенную косу и коситъ колосья, неуспѣвшіе еще созрѣть подъ лучами солнца. Вскорѣ борозды превращаются въ ручьи крови. . .

Язонъ выполнилъ условія, предложенныя Эетесомъ, но послѣдній отгадалъ вмѣшательство Медеи въ дѣло; ночью совѣтуется онъ съ своими приближенными, какъ погубить Аргонавтовъ. Чтобы ускорить развязку, Гера наводитъ на Медею неизобразимый страхъ отцовскаго гнѣва; въ ту же ночь Медея покидаетъ отчій домъ и бѣжитъ къ аргонавтамъ, которые принимаютъ ее на свой корабль;

1) *Аполлонія Родосскаго:* Поэма Аргонавтовъ (Argonautica), III.

въ ту же ночь рѣшено, съ ея помощію овладѣть золотымъ руномъ. Арго приплываетъ къ священной рощѣ; Язонъ и Медея выходятъ на зеленѣющій лугъ, гдѣ нѣкогда отдыхалъ златорунный овенъ послѣ дальняго странствованія съ Фриксосомъ. Вблизи видны были еще остатки закопченнаго жертвенника, на которомъ Фриксосъ принесъ овна въ жертву своему богупокровителю. Язонъ и Медея приближаются къ священной рощѣ, ищутъ глазами старый дубъ, на которомъ повѣшено *Руно*, подобное облаку, пылающему отраженіемъ лучей восходящаго солнца. Драконъ, никогда несмыкавшій глазъ для сна, встрѣчаетъ ихъ страшнымъ шипомъ, отъ котораго дрогнулъ боръ, отъ котораго проснулись испуганныя матери и прижали къ груди своей трепещущихъ младенцевъ.... Но Медея смѣло пошла на встрѣчу Дракону и усыпила его чарами, Язонъ снялъ руно съ дерева и, потомъ, вмѣстѣ возвратились на корабль.

Цѣль похода Аргонавтовъ была такимъ образомъ достигнута; оставалось возвратиться домой, въ Іолкосъ. Но обратный путь уже пересѣченъ былъ царемъ Эетесомъ, собравшимъ несмѣтное ополченіе. Аргонавты вынуждены возвращаться окольнымъ путемъ, при чемъ преслѣдованіе Эетесомъ, бури и сцѣпленіе самыхъ необыкновенныхъ приключеній заставило ихъ странствовать по всѣмъ странамъ извѣстнаго міра. Такъ какъ предѣлы *извѣстнаго міра* измѣнялись со временемъ не только отъ распространенія положительныхъ географическихъ свѣдѣній, но и преимущественно отъ непостоянства произвольныхъ географическихъ гипотезъ, то и описаніе обратнаго пути Аргонавтовъ передано намъ различными поэтами древности весьма въ разнообразномъ видѣ. Конечно, для насъ первоначальное понятіе грековъ о положеніи страны Эи и объ обратномъ пути Аргонавтовъ гораздо важнѣе, чѣмъ позднѣйшія объясненія, начавшіяся уже весьма давно и продолжающіяся до нашего времени. Безъ сомнѣнія, толкованія современныхъ намъ филологовъ, какъ то От. Мюллера или Фатера, позволяютъ

намъ судить о походѣ Аргонавтовъ болѣе здраво, чѣмъ судили о немъ греки или римляне. Древнѣйшія сказанія находимъ мы въ отрывкахъ поэмъ, обыкновенно приписываемыхъ Гезіоду [1]). Грекамъ земная поверхность представлялась въ видѣ площади круга, по окружности котораго протекала рѣка-Океанъ, имѣвшая такимъ образомъ круговое теченіе. Положеніе страны Эи опредѣлялось тѣмъ, что она находилась на краю земли, къ сторонѣ восхода солнечнаго, какъ то воображали себѣ, по крайней мѣрѣ, поэты послѣ-гомеровскихъ вѣковъ. Во всякомъ случаѣ, Эя стороною, противуположною обитаемой земли, должна была соприкасаться къ рѣкѣ-Океану,—это обстоятельство было прямымъ слѣдствіемъ условій ея положенія. Но рѣка-Океанъ, какими бы то путями ни было, напояла всю землю; оттуда брали начало свое всѣ рѣки, орошающія лицо земли. Поэтому грекамъ представилось, что рѣка, протекавшая по странѣ Эѣ и въ которую Аргонавты ввели свой корабль со стороны моря, противуположной оконечностію соединялась съ рѣкою-Океаномъ. Отъ того ли, что обратный входъ въ море былъ уже запертъ Этесомъ или отъ того, что Аргонавты, овладѣвъ золотымъ руномъ, заблудились въ темнотѣ ночи [2]) и, вмѣсто того, чтобы плыть къ морю, поплыли во внутрь страны,—во всякомъ случаѣ очутились они на рѣкѣ-Океанѣ, окружающей землю. Положительная географія мало стѣсняетъ воображеніе поэтовъ: напомнимъ читателю Шекспирова *Тезея, короля Богеміи, страны, лежащей близъ моря.* Греки Гезіодовскихъ временъ тѣмъ менѣе стѣснялись географіей, что едвали видали свѣтъ далѣе острововъ Архипелага, ближайшихъ къ материку Греціи. Много географическихъ и этническихъ названій дошло до ихъ слуха, но они не знали, гдѣ все это было, и этимъ обильнымъ запасомъ собственныхъ именъ поэты распоряжались по своему произволу.

1) *Гезіода* Fragm. 85. 86., изд. Гётлинга.
2) *Orphei* Argonautica, v. 1034 и сл.

Гдѣ же болѣе открывалось раздолья произволу, какъ не въ отношеніи къ странствованіямъ Аргонавтовъ, очутившихся на рѣкѣ-Океанѣ, катящей волны свои вокругъ цѣлой обитаемой земли? И вотъ плывутъ они, плывутъ по рѣкѣ-Океану и, наконецъ, пристаютъ къ Ливіи! Стремленіе объяснить странствованія Аргонавтовъ положительной географіей можетъ довести до предположенія, что они плыли по рѣкѣ Амуру и потомъ Тихимъ и Индійскимъ океанами достигли мыса Доброй Надежды, или, по крайней мѣрѣ, юго-восточнаго берега Африки. Если таковаго предположенія не встрѣчаемъ мы у древнихъ толкователей, то только потому, что имъ неизвѣстенъ былъ ни Амуръ, ни мысъ Доброй Надежды: въ замѣнъ встрѣчаемъ мы толкованія, несравненно болѣе нелѣпыя. Въ Ливіи герои вышли на берегъ и на берегъ вынесли корабль свой Арго; потомъ шествовали они двѣнадцать дней черезъ Ливію, неся Арго на плечахъ. На двѣнадцатый день достигли они берега Средиземнаго моря, здѣсь снова пустились странствовать по морю и, наконецъ, послѣ многихъ испытаній достигли Іолкоса. Впрочемъ замѣтимъ, что во времена Гезіода Ливія служила названіемъ для страны, существовавшей въ одномъ лишь воображеніи. Это имя твердила Пиѳія жителямъ Теры, одного изъ острововъ Архипелага, требуя, чтобы они отправили колонію въ *Ливію*, но никто не зналъ, гдѣ лежитъ она [1]); Пиѳія же не объясняла своего указанія. Сдѣлали одну попытку поселенія, которая не удалась, и неудачу Пиѳія объяснила тѣмъ, что не тамъ Ливія. Сдѣлали на сѣверномъ берегу Африки другую, которая удалась, изъ чего заключили, что достигли, наконецъ, настоящей Ливіи. Справедливо замѣчаетъ ученый Фатеръ [2]), что если бы случайно, вмѣсто Африки, колонисты попробовали поселиться въ Испаніи, то Испанія названа была бы Ливіей. Позже названіе это распространено было греками на цѣлую часть

1) *Геродотъ*, IV, 150 и сл.

2) *Vater*: Triton und Euphemos oder die Argonauten in Libyen, 105.

свѣта, ставшую на ряду съ Европой и Азіей [1]).

Итакъ не остается никакого сомнѣнія, что, по крайней мѣрѣ, въ древнѣйшемъ дошедшемъ до насъ сказаніи объ Аргонавтахъ, описаніе похода совершенно чуждо положительной географіи Солнечная страна Эя,—рѣка, соединяющаяся однимъ концомъ съ моремъ, а другимъ съ рѣкою-Океаномъ, рѣка-Океанъ и, наконецъ, сама Ливія,—имѣютъ такое же положительное географическое значеніе какъ и *нѣкоторое царство*, *нѣкоторое государство*, опредѣляющее обыкновенно въ началѣ русскихъ сказокъ театръ подвиговъ Бовы Королевича или Еруслана Лазаревича. Теперь представляются вопросы, имѣетъ ли сказаніе о походѣ Аргонавтовъ какую либо историческую основу, было ли время, когда обстоятельства этого похода извѣстны были грекамъ безъ густой оболочки чудеснаго, имѣлъ ли этотъ походъ когда либо для нихъ положительную географическую обстановку? Если даже было когда либо историческое событіе, подавшее поводъ къ сказанію объ Аргонавтахъ, то, конечно, никогда никакія усилія учености не возстановятъ его для насъ въ ясности. Цѣль похода заключается въ пріобрѣтеніи *золотаго руна*, но золотое руно очевидно имѣетъ символическое значеніе. Какой же настоящій смыслъ его? Страбонъ объясняетъ его значеніе обычаемъ варварскихъ народовъ собирать посредствомъ бараньихъ шкуръ частицы золота, несомыя теченіемъ нѣкоторыхъ рѣкъ. Это обстоятельство кажется неправдоподобнымъ и, можно думать, что золотое руно означало источникъ благоденствія гораздо болѣе въ обширномъ смыслѣ. Такимъ образомъ мы не знаемъ даже, чего искали, изъ за чего въ такую даль ѣздили Аргонавты. Весьма замѣчательно, что въ финской поэмѣ Калевалѣ, подобнымъ же образомъ, дѣйствующія лица стремятся къ пріобрѣтенію какой то драгоцѣнности, Сампо, какъ она названа въ поэмѣ, но что такое это Сампо, въ чемъ заключается

1) *Геродотъ*, IV, 41, 42.

эта драгоцѣнность, остается совершенно непонятнымъ для читателя. Какъ въ поэмѣ Аргонавтовъ, такъ и въ Калевалѣ, повидимому, отражается духъ безотчетнаго безпокойства, овладѣвающій юными народами, заставляющій ихъ стремиться къ чему то неизвѣстному, для нихъ самихъ непонятному.

Итакъ, во всякомъ случаѣ, историческое событіе, *если только оно когда либо было*,—подавшее поводъ къ сказанію о походѣ Аргонавтовъ, можетъ быть болѣе или менѣе остроумно предполагаемо, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть возведено на степень достовѣрности, такъ какъ намъ непонятна даже цѣль предпріятія. Одни видятъ въ немъ стремленіе къ открытію прохода въ негостепріимный Понтъ [1]), другіе (какъ то От. Миллеръ и Беккеръ)—торговое предпріятіе, третьи—смѣлый и отдаленный поискъ, совершенный греческими морскими разбойниками. Все это заставляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предположить, что въ доисторическія времена мореплаваніе грековъ производилось въ обширныхъ размѣрахъ, что, потомъ, по совершенно неизвѣстнымъ и непонятнымъ для насъ причинамъ, ихъ мореходная дѣятельность прекратилась на длинный рядъ вѣковъ и что даже воспоминаніе объ этой дѣятельности изгладилось, не оставивъ другого слѣда, кромѣ запутанной сказки объ Аргонавтахъ. Все это крайне невѣроятно. Фатеръ, въ обширномъ сочиненіи своемъ объ Аргонавтахъ, весьма остроумно доказываетъ, что походъ этотъ не имѣетъ никакой исторической основы. Матеріалами для сказки послужило множество символическихъ названій, смыслъ которыхъ былъ уже забытъ; все сказаніе объ Аргонавтахъ возникло изъ стремленія растолковать въ относительно позднѣйшія времена взаимное соотношеніе этихъ символовъ на основаніи буквальнаго значенія ихъ, между тѣмъ какъ символическое было не только утрачено, но даже и не было уже болѣе подозрѣваемо. Впрочемъ, съ самымъ основаніемъ воз-

1) *Humboldt*: Cosmos, II, 169. trad. franç.

зрѣнія Фатера очень трудно согласиться. Онъ отвергаетъ всякое доисторическое разселеніе народовъ, отвергаетъ единство происхожденія такъ называемой индо-европейской расы, считаетъ грековъ коренными обитателями, *аутохтонами*, въ ихъ нынѣшнемъ отечествѣ, отвергаетъ всякое вліяніе египетской или древне-азіятской цивилизаціи на образованіе греческихъ религіозныхъ вѣрованій или миѳовъ [1]. Каждая земля, по мнѣнію Фатера, независимо отъ другихъ, покрылась обитателями также, какъ покрылась она растеніями; сходство языковъ, вѣрованій и проч. между народами также мало доказываетъ ихъ одноплеменность или даже доисторическое соприкосновеніе, какъ сходство ели, растущей напр. въ Англіи съ тою, которая растетъ въ Сибири, не доказываетъ, чтобы оба дерева произошли отъ одной ели-прародительницы.

Итакъ, принимая вполнѣ мнѣніе Фатера, что преданіе о походѣ Аргонавтовъ не основано ни на какомъ историческомъ событіи, мы не можемъ согласиться съ нимъ въ томъ, что матеріалы, изъ которыхъ сложилось это преданіе, суть чисто-еллинскаго происхожденія, что въ нихъ, хотя бы даже косвенно, не отразилось соприкосновеніе еллиновъ съ совершенно-чуждой имъ цивилизаціей. Выше, говоря о Фриксосѣ и Гелле, мы обнаружили, что преданіе это отзывается впечатлѣніемъ, которое произвело на грековъ соприкосновеніе съ чуждой имъ расой мореплавателей, промышленниковъ, высоко превосходившей ихъ по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ матеріальному развитію. Преданіе о Фриксосѣ не только находится въ связи, но, можно сказать, составляетъ неразрывное цѣлое съ преданіемъ объ Аргонавтахъ.

Поклоненіе Зевсу-Лафистіосу, приношеніе ему въ жертву дѣтей, богатство и промышленность Орхомена, имена Мелькероса и Кадма, не говоря уже о другихъ,—все это доказываетъ присутствіе въ доисторическія времена въ Ѳессаліи и Беотіи кушито-

1) *Vater:* Das Verhaeltniss der Linguistik zur Mythologie und Archaeologie.

симитской расы, къ которой мы причисляемъ историческій народъ финикіянъ. Положительная исторія не только умалчиваетъ объ этомъ, но даже намъ неизвѣстно и окончаніе этого періода дѣятельности кушитовъ; мы не знаемъ, какія обстоятельства заставили ихъ покинуть материкъ Греціи. Но эти обстоятельства, кажется, можно отгадать съ большою степенью правдоподобія. Торговая дѣятельность кушитовъ, распространившаяся съ морей Эритрейскаго и Чермнаго, на море Средиземное, прежде всего, конечно, должна была направиться на острова, ближайшіе къ Сирійскому берегу, на Эгейскій архипелагъ и на восточный берегъ греческаго материка. Весьма въ отдаленную эпоху, но уже относительно позже, мореплаваніе финикіянъ распространилось на западную половину Средиземнаго моря, достигло Испаніи и Геркулесовыхъ столбовъ. Въ отношеніи къ своимъ колоніямъ, финикіяне исключительно руководимы были коммерческими разсчетами: имъ совершенно чужда была всякая религіозная или цивилизаціонная пропаганда, которая въ наше время образуетъ сильную, хотя и рѣдко дѣйствительную, связь между метрополіей и ея колоніями. Подобнымъ образомъ въ наше время, спекуляторы-симиты, жиды, мѣняютъ отечество, перенося капиталы свои изъ одной страны въ другую и не имѣя другого отечества, кромѣ библіи. У финикіянъ отечествомъ былъ храмъ Мелькарта, Геркулеса Тирскаго; колоніи были лагерными мѣстами торговли, продолжительность занятія которыхъ зависѣла не отъ возникавшей привязанности къ почвѣ, а отъ коммерческихъ разсчетовъ. Материкъ Греціи составляетъ страну, вообще весьма бѣдную естественными произведеніями, годившуюся для почина, но, потомъ, терявшую всякую важность при сравненіи съ Сициліей, Африкой или Испаніей. По этому ничего нѣтъ удивительнаго, если финикіяне, даже добровольно покинули материкъ Греціи, какъ страну мало-выгодную; быть можетъ, къ этому побуждены были они и появленіемъ въ Греціи племени еллиновъ, столь же воинственнаго, сколь и гру-

баго. На нѣкоторыхъ островахъ архипелага, изобиловавшихъ рудниками,—на Лемносѣ, Тазосѣ, Самотракѣ,—кушиты держались гораздо долѣе, даже до историческихъ временъ, и тамъ оставили они по себѣ память распространеніемъ таинственнаго, безнравственнаго служенія богамъ Кабирамъ.

Вмѣстѣ съ удаленіемъ кушитовъ съ материка Греціи, за море, къ сторонѣ восхода солнечнаго,—исчезъ и весь этотъ блестящій кушитскій міръ богатства, чудныхъ изобрѣтеній, таинственныхъ знаній, кровавыхъ жертвоприношеній, противунравственнаго богослуженія,—весь этотъ міръ, который произвелъ глубокое неизгладимое впечатлѣніе на простодушныхъ арійцевъ-еллиновъ, и исчезъ прежде, чѣмъ что нибудь они въ немъ уразумѣли. Эту послѣдовательность впечатлѣній мы можемъ возстановить воображеніемъ, представивъ себѣ европейскій корабль, впервые коснувшійся въ кругосвѣтномъ плаваніи какого либо острова, уединенно лежащаго посреди Тихаго океана. Дикари толпою спѣшатъ на корабль, имъ дозволяется взглянуть на чудеса европейской образованности, но все это остается для нихъ непонятнымъ, все кажется волшебствомъ, и люди, и вещи, и обычаи, все кажется сверхъестественнымъ. Корабль уплываетъ невѣсть куда, и все исчезаетъ, какъ сновидѣніе, но не забывается, какъ сновидѣніе. Подобное впечатлѣніе можетъ не повторяться въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній,—въ такомъ случаѣ легко представить себѣ, какую вереницу странныхъ преданій, понятій, сказокъ, вѣрованій должно породить оно между дикарями; какъ перепутается въ памяти ихъ значеніе именъ, случайно подслушанныхъ ими у европейцевъ. Далѣе можемъ мы себѣ представить, что между дикарями возникнутъ люди менѣе другихъ легковѣрные, которые будутъ толковать странныя народныя преданія посредствомъ того только, что видятъ ежедневно передъ собою на своемъ уединенномъ островѣ: впечатлѣнія, завезенныя европейскимъ кораблемъ, уложатся въ тѣсную рамку повседневной жизни островитянъ. На-

конецъ, весь этотъ запасъ народныхъ миѳовъ можетъ сдѣлаться предметомъ изслѣдованія европейскихъ ученыхъ, которые откроютъ въ немъ несомнѣнныя доказательства, что когда то уединенный островъ былъ уже посѣщенъ европейцами. Подобнаго рода открытія въ отношеніи къ греческимъ миѳамъ доставляетъ сравнительное изученіе древнѣйшаго востока.

Весь этотъ блестящій кушитскій міръ скрылся за море, къ сторонѣ солнечнаго восхода. Весьма понятно, что въ дѣтско-живомъ воображеніи грековъ должна была создаться чарующая картина несмѣтнаго богатства, дивной хитрости и мудрости народовъ, живущихъ за моремъ, къ сторонѣ солнечнаго восхода. Но объ этой волшебной сторонѣ греки могли только мечтать на досугѣ: море со всѣми его ужасами, тѣмъ болѣе пугавшими воображеніе, что они были неизвѣданы,—долгое время непреодолимо отдѣляло Грецію отъ солнечной страны. Не смотря на то, что южный берегъ Ѳессаліи и сѣверный Беотіи очертаніемъ своимъ необыкновенно благопріятствуютъ развитію мореплаванія,—все заставляетъ думать, что мореплаваніе медленно развивалось у грековъ или, по крайней мѣрѣ, весьма долгое время ограничивалось одними берегами. Разсказы Гомера о морскихъ приключеніяхъ его героя ясно свидѣтельствуютъ, что даже въ его время греки знали море однимъ лишь воображеніемъ, а не опытомъ. Но все это нисколько не мѣшало имъ знать заморскую солнечную страну въ самыхъ мелкихъ фантастическихъ подробностяхъ ея. Стоитъ только воображенію создать какую нибудь небывалую страну, какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, создаетъ оно и смѣльчаковъ, будто бы посѣтившихъ ее. Вспомнимъ средневѣковыя разсказы о путешествіяхъ къ людямъ одноглазымъ, къ людямъ-пигмеямъ, къ людямъ-великанамъ, о путешествіяхъ въ подземный міръ.—Въ наше время Гумбольдтъ получилъ отъ одного англійскаго капитана убѣдительное приглашеніе предпринять экспедицію въ подземный міръ, входъ въ кото-

рый, какъ утверждалъ капитанъ, находится подъ 82' сѣв. шир. [1]). Этому обычному ходу дѣятельности народной фантазіи обязано своимъ происхожденіемъ и сказаніе объ Аргонавтахъ. Сидя на берегу и любуясь безпредѣльнымъ моремъ, греки совершили далекое странствіе въ солнечную страну, совершили тамъ тысячу чудесныхъ подвиговъ, добыли золотое руно, объѣхали всю землю и, наконецъ, воротились домой, на тотъ самый берегъ, съ которымъ на время распростилось одно лишь воображеніе ихъ.

Неизвѣстно, когда эти воображаемые подвиги Аргонавтовъ впервые нашли себѣ пѣвца. По всей вѣроятности, обстоятельства постепенно обрисовывались и дополнялись въ воображеніи народномъ; поэтамъ оставалось лишь замкнуть въ стройную форму то, что было уже извѣстно всѣмъ. Основное содержаніе заключалось въ томъ, что за моремъ, въ солнечной странѣ, находилось *золотое руно* и что нашлись смѣльчаки, переплывшіе море и овладѣвшіе руномъ. Какъ бы мы ни толковали происхожденіе символическаго значенія *золотаго руна*,—было ли это облако, ниспосылающее благотворный дождь, или благодѣтельное божество въ родѣ золотаго тельца евреевъ, котораго они безъ сомнѣнія заимствовали у сосѣднихъ кушитовъ,—во всякомъ случаѣ *золотое руно* несомнѣнно обозначало источникъ изобилія, богатства. Нельзя не замѣтить здѣсь, что и *Сампо*, котораго такъ усердно ищутъ герои финской поэмы Калевалы,—по толкованію г. Кастрена, означало *таинственный источникъ благоденствія* [2]). Золотаго руна, само собою разумѣется, Аргонавты не могли достать безъ большихъ трудовъ и опасностей,—иначе не стоило бы и заниматься ихъ приключеніями. И вотъ воображеніе грековъ создало качающіяся скалы на морѣ, которыя взаимно сближаются такъ быстро и плотно, что птицы не успѣваютъ пропорхнуть между ними, но Арго успѣлъ проскользнуть, отдѣлавшись только

1) Cosmos, I, 193. trad. franç.
2) Nouv. ann. des voyages, 1849, Oct. et Nov., p. 23.

потерей части украшеній на кормѣ; въ солнечной странѣ Аргонавтамъ пришлось, и укрощать огнепышащихъ воловъ, и пахать землю, и бороться съ исполинами, и усыплять никогда до того недремавшаго дракона. Всѣ эти чудеса подали поводъ къ ученымъ толкованіямъ: сближающіяся скалы суть противуположныя теченія въ Босфорѣ, столь опасныя для мореходцевъ; труды Аргонавтовъ въ солнечной странѣ изображаютъ начало земледѣлія и т. п. Но едва ли всѣ эти чудеса болѣе заслуживаютъ вниманія, чѣмъ чудеса, встрѣчаемыя искателями *живой водицы* въ нашихъ сказкахъ. Критическій разборъ преимущественно долженъ быть обращенъ на собственныя имена, связанныя съ сказаніями объ Аргонавтахъ, въ особенности же на тѣ, которыя составляютъ неизмѣнную принадлежность всѣхъ этихъ сказаній, подвергшихся величайшимъ видоизмѣненіямъ въ теченіи вѣковъ.

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя противурѣчащія мнѣнія, можно положить за достовѣрное, что Гомеръ жилъ прежде Гезіода. Поэтому мы должны считать, что *для насъ* въ первый разъ названіе Аргонавтовъ произнесено было безсмертнымъ творцомъ Иліады и Одиссеи. Но Гомеръ говоритъ лишь вскользь объ Аргонавтахъ. Ему извѣстно, что Язонъ доѣзжалъ до Лемноса, гдѣ оставилъ по себѣ потомство; онъ называетъ плаваніе Арго «возбудившимъ вниманіе цѣлаго свѣта» [1]) и, чтобы выставить необычайность странствованій Одиссея, уподобляетъ ихъ странствованіямъ Аргонавтовъ [2]). Изъ этого видно, какою громкою извѣстностію, уже во времена Гомеровы, пользовалось сказаніе объ Аргонавтахъ. Само собою разумѣется, какъ бы далеко они ни плавали, весь театръ ихъ плаванія долженъ уже былъ быть извѣстнымъ Гомеру. Но изъ отрывочныхъ сказаній его не видать, чтобы Язонъ ходилъ далѣе Лемноса къ сторонѣ востока. Уже Страбонъ разными доводами старался доказать обширность гео-

1) *Одиссея,* XII, 70.
2) *Одиссея,* IX, 19.

графическихъ познаній Гомера, но, не смотря на всѣ натяжки классической и позднѣйшей учености, нельзя сомнѣваться, что Гомеру неизвѣстны были даже названія Геллеспонта и Понта Аксенскаго; въ смутномъ видѣ землезнаніе его къ сторонѣ востока доходитъ вдоль по Анатолійскому полуострову до земли амазоновъ, до Термодона, немного далѣе нынѣшняго Самсуна. У Гомера постоянно проявляется простодушное желаніе блеснуть обширностію географическихъ свѣдѣній, которыя, конечно, тѣмъ легче сплетались съ чудеснымъ и, для слушателей, занимательнымъ, чѣмъ къ болѣе отдаленнымъ странамъ относились. Но и Гомеръ къ сторонѣ востока долженъ былъ остановиться на амазонкахъ. Онъ говоритъ объ островѣ Эѣ, гдѣ живетъ великая чародѣйка Кирке (Цирцея), единоутробная сестра царя Эетеса: братъ и сестра родились отъ *солнца* и Океаниды *Персеи*. Островъ Эя лежитъ на рѣкѣ-Океанѣ: тамъ находятся чертоги и мѣсто плясокъ Еоса (зари), оттуда исходитъ Геліосъ (солнце). Слѣдуя такому указанію, трудно опредѣлить положеніе страны Эи на земной поверхности, но, какъ видно, въ самыя отдаленныя времена, только таковое понятіе и существовало о странѣ, въ которую ѣздили Аргонавты. Въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ Гезіодовой поэмы, сказаніе принимаетъ болѣе опредѣлительныя черты. Здѣсь уже говорится о золотомъ рунѣ, о дочери царя Эетеса, Медеѣ, которую Язонъ похитилъ вмѣстѣ съ золотымъ руномъ, о рѣкѣ Фазисѣ, протекающей по странѣ Эѣ и соединяющейся съ рѣкою-Океаномъ, о возвратномъ пути Аргонавтовъ по рѣкѣ-Океану и, потомъ, черезъ Ливію. Положеніе страны Эи остается неопредѣленнымъ, но разсказывается о Финеѣ, пораженномъ слѣпотою за то, что указалъ Фриксу путь въ Скиѳію. Впервые названіе Скиѳіи встрѣчается у Гезіода: это названіе, навсегда оставшееся неопредѣленнымъ, во времена Гезіодовы, повидимому, обозначало совокупность всѣхъ странъ, лежавшихъ за Ѳракіей. Итакъ можно заключить, что въ Гезіодово время Эя почи-

талась въ Скиѳіи, за Понтомъ Аксенскимъ, но, конечно, этому условію болѣе удовлетворяла Таврида, чѣмъ Закавказье. Въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ твореній Евмела Коринѳскаго (жившаго лѣтъ за 700 до Р. X.) [1]) впервые встрѣчается названіе страны Колхійской; Пиндаръ называетъ Колховъ черными. Вмѣстѣ съ этимъ именемъ колховъ и страны Колхиды въ разсказахъ объ Аргонавтахъ постоянно является городъ Китея, родина Медеи, которая сама называется Китеидою, а ея волшебство и его принадлежности Китейскими. Ни Колхиды, ни Китеи, не встрѣчаемъ мы ни у Гомера, ни у Гезіода; по крайней мѣрѣ тождественность Китеи съ Гомеровыми Кетейями [2]) не можетъ быть ничѣмъ доказана. Но Гомеръ, какъ мы сказали, упоминаетъ объ Аргонавтахъ только вскользь. Гезіодъ въ томъ, что дошло до насъ, также говоритъ о нихъ очень немногое. Оба они опредѣляютъ конечный путь странствованій Аргонавтовъ только тѣмъ, что послѣдніе доѣхали до конца земли. Эя или, какъ писалась она Aia, Gaia значитъ *земля* въ противуположность безпредѣльному морю и рѣкѣ-Океану, которые омывали ее. Фазисъ есть весьма древнее названіе многихъ великихъ рѣкъ на востокѣ, но ни одна изъ таковыхъ рѣкъ не была извѣстна грекамъ во времена Гомера, ни даже Гезіода. Одно лишь имя это дошло до грековъ или, быть можетъ, сохранилось въ памяти ихъ еще отъ времени доисторическаго переселенія праотцевъ ихъ изъ Азіи въ Европу. Во всякомъ случаѣ, имя это не имѣло другого значенія, какъ только великой рѣки, текущей на восточномъ концѣ свѣта. Фазису Гезіодъ приписываетъ миѳическую генеалогію, считая его происшедшимъ отъ брака Океана съ Ѳетидой. Какъ ни перемѣшана была въ понятіяхъ грековъ фантастическая географія съ положительной, но по всему видно, что и Гомеръ и Гезіодъ по-

1) *Vater*: Argonautenzug, I, 71.
2) *Одиссея*, XI, 521.

лагали, что Аргонавтамъ, покровительствуемымъ цѣлымъ сонмомъ боговъ и богинь, удалось побывать тамъ, куда не могутъ проникнуть простые смертные. Весьма вѣроятно, что уже во времена Гомера, названіе Колхиды и Китеи связаны были съ походомъ Аргонавтовъ, но, какъ чисто отвлеченныя, они не вошли въ энциклопедію положительной или мнимо-положительной географіи, заключающейся въ Иліадѣ и Одиссеѣ. Поэтому нѣтъ никакого повода думать, чтобы названія эти только въ относительно-позднѣйшія времена привязались къ разсказамъ объ Аргонавтахъ, подобно многимъ другимъ именамъ очевидно позднѣйшаго происхожденія. До насъ дошла поэма объ Аргонавтахъ, извѣстная подъ именемъ Орфеевой, хотя, конечно, никто не вѣритъ, чтобы авторомъ ея былъ миѳическій Орфей, сынъ Музы Калліопы. Нѣтъ сомнѣнія, что эта поэма получила настоящій видъ свой около временъ Р. Х., но, вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ густымъ наносомъ вставокъ, дополненій, невѣжественныхъ поправокъ, строгая критика открыла основу, носящую несомнѣнныя примѣты самой глубокой древности. Въ этомъ основномъ миѳѣ, быть можетъ современномъ Гезіоду или даже Гомеру, господствуютъ названія Колхиды и Китеи; поэтому весьма вѣроятно, что названія эти, хотя не встрѣчающіяся ни у Гомера, ни у Гезіода, современны невѣдомой для насъ эпохѣ первоначальныхъ разсказовъ объ Аргонавтахъ.

Все, что мы до сихъ поръ сказали о походѣ Аргонавтовъ, или, говоря точнѣе, о происхожденіи греческой сказки о небываломъ походѣ Аргонавтовъ, не имѣетъ совершенно никакого отношенія къ Кавказу. Такъ дѣйствительно и было. Но вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, которыя можно прослѣдить, сказка эта привилась къ Кавказу, при чемъ запечатлѣла рѣзко оригинальнымъ характеромъ весь способъ воззрѣнія древнихъ на Кавказъ, способъ воззрѣнія, сдѣлавшійся уже чуждымъ для насъ. Подобнымъ образомъ, мы почти не можемъ глядѣть на современную

намъ Грецію иначе, какъ сквозь очаровательную призму воспоминаній о древней Греціи, которыми умъ нашъ напитанъ съ самаго дѣтства. Аппіанъ разсказываетъ, [1]) что Помпей, воюя въ Закавказьѣ съ Митридатомъ, при первой возможности, двинулся въ Колхиду, чтобы развѣдать объ Аргонавтахъ, Діоскурахъ и Геркулесѣ и чтобы взглянуть на скалу, къ которой прикованъ былъ Прометей. Конечно, положеніе полководца, озабоченнаго войною, отъ которой зависитъ судьба свѣта, мало располагаетъ его къ ученымъ изслѣдованіямъ или къ мечтательности; Помпей же не былъ ни ученымъ, ни мечтателемъ. Отсюда видно, какое неодолимое, чарующее впечатлѣніе Кавказъ оказывалъ на древнихъ. Такъ Бонапартъ, посреди военныхъ тревогъ, привѣтствовалъ 40 вѣковъ, смотрѣвшихъ на него съ вершинъ пирамидъ египетскихъ!

Если съ нынѣшней точки зрѣнія судить о глубокомъ впечатлѣніи, которое сказка объ Аргонавтахъ произвела на древній міръ, то, конечно, нельзя не согласиться съ справедливостію замѣчанія современнаго намъ автора лучшей греческой исторіи, Грота, который говоритъ: «если бы, при настоящемъ состояніи географической науки, кто либо, прочитавъ путешествіе Гулливера, сталъ искать на картѣ страну Лиллипуповъ, то это показалось бы крайнею нелѣпостію. Но тѣ, которые старались опредѣлить точное положеніе пловучихъ острововъ Эоловыхъ или скалъ Сиренъ, поступали нисколько не умнѣе; впрочемъ, при незнаніи географіи и отсутствіи исторической критики, едва ли даже могли они избѣгнуть таковыхъ заблужденій». Но строго осуждать древнихъ за то, что даже дѣйствительность подчинили они сказочнымъ впечатлѣніямъ,—значило бы вовсе не понимать ихъ духовнаго настроенія. Какъ говоритъ Вильгельмъ Гумбольдтъ [2]),

1) Bel. Mithrid., 103.

2) О различіи организмовъ человѣческаго языка. Переводъ П. Билярскаго (Спб. 1859), стр. 27.

«дѣйствительность у нихъ всегда легко переходила въ идею и въ фантазію и обѣими этими силами они дѣйствовали обратно на дѣйствительность. Какъ между яснымъ и пасмурнымъ небомъ, отличіе и преимущество древнихъ надъ нами состоитъ не столько въ самыхъ формахъ жизни, сколько въ дивномъ свѣтѣ, какой изливался на эти формы». Таковымъ дивнымъ освѣщеніемъ разсказы объ Аргонавтахъ разцвѣтили для грековъ дальнія моря, дальніе берега; опытъ не разсѣвалъ очарованія, но самъ ему подчинялся. То, что греки искали и даже отыскивали мѣста, будто бы посѣщенныя Аргонавтами, не должно удивлять насъ, когда мы вникнемъ въ особенности настроенія греческаго генія. Скажемъ еще болѣе: на этотъ фантастическій путь они увлекли за собою даже и современныхъ намъ еллинистовъ, которые такъ долго и такъ страстно изучали классическую древность, что для нихъ встрепенулась она отъ тысячелѣтняго сна.

Какъ ни мало стѣснялось въ своемъ полетѣ воображеніе грековъ, но это не было однако больное воображеніе Сервантесова героя, видѣвшаго въ каждомъ встрѣчномъ какое либо сказочное существо. Нельзя оспаривать, что огромное протяженіе береговаго очертанія морей Средиземнаго, Адріатическаго, Эгейскаго, Пропонтиды и Понта Эвксинскаго, въ историческія времена Греціи, усѣяно было названіями, преданіями, храмами, которые для воображенія грековъ дѣйствительно могли представляться въ видѣ слѣдовъ странствованія Аргонавтовъ или преслѣдовавшихъ ихъ колховъ. Эти мнимые слѣды принимались греческими землеописателями за несомнѣнныя доказательства посѣщенія Аргонавтами самыхъ отдаленныхъ странъ и морей, черезъ что въ свою очередь поэты должны были передѣлывать свои описанія, чтобы приноровить ихъ къ послѣдовательнымъ открытіямъ географіи. Сдѣлалось извѣстнымъ, что если плыть изъ Греціи къ востоку, то нельзя не упереться въ непрерывный берегъ, что какъ ни огромны Понтъ Эвксинскій и болото Меотійское, но и имъ есть предѣлы; сдѣ-

лалось извѣстнымъ, что, если и существуетъ рѣка-Океанъ, то, во всякомъ случаѣ, она не имѣетъ прямаго сообщенія съ восточной окраиной Понта, а между тѣмъ казалось несомнѣнно доказаннымъ, что Аргонавты побывали и въ западной половинѣ Средиземнаго моря. Конечно, тамъ побывали они по необходимости, окольными путями спасаясь отъ преслѣдованій гнѣвнаго царя Эетеса. Оставалось одно средство вывести ихъ изъ Понта Эвксинскаго,—это помощію великихъ рѣкъ, текущихъ изъ глуби материка Европы, который былъ вполнѣ неизвѣстенъ грекамъ. Тимей и Скимносъ Хіосскій утверждали, что Аргонавты изъ Понта Эвксинскаго черезъ Босѳоръ Киммерійскій прошли въ болото Меотійское, оттуда поднялись вверхъ по Танаису (Дону) до источниковъ его, оттуда на рукахъ перенесли Арго до Океана и, потомъ, Океаномъ и Геркулесовыми столбами (проливомъ Гибралтарскимъ) достигли Средиземнаго моря. Болѣе распространено было мнѣніе, которому послѣдовалъ и Аполлонъ Родосскій, творецъ дошедшей до насъ большой поэмы объ Аргонавтахъ, что они изъ Понта Эвксинскаго поднялись вверхъ по Истру (Дунаю). Объ Истрѣ существовало мнѣніе, что онъ однимъ лишь рукавомъ впадаетъ въ Черное море, другимъ же (По) въ Адріатическое; нѣкоторые принимали даже Рону и Рейнъ (Роданъ и Еріданъ) за развѣтвленія Истра. Быть можетъ, нынѣшняя иллирійская провинція Истрія обязана своимъ именемъ этому заблужденію. Во всякомъ случаѣ, эта рѣка Истръ, представлявшаяся въ видѣ паука греческимъ географамъ, дозволяла поэтамъ безъ всякаго затрудненія провести Аргонавтовъ съ моря на море.

Но, какъ объяснить, что по всему протяженію извѣстныхъ въ то время морей и суши, греки дѣйствительно находили слѣды странствованій Аргонавтовъ и Колховъ? Мы приведемъ объ этомъ предметѣ мнѣніе Грота. «Въ обширной области греческихъ эпическихъ твореній, говоритъ онъ, не было ни одного, съ которымъ бы моряки болѣе могли сродниться, какъ съ разсказомъ объ

Арго, кораблѣ-праотцѣ, о достославныхъ герояхъ Греціи, плывшихъ на немъ, въ особенности о Тинтаридахъ, Касторѣ и Поллуксѣ, небесныхъ защитникахъ, призывавшихся среди бури и опасности. Къ какому бы берегу ни приставалъ греческій мореходъ, съ нимъ связывалъ онъ вновь легенду, быть можетъ съ нѣкоторыми новыми подробностями, заимствованными или изъ воспоминаній о собственныхъ приключеніяхъ или изъ впечатлѣній, наводимыхъ мѣстомъ. Мѣсто бралъ онъ, такъ сказать, въ религіозное владѣніе, связывалъ его религіознымъ договоромъ съ отчизной своей, сооружалъ храмъ или жертвенникъ, при чемъ установлялъ особые обряды для сохраненія воспоминанія. Таковыя созданныя *Язоніи* и вообще всякій видимый предметъ, названный именемъ героя, служили не только къ тому, чтобы поддерживать память объ Арго въ каждомъ новомъ пришельцѣ или туземцѣ, но со временемъ дѣлались они убѣдительными и достаточными доказательствами тому, что дѣйствительно чудесный корабль нѣкогда приставалъ къ этому мѣсту». Конечно, нельзя оспаривать, что въ сказанномъ есть значительная доля правды, но, чтобы принять *цѣлое* за безусловную правду, должно прежде согласиться съ мнѣніемъ, принятымъ уже нѣкоторыми писателями древности и упорно отстаиваемымъ до нашего времени приверженцами исключительнаго еллинизма. Уже Страбонъ, находя въ географическихъ названіяхъ Индіи тождество съ названіями издревле извѣстными изъ миѳическихъ греческихъ преданій, вывелъ заключеніе, что названія эти распространены были на отдаленномъ востокѣ льстецами, желавшими придать особый блескъ завоеваніямъ Александра Македонскаго. Мы выше уже изложили мнѣніе Фатера, что всѣ греческіе миѳы возникли на греческой почвѣ. Такимъ образомъ, если названіе Кавказа присвоено нами горамъ, тянущимся отъ Чернаго моря до Каспійскаго, то это по тому, что въ греческой миѳологіи существовало преданіе о Прометеѣ, прикованномъ къ невѣдомой горѣ, названной въ миѳологіи Кавказомъ; впослѣд-

ствіи времени, когда греки съ восточнаго берега Чернаго моря увидѣли снѣжныя вершины длиннаго хребта горъ, то эти горы, самыя отдаленныя и самыя высочайшія [1]), по ихъ мнѣнію, на землѣ, названы были ими Кавказомъ и на высшей вершинѣ, Стробилосъ (Эльбрусъ [2]), греки пріискали мѣсто страданій Прометея. Нѣсколько вѣковъ спустя, греки, ведомые Александромъ Македонскимъ, узнали, что существуютъ горы, гораздо болѣе отдаленныя и, по крайней мѣрѣ, столь же высокія, какъ и тѣ, которыя уже названы ими были Кавказомъ, и тогда, какъ это названіе, такъ и скала Прометеева, перенесены были ими въ Индію. Такимъ образомъ, всѣ эти названія, перешедшія къ намъ отъ грековъ, даваемы были ими на основаніи понятій, составленныхъ *a priori*, подобно тому, какъ Новый Свѣтъ, открытый Христофоромъ Колумбомъ, первоначально названъ былъ Индіей, и краснокожіе обитатели его до сихъ поръ называются нами индійцами.

Таковыя мнѣнія могли быть допускаемы еще въ очень недавнія времена, когда классическая литература составляла не только *главный*, но и единственный источникъ для изученія древняго міра. Теперь несостоятельность таковыхъ мнѣній съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе обнаруживается, по мѣрѣ *прямаго* ознакомленія съ древнимъ востокомъ и въ особенности съ древней Индіей. Всѣ эти имена, повидимому, вынесены греками съ востока въ эпоху недосягаемую для исторіи; потомъ при отчужденіи Греціи, чуждой еще мореходству, отъ остальнаго свѣта, имена эти, сохранившіяся въ памяти, совершенно утратили настоящее значеніе свое и приняли символическое. Такимъ образомъ, кромѣ символическаго значенія этихъ названій, которое, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, разоблачаютъ ученые еллинисты, теперь мы пріобрѣтаетъ возможность проникнуть и первоначальный, про-

1) *Геродотъ*, I, 203.
2) *Arriani*: Peripl., 12.

стой и прямой смыслъ ихъ, совершенно утратившійся для грековъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что названія: Колхи, Китея, Фазисъ, Эа, Язонъ, Медея, Діоскуры, и пр. и пр. имѣли чисто символическое значеніе для грековъ, но если не для нихъ, то для другихъ народовъ, эти самыя названія имѣли прямой смыслъ. Независимо отъ греческихъ мечтаній, о которыхъ говоритъ Гротъ, эти названія или, по крайней мѣрѣ, близко съ ними созвучныя, распространены были по землѣ. Не разсказы объ Аргонавтахъ ихъ распространили, но сами греки пріютили свои разсказы подъ мнимое ручательство этихъ названій. Колхи не суть тоже, что индійцы въ Америкѣ. Итакъ, оставляя совершенно въ сторонѣ греческую символистику, какъ не принадлежащую къ предмету, насъ занимающему, мы послѣдуемъ за греками въ ту далекую солнечную страну, гдѣ, по ихъ мнѣнію, Аргонавты совершили дивные подвиги свои.

Эта фантастическая страна, какъ кажется, первоначально не слишкомъ далеко находилась отъ Греціи. Въ городѣ Лампсакѣ на Геллеспонтѣ [1]) существовало преданіе, будто Фриксосъ привезъ туда золотое руно и что посему городъ этотъ въ древнія времена назывался Питіея или Питія, такъ какъ на ѳракійскомъ языкѣ Питія значитъ золотое руно. По незнанію нами ѳракійскаго языка, мы, конечно, не можемъ рѣшить, въ какой степени справедливо таковое толкованіе, но, какъ увидимъ далѣе, названіе Питія составляетъ также принадлежность географіи Аргонавтовъ. Китея или Кутаія встрѣчается въ видѣ весьма распространеннаго собственнаго имени по близости Геллеспонта: теперь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега названіе это сохранилось для города Кутаіи. Существовало у грековъ сказаніе [2]), будто бы Фриксосъ, поселившись въ Колхидѣ, назвалъ страну эту Фригіей;

1) *Vater*: Argonautenzug, I, 19 и сл.
2) id., 51.

это сказаніе, безъ сомнѣнія, возникло въ то время еще, когда думали, что Колхида находится при входѣ въ Понтъ, съ юго-западной стороны. Но послѣ того, какъ греки отважились пускаться въ негостепріимный, казавшійся имъ безконечно-обширнымъ, Понтъ, они, конечно, не могли уже далѣе считать Колхиду позади себя,—Колхиду, которая должна была находиться на концѣ свѣта. Такъ весьма естественнымъ образомъ Колхида перенеслась по другую сторону Понта Эвксинскаго. Все заставляетъ думать, что греки ранѣе достигли береговъ Тавриды, нынѣшняго Крыма, чѣмъ восточнаго берега Чернаго моря: вообще плаваніе вдоль малоазіятскаго берега гораздо опаснѣе и затруднительнѣе, чѣмъ плаваніе отъ Босфора къ Тавридѣ. Мнѣніе о мѣстоположеніи Колхиды въ Тавридѣ От. Миллеръ почитаетъ древнѣйшимъ. Согласно Гезіоду, Фриксосъ отправился въ Скиѳію путемъ, указаннымъ ему Финеемъ; тавры играютъ роль въ сказаніяхъ объ Аргонавтахъ, они стерегутъ золотое руно [1]); Танаисъ смѣшивается съ Фазисомъ: въ Аргонавтикѣ, приписываемой Орфею, Фазисъ представляется текущимъ въ Меотійское болото. Видно, что греки слыхали объ обѣихъ рѣкахъ, но объ обѣихъ первоначально имѣли только то понятіе, что онѣ протекаютъ гдѣ то весьма далеко на востокѣ. Существовало предавіе, что Фриксосъ съ овномъ прибылъ къ Танаису [2]) у Кріуметопона: такъ называлась южная оконечность Крыма! Наконецъ, въ числѣ древнихъ поселеній Тавриды, находимъ мы и городъ *Китею*, который расположенъ былъ между Такиль-Буруномъ и горою Опукомъ [3]). Правда, что въ Крыму не находимъ мы никакихъ слѣдовъ названія колховъ, но таковыхъ не находимъ мы и въ Закавказьѣ, не смотря на всѣ

1) *Діодоръ Сицилійскій*, IV, 57.
2) *Vater*, id., I, 20.
3) *Pallas*: Voyages dans les gouvernemens méridionaux de Russie etc. (Paris 1805), II, 372.

разсказы классиковъ, которые знали колховъ въ Закавказьѣ до тѣхъ поръ, пока не знали Закавказья.

По мѣрѣ распространенія мореходной дѣятельности милезійцевъ, греки болѣе и болѣе знакомились съ Понтомъ Эвксинскимъ и, наконецъ, успѣли осмотрѣть все протяженіе береговъ его. Не смотря на то, по неумѣнію дѣлать астрономическія опредѣленія мѣстъ и по незнанію надлежащихъ пріемовъ морскаго счисленія, греки составили себѣ ошибочное понятіе объ общемъ очертаніи Понта: протяженіе его отъ запада къ востоку преувеличивалось относительно къ протяженію отъ сѣвера къ югу. Понтъ Эвксинскій классики обыкновенно сравнивали съ натянутымъ скиѳскимъ лукомъ, малоазіатскій берегъ отъ Босфора Ѳракійскаго до Діоскуріи (на абхазскомъ берегу) изображалъ тетиву. Протяженіе отъ запада къ востоку такъ преувеличивалось, что Мидія почиталась лежащею на меридіанахъ Понта [1]. До самаго времени плаванія Неарха по Индійскому морю, восточная оконечность Понта Эвксинскаго составляла крайній предѣлъ плаванія къ сторонѣ востока. Такимъ образомъ, согласно основнымъ условіямъ своего воображаемаго положенія, солнечная страна Эя, Колхида, Китея, перенеслась на восточную оконечность Понта. Много обстоятельствъ способствовали тому, что оттуда не трогалась она въ продолженіи длиннаго ряда вѣковъ. Можно сказать, что до похода Помпея Великаго, греки и римляне знали одинъ лишь берегъ Закавказья, внутренность края оставалась для нихъ совершенно неизвѣстною: оттуда до нихъ доходило лишь нѣсколько собственныхъ именъ, не только ничего не объяснявшихъ, но, напротивъ, подававшихъ поводъ къ многимъ превратнымъ заключеніямъ. Въ этой отдаленной сторонѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, дѣйствительность оставляла неприкосновенными сказочныя убѣжденія, которыя пустили въ ней глубокіе

1) *Polybius*, IV, 39, 40.

корни. Разочарованіе наступило не ранѣе, какъ въ вѣка, послѣдовавшіе за Р. Х., когда, вглядѣвшись повнимательнѣе въ обитателей юго-восточнаго берега Чернаго моря, римляне открыли, что тамъ живутъ не колхи, а лазы, и что, притомъ, эти лазы, по крайней дикости своей, вовсе не соотвѣтствуютъ высокому понятію, которое весь классическій міръ имѣлъ о колхахъ. Позже, въ византійскую эпоху, названіе Лазики смѣнило названіе Колхиды, но послѣднее осталось классическимъ для страны даже до нашего времени. Впрочемъ, какъ ни страннымъ это должно казаться, но во всѣ времена древніе имѣли весьма сбивчивое понятіе о томъ, какую собственно часть восточнаго берега Чернаго моря почитать принадлежащею къ Колхидѣ. Нѣкоторые, какъ напр. Ксенофонтъ [1]), считали, что Трапезосъ (Требизонтъ) и даже Керазосъ (Керасундъ) находятся въ Колхидѣ, что особенно замѣчательно, такъ какъ Ксенофонтъ лично посѣтилъ эти мѣста. Въ другую сторону Колхида уходитъ далеко въ нынѣшнюю Абхазію, потому что Діоскурія (по близости Сухума) и даже Питіусъ (Пицунда) причислялись къ Колхидѣ [2]). Думали нѣкоторые, что Діоскурія прежде называлась Эя и была столицею царя Эетеса; откуда видно, что Абхазія столько же можетъ почитаться театромъ подвиговъ Аргонавтовъ, сколько и Мингрелія. Вообще надобно сказать, что искони блуждающая географія Колхиды и въ юго-восточномъ углу Чернаго моря продолжаетъ блуждать по прежнему.

По всей вѣроятности, то обстоятельство, что черноморскій берегъ Закавказья въ продолженіи многихъ вѣковъ составлялъ для грековъ крайній предѣлъ плаванія къ сторонѣ востока,— было главною причиною, почему берегъ этотъ удостоился чести называться Колхидою. Но сверхъ того, можно полагать, что греки нашли въ Закавказьѣ и нѣкоторыя другія примѣты, которыя способствовали ихъ убѣжденію, что они видятъ передъ собою ска-

1) *Anabasis*, IV, 8; V, 3.
2) *Uckert*: Skythien, 505.

зочную Колхиду. Созвучіе или тождественность названій теперь еще не рѣдко вводитъ въ величайшія заблужденія изслѣдователей древности. Въ такого рода заблужденія греки впадали при каждомъ случаѣ: сходство названій казалось имъ неопровержимымъ доказательствомъ, изъ котораго выводили они длинный рядъ заключеній. Чтобы сколько нибудь объяснить этотъ весьма темный вопросъ о Закавказской Колхидѣ, необходимо обратить вниманіе на мѣстныя названія, которыя могли возбуждать въ грекахъ воспоминанія объ Аргонавтахъ. При этомъ, конечно, особенно важно было бы разобрать, дѣйствительно ли имена эти были туземныя, или занесенныя нѣкогда самими греками, лишь въ послѣдствіи времени представились имъ въ видѣ туземныхъ. Въ этомъ отношеніи мы можемъ ограничиться одними лишь намеками, оставляя большую часть вопросовъ безъ разрѣшенія. Мы начнемъ съ тѣхъ именъ, которыя встрѣчаются въ древнѣйшихъ сказаніяхъ объ Аргонавтахъ.

Эя, Αἶα, значитъ просто *земля* по гречески; употребленіе этого слова въ частномъ значеніи весьма понятно въ разсказахъ объ Аргонавтахъ, которые пустились въ открытое море, чтобы за моремъ искать *землю*, подобно тому какъ Колумбъ пустился въ дальній путь, чтобы отыскать заатлантическую *землю*. Впослѣдствіи это нарицательное имя превратилось въ собственное; всего чаще является оно въ видѣ названія города, будто бы существующаго въ Колхидѣ [1]) и основаннаго Сезострисомъ [2]); или называютъ этимъ именемъ островъ на Фазисѣ, гдѣ будто бы находилась столица Колхиды. Разногласіе показаній ясно доказываетъ, что никогда города съ таковымъ именемъ не существовало, и что греки также безуспѣшно отыскивали его въ своей Колхидѣ, какъ въ новѣйшее время отыскивалъ Эю въ Мингреліи Дюбуа де Мон-

1) *Геродотъ*, VII, 197.
2) *Apoll. Rhod.*, IV, 277 Schol.

перё [1]). Страбонъ, стараясь доказать дѣйствительность похода Аргонавтовъ, въ чемъ многіе сомнѣвались уже въ его время, приводитъ въ видѣ доказательства, что на Фазисѣ показываютъ еще городъ Эю [2]), но, потомъ, въ XI книгѣ своего сочиненія, описывая подробно Колхиду, ни слова не говоритъ объ Эѣ, между тѣмъ какъ таковой пресловутый городъ безъ сомнѣнія обратилъ бы на себя его вниманіе, если бы онъ зналъ только, гдѣ отыскать его. Плиній [3]) говоритъ, что Эя находится въ 15000 шагахъ отъ моря, на Фазисѣ, тамъ, гдѣ впадаютъ въ него рѣки Гиппусъ и Ціанусъ; Птоломей [4]), что Эя, Эаполисъ, стоитъ на берегу моря; наконецъ, Стефанъ Византійскій [5]) приводитъ мнѣніе, что Эя есть древнѣйшее названіе Діоскуріи. Изъ всего этого можно лишь заключить, что Эѣ нигдѣ не удалось изъ заоблачной области мечтаній спуститься на землю, ни даже въ Закавказьѣ, столь гостепріимномъ для всѣхъ греческихъ мечтаній. Эя есть самородное, ни откуда не заимствованное созданіе греческой фантазіи.

Имя царя *Эетеса*, по всей вѣроятности, происходитъ отъ имени страны Эи и, слѣдовательно, точно столь же мало означаетъ, что либо дѣйствительно существовавшее. Быть можетъ, слово это одинакого происхожденія съ греч. atta, отецъ, at-avus [6]). Ксенофонтъ, находясь въ Котіорѣ (на южномъ берегу Чернаго моря, къ западу отъ Керасунда), слышалъ, что въ странѣ, прилежащей къ Фазису, царствуетъ потомокъ Эетеса [7]). Страбонъ въ доказательство дѣйствительнаго существованія Эетеса приводитъ, что имя это весьма употребительно въ Колхидѣ. Незнаемъ, какое имя подслушалъ Страбонъ въ Колхидѣ, но трудно согласиться,

1) Voyage autour du Caucase, III, 53, 54.
2) I, 42.
3) Historia naturalis, VI, 4.
4) Geogr., V, 10.
5) *Steph. Byz.* v. Dioscurias.
6) *Vater*: Triton und Euphemos, 198.
7) Anabasis, V, 32.

чтобы имя это было *Отія*, какъ то думаютъ многіе грузины, или Я-швили [1]). Послѣднее имя мы скорѣе готовы произвести отъ Асkеназа, Аза, Язона.

Имя сестры Эетеса, чародѣйки *Кирке* (Цирцеи), преимущественно отозвалось въ Италіи, по берегу моря Тирренскаго, омывающаго западный берегъ полуострова. Одиссей пристаетъ къ мысу Киркейскому (мысъ Чирчео на границѣ между Папской областію и Неаполемъ), тамъ онъ живетъ долгое время у Кирке и приживаетъ съ нею сыновей, родоначальниковъ итальянскихъ народовъ [2]). Какими бы судьбами Кирке ни занесена была въ Италію, но, во всякомъ случаѣ, по мнѣнію грековъ, родомъ была она изъ Колхиды, слѣдовательно, первоначально жила на Кавказскомъ перешейкѣ, гдѣ, впрочемъ, весьма трудно отыскать слѣды ея имени. Положеніе равнины Кирке, о которой говорятъ схоліасты [3]), также трудно опредѣлить въ Закавказьѣ, какъ и положеніе небывалаго города Эи. Существуетъ ли какое либо отношеніе между именемъ Кирке и керкетами,—названіемъ, даннымъ греками народу, жившему на восточномъ берегу Чернаго моря и дошедшему до насъ черезъ длинный рядъ вѣковъ въ видѣ черкесовъ, но во всѣ времена чуждымъ самимъ Кавказскимъ туземцамъ? Отбрасывая отъ этническаго названія обычное окончаніе, мы получаемъ *Керкъ*, почти тождественное съ *Кирке*. Наконецъ, имя дщери солнца Кирке,—названіе народа, жившаго на солнечномъ берегу, Керкъ,—находятся ли въ связи съ древнимъ названіемъ оботворенного солнца, *Коръ, Киръ*, названіемъ, которое Риттеръ прослѣдилъ отъ Цейлона до Атлантики [4])? Таковые вопросы нѣкогда, быть можетъ, будутъ разрѣшены окончательно: теперь они только могутъ быть предложены.

1) *Brosset*: Addit. et éclaircissements à l'histoire de la Géorgie. p. 104.
2) Theogon., 1011.
3) *Apoll. Rhod.*, III, 200 Schol.; Eust. ad Dionys., 693.
4) Vorhalle europ. Völkergeschichten.

За то нѣтъ никакого сомнѣнія, что названіе *Фазисъ* или лучше сказать, Фазъ, Фашъ, Пассъ, было туземнымъ на Кавказѣ. Весьма вѣроятно, что Гезіодъ, говоря о Фазисѣ, не имѣлъ въ виду никакой опредѣленной рѣки, что одно лишь таковое имя дошло до него или, что еще вѣроятнѣе, сохранилось въ памяти грековъ отъ невѣдомыхъ временъ, утративъ прямое значеніе свое и принявъ символическое. Оставляя въ сторонѣ миѳическую родословную Фазиса, который будто нѣкогда назывался Арктуромъ и перемѣнилъ названіе свое послѣ того, какъ Фазисъ, сынъ Геліоса и Окироэ, бросился въ его волны,—замѣтимъ, что Фазисъ, во всѣ времена, служилъ у поэтовъ древности для означенія восточнаго конца земли, точно такъ, какъ Геркулесовы столбы западнаго, а Нилъ южнаго [1]. Въ томъ же смыслѣ употреблялось иногда и названіе Танаиса. Таковыя выраженія по привычкѣ сохранились въ классической литературѣ даже и тогда, когда греки и римляне не по одной лишь наслышкѣ успѣли ознакомиться съ Фазисомъ и Танаисомъ. Чтобы не прибѣгать къ крайне невѣроятнымъ предположеніямъ о случайномъ тождествѣ имени фантастическаго Фазиса съ дѣйствительно существующимъ, мы должны допустить, что греки слыхали названіе Фазисъ задолго прежде, чѣмъ увидѣли рѣку этого имени и что эту *тѣнь имени* рѣки облекли они миѳической и символической одеждой. Какъ мы выше сказали, Гезіодъ говоритъ о Фазисѣ, но въ его время греки, по всей вѣроятности, еще не посѣщали восточнаго берега Чернаго моря. Зная заранѣе, что Фазисъ течетъ на восточномъ краю свѣта, достигнувъ углубленія Понта, далѣе котораго нельзя уже было плыть къ востоку и, наконецъ, узнавъ, что рѣка, орошающая вновь открытую страну, называется Фазисомъ,—греки не могли уже долѣе сомнѣваться, что они дѣйствительно достигли солнечной страны, гдѣ находятся чертоги и мѣсто пля-

1) *Uckert*: Skythien, 29; *Vater*: Argonautenzug, I, 20.

сокъ Еоса (зари), откуда исходитъ Геліосъ (солнце). Трудно объяснить происхожденіе названія Фазисъ, тѣмъ болѣе, что названіе это объясняется съ равною степенью правдоподобія посредствомъ симитскихъ, арійскихъ и даже финскихъ языковъ [1]); во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что названіе это есть туземное на Кавказскомъ перешейкѣ, или, по крайней мѣрѣ, занесено туда въ незапамятныя времена, и не греками. Слѣды этого названія теперь еще преимущественно сохранились въ тѣхъ мѣстахъ перешейка, которыя были мало доступны или даже вовсе недоступны для грековъ. Ксенофонтъ называетъ верхнюю часть теченія Аракса, которую зналъ онъ, какъ очевидецъ, Фазисомъ и окрестныхъ жителей фазіанами [2]). Въ томъ, что тутъ не произошло смѣшенія названій, свидѣтельствуетъ туземное названіе Пасcіанъ, Пассинъ, страны, прилежащей къ верхнему теченію Аракса: нынѣшній Пассинскій санджакъ. Мы видимъ слѣды Фазиса и въ названіи рѣки, на которую, вслѣдъ за тѣмъ, вышелъ Ксенофонтъ: Арпазосъ, нынѣ столь извѣстный Арпачай, древнее названіе котораго составлено изъ *ар*=верхній и Пазъ, Фазъ, такъ какъ *ф* замѣняется буквой *п* у армянъ. Итакъ Арпазосъ, Арпачай, значитъ верхній Фазисъ. Далѣе Ксенофонтъ, достигнувъ моря у Трапезоса (Требизонда), вновь говоритъ о Фазисѣ и предполагаетъ моремъ достигнуть страны, которую онъ орошаетъ. Весьма вѣроятно, что здѣсь дѣло идетъ о Чорохѣ, какъ о великой рѣкѣ, которая скорѣе могла быть извѣстна въ Трапезосѣ, чѣмъ далекій Ріонъ. Инджиджіанъ доказываетъ, что вездѣ, гдѣ только древніе говорятъ о Фазисѣ, дѣло идетъ о Чорохѣ, а не о Ріонѣ, но съ доказательствами его трудно согласиться. Такъ напр. Страбонъ [3]) говоритъ, что городъ Фазъ омывается рѣкою, съ нимъ одноименною, озеромъ и моремъ: это есть вѣрное опи-

1) Nouv. ann. des voyages, 1846, Oct., 57.
2) Anabasis, IV, 30.
3) XI, 498.

саніе положенія нынѣшняго Поти, старой турецкой крѣпости Фаша; Сарапана, нынѣшняя Шаропань, по словамъ Страбона, находится на Фазисѣ: хотя пунктъ этотъ находится не на Ріонѣ, но въ бассейнѣ его. Во всякомъ случаѣ, видно, что Страбонъ называетъ Фазисомъ Ріонъ, а не Чорохъ. Но мы должны согласиться съ Инджиджіаномъ въ томъ, что Чорохъ также нѣкогда носилъ названіе Фазиса на нѣкоторомъ протяженіи теченія своего. У классиковъ Чорохъ называется Акампсисъ (непреклонный), но у Прокопія находимъ мы сказаніе, что рѣка эта въ верховьяхъ называется Боасъ, потомъ Фазисъ и, наконецъ, Акампсисъ [1]). О томъ, что, независимо отъ греческихъ сказаній, названіе Фазиса не было чуждо нынѣшнему Ріону, свидѣтельствуютъ сходныя названія, сохранившіяся до нынѣ въ верхней, весьма мало доступной, части бассейна рѣки. Гора, изъ которой выходитъ ручей Геби, образующій, соединеніемъ своимъ съ Глолой, Ріонъ, теперь еще называется Паси-мта; прилежащая къ этой горѣ страна къ сѣверу называется Бассіанъ или Фассіанъ; у окрестныхъ къ источникамъ Ріона жителей рѣка эта извѣстна подъ именемъ Фашъ. Такимъ образомъ, если названіе Фазиса дѣйствительно служило для грековъ примѣтой, по которой надѣялись они отыскать солнечную страну, то за таковую страну могли они счесть Кавказскій перешеекъ. Недоумѣніе могло возникнуть развѣ изъ многочисленности туземныхъ Фазисовъ.

Страбонъ доказываетъ справедливость преданія объ Аргонавтахъ множествомъ храмовъ, воздвигнутыхъ въ честь Язона,—такъ называемыхъ Язоній,—и множествомъ мѣстъ, носящихъ его имя. Эти слѣды имени Язона на Кавказскомъ перешейкѣ доходятъ до Каспійскаго моря [2]); къ сторонѣ юга углубляются они далеко въ Мидію. Это обиліе туземныхъ именъ, звуками своими напоминавшихъ о походѣ Аргонавтовъ, такъ сильно поразило воображеніе грековъ, что этому походу приписали они величайшіе перевороты,

1) *Stritteri*: Memoriae Populorum, IV, 45,54; *Bross et*: Add. et éclairc., 94.
2) XI, 503.

будто бы нѣкогда случившіеся на востокѣ. Но эти мнимые перевороты трудно было согласить съ описаніемъ приключеній Аргонавтовъ, которые, успѣвъ какъ тати захватить золотое руно, заботятся лишь о томъ, какъ бы ускользнуть отъ преслѣдованій колховъ, при чемъ, конечно, не имѣютъ ни средствъ, ни времени, ни охоты, строить города и покорять народы. Чтобы объяснить себѣ всѣ эти противурѣчія, греки придумали, что уже послѣ возвращенія своего въ Іолкосъ, Язонъ предпринялъ вторичный походъ въ Колхиду, съ огромнымъ ополченіемъ, въ сопровожденіи супруги своей Медеи и сына ея Медоса. Въ этомъ походѣ завоевалъ онъ весь востокъ и царствовалъ надъ нимъ, подобно тому, какъ прежде его царствовали тамъ Геркулесъ и Діонизосъ (Бахусъ). Этимъ объяснялось для грековъ, почему на востокѣ воздавались Язону божескія почести и строились ему храмы, которые, потомъ, Парменіонъ, полководецъ Александра Македонскаго, приказалъ вездѣ разрушить, дабы не было на востокѣ имени, славнѣе имени Александрова [1]). Величайшіе писатели классической древности принимали этотъ фантастическій походъ за несомнѣнное историческое событіе, и даже чѣмъ болѣе знакомились съ востокомъ, тѣмъ болѣе убѣждались въ дѣйствительности завоеваній Язона и Медоса на востокѣ. Геродотъ говоритъ [2]), что мидяне назывались прежде арійцами, но приняли настоящее названіе свое послѣ того, какъ Медея Колхидская прибыла въ страну ихъ. Страбонъ говоритъ [3]), что Язонъ, въ сопровожденіи ѳессалійца Арменоса, проникъ до Каспійскаго моря, откуда, потомъ, обошелъ Иверію (Грузію), Албанію (Дагестанъ) и большую часть Арменіи и Мидіи. Арменія назвалась именемъ спутника Язонова. Описывая Арменію и Мидію, Страбонъ говоритъ, что воспоминанія объ Язонѣ и Медеѣ живы еще между туземцами и что вар-

1) *Vater*: Argonautenzug, I, 39.
2) VII, 62.
3) XI, 503.

вары питаютъ величайшее уваженіе къ историческимъ памятникамъ, называемымъ Язонеями [1]). Изъ всего этого Страбонъ выводитъ заключеніе [2]), что мидяне и армяне нѣсколько сродни ѳессалійцамъ, потомкамъ Язона и Медеи. Самъ даже Тацитъ разсказываетъ [3]) объ иберахъ и албанцахъ, что они выдаютъ себя за потомковъ ѳессалійцевъ, съ которыми Язонъ возвратился въ Колхиду: имя Язона священно въ этихъ странахъ, равно какъ и оракулъ Фриксосъ.

Конечно, въ настоящее время, намъ не могутъ не казаться чрезвычайно странными таковыя понятія классиковъ о древнѣйшей исторіи востока. По всему видно, что признаки единства индо-европейской расы не могли совершенно ускользнуть отъ ихъ вниманія, но таковаго единства они не въ состояніи были признать. Имъ даже на мысль не приходило, что варвары, скиѳы, суть братья ихъ, наравнѣ съ ними наслѣдовавшіе общее отцовское достояніе. Имъ никогда не представлялась весьма простая догадка, что, сверхъ двухъ возможныхъ переселеній изъ *a* въ *b* или изъ *b* въ *a*, возможно еще переселеніе изъ *c* прямо въ *a* и *b* [4]). Все, что находили они на чужой сторонѣ, напоминавшее имъ родину, почитали они заимствованнымъ у нихъ варварами, потому что не допускали мысли, что сами заимствовали что либо, а предположеніе объ общемъ источникѣ взаимно независимыхъ заимствованій никогда не представлялось уму ихъ. Этотъ односторонній взглядъ вовлекъ ихъ въ величайшія заблужденія относительно исторіи востока. Едва ли даже въ правѣ мы строго осуждать ихъ за это: теперь еще многіе, на основаніи сходства названій или языковъ, вѣрятъ въ заселеніе Европы изъ Азіи черезъ Кавказскій перешеекъ [5]),—предположеніе точно столько же правдо-

1) XI, 526.
2) XI, 531.
3) Ann., VI, 34.
4) *Ersch und Gruber*: Encyclopaedie: Indogerm. Sprachst., p. 17.
5) *Haxthausen*: Transkaukasia, I, 289.

подобное, какъ и предположеніе грековъ о заселеніи Закавказья ѳессалійцами!

Какъ кажется, можно себѣ объяснить, что такое были Язонеи, найденныя греками въ большомъ числѣ, какъ на всемъ протяженіи Кавказскаго перешейка, такъ и къ сторонѣ запада въ Италіи, по берегамъ Тирренскаго моря. Выше мы говорили о распространеніи съ незапамятныхъ временъ по всему материку Европы названія Аскеназа, азовъ. Эти азы представлялись не только героями, людьми высокаго происхожденія, но и богами, въ особенности же въ понятіяхъ древнѣйшихъ обитателей Италіи. Мы выше также изложили, что это имя не только оставило по себѣ глубокіе, до нашего времени неизгладимые слѣды на Кавказскомъ перешейкѣ, но что тамъ даже была страна, носившая названіе Азіи и по всей вѣроятности косвеннымъ путемъ передавшая названіе свое цѣлой части свѣта. Такимъ образомъ, звукъ *азъ* или *язъ* греки безпрестанно слышали на перешейкѣ. Грузинское дворянское сословіе ведетъ свое происхожденіе отъ спутниковъ Азона, который, правда, выдается за полководца Александра Македонскаго, но это не болѣе, какъ невѣжественная передѣлка стариннаго преданія. Мы не знаемъ, были ли воздаваемы азамъ божескія почести на Кавказѣ, но весьма вѣроятно, что съ множествомъ памятниковъ или предметовъ мѣстности связаны были преданія о герояхъ-прародителяхъ азахъ.

Все это, вѣроятно, греки отнесли къ своему сказочному Язону, и во всемъ этомъ нашли они неопровержимыя доказательства пребыванія Язона въ Закавказьѣ. Мы даже думаемъ, что тутъ не было случайнаго созвучія, вслѣдствіе котораго нерѣдко сближаются ошибочно названія совершенно различнаго происхожденія; случайнымъ въ имени Язона видимъ мы греческое толкованіе его «врачующій, благотворный»; настоящее происхожденіе имени этого не должно ли искать въ имени азовъ, сохранившемся въ памяти грековъ, но утратившемъ прямое значеніе свое и

принявшемъ символическое? Въ то время, когда разсказы объ Аргонавтахъ уже сдѣлались общенароднымъ достояніемъ грековъ, греки не знали еще положительно о существованіи мидянъ. Быть можетъ и имя Медеи изображаетъ собою первоначальный смутный отголосокъ имени мидянъ, дошедшій до грековъ или сохранившійся въ ихъ памяти отъ невѣдомыхъ отдаленныхъ временъ. Такъ, испанскій король извѣстенъ нашимъ сказочникамъ, но это не даетъ имъ никакого понятія объ Испаніи.

Юпитеръ, превратясь въ лебедя, посѣтилъ прекрасную Леду, супругу царя Тиндара; вслѣдствіе этого посѣщенія царица родила яйцо, изъ котораго вышли близнецы, Діоскуры, Касторъ и Поллуксъ: это были благодѣтельные геніи, которые призываемы были на помощь въ минуты смертной опасности, въ бою, преимущественно же во время бури на морѣ. Въ бѣлыхъ ризахъ, на бѣлыхъ коняхъ или золотой колесницѣ, близнецы разсѣкали воздухъ, являлись посреди ужасовъ боя или бури, вырывали побѣду у враговъ, укрощали вѣтеръ и волненіе. Діоскуры вообще представляютъ собою олицетвореніе впечатлѣнія, производимаго на людей первыми лучами разсвѣта, прорѣзывающими мракъ ночи; они разгоняютъ тму и бѣду; когда море и небо помрачены бурею, то первый свѣтъ, проницающій сквозь тучи, суть Діоскуры. Пловцамъ возвѣщаютъ они конецъ бури, близкое спасеніе [1]). Діоскуры были по преимуществу геніями-покровителями мореплавателей. Само собою разумѣется, что разсказы о знаменитѣйшихъ изъ всѣхъ мореплавателей, объ Аргонавтахъ, не могли обойтись безъ Діоскуровъ. Но въ этомъ походѣ Діоскуры помогали не свыше: они сами были въ числѣ Аргонавтовъ и, какъ простые смертные, дѣлили ихъ труды и опасности. Діоскуры, по понятіямъ грековъ, не могли не оставить по себѣ воспоминаній во всѣхъ тѣхъ странахъ, которыя посѣщены были Аргонавтами, и наоборотъ, всякій слѣдъ почитанія Діоскуровъ варварскими народами

1) *Duncker*: Geschichte des Alterthums, III, 36.

служилъ для грековъ доказательствомъ, что народы эти нѣкогда были въ соприкосновеніи съ Аргонавтами. Такъ Діодоръ Сицилійскій говоритъ [1]), что мнѣніе о плаваніи Аргонавтовъ по Океану и, потомъ, черезъ Гадесскій (Гибралтарскій) проливъ основано преимущественно на томъ, что кельты, живущіе по берегамъ Океана, питаютъ особое благоговѣніе къ Діоскурамъ. Геродотъ [2]) говоритъ, что всѣ имена боговъ заимствованы греками у египтянъ, за исключеніемъ немногихъ, въ числѣ которыхъ находятся Діоскуры. Названіе ихъ, конечно, есть чисто греческое, но понятіе о нихъ, безъ сомнѣнія, заимствовано изъ другихъ древнѣйшихъ религій отдаленнаго востока. Въ индійской миѳологіи находимъ мы прекрасныхъ юношей-близнецовъ, Асвиновъ, которые въ видѣ первыхъ лучей денницы разгоняютъ ночную темноту, которые носятся въ колесницѣ по воздуху, которые являются для спасенія мореходцевъ отъ кораблекрушенія [3]). Но индусамъ могло быть извѣстно только плаваніе по морю Эритрейскому, гдѣ колыбель исторіи всемірнаго плаванія, гдѣ въ недосягаемо-отдаленную эпоху производилось уже дѣятельное торговое сообщеніе моремъ между Еѳіопіей и Индіей [4]). Это море сдѣлалось театромъ плаванія многими вѣками ранѣе Средиземнаго; на послѣднемъ самыми древними плавателями являются финикіяне, но и финикіяне, согласно преданію, перешли на берега Средиземнаго моря съ береговъ Эритрейскаго [5]). Все это не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что греческіе Діоскуры прямо и безъ измѣненія происходятъ отъ Эритрейскихъ Асвиновъ. Служеніе близнецамъ-покровителямъ мореходцевъ могло быть распространено финикіянами по всей морской периферіи Европы и даже по восточному бере-

1) IV, 56.

2) II, 50.

3) Rigveda, I, 116.

4) *Heeren*: Politique et commerce des peuples de l'antiquité. V Sect., II Chap. III.

5) *Геродотъ*, VII, 89.

гу Чернаго моря, прежде еще, чѣмъ греки осмѣливались пускаться въ море, прежде еще даже, быть можетъ, чѣмъ начались толки объ Аргонавтахъ. Поэтому, весьма естественнымъ образомъ греки впослѣдствіи времени нашли служеніе Діоскурамъ распространеннымъ на самыхъ отдаленныхъ берегахъ и, вѣрные своей точкѣ зрѣнія, приписали таковое распространеніе странствованіямъ Аргонавтовъ. Преданіе о Діоскурахъ обозначилось на восточномъ берегу Чернаго моря мѣстными названіями, которыя въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ сохранились даже до нашего времени. Существовала греческая колонія, производившая величайшіе торговые обороты на Кавказскомъ перешейкѣ. Эта колонія называлась Діоскуріей. Греческое поселеніе основано было милезійцами, но вмѣстѣ съ тѣмъ существовало обще-распространенное мнѣніе [1]), что уже задолго до прибытія милезійцевъ на мѣстѣ этомъ находилось туземное поселеніе, основаніе котораго приписывалось одними самимъ Діоскурамъ, другими же *возничимъ* колесницы Діоскуровъ, унесеннымъ бурею врозь отъ Аргонавтовъ. Уже во времена Плинія [2]) отъ города оставались одни лишь развалины. Теперь трудно опредѣлить съ точностію настоящее мѣсто положенія этого нѣкогда столь знаменитаго города, но все заставляетъ думать, что онъ находился не въ дальнемъ разстояніи отъ нынѣшняго Сухума. По близости Сухума есть мысъ, который туземцами называется Исгауръ, Искурія, Скурчія; на мысу развалины, поросшія уже густымъ лѣсомъ. Все заставляетъ думать, что тамъ находилась древняя Діоскурія, но нельзя быть увѣреннымъ, что настоящее названіе мыса не есть издревле-туземное, что оно не болѣе, какъ отголосокъ греческой Діоскуріи. Быть можетъ, на основаніи этого созвучія туземнаго названія съ именемъ Діоскуровъ, милезійцы приписали поселенію столь знаменитую давность. Но Діоскуры,

1) *Raoul-Rochette*: Hist. des colonies grecques, II, 209; III, 395.
2) VI, 5.

во время плаванія Язона къ берегамъ Колхиды, назывались еще Тиндаридами, по имени земнаго мнимаго отца своего, царя Тиндара. Главкъ, морской богъ, вплавь сопровождавшій нѣсколько времени Арго, предсказалъ Тиндаридамъ, что они нѣкогда прозваны будутъ Діоскурами (сыновьями Зевса) и что имъ будутъ воздаваемы божескія почести. Страна, гдѣ находился городъ Діоскурія, называется классиками землею Тиндаридовъ или Геніоховъ. Вблизи мыса Исгаура, Искуріи, въ недавнія времена еще существовалъ городъ Дандара, названіе котораго въ измѣненномъ видѣ сохранилось въ названіи Драндскаго поста. Соединенныя греческія названія Діоскуровъ и Тиндара соотвѣтствуютъ соединеннымъ туземнымъ Искуріи и Дандара. Сутъ ли послѣднія дѣйствительно туземныя или занесены туда милезійцами, — это, конечно, можно рѣшить только при помощи туземныхъ языковъ. Мы еще разъ напомнимъ о существовавшемъ у грековъ преданіи, что милезійцы, прибывъ впервые на восточный берегъ Чернаго моря, нашли уже тамъ древнѣйшее поселеніе Діоскуровъ-Тиндаридовъ. Туземцевъ, жившихъ въ окрестностяхъ Діоскуріи, греки называютъ геніохами, что значитъ *возничіе* по-гречески. Съ этимъ названіемъ связано греческое повѣрье, будто бы *геніохи*, возничіе колесницы Діоскуровъ, основались на восточномъ берегу Понта и были родоначальниками тамошнихъ обитателей. Этническое названіе геніоховъ представляетъ ли собою простой выводъ грековъ изъ повѣрій о Діоскурахъ-Тиндаридахъ, не основанный ни на какихъ мѣстныхъ данныхъ? Но весьма близкое къ геніохамъ этническое названіе *ганноаче* дѣйствительно существуетъ на Кавказѣ, даже въ наше время. Такъ адыге (черкесы) называютъ лезгинъ. Происхожденіе этого названія до сихъ поръ не объяснено; оно совершенно неизвѣстно самимъ лезгинамъ, также какъ названіе чеченцевъ неизвѣстно племени Нахче, грузинъ—картуламъ, армянъ—гайканамъ, осетинъ—иронамъ. Если даже существуетъ связь между греческимъ этническимъ названіемъ геніоховъ и ту-

земнымъ кавказскимъ ганноаче, то, конечно, изъ него не позволительно вывести заключенія, что лезгины нѣкогда обитали на восточномъ берегу Чернаго моря, потому что необъясненное названіе ганноаче можетъ изображать относительныя свойства страны, занимаемой какимъ либо народомъ, какой бы, впрочемъ, народъ ни занималъ эту страну. Зная легкомысліе грековъ въ дѣлѣ этнологіи, конечно, можно допустить, что кавказскихъ ганноаче они превратили въ геніоховъ и приписали имъ миѳическое происхожденіе, но привести этотъ вопросъ въ окончательную ясность можно только при помощи изученія кавказскихъ языковъ.

Мы выше сказали, что, по мнѣнію грековъ, названіе Питія на ѳракійскомъ языкѣ означало *золотое руно*, и городъ этого имени находился въ Геллеспонтѣ. Впрочемъ, значеніе этого названія весьма просто объясняется помощію греческаго языка, производя его отъ слова pitus=сосна: *питіусъ* значитъ мѣсто, поросшее сосною. Какъ бы то ни было, но весьма замѣчательно, что таковое названіе составляетъ также принадлежность географіи Аргонавтовъ. Питія встрѣчается на азіятскомъ берегу противъ выхода изъ Геллеспонта въ Пропонтиду [1]), Питіей назывался нѣкогда городъ Ламсакъ на Геллеспонтѣ, это же названіе встрѣчается въ окрестностяхъ Требизонта и, наконецъ, въ углу Адріатическаго моря. Со всѣми этими мѣстностями греки связывали преданія объ Аргонавтахъ: это имя постоянно представлялось имъ въ видѣ слѣда, оставленнаго пресловутыми странствователями. Таковое имя встрѣчаемъ мы и на восточномъ берегу Чернаго моря. Классики [2]) говорятъ о значительномъ городѣ Питіусѣ, находившемся въ Колхидѣ, принимая для Колхиды обширное протяженіе къ сѣверу даже отъ Діоскуріи. Этотъ городъ, какъ военный пунктъ, играетъ роль въ послѣдующіе вѣка во время войнъ между византійцами и персами. Прокопій не разъ упоминаетъ о немъ,

1) *Strabo*: XIII, 588.
2) *Strabo*: XI, 496, 497; *Plinius*, VI, 5.

называя его Pitiuntis castellum [1]); позже, на мѣстѣ древняго города съ миѳическимъ названіемъ, воздвигнутъ былъ христіанскій храмъ, который теперь еще, полуразрушенный, сохраняетъ характеръ дивнаго величія [2]). Питіусъ классиковъ, Питіунтисъ византійцевъ, превратился у насъ въ Пицунду. Туземцы называютъ это урочище Бидшвинта; не зная промежуточныхъ названій, трудно отгадать тождество Бидшвинты съ Питіусомъ. Греческое названіе могло быть дано мѣсту, потому что даже до нашего времени въ окрестности находится большой сосновый лѣсъ. Чтобы объяснить отношеніе этого названія къ разсказамъ объ Аргонавтахъ, должно допустить толкованіе его посредствомъ неизвѣстнаго намъ ѳракійскаго языка.

Кита, Китея имѣютъ у описателей похода Аргонавтовъ разнообразное значеніе, относясь то къ странѣ, то къ городу, то, наконецъ, обозначая особый характеръ цивилизаціи: такъ волшебство Медеи и его принадлежности называются китейскими, сама она Китеидою. Мюллеръ полагаетъ, что названіе это происходитъ отъ греческаго to kutos, „кожа", напоминающаго собою цѣль путешествія Аргонавтовъ. Скорѣе можно думать, что названіе это совершенно чуждо греческому языку и что случайное сходство его съ греческимъ словомъ подало поводъ привязать его къ разсказамъ объ Аргонавтахъ. Фатеръ [3]) думаетъ, что названіе это вообще означало *востокъ* и что даже существуетъ древняя этимологическая связь между нимъ и русскимъ названіемъ Поднебесной имперіи. Послѣднее рѣшительно несправедливо, потому что названіе Китая гораздо съ большимъ основаніемъ можно произвести отъ монголо-тунгузскаго племени кидань или китатъ, составившаго въ нагорной восточной Азіи могущественное государство, которое западными писателями было постоянно смѣшиваемо и

1) *Stritter*: Memor. popul., IV, 45, 56. 170.
2) *Dubois de Montpéreux*: Voy. autour du Caucase, I, 223.
3) Argonautenzug, I, 22.

принимаемо за одно съ Китайскимъ государствомъ и впослѣдствіи чрезъ монголовъ дѣйствительно соединилось съ нимъ [1]). Кита, Китея было названіе весьма распространенное въ древнемъ мірѣ: мы находимъ его у входа въ Понтъ, далѣе въ Тавридѣ [2]), на островѣ Критѣ и т. д. Въ положительной географіи Закавказья, которая начинается только послѣ похода Помпея, мы находимъ названія Котаизинъ, Котіаіонъ, Кутатизіонъ для замка или города, построеннаго на Ріонѣ. Всѣ эти названія имѣютъ довольно отдаленное сходство съ Кита или Китея Аргонавтическихъ поэмъ, но по всей вѣроятности относятся къ нынѣшнему городу Кутаису. Г. Броссе полагаетъ, что древнее туземное названіе было дѣйствительно Китея [3]), почти тождественное съ нынѣшнимъ Кутаисомъ. Страбонъ въ своемъ описаніи Колхиды говоритъ о Шаропани, но ни слова о Кутаисѣ. Самое древнее упоминаніе объ этомъ замкѣ находимъ мы у Прокопія Византійскаго [4]), который ссылается на недошедшее до насъ сочиненіе Арріана (жившаго во II в. по Р. Х.). Тутъ говорится о замкѣ, называемомъ Котіэонъ греками и Кутатизіонъ лазами, которые, по незнанію *языка*, переиначили настоящее имя. Кѣмъ и когда построенъ замокъ Котіэонъ или Кутатизіонъ неизвѣстно, но трудно повѣрить, чтобы классики, писавшіе о городѣ Китеѣ въ Колхидѣ, имѣли въ виду именно этотъ замокъ, имѣвшій одно лишь военное значеніе. Закавказскую Китею классиковъ можно почитать столь же мало когда либо существовавшею, какъ и городъ Эю, о которомъ столь много писали и который дѣлался тѣмъ менѣе извѣстнымъ, чѣмъ страна дѣлалась извѣстнѣе. Нечего и доказывать несообразность мнѣнія, что слухъ о безвѣстной крѣпостцѣ, запиравшей выходъ изъ ущелій Ріона на равнину, дошедшій до Греціи,—предполагая

1) *Ritter*: Erdkunde, II, 86, русскій переводъ Семенова I, 182.
2) *Uckert*: Skythien, 513.
3) *Brosset*: Addit. et eclair., 99.
4) De bello goth., IV, 14.

даже, что Кутатизіонъ уже существовалъ въ эту глубоко-отдаленную эпоху,—подалъ поводъ къ разсказамъ о Медеѣ китейской и о волшебствѣ китейскомъ. Въ названіи Кутаиса и въ Китеѣ Аргонавтовъ мы не видимъ ничего болѣе, кромѣ случайнаго созвучія, если только не допустить, что греки или римляне сами основали уже этотъ замокъ гораздо въ позднѣйшія времена и дали ему классическое имя, подобно тому, какъ въ недавнее время еще давались классическія названія городамъ, воздвигаемымъ въ Новороссійскомъ краѣ.

Какъ мы сказали выше, разсказы объ Аргонавтахъ, по всей вѣроятности, распространились между греками еще въ ту отдаленную эпоху, когда греки знали жизнь на морѣ и заморскія страны лишь по наслышкѣ, добавляя воображеніемъ скудную основу. Названіе колховъ встрѣчается намъ въ первый разъ въ отрывкахъ поэмъ, относящихся къ VIII в. до Р. Х., но нѣтъ никакого повода думать, чтобы это имя уже прежде не было въ ходу у грековъ, чтобы появилось оно вслѣдствіе какого либо географическаго открытія. Нѣтъ сомнѣнія, что греки толковали о колхахъ, воспѣвали колховъ, прежде чѣмъ знали, гдѣ они находятся. Изъ всего можно также заключить, что колхи играли въ воображеніи грековъ роль, сходную съ киммеріанами Послѣдніе жили на крайнихъ предѣлахъ полуночи, въ странѣ, которой солнце никогда не озаряетъ и не согрѣваетъ. Колхи жили на крайнихъ предѣлахъ востока, въ странѣ по преимуществу солнечной, откуда, какъ бы изъ дому, каждое утро солнце отправляется въ путь. Темно и грустно въ землѣ киммерійской, свѣтло и радостно въ землѣ колховъ. И киммеріане и колхи занимали воображеніе грековъ, прежде чѣмъ послѣднимъ сдѣлались извѣстными сѣверный и восточный берега Понта Эвксинскаго, крайніе предѣлы земли въ то время къ сторонѣ сѣвера и востока. Дѣйствительность скоро заставила отодвинуть киммеріанъ въ безвѣстную даль, Геродотъ говоритъ о нихъ лишь по одному невѣрному преданію.

Но колхи, какъ казалось грекамъ, были дѣйствительно отысканы; быть можетъ, продолжительность заблужденія объясняется тѣмъ, что въ продолженіи длиннаго ряда вѣковъ послѣ основанія первыхъ колоній на восточномъ берегу, внутренность перешейка по прежнему оставалась неизвѣстною. Не ранѣе какъ около времени Р. Х., послѣ похода Помпея Великаго, греки начали замѣчать, что образованность и богатство туземцевъ вовсе не соотвѣтствуютъ древнимъ блестящимъ описаніямъ, которыя поэмы передавали о колхахъ. Но это разочарованіе объясняемо было постепеннымъ упадкомъ страны [1]). Въ послѣдующіе вѣка сношенія съ Закавказьемъ становились все чаще и чаще, и заблужденіе дѣлалось все менѣе и менѣе возможнымъ: дикіе лазы совершенно заслонили собою поэтическихъ колховъ. Естественнымъ образомъ возникаетъ вопросъ, остающійся до сихъ поръ неразрѣшеннымъ, не смотря на всѣ усилія учености. Нѣтъ никакого повода сомнѣваться въ томъ, что лазы, мингрельцы, грузины живутъ въ странахъ, гдѣ мы теперь ихъ находимъ, съ незапамятныхъ временъ,—во всякомъ случаѣ жили они уже тамъ, при первомъ ознакомленіи грековъ съ восточнымъ берегомъ Чернаго моря. Дѣйствительно ли греки называли колхами предковъ нынѣшняго народонаселенія или какой либо другой народъ, жившій тамъ же, хотя, быть можетъ, въ небольшомъ числѣ и впослѣдствіи времени исчезнувшій? Наконецъ, откуда произошло названіе колховъ? Конечно, колхи первоначально были для грековъ такимъ же фантастическимъ народомъ, какъ киммеріане и гипербореи. Но послѣдніе никогда и не были отысканы греками; Геродотъ пишетъ, что киммеріане исчезли, а что о гипербореяхъ ни одинъ изъ числа самыхъ отдаленныхъ даже народовъ ничего не знаетъ [2]). Названія киммеріанъ и гиперборeевъ легко могутъ быть объяснены помощію греческаго

1) *Strabo*: XI, 499.
2) IV, 32.

языка, при чемъ ясно обнаруживается сказочный характеръ ихъ. Но названія колховъ нельзя объяснить греческимъ языкомъ, откуда можно заключить, что, какой бы фантастическій обликъ греки ни придали имъ, но имя ихъ услышали они впервые отъ чужеземцевъ. Подобнымъ образомъ, мы выше доказали, что названіе *Фазисъ* для рѣки дѣйствительно существовало совершенно независимо отъ грековъ, но что греки этому названію, въ смутномъ видѣ дошедшему до нихъ, придали миѳическое значеніе. Итакъ, вопреки мнѣнію Фатера [1]), можно думать, что колхи гдѣ либо и когда либо существовали: иначе мы заблудимся посреди безвыходнаго сцѣпленія сказокъ, переданныхъ будто бы однимъ народомъ другому. Происхожденіе названія колховъ объяснено было помощію почти всѣхъ древнѣйшихъ языковъ, но никогда это не было сдѣлано удовлетворительно. Розенмюллеръ [2]) старается доказать тождество библейской страны, богатой золотомъ Хавилы, орошаемой рѣкою *Фисс*омъ, съ греческой Колхидой, также богатой золотомъ и орошаемой *Фаз*исомъ. Въ этомъ объясненіи, быть можетъ, находится значительная доля правды. Хавила не входитъ въ кругъ положительной библейской географіи: евреи знали лишь, что страна эта лежитъ весьма далеко «на востокѣ» и что «тамъ есть золото». Подобнымъ же образомъ, и греки знали, что на крайнихъ предѣлахъ востока есть земля Колхида и въ ней «золотое руно», изображавшее собою, если даже не прямо золото, то во всякомъ случаѣ нѣкое безцѣнное сокровище. Единство происхожденія большей части миѳовъ симитскихъ и арійскихъ въ наше время не можетъ уже болѣе подлежать сомнѣнію. Ограничиваясь однимъ лишь понятіемъ, которое евреи имѣли о странѣ Хавилѣ, припомнимъ сказанное нами выше, что страна эта представлялась заселенною *темнымъ* потомствомъ хамовымъ, кушитами, еѳіопами

1) Argonautenzug, I, 25.
2) Handb. der bibl. Alterth. I, 1, 203.

греческаго перевода библіи. Другое толкованіе распространилось въ недавнее время, вслѣдствіе нѣкотораго ознакомленія съ грузинскимъ языкомъ. Халхи, ხალხი, значитъ на этомъ языкѣ «народъ». Слово это звуками своими очень близко къ колхамъ, и отъ него производятъ послѣднее названіе [1]). Но, чтобы допустить такую этимологію, необходимо также допустить, что первоначальные разсказы объ Аргонавтахъ возникли подъ вліяніемъ впечатлѣній, которыя произвело на грековъ ознакомленіе съ Закавказьемъ, что колхи, лазы и мингрельцы, внушили грекамъ высокія понятія о богатствѣ и просвѣщеніи своемъ! Все это совершенно невѣроятно и тѣмъ менѣе, что греки знали колховъ, или, по крайней мѣрѣ, колхидскихъ выходцевъ, еще во многихъ другихъ странахъ, какъ то въ Италіи, на островѣ Критѣ, въ Ливіи. Несмотря на все легковѣріе грековъ, трудно допустить, чтобы они открыли что либо общее между дикими лазами и этими западными поселенцами. Быть можетъ, греки, услышавъ, что туземцы называютъ сами себя *халхи*, еще болѣе убѣдились въ томъ, что страна эта есть дѣйствительно сказочная Колхида, но, во всякомъ случаѣ, послѣднее названіе знали они, находясь еще дома.

Мы выше сказали, что даже, если искать Колхиду въ юго-восточномъ углу Чернаго моря, то, тѣмъ не менѣе, предѣлы, которые греки давали ей, не могутъ быть въ точности обозначены. Все протяженіе берега отъ Требизонта до Пицунды имѣетъ право носить названіе Колхиды, если основываться на показаніяхъ различныхъ классическихъ писателей. И Ріону и Чороху придаваемо было названіе Фазиса. Мы не имѣемъ никакого повода сомнѣваться, что нынѣшніе обитатели юго-восточнаго берега Чернаго моря суть прямые потомки тѣхъ самыхъ народовъ, которые обитали тамъ вѣковъ за двадцать пять тому назадъ, въ то время,

1) Nouv. ann. des voyages, 1847, Mai, 171; Закавказскій Вѣстникъ, 1846, № 5: статья *Майсурова* объ Аргонавтахъ.

когда греки познакомились впервые съ этимъ берегомъ. Нѣтъ также никакого повода думать, чтобы вслѣдствіе какихъ либо внѣшнихъ вліяній наружность туземцевъ значительно измѣнилась въ теченіе этого длиннаго ряда вѣковъ. И теперь еще находятся они точно въ такой же тѣсной зависимости отъ природы края, въ каковой находимъ ихъ въ самую отдаленную эпоху. Какой же народъ собственно греки называли колхами: лазовъ ли, гурійцевъ ли, мингрельцевъ, абхазовъ или, наконецъ, джигетовъ? Всѣ эти народы представляютъ наружностію своею довольно примѣтныя типическія отличія. Остается сравнить то, что мы теперь видимъ, съ тѣмъ, что греки писали о колхахъ или, лучше сказать, о народѣ, который они, быть можетъ, ошибочно приняли за колховъ.

Описаніе Колхиды и колховъ встрѣчаемъ мы у многихъ классиковъ, но по всему можно заключить, что эти описанія сдѣланы большею частію не очевидцами, а по слуху или на основаніи понятій, составленныхъ заблаговременно. Пиндаръ [1]) называетъ колховъ черными; Гиппократъ замѣчаетъ [2]), что окрестности Фазиса болотисты, лѣсисты, имѣютъ воздухъ сырой и густой, круглый годъ погода дождливая. Вода теплая, стоячая; овощи нехорошаго качества и не дозрѣваютъ, по причинѣ частыхъ тумановъ. Времена года мало измѣняются въ отношеніи къ теплу и холоду. Жители не походятъ на остальныхъ людей: всѣ они высоки ростомъ и толсты. Жилы и суставы у нихъ непримѣтны. Они желтаго цвѣта, какъ бы отъ желтухи. Голосъ ихъ очень грубый, потому что они лишены чистаго воздуха и живутъ посреди тумана и сырости. Они лѣнивы и неспособны къ напряженной дѣятельности. Описаніе края изображаетъ вѣрно низменныя части Мингреліи и Гуріи, но описаніе жителей не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Птоломей приписываетъ вліянію звѣздъ,

1) Pyth. IV, 211
2) De aëre etc. § 82 и 84.

что въ Кольхидѣ мужчины склонны къ покорности, женщины же мужественны, властолюбивы и воинственны. Таковая примѣта, конечно, не много подвигаетъ насъ впередъ.

Самое замѣчательное и достовѣрное описаніе колховъ встрѣчаемъ мы у Геродота. Геродотъ, конечно, часто заблуждался, находясь подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ его время понятій, но добросовѣстность его не подлежитъ никакому сомнѣнію. При томъ, колховъ онъ имѣлъ случай самъ видѣть и разговаривать съ ними, хотя намъ и неизвѣстно, на какой именно части юго-восточнаго берега онъ съ ними познакомился. Вотъ что онъ пишетъ о нихъ [1]): «Какъ бы то ни было, колхи, повидимому, египетскаго происхожденія; я о томъ догадывался прежде, чѣмъ услышалъ отъ другихъ, но, желая удостовѣриться, распрашивалъ оба народа: колхи сохранили гораздо болѣе воспоминаній о египтянахъ, чѣмъ египтяне о колхахъ. Египтяне полагаютъ, что народы эти суть потомки части воинства Сезострисова. Я также заключилъ это на основаніи примѣтъ: во первыхъ потому, что они черномазы и кудрявы,—примѣта, впрочемъ, довольно сомнительная, потому что свойственна и другимъ народамъ; вторая и важнѣйшая заключается въ томъ, что колхи, египтяне и еѳіопы суть единственные народы, у которыхъ обрѣзаніе введено съ незапамятныхъ временъ. Финикіяне и Палестинскіе сирійцы сами говорятъ, что заимствовали обрѣзаніе у египтянъ, но сирійцы, живущіе на берегахъ Термодона и Парѳеніоса, равно какъ и сосѣди ихъ макроны, сознаются, что обычай этотъ переняли въ недавнее время у колховъ. Это суть единственные народы, у которыхъ существуетъ обрѣзаніе и по всему можно заключить, что въ этомъ подражаютъ они египтянамъ. Такъ какъ обрѣзаніе у египтянъ и у еѳіоповъ введено искони, то не могу сказать, который изъ двухъ народовъ заим-

1) II, 104 и 105.

ствовалъ у другого. Что касается до прочихъ народовъ, то они переняли обрѣзаніе у египтянъ вслѣдствіе торговыхъ сношеній. Это доказывается и тѣмъ, что финикіяне, посѣщающіе грековъ, утратили обычай обрѣзывать новорожденныхъ дѣтей.

Но вотъ еще другія черты сходства между этими двумя народами (т. е. между египтянами и колхами). Они одни обрабатываютъ ленъ одинакимъ способомъ; образъ жизни ихъ одинаковъ и они имѣютъ одинъ и тотъ же языкъ. Греки называютъ сардонскимъ ленъ, который получается изъ Колхиды и египетскимъ тотъ, который идетъ изъ Египта».

Еслибы можно было положиться на безошибочность Геродота столько же, сколько на его правдивость, то, конечно, показаніе его, что языкъ колховъ одинаковъ съ языкомъ египтянъ, устранило бы всякія дальнѣйшія сомнѣнія на счетъ египетскаго происхожденія Закавказскихъ колховъ. Всѣ прочія доказательства совершенно блѣднѣютъ передъ этимъ. Походъ Сезостриса въ Закавказье столь же мало заслуживаетъ вѣроятія, какъ и походъ Аргонавтовъ; если даже и справедливо преданіе о таковомъ походѣ, то, во всякомъ случаѣ, колхи, въ видѣ военной колоніи, отдѣлились отъ египтянъ за 1000 лѣтъ до Геродота; если даже и сохранили они языкъ своихъ предковъ, то въ теченіе тысячелѣтія языкъ этотъ долженъ былъ такъ измѣниться, что сродство его съ египетскимъ не могло сразу обнаружиться для поверхностнаго наблюдателя. Но въ дѣлѣ сравнительнаго языкознанія греки столько же недоступны были истинѣ, сколько доступны заблужденіямъ. Два, три слова, слышанныя Геродотомъ у колховъ и представлявшія случайное сходство съ египетскими, быть можетъ, достаточны были для убѣжденія его, что языкъ обоихъ народовъ одинъ и тотъ же. Риттеръ [1]) подробнымъ разборомъ доказательствъ, приводимыхъ Геродотомъ, обнаружилъ всю неоснова-

1) Vorhalle europ. Völkergeschichten, 40 и сл.

тельность ихъ, но самъ онъ, введенный въ заблужденіе учеными мнѣніями, господствовавшими въ то время, когда писалъ онъ свое сочиненіе (около 1820 г.), дошелъ до заключеній, еще менѣе вѣроятныхъ, чѣмъ Геродотовы. Положившись на Птоломееву карту острова Тапробаны (Цейлона), гдѣ встрѣчаются и колхи, и халибы, и соаны, и Фазисъ, Риттеръ призналъ въ Закавказскихъ колхахъ выходцевъ,—если не изъ Тапробаны, то, по крайней мѣрѣ, изъ Индійскаго полуострова. Это дальнее переселеніе объяснялъ онъ преслѣдованіями, которымъ буддизмъ подвергся со стороны брахманизма. Но таковыя преслѣдованія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, распространеніе буддизма къ сѣверу отъ Индустана, во внутрь Азіятскаго материка, начались только около времени Рождества Христова, что вполнѣ опровергаетъ гипотезу Риттера. Мы не беремся рѣшить, были ли названія колхи, соаны, халибы, Фазисъ и т. п. туземными на Тапробанѣ и вообще въ Индустанѣ, или были они своевольно привязаны къ этимъ отдаленнымъ странамъ греками, вслѣдствіе требованій фантастической географіи послѣднихъ,—во всякомъ случаѣ, если даже названія эти и были туземными, то сходство ихъ съ закавказскими, котораго никакъ нельзя почитать случайнымъ, вовсе не убѣждаетъ еще въ томъ, чтобы названія эти перешли изъ Индіи въ Закавказье. Гораздо естественнѣе предположить для нихъ общій, внѣ обоихъ лежащій исходъ. Подобнымъ образомъ, въ наше время существуетъ городъ Николаевъ на устьѣ Амура и городъ Николаевъ на устьѣ Буга; очень ошибется потомство, если заключитъ, что одинъ изъ городовъ передалъ свое названіе другому. Общимъ между ними есть имя Святаго, мощи котораго покоятся въ Италіи,—имя, объясняемое помощію греческаго языка, чуждаго, какъ берегамъ Буга такъ и берегамъ Амура!

Сказаніе Геродота о наружномъ видѣ колховъ, которыхъ, повторимъ еще разъ, видѣлъ онъ на юго-восточномъ берегу Чернаго моря, не можетъ не возбудить въ насъ живѣйшаго любопыт-

ства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, недоумѣнiй. Положимъ, что весь разсказъ о походѣ Аргонавтовъ также выдуманъ, какъ и разсказъ о странствованiяхъ Гулливера. Положимъ, что греки, отыскивавшiе впослѣдствiи времени страну Колхиду, не уступали въ легковѣрiи человѣку, который бы сталъ отыскивать страну лиллипутовъ. Послѣднiй, конечно, нигдѣ бы не отыскалъ лиллипутовъ, а между тѣмъ, греки, въ странѣ, признанной ими за Колхиду, нашли породу людей, исчезнувшую тамъ въ наше время. Ручательствомъ служатъ намъ не басни поэтовъ, а безъискуственный разсказъ очевидца-наблюдателя, *отца исторiи*. Уроженецъ теплой страны, Малой Азiи, Геродотъ, конечно, привыкнувшiй видѣть загорѣлыя лица, былъ пораженъ чернымъ цвѣтомъ кожи и кудрявыми волосами обитателей юго-восточнаго берега Чернаго моря, которымъ справедливо или несправедливо придавалось названiе колховъ. Впечатлѣнiе, которое наружный видъ ихъ произвелъ на Геродота, должно быть, сходно было съ тѣмъ рѣзкимъ впечатлѣнiемъ, которое производитъ на насъ наружность цыганъ, коптовъ, индусовъ-шудра. Но въ настоящее время характеристическiя черты наружности всего народонаселенiя юго-восточнаго берега Чернаго моря составляютъ бѣлизна кожи, бѣлокурые волосы, голубые глаза. Можно даже сказать, что отдѣльныя исключенiя встрѣчаются рѣже, чѣмъ въ сѣверной полосѣ Европы. Нѣтъ сомнѣнiя, что народонаселенiе это не имѣетъ ничего общаго съ колхами, которыхъ видѣлъ Геродотъ. Такимъ образомъ сказка объ Аргонавтахъ прiобрѣтаетъ въ глазахъ нашихъ историческую важность, обнаруживая присутствiе на Кавказскомъ перешейкѣ, въ эпоху глубочайшей древности, этническаго элемента, который совершенно исчезъ съ теченiемъ времени, но, быть можетъ, исчезъ не безъ слѣдовъ. Чтобы подмѣтить этотъ элементъ, обратимся вновь къ сказанiю Геродота о египетскомъ происхожденiи колховъ. Какъ ни сомнительны всѣ приводимыя имъ доказательства, во всякомъ случаѣ не должно выпускать изъ виду, что Геродотъ долго и

тщательно изучалъ весь бытъ египтянъ, и если нашелъ, хотя бы даже безсознательно, родственныя съ ними черты въ быту колховъ, то уже это обстоятельство не можетъ быть оставлено нами безъ вниманія. Впрочемъ, это не было исключительное мнѣніе Геродота; множество древнихъ писателей говоритъ о египетскомъ происхожденіи колховъ, не связывая его даже съ мнимымъ походомъ Сезостриса на Кавказъ [1]). Замѣтимъ еще разъ, что въ цѣломъ древнемъ мірѣ одноплеменность двухъ народовъ постоянно объясняема была происхожденіемъ одного народа отъ другого, при чемъ, само собою разумѣется, народъ наиболѣе извѣстный игралъ роль родоначальника. Съ этой точки зрѣнія, древніе, безъ сомнѣнія, сочли бы сербовъ за выходцевъ изъ Россіи. Посему, мы можемъ замѣнить одноплеменностью прямое происхожденіе колховъ отъ египтянъ.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что изъ числа трехъ великихъ историческихъ расъ, симитской, арійской и кушитской, послѣдняя наиболѣе была извѣстна евреямъ, какъ то явствуетъ изъ Моисеевыхъ таблицъ народовъ. Если колхи были одноплеменны съ египтянами, то они принадлежали къ кушитской расѣ, что отчасти доказывается и темнымъ цвѣтомъ кожи ихъ. Посему, это этническое названіе должно встрѣтиться въ кушитской или, лучше сказать, хамитской группѣ народовъ Моисеевыхъ таблицъ.

Потомство Мицраима исчислено въ слѣдующемъ текстѣ [2]): «Отъ Мицраима произошли Лудимъ, Ананимъ, Легавимъ, Навтухимъ, Патрусимъ, Каслухимъ, откуда вышли Филистимляне, и Кафторимъ». Въ славянскомъ переводѣ библіи, сдѣланномъ согласно греческому переводу 70 толковниковъ, собственныя имена подлинника весьма часто замѣнены другими, по мнѣнію переводчиковъ, болѣе понятными для читателя. Такъ и въ славянскомъ переводѣ приведеннаго нами тек-

1) *Діодоръ Сиц.* I, 28.

2) *Бытія* X, 13—14.

ста поставленъ *Хасмонiимъ*, вмѣсто *Каслухима* еврейскаго подлинника. Въ Лютеровомъ переводѣ сохранено названiе *Каслухимъ*. Отбрасывая еврейское окончанiе множественнаго числа и принимая въ соображенiе, что гласныя не обозначались первоначально въ еврейскомъ подлинникѣ, получимъ для этническаго названiя *Кслхи*. Въ этомъ имени всѣ знатоки древняго еврейскаго языка признаютъ греческихъ колховъ. Если буква *с* подаетъ поводъ къ сомнѣнiямъ, то можно привести множество примѣровъ опущенiя ея, какъ то: coena вм. coesna, poena вм. poesna, île вм. isle, Bale вм. Basel и т. п. [1]).

Отъ этихъ каслуховъ, которымъ, какъ мы видимъ, книга Бытiя приписываетъ также египетское происхожденiе, изошли столь знаменитые въ еврейской исторiи филистимляне. Но, между тѣмъ, во многихъ текстахъ библiи встрѣчается указанiе [2]), что филистимляне были выходцы изъ Кафтора, слѣдовательно *изошли* изъ Кафторима, Гафѳорiима. Посему должно полагать, или, что въ текстѣ таблицъ Моисеевыхъ произошла перестановка, или, наконецъ, что какъ филистимляне, такъ и кафторимы, были два развѣтвленiя одного народа, каслуховъ, развѣтвленiя, быть можетъ, не представлявшiя рѣзкаго взаимнаго различiя. Въ библiи филистимляне постоянно называются чужеземцами, пришельцами въ Ханаанъ, пришельцами, правда, весьма древними, потому что они появились тамъ еще прежде первыхъ еврейскихъ патрiарховъ. Сначала, какъ кажется, число ихъ въ Ханаанѣ было не велико, по крайней мѣрѣ, они не играютъ никакой роли до второй половины перiода судей израильскихъ, но тутъ являются они вдругъ на поприщѣ весьма оживленной военной дѣятельности, какъ бы внезапно усиленные многочисленнымъ притокомъ одноплеменныхъ

1) *Knobel*: die Völkertafel der Genesis, 292.

2) Второзаконiе II, 23; *Iеремiи* XLVII, 4; *Аммоса*, IX, 7.

пришельцевъ [1]). Замѣчательно также, что, хотя филистимляне далеко превосходили воинственностію не только прочихъ хананеянъ, но и самихъ евреевъ,—тѣмъ не менѣе они не распространяются во внутрь края, а держатся постоянно на морскомъ берегу въ пяти укрѣпленныхъ городахъ, откуда господствуютъ надъ порабощенными ими земледѣльцами—евреями, хананскими туземцами. По всему видно, что филистимляне были въ Ханаанѣ пришельцами изъ за моря, за моремъ находившіе источники для постепеннаго усиленія себя. Но, если они пришли изъ за моря, то, конечно, первоначальной или, по крайней мѣрѣ, до-ханаанской отчизной ихъ, былъ одинъ или быть можетъ нѣсколько островов Эгейскаго Архипелага: конечно, нельзя даже обозначить предѣловъ, какъ далеко эти заморскіе пришельцы нѣкогда распространены были къ западу, нельзя опровергнуть мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, что если не сами они, то, по крайней мѣрѣ, одноплеменники ихъ, каслухи, колхи, нѣкогда заселяли восточный берегъ материка Греціи. Остановимся на этомъ скользкомъ пути историческихъ гипотезъ, не послѣдуемъ за греками, которые отыскали колховъ въ Италіи и далѣе, хотя происхожденіе ихъ, подъ обаяніемъ чарующихъ разсказовъ объ Аргонавтахъ, объяснили они странствованіями царя Эетеса, отправившагося въ погоню за Язономъ, похитившимъ и золотое руно и царевну Медею.

Изъ сличенія разныхъ мѣстъ Священнаго писанія можно заключить, что подъ названіемъ Кафтора евреи по преимуществу подразумѣвали островъ Критъ [2]), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, названіе это распространяли они и на нѣкоторые другіе острова. Столь же неопредѣленное и столь же обширное названіе составляло *Киттимъ*, или, лучше сказать, Киттіи, Киттеи. Спеціально озна-

1) *Ewald:* Geschichte des Volkes Israel. Zweite Ausg., I, 329.
2) *Ewald,* I, 330; *Renan:* Hist. des langues sémit., I, 48.

чало оно островъ Кипръ [1]), но, сверхъ того, распростанялось на всѣ острова восточной части Средиземнаго моря и даже на материкъ, въ Македонію [2]). Мы не станемъ разбирать, откуда произошло это послѣднее названіе: въ связи ли оно съ именемъ *хеттеевъ*, народа, еще въ доисторическія времена обитавшаго въ Ханаанѣ,—или даже съ именемъ племени киссіевъ, древнѣйшаго кушитскаго народонаселенія Сузіаны. Быть можетъ, имя это происходитъ отъ имени *Кето*, морскаго божества кушитовъ. Во всякомъ случаѣ названіе Китіонъ, Кидонія было весьма распространено на островахъ Архипелага. Не входя въ дальнѣйшее изслѣдованіе библейской географіи и этнографіи, ограничимся драгоцѣнными для предмета нашего указаніями, что до начала еще положительной исторіи Греціи, острова эти обитаемы были, въ числѣ другихъ народовъ, филистимлянами и кафторами, которые объемлятся общимъ, болѣе древнимъ еще названіемъ каслуховъ, колховъ, племени, принадлежавшаго, согласно Моисеевымъ таблицамъ народовъ, къ кушитской расѣ. Съ этимъ именемъ связывается и смѣшивается еще названіе *киттеевъ,* о которомъ мы не имѣемъ никакихъ средствъ составить ясное понятіе, но которое также, повидимому, принадлежало кушитскому міру. Таковое древнѣйшее народонаселеніе острововъ производитъ на Палестинскій берегъ Сиріи сильный напоръ, котораго возрастаніе мы можемъ даже отчасти прослѣдить. Такъ какъ направляется онъ отъ запада къ востоку, то всего естественнѣе можно объяснить его тѣмъ, что островитяне сами вынуждены уступить напору, имѣющему также направленіе отъ запада къ востоку, съ противуположной стороны, со стороны материка Греціи.

Если съ другой стороны обратимся къ сказаніямъ грековъ

1) *Исаіи*, XXIII, 1, 12.
2) *Іереміи*, II, 10; *Іезекіиля*, XXVII, 6.

о древнѣйшемъ народонаселеніи Крита и острововъ Архипелага, то, несмотря на густую завѣсу миѳовъ, мы ясно можемъ разглядѣть, что народонаселеніе это принадлежало къ чуждой еллинамъ расѣ. Геродотъ говоритъ [1]), что въ отдаленныя времена все народонаселеніе Крита состояло изъ варваровъ, т. е. народа не еллинскаго племени. Греки обозначали даже это коренное туземное народонаселеніе именемъ етеокретовъ—коренныхъ критянъ. Точно также сохранялись преданія о томъ, что острова Архипелага, большіе и малые, издревле были обитаемы племенами, которыя даже пережили великія наводненія, оторвавшія острова отъ материка [2]). Если греки придавали этимъ племенамъ названіе варваровъ, то лишь для обозначенія, что послѣдніе были имъ совершенно чужды по происхожденію; выраженіе это вовсе не влекло за собою понятія о дикости этихъ племенъ. Такъ напр. древнѣйшими обитателями Родоса почитались тельхины, которымъ приписывалось изобрѣтеніе множества искуствъ, благодѣтельныхъ для человѣчества, и, сверхъ того, обладаніе таинственными знаніями, какъ напр. знаніемъ по произволу управлять погодою. Таковы же были и чародѣи дактилы критскіе.

Обломки древнѣйшей цивилизаціи, религіозныя и космогоническія понятія, чуждыя массѣ греческаго народонаселенія, даже въ эпоху высочайшаго развитія греческой цивилизаціи,—сдѣлались достояніемъ немногихъ избранниковъ, которые пополнялись принятіемъ вновь посвящаемыхъ, достойныхъ. Это суть греческія таинства, или, лучше сказать, греческія тайныя общества, не имѣвшія никакой политической цѣли, но собиравшіяся въ опредѣленныя эпохи для совершенія обрядовъ, которые облечены были глубокою тайною для непосвященныхъ. Таковыя таинства распро-

1) I, 173.
2) *Діодоръ Сиц.*, V, 47 и сл.

странялись по материку Греціи преимущественно съ острововъ. Еще замѣчательнѣе, что родиной или, по крайней мѣрѣ, мѣстомъ воспитанія и первоначальной дѣятельности большей части боговъ, почитаемы были острова. Свидѣтелями этого младенчества и юношества небожителей были не греки, а древнѣйшіе островитяне: куреты, корибанты, кабиры, дактилы, тельхины. Куреты на островѣ Критѣ воспитали Юпитера, котораго Рея (Кибела) вручила имъ, чтобы укрыть отъ Сатурна. Корибанты, вооруженные тѣлохранители Реи, были родомъ *колхи* [1]. Во всѣхъ этихъ миѳахъ отражается смутное воспоминаніе, что на островахъ нѣкогда обитало племя высокообразованное. Нѣсколько крохъ отъ этого образованія досталось въ наслѣдіе грекамъ, но ихъ достаточно было на первое время: греческій геній скоро вырвался изъ чуждыхъ ему пеленокъ и самъ собой двинулся свыше предназначеннымъ ему путемъ развитія.

Но, если первоначальная исторія этого кореннаго народонаселенія острововъ совершенно скрыта отъ взоровъ нашихъ подъ густою тканью миѳовъ, ее обвившихъ, за то нѣкоторые лучи историческаго свѣта, въ видѣ древнихъ еллинскихъ преданій, падаютъ на эпоху постепеннаго ея исчезновенія. Общее мнѣніе грековъ объ этомъ предметѣ было то, что народонаселеніе это, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, удалилось на сосѣдній берегъ материка Азіи [2]. Это случилось весьма давно: главное выселеніе относятъ ко временамъ законодателя Критскаго, баснословнаго царя Миноса. Если только царь Миносъ когда либо существовалъ, то, основываясь на греческихъ сказаніяхъ, эпоху царствованія его можно отнести приблизительно за 13 вѣковъ до Р. Х.:

1) *Страбонъ*, X, 472.

2) *Геродотъ*, I, 171 и сл.; *Ѳукидидъ*, 1, 8; *Діодоръ Сиц.*, V, 56; *Страбонъ*, XIV, 661; *Тацитъ*: Hist. V, 2.

эпоха замѣчательнымъ образомъ сходящаяся съ эпохой внезапнаго усиленія филистимлянъ въ Палестинѣ.

Обозначимъ теперь въ главныхъ чертахъ полученные нами выводы. Въ библейской исторіи великую роль играютъ предпріимчивые чужестранцы, появляющіеся на ханаанскомъ берегу изъ за моря, съ Кафтора, Крита, и съ острововъ Архипелага. Филистимляне, кафторы, креты, согласно таблицъ народовъ, *изошли* отъ каслуховъ или каслховъ, которые произошли отъ Мицраима, египтянъ. Названіе каслуховъ не встрѣчается болѣе въ библіи: можно думать, что оно было весьма древнее и обнимало собою цѣлое племя, раздробившееся въ теченіе вѣковъ на множество отдѣльныхъ этническихъ единицъ, что объясняется, впрочемъ, и разселеніемъ его по множеству мелкихъ острововъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтимъ, что, какъ совокупности этихъ острововъ, такъ и народонаселенію ихъ, придается еще евреями названіе киттеевъ. Такимъ образомъ, общія названія для этихъ островитянъ суть каслхи и киттеи, откуда бы, впрочемъ, названія эти ни были заимствованы.

Письменныя греческія сказанія о коренномъ народонаселеніи острововъ относятся къ эпохѣ, гораздо позднѣйшей, чѣмъ библейскія. Въ нихъ находимъ мы, что острова эти въ незапамятныя времена населены были племенемъ, чуждымъ еллинскому, племенемъ весьма образованнымъ, которое, потомъ, покинуло острова и удалилось на сосѣдній берегъ материка Азіи. Такимъ образомъ, библейскія сказанія служатъ дополненіемъ и подтвержденіемъ еллинскихъ. Киттеи или, по крайней мѣрѣ, названія очевидно весьма близко подходящія, встрѣчаются въ греческой географіи острововъ. Названія колховъ для тамошняго кореннаго народонаселенія мы не находимъ у грековъ, или находимъ неопредѣленные слѣды его. Для грековъ названіе это было еще болѣе древнимъ, чѣмъ названіе каслуховъ для книги Бытія. Но въ тоже время, мы находимъ множество сказочныхъ свѣдѣній о весьма

богатомъ и весьма хитромъ народѣ, колхахъ, живущемъ за моремъ, къ сторонѣ востока, тамъ, откуда солнце восходитъ, тамъ, куда ушло древнее сказочное народонаселеніе острововъ. Еще замѣчательнѣе, что въ этомъ сказочномъ мірѣ имя колховъ является неразрывно связаннымъ съ именемъ Китеи.

Мы очень далеки отъ того, чтобы считать загадочный вопросъ о колхахъ разрѣшеннымъ посредствомъ таковыхъ сближеній библейскихъ сказаній съ миѳическими греческими, тѣмъ не менѣе нельзя отвергнуть, что они представляютъ замѣчательное соотношеніе. Изъ библейскаго текста можно заключить, что обитатели острововъ, филистимляне и кафторы или иначе, Плети и Крети, суть потомки великаго народа каслховъ, которые произошли отъ египтянъ. Греки знали лишь, что колхи живутъ за моремъ къ востоку; чѣмъ морской берегъ былъ восточнѣе, тѣмъ болѣе правъ имѣлъ называться Колхидой; такъ подвигалась Колхида, пока, наконецъ, греки уперлись въ юго-восточный берегъ Понта Эвксинскаго, далѣе котораго плыть уже было некуда. Дошло ли имя колховъ до слуха грековъ еще въ то завѣтное для исторіи время, когда каслухи, предки филистимлянъ и кафторовъ, жили на островахъ Архипелага или, быть можетъ, даже когда жили они еще на восточномъ берегу материка Греціи? Названіе сохранилось въ памяти, но прямой смыслъ его утратился. Не станемъ повторять здѣсь о примѣтахъ доисторическаго соприкосновенія еллиновъ съ расою высоко превосходившею ихъ образованностію, но отъ нихъ удалившеюся въ доисторическія еще времена. Обратимъ вниманіе на непонятную связь, которая существуетъ въ греческихъ сказкахъ между Колхидой и Китеей, равно какъ въ библейскихъ сказаніяхъ между каслхами и китеями. Греки приписываютъ колхамъ египетское происхожденіе, равно какъ и евреи каслухамъ, хотя въ историческія времена не видать никакого прямого отношенія къ Египту Закавказскихъ колховъ, ни библейскихъ каслховъ или, лучше сказать, предста-

вителей ихъ, филистимлянъ и кафторовъ.

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что въ эпоху глубочайшей древности, острова Архипелага и вообще восточной части Средиземнаго моря населены были племенемъ, обладавшимъ совершенно самостоятельнымъ не-еллинскимъ образованіемъ, племенемъ промышленнымъ, торговымъ и, по самому положенію своему, занимавшимся мореплаваніемъ. Въ рукахъ этого племени находился ключъ Чернаго моря; невозможно предположить, чтобы море это оставлено было безъ вниманія. Такъ, быть можетъ, занесены были на сѣверный и восточный берега Понта Эвксинскаго первыя сѣмена цивилизаціи задолго до основанія тамъ первыхъ греческихъ колоній [1]). Во всякомъ случаѣ эта невѣдомая эпоха морской и торговой дѣятельности отдѣляется длиннымъ перерывомъ отъ того времени, когда греки начали посѣщать Черное море. Подобнымъ образомъ прекратилась на немъ, послѣ взятія турками Константинополя, торговая дѣятельность генуэзцевъ: только въ наше время вновь она оживляется. Но, если древнѣйшіе обитатели Архипелага посѣщали восточный берегъ Чернаго моря, то нѣтъ сомнѣнія, что тамъ устраивали они колоніи, которыя могли сохраниться, хотя бы даже въ видѣ слабыхъ остатковъ, и въ ту эпоху, когда метрополія, т. е. который либо изъ острововъ Архипелага совершенно измѣнилъ уже свое народонаселеніе. Такъ объясняемъ мы себѣ существованіе въ Закавказьѣ черныхъ колховъ, которыхъ видѣлъ тамъ Геродотъ и которые въ наше время исчезли, едва ли даже оставивъ по себѣ потомковъ посреди нынѣшняго туземнаго народонаселенія. По крайней мѣрѣ, наружный видъ послѣдняго заставляетъ въ этомъ сильно сомнѣваться.

Быть можетъ, черные колхи въ видѣ особаго сословія, торговаго и промышленнаго, жили посреди массы туземнаго народонаселенія, какъ теперь живутъ евреи посреди христіанъ что вообще число ихъ было относительно невелико. Съ

1) *Kunick* въ Mélanges asiat., I, 5 livr., p. 542.

этими торговцами и промышленниками, греки прежде всего познакомились и по имени ихъ назвали страну гдѣ встрѣтились съ ними. Этимъ, быть можетъ, объясняется неопредѣленность положенія Колхиды на юго-восточномъ берегу: вѣроятно колхи жили разсѣянно по всему берегу. Говоря о нихъ, классики обыкновенно насчитываютъ множество народовъ, живущихъ вмѣстѣ съ ними; въ числѣ этихъ народныхъ именъ мы открываемъ нѣкоторыя нынѣшнія кавказскія. Если колхи въ Закавказьѣ были не болѣе, какъ чужеземные торговцы и промышленники, жившіе разсѣянно, то, конечно, въ теченіи вѣковъ могли они постепенно и незамѣтно слиться съ туземцами, безъ вліянія на наружный видъ ихъ. Инджиджіанъ говоритъ о черномъ племени севвординовъ, жившемъ въ армянской области Уди, но въ доказательство, что племя это было черное, онъ представлялъ только то, что начальный слогъ имени его *сев* значитъ *черный*. Этого недостаточно, чтобы признать въ севвординахъ кушитовъ или еѳіоповъ. Гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія разсказъ Зеноба, писателя IV в. по Р. Х., объ упорномъ сопротивленіи, встрѣченномъ проповѣдниками христіанства, со стороны *черныхъ* обитателей армянской провинціи *Дарона* (на верховьяхъ Мурадъ-чая, около Діадина), которыхъ Зенобъ называетъ индусами, но, само собою разумѣется, таковое названіе дано безотчетно. Этотъ разсказъ, которому можно вполнѣ вѣрить, какъ разсказу современника, обнаруживаетъ присутствіе въ Арменіи кушитской (еѳіопской) расы, быть можетъ близкихъ родственниковъ Геродотовымъ колхамъ. Теперь еще въ Арменіи встрѣчаются шайки бродягъ, весьма смуглолицыхъ и чертами лица похожихъ на европейскихъ цыганъ: это суть такъ называемые боша, мютрюпы, карачи. Откуда и когда пришли они въ Арменію, совершенно неизвѣстно; должно думать, что племя это, теперь уже, впрочемъ, весьма малочисленное, искони обитало тамъ. Замѣтимъ, при этомъ, что по юго-восточному берегу Чернаго моря, въ Колхидѣ, вовсе не встрѣчается теперь людей, по-

хожихъ на цыганъ. Хотя большая часть древней Колхиды населена народами грузинскаго племени, но въ цѣлой грузинской исторіи, которая начинается почти съ столпотворенія Вавилонскаго, нѣтъ никакихъ слѣдовъ ни страны Колхиды, ни черныхъ колховъ. Армянскіе историки полагаютъ, что Колхида грековъ находилась на Чорохѣ и что названіе это произошло отъ переиначенія имени армянскаго округа *Коіхисъ*, такъ какъ греки произносили *л* тамъ, гдѣ армяне гортанное *г*, и наоборотъ. Это мнѣніе столь же мало заслуживаетъ вѣроятія, какъ и то, что названіе колховъ происходитъ отъ грузинскаго *Халхи*. Діодоръ Сицилійскій говоритъ [1]), что столицею царя Эетеса былъ городъ Сибарисъ: въ этомъ названіи армяне видятъ имя Сперъ, о которомъ мы говорили выше (стр. 299). Это, впрочемъ, весьма вѣроятно, потому что во времена Діодора Сицилійскаго (около Р. Х.) названіе Колхиды уже издавна усвоено было юго-восточному берегу Чернаго моря, и мѣстныя названія, по мѣрѣ того, какъ съ ними знакомились классики, включаемы были въ поэму Аргонавтовъ. Если колхи жили между грузинами, и, какъ все заставляетъ думать, далеко превосходили ихъ образованностію, то нѣтъ сомнѣнія, что множество словъ языка колховъ вошли въ составъ грузинскаго. Послѣдній языкъ принадлежитъ къ семейству индоевропейскихъ, но въ немъ находится множество словъ совершенно чуждаго и неизвѣстнаго происхожденія. Изслѣдованіе этихъ словъ, равно какъ и языковъ абхазскаго и убыхскаго, при сравненіи съ языкомъ коптскимъ, можетъ подтвердить основательность мнѣнія Геродота о египетскомъ происхожденіи колховъ, или придать основу мнѣніямъ тѣхъ, которые опровергаютъ таковое происхожденіе, опровергаютъ покуда еще бездоказательно.

Ближайшее ознакомленіе съ языками и домашнимъ бытомъ кавказскихъ туземцевъ можетъ быть нѣкогда объяснить, въ ка-

1) IV, 48.

кой степени подверглись они влiянiю народовъ образованныхъ, стоявшихъ на самомъ отдаленномъ рубежѣ положительной исторiи,—влiянiю египтянъ, финикiянъ, вавилонянъ, не говоря уже о народахъ, которыхъ даже существованiе подлежитъ сомнѣнiямъ. Многiя обстоятельства заставляютъ вѣрить таковому влiянiю. По всему можно думать, что основу народонаселенiя Кавказскаго перешейка составляютъ обломки доисторическихъ расъ, загнанныхъ въ горы подвигавшимися къ западу, по сѣверную и южную сторону Каспiя, арiйцами, и, потомъ, передовые *рои* этихъ арiйцевъ, которые прочно успѣли тотчасъ же утвердиться только въ Закавказьѣ. О доисторическихъ расахъ можемъ мы судить по черепамъ и могиламъ: и тѣ и другiя свидѣтельствуютъ, что онѣ находились на самой низкой ступени человѣческаго развитiя. Арiйцы, хотя весьма щедро одаренные природою, вышли изъ родины своей въ состоянiи дѣтской простоты, добрые семьяне, но вовсе не готовые къ дѣятельности исторической. Ни народной воли, ни народной мысли, еще не пробудилось между ними. Такъ теперь знаемъ мы отдѣльныя группы людей добрыхъ и смирныхъ между финскими племенами, обитающими въ Россiи, но эти группы, составляя въ филологическомъ отношенiи самостоятельныя этническiя единицы, вовсе не составляютъ дѣйствующихъ единицъ во всемiрной исторiи, или, лучше сказать, въ ходѣ развитiя человѣчества. Мы можемъ допустить, что всѣ арiйцы въ ту отдаленную эпоху, когда заняли они страны, въ которыхъ живутъ еще теперь, находились болѣе или менѣе на одинакой ступени развитiя. Все заставляетъ думать, что еллино-арiйцы возбуждены были къ развитiю соприкосновенiемъ съ чуждою имъ расою, далеко уже опередившею ихъ на стезѣ развитiя: таковою расою почитаемъ мы доисторическихъ кушитскихъ обитателей Архипелага и восточнаго берега материка Грецiи. Не знаемъ, распространялась ли раса эта еще далѣе къ западу. Развитiе грековъ возбудило умственную энергiю римлянъ, которые долгое время

занимались однимъ лишь земледѣліемъ и войною и не спѣшили [1]) пользоваться умственными пріобрѣтеніями другихъ народовъ. Обломки этой еллино-римской цивилизаціи, перенесенные въ средоточіе туловища материка Европы, въ средніе вѣка послужили для образованія зародыша новой европейской цивилизаціи, которая въ свою очередь постепенно приняла совершенно самостоятельное направленіе. Принимая въ соображеніе эти главныя черты хода развитія человѣчества, можно ли допустить, чтобы древніе обитатели Кавказа, сами собою, безъ внѣшняго вліянія, вышли изъ состоянія первобытной простоты народовъ кочевыхъ, переселяющихся? Таковая самостоятельная цивилизація, если и возникаетъ гдѣ либо, то исключительно вслѣдствіе особенно благопріятнаго соединенія мѣстныхъ условій, каковы есть напр. берегъ моря, изрѣзанный глубокими и безопасными бухтами, близость острововъ, разнообразіе типовъ мѣстности въ такой мѣрѣ, чтобы они не производили разрозненности, а только усложняли жизнь. Таковыя особенно благопріятныя обстоятельства не существуютъ для Кавказскаго перешейка. Между тѣмъ, какъ ни темна древнѣйшая исторія Кавказа, но мы находимъ несомнѣнныя доказательства, что край этотъ въ отдаленнѣйшія времена уже входилъ въ составъ образованнаго міра, такъ что даже, можно сказать, извѣстная намъ исторія этого края есть исторія почти непрерывнаго упадка его. Вдоль восточнаго берега морей Азовскаго и Чернаго существовали торговыя поселенія съ индо-бактрійскими названіями, какъ то: Коровандамъ, Фанагора (Кепи), Апатура и др. Греки передали намъ много сбивчивыхъ и противурѣчащихъ преданій о томъ, будто бы города эти основаны были выходцами изъ Малой Азіи. Если допустить, что, дѣйствительно, греки основали эти города, то трудно объяснить, почему встрѣчаются для нихъ негреческія названія и, притомъ, названія, которыя, по всей

1) *Kunick* въ Mélanges asiat., I, 5 livr., p. 509.

вѣроятности, въ эпоху основанія Милезійскихъ колоній (въ VII в. до Р. Х.) сдѣлались уже непонятными для самихъ кавказскихъ туземцевъ. Если допустить, что греки были первыми основателями этихъ городовъ на чужомъ для нихъ берегу, то почему связывали они съ ними миѳическія преданія: такъ, говорили они, что въ Фанагоріи Венера, преслѣдуемая гигантами, избавилась отъ нихъ при помощи Геркулеса [1]. Мы выше уже сказали, что основаніе Діоскуріи греки приписывали полубогамъ и относили къ невѣдомой эпохѣ. Все заставляетъ думать, что не греки положили начало торговой дѣятельности Понта Эвксинскаго. На азіятскомъ берегу Босфора Киммерійскаго, въ весьма близкомъ другъ отъ друга разстояніи, стояло нѣсколько большихъ городовъ, о которыхъ свѣдѣнія передали намъ классическіе географы, жившіе около времени Р. Х. или въ первые затѣмъ вѣка. Судя по описаніямъ классиковъ, города эти были весьма значительны, а между тѣмъ окрестная страна ничего не производила цѣннаго и населена была варварскими народами, скиѳами и сарматами [2]. Что же могло побудить грековъ построить нѣсколько городовъ въ странѣ бѣдной и варварской? Это простое разсужденіе заставляетъ предположить присутствіе, въ невѣдомую эпоху основанія этихъ городовъ, на Кавказскомъ перешейкѣ стихіи дѣятельности, совершенно чуждой грекамъ и римлянамъ.

Читая Геродота, ясно видно, что онъ умолчалъ преднамѣренно о многомъ весьма любопытномъ и ему извѣстномъ. Геродотъ былъ не только весьма ученый, но и весьма честный человѣкъ разъ обѣщавъ хранить тайну, хранилъ онъ ее свято, не увлекаясь весьма естественнымъ желаніемъ разсказать что либо дотолѣ неизвѣстное. Иногда пишетъ онъ: «я умолчу о причинѣ, хотя она мнѣ и извѣстна», или «тѣ, которые посвящены въ таинства каби-

1) *Страбонъ*, XI, 495.

2) *Ritter:* Vorhalle europ. Völkergeschichten, 205.

ровъ, поймутъ меня» [1]), и т. п. Таковыя умолчанія Геродота относятся или къ священнымъ таинствамъ, въ которыя посвященъ былъ онъ подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ никому не открывать ихъ, или къ тайнамъ торговаго міра, въ которомъ, повидимому, самъ онъ былъ дѣйствовавшимъ лицомъ. Таинственность составляла главнѣйшее условіе древнѣйшей торговой системы. Пріобрѣтеніе большихъ барышей основывалось на сохраненіи въ глубокой тайнѣ путей, ведущихъ въ страны, изобилующія рѣдкими произведеніями, и самого положенія этихъ отдаленныхъ странъ. Эта скрытность простиралась такъ далеко, что случалось финикійскимъ корабельщикамъ добровольно подвергать суда свои крушенію, чтобы скрыть направленіе пути отъ слѣдившихъ за ними греческихъ и римскихъ кораблей. Но, несмотря на то, у Геродота встрѣчаются промолвки, которыя для насъ составляютъ драгоцѣнныя указанія. Несмотря на желаніе свое подѣлиться съ читателемъ всѣмъ тѣмъ, что успѣлъ онъ разузнать о далекихъ странахъ,—при чемъ разнообразіе наблюдательности его приводитъ въ изумленіе,—онъ ни слова не говоритъ, ни какіе народы плаваютъ по Каспійскому морю, ни съ какою цѣлію производится это плаваніе. Между тѣмъ, онъ обладалъ и о морѣ этомъ и о плаваніи по немъ весьма опредѣлительными свѣдѣніями. Въ противуположность мнѣнію позднѣйшихъ географовъ древности, Геродотъ говоритъ, что Каспій составляетъ совершенно замкнутое море и что судно, идущее на веслахъ, переплываетъ его въ длину въ пятнадцать дней, а въ ширину въ восемь [2]). Отсюда видно, что уже во времена Геродота, за 450 лѣтъ до Р. Х., по Каспію производилось мореплаваніе, безъ всякаго сомнѣнія торговое. Въ другомъ мѣстѣ [3]), Геродотъ говоритъ, что о дальныхъ восточныхъ народахъ можно

1) II, 47 и 51.
2) *Геродотъ*, I, 202 и 203.
3) Онъ же, IV, 24.

узнать отъ скиѳовъ, которые ѣздятъ къ нимъ, и отъ грековъ, живущихъ въ торговыхъ городахъ, расположенныхъ на Понтѣ Эвксинскомъ. Во время походовъ Александра Македонскаго, греки имѣли случай познакомиться съ южнымъ и частію съ восточнымъ берегомъ Каспія; собранныя въ это время и въ эпоху Селевкидовъ свѣдѣнія объ этомъ пустынномъ морѣ изложены въ сочиненіи Патрокла, до насъ недошедшемъ, но мы находимъ у Страбона замѣчательное показаніе [1]). «Аристобулъ (авторъ исторіи Александра Македонскаго), пишетъ онъ, изображаетъ Оксусъ, какъ величайшую изъ всѣхъ рѣкъ, видѣнныхъ имъ въ Азіи, за исключеніемъ индійскихъ. Къ сему Аристобулъ присовокупляетъ то же, что говоритъ и Ератосѳенъ, но оба исключительно на основаніи свидѣтельства Патрокла, а именно, что Оксусъ весьма удобенъ для судоходства, такъ что имъ пользуются для перевозки множества индійскихъ товаровъ на море Гирканское (Каспійское), посредствомъ котораго перевозятся они въ Албанію (Дагестанъ), а оттуда, вверхъ по Киросу (Курѣ), черезъ другія страны достигаютъ Понта Эвксинскаго». Вопросъ о томъ, дѣйствительно ли Оксусъ имѣлъ когда либо устье въ Каспійское море, остается до сихъ поръ не разрѣшеннымъ; вѣроятно географическія свѣдѣнія, собранныя Патрокломъ о Каспіѣ, были весьма поверхностны, потому что Страбонъ, имѣвшій его сочиненіе въ рукахъ, считалъ Каспій за заливъ Сѣвернаго океана, но для насъ всего важнѣе показаніе, что уже во времена Александра Македонскаго шелъ изъ Индіи Оксусомъ, Каспіемъ и Закавказьемъ торговый путь до Понта Эвксинскаго. Неизвѣстность, въ которой греки находились на счетъ этого торговаго пути, несомнѣннымъ образомъ доказываетъ, что путемъ этимъ ничего или почти ничего не доставлялось въ Грецію изъ индійскихъ товаровъ; послѣдніе получались черезъ Тиръ, Аравію и Эритрейское (Индійское) море. Должно думать, что че-

1) XI, 509.

резъ Кавказскій перешеекъ товары шли вглубь Европейскаго материка, вверхъ по великимъ рѣкамъ, впадающимъ въ Черное море, и далѣе волоками. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что не черезъ грековъ и не черезъ римлянъ древнѣйшіе обитатели туловища материка Европы ознакомились съ множествомъ индійскихъ произведеній. Обратно отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, вглубь и до самыхъ конечныхъ предѣловъ Азіи, шли мѣха и драгоцѣнный янтарь. Весьма замѣчательно сказаніе Плинія [1]), что король свевовъ послалъ въ даръ Гальскому проконсулу индійцевъ, которые, плывъ изъ Индіи для торговыхъ дѣлъ, бурями занесены были къ берегу Германіи. Конечно, нельзя допустить, чтобы они достигли сѣверныхъ морей, обогнувъ мысъ Доброй Надежды; очевидно, что они рѣками и волоками достигли Балтійскаго моря, гдѣ, потомъ, постигло ихъ несчастіе. Съ другой стороны, конечно эти индійцы не принадлежали къ высшимъ индійскимъ кастамъ, къ браминамъ, кшатрія или даже къ вайсія: отвращеніе этихъ кастъ ко всякимъ дальнымъ предпріятіямъ и даже ко всякой внѣшней дѣятельности составляетъ неотъемлемую принадлежность ихъ характера. Эти индійцы-странники принадлежали, безъ сомнѣнія, къ числу *темныхъ индійцевъ*, остатку древнѣйшаго кушитскаго народонаселенія Средней Азіи, какъ то думаютъ многіе новѣйшіе изыскатели. Слѣды широкой торговой дѣятельности темныхъ индійцевъ находимъ мы еще въ древнѣйшей исторіи Руси; быть можетъ, даже, нынѣшними немногими уцѣлѣвшими представителями ихъ можно считать астраханскихъ индійцевъ. Когда возникла эта сухопутная индо-европейская торговля? Вопросъ, котораго разрѣшеніе навсегда сокрыто въ эпохѣ, недоступной до исторіи. Можно даже согласиться съ мнѣніемъ знаменитаго Риттера [2]), что то немногое, что мы знаемъ объ этой тор-

1) Historia naturalis, II, 67.
2) *Ritter*: Vorhalle etc., 205.

говлѣ, относится уже къ періоду упадка ея, вслѣдствіе основанія воинственной монархіи Кира и, потомъ, вслѣдствіе передвиженій дикихъ туземныхъ и монгольскихъ племенъ, заслонившихъ собою Европу отъ Индіи. Если остановимъ наше вниманіе лишь на томъ направленіи торговли, которое, какъ мы видѣли, уже во времена Александра Македонскаго, шло черезъ Кавказскій перешеекъ, то понятными становятся причины процвѣтанія греческихъ торговыхъ городовъ на восточномъ берегу Чернаго моря. Они дѣйствовали совершенно независимо отъ метрополій, даже скрывали отъ нихъ источники своего обогащенія, слѣдуя глубоко укоренившимся понятіямъ объ устраненіи совмѣстничества. Конечно, не греки съ восточнаго берега Чернаго моря открыли прямыя сношенія съ отдаленной Индіей; въ руки ихъ перешла торговля, установленная уже задолго до нихъ. Если черные колхи суть выходцы съ Архипелага, то, быть можетъ, существовала нѣкогда въ другую сторону тѣсная связь торговли и образованія между Закавказьемъ, материкомъ Греціи, Сиріей и Египтомъ,—связь, прерванная, потомъ, нашествіемъ еллиновъ. Если Геродотъ открылъ въ Закавказьѣ присутствіе египетскихъ элементовъ, а Риттеръ индійскихъ, то нѣтъ надобности, для объясненія таковыхъ странныхъ явленій, прибѣгать къ сказочнымъ походамъ Сезостриса или къ великимъ доисторическимъ религіознымъ распрямъ въ Индустанѣ.

Во время движенія Помпея Великаго въ Закавказье, вновь дошла вѣсть о сухопутномъ торговомъ пути отъ Индіи до Чернаго моря. Плиній пишетъ [1]), что «Помпей, находясь по близости Каспійскаго моря, узналъ, что въ семь дней можно поспѣть изъ Индіи въ Бактрію на рѣку Икаръ, которая впадаетъ въ Оксусъ, оттуда черезъ Каспій, далѣе вверхъ по Курѣ; потомъ товары не болѣе пяти дней везутся сухопутно до Фазиса и доставляются въ

1) *Hist. natur.*, VI, 9.

Понтъ Эвксинскій». Названіе рѣки Икара не встрѣчается ни у одного изъ классическихъ писателей: вѣроятно, оно произошло отъ ошибки переписчиковъ. Помпей, побѣдивъ Митридата, овладѣлъ его сокровищницей, которая въ Римѣ придала ослѣпительный блескъ тріумфу побѣдителя. Найдено было несмѣтное множество жемчугу и драгоцѣнныхъ камней, изъ которыхъ нѣкоторые до тѣхъ поръ оставались неизвѣстными римлянамъ. Плиній говоритъ [1]), что только по окончаніи войны съ Митридатомъ, страсть къ драгоцѣннымъ камнямъ и жемчугу распространилась въ Римѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, распространилось и вѣрованіе въ таинственныя свойства камней, почерпнутое изъ сочиненій вавилонянина Захаліаса, который для царя Митридата написалъ нѣсколько книгъ объ этомъ предметѣ. Трудно было бы однимъ лишь могуществомъ и завоеваніями Митридата объяснить накопленіе на восточномъ берегу Чернаго моря, вдали отъ извѣстныхъ торговыхъ путей, сокровищъ, которыя привели въ изумленіе весь классическій міръ, близко успѣвшій уже ознакомиться съ богатствомъ цѣлой западной Азіи. Изобиліе драгоцѣнныхъ камней и и жемчугу на Кавказскомъ перешейкѣ можетъ быть объяснено лишь вѣковыми торговыми сношеніями съ Индіей, равно какъ съ мѣстами добыванія жемчугу, съ Тапробаной (Цейлономъ) и съ берегами Персидскаго залива. Мы не можемъ не привести здѣсь мнѣнія Риттера [2]) о торговомъ прямомъ сообщеніи, существовавшемъ съ незапамятныхъ временъ между Закавказьемъ и берегами Персидскаго залива. Это прямое сообщеніе, повидимому, составляло также торговую тайну. При нынѣшнемъ состояніи географіи, при великомъ пособіи географическихъ картъ, намъ трудно даже понять, какъ можно прикрывать тайною то, что каждому изъ насъ становится яснымъ, при одномъ взглядѣ на карту. Но въ глубо-

1) *Hist. natur.*, XXXVII, 1.
2) Vorhalle etc., 140—143.

кой древности было не такъ. Грекамъ Колхида казалась восточною оконечностію земли, откуда солнце восходитъ; сѣверный берегъ Понта Эвксинскаго полуночнымъ краемъ, гдѣ солнце не свѣтитъ; море Эритрейское омывало жаркій поясъ обитаемаго міра. Не сразу могла представиться грекамъ догадка, что отъ Колхиды до моря Эритрейскаго или до части его, до залива Персидскаго, можно проникнуть ближнимъ прямымъ путемъ. Подобнымъ образомъ, много вѣковъ спустя, сразу представилась столь же простая догадка, что плывя къ западу отъ Европы, можно достигнуть восточнаго берега материка Азіи. Объ этомъ прямомъ пути изъ Колхиды къ Персидскому заливу Геродотъ, очевидно, зналъ, но говоритъ о немъ только вскользь, какъ бы опасаясь проговориться. Въ одномъ мѣстѣ [1]) пишетъ онъ: «отъ Колхиды до Мидіи не далеко, такъ какъ между этими странами лежитъ одна лишь страна саспировъ; пройдя ее, достигаешь земли мидянъ. Но скиѳы прошли не по этому пути, они прошли выше и гораздо болѣе длинной дорогой». Далѣе [2]), приступая къ очерку всего извѣстнаго тогда обитаемаго міра, говоритъ онъ: «страна, занимаемая персами, простирается до южнаго моря, называемаго Эритрейскимъ. Выше къ сѣверу, живутъ мидяне, выше мидянъ сапиры, а за сапирами колхи, прикасающіеся къ сѣверному морю (Понту Эвксинскому), въ который течетъ Фазисъ. Эти четыре народа занимаютъ пространства отъ моря до моря». Въ этомъ сближеніи четырехъ народовъ, основанномъ, конечно, не на взглядѣ на географическую карту, а на словесныхъ показаніяхъ, Риттеръ находитъ доказательства древняго прямаго сухопутнаго сообщенія между Понтомъ Эвксинскимъ и Персидскимъ заливомъ. Болѣе положительное доказательство таковаго прямаго сообщенія встрѣчаемъ

1) I, 104.
2) IV, 37.

мы въ исторіи Александра Македонскаго [1]), который, находясь въ Сузѣ, получилъ донесенія съ Понта и не могъ надивиться, какимъ путемъ посланные успѣли доставить ихъ къ нему такъ скоро.

Въ темномъ вопросѣ о древнѣйшей египетско-азіятской цивилизаціи, конечно, должно довольствоваться одними догадками, основанными на сближеніи и сравненіи отдѣльныхъ уцѣлѣвшихъ остатковъ этого завѣтнаго для положительной исторіи времени. Мы выше сказали, что слѣды единой древнѣйшей цивилизаціи можно прослѣдить отъ сердца Азіи внизъ по Индустану, далѣе къ западу по берегу Эритрейскаго моря, по обоимъ берегамъ моря Чернаго и, наконецъ, по Сирійскому берегу моря Средиземнаго до самаго Архипелага. Изложенныя нами теперь разсужденія доказываютъ, что съ незапамятныхъ временъ Кавказскій перешеекъ находился въ торговой связи съ сердцемъ Азіи и съ Индустаномъ; родство закавказскихъ колховъ съ архипелажскими каслухами, кафторами, карійцами, киттеями, составляетъ гипотезу, не лишенную основанія; наконецъ, можно вѣрить и минувшему существованію прямыхъ сношеній Понта Эвксинскаго съ берегами Персидскаго залива, гдѣ началась исторія человѣчества. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ думать, что, при самомъ началѣ положительной исторіи, Кавказскій перешеекъ составлялъ звено въ ряду странъ, усвоившихъ себѣ древнѣйшую цивилизацію, что нѣкогда не представлялъ онъ собою той картины одичалости, которую представлялъ въ продолженіе большей части историческихъ вѣковъ. Греки не могли не подмѣтить на Кавказѣ этихъ слѣдовъ славной старины, о которой сами они, не зная еще Кавказа, хранили темное воспоминаніе, подобно тому, какъ воспоминанія классической древности въ смутномъ видѣ носились надъ средними вѣками. Понятнымъ становится, почему греки связали съ Кавказомъ боль-

1) *Nearchi* Periplus, ed. Hudson, p. 35.

шое число своихъ миѳовъ, почему отдаленный край этотъ въ воображеніи ихъ представился опустѣлой сценой, на которой нѣкогда будто бы дѣйствовали ихъ боги и полубоги. Какъ ни впечатлительны, какъ ни легковѣрны были испанскіе мореплаватели, но открытіе чуждой имъ Америки не возбудило въ нихъ тѣхъ ощущеній, которыя восточный берегъ Чернаго моря возбудилъ въ открывшихъ его греческихъ мореплавателяхъ. Къ этимъ общимъ разсужденіямъ присовокупимъ немногое, что мы знаемъ о бытѣ Кавказскаго перешейка, заимствуя показанія наши не у поэтовъ, смотрѣвшихъ на него сквозь призму очарованія, а у историковъ и у географовъ, описывавшихъ то, что сами они видѣли или слышали отъ очевидцевъ.

Индійскіе товары на пути своемъ отъ Каспія до Понта Эвксинскаго не разъ выгружались, шли то сушью, то водою. Всѣ эти особенности транзитной торговли обнаруживаютъ значительное развитіе благоустройства въ краѣ и, во всякомъ случаѣ, безопасность, составляющую первое условіе возможности транзита. Припомнимъ себѣ, что, вѣковъ двадцать спустя, Шарденъ долженъ былъ прибѣгнуть къ множеству хитростей, чтобы провезти товары черезъ Закавказье, но, не смотря на все это, былъ ограбленъ и едва не лишился жизни. Страбонъ говоритъ [1]), что товары поднимались вверхъ по Фазису до Саропаны (Шаропани): свойства рѣки дѣлаютъ это показаніе весьма сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что самъ Страбонъ, въ другомъ мѣстѣ [2]), пишетъ, что Фазисъ, достигнувъ равнины, принимаетъ въ себя рѣки Глаукусъ и Гиппусъ и только, по сліяніи съ ними, становится судоходнымъ. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что въ эпоху глубочайшей древности по Фазису (Ріону) производилось торговое судоходство. Вы-

1) XI, 498.
2) XI, 500.

ше Саропаны товары шли по извилистому ущелью верхней части рѣки, черезъ которую должно было переправляться 120 разъ по *мостамъ*. Верхнею частію теченія Фазиса Страбонъ, безъ сомнѣнія, называетъ Квирилу: теперь, слѣдуя по извилистому ущелію этой рѣки, приходится безпрестанно переправляться, но уже не по мостамъ, а въ бродъ, нерѣдко съ опасностію жизни. Говоря объ Иверіи, съ которою едва лишь успѣли тогда ознакомиться римляне, Страбонъ замѣчаетъ [1]): «Иверія на большой части протяженія своего покрыта селами и городами, столь хорошо выстроенными, что въ нихъ встрѣчаются крыши изъ черепицы, дома, сооруженные по всѣмъ правиламъ архитектуры, площади и всякаго рода публичныя зданія». Нельзя придавать большой важности тому, что Страбонъ говоритъ объ упадкѣ Колхиды: современное ему состояніе страны этой сравниваетъ онъ съ блестящими вымыслами поэтовъ, воспѣвавшихъ великолѣпіе и могущество сказочнаго царя Эетеса. Замѣчательнѣе слѣдующее показаніе его [2]): «нѣкогда колхидскія полотняныя фабрики были въ славѣ и отпускалось много полотна въ другія страны» Объ этой вѣтви промышленности, за 450 лѣтъ до Страбона, говоритъ и Геродотъ [3]): «одни колхи обработываютъ ленъ такимъ же способомъ, какъ и египтяне.Греки называютъ *сардонскимъ* тотъ ленъ, который идетъ изъ Колхиды, и *египетскимъ* тотъ, который получается изъ Египта». Теперь эта промышленность исчезла безъ слѣда на Кавказѣ; теперь весь Кавказскій перешеекъ, за исключеніемъ незначительнаго количества сырыхъ произведеній, ничего не отпускаетъ заграницу! Еще болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ цвѣтущаго состоянія края въ невѣдомую эпоху, служитъ система оросительн-

1) XI, 499.
2) XI, 498.
3) II, 105.

ныхъ каналовъ въ Закавказьѣ, которыхъ теперь уцѣлѣло сравнительно весьма незначительное число. Ширакская и Муганская степи, нынѣ по причинѣ безводія безплодныя и пустынныя, нѣкогда обильно орошаемы были водою, проведенною издалека. Таковыя работы обнаруживаютъ совокупныя усилія цѣлаго народа или даже нѣсколькихъ народовъ, вслѣдствіе ли сознанія всѣми необходимости трудиться для общей пользы, или вслѣдствіе распоряженій прочно основанной верховной власти [1]). Какъ бы то ни было, но таковыя работы свидѣтельствуютъ, что нѣкогда порядокъ и благоустройство существовали тамъ, гдѣ въ продолженіе историческихъ вѣковъ господствовала одна лишь неурядица, съ краткими періодами затиши. Оставляя въ сторонѣ фантастическіе разсказы о колхахъ, находимъ положительныя доказательства ихъ цивилизаціи. Классики хвалятъ ихъ гостепріимство, пособіе, которое оказывали они претерпѣвшимъ кораблекрушеніе у ихъ береговъ, при чемъ выдаваемы были путникамъ деньги для дальнѣйшаго пути [2]); сохранилось воспоминаніе о колхскомъ философѣ Марсіасѣ [3]); разсказываютъ, что въ Колхидѣ по дорогамъ разставлены были каменныя таблицы, на которыхъ, для свѣдѣнія путешественниковъ, объяснены были направленія путей и расположеніе ночлеговъ. Эти особенности, какъ совершенно чуждыя грекамъ, возбуждали ихъ вниманіе, но нѣтъ сомнѣнія, что они подсмотрѣли одни лишь уцѣлѣвшіе остатки цивилизаціи, находившейся уже въ состояніи полнаго упадка.

Таковыя разрозненныя черты, конечно, служатъ примѣтами значительнаго развитія матеріальнаго быта древнѣйшихъ обитателей, по крайней мѣрѣ, части Кавказскаго перешейка. Суще-

1) *Haxthausen*: Transkaukasia, I, 54.
2) *Гераклида Понтійскаго*, de Politiis, ed. D. Heinsii. 1621, p. 994.
3) *Eusebii* Chronic.; I, 32.

ствуютъ нѣкоторыя указанія и на состояніе, въ которомъ находилась ихъ нравственность: указанія весьма неутѣшительныя.

Торгъ невольниками составлялъ неотъемлемую принадлежность Кавказа съ самыхъ древнихъ временъ и, притомъ, сопровождаемъ былъ злодѣяніями, предъ которыми блѣднѣютъ даже всѣ преувеличенные разсказы о торговцахъ *чернымъ мясомъ* по берегамъ Африки. Геродотъ разсказываетъ [1]), что обитатели Колхиды и сосѣдніе съ ними кавказскіе горцы не платили опредѣленной подати персидскому царю, но сами между собою условились посылать ему черезъ каждые пять лѣтъ въ даръ сто мальчиковъ и сто дѣвочекъ. Это ведется еще и въ настоящее время, присовокупляетъ Геродотъ. Мы видѣли выше, что, по свидѣтельству Пророка Іезекіиля, Ѳувалъ и Мешехъ, безъ сомнѣнія кавказскіе народы, продавали въ Тиръ «души человѣческія». Этотъ торгъ, во всей отвратительной наготѣ его, описанъ Прокопіемъ [2]): «абасги (абхазцы) претерпѣвали несносное притѣсненіе отъ великой жадности своихъ властителей. Оба царя ихъ, замѣтивъ красиваго и хорошо сложеннаго мальчика, тотчасъ же отнимали его у родителей и, потомъ, оскопивъ, продавали по выгодной цѣнѣ въ Римскую имперію. Отцовъ же немедленно предавали смерти, дабы императоръ, услышавъ жалобы котораго нибудь изъ нихъ, не наказалъ за оскорбленіе, нанесенное сыновьямъ, и дабы не имѣть возлѣ себя людей подозрительныхъ. Такимъ образомъ статность сыновей была для нихъ несчастіемъ, и они бѣдственно погибали по причинѣ роковой красоты чадъ своихъ. Большая часть евнуховъ у римлянъ и даже при императорскомъ дворѣ, родомъ абасги».

Къ этому описанію, конечно, прибавлять нечего, но самъ собою рождается вопросъ: чѣмъ объяснить таковое извращеніе

1) III, 97.
2) De bello goth., pp. 571, 572; *Stritteri*: Memor. popul., IV, 179.

всякаго нравственнаго чувства, какъ въ древнемъ абхазскомъ правительствѣ, такъ и въ самихъ абхазцахъ, терпѣвшихъ таковое правительство? Чѣмъ объяснить, что позорный торгъ людьми, уже за нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, привился къ Кавказскому перешейку и сохранился на немъ, несмотря на всѣ случившіеся перевороты?

Конечно, нельзя объяснить этого одною лишь красотою кавказской расы, придававшею особую цѣну этому чудовищному товару. Съ тѣхъ поръ, какъ турки овладѣли Константинополемъ, весьма понятно, что могъ возникнуть торгъ прекрасными уроженками Кавказа, что сами родители продавали дочерей своихъ. Съ этимъ явленіемъ легко можно примириться, принявъ въ соображеніе особенности мусульманскихъ браковъ, и то, что продаваемымъ дѣвушкамъ готовилась не неволя, а законный бракъ, не рѣдко даже самая блестящая будущность; наконецъ, родственная связь между семействомъ и увезенною за море дѣвушкой не прерывалась безъ слѣда. Но, какъ мы видѣли, таковая торговля существовала на Кавказѣ задолго еще до начала исламизма. Объяснять ли это явленіе разноплеменностію кавказскаго народонаселенія, вѣчно раздираемаго междоусобною войною, при чемъ плѣнники и плѣнницы продаваемы были въ неволю? Но между воюющими народами, изъ страха возмездія, съ теченіемъ времени возникаетъ нѣкоторое понятіе о международномъ правѣ, устраняющее излишнія и безполезныя жестокости. Срочное приношеніе свое персидскому царю колхи и кавказскіе сосѣди ихъ не могли пополнять однимъ лишь захватомъ людей у чужихъ народовъ; абхазскіе цари продавали дѣтей своихъ подданныхъ. Соображая все это, нельзя не придти къ убѣжденію, что торгъ людьми не самъ собою развился на восточномъ берегу Чернаго моря, а подъ вліяніемъ чужестранцевъ, находившихъ свои выгоды въ этой торговлѣ, всячески поддерживавшихъ ее и успѣвшихъ, наконецъ, различными приманками подавить всякое нравственное

чувство въ туземцахъ: покупщики подготовили достойныхъ себѣ продавцовъ. Подобнымъ образомъ, торговцы неграми успѣли низвести на крайнюю степень безнравственности африканское прибрежное народонаселеніе. Говоря выше о вліяніи кушитской цивилизаціи, мы объяснили, до какой степени она должна была способствовать къ затемненію всякаго понятія о человѣческомъ достоинствѣ. У кушитовъ, скорѣе чѣмъ у другихъ расъ, долженъ былъ развиться торгъ людьми, вмѣстѣ со всѣми отвратительными принадлежностями его, оскопленіемъ и т. п. Не разъ уже имѣли мы случай замѣтить, что какимъ бы языкомъ ни говорили финикіяне, какого бы происхожденія ни были они, но являются въ исторіи характеристическими представителями кушитской цививилизаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ являются они и древнѣйшими торговцами людьми; по берегамъ странъ, которыя посѣщали они, имѣли они тайныхъ сообщниковъ, доставлявшихъ имъ на корабли дѣтей и женщинъ, похищенныхъ преимущественно изъ самыхъ знатныхъ семействъ. Въ Одиссеѣ [1]), свинопасъ Евмей разсказываетъ, что онъ сынъ царя, похищенный въ дѣтствѣ, при содѣйствіи вѣроломной няни, финикійскими купцами и проданный ими въ Итакѣ. Эта извѣстность финикіянъ, какъ похитителей и продавцовъ людей, была повсемѣстна въ древнемъ мірѣ. Еврейскій пророкъ Іоиль [2]) грозитъ гнѣвомъ Іеговы Тиру и Сидону за то, что: «и сыновъ Іуды и сыновъ Іерусалима продавали сынамъ еллиновъ, чтобъ удалить ихъ отъ предѣловъ ихъ». Подъ названіемъ финикіянъ не должно подразумѣвать однихъ лишь обитателей приморскихъ городовъ отъ Тира до Арада: въ древности распространялось оно вообще на всѣхъ странствующихъ торгашей симито-кушитскаго племени [3]), которые родомъ были или съ острововъ Архипелага или съ Сирійскаго берега. Подъ это генери-

1) XV, 402.
2) III, 6.
3) *Movers* въ Encyclopaedie von Ersch und Gruber, XXIV, 353.

ческое названіе, по всей вѣроятности, подходили и каслухи (колхи), кафторы, киттеи и пр. народы промышленные, торговые, но утратившіе всякое понятіе о нравственности подъ тлетворнымъ вліяніемъ своихъ религіозныхъ вѣрованій. Въ рукахъ этихъ торгашей, плѣно-продавцовъ, какъ мы выше объяснили, находился нѣкогда ключъ Чернаго моря. То обстоятельство, что Геродотъ въ Закавказьѣ нашелъ породу темныхъ людей, видомъ и обычаями совершенно похожихъ на египтянъ, людей, сохранившихъ даже воспоминаніе о единоплеменности своей съ египтянами, можетъ служить доказательствомъ связи, существовавшей нѣкогда между Закавказьемъ и Египтомъ, конечно, черезъ Архипелагъ, а не сухимъ путемъ,—связи, прерванной потомъ нашествіемъ еллиновъ. Къ этой невѣдомо-отдаленной эпохѣ должны мы отнести, какъ зародыши просвѣщенія на Кавказѣ, такъ и начало извращенія народной нравственности, преимущественно обозначившагося торгомъ невольниками въ большихъ размѣрахъ.

Кровожадные и противунравственные религіозные обряды составляли принадлежность кушитской цивилизаціи. Таковые обряды находимъ мы на древнемъ Кавказѣ. Вотъ напр. что Страбонъ говоритъ о служеніи богинѣ Анаитѣ въ древней Арменіи [1]): «знатнѣйшія семейства посвящаютъ ей дочерей своихъ, пока онѣ еще непорочны, и, согласно постановленію, онѣ выходятъ замужъ не прежде, какъ проживъ долгое время распутно въ храмѣ богини. Онѣ такъ склонны брать любовниковъ, что часто предлагаютъ путешественникамъ помѣщеніе въ домахъ своихъ, и, не довольствуясь тѣмъ, что вступаютъ съ ними въ тѣснѣйшую связь, дѣлаютъ имъ болѣе подарковъ, чѣмъ сколько сами отъ нихъ получаютъ: таковая щедрость служитъ доказательствомъ ихъ богатства. Впрочемъ, такъ поступаютъ онѣ не съ каждымъ безъ разбора, а преимущественно съ иностранцами одинакого съ ними

1) XI, 533.

состоянія». Приношеніе людей въ жертву было въ употребленіи у кавказскихъ горцевъ, какъ то видно изъ слѣдующаго разсказа Страбона объ албанцахъ (дагестанцахъ) [1]): «первосвященникъ, замѣтивъ, что кто либо изъ жрецовъ впадаетъ въ восторгъ, пророчествуетъ и уединенно бродитъ по лѣсамъ, приказываетъ задержать его. На несчастнаго налагаются священныя оковы, и въ теченіе цѣлаго года его кормятъ великолѣпно. Въ день жертвоприношенія богинѣ, его приводятъ къ олтарю умащеннаго благоуханіями и закалываютъ, вмѣстѣ съ прочими жертвами, но особымъ способомъ». Мы выше видѣли, что у кушитовъ существовало служеніе божествамъ, враждебнымъ человѣку, которыхъ можно было умилостивить страшнѣйшими истязаніями несчастныхъ жертвъ. Моисей Каганкатваци, писатель IX в. по Р. Х. разсказываетъ [2]), что царь Вачаганъ открылъ и истребилъ въ Дагестанѣ страшныя секты бѣсопочитателей, изъ числа которыхъ одни, въ угоду дьяволу, рѣзали людямъ пальцы, другіе сдирали съ живыхъ кожу, третьи возлагали на себя обязанность ежегодно отравлять по одному человѣку и, если не удавалось имъ этого выполнить, то отравляли кого нибудь изъ своего семейства.

Таковое изувѣрство безъ слѣда исчезло на Кавказѣ, вмѣстѣ съ тѣсно связанной съ нимъ наружно блестящей кушитской цивилизаціей. Одинъ лишь торгъ невольниками удержался во всѣ времена, оказывая глубокое и губительное вліяніе на бытъ обитателей цѣлаго перешейка

1) XI, 503.
2) Исторія Агванъ, перев. К. Патканьянъ. (Спб. 1861), гл. XVIII, стр. 39.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Отъ невѣдомыхъ морей, по которымъ плавалъ вѣщій корабль Арго, отъ очарованныхъ странъ, гдѣ ратовалъ Язонъ съ своими спутниками—полубогами, перейдемъ теперь къ описанію постепеннаго ознакомленія грековъ съ Понтомъ Эвксинскимъ, въ особенности же съ восточнымъ берегомъ его. Здѣсь фантазія долго и упорно борется съ дѣйствительностію, и только около эпохи Р. Х. послѣдняя беретъ верхъ.

Нельзя опредѣлить въ точности времени, когда впервые греческій корабль прошелъ черезъ Босѳоръ Ѳракійскій, когда впервые появился онъ на пустынныхъ безостровныхъ водахъ Понта Аксенскаго, Негостепріимнаго. За то, едва ли можно сомнѣваться, что таковая честь принадлежитъ милезійскимъ мореходцамъ. Обширностію торговли своей Милетъ соперничалъ съ Тиромъ и Карѳагеномъ, не имѣя соперниковъ между греческими городами. Милетъ долго обладалъ монополіей обмѣна произведеній Малой Азіи и прибрежья Средиземнаго моря съ произведеніями Скиѳіи, нынѣшней Европейской Россіи, и даже самой отдаленной сѣверо-восточной приуральской полосы ея. Богатство скиѳовъ состояло въ стадахъ, кожахъ, звѣриныхъ промыслахъ, пчеловодствѣ, рыбѣ, хлѣбѣ, соли. Изъ разсказовъ Геродота видно [1]), что скиѳы, жившіе въ южной Россіи, находились въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ народами, жившими къ сѣверо-востоку отъ нихъ, въ глуби материка, въ нынѣшней западной Сибири. Мы выше указали на примѣты, свидѣтельствующія о торговыхъ

1) IV, 24.

сношеніяхъ ихъ съ Индіей и Средней Азіей черезъ Кавказскій перешеекъ. Главная мануфактурная дѣятельность милезійцевъ заключалась въ производствѣ шерстяныхъ тканей, которыхъ мягкость и изящество славились въ цѣломъ древнемъ мірѣ. Случалось, что законодатели, опасаясь, чтобы сограждане не впали въ изнѣженность, запрещали имъ носить милезійскія ткани [1]). Такимъ образомъ, на восточныхъ берегахъ Чернаго и Азовскаго морей сходились индійскіе, сибирскіе и малоазіятскіе товары. Конечно, не милезійцы связали торговыми нитями эти отдаленныя страны; на милезійцевъ можно смотрѣть лишь, какъ на преемниковъ колховъ въ торговомъ посредничествѣ между Чернымъ и Средиземнымъ морями, но тѣмъ не менѣе они играютъ весьма блестящую роль въ исторіи древняго міра. Для насъ дѣятельность ихъ особенно замѣчательна, какъ единственное въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ существовавшее соприкосновеніе извѣстнаго намъ классическаго міра съ неизвѣстнымъ скиѳо-кавказскимъ.

Древнѣйшіе слѣды занятія милезійцами удобныхъ якорныхъ мѣстъ и, потомъ, постепеннаго основанія на этихъ мѣстахъ колоній, встрѣчаемъ мы вдоль южнаго берега Понта. Можно принять за достовѣрное, что милезійская колонія существовала въ Синопѣ лѣтъ за 800 до Р. Х. Около 750 года Синопская колонія уже такъ усилилась, что въ состояніи была отдѣлить отъ себя *выселокъ*, гораздо далѣе къ востоку, въ землю макроновъ, въ сосѣдство серебряныхъ рудниковъ халибовъ [2]): этотъ выселокъ носилъ въ древнія времена названіе Трапезуса, теперь называется онъ Требизонтомъ. Но, при этомъ, замѣтимъ, что мы здѣсь говоримъ объ основаніи милезійской колоніи въ Синопѣ, а не объ основаніи самого города Синопа, который, какъ можно заключить изъ темныхъ преданій, сохранившихся у самихъ грековъ, существо-

1) *Діодоръ Сиц.*, XII, 21.
2) *Raoul Rochette*: Hist. des colonies grecques, III, 173.

валъ уже задолго до прибытія милезійцевъ [1]), хотя мы и не можемъ знать, кто были дѣйствительные основатели и обитатели этого города, въ замѣнъ миѳическихъ Аргонавтовъ, Амазонокъ или синопскаго царя Аписа-Инаха, который, потомъ, сдѣлался богомъ въ Египтѣ [2]): быть можетъ, смутное воспоминаніе о доисторическихъ сношеніяхъ Черноморскихъ береговъ съ Египтомъ. Но въ тоже время милезійцы распространялись и къ сѣверу вдоль Ѳракійскаго берега Чернаго моря. Въ VIII в. до Р. Х. милезійскій поэтъ Арктиносъ воспѣлъ уже островъ, лежащій противъ устья Луная (Змѣиный, сдѣлавшійся столь извѣстнымъ послѣ послѣдняго Парижскаго мира), какъ посмертное жилище Ахиллеса; на Кинбурнской косѣ Ахиллесъ, какъ убѣдились въ томъ греки, упражнялся нѣкогда въ бѣганіи [3]); въ Крымъ, гдѣ туземцы приносили чужестранцевъ въ жертву дѣвственной богинѣ (Астарте?), греки перенесли свою Ифигенію. Около 640 года возникла Ольбія на Гипанисѣ (Бугѣ), Пантикапея (Керчь) на Крымскомъ берегу Босфора Киммерійскаго. Преданіе, впрочемъ, приписывало первое основаніе Пантикапеи сыну сказочнаго царя Эетеса [4]). Въ это самое время греки, какъ кажется, впервые познакомились съ Азовскимъ моремъ (Меотидой), но дѣйствительное очертаніе этого моря долго оставалось имъ неизвѣстнымъ: они или придавали ему преувеличенные размѣры или даже сначала почитали за заливъ Океана, омывающаго обитаемую землю съ сѣверной стороны. На устьяхъ Танаиса (Дона) существовалъ построенный греками торговый городъ Танаисъ [5]), но слѣдовъ его въ настоящее время никакихъ не осталось: вѣроятно, это было не болѣе, какъ торжище, которое по временамъ посѣщали гре-

1) id., I, 165; II, 206, 207.

2) *Св. Епифаній*: Anchora § 106; *Raoul Rochette*, I, 165.

3) *Геродотъ*, IV, 55; *Еврипида*, Ифигенія, ст. 406—422; Schol. Apoll. Rhodii, II, 658.

4) *Steph. Byz.* v. Panticape.

5) *Страбонъ*, XI, 493.

ки [1]). Замѣчательно сказаніе Плинія [2]), что нѣкогда на Танаисѣ жили карійцы. Послѣднее имя придаваемо было древнѣйшимъ обитателямъ берега Малой Азіи, одноплеменнымъ съ архипелажскими кафторами, киттіями, каслухами. Какъ ни мало явственны слѣды присутствія этого племени на Черноморскихъ берегахъ, но обиліе таковыхъ слѣдовъ не можетъ не остановить на себѣ вниманія.

Нельзя утвердительно рѣшить, съ южнаго ли или съ сѣвернаго берега Чернаго моря, милезійцы достигли берега Кавказскаго перешейка, т. е. гдѣ ранѣе возникли ихъ колоніи, въ юговосточномъ ли углу Понта Эвксинскаго, или на устьяхъ Кубани. О Фанагоріи, стоявшей на азіятскомъ берегу Босфора Киммерійскаго, противъ Пантикапеи, почти тамъ, гдѣ нынѣ находится Тамань, существовало преданіе, что основателями города этого были жители города Теоса (въ Каріи), которые, подъ предводительствомъ Фанагороса, покинули родной городъ свой, спасаясь отъ персидскаго ига [3]). Это событіе относится къ 541 г. до начала нашей эры. Впрочемъ, объ основаніи города существовало еще нѣсколько разнорѣчивыхъ преданій, заставляющихъ думать, что имя основателя Фанагороса есть вымышленное и что бѣглецы изъ Теоса поселились въ городѣ, задолго до нихъ существовавшемъ. Съ Фанагоріей связаны были преданія объ Афродитѣ и Геркулесѣ. Къ одному времени съ построеніемъ Фанагоріи греки относили и построеніе города Гермонассы, названнаго такъ по имени жены митиленскаго гражданина Семандроса, который съ колоніей еолійцевъ покинулъ родину, спасаясь отъ персидскаго ига. Гермонасса находилась по близости Фанагоріи: по мнѣнію Дюбуа тамъ, гдѣ теперь стоитъ Бугазъ [4]). Не смотря на это относительно-позднее

1) *Hommaire de Hell*: Les steppes de la mer Caspienne, III, 129.
2) VI, 7.
3) *Dionys. Perieg.*, 553; *Scymn.* fragm., 153.
4) Voyage autour du Caucase, V, 100.

основаніе, почва Фанагоріи и Гермонассы освящена была преданіемъ, уносящимъ въ недосягаемую даль времени: говорили, что *здѣсь Озирисъ впервые впрягъ воловъ въ плугъ и вспахалъ землю* [1]. Въ окрестностяхъ часто повторяется названіе *Апатуры*; служеніе Венерѣ Апатурской было особенно распространено въ цѣлой странѣ. Это было чисто азіятское, кушитское божество; Риттеръ находитъ тѣсное соотношеніе между Апатурой и Аватуромъ, первымъ воплощеніемъ Индійскаго Вишну, въ видѣ получеловѣка и полурыбы: исходъ творенія изъ водъ хаоса. Между Фанагоріей и Гермонассой находился городъ Кепосъ, выселокъ фанагорійцевъ. Названіе города, означающее *садъ*, быть можетъ, объясняетъ первоначальное назначеніе этого поселенія. Кепосъ замѣчателенъ, какъ родина матери знаменитаго Демосѳена, что послужило предлогомъ Есхину укорять врага своего въ чужеземномъ происхожденіи. Дюбуа полагаетъ, что Кепосъ находился на мѣстѣ нынѣшняго селенія Ахтанизовскаго [2]. Синдскій портъ, Sindicos limen, Sindicus portus, заселенъ былъ греками, о которыхъ мы знаемъ лишь то, что они пришли изъ сосѣднихъ мѣстъ [3], слѣдовательно, по всей вѣроятности, съ береговъ Босфора Киммерійскаго. Судя по послѣдовательности этихъ названій у древнихъ авторовъ, должно полагать, что Синдскимъ лиманомъ называли они нынѣшній лиманъ Кизильташскій и Синдскій портъ находился нѣсколько сѣвернѣе Анапы. Въ странѣ керкетовъ находился еще греческій приморскій городъ Торикосъ [4], о которомъ мы, впрочемъ, не имѣемъ никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній. Весьма вѣроятно, что городъ этотъ находился въ Геленджикской бухтѣ, потому что между нимъ и Синдскимъ портомъ классики упоминаютъ еще о

1) *Steph. Byz.*, ed. Berkel, p. 698; *Eustathius*, Comment. ad. Dionys., p. 54, 55.

2) Voyage autour du Caucase, V, 59.

3) *Scymn. Ch.*, Fragm. v. 154.

4) *Scylac.* Peripl., p. 31.

приморскомъ городѣ Батѣ, положеніе котораго должно соотвѣтствовать нынѣшнему Новороссійску.

Стеченіе многихъ обстоятельствъ придало Діоскуріи особую знаменитость въ древнемъ мірѣ. Гдѣ именно находился этотъ городъ, мы не знаемъ опредѣлительно. Всего вѣроятнѣе мнѣніе, что онъ расположенъ былъ на дельтѣ Кодора, и что нынѣшнія названія ручья и мыса: Скурчія, Скурія, Искурія суть отголоски классической Діоскуріи. По мнѣнію древнихъ географовъ, чуждыхъ точнымъ астрономическимъ наблюденіямъ, Діоскурія находилась на самой восточной оконечности Понта Эвксинскаго [1]), и, такимъ образомъ, составляла *предѣлъ всякаго плаванія.* Этого, конечно, достаточно было, чтобы Діоскурія пріобрѣла всеобщую извѣстность, подобно тому, какъ нынѣ всѣмъ извѣстны Нордъ-капъ, Матапанъ или С. Винцентъ. Имя этого города, какое бы ни было настоящее происхожденіе его, напоминало собою небесныхъ близнецовъ, покровителей мореходцевъ. Наконецъ торговая дѣятельность Діоскуріи, если не по обширности, то по рѣзкой оригинальности своей, представляла зрѣлище, не имѣвшее нигдѣ себѣ подобнаго. Страбонъ пишетъ [2]), что въ Діоскурію съѣзжаются купцы семидесяти или, какъ нѣкоторые утверждаютъ, трехъсотъ различныхъ народовъ, изъ числа которыхъ ни одинъ не заботится о томъ, что дѣлается въ остальномъ свѣтѣ, и не говоритъ на языкѣ сосѣдей, потому что каждый живетъ отдѣльно и не вступаетъ ни съ кѣмъ въ сношенія, по гордости или по грубости. Плиній разсказываетъ [3]), что въ Діоскуріи дѣла велись посредствомъ 130 переводчиковъ. Все это нисколько не доказываетъ, впрочемъ, чтобы въ Діоскуріи когда либо производились большіе торговые обороты. Греки привозили туда

1) *Страбонъ,* XI, 497.
2) Id. XI, 498.
3) Hist. natur., VI, 5.

соль [1]) для кавказскихъ горцевъ, которые не могли оплачивать ничѣмъ, кромѣ какъ звѣриными кожами, медомъ и невольниками. Кромѣ послѣдней статьи торговали, прочія, конечно, были ничтожны. Индійскіе товары шли, или степями въ при-Босфорскіе города, или через Закавказье Курой и Фазисомъ: завозить ихъ въ отдаленную Діоскурію было бы крайне неудобно, точно также, какъ теперь неудобно завозить транзитные товары въ Сухумъ-кале, несмотря на превосходный рейдъ этого города. Такимъ образомъ, главнѣйшую достопримѣчательность Діоскуріи составляла чрезвычайная разноплеменность горцевъ, посѣщавшихъ ея рынокъ, но уже одно то, что каждый горецъ жилъ самъ по себѣ, не заботясь ни о комъ на свѣтѣ, показываетъ, что торговые обороты Діоскуріи не могли быть значительны. Позже, хотя и весьма на короткое время, Діоскурія пріобрѣла нѣкоторую политическую важность въ глазахъ римлянъ, которые изъ этого города старались распространять свое вліяніе на кавказскихъ горцевъ.

Мы выше уже сказали, что первоначальное основаніе Діоскуріи нѣкоторые приписывали самимъ близнецамъ, Кастору и Поллуксу [2]), большая часть однако классическихъ писателей почитаютъ основателями ея возничихъ колесницы Діоскуровъ, которыхъ буря оторвала отъ прочихъ Аргонавтовъ и занесла на этотъ отдаленный берегъ [3]). Таковыя преданія ясно доказываютъ, что грекамъ неизвѣстно было, ни кто построилъ Діоскурію, ни когда построена она. Арріанъ говоритъ [4]), однако, что Діоскурія основана милезійцами, но Арріанъ писалъ въ то время, когда отъ Діоскуріи остались одни лишь развалины.

1) *Страбонъ*, XI, 506.
2) *Помпоній Мела*, I, 19.
3) *Raoul Rochette*: Hist. des col. grecques, II, 209.
4) Peripl., p. 11.

Положеніе города Фазиса не можетъ подавать повода къ сомнѣніямъ, хотя, какъ мы сказали выше, въ иныхъ случаяхъ нельзя даже навѣрно отгадать, какую рѣку древніе называли этимъ именемъ. Страбонъ [1]) говоритъ, что Фазисъ, на рѣкѣ того же имени, торговый городъ колховъ, омывается водою съ трехъ сторонъ: рѣкою, озеромъ и моремъ. Это описаніе совершенно соотвѣтствуетъ положенію нынѣшняго города Поти. Гераклидъ Понтскій [2]) пишетъ, что первые обитатели этого города были геніохи, народъ кавказскій, миѳическаго происхожденія, по мнѣнію грековъ; въ послѣдствіи времени милезійцы отправили въ Фазисъ колонію, подъ предводительствомъ нѣкоего Ѳемистагороса [3]). Изъ Фазиса отпускались за море произведенія древней Колхиды: строевой лѣсъ, ленъ, пенька, воскъ, смола и, наконецъ, знаменитыя колхскія полотна. Фазисъ находился на самомъ пути, которымъ индійскіе товары чрезъ Закавказье достигали Понта Эвксинскаго. Отсутствіе удобнаго порта при устьѣ Фазиса, не представляло въ то время столько неудобствъ для торговли, сколько нынѣ: плаваніе производилось прибрежное, суда не глубоко сидѣли въ водѣ и изъ моря прямо входили въ Фазисъ, которымъ поднимались вверхъ, пока рѣка не переставала быть судоходною.

Мы покуда ограничились исчисленіемъ главнѣйшихъ торговыхъ поселеній грековъ на восточномъ берегу Чернаго моря, но, кромѣ исчисленныхъ нами, существовало еще много другихъ, болѣе или менѣе значительныхъ. Неопредѣленность сказаній грековъ объ эпохѣ и обстоятельствахъ основанія каждой колоніи заставляетъ думать, что пункты эти заселены были съ незапамятныхъ временъ и служили стоянками для прибрежнаго торговаго

1) XI, 498.

2) Fragment. § XVIII, p. 213.

3) *Помп. Мела*, I, 19.

плаванія, что греки посѣщали ихъ сначала временно, потомъ селились въ видѣ отдѣльныхъ переселенцевъ и, наконецъ, уже увеличившись числомъ, пріобрѣли самостоятельность и господство въ этихъ приморскихъ городахъ, которые постепенно утратили свой древнѣйшій мѣстный характеръ. Начало осѣдлости грековъ на восточномъ берегу Чернаго моря едва ли можно отнести далѣе, какъ за 550 лѣтъ до Р. Х. Равнымъ образомъ, все заставляетъ думать, что распространеніе грековъ вдоль восточнаго берега имѣло исходомъ своимъ Тавриду, гдѣ уже за 570 лѣтъ до Р. Х., въ виду кавказскаго берега, существовалъ греческій городъ Пантикапея (Керчь).

Тѣмъ полнѣе умственное развитіе каждаго народа, чѣмъ болѣе находится онъ въ соприкосновеніи съ другими народами: этимъ освобождается онъ отъ односторонности, коснѣнія въ предразсудкахъ, ложно понимаемой народности. Еще болѣе благодѣтельное вліяніе на умственное развитіе народа оказываютъ его колоніи, если только послѣднія живутъ жизнію самостоятельною, не стѣсняемою мелочнымъ себялюбіемъ метрополіи. Единая по духу своему народность въ каждой новой колоніи проявляется въ новой и нерѣдко совершенно-неожиданной формѣ: разнообразіе формъ даетъ просторъ для цѣлой полноты содержанія, для многаго того, что, быть можетъ, увяло бы безплодно на первоначальной родинѣ. Безъ колоній Греція никогда не достигла бы той высоты развитія, которая во многихъ отношеніяхъ не повторилась ни для одного изъ позднѣйшихъ народовъ. Духъ цивилизирующей пропаганды мало свойственъ былъ Греціи въ продолженіи кипучей жизни ея; народы обогатились наслѣдствомъ, оставшимся уже послѣ смерти ея. Греки мало что сообщили другимъ народамъ, но отъ нихъ заимствовали многое и заимствованное усвоили себѣ вполнѣ, наложивъ на него отпечатокъ своего генія.

При нынѣшнемъ состояніи историческаго знанія, весьма правдоподобнымъ становится мнѣніе, что въ невѣдомо-отдаленную

эпоху, арійскіе праотцы грековъ жили или, по крайней мѣрѣ, проходили по сѣверную сторону Кавказа. Греки не знали этого и никогда не догадывались объ этомъ, но смутное воспоминаніе объ этой эпохѣ послужило основою ихъ миѳологіи. Съ другой стороны весьма вѣроятно, что скиѳы, сауроматы, которыхъ греки нашли на сѣверномъ и восточномъ берегахъ Чернаго моря, были арійскаго происхожденія. эти народы, какъ ни дики были они, могли хранить въ памяти многое то, что уже почти изгладилось изъ памяти грековъ. При видѣ Кавказа, встрепенулись и очнулись отъ долгаго сна греческія миѳическія преданія. Къ этому присовокупимъ еще, что греки, какъ мы старались доказать выше, нѣкогда находились подъ вліяніемъ древней кушитской цивилизаціи; это вліяніе пресѣклось со временемъ, но оставило по себѣ неизгладимые слѣды въ народныхъ воспоминаніяхъ. Если нельзя доказать удовлетворительно, то, по крайней мѣрѣ, нельзя отвергнуть безусловно, что и древній Кавказъ, въ невѣдомую эпоху, находился подъ вліяніемъ той же кушитской цивилизаціи, которая обозначилась слѣдами, сохранившими еще явственность въ эпоху появленія грековъ на Кавказскомъ перешейкѣ. Такимъ образомъ все на Кавказѣ говорило грекамъ о глубокой старинѣ; туманный, неуловимый призракъ принялъ цвѣтъ и тѣло. Таковое впечатлѣніе, навѣянное Кавказомъ, отразилось въ цѣлой греческой литературѣ Мы не можемъ опредѣлить эпохи, когда впервые обозначилось оно; открытіе греками восточнаго берега Чернаго моря, конечно, не было такимъ внезапнымъ событіемъ, какъ открытіе Америки испанцами Если Гезіодъ говоритъ о миѳическомъ Фазисѣ, то это вовсе не доказываетъ, чтобы въ его время уже греки успѣли увидѣть нынѣшній Ріонъ; если Евмелъ Коринѳскій за 700 лѣтъ до Р. Х. воспѣвалъ колховъ, то едва ли зналъ онъ о существованіи тѣхъ самыхъ черныхъ колховъ, которыхъ Геродотъ лично видѣлъ въ Закавказьѣ. Мы не станемъ искать въ поэмѣ объ Аргонавтахъ, ложно приписываемой Орфею, слѣдовъ древнѣйшаго

ознакомленія грековъ съ Кавказскимъ перешейкомъ: въ томъ виде, въ какомъ поэма эта дошла до насъ, она носитъ на себѣ явные признаки передѣлки, современной первымъ вѣкамъ по Р. Х., нѣкоторые ученые къ этой эпохѣ относятъ даже самое созданіе Орфеевой поэмы. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что она подверглась столь многимъ позднѣйшимъ вставкамъ, исправленіямъ или искаженіямъ, что едва ли есть какая либо возможность возстановить первоначальный видъ ея Явственные слѣды живой вѣсти съ Кавказа или личнаго съ нимъ ознакомленія начинаемъ мы встрѣчать у греческихъ писателей V в. до Р. Х., съ каковой эпохой совпадаетъ и вѣроятная эпоха основанія первыхъ постоянныхъ поселеній милезійцевъ на восточномъ берегу Чернаго моря.

До насъ дошло весьма любопытное географическое сочиненіе, извѣстное подъ названіемъ: *Периплъ моря, омывающаго Европу, Азію и Ливію, Скилакса Каріандскаго*. Периплъ значитъ плаваніе вокругъ всего берега, замыкающаго море; авторъ начинаетъ путь свой отъ Геркулесовыхъ столбовъ (пролива Гибралтарскаго), плыветъ вдоль береговъ Иберіи и Галліи, огибаетъ всю Италію, потомъ, вдоль восточнаго края Адріатики, достигаетъ Греціи, Македоніи, Ѳракіи, проходитъ черезъ Геллеспонтъ и Босфоръ, объѣзжаетъ вокругъ Понта Эвксинскаго, далѣе держится береговъ Малой Азіи, Сиріи, Финикіи, Египта и, наконецъ, слѣдуя вдоль сѣвернаго берега Африки, возвращается туда, откуда отправился въ дальній путь свой. Авторъ не покидаетъ точки зрѣнія своего съ палубы корабля: берегъ измѣняетъ для него названіе свое съ измѣненіемъ обитателей; онъ исчисляетъ города, гавани, мысы въ той послѣдовательности, въ которой представлялись они ему во время его плаванія. Это сочиненіе крайне сухое, но драгоцѣнное по самой сухости своей для положительнаго изученія древней географіи, въ противуположность географическимъ мечтамъ поэтовъ. Вопросъ, въ какомъ вѣкѣ было писано

это сочиненіе и кто былъ настоящій авторъ его, подалъ поводъ къ разнорѣчивымъ мнѣніямъ со стороны ученыхъ. Нѣкоторые полагаютъ сочиненіе это современнымъ Филиппу или Александру Македонскимъ, другіе относятъ его еще къ позднѣйшему времени. Мы приведемъ здѣсь мнѣніе, которое, повидимому, заслуживаетъ наиболѣе вѣроятія. Страбонъ [1]), говоря объ островѣ Каріандѣ, замѣчаетъ, что на немъ родился *древній* историкъ Скилаксъ, слѣдовательно, послѣдній жилъ, во всякомъ случаѣ, задолго до Страбона. Геродотъ повѣствуетъ [2]), что большая часть Азіи была открыта Даріемъ, который, желая знать, гдѣ находится устье Инда, послалъ на корабляхъ людей вѣрныхъ и нелживыхъ, въ числѣ которыхъ находился и Скилаксъ Каріандскій. Отсюда видно, что мореходецъ-географъ Скилаксъ Каріандскій жилъ во время Дарія Истаспа и находился у него на службѣ. Мы знаемъ, сверхъ того, что Дарій придавалъ большую важность описаніямъ береговъ и что, готовясь воевать съ греками, онъ предварительно снарядилъ морскую экспедицію для обозрѣнія береговъ Греціи и Италіи [3]), что и было исполнено, послѣ многихъ трудностей. Неизвѣстно, участвовалъ ли въ этой экспедиціи Скилаксъ Каріандскій, но, по всей вѣроятности, результаты ея не остались ему безъизвѣстными, и онъ могъ воспользоваться ими, вмѣстѣ съ другими источниками, для своего сочиненія. Замѣтно, что Скилаксу неизвѣстно ничего изъ случившагося въ Македоніи около 500 года, слѣдовательно онъ писалъ ранѣе [4]). Элій Діонизій говоритъ, что Скилаксъ посвятилъ свое сочиненіе Дарію. Все это заставляетъ думать, что оно было написано между 515 и 501 годами до Р. Х. Если въ немъ и встрѣчаются примѣты позднѣйшаго времени, то таковыя можно объяснить вставками перепис-

1) XIV, 658.
2) IV, 44.
3) *Геродотъ*, III, 135.
4) *Duncker:* Gesch. des Alterth., II, 591.

чиковъ. Умолчаніе о томъ, что всѣмъ было извѣстно въ позднѣйшее время, гораздо убѣдительнѣе свидѣтельствуетъ о древности сочиненія, чѣмъ подобныя вставки опровергаютъ ее.

Мы выпишемъ изъ Перипла сдѣланное Скилаксомъ краткое описаніе восточнаго берега Азовскаго и Чернаго морей.

«За рѣкою Танаисомъ начинается Азія: первый народъ, въ ней встрѣчающійся, сауроматы. Гюнайкократумены составляютъ одно изъ племенъ ихъ. Маіоты соприкасаются къ гюнайкократуменамъ. За маіотами слѣдуютъ синты, они распространяются и за предѣлы Меотійскаго моря. Въ ихъ землѣ находятся греческіе города: Фанагорія, Кепи, Синдскій портъ, Патусъ. За Синдскимъ портомъ слѣдуютъ керкеты и греческій городъ Торикосъ съ гаванью. За керкетами ахаіи. За ахаіями геніохи. За геніохами кораксы. За кораксами народъ колике. За колике меланхлены, у которыхъ протекаютъ рѣки Метазорисъ и Айгиппіосъ. За меланхленами гелоны. За ними слѣдуютъ къ югу колхи съ городомъ Діоскуріей, потомъ греческій городъ Гюеносъ, рѣка Гюеносъ и далѣе рѣки Херодіосъ, Хорсосъ, Аріосъ и Фазисъ съ греческимъ городомъ Фазисомъ. Должно плыть этой рѣкой вверхъ 180 стадій до большаго варварскаго города Мале, родины Медеи. Потомъ находятся рѣки (Рисъ), Ирисъ, Апсаросъ. За колхами слѣдуютъ бузеры и рѣка Дараанонъ и рѣка Аріонъ. За бузерами екехеиры, рѣка Порданисъ или Прутанисъ, рѣка Архабисъ, Лимнеполисъ и греческій городъ Одеиніосъ. За екехеирами, народъ бехеиры и портъ Бехеирскій и греческій городъ Бехеиріосъ. За бехеирами народъ макрокефалы и гавань Псоронъ и греческій городъ Трапезосъ».

По всей вѣроятности, Скилаксъ составилъ это описаніе, не какъ очевидецъ, а на основаніи разсказовъ и замѣтокъ другихъ мореходцевъ, отъ которыхъ нельзя ожидать большей точности, тѣмъ болѣе, что они нерѣдко придаютъ берегамъ произвольныя названія, себѣ на память, не заботясь о дѣйствительно суще-

ствующемъ политическомъ и этническомъ раздѣленіи края, какъ напр. для береговъ Африки придуманы ими названія: Золотаго, Зерноваго, Невольничьяго и пр. береговъ. При этомъ примемъ въ соображеніе ошибки переписчиковъ, невѣжественныя поправки, вставки и перестановки. Немудрено, что лишь немногія изъ названій, приводимыхъ Скилаксомъ, могутъ быть объяснены удовлетворительно, что большая часть изъ нихъ остаются совершенно непонятными.

Если допустить, что Скилаксъ жилъ около 500 г. до Р. Х., то въ Периплѣ его встрѣчается древнѣйшее упоминаніе о сарматахъ, саураматахъ, сирматахъ: всѣ эти названія, несомнѣнно тождественныя, находимъ мы у классическихъ писателей. Какъ видно, сарматы жили за Дономъ, на азіятскомъ берегу Азовскаго моря. Чтобы составить себѣ опредѣлительное понятіе, какой народъ самъ себя называлъ этимъ именемъ во времена Скилакса, или такъ называемъ былъ греками, должно, прежде всего, обратить вниманіе на само имя. Въ древности оно производимо было отъ *сауросъ-оммата*— ящериные глаза, но нѣтъ сомнѣнія, что такое толкованіе придумано греками; мы имѣемъ подробныя описанія наружнаго вида сарматовъ, но нигдѣ не говорится, чтобы въ глазахъ ихъ было что либо особенное. У классиковъ, между народами, живущими на сѣверномъ Кавказѣ, встрѣчаются нѣкоторые съ этническимъ окончаніемъ, тождественнымъ съ сарматами, какъ то: язаматы, агаматы и т. п. Изъ этого можно заключить, что всѣ подобныя названія означаютъ подраздѣленія одного великаго племени матовъ, къ которому принадлежали и сарматы. Прибрежные жители Азовскаго моря, преимущественно же восточнаго берега его, вообще называемы были маэтами, мэотами и причисляемы къ скиѳскому племени. Мэоты, то смѣшиваемы были съ сарматами, то описываемы въ видѣ особаго народа, то, наконецъ, почитаемы за предковъ сарматовъ. Маты, конечно, тождественны съ маэтами. Разбирая библейскія преда

нія, мы объяснили вѣроятность догадки, что Магогомъ называемъ былъ народъ, жившій на сѣверномъ Кавказѣ, слѣдовательно Магогъ тождественъ съ маэтами. Есть ли что либо общее и въ происхожденіи названій маіэты, маіоты, *маіо* и Магогъ,—рѣшить, конечно, нельзя; можно даже сомнѣваться въ томъ, есть ли что либо общее, кромѣ случайнаго созвучія, въ названіи моря Мэотійскаго и народа мэотовъ. Изъ древнихъ одни думали, что по названію моря названъ былъ прибрежный народъ, другіе были противуположнаго мнѣнія [1]). Морю Мэотійскому древніе географы обыкновенно придавали преувеличенные размѣры; полагали, что оно изливается въ Понтъ и питаетъ его своими водами [2]), поэтому называлось оно *матерью* или *кормилицей* Понта. Эти эпитеты Азовскаго моря близко подходятъ къ Великой матери Гезіодовой космогоніи, къ богинѣ *Маія* индусовъ, *всепитающей*, *всепроизведшей* [3]). Если таковое толкованіе справедливо, то море получило названіе свое самостоятельно и, потомъ, передало его прибрежнымъ обитателямъ. Съ другой стороны, окончаніе *матъ* въ этническихъ названіяхъ сауроматъ, сарматъ, язаматъ, представляетъ почти тождество съ *Мадъ* гвоздеобразныхъ надписей, съ библейскимъ *мадаи*, изъ которыхъ первое означаетъ страну Мидію [4]), а второе мидянъ. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, у древнихъ писателей встрѣчаются указанія на то, что скиѳы вывели изъ Мидіи множество плѣнниковъ и поселили ихъ на сѣверномъ Кавказѣ, но совершенно невѣроятно, чтобы эти плѣнники могли сдѣлаться прародителями великаго племени сарматовъ, имя которыхъ всегда распространяемо было на множество народовъ, представляя столь же обширное и неопредѣленное значеніе, какъ и имя скиѳовъ, съ которыми сарматы постоянно бы-

1) *Uckert*: Skythien, 168.
2) *Геродотъ*, IV, 86.
3) *Ritter*: Vorhalle etc., 161.
4) *Lassen*: Altpersische Keilinschriften, 63.

ли смѣшиваемы, пока, наконецъ, не вытѣснили ихъ совершенно изъ исторіи. Скорѣе можно думать, что окончаніе *матъ* обнаруживаетъ не происхожденіе сарматовъ отъ мидянъ, а общеарійское родство ихъ, котораго слѣды должно искать по восточную сторону Каспія, въ особенности же, если слово *матъ* въ древнеарійскихъ языкахъ дѣйствительно означало народъ, племя [1]).

Нельзя не обратить вниманія на весьма любопытное сближеніе, сдѣланное между этническими названіями древняго Кавказа и таковыми же страны, весьма отдаленной отъ Кавказа,— Шотландіи. Римляне, проникнувъ впервые въ этотъ край, нашли, что туземныя племена дѣлились на три разряда: маіоты или меоты, обитатели низменностей, каледонцы—высокой лѣсной полосы, и, наконецъ, албанцы—горъ. Всѣ эти названія легко объясняются помощію кельтскаго языка [2]) На древнемъ Кавказѣ находимъ мы маіотовъ, живущихъ на низменной равнинѣ, прилежащей къ Азовскому морю, албанцевъ, живущихъ въ горной странѣ, въ Дагестанѣ; быть можетъ, даже, позволительно картвели, картовъ сравнить съ каледонцами. Таковыя сближенія покуда болѣе любопытны, чѣмъ поучительны, но замѣтимъ, что, по всей вѣроятности, кельты были первый арійскій народъ, коснувшійся Кавказскаго перешейка на пути своемъ къ западу,—ихъ присутствіе должно было обозначиться въ мѣстныхъ топографическихъ названіяхъ, которыя сохраняются даже и послѣ удаленія народа, давшаго таковыя названія. Это можетъ со временемъ сдѣлаться предметомъ тщательнаго изученія, которое разъяснитъ многое для исторіи древняго Кавказа.

Какое бы ни было происхожденіе названія мэотовъ или матовъ, во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться, что сарматы были одноплеменны съ ними или, лучше сказать, выражаютъ собою

1) *Vivien de St. Martin* въ Nouv. ann. des voyages. 1847. janv. et févr., p. 122.

2) Тамъ же, стр. 126.

подраздѣленіе великаго мэотскаго племени. Это подраздѣленіе должно опредѣляться начальнымъ слогомъ имени *сар*, въ которомъ всего естественнѣе видѣть персидское или, лучше сказать, арійское слово *сар*, *сер*, значущее *голову*, *передовую часть*. Мы знаемъ, сверхъ того, что въ древнія времена, по сѣверную сторону Кавказа, жилъ народъ, носившій названіе *саргетовъ*, составленное, повидимому, также, какъ и названіе сарматовъ. Итакъ послѣднее имя значитъ *передовые маты* или маэты. Все заставляетъ думать, что маты или маэты отъ лѣваго берега Дона и берега Азовскаго моря распространялись далеко вглубь страны, къ сѣверу и востоку. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть случаи ближе познакомиться съ этимъ племенемъ. По словамъ Скилакса, гюйнакократумены составляли одно изъ сарматскихъ племенъ: это есть названіе чисто греческое, значущее: *управляемые женщинами*. Въ Геродотѣ найдемъ мы объясненіе этого названія.

Начиная отъ Дона, вдоль азіятскаго берега Азовскаго моря, жили, по словамъ Скилакса, три народа, сарматы, меоты и синты: послѣдніе распространялись и за Босфоръ Киммерійскій. Такъ какъ разстояніе отъ Дона до Кубани невелико, а, между тѣмъ, судя по всѣмъ сказаніямъ, оба первые народа были многочисленны, то должно думать, что они лишь клиньями сходились у Азовскаго моря, и что сарматы распространялись по направленію къ сѣверо-востоку, къ землѣ нынѣшнихъ донскихъ казаковъ, между тѣмъ какъ меоты жили въ Черноморіи и въ Ставропольской губерніи. *Сарматы, передовые маты*, значило, слѣдовательно, *наиболѣе удаленные къ полуночи* маты. Мы не можемъ опредѣлить въ точности, гдѣ начиналась и гдѣ кончалась страна синтовъ, но изъ описанія Скилакса видно, что вся дельта Кубани находилась внутри ея. Греческій городъ Патусъ есть безъ сомнѣнія городъ Бата Страбона, находившійся, какъ полагаютъ, около нынѣшняго Новороссійска. Названіе Синтія, синты, возбудило много догадокъ между новѣйшими учеными. Въ древнѣйшихъ рукописяхъ Геро-

дота обыкновенно встрѣчаются Индике и инды, вмѣсто позднѣйшихъ употребительныхъ у классическихъ географовъ названій Синдія, Синдике, Синтія, или синдовъ, синтовъ [1]). У Стефана Византійскаго, при описаніи Босфора Киммерійскаго, употреблено названіе Индике вмѣсто Синдике [2]). Гезихій пишетъ: *синды народъ индійскій.* Кромѣ азіятскаго берега Босфора Киммерійскаго, народъ синды и страна Синдике встрѣчаются въ древней географіи и въ другихъ мѣстахъ: на низовьяхъ Дуная, во Ѳракіи, Скиѳія Синдская при устьѣ Буга, на островѣ Лемносѣ, въ Малой Азіи, на границахъ Ликіи и Каріи. Риттеръ [3]) полагаетъ, что настоящее названіе во всѣхъ этихъ случаяхъ было Индія и Индике и что Синдія и Синдике произошли вслѣдствіе недоумѣній и умничанья позднѣйшихъ географовъ и переписчиковъ. На этой догадкѣ основываетъ онъ предположеніе свое о древнѣйшей колонизаціи берега Понта Эвксинскаго выходцами изъ Индустана, вынужденными покинуть отчизну свою вслѣдствіе религіозныхъ гоненій. При этомъ нельзя не отдать полной справедливости остроумію и учености, помощію которыхъ Риттеръ отстаиваетъ свою смѣлую гипотезу. Вивьенъ де С. Мартенъ [4]) тоже признаетъ за синдами Босфора Киммерійскаго индійское происхожденіе, но почитаетъ какъ ихъ, такъ и одноименниковъ ихъ, жившихъ въ разныхъ мѣстахъ, за передовые рои цыганъ, появившіеся въ Европѣ за много вѣковъ до Р. Х. Дѣйствительно, мнѣніе, что цыгане не одновременно вышли изъ Индіи и что выселеніе ихъ, хотя и съ большими перерывами, началось еще съ незапамятныхъ временъ, имѣетъ въ пользу себя много доводовъ. Въ видѣ доказательства, что древніе прикубанскіе синды были цыгане, приводятъ и глу-

1) *Ritter*: Vorhalle etc., 157.
2) *Steph. Byz.* ed. Berkel, стр. 233, пр. 20.
3) Vorhalle etc., 159.
4) Nouv. ann. des voyages. Juillet 1847, p. 29 et suiv.

бокое презрѣніе, съ которымъ нѣкоторые писатели первыхъ вѣковъ послѣ Р. Х. говорятъ о нихъ. Но все это далеко не убѣдительно. Если бы прикубанскіе синды были, дѣйствительно, цыгане, то наружность ихъ обратила бы на себя вниманіе греческихъ описателей, подобно тому, какъ наружность колховъ обратила на себя вниманіе Геродота. Никакого замѣчанія въ этомъ отношеніи мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Притомъ, цыгане вездѣ и всегда являются намъ въ видѣ бродягъ: о синдахъ мы знаемъ, что они управлялись царями, имѣли города и не чужды были воинственности. Съ гораздо большимъ правдоподобіемъ можно произвести названіе синдовъ отъ санскритскаго *синдху* (sindhu) отъ англосаксонскаго и скандинавскаго sund, уцѣлѣвшаго до сихъ поръ въ географическомъ названіи *Зундъ*. Въ древнихъ индо-европейскихъ языкахъ можно найти много словъ, принадлежавшихъ къ этому корню: всѣ они означали *море* или *рѣку* [1]). Отсюда видно, что синты, синды значило *приморскіе жители*, *поморяне* или, быть можетъ, *прирѣчные жители*, такъ какъ жили они на дельтѣ Кубани. Отсюда становится также понятнымъ, почему названіе это встрѣчается для столь многихъ народовъ, жившихъ въ отдаленныхъ одна отъ другой странахъ. Само собою разумѣется, что таковое толкованіе нисколько не объясняетъ намъ, къ какому племени принадлежали прикубанскіе синды, потому что намъ остается неизвѣстнымъ, какъ они сами себя называли. Присутствіе этого имени на устьяхъ Кубани можетъ служить для насъ лишь примѣтою, въ числѣ множества другихъ, что народы, говорившіе древнѣйшими арійскими языками, нѣкогда обитали въ этой странѣ и оставили по себѣ слѣды въ географическихъ и этническихъ названіяхъ. Послѣднія, быть можетъ, усвоены были, потомъ, народомъ вовсе не арійскаго происхожденія.

1) *Pictet*: Origines indo-europ., I, 118.

Такъ какъ Скилаксъ описываетъ восточный берегъ Чернаго моря, слѣдуя отъ сѣвера къ югу, то послѣдній изъ греческихъ народовъ, поименованныхъ имъ въ Синдіи, долженъ быть самый южный. Между тѣмъ Синдія кончается, по словамъ его, не городомъ Патусомъ, а Синдскимъ портомъ. Это можетъ заставить усумниться въ тождественности Патуса съ Страбоновымъ городомъ Батой. Патусъ, какъ можно заключить, лежалъ внутри страны, между тѣмъ какъ Бата несомнѣнно находилась при морѣ [1]). Впрочемъ, какъ мы сказали выше, описаніе Скилакса драгоцѣнно въ видѣ общихъ указаній, но нечего искать въ немъ точности. Не должно, сверхъ того, выпускать изъ виду, что оно несомнѣнно подверглось множеству позднѣйшихъ исправленій и вставокъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ, быть можетъ, и исчисленіе греческихъ городовъ въ Синдіи.

За землею синдовъ, гдѣ бы она ни кончалась, слѣдуетъ по направленію къ югу, вдоль восточнаго берега Чернаго моря, земля керкетовъ. Скилаксъ говоритъ, что въ землѣ послѣднихъ мы находимъ еллинскій городъ Торикосъ съ гаванью. Какъ бы ни перемѣщались въ теченіе вѣковъ прибрежные жители, но, само собою разумѣется, очертаніе берега осталось неизмѣннымъ или, по крайней мѣрѣ, не измѣнилось значительно. Греческіе города съ гаванями могли возникать тамъ, гдѣ тому благопріятствовала природа. Начиная отъ Фанагоріи, положеніе которой не можетъ подавать повода къ сомнѣніямъ, мы встрѣчаемъ, подаваясь къ югу, вдоль морскаго берега, послѣдовательно удобныя для пристанища кораблей: лиманъ Кизиль-ташскій, бухту Цемесскую (Новороссійскую) и бухту Геленджикскую. Соотвѣтственно этимъ тремъ удобнымъ пристанищамъ, мы находимъ греческіе приморскіе города: Синдскій портъ, Бату и Торикосъ. Послѣдній, такимъ образомъ, рас-

1) *Страбонъ*, XI, 496.

положенъ былъ у Геленджикской бухты. Теперь, народъ, живущій въ окрестностяхъ Геленджика, называемъ мы въ общемъ смыслѣ черкесами; за 24 вѣка тому назадъ, Скилаксъ назвалъ ихъ керкетами. *Черкесъ* и *керкесъ* очевидно тождественны, особенно, если мы примемъ въ соображеніе, что въ греческомъ алфавитѣ не было буквы *ч*. Названіе это необъяснимо посредствомъ греческаго языка; народу, которому придаемъ мы его, оно до сихъ поръ неизвѣстно. Существуетъ созвучіе и кажущаяся логическая связь между нимъ и персидскимъ словомъ *серкешъ*, означающимъ человѣка непокорнаго, строптиваго,—но едва ли позволительно объяснять названіе, существовавшее уже за 24 вѣка тому назадъ, помощію нынѣшняго персидскаго языка, столь же новаго, какъ языки французскій или англійскій. Итакъ, намъ остается сказать, что названіе черкесъ или керкесъ ждетъ еще объясненія и можетъ быть дождется его, когда языки кавказскихъ горцевъ подвергнутся тщательному изученію.

Повидимому, Скилаксъ усваиваетъ названіе керкетовъ для весьма немногочисленнаго народа, потому что между Торикосомъ (Геленджикомъ) и Діоскуріей (на устьѣ Кодора), по протяженію берега около 320 верстъ, помѣщаетъ онъ множество другихъ народовъ. За керкетами слѣдуютъ у него ахаіи. Таковое названіе, конечно, не могло не возбудить вниманія грековъ, которые не усумнились въ греческомъ происхожденіи этого народа, толкуя, впрочемъ, это происхожденіе весьма разнообразно. Дикость нравовъ ахайцевъ, несходство языка ихъ съ греческимъ, греки объясняли вѣковымъ перерывомъ всякихъ сношеній съ первоначальной родиной. Многіе ученые старались открыть слѣды имени ахайцевъ въ этническихъ названіяхъ нынѣшнихъ обитателей Черноморскаго берега, но всѣ эти попытки, какъ кажется, были неудовлетворительны. Графъ Потоцкій [1]) пишетъ, что большая часть

1) Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase, II, 212

кавказскихъ народовъ называетъ абхазцевъ ахуазъ (akhouaz), и посему считаетъ греческихъ ахаіевъ за абхазцевъ. Географическое положеніе послѣднихъ вовсе не соотвѣтствуетъ мѣсту, гдѣ Скилаксъ помѣщаетъ ахаіевъ. Вивьенъ де С. Мартенъ [1]) видитъ ахаіевъ въ абазинскомъ племени chakhé или sakhi, подъ которымъ, вѣроятно, должно подразумѣвать убыхское племя саше или сочи, но въ этомъ названіи трудно пріискать даже какое либо созвучіе съ ахаіями, не говоря уже о географическомъ противурѣчіи. Дюбуа [2]) полагаетъ, что ахаіи суть нынѣшніе натухаи; г. Властовъ [3]) объясняетъ послѣднее названіе тѣмъ, что, вѣроятно, ахаіи вынуждены были покинуть прибрежье моря и удалиться въ горы, часть которыхъ, между Новороссійскомъ и Геленджикомъ, называется Нако или, согласно гортанному горскому выговору, Наткхо, откуда *наткхо-ахаіи*, натухаи. Но, при этомъ, нельзя не замѣтить, что натухаи сами себя называютъ *ноткуаджъ*, и это настоящее туземное названіе дѣлаетъ невѣроятнымъ выводъ, основанный на одномъ созвучіи.

За ахаіями далѣе къ югу слѣдуютъ геніохи: чисто греческое названіе, значущее *возничіе*. Этому народу греки придавали также греческое и, притомъ, миѳическое происхожденіе; говорили, что родоначальниками ихъ были возничіе колесницы божественныхъ близнецовъ Діоскуровъ, Кастора и Поллукса, сопутствовавшихъ Аргонавтамъ. Мы выше объяснили, что служеніе Асвинамъ или Діоскурамъ, быть можетъ, распространено было по берегамъ Понта Эвксинскаго еще прежде посѣщенія ихъ греческими мореплавателями. Таковое туземное служеніе могло представиться грекамъ въ видѣ доказательства, что берега эти нѣкогда освящены были присутствіемъ Діоскуровъ, всего вѣроятнѣе, во время похода Арго-

1) Nouv. ann. des voyages, 1847, Mai, 166.
2) Voyage autour du Caucase, I, 69.
3) Nouv. ann. des voyages, 1859, Avril, 91.

навтовъ. Наконецъ, какое либо туземное преданіе подало грекамъ поводъ думать, что извѣстное племя прямо происходитъ отъ возничихъ колесницы Діоскуровъ, и это племя назвали они *возничими*, геніохами, хотя бы само себя называло оно совершенно иначе. Не смотря на все это, гораздо естественнѣе предположить, что греки всѣ выводы свои основали на случайномъ сходствѣ названія какого либо туземнаго племени съ словомъ *геніохи*, возничіе, и что это племя, въ видѣ исправленія испорченнаго будто бы первоначальнаго названія, наименовали они геніохами. Но между этническими именами нынѣшнихъ туземныхъ обитателей восточнаго берега Чернаго моря, не встрѣчается ни одного, которое бы представляло хотя бы даже отдаленное созвучіе съ геніохами [1]). Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, названіе геніоховъ придавалось многимъ племенамъ, жившимъ въ разныхъ мѣстахъ западной части Закавказья и даже Малой Азіи: можно думать что племя это было многочисленно, но жило раздробленно, небольшими обществами, посреди другихъ народовъ. Горы, изъ которыхъ беретъ начало свое Кура, назывались у древнихъ *горами геніоховъ*, Heniochorum montes [2]). Инджиджіанъ полагаетъ, что греческое названіе геніохи или, какъ онъ ихъ называетъ, Геніокьянъ, есть искаженное армянское названіе тѣхъ же горъ Окагнъ, по имени округа Окагъ провинціи Дайкъ. Таковое толкованіе весьма сомнительно и не можетъ относиться до геніоховъ, найденныхъ греками на берегу Чернаго моря. Есть другое толкованіе, заслуживающее, если не полнаго довѣрія, то, по крайней мѣрѣ, вниманія. Теперь, такъ называемые нами черкесы, или, лучше сказать, адиге, называютъ лезгинъ ганноаче,— названіе необъяснимое и неизвѣстное самимъ лезгинамъ, но представляющее близкое созвучіе съ греческими геніохами. Лезгинъ въ настоящее время нѣтъ, ни

1) *Л. Я. Люлье*: двѣ статьи о черкескихъ племенахъ въ Запискахъ Кавк. Отд. Геогр. Общества. Тифлисъ. 1857. кн. IV.

2) *Plinii:* Hist. nat. VI, 10.

на восточномъ берегу Чернаго моря, ни даже въ цѣломъ западномъ Закавказьѣ; нѣтъ даже никакихъ доказательствъ, чтобы они когда либо жили тамъ, потому что родство лазовъ съ лезгинами, допущенное нѣкоторыми этнографами, крайне сомнительно. Но съ другой стороны мы знаемъ, что, почти въ наше время еще, лезгины, пользуясь неурядицей западной части Закавказья, постоянно бродили по ней въ видѣ разбойничьихъ шаекъ; такъ могло быть и въ самыя отдаленныя времена. Наиболѣе разбоевъ производили они вдоль лѣсистаго хребта, отдѣляющаго бассейнъ Верхней Куры отъ бассейна Ріона, и весьма вѣроятно, что на этомъ основаніи хребетъ этотъ называетъ грузинами *Ликхисъ-мта*—Лезгинскія горы. Этотъ хребетъ можетъ почитаться за тотъ самый, который Плиній называетъ *горами геніоховъ*, что можетъ служить подтвержденіемъ справедливости сближенія геніоховъ съ лезгинами, ганноаче. Въ настоящее время, конечно, нельзя разрѣшить вопросъ о единоплеменности древнихъ геніоховъ съ лезгинами иначе, какъ изслѣдованіемъ, при помощи лезгинскаго языка, мѣстныхъ названій въ странахъ, занимаемыхъ шапсугами и убыхами, такъ какъ должно думать, судя по послѣдовательности названій, что геніохи жили около этихъ мѣстъ. Быть можетъ даже, изслѣдованіе убыхскаго языка, о которомъ мы знаемъ лишь то, что онъ нисколько не сходенъ съ языкомъ адиге, — обнаружитъ въ немъ присутствіе лезгинскихъ элементовъ.

За геніохами слѣдуютъ у Скилакса кораксы. Повидимому, это есть также чисто греческое названіе, съ легкою неправильностію означающее *вóроны*. Быть можетъ, греческіе мореходцы на этомъ протяженіи берега усмотрѣли жилища туземцевъ, прилѣпленныя къ крутизнамъ на большой высотѣ, и эти жилища нашли они похожими на вороновы гнѣзда. Другое толкованіе менѣе живописно, за то болѣе правдоподобно. Западная часть Кавказскаго хребта у многихъ классическихъ географовъ носитъ названіе горъ Коракскихъ, Coraxii montes. Это названіе напоминаетъ

собою слова кельтскихъ языковъ: carraic=утесъ, careg=камень, karrek=подводная скала и проч. [1]). И такъ кораксы значитъ *обитатели утесистыхъ горъ*, что вполнѣ соотвѣтствуетъ свойствамъ морскаго берега въ землѣ нынѣшнихъ шапсуговъ и убыховъ. Дюбуа [2]) полагаетъ, что кораксы суть нынѣшніе цебельдинцы: таковой выводъ, конечно, нельзя сдѣлать на основаніи описанія Скилакса. Замѣчательно сказаніе Плинія [3]), что Куръ беретъ начало свое въ горахъ геніоховъ, которыя нѣкоторыми называются горами кораксовъ. Такимъ образомъ, названія геніоховъ и кораксовъ встрѣчаются рядомъ или слитно въ двухъ отдаленныхъ одно отъ другаго мѣстахъ Кавказскаго перешейка.

Отъ Торикоса (Геленджика) до Діоскуріи (на устьѣ Кодора) Скилаксъ не называетъ ни одного еллинскаго города, что весьма понятно, потому что отъ Геленджикской до Сухумской бухты морской берегъ не представляетъ естественныхъ безопасныхъ для кораблей пристанищъ. Поэтому эта часть берега была наименѣе извѣстна греческимъ мореплавателямъ, и, за неимѣніемъ положительныхъ свѣдѣній, они должны были въ описаніяхъ своихъ прибѣгать къ условнымъ подраздѣленіямъ, которыхъ происхожденіе намъ едва-ли возможно объяснить. При таковыхъ условіяхъ, одно и то же племя прибрежныхъ обитателей могло представляться въ видѣ нѣсколькихъ особыхъ народовъ и наоборотъ, нѣсколько различныхъ народовъ могли въ описаніи сливаться въ одинъ народъ. Поэтому, если даже въ теченіи 24-хъ вѣковъ, народонаселеніе восточнаго берега Чернаго моря, и не измѣнилось въ главныхъ элементахъ своихъ, то напрасно было бы отыскивать точное соотношеніе между нынѣшними этническими единицами и тѣми, которыя встрѣчаемъ мы въ Периплѣ Скилакса. За кораксами слѣдуютъ у него народы колике и меланхлены. Значеніе перваго

1) *Pictet*: Origines indo-europ., I, 74.
2) Voyage autour du Caucase, I, 309.
3) Hist. nat., VI, 10.

названія, которое встрѣчается также въ видѣ корике, необъяснимо; можно думать, что Скилаксъ ошибочно употребилъ названіе страны вмѣсто названія народа, которое у другихъ классическихъ писателей находимъ мы въ видѣ коловъ. Послѣднее, быть можетъ, одного происхожденія съ названіемъ колховъ [1]). Болѣе опредѣлительныя свѣдѣнія, чѣмъ о народѣ колахъ, имѣемъ мы о странѣ Колике. Чтобы объяснить, какое понятіе древніе имѣли объ этой странѣ, замѣтимъ, что восточный берегъ Чернаго моря, отъ Босфора Киммерійскаго до Діоскуріи, въ дѣйствительности направляющійся отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, по мнѣнію ихъ, имѣлъ направленіе почти прямо отъ запада къ востоку, такъ что составлялъ болѣе естественное цѣлое съ берегомъ южной Россіи, чѣмъ съ берегомъ Колхиды. Главный Кавказскій хребетъ, сопровождающій эту часть береговаго протяженія, казался тоже направляющимся отъ запада къ востоку, но потомъ образовалъ изломъ почти подъ прямымъ угломъ и уходилъ, по мнѣнію древнихъ, въ невѣдомую даль на сѣверъ, гдѣ, близъ полюса, соединялся съ миѳическими Риѳейскими горами. Страна, въ которой направленіе Кавказа составляло изломъ, называлась Колика [2]). Какъ ни ошибочно было понятіе древнихъ географовъ о направленіи Кавказа, но изломъ его могли они видѣть съ моря на высотѣ мыса Адлера и Гагръ. Итакъ, должно полагать, что по близости этихъ двухъ пунктовъ находилась страна Колика и обиталъ народъ меланхлены, т. е. *черноодѣтые*. Извѣстно, что греки знали о существованіи на глубокомъ сѣверѣ, въ отдаленныхъ предѣлахъ Скиѳіи, какого то народа, который они называли также меланхленами. Очевидно, что между скиѳскими и кавказскими меланхленами не было ничего общаго, кромѣ развѣ обычая одѣваться въ черныя одежды; отсюда видно также, какъ греки мало забо-

1) *Vivien de St. Martin* въ Nouv. ann. des voyages. 1847. Mai, 163.
2) *Plinii,* Hist. nat., VI, 5.

тились о настоящихъ народныхъ названіяхъ, замѣняя ихъ произвольно составленными. Скилаксъ говоритъ, что въ землѣ меланхленовъ протекаютъ рѣка Метазорисъ и рѣка Айгиппіосъ или Айгуптіосъ. Оба эти названія, повидимому, даны самими греками; въ послѣднемъ слышится или отголосокъ Египта, или, что гораздо вѣроятнѣе, греческое слово hippos, конь. Послѣднее значеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что часто встрѣчается для рѣкъ на востокѣ, изображая собою быстроту теченія. Мы сказали выше, что землею Колике и меланхленовъ греки вѣроятно называли окрестности мыса Адлера и Гагръ: теперь въ этихъ окрестностяхъ живетъ племя медозюи (медовѣевцы на нашихъ картахъ) и подраздѣленіе его аибга. Быть можетъ, въ названіи медозюи отзывается греческое Метазорисъ и въ аибга Аигиппіосъ. Соединеніе нѣсколькихъ примѣтъ дѣлаетъ таковое сближеніе небезосновательнымъ.

Полагая, что народъ колике и меланхлены жили сѣвернѣе Гагринскаго прохода и принимая въ соображеніе, что Діоскурія (на устьѣ Кодора), по словамъ Скилакса, находилась въ Колхидѣ, мы должны заключить, что промежуточный народъ, гелоны, обиталъ въ сѣверной части Абхазіи, въ нынѣшнемъ Бзыбскомъ округѣ. Гелоновъ по сосѣдству съ Колхидой помѣщаетъ исключительно одинъ Скилаксъ, но это названіе, подобно названію меланхленовъ, встрѣчается у другихъ авторовъ для народа, жившаго на глубокомъ сѣверѣ въ отдаленныхъ предѣлахъ Скиѳіи, и, притомъ, о немъ сообщаются подробности, которыя дѣлаютъ его весьма занимательнымъ для изслѣдователей темнаго вопроса о доисторическомъ родствѣ народовъ. Существовала ли какая либо связь между скиѳскими и кавказскими гелонами и если существовала, то распространилось ли это племя изъ Скиѳіи до Кавказа или обратно? Риттеръ [1]), на основаніи гипотезы своей, что

1) Vorhalle etc., 266.

колхи суть индійскіе выходцы и что древняя индійская цивилизація отъ береговъ Чернаго моря распространилась на сѣверъ, вглубь Европы, полагаетъ, что гелоны съ Кавказа перешли въ Скиѳію и что гелоны Скилакса суть остатки этого племени на Кавказѣ. Графъ Потоцкій [1]) думаетъ, что гелоны суть древнѣйшіе скиѳы, разсѣявшіеся въ разныя страны, послѣ основанія греками колоній по берегамъ Чернаго моря; въ простонародномъ языкѣ жителей Суздальской стороны ищетъ Потоцкій доказательства происхожденія ихъ отъ гелоновъ. Дюбуа [2]) полагаетъ, что гелоны, вслѣдствіе экспедиціи Дарія въ Скиѳію, вытѣснены были съ сѣвера въ нѣдра Кавказскихъ горъ. Невѣроятно, чтобы они достигли Закавказья уже во времена Скилакса, который, какъ должно думать, былъ современникомъ Дарія. Конечно, всѣ таковыя предположенія въ высшей степени гадательны. За невозможностію разрѣшить вопросъ, гораздо естественнѣе остановиться на томъ заключеніи, что греки совершенно произвольно придали какому то неизвѣстному кавказскому племени названіе гелоновъ, которое было знакомо имъ еще по Скиѳіи. Конечно, въ Абхазіи, въ Сванетіи, въ Мингреліи много можно найти собственныхъ именъ, заключающихъ въ себѣ звукъ гели, но таковыя имена съ гораздо большимъ вѣроятіемъ производятъ отъ имени Гели (Иліи). Съ другой стороны если допустить, что племена, которыхъ представителей находимъ мы теперь лишь между обитателями Дагестана, нѣкогда распространялись до берега Чернаго моря, то въ имени припонтійскихъ гелоновъ можно видѣть древнихъ геловъ, которые упоминаются рядомъ съ легами (лезгинами) и которые оставили слѣдъ пребыванія своего на южномъ берегу Каспійскаго моря, сообщивъ имя свое персидской провинціи Гиляну.

Колхида Скилакса, повидимому, кромѣ нынѣшнихъ Мингреліи, Гуріи и Самурзакани, заключала въ себѣ большую часть

1) Voyages dans les steppes etc., II, 123.
2) Voyage autour du Caucase, VI, 400.

Абхазіи: Діоскурія (на устьѣ Кодора) помѣщается въ Колхидѣ. Точное названіе города и рѣки Гюеносъ можетъ подавать поводъ къ сомнѣніямъ: у Стефана Византійскаго, который пользовался не дошедшими до насъ греческими сочиненіями, встрѣчается колхидскій городъ Пюенисъ и городъ и рѣка Тюенисъ. Разнообразіе произошло, быть можетъ, отъ погрѣшностей переписчиковъ. О греческомъ городѣ, носившемъ одно изъ этимъ именъ, мы знаемъ лишь то, что онъ нѣкогда существовалъ. На картѣ отца Ламберти, составленной около 1620 г., на правомъ берегу рѣки Меркулы, близъ Очемчиръ, показано селеніе Тгуанасъ, нынѣ несуществующее. Весьма вѣроятно, что это названіе указываетъ на положеніе греческаго города Гюеносъ [1]). Допустивъ, что рѣка Гюеносъ означаетъ нынѣшнюю Меркулу, мы находимъ у Скилакса въ промежуткѣ между этой рѣкой и Фазисомъ три рѣки: Херобіосъ, Хорсосъ и Аріосъ. Этотъ промежутокъ, заключающій въ себѣ весь Самурзаканскій и Мингрельскій берегъ, орошается сначала цѣлымъ лабиринтомъ рѣчекъ, изъ числа которыхъ большая часть суть протоки или старыя русла Ингура; за Ингуромъ протекаютъ двѣ Джуры, Хопи и Набада. Должно полагать, что Херобіосъ означаетъ Ингуръ; Хорсосъ по всей вѣроятности есть Хопи; теперь вдоль праваго берега этой рѣки тянется большое селеніе Хорга, имя котораго весьма близко подходитъ къ Хорсосу; затѣмъ Аріосъ есть Набада, незначительная рѣчка, которую, быть можетъ, замѣтили греческіе мореплаватели, между тѣмъ какъ обѣ Джуры, тоже весьма незначительныя, ускользнули отъ ихъ вниманія. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Фазисъ Скилакса есть Ріонъ. Родиной Медеи Скилаксъ называетъ большой варварскій т. е. негреческій городъ Мале. Это названіе не встрѣчается ни у кого, кромѣ Скилакса; притомъ, въ цѣломъ древнемъ мірѣ родиной Медеи почи-

1) *Dubois*: Voyage autour du Caucase, I, 309, 336.

талась Китея, гдѣ бы, впрочемъ, эта Китея ни находилась или, хотя бы даже, ея нигдѣ нельзя было отыскать. Посему весьма вѣроятно, что Мале есть описка или ошибочное повтореніе греч. слова megale, *большой*, какимъ Скилаксъ называетъ варварскій городъ, родину Медеи. Само собою разумѣется, что тутъ не можетъ быть рѣчи о замкѣ Кутатисіѣ, о нынѣшнемъ Кутаисѣ. Скилаксъ говоритъ, что должно плыть вверхъ по Фазису 180 стадій, чтобы достигнуть большаго варварскаго города, родины Медеи. Не придавая строгости этимъ исчисленіямъ, замѣтимъ, что отъ Кутаиса до морскаго берега по прямому направленію верстъ 100, между тѣмъ какъ 180 стадій составляютъ не болѣе 27 верстъ, такъ что родина Медеи приходится гдѣ либо между Чалодиди и устьемъ Цивы, а не въ Кутаисѣ. Слѣдующія три рѣки, называемыя Скилаксомъ, какъ должно думать, впадали въ Черное море южнѣе Ріона. Апсаросъ, южнѣйшая изъ трехъ рѣкъ, упоминается многими позднѣйшими географами и всего вѣроятнѣе, что подъ этимъ именемъ должно подразумѣвать Чорохъ. Между Чорохомъ и Ріономъ, значительнѣйшія изъ числа впадающихъ въ море рѣкъ суть Супса и Натанеба или Чалока. Ирисъ, быть можетъ, по ошибкѣ поставленъ вмѣсто Изисъ, которымъ позднѣйшіе географы называли Натанебу, какъ все въ томъ убѣждаетъ. Рисъ долженъ означать Супсу, но многіе критики почитаютъ это названіе у Скилакса позднѣйшею вставкою переписчиковъ.

Свѣдѣнія географическія и историческія о далекихъ странахъ и народахъ долгое время ходили по Греціи исключительно въ изустномъ видѣ. Въ VI в. начали записывать ихъ: появились творенія такъ называемыхъ логографовъ т. е. *писателей въ прозѣ со словъ*, послужившія матеріалами для позднѣйшихъ географовъ и историковъ. Имена логографовъ извѣстны намъ лишь по ссылкамъ на ихъ творенія, до насъ не дошедшія. Не далѣе еще, какъ въ V в. по Р. Х., греческій географъ или грамматикъ Стефанъ Византійскій пользовался сочиненіями логографовъ для своего

большаго лексикона грамматико-географическаго, въ которомъ, между прочимъ, заключалось множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній о древнемъ Кавказѣ, но отъ книги Стефана Византійскаго до насъ дошло лишь одно неудачно составленное сокращеніе. Изъ него мы видимъ, что Стефанъ Византійскій большую часть свѣдѣній о древнемъ Кавказѣ заимствовалъ изъ сочиненій Гекатея Милезійскаго и Гелланика Лезбійскаго: отъ послѣдняго дошло до насъ, впрочемъ, весьма немного отрывковъ. Гекатей пользовался большою знаменитостію въ классическомъ мірѣ; многіе даже позднѣйшіе писатели почитали его не только самымъ древнимъ, но и самымъ достовѣрнымъ историкомъ; Геродотъ не разъ упоминаетъ о немъ [1]. По нѣкоторымъ извѣстнымъ намъ обстоятельствамъ жизни Гекатея можно полагать, что онъ жилъ въ концѣ VI в. до Р. Х. Свѣдѣнія Гекатея о Кавказскомъ перешейкѣ не ограничивались однимъ лишь прибрежьемъ Чернаго моря, онъ многое зналъ и о внутренности края. Онъ первый написалъ, что Фазисъ не находится въ соединеніи съ рѣкою-Океаномъ, опоясывающею землю; у Гекатея встрѣчается древнѣйшее, дошедшее до насъ, свѣдѣніе о Каспійскомъ морѣ, которое въ другомъ мѣстѣ называетъ онъ Гирканскимъ [2]. Но Гекатею извѣстенъ былъ одинъ лишь западный берегъ Каспія и, по всему можно думать, что море Каспійское или Гирканское почиталъ онъ *частію*, а не заливомъ рѣки-Океана [3]. На восточномъ берегу Чернаго моря, по словамъ его, находится страна Синдика; подлѣ нея живутъ иксибаты. Нѣтъ повода сомнѣваться, что названіе это тождественно съ язабаты, которые причисляемы были къ савроматскому племени; наконецъ, язабаты тождественны съ язаматы; послѣднее названіе объясняется посредствомъ аз-маты, т. е. азійскіе маты или

1) II, 143; V, 36.
2) *Uckert*: Skythien, p. 212.
3) *Humboldt*: Asie centrale, II, 162.

меоты. Мы выше замѣтили, что названіе Азіи спеціально принадлежало нѣкогда прикубанскому краю, что оттуда перенесено оно было въ Анатолію и, наконецъ, распространилось на цѣлую часть свѣта. О Кавказскомъ хребтѣ Гекатей говоритъ, что предгорія его называются Колійскими горами, страна, въ которой находятся онѣ, есть Колике, обитатели—колы. По близости коловъ живутъ кораксы, которыхъ Гекатей причисляетъ къ колхамъ, равно какъ и мосховъ. У Скилакса кораксы также означены рядомъ съ колами но только сѣвернѣе ихъ, слѣдовательно далѣе отъ колховъ, между тѣмъ какъ Гекатей, повидимому, кораксовъ, а не коловъ, присоединяетъ къ числу колхскихъ народовъ. Мосхи, безъ сомнѣнія, суть обитатели Месхіи, которые, какъ мы выше объяснили, принадлежали къ грузинскому племени. Вопреки Скилаксу, Гекатей почиталъ Кавказскій хребетъ границею между Европою и Азіей, такъ какъ изъ числа народовъ, живущихъ на Кавказѣ, дандаріевъ и типаниссовъ помѣщаетъ онъ въ Европѣ, а коловъ въ Азіи. Это есть неразрѣшимый споръ о границахъ между двумя частями свѣта, возникшій изъ того страннаго обстоятельства, что первоначально Азіей называлась страна по Кубани, несомнѣнно принадлежащая по физическимъ свойствамъ своимъ къ Европѣ. Дандары, какъ мы увидимъ изъ показаній позднѣйшихъ классическихъ писателей, жили по Кубани и составляли одно изъ меотійскихъ племенъ. Въ имени ихъ, которое является также въ видѣ дардары, нѣкоторые ученые [1]) видятъ промежуточное звено, связующее индійское племя дарада съ ѳракійским и мало-азіятскими дарданцами, праотцами троянъ. Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что имена азы и дарданы являются рядомъ, какъ на Кубани, такъ и на Геллеспонтѣ (Дарданеллахъ). Географическое положеніе дандаровъ дѣлаетъ сомнительнымъ сближеніе ихъ имени съ Дан-

1) Nouv. ann. des voyages. 1847. Mai, 173, janv. et févr., 151.

дарой, лежавшей въ сосѣдствѣ Діоскуріи и подавшей, быть можетъ, поводъ къ сказанію о тиндаридахъ. Кромѣ Гекатея, ни одинъ писатель древности не говоритъ о типаниссахъ; мы должны ограничиться тѣмъ свѣдѣніемъ, что они жили по сѣверную сторону Кавказа. Рядомъ съ мосхами Гекатей помѣщаетъ *матіеновъ*: Вивьенъ де С. Мартенъ полагаетъ, что названіе это есть *маты* или *мадаи* [1]) и означаетъ вообще мидянъ, сосѣдей мосховъ (грузинъ) къ востоку. Впрочемъ, матіеновъ встрѣчаемъ мы у Геродота [2]) рядомъ съ сапирами, подъ которыми тоже должно подразумѣвать грузинъ: въ этомъ мѣстѣ названіе матіеновъ не можетъ относиться вообще къ мидянамъ. Матіеной называлась мидійская провинція между озеромъ Урміей и Екбатаной [3]); слѣдовательно, лежала она вдали отъ страны мосховъ. Впрочемъ, сближеніе этихъ именъ у Гекатея можетъ быть объяснено тѣмъ, что географическія названія отдаленнаго востока извѣстны были ему случайно, а не послѣдовательно. Гекатей говоритъ также о рѣкѣ Араксѣ, подъ которымъ безъ сомнѣнія должно подразумѣвать Закавказскій Араксъ, такъ какъ восточный берегъ Каспія былъ ему неизвѣстенъ, и онъ не могъ ничего знать о Яксартѣ (Сыръ-Дарьѣ), который многіе древніе географы называютъ Араксомъ. Близъ низовій Аракса Гекатей помѣщаетъ народъ мюки: это названіе, быть можетъ, сохранилось до нынѣ въ названіи Муганской степи. Гекатей разсказываетъ, что у Гирканскаго моря поднимаются высокія, лѣсистыя горы; онъ говоритъ о Каспійскихъ воротахъ, до которыхъ доходитъ Мидія. Положеніе Каспійскихъ воротъ можетъ подавать поводъ къ недоумѣніямъ; нельзя быть увѣреннымъ, что названіе это обозначало Дербентскія ворота, такъ какъ значительная часть Кавказскаго хребта носила у древнихъ

1) Nouv. ann. des voyages. Mai, 174.
2) III, 94.
3) *Rennel*: Geogr. system of Herodotus, 277.

названіе Каспійскихъ горъ Во всякомъ случаѣ сказаніе Гекатея для насъ важно, обнаруживая значительное протяженіе Мидіи въ древнія времена вглубь восточнаго Закавказья. У Каспійскаго моря живутъ *катанны*, названіе покуда необъяснимое. Гекатею извѣстно было существованіе Арменіи, и едва ли онъ не первый изъ грековъ написалъ это имя. Сѣвернѣе Арменіи въ Малой Азіи, по словамъ Гекатея, живутъ халибы, у нихъ есть городъ по имени Стамене. Таковаго указанія недостаточно для опредѣленія географическаго положенія Гекатеевыхъ халибовъ, и тѣмъ менѣе, что нигдѣ болѣе не находимъ мы слѣдовъ существованія города Стамене. О халибахъ упоминается уже въ древнѣйшихъ греческихъ письменныхъ памятникахъ: Гомеръ [1]) говоритъ объ отдаленной странѣ алибовъ, мѣсторожденіи серебра. Тождественность этихъ алибовъ съ халибами весьма правдоподобна, о чемъ догадывался уже Страбонъ [2]). Гезіодъ не объясняетъ, гдѣ живутъ халибы, но называетъ ихъ скиѳскимъ народомъ, что ничего не опредѣляетъ [3]). Сличая показанія древнихъ авторовъ, нельзя не вывести заключенія, что халибы жили разсѣянно по разнымъ мѣстамъ Армянскаго плоскогорія и на прибрежьѣ Чернаго моря по близости Трапезунта. Отличительная черта ихъ, придавшая имъ громкую знаменитость въ глазахъ цѣлаго древняго міра, заключалась въ томъ, что они были рудокопы, ковачи, искусные дѣлатели желѣза и стали. Такъ даже у грековъ и римлянъ chalybs означало вообще *сталь*. Естественнымъ образомъ возникаетъ вопросъ, дѣйствительно ли эти халибы составляли народную единицу, хотя бы и жили они разрозненно, или это было названіе, подъ которое могли подходить разноплеменные народы, имѣвшіе между собою лишь то общее, что занимались преимущественно рудокоп-

1) Иліада, 2, 857.
2) XII, 549.
3) *Uckert*: Skythien, 521.

ствомъ. Откуда бы ни произошло первоначально названіе халибовъ, но нѣтъ сомнѣнія, что названіе это имѣло и нарицательное значеніе. Юстинъ [1]), говоря о выдѣлкѣ желѣза обитателями Испаніи, замѣчаетъ, что у нихъ оружіе пріобрѣтаетъ цѣнность только тогда, когда было закалено въ водѣ рѣкъ Бильбилиса или Халибса, что по имени послѣдней изъ двухъ рѣкъ прибрежные жители называются халибами и что сталь, ими выдѣлываемая, почитается наилучшею. Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что слово chalybs въ общемъ значеніи стали произошло отъ названія народа, а не наоборотъ. Этимологія этого слова необъяснима помощію арійскихъ языковъ. Наконецъ, названіе халибовъ не было занесено греками въ Арменію и Закавказье. Дюбуа весьма остроумно замѣтилъ [2]), что названіе Кульпы или Кольпы нѣсколько разъ повторяется въ Арменіи и въ Закавказьѣ, какъ то: на верхнемъ Араксѣ, при входѣ его изъ Турціи въ Эриванскую губернію, въ Казахскомъ участкѣ Тифлисской губерніи на р. Инжа-чаѣ и, наконецъ, въ Карскомъ пашалыкѣ на вершинахъ Куры. Всѣ эти мѣста замѣчательны по горнымъ промысламъ своимъ, солянымъ или желѣзнымъ. Мы знаемъ также, что греки нашли халибовъ на верхнемъ Араксѣ и на верхней Курѣ, что вообще халибы жили въ горныхъ мѣстахъ, представлявшихъ выгоды для горныхъ промысловъ. Таковыя сближенія не позволяютъ сомнѣваться въ соотношеніи между армянскимъ *кульпы* или *кольпъ* и греческими халибами. Нельзя не замѣтить при этомъ, еще разъ, что, какъ по всему видно, Закавказье въ глазахъ древнѣйшихъ историческихъ народовъ, представлялось страною ископаемаго богатства, страною хитрыхъ ковачей: въ библіи Ѳувалъ былъ ковачемъ всѣхъ орудій изъ мѣди и желѣза, Ѳувалъ и Мосохъ продаютъ сосуды мѣдные; оба эти имени принадлежатъ Кавказу. У грековъ золотое руно на-

1) Hist., XLIV, 3.
2) Voyage autour du Caucase, IV, 138.

ходится въ Колхидѣ; въ далекой странѣ алибовъ родится серебро, ковачи халибы одни обладаютъ тайной закаливать сталь, такъ что даже сталь въ древнемъ мірѣ назвалась ихъ именемъ. Трудно объяснить эту громкую знаменитость Закавказья дѣйствительнымъ богатствомъ его ископаемаго царства, о которомъ можемъ мы судить теперь лучше прежняго. Припомнивъ извѣстное намъ о древнемъ индо-понтійскомъ торговомъ пути, скорѣе можно думать, что Закавказье служило лишь для передачи на западъ ископаемыхъ сокровищъ Индіи и что, вмѣстѣ съ послѣдними, Закавказье пріобрѣло въ собственность и тайны рудокопнаго искусства, которыя на долгое время остались тайнами для запада. И теперь еще много можно найти примѣровъ въ торговомъ мірѣ, что товаръ, передаваемый какою либо страною, слыветъ за ея произведеніе.

Разбирая сказанія классическихъ писателей о Закавказьѣ, мы еще не разъ будемъ имѣть случай говорить о халибахъ, которые въ послѣдствіи времени встрѣтятся намъ подъ другимъ именемъ, также подающимъ поводъ къ многимъ заключеніямъ.

Весьма немногіе отрывки изъ Гелланика Лезбійскаго (жившаго незадолго до Геродота), переданные намъ Стефаномъ Византійскимъ, преимущественно относятся до сѣверныхъ скиѳскихъ народовъ. У Босфора Киммерійскаго живутъ синды, сѣвернѣе ихъ меоты. Далѣе говоритъ онъ о керкетахъ [1]): «выше ихъ живутъ мосхи и хариматы, ниже геніохи, выше кораксы». Таковое распредѣленіе народовъ трудно объяснить. Мы уже выше изложили мнѣніе о совершенной тождественности названій керкетъ и черкесъ: неизвѣстно, откуда они взялись, но всегда усвоиваемы были по преимуществу народомъ, жившимъ на восточныхъ берегахъ Азовскаго и Чернаго морей. Мы положительно знаемъ, что теперь нигдѣ не существуетъ народа, который бы самъ себя называлъ

1) *Hellan.*, ed. Sturz, p. 91.

черкесами, но между тѣмъ множество кавказскихъ туземныхъ народовъ называемъ мы черкесами, что весьма часто дѣлается по привычкѣ, безъ всякаго разумнаго основанія. Равнымъ образомъ можно заключить, что и за 24 вѣка тому назадъ не существовало на Кавказскомъ перешейкѣ народа керкетовъ, но у грековъ существовало таковое имя для кавказскихъ туземцевъ. Локализація этого имени дѣлалась болѣе или менѣе произвольно, и посему, керкетовъ у древнихъ авторовъ встрѣчаемъ мы то по близости Босфора Киммерійскаго, то въ сосѣдствѣ мосховъ, то даже близъ Трапезунта. О народѣ хариматахъ, жившихъ по словамъ Гелланика, рядомъ съ мосхами, мы не имѣемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній. Какъ видно, хариматы обитали по южную сторону Кавказскаго хребта. Окончаніе имени ихъ указываетъ ли на то, что народъ этотъ принадлежитъ къ числу меотическихъ племенъ, подобно сарматамъ, язаматамъ? Въ такомъ случаѣ, меоты распространялись по обѣ стороны Кавказскаго хребта, какъ осетины въ наше время, или, быть можетъ, окончаніе это обнаруживаетъ прямое родство хариматовъ съ матами, мидянами. Выше сдѣлали мы уже подобное предположеніе въ отношеніи къ матіенамъ, которые, по словамъ Гекатея, были также сосѣдями мосховъ.

Ферекидъ Скиросскій, жившій въ одно время съ Гекатеемъ или немногимъ ранѣе его, написалъ въ прозѣ большое сочиненіе о космогоніи и теогоніи, отъ котораго дошло до насъ нѣсколько разсѣянныхъ отрывковъ. Между прочимъ, описывалъ онъ борьбу Зевеса съ Тифеемъ, происходившую на Кавказѣ. Не видать, чтобы Ферекиду извѣстно было существованіе Каспійскаго моря, но замѣчательно, что Кавказъ называетъ онъ *пылающимъ* [1]): послѣ долгой борьбы на Кавказѣ огня небеснаго съ огнемъ подземнымъ,

1) *Pherecydes*, Fragm. ed. Sturz, 37, p. 154; *Humboldt*: Asie centrale, II, 163; Kosmos, trad. fr., II, 498.

Тифей удаляется съ Кавказа въ Сицилію и проваливается въ Этну. Въ этомъ древнемъ сказаніи о *пылающемъ Кавказѣ* не кроется ли изустное преданіе о волканическихъ явленіяхъ? Геогностическія условія Кавказа, изслѣдованныя столь тщательно проф. Абихомъ, равно какъ и соотношеніе Кавказа съ волканическимъ Тянъ-Шаномъ Средней Азіи, дѣлаютъ таковое предположеніе нелишеннымъ вѣроятія; но съ другой стороны, еще вѣроятнѣе, что понятіе о пылающемъ Кавказѣ родилось у грековъ вслѣдствіе этимологической случайности, которую мы будемъ имѣть случай объяснить. Какъ бы то ни было, но сказаніе Ферекида о пылающемъ Кавказѣ весьма неопредѣлительно. Нельзя не удивляться, почему такое поразительное явленіе, какъ вѣчные Бакинскіе огни, осталось незамѣченнымъ даже позднѣйшими классическими писателями: въ цѣлой древней литературѣ не находимъ мы на нихъ никакого прямого указанія. Даже грязные волканы Таманскаго полуострова были не замѣчены или, по крайней мѣрѣ, не описаны древними. Сближеніе съ ними *адскаго зѣва*, черныхъ и смрадныхъ водъ адскихъ рѣкъ Коцита и Ахерона [1]) кажется довольно произвольнымъ, между тѣмъ какъ Страбонъ, подробно описавшій окрестности Фанагоріи, ни слова не говоритъ о тамошнихъ грязныхъ волканахъ.

По мѣрѣ распространенія положительныхъ свѣдѣній о Кавказскомъ перешейкѣ измѣняется и характеръ греческихъ поэтическихъ сказаній о Кавказѣ. Говоря о походѣ Аргонавтовъ, мы старались доказать, что первоначально, пока греки мечтали о заморскихъ странахъ, сами не пускаясь въ море, пока разсказы о томъ, что существуетъ внѣ тѣснаго греческаго горизонта, доходили до нихъ черезъ посредство иноплеменныхъ мореходцевъ, всегда готовыхъ изъ хвастливости или по другимъ разсчетамъ,

1) *Dubois*: Voyage autour du Caucase, V, 40.

отуманить легковѣрныхъ слушателей, преувеличить и исказить дѣйствительность,—географія поэтовъ блуждала во всѣ стороны: чудесное весьма естественнымъ образомъ должно было находиться весьма далеко, на краю свѣта, но этому условію, смотря по обстоятельствамъ, удолетворяли то западъ, то востокъ, то сѣверъ, то югъ. Такъ очарованный островъ Кирке представлялся то къ сторонѣ вечерней, то въ сторонѣ утренней зари. Послѣ VI в. мы замѣчаемъ болѣе осѣдлости въ поэтической географіи. Конечно, нечего требовать отъ нея астрономической точности: по крайней мѣрѣ то, что уже разъ найдено или пріискано было на Кавказскомъ перешейкѣ, не переносится внезапно, по произволу поэта, куда либо въ Италію или еще далѣе въ Испанію. Начало водворенія порядка въ поэтическихъ сказаніяхъ о Кавказѣ проявляется *въ Скованномъ Прометеѣ*, высокомъ созданіи Есхила, который жилъ отъ 525 до 456 г. до Р. Х. Если даже эти точныя цифры и могутъ подавать поводъ къ нѣкоторымъ ученымъ спорамъ,—во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что жизнь Есхилову должно отнести ко второй половинѣ VI и къ первой половинѣ V вѣка, слѣдовательно, къ той эпохѣ, когда греки черезъ посредство милезійцевъ успѣли уже хорошо ознакомиться съ цѣлымъ протяженіемъ восточнаго берега Чернаго моря, успѣли узнать кое что о внутренности Кавказскаго перешейка, быть можетъ, услышали даже о существованіи Каспійскаго моря, которое сочли за часть рѣки-Океана. Прежде чѣмъ приступимъ къ разбору географическихъ сказаній о Кавказѣ, заключающихся въ Скованномъ Прометеѣ, скажемъ нѣсколько словъ о вѣроятномъ происхожденіи этого миѳа.

Изъ числа всѣхъ природныхъ дѣятелей, *огонь* производилъ наиболѣе глубокое впечатлѣніе на пробуждавшееся мышленіе первоначальнаго человѣчества, — огонь благотворный и всепожирающій, огонь, зарождающійся скрытно отъ взоровъ и пониманія людей, и ниспадающій съ неба въ видѣ молніи, неутушаемой

дождемъ, неугасимой вѣтромъ. Понятно, почему огонь почитаемъ былъ священнѣйшею изъ стихій, понятна заботливость индусовъ и иранцевъ о храненіи чистаго священнаго огня; извѣстно, что до самаго конца язычества, греки и римляне не всякій огонь считали довольно чистымъ для своихъ жертвоприношеній [1]). Всегда существовалъ предразсудокъ, будто все созданное постепенно утрачиваетъ первоначальную чистоту и святость свою, и люди вообразили себѣ, такимъ образомъ, что было нѣкогда время, когда огонь исключительно игралъ достойную себя роль посредничества между небомъ и землей, что онъ былъ *жрецъ*, нисходившій съ неба для сожженія жертвъ, приносимыхъ людьми богамъ. Но какъ бы ни было свято происхожденіе огня, онъ долженъ служить, какъ невольникъ, человѣку для повседневныхъ потребностей его, которымъ воображеніе отказывается придать характеръ святости. Не всѣ могли освоиться съ ученіемъ Зороастровымъ, силившимся хлопоты домашняго хозяйства возвести на степень обрядовъ богослуженія. Отсюда должно было возникнуть противурѣчивое понятіе, что человѣкъ согрѣшилъ, заставивъ огонь небесный служить себѣ, но что слѣдствія этого грѣха благодѣтельны для человѣка. Это явный разрывъ согласія, нѣкогда существовавшаго между небомъ и землею. Таковой разрывъ представился грекамъ, согласно общему настроенію ихъ генія, въ видѣ рѣзко опредѣленнаго событія, герой котораго,—существо безпредѣльно смѣлое и хитрое,—заслужилъ проклятіе неба и благословеніе человѣчества.

Зевесу и союзнымъ богамъ и богинямъ его не легко досталось обладаніе Олимпомъ: должно было вынести тяжкую борьбу съ старыми богами, съ Титанами Въ борьбѣ дѣйствуютъ одни лишь чисто матеріальныя силы: громы и молніи падаютъ съ неба на землю, скалы летятъ на встрѣчу имъ, отъ земли къ небу. Какъ

1) *Duncker*: Geschichte des Alterth., III, 47.

видно изъ немногихъ, дошедшихъ до насъ отрывковъ изъ творенія Ферекида Скиросскаго, эта борьба неба съ адомъ происходила на Кавказѣ. Зевесъ торжествуетъ и заточаетъ враждебныхъ Титановъ на краю земли и моря, тамъ «гдѣ солнце не свѣтитъ и вѣтеръ не дуетъ», за желѣзныя ворота и за мѣдные пороги [1]). Изъ числа Титановъ, Гомеръ называетъ Іапета, сидящаго въ тартарѣ вмѣстѣ съ Хроносомъ, называетъ Атласа, обрѣченнаго стеречь столбы, поддерживающіе небо. Въ Гезіодовой теогоніи это сказаніе болѣе развито. Праотецъ Титанъ-Іапетъ является отцомъ нѣсколькихъ сыновей-Титановъ, между прочими Атласа и Прометея (предвидящаго). Въ борьбѣ Титановъ Прометей олицетворяетъ собою хитрость и разумъ, болѣе могучіе, чѣмъ грубыя силы, хотя бы то были громы и скалы. Его совѣты отвергнуты братьями—Титанами; онъ переходитъ на сторону Зевеса, и разумомъ, а не силой доставляетъ ему побѣду. Этимъ избѣгъ онъ злополучной участи, постигшей другихъ Титановъ. Но Зевесъ, достигнувъ полновластія, не заботится о благосостояніи людей, и Прометей является ревностнымъ ихъ защитникомъ. Хитростію вовлекаетъ онъ Зевеса въ невыгодный для послѣдняго и выгодный для людей дѣлежъ принесенныхъ жертвъ. Оскорбленный Зевесъ лишаетъ людей огня, но Прометей похищаетъ у него огонь и даруетъ его людямъ. Зевесъ наказуетъ людей, ниспославъ къ нимъ Пандору,— олицетвореніе всѣхъ бѣдствій, распространяемыхъ женщиной въ человѣческомъ обществѣ; Прометея приковываетъ къ столбу: ежедневно является орелъ и пожираетъ печень его, которая ночью вновь выростаетъ для новой пытки. Страданія Прометеевы не прерываются въ продолженіи длиннаго ряда вѣковъ; наконецъ, по приказанію самого Юпитера, приходитъ Геркулесъ, умерщвляетъ орла и освобождаетъ Прометея.

Это первоначальное сказаніе послужило основою для Есхи-

1) Иліада, VIII, 13; XIV, 274, 278; XV, 224.

ловой трагедіи: *Скованный Прометей.* Простодушіе народнаго вымысла замѣняется у Есхила дивнымъ величіемъ и взглядомъ, проникающимъ въ самую глубину человѣческихъ судебъ. Гезіодовъ Прометей и Прометей Есхиловъ,—это Докторъ Фаустъ германскихъ сказокъ и Фаустъ Гёте.

Дѣйствіе происходитъ не на Кавказѣ, но на концѣ свѣта, въ Скиѳіи, вглуби непроходимой пустыни. Дѣйствующія лица суть: Власть, нѣмая Сила, Вулканъ и Прометей. Власть поручаетъ Вулкану исполнить велѣніе Юпитера, приковать Прометея къ скалѣ, висящей надъ пропастью: «да признаетъ онъ всемогущество Юпитера, да престанетъ горячо любить людей». Вулканъ сочувствуетъ Прометею, но исполняетъ велѣніе Юпитера; Власть насмѣхается надъ Прометеемъ: «зови смертныхъ, да помогутъ они тебѣ». Прометей остается одинъ въ пустынѣ. Въ разговорѣ съ Океанидами, Океаномъ, Іо и Меркуріемъ, онъ объясняетъ, въ чемъ вина его. «Зевесъ замышлялъ истребить родъ человѣческій и создать новыя существа, Прометей тому воспротивился; до него люди были безсмысленны, онъ даровалъ имъ разумъ и мудрость; до него люди смотрѣли, но не видѣли, слышали, но не понимали; какъ бы во снѣ жили они, ничего не распознавая; какъ муравьи скрывались подъ землею, въ глубокихъ пещерахъ, куда не проникаетъ лучъ солнечный; ни теченіе свѣтилъ небесныхъ, ни ходъ временъ года не были имъ понятны. Прометей изобрѣлъ для нихъ науку чиселъ, благороднѣйшую изъ всѣхъ наукъ; сочеталъ буквы для письма, подчинилъ воловъ ярму, избавивъ человѣка отъ тягчайшихъ трудовъ. Презрѣніемъ воздаетъ онъ Юпитеру за страданія, грозитъ ему гибелью въ будущемъ и предвѣщаетъ, что, для спасенія своего, для удержанія власти своей надъ міромъ, самъ Юпитеръ ему, олицетворенному разуму, нѣкогда пошлетъ избавителя».

Отсюда видно, что у Есхила Прометей принимаетъ характеръ бога-просвѣтителя, основателя благоустроенныхъ обществъ,

изобрѣтателя наукъ и искуствъ. Искра небеснаго огня, переданная Прометеемъ людямъ, вопреки волѣ Зевеса, напоминаетъ запрещенный плодъ отъ древа «еже разумѣти доброе и лукавое». Но въ симитскомъ сказаніи люди подвигнуты къ ослушанію змiемъ человѣко-ненавистникомъ, въ греческо-арійскомъ—существомъ благодѣтельнымъ, пожертвовавшимъ собою для блага рода человѣческаго.

Гезіодъ вовсе не объясняетъ, гдѣ находился столбъ, къ которому прикованъ былъ Прометей; Есхилъ говоритъ, что мѣстомъ страданій его была скала въ пустынѣ, на краю свѣта, въ Скиѳіи, слѣдовательно, на глубокомъ сѣверѣ. Видно, что во времена Есхиловы, т. е. въ V в. до Р. Х., греки не составили себѣ опредѣленнаго понятія о томъ, въ какую страну гнѣвъ Зевесовъ занесъ Прометея. Все это, впрочемъ, относится до указаній, заключающихся въ дошедшей до насъ въ цѣлости трагедіи «Скованный Прометей». Есхилъ написалъ, сверхъ того, «Освобожденнаго Прометея», отъ котораго дошло лишь нѣсколько отрывковъ; судя по одному изъ нихъ [1]), можно заключить, что Есхилъ въ этой трагедіи называетъ Кавказъ мѣстомъ страданій Прометеевыхъ. Изъ всего видно, что трагикъ не придавалъ большой важности географической отчетливости. Должно однако думать, что имена отдаленныхъ странъ, народовъ, рѣкъ и горъ заключали въ себѣ неизъяснимую прелесть для аѳинянъ, и Есхилъ щедръ на таковыя имена, при чемъ распоряжается ими весьма произвольно. Въ Освобожденномъ Прометеѣ [2]) Титаны говорятъ, что пришли «къ порубежной рѣкѣ, къ стремительному Фазису, по сю сторону котораго Европа, по ту сторону Азія». Многіе древніе авторы дѣйствительно принимали Фазисъ за границу между Европой и Азіей [3]), но самъ Есхилъ въ Скованномъ Прометеѣ говоритъ, что

1) Prometheus solutus, 177—179, ed. Dindorf.
2) Aesch. fragm., ed. Schütz, v. 177.
3) *Геродотъ*, IV, 45.

что Босфоръ Киммерійскій составляетъ рубежъ между двумя частями свѣта; остальная часть границы должна, слѣдовательно, обозначаться Танаисомъ. Къ огромному числу толкованій, къ необъятной тратѣ учености [1]) подало поводъ предсказаніе Скованнаго Прометея Іо о предстоящемъ ей пути, но всѣ эти толкованія неудовлетворительны и не могутъ быть таковыми, потому что, безъ сомнѣнія, самъ Есхилъ не въ состояніи былъ бы объяснить своей фантастической географіи. Мы приводимъ здѣсь возможно буквальный переводъ этого знаменитаго предсказанія. Для исторіи Кавказа знаменито оно тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ *древнѣйшее, дошедшее до насъ появленіе названія «Кавказъ» въ письменномъ мірѣ.*

Прометей говоритъ плачущей Іо [2]):

«Отсюда поверни ты къ востоку; перейди черезъ эти пустыни, которыхъ никогда не касался плугъ. Далѣе встрѣтишь ты кочующихъ скиѳовъ: они живутъ въ хижинахъ (кибиткахъ), сплетенныхъ изъ ивы и установленныхъ на колесницахъ съ большими колесами; они вооружены луками и страшными стрѣлами. Не приближайся къ этимъ народамъ. Чтобы удалиться отъ страны ихъ, шествуй вдоль каменистыхъ береговъ стенящаго моря. Влѣво живутъ халибы, искусные ковачи: уклонись отъ нихъ, они жестоки и негостепріимны. Ты достигнешь береговъ Гибриста, этой рѣки, достойной своего имени. Не переправляйся черезъ нее, потому что переправа опасна; иди вверхъ до самаго Кавказа, высочайшей изъ горъ, до мѣста, гдѣ съ гребня самой горы рѣка вырывается, кипучая, необузданная. Перейди черезъ эти вершины, досягающія звѣздъ, и спустись въ страны южныя. Тамъ ты найдешь амазонокъ, племя воинственныхъ женъ, ненавидя-

1) *Schutz*: Excurs. IV ad. Prometh. Vinct., pp. 144—149; *Welcker*: Aeschyl. Trilogie, 127—146; *Völcker*: Mytische Geogr., I, 3—13; *Klausen*: въ Rhein. Mus., III, 303, гдѣ приложена и карта странствованій Іо.

2) ст. 712—718.

щихъ мужей; нѣкогда поселятся онѣ въ Темискирѣ, на берегахъ Термодона, гдѣ посреди волнъ зіяетъ страшная пасть Сальмидесса, роковая угостительница мореплавателей, мачиха кораблей. Сами онѣ (амазонки) охотно послужатъ тебѣ путеводительницами. Потомъ, придешь ты къ перешейку Киммерійскому и вскорѣ къ узкимъ вратамъ болота Меотійскаго: смѣло бросься ты чрезъ проливъ. Слава переправы твоей увѣковѣчится между людьми и проливъ назовется Босфоромъ. Ты покинешь тогда Европу и очутишься въ Азіи».

Мы не возьмемся, конечно, обозначать на нынѣшнихъ картахъ путь, предсказанный Прометеемъ злополучной Іо; ограничимся нѣсколькими замѣчаніями, которыя, быть можетъ, не лишены будутъ занимательности.

Іо бесѣдуетъ съ прикованнымъ Прометеемъ, на краю свѣта, въ Скиѳіи, вглуби недоступной пустыни, гдѣ находятся скалы, висящія надъ пропастью, слѣдовательно, горный хребетъ, котораго названіе неизвѣстно. Есхилъ слыхалъ [1]) о существованіи оледенѣлыхъ Рифейскихъ горъ и думалъ, что изъ нихъ вытекаетъ Истръ (Дунай); но онѣ приходились къ сторонѣ сѣверо-запада отъ Греціи, и положеніе ихъ, какъ видно, не соотвѣтствовало сценѣ дѣйствія, задуманнаго поэтомъ для Скованнаго Прометея. У грековъ Скиѳія, гдѣ жили нѣкогда полуночники-киммеріане, возбуждала понятіе о сѣверѣ; очевидно, что оконечность Скиѳіи означала сѣверный край земли, т. е. грекамъ неизвѣстную, но ими воображаемую сѣверную оконечность Европейской Россіи. Туда Есхилъ переноситъ своего страдальца-бога. Если бы Есхилъ что либо зналъ о существованіи Лапландіи, то назвалъ бы эту страну, какъ вполнѣ удовлетворяющую условіямъ положенія. Первые люди, которыхъ Іо должна встрѣтить, по выходѣ изъ пустыни, суть *кочующіе скиѳы*: ихъ жилища установлены на колесахъ, сами

1) *Uckert*: Skythien, 99.

они искусные стрѣлки. Геродотъ составилъ описаніе Скиѳіи лѣтъ двадцат спустя послѣ того, какъ Есхилъ написалъ Скованнаго Прометея: въ этотъ промежутокъ времени, свѣдѣнія о скиѳахъ значительно распространились, благодаря преимущественно путешествіямъ самого Геродота, но несмотря на то, желая въ самыхъ общихъ чертахъ охарактеризировать всѣхъ вообще скиѳовъ [1]), онъ говоритъ, что у нихъ подвижные домы и что они искусные стрѣлки: характеристика, тождественная съ тою, которую Есхилъ влагаетъ въ уста своего Прометея. Изъ этого можно заключить, что дѣло идетъ не о какомъ либо подраздѣленіи скиѳовъ, но о скиѳахъ въ самомъ общемъ значеніи, обитавшихъ къ сѣверу отъ Понта Евксинскаго и моря Меотійскаго.

Отъ сѣверной оконечности Скиѳіи Іо пойдетъ *на востокъ*; притомъ, Прометей совѣтуетъ ей уклоняться отъ скиѳовъ и для этого выйдти на берегъ «стенящаго» моря. Вопреки мнѣніямъ ученыхъ толкователей странствованій Іо [2]), нѣтъ сомнѣнія, что „стенящее“ море не есть ни Черное, ни Азовское, что находилось оно гдѣ то далеко къ востоку отъ обоихъ. Молодость Есхила совпадала съ старостію Гекатея, старость его съ молодостію Геродота: географическія свѣдѣнія его представляютъ переходъ отъ свѣдѣній Гекатея къ свѣдѣніямъ Геродота. Гекатей зналъ о существованіи моря Каспійскаго или Гирканскаго, но почиталъ его за часть рѣки-Океана. Геродотъ [3]) положительно говоритъ, что Каспійское море совершенно замкнуто и не имѣетъ никакого сообщенія съ другими морями. Такимъ образомъ мы можемъ допустить, что Есхилъ зналъ о существованіи Каспія и зналъ, сверхъ того, что море это, каковы бы, впрочемъ, ни были его размѣры, не есть часть рѣки-Океана. Это дѣлаетъ весьма правдоподобнымъ, что «стенящее» море есть море Каспійское.

1) IV, 46.
2) *Uckert*: Skythien, 331.
3) I, 102, 103.

Іо пойдетъ вдоль утесистаго берега моря; влѣво живутъ искусные ковачи халибы. Здѣсь, конечно, возникаютъ два значительныя недоумѣнія. Если, какъ должно думать по послѣдующему, Іо пойдетъ вдоль западнаго берега Каспія, отъ сѣвера къ югу, то влѣво отъ нея будетъ море; халибовъ всѣ писатели древности помѣщаютъ не къ сѣверу отъ Кавказа, а въ Закавказьѣ или къ югу отъ Чернаго моря. Но, съ другой стороны, можно положить, что халибы жили влѣво отъ того мѣста, гдѣ Іо дошла до морскаго берега. Желѣзо странъ, лежащихъ за Каспіемъ, пароское и серійское, славилось въ древнемъ мірѣ, какъ пишетъ Плиній [1]). Названіе халибовъ имѣло, безъ сомнѣнія, нарицательный смыслъ: посему неудивительно, что Есхилъ назвалъ этимъ именемъ и отдаленныхъ уральскихъ или среднеазіятскихъ ковачей, о которыхъ, конечно, имѣлъ лишь самыя темныя свѣдѣнія.

Далѣе Іо должна дойти до рѣки Гибриста: названіе греческое, означающее буйный, дерзкій. Многіе толкователи полагаютъ, что это не есть собственное названіе рѣки, а одно лишь прозвище ея; съ этимъ трудно согласиться, принимая въ соображеніе слѣдующія слова Прометея: *эта рѣка не лжеименная, т. е. достойная своего названія*. Таковое названіе рѣкѣ, конечно, дали сами греки; быть можетъ, это греческій переводъ туземнаго названія, имѣвшаго тоже значеніе. Гибристъ не встрѣчается болѣе ни у одного древняго автора. Если рѣка эта не есть просто созданіе воображенія Есхилова, то должно думать, что до него дошелъ слухъ о какой то необыкновенно стремительной рѣкѣ, которая осталась извѣстною ему исключительно подъ названіемъ, характеризующимъ ея свойства. Но, если Іо шла съ сѣвера, изъ Скиѳіи, вдоль западнаго берега Каспійскаго моря, то должна была, наконецъ, дойти до Терека. Слѣдующія слова Прометея невѣроятно-удачно примѣняются къ Тереку, что, конечно, нельзя иначе приписать,

1) Hist. nat., XXXIV, 41; *Uckert*: Skythien, 247.

какъ случайности, принимая въ соображенiе, сколь мало извѣстна была грекамъ внутренность Кавказскаго перешейка во времена Есхиловы. «Не переправляйся черезъ рѣку, переправа опасна; иди вверхъ до самого Кавказа, высочайшей изъ горъ, откуда рѣка вырывается яростно. Перейди черезъ эти звѣздососѣднiя вершины и спустись къ полудню». Если допустить сдѣланное нами толкованiе, то оказывается, что Iо должна пройти вверхъ по Тереку, достигнуть Дарьяльскимъ ущельемъ самаго начала рѣки, перевалиться черезъ Кавказскiй хребетъ и, наконецъ, спуститься въ Закавказье. Тамъ должна она найти амазонокъ. Въ видѣ пророчества описывается страна, гдѣ, какъ думали греки, дѣйствительно жили амазонки: на южномъ берегу Понта Эвксинскаго, на рѣкѣ Термодонѣ, нѣсколько западнѣе Требизонда. Но въ этой странѣ амазонки считались пришелицами: настоящею родиною ихъ былъ Кавказскiй перешеекъ, на которомъ въ различныхъ мѣстахъ классики отыскивали слѣды ихъ, даже гораздо позже Есхила. При неопредѣлительности сказанiй о мѣстѣ жительства амазонокъ на перешейкѣ, не должно удивляться, что Есхилъ заставляетъ Iо встрѣтить ихъ прямо послѣ перехода черезъ Кавказскiй хребетъ. Тутъ возникаетъ недоумѣнiе, необъяснимое ни при какомъ способѣ толкованiя странствованiй Iо. Амазонки выведутъ ее на перешеекъ Киммерiйскiй, подъ которымъ несомнѣнно должно подразумѣвать Крымъ. Конечно, Iо блуждаетъ по свѣту куда глаза глядятъ, гонимая слѣпнемъ, посланнымъ Юноною, но непонятно, почему Есхилъ прямо переноситъ Iо изъ Закав казья въ Крымъ, совершенно умалчивая о промежуточномъ пути. Если отвергнуть все сдѣланное нами доселѣ толкованiе, то, во всякомъ случаѣ, невозможно допустить, чтобы названные Прометеемъ народы, рѣки и горы находились, по мнѣнiю Есхила, къ западу отъ Меотiйскаго моря [1]). Продолженiе Кавказа, Андiйскiй

1) *Uckert*: Skythien, 332.

хребетъ могъ, положимъ, по мнѣнію древнихъ, уходить въ неизвѣданную даль, къ сторонѣ востока и сѣверо-востока, но никогда горы западной и средней Европы никѣмъ не называемы были Кавказомъ. Амазонки жили въ разныхъ мѣстахъ Азіи, (принимая за границу между Европой и Азіей Босфоръ Ѳракійскій, Босфоръ Киммерійскій и Танаисъ), онѣ жили даже на западной оконечности Африки [1]), но въ Европѣ мы ихъ находимъ только какъ временныхъ пришелицъ. Какъ бы произвольно Есхилъ ни обращался съ географіей, но онъ не могъ явно противурѣчить всѣмъ общепринятымъ въ его время понятіямъ, справедливы или ложны они были. Скорѣе можно думать, что Есхилъ разомъ перенесъ Іо изъ Закавказья на перешеекъ Киммерійскій, потому что путь этотъ частію могъ уже прежде быть ей извѣстенъ, быть можетъ, уже прежде случилось ей переплыть черезъ Босфоръ Ѳракійскій [2]). Въ доказательство, что Есхилъ въ этомъ мѣстѣ обѣгаетъ вскользь южный и западный берега Понта Эвксинскаго, уничтожая разстоянія, мы приведемъ то, что столь опасный для мореплавателей Сальмидессъ онъ сближаетъ съ Термодономъ, между тѣмъ какъ Сальмидессъ находился на западномъ, Ѳракійскомъ берегу Понта. Въ заключеніе Іо должна переплыть еще черезъ узкія врата моря Меотійскаго, которыя на вѣки сохранятъ въ имени своемъ воспоминаніе о ея подвигѣ: Босфоръ Киммерійскій. Тогда, по словамъ Есхила, очутится она въ Азіи и покинетъ Европу. Но въ Азіи была она уже прежде, принимать ли за границу Танаисъ, Кавказъ или Фазисъ. Здѣсь Есхилъ, какъ бы забывъ прежнія странствованія Іо, увлекается замѣчательной особенностію узкихъ воротъ моря Меотійскаго, служившихъ рубежомъ между двумя частями свѣта.

Какъ мы сказали, сцена дѣйствія *Скованнаго Прометея* не

1) *Діодоръ Сицил.*, III, 52.

2) Босфоръ отъ греч. bous—быкъ или корова и poros—переправа, такъ какъ Іо странствовала, превращенная въ корову.

на Кавказѣ, а посреди безименныхъ горъ, на краю Скиѳіи, весьма далеко отъ Кавказа. Судя по дошедшему до насъ отрывку изъ другой трагедіи: *Освобожденный Прометей*, видно, что Есхилъ въ послѣдствіи времени измѣнилъ свое мнѣніе и перенесъ мѣсто страданій своего бога на одну изъ вершинъ Кавказа. Это мнѣніе вскорѣ сдѣлалось общепринятымъ въ древнемъ мірѣ и составило одну изъ дальнѣйшихъ достопримѣчательностей Кавказа. Туземцы указывали грекамъ и римлянамъ посреди Кавказскихъ вершинъ ту, къ которой прикованъ былъ Прометей; впрочемъ, ея положеніе представляется различно. Преданіе о Прометеѣ тѣснѣе связалось съ именемъ Кавказа, чѣмъ съ которою либо изъ вершинъ его. Такимъ образомъ, когда македоняне открыли Кавказъ на предѣлахъ Индіи, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, и преданія о Прометеѣ перенеслись къ предѣламъ Индіи. Діодоръ Сицилійскій разсказываетъ [1]), что посреди Индійскаго Кавказа находится скала, имѣющая въ окружности десять, а въ вышину четыре стадіи, т. е. въ окружности версты $1^1/_2$, а въ вышину саженей 300. На этой скалѣ туземцы показываютъ гротъ Прометея, гнѣздо орла, который его терзалъ, и остатки цѣпей. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ тщеславія и желанія прославить родину, туземцы охотно подтверждали все то, что ученые греки разсказывали имъ о ихъ отечествѣ. Въ таковое заблужденіе легко вводятся и нынѣшніе путешественники, но тѣмъ не менѣе есть поводы думать, что у кавказскихъ туземцевъ дѣйствительно существовали самостоятельныя повѣрья, которыя греки отнесли къ своему Прометею. И теперь еще въ разныхъ мѣстахъ Кавказа указываются горы, къ которымъ будто бы прикованы *великаны*. Адыге думаютъ, что великанъ прикованъ къ вершинѣ Эльбруса, что стенанія его суть громъ и молнія, что освободится онъ только тогда, когда разорвутся на землѣ всѣ родственныя

1) XVII, 83.

связи [1]). У осетинъ есть преданіе, что нѣкогда издали приходилъ къ нимъ неизвѣстный человѣкъ, который сдѣлалъ имъ много добра, но за то, что освободилъ ихъ отъ власти злаго духа, былъ верховнымъ демономъ прикованъ къ скалѣ [2]). Грузины и тушины разсказываютъ объ исполинѣ Амиранѣ [3]), который за дерзость противъ Творца заключенъ скованный въ горной пещерѣ: съ нимъ находится вѣрный песъ его, который безъ отдыха грызетъ или лижетъ цѣпи, отчего послѣднія дѣлаются все тонѣе и длиннѣе, такъ что къ концу года великанъ уже могъ бы достать до меча своего, висящаго тутъ же въ пещерѣ, и тогда вырвался бы на свободу,—но этому препятствуютъ удары кузнецовъ по пустой наковальнѣ, производимые въ извѣстные дни и съ извѣстными приговорами. Совершенно сходная легенда существуетъ у армянъ о царѣ ихъ Артаваздѣ, скованномъ, вслѣдствіе отцовскаго проклятія, злыми духами на свободномъ т. е. недоступномъ для смертныхъ Масисѣ (Араратѣ) [4]). Моисей Хоренскій разсказываетъ, что Артаваздъ въ припадкѣ сумашествія упалъ въ глубокую пропасть и пропалъ тамъ безъ вѣсти. Къ этому происшествію, по всей вѣроятности, суевѣріе приплело древнюю легенду, ходившую между армянами такъ же, какъ и между грузинами и тушинами. Приключеніе съ Артаваздомъ случилось не задолго до Р. Х.; можно думать, что легенды о прикованныхъ къ горамъ великанахъ были распространены по Кавказу гораздо ранѣе; нѣтъ даже причинъ сомнѣваться, что легенды эти относятся къ самому отдаленному времени, къ времени предшествовавшему началу ознакомленія грековъ съ Кавказскимъ перешейкомъ. Весьма понятно, что греки, услышавъ отъ туземцевъ объ одномъ изъ тако-

1) *Marigny*: Three voyages to the coast of Circassia, 188.

2) *K. Koch*: Reise durch Russland nach dem Kaukasischen Isthmus etc. (Stuttgart u. Tübingen 1842), I, 220.

3) Газета *Кавказъ*, 1855, № 1.

4) *Моисей Хоренскій*: Исторія Арменіи. Перев. Н. Эмина, стр. 130.

выхъ скованныхъ великановъ, приняли его за своего Прометея; понятна также неопредѣленность мѣста страданій Прометея на Кавказѣ, такъ какъ подобныя легенды связаны со многими горами. Къ этому присовокупимъ мнѣніе изслѣдователей кельтскихъ древностей, будто бы прикавказскіе скиѳы въ числѣ своихъ боговъ почитали одно благодѣтельное существо, которое называли Фромтеутъ, названіе близко подходящее къ греческому Прометею.

Въ сочиненіяхъ Гекатея, Гелланика и Ферекида, которые всѣ писали нѣсколько ранѣе Есхила, встрѣчается названіе Кавказа; но эти сочиненія извѣстны намъ лишь по весьма немногимъ ссылкамъ на нихъ: быть можетъ названіе Кавказъ вставлено позднѣйшими комментаторами. Упоминаніе Кавказа Есхиломъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Къ году сочиненія *Скованнаго Прометея*, т. е. къ 479 г. до Р. Х. [1]), должно отнести *древнѣйшее несомнѣнное появленіе этого громкаго имени*. Здѣсь кстати разобрать существующія мнѣнія о происхожденіи названія „Кавказъ".

Въ томъ видѣ, въ какомъ написано слишкомъ за 23 вѣка тому назадъ Есхиломъ, Kaukasos, сохранилось оно почти безъ малѣйшихъ измѣненій во всѣхъ новыхъ европейскихъ языкахъ. Передано оно намъ исключительно греками: если бы греки назвали этотъ хребетъ иначе, то, конечно, и мы бы называли его теперь иначе, потому что ни у самихъ кавказскихъ туземцевъ, ни у сосѣднихъ съ ними восточныхъ народовъ не встрѣчаемъ названія Кавказа. Его нѣтъ ни въ Библіи, ни въ Авестѣ, ни въ Бундегешѣ. Въ послѣднихъ двухъ сочиненіяхъ говорится о мистической горѣ Альборджъ, которой положеніе съ вѣками измѣнялось въ воображеніи иранцевъ также, какъ въ воображеніи грековъ измѣнялось положеніе горъ Рифейскихъ. Названіе Эльборджъ,

1) Théatre d'Eschyle, trad. par Alexis Pierron, 3 édit., 1851, LV.

Эльбрусъ, встрѣчается и къ югу отъ Каспійскаго моря, и на Кавказскомъ хребтѣ, и на хребтѣ Загросѣ подлѣ Гамадана [1]). Существуетъ на востокѣ повѣрье о хребтѣ Кафъ, который будто бы опоясываетъ землю и воду, подобно тому, какъ у грековъ рѣка-Океанъ опоясывала землю. Хребетъ Кафъ состоитъ изъ сплошнаго изумруда; обитаемый міръ заключенъ въ немъ, какъ палецъ въ кольцѣ [2]); чтобы достигнуть хребта долго, весьма долго, должно ѣхать по пустынѣ, испоконъ вѣковъ не озаряемой солнцемъ. Покуда Кавказъ извѣстенъ былъ иранцамъ и арабамъ по однимъ лишь смутнымъ слухамъ, быть можетъ принимаемъ онъ былъ за часть хребта Кафъ. Съ распространеніемъ исламизма, арабы лично ознакомились съ Кавказомъ. Много чудеснаго открыли они тамъ, но во всякомъ случаѣ Кавказъ не осуществилъ условій существованія фантастическаго хребта Кафъ, который отодвинулся въ неизвѣстную даль, къ сѣверу и сѣверо-востоку, къ Темному Ледовитому морю. Кавказъ арабскими писателями названъ былъ хребтомъ Кабохъ. Не станемъ разбирать, откуда произошло это названіе; во всякомъ случаѣ, такъ мало укоренилось оно въ арабской литературѣ, что совершенно измѣнилось вслѣдствіе случайной погрѣшности въ расположеніи точекъ арабскихъ буквъ. Горы Кабохъ превратились въ горы Фетхъ, что значитъ горы *побѣды* [3]). Это несомнѣннымъ образомъ доказываетъ, что названіе Кавказъ столь же чуждо было восточнымъ народамъ въ отдаленныя времена, какъ чуждо имъ и теперь. Кавказскіе горцы умѣютъ назвать по имени знакомыя имъ съ дѣтства вершины, но общее названіе цѣлаго хребта имъ также неизвѣстно, какъ названіе Европы неизвѣстно нашимъ простолюдинамъ, или также извѣстно, какъ названіе Азіи извѣстно азіятцамъ, успѣвшимъ ознакомиться

1) *Ritter*: Erdkunde von Asien, VI, 46.
2) *Herbelot*: Bibliotheque orient. (Maestricht 1776), 211.
3) Voyage d'Abou-El-Cassim par D'Osson (1828), p. 154.

съ европейскими понятіями о раздѣленіи земли на части свѣта. Въ грузинской исторіи [1]) и географіи встрѣчаемъ названіе Кавказъ: такъ называется исполинъ, которому Таргамосъ отдалъ во владѣніе страну, лежащую къ западу отъ Терека на сѣверномъ скатѣ Кавказа. Грузинскій географъ употребляетъ, сверхъ того, это названіе въ множественномъ числѣ въ видѣ нарицательнаго, на подобіе Альповъ, для означенія различныхъ частей хребта. Но оба сочиненія писаны или, лучше сказать, составлены, около середины прошлаго вѣка, въ Москвѣ, лицомъ не чуждымъ знанія греческой литературы и заимствовавшимъ названіе Кавказа не изъ отечественнаго языка. Доказательствомъ можетъ служить даже употребляемая имъ греческая форма Кавка*зосъ* съ окончаніемъ, чуждымъ кореннымъ грузинскимъ названіямъ. Встрѣчается названіе Говгасъ въ географіи Моисея Хоренскаго, но она составлена по греческимъ источникамъ; преимущественно же авторъ пользовался географическимъ сочиненіемъ Паппа Александрійскаго, жившаго въ концѣ IV в. по Р. Х. Эта географія есть греческое произведеніе, пересаженное на армянскую почву. У армянскихъ писателей находимъ, сверхъ того, для означенія Кавказскаго хребта, названіе Хабгохъ [2]), очевидно заимствованное у арабовъ. Инджиджіанъ, который все на свѣтѣ выводитъ изъ Арменіи, опровергая толкованія происхожденія названія Кавказъ, говоритъ, что истина въ томъ, что горы эти получили имя свое отъ Кавказа, брата Хайка и седьмаго сына Торгомы. Достаточно таковаго вывода для убѣжденія, что названіе Кавказъ совершенно непонятно армянамъ.

Итакъ, должно остановиться на заключеніи, что оно чуждо, какъ туземнымъ обитателямъ Кавказскаго перешейка, такъ и на-

1) Hist. de la Géorgie, trad. par Brosset, I, 18.
2) *St. Martin*: Mém. sur l'Armenie, II, 392.

родамъ, живущимъ къ югу отъ Кавказа въ Западной Азіи. Остается рѣшить вопросъ откуда взяли его греки.

Нельзя не обратить вниманія на странное обстоятельство, что Кавказъ и Колхида географически находятся рядомъ, между тѣмъ какъ миѳъ о Прометеѣ не имѣетъ ничего общаго съ миѳомъ о золотомъ рунѣ. Почему всепредвидящій Прометей, прикованный къ одной изъ вершинъ Кавказа, не принимаетъ никакого участія въ драмѣ, разыгрывающейся у подошвы хребта, между царемъ Ээтесомъ и Язономъ? Если не дѣломъ, то совѣтомъ, могъ бы онъ помочь той или другой сторонѣ. Еще замѣчательнѣе, что Геркулесъ является участникомъ въ походѣ Аргонавтовъ; Геркулесъ освобождаетъ также Прометея, но между этими двумя подвигами, которые бы должны совершиться рядомъ, такъ же мало общаго, какъ если бы они совершились на двухъ противуположныхъ концахъ свѣта. Геркулесъ не достигаетъ до Колхиды, потому что Арго, по причинѣ тяжеловѣсности его, отказывается везти его далѣе, но Геркулесъ доходитъ до Кавказа, гдѣ убиваетъ орла и освобождаетъ Прометея. Въ позднѣйшихъ передѣлкахъ поэмы Аргонавтовъ [1]), при описаніи плаванія Язона вверхъ по Фазису, говорится, что влѣво отъ него былъ Кавказъ, гдѣ прикованъ Прометей; волшебная мазь, которою Медея снабжаетъ Язона, составлена изъ травы, выросшей тамъ, куда капала кровь Прометеева. Но все это позднѣйшія вставки, относящіяся къ тому времени, когда взаимное положеніе Колхиды и Кавказа сдѣлалось уже всѣмъ извѣстнымъ въ то время, говоря объ одной миѳической знаменитости, нельзя было умолчать о другой, находившейся рядомъ. Первоначально имя Прометея связано съ Кавказомъ, имя Аргонавтовъ съ Колхидой, но между Прометеемъ и Аргонавтами, равно какъ и между Кавказомъ и Колхидой нѣтъ ничего общаго. Отсюда можно заключить, что названіе Кавказа пер-

1) *Apoll. Rhod.*, II, 1247, 1267.

воначально существовало исключительно въ греческихъ миѳахъ [1]), что было время, когда оно не было усвоено никакой извѣстной цѣпи горъ, но, такъ какъ греки принимали миѳы свои за непреложную истину, то они не сомнѣвались и въ томъ, что горы „Кавказъ" гдѣ то да существуютъ и, наконецъ, вообразили себѣ, что эти миѳическія горы отысканы на восточномъ берегу Понта Эвксинскаго. Подобное случилось съ киммеріанами, гипербореями, Рифеемъ, Колхидой и пр. Совершенно подобное встрѣчаемъ мы и въ средневѣковой Европѣ, гдѣ возникла мысль, что гдѣ то весьма далеко, живетъ христіанскій государь, Попъ Иванъ. Таковой фантастическій государь, наконецъ, дѣйствительно былъ пріисканъ въ лицѣ нѣкоего монгольскаго князя, жившаго на границѣ Китая и никогда не ожидавшаго такой чести отъ неизвѣстныхъ ему западныхъ народовъ. Предположеніе, что названіе Кавказъ было въ ходу у грековъ прежде, чѣмъ какія либо горы были такъ названы, весьма правдоподобно. Но здѣсь мы должны сдѣлать важное замѣчаніе. Положимъ, что было время, когда нынѣшній Кавказъ никѣмъ не называемъ былъ Кавказомъ, но, если греки сами выдумали это имя для своихъ сказокъ, какъ выдумали они Фриксоса (трепещущаго), Нефеле (облако), Гелле (свѣтлая, свѣтлана) и пр., то оно было бы объяснимо помощію греческаго языка; таковаго объясненія нѣтъ для Кавказа. Итакъ должно заключить, что греки заимствовали его изъ какого либо чуждаго имъ языка, чтобы, впрочемъ, на немъ оно ни означало.

Плутархъ разсказываетъ [2]), что Хроносъ, послѣ войны гигантовъ, избѣгая гнѣвнаго взора Зевеса, нашелъ себѣ убѣжище на ложѣ Борея, на вершинахъ Кавказа, ибо, продолжаетъ Плутархъ, Кавказъ нѣкогда назывался ложемъ Борея. Таковое названіе весьма естественнымъ образомъ могло быть дано Кавказу

1) *Vater*: Argonautenzug, II, 8.

2) De fluviis, ed. Huds., p. 11. Впрочемъ, весьма сомнительно, чтобы Плутархъ былъ авторомъ этого сочиненія.

первыми милезійскими мореплавателями, достигнувшими восточнаго берега Чернаго моря. Извѣстно, какъ опасенъ для кораблей вдоль этого берега порывистый вѣтеръ со снѣгомъ, дующій съ гребня Кавказа; это, конечно, было явленіе, невиданное греками и представившее имъ очью разсвирѣпѣлаго Борея. Замѣчательно, что теперь еще таковой вѣтеръ на восточномъ берегу называется *бора*. Далѣе Плутархъ говоритъ, что на Кавказѣ есть гора, которая называлась Нифантесъ или Нифатесъ: таковое названіе встрѣчается для многихъ горъ въ древнемъ мірѣ и легко объясняется помощію греч. nipas, лат. nivis, снѣгъ: гора снѣжная. Въ отношеніи къ происхожденію названія Кавказъ, Плутархъ разсказываетъ, что Хроносъ, удалившись на *ложе Борея*, умертвилъ тамъ пастуха, по имени Кавказа. Зевесъ, низвергнувъ Хроноса въ Тартаръ, далъ хребту названіе Кавказа, на память объ умерщвленномъ пастухѣ. Если только преданіе не выдумано въ позднѣйшія времена, то оно доказываетъ, что Кавказъ дѣйствительно имѣлъ у грековъ сначала миѳическое значеніе и что настоящее происхожденіе названія было имъ неизвѣстно.

Ератосѳенъ пишетъ [1]), что туземцы называютъ Кавказскій хребетъ горою Каспіемъ. Страбонъ замѣчаетъ, что имя хребта, быть можетъ, происходитъ отъ народа каспіевъ. Въ его время каспіи уже не существовали [2]), но Геродотъ еще упоминаетъ о нихъ въ числѣ народовъ, составлявшихъ ополченіе Ксерксово. Не знаемъ навѣрно, откуда произошло названіе каспіевъ: оно напоминаетъ Индійское Касіапатуръ, Каспапиръ, жилище Касіапы или Каспы, коренное названіе Кашмира. Если обратимъ вниманіе на первый слогъ названія Кавказъ, или, какъ греки писали его, Каудказъ, то найдемъ, что онъ довольно близко подходитъ къ иранскому *кухъ* или *кохъ*, пеглвійскому *кофъ*, осетинскому *хохъ*, произносимому въ гортанномъ горномъ нарѣчіи какъ *гаугъ*, иногда

1) *Страбонъ*, XI, 497.
2) *Страбонъ* XI, 502.

хофъ. Звуковъ этихъ русскими буквами въ точности выразить невозможно, но всѣ они означаютъ гору; присоединивъ которое нибудь изъ нихъ къ Каспъ, получимъ названіе, которое въ устахъ грековъ могло превратиться въ Кауказъ. Таковое толкованіе принимается многими учеными. Клапротъ полагаетъ [1]), что названіе Кавказъ произошло отъ Коф-Кафъ, т. е. отъ горы Кафъ, которой смыслъ въ глазахъ древнихъ восточныхъ народовъ мы объяснили выше. Къ сему Клапротъ присовокупляетъ, что названіе Коф-Кафъ есть вѣроятно испорченное Кох-Каспъ; это возвращаетъ насъ къ сдѣланному уже нами объясненію. Впрочемъ, оно основано на показаніи Ератосѳена, что туземцы называютъ Кавказъ Каспіемъ. Въ этомъ можно усумниться. По всей вѣроятности, Кавказскія горы населены теперь тѣми же племенами, которыя жили тамъ во времена Ератосѳена, но сколько извѣстно, названіе Каспія для горъ совершенно неупотребительно въ наше время на Кавказѣ. Есть другое имя, котораго происхожденіе теряется въ недосягаемой глуби времени, которое обладаетъ необычайною живучестію, и до сихъ поръ удержалось на Кавказѣ: это есть азы, іассы, оссы.

Горы азовъ могли называться *Гог-азъ* или *Кауг-азъ* [2]): тутъ находимъ мы почти чистое греческое *Кауказосъ*. Извѣстно, что страна по Кубани называлась нѣкогда Азіей; теперь еще, вслѣдствіе вѣковой привычки, кавказскіе туземцы называютъ азами прикубанскихъ жителей, кто бы тамъ ни жилъ; нѣтъ сомнѣнія также, что Кавказскій хребетъ никогда не имѣлъ у туземцевъ, какъ и теперь не имѣетъ, общаго названія; эти общія названія возникаютъ лишь у народовъ, обладающихъ письменностію, но весьма вѣроятно, что сауроматы, маэты, синды, приморскіе обитатели, съ которыми прежде всего познакомились греки, называ-

1) Voyage au Mont Caucase et en Géorgie (Paris 1823). I, 133.
2) *Ritter*: Vorhalle etc., 300, 464.

ли видимыя отъ нихъ вдали снѣжныя вершины Кавказа: *гауг-азъ*, горами азовъ. Посему мы считаемъ *Кауг-азъ* за гораздо болѣе правдоподобную первоначальную форму Кавказа, чѣмъ Коф-Кафъ или Кох-Каспъ, не смотря на то, что послѣднее толкованіе наиболѣе распространено между учеными.

У древнихъ положеніе различныхъ географическихъ названій измѣнялось, какъ напр. Аракса, Фазиса, Танаиса, Рифея, Колхиды и т. п. Нельзя сказать того же о Кавказѣ. Кавказомъ всегда назывался хребетъ, тянущійся отъ сѣверо-восточной оконечности Понта Евксинскаго по направленію къ морю Каспійскому. Недоумѣнія возникли лишь позже на счетъ сѣверо-восточной отрасли Кавказа, такъ называемаго нынѣ Андійскаго хребта, которому географы придали неопредѣленное протяженіе къ сѣверу до самаго пролива, будто бы соединяющаго Каспійское море съ Океаномъ. Кавказъ въ дѣйствительности составляетъ совершенно отдѣльный хребетъ горъ: ничтожной Сурамской перемычки недостаточно, чтобы привязать его разумнымъ образомъ къ системѣ горъ Малой Азіи. Древніе географы протягивали Тавръ до самыхъ источниковъ Инда, но не дѣлали того же самого съ Кавказомъ. Вопреки этимъ общепринятымъ понятіямъ, участники и описатели похода Александра Македонскаго въ Индію назвали Кавказомъ высокій хребетъ, отдѣляющій верховья Оксуса отъ верхнихъ притоковъ Инда. Какое бы названіе хребетъ этотъ ни носилъ у туземцевъ, но, какъ мы сказали, согласно греческимъ географамъ, онъ долженъ бы былъ правильнѣе назваться Индійскимъ Тавромъ, чѣмъ Индійскимъ Кавказомъ. По сему послѣднее названіе хотя и укоренилось, но подверглось со стороны древнихъ географовъ строгимъ порицаніямъ, которыя даже въ наше время сохранили свою силу. Страбонъ пишетъ [1]: «одна лишь лесть могла перенести Кавказъ отъ предѣловъ Колхиды и съ береговъ

1) XI, 505, 506.

Понта Евксинскаго въ Индію и къ Восточному морю, которое омываетъ ее. Кавказомъ греки называли горы, соприкасающіяся съ Колхидой и съ Евксиномъ, отъ этихъ горъ до Индіи болѣе 30000 стадій, (около 4000 верстъ). Вотъ гдѣ (т. е. на Понтійскомъ Кавказѣ), по словамъ миѳологовъ, страдалъ Прометей, вотъ гдѣ онъ былъ прикованъ. Въ то время не знали къ востоку странъ, болѣе отдаленныхъ... Конечно, болѣе славы для Александра, что онъ распространилъ свои завоеванія въ Азіи до Индійскихъ горъ, чѣмъ какъ если бы онъ остановился на берегахъ Евксина и на Кавказѣ. Но, во первыхъ, знаменитость Кавказа, потомъ, привычка считать за самый отдаленный походъ, походъ Язона и Аргонавтовъ, которые не ходили далѣе, наконецъ, старинное убѣжденіе, что Кавказъ, къ которому прикованъ былъ Прометей, находится на концѣ свѣта: все это повлекло къ тому что, въ угодность государю, назвали Кавказомъ Индійскія горы».

Чтобы оцѣнить по справедливости этотъ строгій приговоръ, мы, конечно, не сошлемся на показанія другихъ древнихъ географовъ, какъ напр. Птоломея, которые не имѣли никакой надобности выдумками возвышать славу Александра Македонскаго и, тѣмъ не менѣе, придавали названіе Кавказа горамъ, находящимся на предѣлахъ Индіи. Эти географы могли покоряться вкоренившемуся употребленію, хотя, быть можетъ, и сознавали ложное начало его. Подобнымъ образомъ, теперь еще мы называемъ индійцами американскихъ туземцевъ, хотя и знаемъ весьма хорошо, что они не имѣютъ ничего общаго съ Индіей.

Въ настоящее время, Индустанъ, даже современный Александру Македонскому, мы знаемъ гораздо лучше, чѣмъ знали его Страбонъ, Птоломей и другіе географы древности. Но въ классической литературѣ существуетъ показаніе, на которое нельзя не обратить вниманія. Плиній пишетъ [1]), что скиѳы Средней Азіи,

1) Hist. nat., VI, 19.

извѣстные у персовъ подъ именемъ саковъ, называютъ Кавказъ (индійскій) Гроуказъ, т. е. бѣлѣющій снѣгомъ, nive candidum. Это показаніе для насъ особенно важно тѣмъ, что, безъ сомнѣнія, Плиній не имѣлъ никакого понятія ни о санскритскомъ, ни о какомъ другомъ языкѣ Индіи, а между тѣмъ приводимое имъ название можетъ быть объяснено помощію санскритскаго языка. Боленъ [1]) замѣтилъ, что *граваказа* значитъ по санскритски *блестящія скалы*, отъ *каз* блестѣть и *граван* камень, скала. Бюрнуфъ [2]) признаетъ остроуміе объясненія, сдѣланнаго Боленомъ, но замѣчаетъ, что, согласно санскритской грамматикѣ, слѣдовало бы сказать *казаграван* для означенія блестящихъ скалъ, а не *граваказа*. Эту неправильность можно объяснить отступленіями народнаго языка отъ книжнаго [3]); во всякомъ случаѣ составныя части названія, приводимаго Плиніемъ, суть чисто санскритскія и Гроуказъ или Граваказа довольно близко подходятъ къ греческому Кауказъ. Этимъ объясняется, даже безъ пособія угодничества Александру Македонскому, почему горы, сопредѣльныя Индіи, названы Кавказомъ. Чтобы разрѣшить недоумѣнія, конечно, слѣдуетъ обратиться къ столь богатой санскритской литературѣ и въ ней отыскивать слѣды названія Кавказъ. Но, сколько извѣстно, названія Кавказа въ ней не встрѣчается: за то встрѣчается названіе Каза-гири отъ *Каза*, названія многочисленнаго горнаго племени, и *гири*—гора. Племя Каза до сихъ поръ не исчезло, и даже нынѣшніе представители его удержали имя предковъ съ легкимъ измѣненіемъ въ произношеніи. Они обитаютъ вдоль того самаго хребта, черезъ который прошелъ Александръ и который спутники его назвали Кавказомъ. У Птоломея находимъ мы Casii

1) *Bohlen*: Das alte Indien, I, 12.

2) *Humboldt*: Asie centrale, 1, 109.

3) *Vivien de St. Martin* въ Nouv. ann. des voyages. 1847. Janv.—Févr., 133.

montes, но восточнѣе той части хребта, которую называетъ онъ Caucasii montes proprie dicti, собственно называемыя Кавказскія горы. Мы не послѣдуемъ за ученымъ Вивьенъ де С. Мартеномъ въ остроумныхъ догадкахъ его о тождествѣ индійскихъ племенъ каза и дарада съ азами и дандарами на Кубани, съ азами и дарданами въ Ѳракіи и на Геллеспонтѣ, съ Язіономъ и Дарданомъ, двумя братьями, пелазгическими родоначальниками[1]: обратимъ вниманіе лишь на сдѣланное имъ объясненіе перехода названія каза-гири въ коки-каза. Иранское *кох* или *кух* совершенно соотвѣтствуетъ санскритскому *гири*, посему кохи-каза соотвѣтствуетъ буквально каза-гири. Такъ какъ македоняне шли въ Индію изъ Бактріи и, конечно, сопровождаемы были значительнымъ числомъ иранцевъ, то весьма естественнымъ образомъ услышали они названіе кохи-каза, котораго превращеніе въ Кавказъ можно объяснить безъ пособія льстецовъ, окружавшихъ Александра.

Всѣ эти толкованія болѣе или менѣе правдоподобны, но уже своимъ разнообразіемъ возбуждаютъ недоумѣніе. Можемъ ограничиться общимъ заключеніемъ, что названіе это арійскаго происхожденія и что первый слогъ его кух, кох, коф, хох означаетъ гору; послѣдняя половина названія не можетъ быть объяснена съ полною достовѣрностію. Первоначально имѣло оно у грековъ чисто миѳическое значеніе и не связано было ни съ какою извѣстною имъ горою, но дошло до нихъ съ востока. Какимъ путемъ, мы не знаемъ. Быть можетъ, греки узнали его отъ финикійскихъ мореплавателей, не узнавъ, впрочемъ, гдѣ находятся горы, такъ называемыя; или, быть можетъ, праотцы ихъ вынесли это названіе изглуби востока и передали потомкамъ въ видѣ звука безъ значенія, которое, потомъ, создано было воображеніемъ. Люди, одаренные живымъ воображеніемъ, но чуждые положительной наукѣ,

1) Тамъ же, стр. 153.

всегда стараются отгадать, что находится на краю свѣта. Для сѣвернаго края свѣта греки придумали горы Рифейскія; такую же роль, быть можетъ, Кавказскія горы играли въ воображеніи ихъ для восточнаго края свѣта. Но восточнымъ краемъ свѣта долгое время былъ для нихъ восточный берегъ Понта Евксинскаго, и величественныя горы его назвали они Кавказомъ. Это можетъ быть допущено даже независимо отъ этимологическихъ толкованій, которыя мы привели выше.

Слѣдуя порядку времени, мы приступимъ теперь къ изложенію всего того, что повѣствуетъ о Кавказскомъ перешейкѣ, въ разныхъ мѣстахъ своей исторіи, Геродотъ,—отецъ исторіи, въ твореніяхъ котораго съ такой же полнотой отражается древній міръ, какъ и въ безсмертныхъ пѣсняхъ Гомера.

Мы не станемъ говорить о безконечной прелести разсказа Геродотова: это какъ бы не писанная исторія, а изустная рѣчь человѣка *бывалаго*, умнаго и ученаго, котораго нельзя не заслушаться. Геродотъ родился въ Галикарнассѣ, въ семействѣ, знаменитомъ по происхожденію и по склонности къ наукамъ; въ юности еще объѣхалъ онъ почти весь извѣстный въ его время міръ; потомъ дѣятельно подвизался на политическомъ поприщѣ, испыталъ неудачи на родинѣ, которую долженъ былъ покинуть; не успѣвъ достигнуть славы народнаго правителя, онъ отправился на материкъ Греціи читать свою исторію предъ несмѣтнымъ собраніемъ народа, стекшагося для празднованія LXXXI олимпіады. Можно сказать, что дружныя рукоплесканія цѣлой Греціи привѣтствовали великаго историка, и гулъ этихъ рукоплесканій не умолкаетъ до нашего времени. Геродотъ въ высшей степени самостоятельный писатель: онъ зналъ все, что знали изъ книгъ или преданій современные ему греки, но, кромѣ того, онъ зналъ и то, чего нельзя пріобрѣсти, сидя на мѣстѣ за книгами. Странствуя по далекимъ странамъ, посреди варваровъ, онъ освобождался отъ понятій преждевременно составленныхъ на родинѣ, столь часто

затемняющихъ видимое и слышимое. Не все, что узналъ онъ, передалъ онъ грекамъ: тому препятствовали многія обстоятельства, иногда обѣщаніе, данное на чужой сторонѣ, хранить тайну [1]). Но Геродотъ неутомимо и совѣстливо искалъ истину; постоянно указываетъ онъ откуда что узналъ, представляетъ на судъ читателя противуположныя мнѣнія, скромно говоритъ иногда, что это личное его мнѣніе, съ которымъ другіе могутъ быть несогласны. И дѣйствительно, теперь во многомъ мы несогласны съ Геродотомъ, но даже баснями его мы не въ правѣ пренебрегать, какъ пустою выдумкой: въ нихъ нерѣдко скрываются весьма важныя для исторіи указанія. Большая часть древнихъ писали во имя какой либо теоріи, a priori составленной и признанной ими непогрѣшительною: Геродотъ писалъ, какъ независимо мыслящій человѣкъ, духъ независимаго мышленія вызываетъ онъ и въ читателяхъ своихъ.

Война между персами и греками составляетъ главное содержаніе историческаго творенія его. Геродотъ видитъ въ этомъ не какое либо случайное, отдѣльное событіе, а эпизодъ вѣковаго антагонизма между двумя частями свѣта, между Европой и Азіей, антагонизма, которому теперь еще мы соприсутствуемъ, котораго теперь, быть можетъ, *начался конецъ*. Откуда возникъ онъ? «Зачѣмъ, восклицаетъ вѣщая Кассандра [2]), оплакивая гибель царственнаго дома своего, зачѣмъ не прекращается эта старая вражда между сынами Прометеевой матери Азіи и Саркедоновой родительницы, Европы? Развѣ не довольно для нихъ, что ихъ разлучаетъ и Геллеспонтъ, и скалы Симплегадскія, и море Аксинское и, наконецъ, рѣка Танаисъ, которая даже море Меотійское, привѣтливоберегое, разсѣкаетъ пополамъ быстрыми волнами своими».

1) II, 3, 47, 51, 123 и пр.
2) *Lycophron*: Cassandra, v. 1283; *Ritter*: Vorhalle etc., 469.

Геродотъ не мудрствуетъ на счетъ того, что разсорило Европу съ Азіей: онъ передаетъ лишь [1]), что, согласно мнѣнію азіятцевъ, ссора началась изъ за женщинъ, prima causa belli: финикіяне похитили въ Европѣ царевну Іо, за то греки похитили финикійскую царевну Европу и колхидскую царевну Медею. Парисъ, потомъ, чтобы уравнять счетъ, похитилъ греческую Елену. За это греки начали войну и раззорили Трою. Въ этомъ, какъ говорятъ персы, греки кругомъ виноваты, потому что они начали войну въ Азіи, а не азіятцы въ Европѣ. Конечно, прибавляютъ они, не хорошо похищать женщинъ, но глупо мстить за это, потому что женщинъ не похищаютъ безъ ихъ согласія. Геродотъ говоритъ, что онъ не судья въ этомъ спорѣ, но что будетъ разсказывать и о большихъ и о малыхъ государствахъ, потому что прежнія большія теперь стали малыми, а нынѣшнія большія прежде были малыми. Такъ какъ греки сами себя знаютъ, то Геродотъ главное вниманіе обращаетъ на описаніе ихъ противниковъ т. е. азіятцевъ. Онъ разсказываетъ сначала исторію ближайшаго къ Европѣ народа, лидянъ; лидяне покорены персами, онъ приступаетъ къ исторіи персовъ, но исторія персовъ начинается освобожденіемъ ихъ отъ ига мидянъ; чтобы объяснить, какъ это случилось, Геродотъ разсказываетъ исторію мидянъ. Исторія мидянъ сплетается съ исторіею вавилонянъ и ассиріянъ. Основатель персидской монархіи оканчиваетъ свое поприще неудачнымъ походомъ противъ массагетовъ: по этому поводу Геродотъ сообщаетъ все, что успѣлъ узнать о Каспійскомъ морѣ, объ Араксѣ и о Закаспійскомъ краѣ. Подобнымъ образомъ, по случаю завоеванія Египта Камбизомъ, онъ описываетъ Египетъ, достопримѣчательности его, нравы, обычаи, вѣру, исторію жителей. Дарій Гистаспъ организовалъ внутреннее управленіе своей монархіи: въ Геродотѣ находимъ мы на-

1) I, 1—5.

званія всѣхъ сатрапій, какіе народы входили въ составъ каждой изъ нихъ, какія подати наложены были на каждую сатрапію. Потомъ Дарій отправляется въ походъ противъ скиѳовъ, т. е. въ нынѣшнюю полуденную Россію: по этому случаю Геродотъ разсказываетъ все, что успѣлъ узнать о странѣ скиѳовъ и о народахъ, живущихъ къ востоку и сѣверо-востоку отъ нихъ, т. е. въ нынѣшнемъ Оренбургскомъ краѣ, въ Западной Сибири, въ Киргизской степи. Благодаря Геродоту, мы обладаемъ описаніемъ значительной части Россіи, сдѣланнымъ за пять вѣковъ до Р. Х., въ то время когда Германія и Франція, не говоря уже о сѣверѣ Европы, оставались еще странами вполнѣ неизвѣстными для грековъ. Наконецъ, Ксерксъ ополчаетъ Азію на Европу: на мосту, построенномъ . черезъ Геллеспонтъ, царь смотритъ семь дней и семь ночей, какъ одинъ народъ слѣдуетъ за другимъ. Геродотъ приводитъ насъ на этотъ смотръ, величайшій и знаменитѣйшій изъ всѣхъ смотровъ, когда либо и гдѣ либо бывшихъ. Передъ читателемъ, какъ передъ Ксерксомъ, идетъ одинъ народъ за другимъ: Геродотъ каждый называетъ по имени, описываетъ одежду, вооруженіе, приводитъ имена частныхъ военачальниковъ; каждое народное имя возбуждаетъ въ немъ множество воспоминаній и онъ спѣшитъ высказать ихъ читателю, безъ всякаго порядка, просто по мѣрѣ того, какъ они приходятъ ему на умъ. Въ этой болтовнѣ Геродота на Геллеспонтскомъ мосту заключается вся дошедшая до насъ древняя исторія множества азіятскихъ народовъ, нѣкогда громкихъ, но которыхъ имена остались бы безвѣстными для потомства, если бы Геродотъ не вспомнилъ о нихъ по случаю большаго смотра на Геллеспонтскомъ мосту.

Самыя любопытныя свѣдѣнія Геродотъ пріобрѣлъ въ странствованіяхъ по далекимъ странамъ. Онъ намъ не сообщаетъ, гдѣ именно онъ былъ, и намъ неизвѣстна послѣдовательность его путешествій, но во многихъ мѣстахъ своей исторіи, онъ говоритъ, какъ очевидецъ, о далекихъ странахъ. Кромѣ Египта, Палестины

и Финикіи, онъ былъ въ Вавилонѣ [1]), въ Колхидѣ [2]), въ Скиѳіи [3]). Вездѣ бесѣдовалъ онъ съ образованнѣйшими туземцами, какъ-то: съ египетскими и финикійскими жрецами и халдейскими звѣздочетами.

Въ Колхидѣ тоже нашелъ онъ людей образованныхъ, которые хорошо знали о Египтѣ и хранили въ памяти историческія преданія. Въ Скиѳіи большая часть свѣдѣній объ отдаленныхъ народахъ была доставлена ему странствующими купцами, скиѳскими и греческими. Эти свѣдѣнія отрывисты и сбивчивы, въ чемъ конечно вина не Геродота, который самъ сомнѣвается въ справедливости приводимыхъ имъ показаній. Укертъ [4]) справедливо замѣтилъ, что свѣдѣнія эти подобны тѣмъ, которыя долго получаемы были въ Европѣ черезъ посредство туземцевъ и европейскихъ разнощиковъ о внутренности Африки, Китая, Средней Азіи и Америкѣ. Самые замѣчательные предметы нерѣдко ускользаютъ отъ вниманія таковыхъ людей или, по крайней мѣрѣ, пропускаются въ ихъ разсказахъ. Такимъ образомъ случилось, что Геродоту, по разсказамъ, извѣстенъ былъ сѣверный берегъ Каспійскаго моря, а, между тѣмъ, Волга осталась ему неизвѣстною, или, по крайней мѣрѣ, сомнительно, зналъ ли онъ что либо о ней. Но, кромѣ разсказовъ, Геродотъ очевидно пользовался и чужеземными письменными источниками, которые въ его время были совершенно недоступны грекамъ. Приводимое раздѣленіе Персіи на сатрапіи и исчисленіе податей носятъ характеръ офиціальныхъ источниковъ. Въ наше время, когда разобраны были нѣкоторыя гвоздеобразныя надписи въ развалинахъ Персеполиса, свѣдѣнія, доставленныя Геродотомъ, пріобрѣли блестящее подтвер-

1) I, 183.
2) II, 104.
3) IV, 81.
4) Skythien, 33.

жденіе. Наконецъ, Геродотъ не могъ бы, безъ пособія туземныхъ письменныхъ источниковъ, описать столь отчетливо полный составъ несмѣтнаго ополченія Ксерксова.

Все это показываетъ, до какой степени важны творенія Геродота для познанія древней исторіи и древней географіи Азіи, даже оставляя въ сторонѣ личныя его высокія дарованія. Но онъ не чуждъ и недостатковъ, которыхъ, впрочемъ, едва ли возможно было ему избѣжать. Главнѣйшіе проистекаютъ изъ того, что ему чуждо было великое пособіе географическихъ картъ. По сему относительное положеніе странъ у него большею частію выходитъ весьма неясно; разстоянія, для измѣренія которыхъ принимаетъ онъ различныя единицы, невѣрны и только увеличиваютъ запутанность. Эти недостатки породили величайшія разногласія и безконечные споры между учеными толкователями Геродота.

Понтъ Евксинскій отдѣлялъ Кавказскій перешеекъ отъ земель, наиболѣе извѣстныхъ Геродоту; по сему мы, прежде всего, разсмотримъ, какое понятіе имѣлъ онъ объ этомъ морѣ. Онъ пишетъ [1]), что изъ всѣхъ морей, это есть самое удивительное. Оно имѣетъ 11100 стадій (1642 вер.) длины на 3300 стадій (488 в.) ширины въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно наиболѣе широко. Далѣе Геродотъ объясняетъ, что эти разстоянія вымѣрены по примѣрной скорости хода кораблей. Море имѣетъ наибольшую длину по направленію отъ Босфора Ѳракійскаго до устья Фазиса, а наибольшую ширину отъ Синдики до Темискиры (т. е. отъ Тамани до точки азіятскаго берега, лежащей на томъ же меридіанѣ). Отъ устья Истра (Дуная) до Босфора Киммерійскаго вдоль берега Геродотъ считаетъ 4000 стадій (592 в.), а отъ послѣдняго до устья Фазиса 6000 ст. (888 в.). Разстоянія эти непонятнымъ образомъ преувеличены. Наибольшая длина Чернаго моря не превышаетъ 900, а ширина 470 верстъ. Такимъ образомъ, Геродотъ считалъ Кавказ-

1) IV, 85.

скій перешеекъ гораздо болѣе отдаленнымъ отъ Греціи, чѣмъ дѣйствительно. Сверхъ того, онъ имѣлъ самое превратное понятіе объ астрономическомъ положеніи и очертаніи Понта Евксинскаго. Устья Истра (Дуная), по мнѣнію его, находятся прямо противъ Синопа, т. е на одномъ меридіанѣ, а Синопъ прямо противъ устья Нила [1]). Отсюда видно, что Босфоръ Киммерійскій отодвинутъ имъ далеко на востокъ противъ настоящаго его положенія, или, лучше сказать, на сѣверо-востокъ. Отъ этого преувеличилось разстояніе между Босфоромъ Киммерійскимъ и Фазисомъ, которое, считая по всѣмъ изгибамъ берега, не превышаетъ 520 верстъ. Впрочемъ, это послѣднее разстояніе Геродотъ выражаетъ слѣдующими словами [2]): «отъ Болота Меотійскаго до Фазиса и Колхиды считаютъ 30 сутокъ для хорошаго пѣшехода». Суточный переходъ Геродотъ полагаетъ въ 200 стадій (немногимъ болѣе 29½ верстъ) [3]); такъ какъ восточнымъ берегомъ Чернаго моря идти вообще весьма затруднительно, то, быть можетъ, пѣшеходное сообщеніе производилось какимъ нибудь окольнымъ путемъ, удалявшимся отъ моря. Во всякомъ случаѣ, изъ словъ Геродота можно заключить, что въ его время производилось постоянное пѣшеходное сообщеніе отъ Ріона до Кубани; въ исторіи Митридата Великаго мы встрѣтимъ еще болѣе положительное на то доказательство. Въ наше время таковое сообщеніе прекратилось.

Геродотъ съ весьма невыгодной стороны описываетъ климатъ сѣвернаго прибрежья Чернаго моря и страны, окружающей Азовское. «Зима, говоритъ онъ, такъ сурова и холодъ такъ несносенъ въ продолженіе цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ, что грязь на землѣ образуется только разведеннымъ огнемъ, а не пролитой водой. Море (Азовское) даже замерзаетъ въ этомъ ужасномъ кли-

1) II, 34.
2) I, 104.
3) IV, 101.

матѣ, равно какъ и весь Босфоръ Киммерійскій; скиѳы проходятъ цѣлыми ополченіями по льду и проѣзжаютъ въ повозкахъ до земли индовъ (синдовъ). Такъ зима продолжается восемь мѣсяцевъ; остальные четыре все таки холодно. Зима въ этихъ странахъ совершенно особая. Въ продолженіе ея дождь идетъ такъ рѣдко, что не стоитъ и говорить, а лѣтомъ идетъ безпрерывно. Лошади переносятъ этотъ холодъ, но ослы и мулы не могутъ, хотя въ другихъ мѣстахъ лошади пропадаютъ отъ мороза, а ослы и мулы выдерживаютъ его легко». Мы уже выше сказали, что въ старинныхъ спискахъ Геродота встрѣчается названіе индовъ, а не синдовъ, но обстоятельству этому, какъ кажется, не стоитъ придавать важности. Достаточно, что Геродотовы инды находятся совершенно тамъ же, гдѣ синды другихъ писателей, т. е. около устья Кубани. Кромѣ синдовъ и колховъ, Геродотъ не называетъ ни одного народа вдоль восточнаго берега Чернаго моря, между тѣмъ какъ другіе писатели насчитываютъ ихъ тамъ множество. Изъ этого можно заключить, что берегъ этотъ мало извѣстенъ былъ Геродоту и что изъ Колхиды въ Скиѳію или изъ Скиѳіи въ Колхиду проѣхалъ онъ моремъ. Обратимъ вниманіе также на то, что, по словамъ Геродота, жители Тавриды ходили для разбоевъ или для торговыхъ промысловъ на восточный берегъ Азовскаго моря и на Кубань, а не наоборотъ.

Азовское море Геродотъ иногда называетъ просто Мэетисъ [1]), въ другихъ мѣстахъ называетъ онъ его озеромъ Меотійскимъ. Такъ говоритъ онъ [2]), что Танаисъ беретъ начало свое въ весьма далекой странѣ, изъ большаго озера и впадаетъ въ другое озеро еще большее, которое называется Меотійскимъ и раздѣляетъ царскихъ скиѳовъ отъ сауроматовъ. Озеро Мэетійское выливается въ Понтъ Евксинскій, оно немногимъ менѣе этого моря и называется

1) IV, 86, 45.
2) IV, 57.

матерью Понта. Весьма вѣроятно, что древнее названіе Азовскаго моря дѣйствительно произошло отъ слова *маія*, кормилица, на дорическомъ діалектѣ [1]), такъ какъ озеро Мэетійское, по древнѣйшимъ понятіямъ, питало водами своими Понтъ Евксинскій. Величина Азовскаго моря еще болѣе преувеличена у Геродота, чѣмъ величина Понта Евксинскаго; такъ какъ, оба моря, по словамъ его, почти одинаковой величины. Такъ какъ западный берегъ Азовскаго моря былъ извѣстенъ Геродоту, то въ воображеніи его море распространялось далеко къ сѣверо-востоку и востоку, слѣдовательно занимало большую часть нынѣшней Черноморіи и часть земли Донскихъ казаковъ. Танаисъ, по словамъ Геродота, впадаетъ въ загибъ Мэетиса. Эта рѣка принимаема была большею частію древнихъ писателей до Геродота и послѣ Геродота за границу между Европой и Азіей, но Геродотъ находитъ это общее мнѣніе неосновательнымъ и излагаетъ свое собственное о раздѣленіи земли. «Не могу понять, пишетъ онъ [2]), почему, земля одна, а ей даютъ три различныя имени и имени женскія, и почему принимаютъ за предѣлы Азіи Нилъ, рѣку египетскую и Фазисъ, рѣку колхидскую, или, какъ другіе думаютъ, Танаисъ, озеро Меотійское и городъ Портмеію (на Крымскомъ берегу Таманскаго пролива). Я не могъ доискаться, ни какъ назывались тѣ, которые такъ раздѣлили земли, ни откуда взяли они данныя ей имена». Въ другомъ мѣстѣ [3]): «не могу не смѣяться, видя людей, которые описываютъ окружность земли и, безъ всякаго основанія, думаютъ, что она кругла, какъ бы обточена, что Океанъ окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ и что Азія равна Европѣ». Замѣтимъ, что Геродотъ согласенъ съ противниками своими, что земля имѣетъ плоскій видъ, но только сомнѣвается, чтобы она имѣла видъ круга; затѣмъ дѣлаетъ онъ очеркъ строенія земли [4]):

1) *Ritter*: Vorhalle etc., 58.
2) IV, 45.
3) IV, 36.
4) IV, 37 и сл.

«страна, занимаемая персами, простирается до южнаго моря, называемаго Эритрейскимъ. Выше къ сѣверу живутъ мидяне, выше мидянъ сапиры, а за сапирами колхи, прикасающіеся къ сѣверному морю (Понту Евксинскому), въ который впадаетъ Фазисъ. Эти четыре народа простираются отъ моря до моря». Это пространство земли Геродотъ принимаетъ, такъ сказать, за туловище Азіи и говоритъ, что къ этому туловищу прикрѣплены два полуострова съ западной стороны: одинъ начинается у Фазиса и идетъ вдоль Понта Евксинскаго до Геллеспонта; другой начинается у персовъ, простирается до моря Эритрейскаго и заключаетъ въ себѣ Персію, потомъ Ассирію и Аравію. Страны къ востоку отъ персовъ, мидянъ, сапировъ и колховъ граничатъ съ одной стороны моремъ Эритрейскимъ, а съ сѣверной Каспійскимъ моремъ и Араксомъ, который течетъ къ восходу солнечному. Азія обитаема до Индіи; далѣе къ востоку простираются пустыни, которыхъ никто не знаетъ и о которыхъ ничего нельзя сказать вѣрнаго. Мы ниже объяснимъ, что все, что говоритъ Геродотъ объ Араксѣ, преисполнено самыхъ грубыхъ и даже непростительныхъ ошибокъ, составляющихъ рѣзкую противуположность со всегдашнею его осмотрительностію. Покуда ограничимся замѣчаніемъ, что здѣсь подъ Араксомъ должно подразумѣвать Яксартесъ (Сыръ-Дарью). Такимъ образомъ, если бы Геродотово разграниченіе между Европой и Азіей было принято нынѣшними географами, то отъ Азіи отошли бы Сибирь, Киргизъ-Кайсацкая степь, Астраханская губернія и весь сѣверный Кавказъ. Европа, по мнѣнію Геродота, превосходитъ длиною своей (т. е. отъ запада къ востоку) обѣ другія части свѣта, но не можетъ сравниться съ ними въ отношеніи къ ширинѣ. Никто въ свѣтѣ до сихъ поръ не знаетъ, говоритъ Геродотъ, омывается ли Европа моремъ съ восточной и сѣверной сторонъ. О морѣ, омывающемъ Европу со стороны запада, Геродотъ слыхалъ [1]), но не отъ очевидцевъ, и потому сомнѣ-

1) III, 115.

вается во всемъ, что о немъ разсказываютъ.

Геродотъ, совершенно согласно съ Скилаксомъ, говоритъ, что вверхъ по лѣвому берегу Танаиса живутъ сауроматы [1]). Земля ихъ простирается на 15 дней ходу (то есть верстъ на 450), въ ней нѣтъ никакихъ деревьевъ, ни фруктовыхъ, ни дикихъ. Отсюда можно заключить, что сауроматы занимали всю южную часть земли Донскихъ казаковъ до Царицына или до мѣста, гдѣ Волга наиболѣе сближается съ Дономъ. Сауроматы управлялись царями [2]), и, судя по роли, которая имъ назначалась въ войнѣ противъ Дарія Истаспа, должно заключить, что это былъ народъ многочисленный и воинственный. Мы выше видѣли, что Скилаксъ называетъ гюнайкократуменами, т. е. *женоуправляемыми*, одно изъ сауроматскихъ племенъ. Въ Геродотѣ находимъ объясненіе этого названія, хотя, впрочемъ, оно можетъ быть отнесено ко всѣмъ сауроматамъ, а не къ одному какому нибудь племени ихъ. Вотъ какое было преданіе о происхожденіи сауроматовъ [3]).

«Въ то время какъ греки воевали съ амазонками, которыхъ скиѳы называютъ *аіорпата*, что значитъ убивающія мужчинъ, потому что *аіор* по скиѳски значитъ мужчина, а *пата* убивать; въ то время, говорю я, когда они воевали съ ними и одержали побѣду на берегахъ Термодона, то, какъ разсказываютъ, увезли съ собою на трехъ корабляхъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ могли захватить въ плѣнъ. Посреди открытаго моря, плѣнницы бросились на своихъ побѣдителей и умертвили ихъ. Но такъ какъ онѣ ничего не смыслили въ мореплаваніи, то, умертвивъ мужчинъ, поплыли далѣе по произволу волнъ и вѣтровъ и, наконецъ, пристали въ Кремнахъ (Kremnoi) на болотѣ Меотійскомъ. Тутъ онѣ вышли на берегъ, захватили первый попавшійся имъ табунъ лошадей и на-

1) IV, 21.
2) IV, 119.
3) IV, 110 и сл.

чали опустошать земли скиѳовъ». Далѣе Геродотъ разсказываетъ, что скиѳы не вдругъ догадались, что на нихъ напали женщины и потому вступили съ ними въ сраженіе, но потомъ открыли истину, осмотрѣвъ тѣла убитыхъ. Тогда рѣшились они выслать противъ амазонокъ только молодыхъ людей, которымъ приказали не выпускать ихъ изъ виду, не нападать на нихъ и самимъ уклоняться отъ боя. Черезъ нѣсколько дней амазонки начали постепенно знакомиться съ молодыми скиѳами и, наконецъ, оба лагеря соединились въ одинъ и скиѳы взяли себѣ въ жены амазонокъ. Послѣднія уговорили мужей своихъ отложиться отъ остальнаго народа, покинуть родину и поселиться за Танаисомъ. Сауроматы суть потомки этихъ выселившихся за Танаисъ скиѳовъ и амазонокъ. Геродотъ говоритъ, что жены сауроматовъ сохранили старые обычаи: онѣ ѣздятъ верхомъ, ходятъ на охоту, иногда однѣ, иногда съ мужьями. Онѣ не отстаютъ отъ послѣднихъ на войнѣ, и носятъ мужское платье. Сауроматы говорятъ скиѳскимъ языкомъ, но нечистымъ, потому что амазонки не могли ему хорошо выучиться. У нихъ заведено такъ, что дѣвушка не можетъ выйти замужъ, пока не убьетъ непріятеля. Многія, не успѣвъ выполнить этого закона, умираютъ старыми дѣвами.

Весь этотъ разсказъ, безъ сомнѣнія, чистая басня, которую Геродотъ вѣроятно слышалъ отъ борисѳенскихъ грековъ и передалъ въ томъ видѣ, въ какомъ слышалъ. Но въ этой баснѣ заключаются весьма важныя историческія указанія. Легко объяснить себѣ, откуда взялась она. Сауроматы жили въ открытой безлѣсной степи, которая въ нынѣшнее время весьма хорошо извѣстна. Жизнь вели они преимущественно кочевую, все богатство ихъ заключалось въ табунахъ лошадей. Совершенно посреди такихъ же условій жизни и въ той же степи встрѣчаемъ мы теперь калмыковъ и киргизовъ. Путешественниковъ наиболѣе поражаетъ у этихъ народовъ то, что образомъ жизни, занятіями, привычками женщины весьма мало отличаются отъ мужчинъ. Съ дѣтства, по-

добно мужчинамъ, проводятъ онѣ жизнь посреди лошадей; въ искуствѣ верховой ѣзды не только не уступаютъ мужчинамъ, но даже пускаются съ ними въ состязаніе; воинственность и удаль этихъ народовъ преимущественно заключаются въ воровствѣ, въ преслѣдованіи воровъ или въ томъ, какъ ускользнуть отъ преслѣдованія. Во всемъ этомъ, самую главную роль играютъ лошадь, арканъ, нагайка: все это также сподручно женщинамъ, даже молодымъ дѣвушкамъ, какъ и мужчинамъ. При этомъ образѣ жизни, женщины по необходимости принимаютъ даже одежду почти одного покроя съ мужскою. Таковое впечатлѣніе, вѣроятно, произвели сауроматы на грековъ, которымъ въ особенности странными показались мужественныя и воинственныя привычки сауроматскихъ женщинъ. Подобныя женщины мерещились воображенію грековъ въ видѣ сказочныхъ амазонокъ; этимъ сказкамъ они вѣрили, но амазонки исчезли изъ той страны, гдѣ по преданіямъ онѣ нѣкогда жили. Отсюда стоило шагъ сдѣлать къ тому, чтобы объяснить воинственность сауроматскихъ женщинъ происхожденіемъ ихъ отъ древнихъ амазонокъ, успѣвшихъ спастись отъ грековъ. Дальнѣйшія подробности обрисовались сами собою и, вѣроятно, греческіе поселенцы вполнѣ вѣрили всему тому, что разсказывали Геродоту.

По географическому положенію, сауроматы занимали середину между такъ называемыми царственными скиѳами, жившими на правомъ берегу Дона, и меотами, матами, населявшими страну по восточному берегу Азовскаго моря. Геродотъ пишетъ, что сауроматы говорили испорченнымъ скиѳскимъ языкомъ. Для насъ, конечно, это служитъ лишь доказательствомъ, что сауроматы были одноплеменны съ скиѳами, но говорили на особомъ нарѣчіи, что объяснить можно одною лишь разрозненностію великаго скиѳскаго племени, безъ всякой даже инородной примѣси. Но еще теперь существуютъ различныя мнѣнія на счетъ того, къ какому племени принадлежали Геродотовы скиѳы, хотя вообще мнѣніе, что они

принадлежали къ индо-европейскому племени пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе довѣрія. Конечно, мы должны ограничиться, для этого отдаленнаго времени, самыми общими заключеніями, не входя въ изслѣдованія, были ли Геродотовы скиѳы предки готовъ или славянъ. О языкѣ скиѳовъ мы не имѣемъ никакого понятія, немногія слова, приводимыя Геродотомъ, подаютъ поводъ къ разнорѣчивымъ толкованіямъ, а не къ положительнымъ выводамъ, потому ли что самъ Геродотъ записалъ эти слова ошибочно или что они искажены были переписчиками. Такъ напр. въ приведенномъ нами выше мѣстѣ говоритъ онъ, что *аіор* по скиѳски значитъ мужчина, а *пата* убивать. Въ армянскомъ языкѣ, который принадлежитъ къ индо-европейскому семейству, *айр* значитъ мужчина, но съ другой стороны скиѳское *аіор* можно сблизить и съ турецкимъ *ер*, значущимъ тоже самое [1]). *Пата* напоминаетъ глаголы *бить*, to beat, battre. Все это очень сомнительно. Какъ бы то ни было, но изъ Геродотова сказанія весьма ясно видно, что сауроматы были одноплеменны съ царственными скиѳами, жившими по правую сторону Дона. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы уже не разъ замѣтили, окончаніе этническаго названія сауроматы заставляетъ думать, что народъ этотъ принадлежалъ къ числу меотическихъ племенъ, обитавшихъ на восточномъ берегу Азовскаго моря и въ нынѣшней Кубанской области. Тождество имени меотовъ, матовъ, съ настоящимъ именемъ мидянъ, равно какъ и собственныя имена географическихъ предметовъ этого края, не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что меоты, маты, принадлежали къ индо-европейскому племени, каковое заключеніе обратно можетъ быть распространено на сауроматовъ и на царственныхъ скиѳовъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣннымъ кажется то, что въ Геродотовы времена все обширное пространство земли по обѣ сто-

1) *Pototzky*: Voyages dans les steppes etc., II, 76.

роны Дона и потомъ къ югу до Кубани обитаемо было народами одноплеменными.

Въ приведенномъ нами выше разсказѣ Геродота о происхожденіи сауроматовъ играютъ большую роль амазонки. Это громкое въ древности имя также тѣсно связано было съ Кавказскимъ перешейкомъ, какъ имена Аргонавтовъ и Прометея. Амазонки составляютъ одно изъ самыхъ причудливыхъ созданій воображенія грековъ. Легко представить себѣ, что женщины дѣлятъ съ мужчинами опасности войны: таковые примѣры извѣстны каждому. Можно даже вообразить себѣ, что гдѣ нибудь, по истребленіи всѣхъ мужчинъ, остались однѣ женщины, которыя, въ порывѣ отчаянія, взялись за оружіе, отразили непріятеля и сохранили независимость свою. Если даже допустить это маловѣроятное предположеніе, то во всякомъ случаѣ таковое исключительное общество должно скоро возвратиться въ обыкновенныя условія человѣческаго общества, уже черезъ одно то, что должны подрости дѣти мужскаго пола. Эти самыя разсужденія приходили на умъ многимъ классическимъ писателямъ, которые не безусловно вѣрили древнимъ миѳамъ, но существованіе амазонокъ казалось имъ подтвержденнымъ столькими несомнѣнными доказательствами, что они не рѣшались исключить ихъ изъ области дѣйствительности. Замѣтимъ, притомъ, что согласно обще-принятымъ въ древнемъ мірѣ понятіямъ, амазонки не представлялись въ видѣ отважныхъ женщинъ, сопутствующихъ мужьямъ своимъ на войнѣ: это былъ народъ женщинъ, народъ весьма воинственный, предпринимавшій отдаленные походы для завоеваній, построившій множество городовъ и не терпѣвшій посреди себя мужчинъ или, по крайней мѣрѣ, вмѣшательства ихъ въ общественныя дѣла. Въ извѣстные сроки амазонки вступали въ тѣсныя сношенія съ мужчинами сосѣднихъ странъ: родившихся дѣвочекъ онѣ воспитывали у себя, а мальчиковъ отдавали отцамъ или умерщвляли ихъ, или, наконецъ, увѣчили такъ, чтобы они не выходили изъ повиновенія и

по достиженіи совершеннолѣтія. Аѳиняне особенно гордились тѣмъ, что отразили амазонокъ и этимъ спасли всю Грецію отъ грозившей ей опасности. Платонъ [1]) и всѣ, когда либо восхвалявшіе аѳинянъ, превозносили побѣду ихъ надъ амазонками; въ Аѳинахъ указывали могилы амазонокъ, погибшихъ въ бою. Птоломей [2]) приписываетъ особому вліянію звѣздъ воинственность и властолюбіе женщинъ въ нѣкоторыхъ странахъ. Наконецъ, какъ справедливо замѣтилъ Страбонъ [3]), древнѣйшая исторія и географія амазонокъ отличается опредѣлительностію совершенно чуждою миѳическому міру.

Названіе амазонокъ встрѣчается у писателей, задолго еще предшествовавшихъ Геродоту. Гомеръ не разъ упоминаетъ о нихъ [4]), но не опредѣляетъ мѣста ихъ жительства: видно лишь, что, по мнѣнію его, онѣ жили далеко на востокъ отъ Трои, но свѣдѣнія Гомера о востокѣ не далеко распространялись. Послѣдующіе поэты, какъ то Ферекидъ [5]), помѣщаютъ амазонокъ на рѣкѣ Термодонѣ. Съ рѣки Термодона онѣ предпринимаютъ завоеванія къ западу, достигаютъ острововъ Архипелага, потомъ черезъ Ѳракію, Ѳессалію и Беотію доходятъ до Аѳинъ, гдѣ претерпѣваютъ пораженіе. Это пораженіе было началомъ паденія могущества амазонокъ; онѣ исчезаютъ съ Термодона, но не исчезаютъ съ лица земли. Мы видѣли, что Геродотъ часть ихъ переноситъ на берега Танаиса; другіе писатели древности находятъ ихъ на Кавказскомъ перешейкѣ. повидимому, въ нынѣшней Чечнѣ; наконецъ, нѣкоторые, по восточную сторону Каспія. Мы не говоримъ объ ливійскихъ амазонкахъ, которыя не имѣли ничего общаго съ

1) *Plato,* Menexen., 239; *Геродотъ,* IX, 27.
2) De judic. astrol., 18.
3) XI, 504.
4) Иліада, III, 184—189; VI, 186.
5) *Pherekydes,* fragm., 25, ed. Müller.

азіятскими. Амазонкамъ приписывали построеніе многихъ городовъ въ Малой Азіи, какъ то Синопа и Смирны.

Если бы можно было отстранить несбыточность самаго общественнаго устройства амазонокъ, то въ древнѣйшей исторіи *амазонскаго народа* не представлялось бы ничего невѣроятнаго, напротивъ, свѣдѣнія о немъ показались бы весьма опредѣлительными. Это былъ бы народъ, который, согласно общему показанію историковъ и поэтовъ, жилъ первоначально на Термодонѣ, откуда распространилъ свои завоеванія на западъ, потомъ, претерпѣвъ въ свою очередь пораженія, исчезъ, засвидѣтельствовавъ о своемъ существованіи множествомъ памятниковъ. Таковое замѣненіе не можетъ быть допущено. Термодонъ съ городомъ Темискирой всегда почитаемы были классическою страною дѣятельности амазонокъ; Ферекидъ говоритъ, что онѣ произошли отъ союза бога войны Ареса съ Гармоніей на Термодонѣ, но другіе почитали ихъ пришелицами въ этой странѣ. Мы видѣли, что у Есхила Прометей предсказываетъ амазонкамъ, живущимъ у Кавказа, что онѣ нѣкогда поселятся на Термодонѣ. Было также преданіе [1]), что два скиѳскіе царевича, Илинъ и Сколопитъ, изгнанные изъ родины вельможами, поселились съ большимъ числомъ приверженцевъ на Термодонѣ, откуда начали опустошать сосѣднія страны. Наконецъ, всѣ переселенцы мужскаго пола были истреблены возставшими сосѣдними народами; уцѣлѣли однѣ лишь женщины, которыя взялись за оружіе, основали государство и назвались амазонками. Такимъ образомъ видимъ мы, что не только страною позднѣйшаго переселенія, но и первоначальной отчизной амазонокъ почитаемы были то Кавказъ, то Скиѳія.

Въ вопросѣ объ амазонкахъ такъ же, какъ то было въ отношеніи къ Аргонавтамъ и Прометею, предстоитъ разрѣшить двѣ

1) *Юстинъ*, II, 44.

стороны задачи: во первыхъ откуда взялось у грековъ это понятіе о воинственныхъ женщинахъ и во вторыхъ, почему отыскиваемы онѣ были на Кавказскомъ перешейкѣ?

Прежде всего обратимъ вниманіе на самое названіе амазонокъ. Большею частію придаютъ этому названію греческое происхожденіе, производя его отъ *а*—безъ и mazos—грудь, т. е. амазонки значутъ: *безгрудыя*. Въ числѣ множества повѣрій объ амазонкахъ, греки разсказывали, что онѣ имѣли обыкновеніе выжигать у дочерей своихъ правую грудь для того, чтобы послѣднимъ удобнѣе было стрѣлять изъ лука. Трудно повѣрить, чтобы греки избрали именно такую противуизящную примѣту для пріисканія названія воинственнымъ женщинамъ, которыя всегда изображались у нихъ въ полномъ развитіи роскошной красоты, сколько можемъ мы судить по всѣмъ дошедшимъ до насъ изображеніямъ амазонокъ. Скорѣе можно думать, что названіе это есть чужеземное, но передѣлано было на греческій ладъ, и что, наконецъ, самое повѣрье о выжиганіи грудей произошло отъ случайно образовавшагося значенія, на подобіе ящериныхъ глазъ сауроматовъ. Клапротъ думаетъ, что названіе это есть персидское hemeh zen, *всѣ жены*. Само собою разумѣется, что совершенно съ такою же степенью вѣроятія можно производить это названіе отъ русскаго: *сами жены*, тѣмъ болѣе, что персидская и русская фразы тождественны и по происхожденію и по значенію. Замѣтимъ, впрочемъ, что окончаніе названія амазонокъ весьма вѣроятно произошло отъ *зен*, жена. Но самое положительное объясненіе, какъ названія амазонокъ, такъ и самого миѳа объ амазонкахъ, находимъ мы въ той странѣ, гдѣ онѣ, по мнѣнію древнихъ, совершили знаменитѣйшіе подвиги свои, въ странѣ, прилежащей съ южной стороны къ Понту Евксинскому и орошаемой Галисомъ (Кизилъ-Ермакомъ) и Термодономъ.

Эта страна обитаема была издревле народомъ, который греки называли сирійцами или, для отличія отъ обитателей Сиріи,

бѣлыми сирійцами, левкосирами. Объ этомъ народѣ знаемъ мы, что у него существовалъ обычай обрѣзанія [1]); названіе, которое давали ему греки, подаетъ поводъ думать, что народъ этотъ былъ симитскаго происхожденія, но это предположеніе опровергнуто изслѣдованіями новѣйшихъ ученыхъ [2]). Персы называли народъ этотъ Катпадука, и это названіе, въ видѣ каппадокійцевъ, въ послѣдствіи времени вытѣснило изъ употребленія древнее. Во всякомъ случаѣ, религія жителей въ томъ видѣ, какъ она намъ изображена Страбономъ, обнаруживаетъ тѣсную связь съ древними симито-кушитскими вѣрованіями западной Азіи. Здѣсь съ незапамятныхъ временъ существовали великолѣпнѣйшіе храмы, сооруженные въ честь богини Ма; самый знаменитый находился въ городѣ Команѣ. Страбонъ разсказываетъ [3]), что первосвященникъ этого храма обыкновенно избираемъ былъ изъ царскаго семейства и что при храмѣ находилось болѣе 6000 прислужниковъ обоего пола. Богиня Ма была воинственное, дѣвственное божество, въ которой греки видѣли свою Артемиду, а римляне Беллону, но характеристическими свойствами своими сближается она съ сирійской богиней, дѣвственной, кровожадной Астарте. Мы знаемъ, что служеніе этой богинѣ производилось дѣвами и юношами, но дѣвы обязаны были всегда хранить свое цѣломудріе, а юноши дѣлались евнухами Дѣвственныя священнослужительницы, іеродулы, ходили вооруженныя; въ извѣстные дни производили онѣ въ честь богини пляски, сопровождаемыя неистовыми криками, изступленіемъ и, наконецъ, кровопролитіемъ. Это производилось въ сообществѣ мужчинъ-евнуховъ. Таковое служеніе съ береговъ Термодона далеко распространилось на западъ Малой Азіи. Въ знаменитомъ храмѣ Діаны въ Ефесѣ всѣ жрецы были евнухами.

1) *Геродотъ*, II, 104.
2) *Gesenius*: Geschichte der hebr. Sprache, § 4, 4—5.
3) XII, 535.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти вооруженныя священнослужительницы богини Ма на Термодонѣ, посреди жрецовъ-скопцовъ, подали грекамъ поводъ къ созданію миѳа объ амазонкахъ [1]). Мнимыя завоеванія амазонокъ въ Малой Азіи изображаютъ распространеніе служенія богинѣ Ма, Артемидѣ, Діанѣ. Города, основанные амазонками, суть храмы, основанные въ честь этой богини, вокругъ которыхъ скопилось народонаселеніе, построившее города. Наконецъ, быть можетъ, пораженіе, претерпѣнное амазонками въ Аѳинахъ, изображаетъ упадокъ служенія богинѣ Ма: могилы амазонокъ суть покинутыя святилища ея. Наконецъ, самое имя ихъ, по всей вѣроятности, находится въ связи съ именемъ богини Ма, которое встрѣчается также въ Амма, Amme, кормилица. Этотъ эпитетъ, повидимому, не соотвѣтствуетъ дѣвственности богини, но припомнимъ себѣ, что противуположныя качества обыкновенно соединяемы были въ одномъ божествѣ у кушито-симитовъ, которые равно обоготворяли и плодородіе и безплодіе.

По всей вѣроятности, до грековъ дошли преувеличенные слухи о вооруженныхъ іеродулахъ задолго прежде, чѣмъ они успѣли лично ознакомиться съ страною, орошаемою Галисомъ и Термодономъ. Во времена Гомера страна эта была еще имъ неизвѣстна, хотя и знали они уже объ амазонкахъ. Лѣтъ за 800 до Р. Х. милезійцы основали колонію въ Синопѣ, и берега Термодона сдѣлались доступными грекамъ. Тамъ нашли они служеніе богинѣ Ма, но ничего такого, чтобы соотвѣтствовало разсказамъ о сильномъ женскомъ государствѣ амазонокъ. Это не поколебало вѣрованія въ старыя преданія: возникла мысль, что амазонки, вслѣдствіе понесенныхъ ими пораженій, покинули берега Термодона и перешли куда то вдаль. Но въ тоже время греки ознакомились съ Тавридой, съ берегами Азовскаго и съ восточнымъ берегомъ Чернаго морей. Въ Тавридѣ нашли они служеніе дѣвственной богинѣ, которой туземцы приносили въ жертву лю-

1) *Duncker*: Gesch. des Alterth., I, 235.

дей; въ Донской степи нашли они народы, у которыхъ женщины умѣли управлять и конемъ и лукомъ; до грековъ дошли слухи, что далѣе еще къ востоку живутъ народы, которые управляются царицами и что эти царицы воюютъ съ персами и мидянами. Этого достаточно было для убѣжденія въ томъ, что амазонки съ Термодона различными путями перебрались на Танаисъ, на Кавказъ и далѣе еще за Каспій. Приведемъ здѣсь еще одно замѣчательное сближеніе. У черкесовъ (адыге) теперь еще существуетъ обычай надѣвать на дѣвушекъ корсеты, которые бы препятствовали развитію груди. Это дѣлается вовсе не для красоты стана, какъ то пишутъ нѣкоторые путешественники, но вслѣдствіе переутонченныхъ понятій о цѣломудріи и дѣвичьей стыдливости. Развитая грудь считается принадлежностію замужнихъ женщинъ, постыдною для дѣвушекъ. Нѣтъ никакого повода думать, чтобы этотъ обычай былъ позднѣйшаго происхожденія, чтобы не существовалъ онъ въ горахъ восточнаго берега Чернаго моря еще въ то время, когда впервые греки ознакомились съ ними. Эти безгрудыя горянки могли назваться амазонками, согласно буквальному значенію этого слова на греческомъ языкѣ, хотя у классическихъ писателей не находимъ мы никакого намека на таковой обычай Кавказскихъ горцевъ. Но всего замѣчательнѣе то, что у черкесовъ до сихъ поръ сохраняется преданіе о воинственныхъ женщинахъ. Это преданіе записано былъ Рейнеггсомъ [1]) и потомъ повѣрено другими путешественниками [2]). Вотъ въ чемъ оно заключается. Въ то время, разсказываютъ черкесы, когда предки наши жили еще на берегахъ Чернаго моря, имѣли они частыя войны съ *еммечъ*. Такъ назывались воинственныя женщины, жившія около Сванетіи и къ востоку до Ахло-Кабакъ (въ Малой Кабардѣ). Онѣ не пускали къ себѣ мужчинъ, но при-

1) *Reineggs*: Beschreibung des Kaukasus, I, 238.
2) *Pototzky*: Voyage dans les steppes etc., I, 225, II, 77.

нимали всѣхъ женщинъ, которыя желали участвовать въ военныхъ подвигахъ ихъ. Нѣкогда, послѣ многихъ переворотовъ военнаго счастія, оба ополченія сошлись для рѣшительнаго боя. Вдругъ предводительница еммечей, которая слыла за великую пророчицу, потребовала свиданія наединѣ съ Тульме, предводителемъ черкесовъ, который тоже обладалъ даромъ пророчества. Поставленъ былъ шатеръ, въ которомъ сошлись пророкъ съ пророчицей. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, предводительница еммечей вышла изъ шатра и объявила своимъ женщинамъ, что она, склонясь на вѣщія убѣжденія Тульме, вступаетъ съ нимъ въ супружество, прекращаетъ вражду и что оба ополченія должны послѣдовать примѣру своихъ военачальниковъ. Такъ и случилось Женщины вступили въ супружество съ черкесами и разошлись съ ними по настоящимъ жилищамъ ихъ. Эта туземная легенда такъ близко подходитъ въ разсказу Геродота о происхожденіи сауроматовъ, что можно думать, что она дошла до слуха греческихъ колонистовъ, которые передали ее Геродоту съ легкими добавленіями и съ измѣненіемъ театра дѣйствія. Даже названіе еммечь близко подходитъ къ названію амазонокъ, если откинуть окончаніе и припомнить себѣ, что въ греческомъ альфавитѣ нѣтъ буквы *ч*. Мнѣніе, будто бы вглуби Кавказскихъ горъ, и именно къ сѣверу отъ Сванетіи, вблизи Эльбруса, живутъ воинственныя женщины, существовало въ Мингреліи не далѣе какъ за два вѣка тому назадъ. Отецъ Ламберти [1]) разсказываетъ, что сванеты и карачаевцы отразили напавшихъ на нихъ черкесовъ и что въ числѣ убитыхъ найдено было множество женскихъ тѣлъ. Дадіану принесено было полное вооруженіе этихъ женщинъ и отецъ Ламберти описываетъ его во всей подробности. Дадіанъ, присовокупляетъ онъ, объявилъ, что дастъ большую награду тому, кто приведетъ къ нему одну

1) Recueil de voyages au Nord, VII, pp. 180, 181.

изъ этихъ женщинъ живою. Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что преданія о воинственныхъ женщинахъ издревле ведутся на цѣломъ Кавказскомъ перешейкѣ. Множество встрѣчается такъ называемыхъ *кыз-кала*, дѣвичьихъ крѣпостей, которыя такъ названы не потому, что онѣ сохранили свою дѣвственность, не бывъ никогда взяты. О каждой изъ нихъ ведется преданіе, что она нѣкогда обороняема была дѣвами.

Возвратимся къ дальнѣйшему разбору Геродотовыхъ сказаній о Кавказѣ.

Походъ Дарія въ Скиѳію,—явленіе безпримѣрное въ исторіи вѣковой борьбы Европы съ Азіей,—описанъ Геродотомъ съ большими подробностями, но для насъ онъ весьма теменъ, и останется таковымъ, несмотря на все остроуміе и ученость толкователей. Важнѣйшее недоумѣніе возникаетъ изъ того, что весь походъ Дарія по Скиѳіи, отъ переправы черезъ Дунай до обратной переправы, продолжался, по словамъ Геродота, немногимъ болѣе 60 сутокъ [1], а, между тѣмъ, судя по описанію, должно заключить, что Дарій успѣлъ въ эти два мѣсяца пройти съ ополченіемъ, состоявшимъ изъ 700,000 человѣкъ, необъятное пространство земли, заключающее въ себѣ нѣсколько тысячъ верстъ и, притомъ, шелъ по краю опустошенному, крайне скудному водою и кормомъ; если не принять въ соображеніе ни времени, потребнаго для такого похода, ни совершенной невозможности продовольствовать на походѣ столь огромное ополченіе, то, конечно, изъ описанія Геродотова можно заключить, что Дарій отъ Дуная шелъ къ востоку до самаго Дона, черезъ который переправился нѣсколько выше великаго поворота рѣки къ юго-западу; оттуда продолжалъ движеніе къ сѣверу до Волги (Оароса), которой достигъ по близости Саратова Здѣсь онъ остановился и началъ строить шесть крѣпостей, непонятно, по какимъ военнымъ соображеніямъ. Рит-

1) IV, 126.

теръ даже полагаетъ, что тутъ были религіозныя побужденія [1]). Но, видя себя вѣроятно въ столь же затруднительномъ положеніи, какъ Наполеонъ въ Москвѣ, Дарій оставилъ крѣпости свои не оконченными, поворотилъ къ западу, прошелъ черезъ нынѣшнія Саратовскую, Воронежскую, Курскую, Орловскую, Черниговскую, Кіевскую, Волынскую губерніи и черезъ Галицію до Карпатскаго хребта, откуда черезъ Буковину и Молдавію воротился къ мосту на Дунаѣ, который въ продолженіе всего похода охраняемъ былъ іонійцами. Таковой походъ совершенно невозможенъ, даже если бы предположить, что Дарій пробылъ въ Скиѳіи гораздо долѣе двухъ мѣсяцевъ. Во всякомъ случаѣ походъ его составляетъ несомнѣнное историческое событіе. Геродотъ посѣтилъ Скиѳію не болѣе, какъ лѣтъ пятьдесятъ спустя, когда живое преданіе сохранялось еще во всей свѣжести. Всѣ эти недоумѣнія отчасти объясняются тѣмъ, что великія рѣки, орошающія Россію и принадлежащія къ бассейнамъ Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей, были болѣе или менѣе извѣстны греческимъ колонистамъ въ Скиѳіи только низовьями своими или тѣми частями теченія, которыя пересѣкали торговые пути; полнаго понятія о теченіи этихъ рѣкъ отъ истока до устья они не имѣли. Рѣки, которыя протекали вглуби Россіи и о которыхъ доходили до нихъ лишь смутные слухи, связывали они въ воображеніи съ тѣми, которыя извѣстны имъ были, какъ очевидцамъ. Все это повлекло за собою крайнюю запутанность въ понятіяхъ грековъ о гидрографіи Скиѳіи, и эта запутанность отразилась въ описаніи Геродота. Дарій въ походѣ своемъ не коснулся ни одного изъ греческихъ городовъ, существовавшихъ уже въ его время на сѣверномъ берегу Понта Евксинскаго; поэтому подробности похода его извѣстны были грекамъ только изъ разсказовъ туземцевъ. Рѣки, черезъ которыя онъ переправлялся, могли быть притоками Днѣстра, Буга

1) Vorhalle etc., 13.

или Днѣпра, а между тѣмъ эти побочныя рѣки греки принимали за главныя, впадающія въ Понтъ Евксинскій и озеро Меотійское: таковой счетъ переправамъ и рѣкамъ растянулъ походъ Дарія до невѣроятныхъ предѣловъ. Во всякомъ случаѣ счетъ великимъ рѣкамъ, протекающимъ внутри Россіи, не могъ сходиться съ счетомъ устій великихъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море съ сѣверной стороны: греки заключили, что эти рѣки впадаютъ въ озеро Меотійское съ восточной стороны. Мы выше сказали, что Азовскому морю греки придавали чрезвычайно преувеличенные размѣры и повидимому далеко распространяли его на востокъ и на сѣверо-востокъ. Такимъ образомъ Геродотъ говоритъ [1]), что выше, т. е. сѣвернѣе страны сауроматовъ, живутъ будины, у которыхъ произрастаетъ множество всякаго рода деревьевъ; къ сѣверу отъ будиновъ находится пустыня на 7 дней пути (т. е. верстъ на 200); за этой пустыней живутъ ѳиссагеты, изъ страны которыхъ вытекаютъ четыре великія рѣки: Ликосъ, Оаросъ, Танаисъ и Сиргисъ, которыя впадаютъ въ озеро Меотійское, оросивъ земли меотовъ [2]). Кромѣ Танаиса, названія всѣхъ этихъ рѣкъ для насъ непонятны, потому что тутъ дѣло не можетъ идти о Кубани, а всѣ прочія рѣки, впадающія въ Азовское море, незначительны. Геродотъ не назвалъ бы ихъ великими и не сталъ бы искать источниковъ ихъ вглуби Россіи. Очень вѣроятно, что Оаросъ означаетъ Волгу: быть можетъ греки знали эту рѣку только выше Царицына, на томъ протяженіи ея теченія, гдѣ она имѣетъ направленіе къ юго-западу, т. е. къ сторонѣ Азовскаго моря. Изъ этого обстоятельства заключили они, что она впадаетъ въ это море. Изъ числа новѣйшихъ толкователей [3]), одни видятъ въ этихъ рѣкахъ Уралъ и Волгу; другіе одни лишь притоки Дона. Утвердительно можно сказать лишь то, что подъ этими име-

1) IV, 21.
2) IV, 123.
3) *Uckert*: Skythien, 199.

нами не должно отыскивать которой либо изъ рѣкъ, дѣйствительно впадающихъ въ Азовское море съ восточной стороны.

Дарій, по словамъ Геродота, предпринялъ походъ противъ скиѳовъ для того, чтобы отмстить имъ за вторженіе въ Мидію и за то, что въ продолженіе двадцати восьми лѣтъ господствовали они въ Верхней Азіи. Мщеніе довольно запоздалое, потому что скиѳы окончательно выгнаны были изъ Азіи въ 605 году до Р. Х., а походъ Дарія должно отнести къ 512 году. Говоря о библейскихъ Гомерѣ и Магогѣ, мы изложили разсказъ Геродота о великомъ нашествіи скиѳовъ на Азію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невѣроятность мнѣнія его, будто бы это нашествіе произошло вслѣдствіе преслѣдованія киммеріанъ скиѳами. Киммеріане, по словамъ Геродота [1]), прошли въ Азію берегомъ моря и поселились на полуостровѣ, гдѣ находится греческій городъ Синопъ; скиѳы же, напротивъ, шли, имѣя Кавказъ вправо; потомъ, свернувъ съ пути и направившись во внутрь страны, проникли въ Мидію. Должно думать, что великое нашествіе варваровъ на западную Азію черезъ Кавказскій перешеекъ было произведено одновременно нѣсколькими отдѣльными и даже между собою враждебными ордами. Одна изъ нихъ, меньшая, прошла восточнымъ берегомъ Чернаго моря; должно думать, что тамошніе туземцы были въ то время или весьма малочисленны или мало воинственны: иначе они не пропустили бы нашельцевъ сквозь свои земли, къ чему мѣстность такъ способствуетъ. Другая орда, болѣе многочисленная, прошла или черезъ Дарьяльское ущелье или прибрежьемъ Дагестана: послѣднее вѣроятнѣе. Встрѣтясь въ Азіи, обѣ орды вступили между собою въ бой, что заставило думать, будто все нашествіе было преслѣдованіемъ одной орды другою. Само собою разумѣется также, что, по прошествіи двадцати восьми лѣтъ, только небольшая часть нашельцевъ успѣли возвратиться на ро-

1) IV, 12.

дину; много земли опустѣло и, потомъ, населилось новыми пришельцами. Это обстоятельство заставило думать грековъ, которыхъ кругъ зрѣнія не распространялся далеко по Скиѳіи, будто вся Скиѳія измѣнила своихъ обитателей, что совершенно невѣроятно.

Вслѣдствіе какой то счастливой случайности, Геродотъ, которому едва ли извѣстно было существованіе Волги, пріобрѣлъ весьма вѣрныя свѣдѣнія о Каспійскомъ морѣ. Незадолго до него, Гекатей Милетскій почиталъ Каспійское или Гирканское море частію рѣки-Океана; четыреста лѣтъ послѣ Геродота всѣ географы принимали Каспій за заливъ Сѣвернаго Океана. Вотъ что Геродотъ пишетъ объ этомъ морѣ [1]).

«Это море есть море само по себѣ и не имѣетъ сообщенія ни съ какимъ другимъ. Все море, по которому плаваютъ греки, то, которое находится за Геркулесовыми столбами и называется Атлантическимъ, и море Эритрейское, всѣ вмѣстѣ составляютъ одно море. Каспійское море есть море само по себѣ и совершенно отличное отъ другаго. Оно имѣетъ столько въ длину, сколько судно на веслахъ можетъ пройти въ пятнадцать дней, и въ наибольшей ширинѣ столько, сколько можетъ судно пройти въ восемь дней. Кавказъ ограничиваетъ это море съ запада. Это есть величайшая изъ всѣхъ горъ, какъ по протяженію, такъ и по высотѣ. Она населена многими различными народами, изъ которыхъ большая часть питается дикими плодами. Разсказываютъ, что у этихъ народовъ произрастаетъ особый родъ дерева, котораго листья, будучи истерты и смѣшаны съ водою, доставляютъ краску, которою они рисуютъ на одеждахъ своихъ изображенія животныхъ. Вода не смываетъ этихъ изображеній, которыя, какъ бы вытканныя, сохраняются столько же времени, сколько и сама ткань. Увѣряютъ также, что народы эти имѣютъ открыто сообщеніе съ женами своими, какъ звѣри».

1) I, 202, 203.

Въ Геродотовомъ сказаніи особенно замѣчательно то, что онъ называетъ Каспійское море совершенно отдѣльнымъ отъ всѣхъ другихъ. Объ очертаніи его, какъ видно, имѣлъ онъ самое поверхностное и притомъ ложное понятіе. Неизвѣстно, зналъ ли онъ по какому направленію море имѣетъ наибольшую длину. Можно думать, что онъ полагалъ ее по направленію отъ запада къ востоку, такъ какъ Меотика у него распространена слишкомъ къ востоку и должна почти сойтись съ настоящимъ сѣвернымъ берегомъ Каспія. Ширина до чрезвычайности преувеличена въ отношеніи къ длинѣ, каковъ бы ни былъ путь судна, идущаго на веслахъ. Едва ли измѣренія, представленныя Геродотомъ, можно оправдать измѣненіями уровня Каспійскаго моря. Кавказскихъ горцевъ Геродотъ изображаетъ стоящими на низшей ступени дикости, но если то, что онъ слышалъ о нихъ, и не было выдумано, то безъ сомнѣнія относилось лишь къ немногимъ племенамъ, живущимъ въ самыхъ недоступныхъ ущельяхъ, оторванно отъ остальнаго свѣта. Обычай рисовать изображенія животныхъ на одеждахъ, сколько извѣстно, теперь нигдѣ не существуетъ между кавказскими туземцами: быть можетъ вытѣсненъ онъ строгими постановленіями исламизма на счетъ живописи. Нельзя отгадать также, о какомъ красильномъ растеніи говоритъ Геродотъ. Гр. Потоцкій [1]) думаетъ, что о маренѣ, но разведеніе послѣдней на Кавказскомъ перешейкѣ относится къ гораздо позднѣйшему времени.

Мы не станемъ повторять здѣсь разсказа Геродота о происхожденіи колховъ, который приведенъ нами уже выше. Геродотъ пишетъ [2]), что онъ лично распрашивалъ колховъ о ихъ происхожденіи, слѣдовательно онъ былъ въ ихъ странѣ. Какъ кажется, это единственное мѣсто Кавказскаго перешейка, посѣщенное Ге-

1) Voyage dans les steppes etc., II, 240.
1) II, 104.

родотомъ: быть можетъ даже, видѣлъ онъ колховъ лишь около Трапезунта. Впрочемъ онъ говоритъ [1]), что, когда Сезострисъ достигъ *береговъ Фазиса*, то часть его воиновъ осталась тамъ съ его согласія для обрабатыванія земель или потому, что имъ надоѣла продолжительность похода. Нѣтъ сомнѣнія, что Геродотъ не называлъ Фазисомъ [2]) ни Аракса, ни Чороха, какъ то дѣлали другіе греческіе писатели и, слѣдовательно, весьма вѣроятно, что колховъ, потомковъ воиновъ Сезострисовыхъ, видѣлъ онъ на Ріонѣ.

Колхида представляется Геродотомъ въ видѣ звена, связывающаго сухопутно Европу съ Азіей. Все заставляетъ насъ думать, что дѣйствительно во времена Геродота и, конечно, за долго еще до него, существовало постоянное сообщеніе между прибрежьемъ Азовскаго моря и прибрежьемъ Персидскаго залива. Геродотъ какъ то выражается объ этомъ глухо, но очевидно, что это сообщеніе въ глазахъ его имѣло величайшую важность, что зналъ онъ о немъ гораздо болѣе, чѣмъ высказалъ. Отъ Колхиды считаетъ онъ, какъ мы видѣли, тридцать сутокъ ходьбы до озера Меотійскаго, далѣе говоритъ онъ, что должно перейти черезъ горы, чтобы изъ Колхиды выйти въ Мидію, но что разстояніе между этими странами невелико, потому что въ промежуткѣ находится одна лишь страна сапировъ. Еще явственнѣе проявляется важность, которую Геродотъ придавалъ этому сохопутному сообщенію, тѣмъ, что оно принято имъ за основаніе для очерка цѣлой Азіи: «отъ моря Еритрейскаго до Понта Евксинскаго живутъ персы, мидяне, сапиры и колхи»; послѣ чего онъ описываетъ, что находится вправо и что влѣво отъ этой полосы [3]). Судя по народамъ, съ которыми Геродотъ ставитъ сапировъ рядомъ,

1) II, 103.
2) IV, 86.
3) IV, 37 и сл.

должно заключить, что это былъ народъ многочисленный. Какъ видно, греки знали о существованіи Колхиды и знали о существованіи Мидіи, но имъ въ голову не входило, какъ связать эти двѣ страны одну съ другою прямымъ сообщеніемъ. Подобнымъ образомъ, теперь Америка всегда представляется намъ лежащей на отдаленномъ западѣ, а Камчатка на отдаленномъ востокѣ: если мы безъ всякаго усилія сужденія сближаемъ Камчатку съ Америкой, то это потому, что общее очертаніе земной поверхности напечатлѣлось въ нашей памяти, благодаря географическимъ картамъ и глобусамъ, но этого пособія недоставало современнымъ Геродоту грекамъ, и потому Геродотъ сообщаетъ имъ, въ видѣ весьма замѣчательнаго извѣстія, что отъ Колхиды до Мидіи недалеко, потому что между этими двумя странами лежитъ одна лишь страна сапировъ; впрочемъ, это вовсе не значитъ еще, чтобы народъ этотъ былъ незначителенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сапиры Геродота жили въ Закавказьѣ, потому что съ одной стороны мы знаемъ, что Колхида его находилась на Ріонѣ, съ другой-же, что Мидія доходила до самыхъ Каспійскихъ воротъ, т. е. до Кавказскаго хребта. Всего страннѣе, что ни одинъ изъ послѣдующихъ писателей древности ни слова не говоритъ о сапирахъ, кромѣ Аполлонія Родосскаго, который въ свою поэму Аргонавтовъ безъ разбора вводилъ собственныя имена Кавказскаго перешейка, заимствуя ихъ у разныхъ авторовъ. У Геродота названіе этого народа встрѣчаемъ мы не разъ: въ различныхъ кодексахъ представляется оно въ видѣ Saspeires, Sappeires, Sapeiroi, Sapeires. Уже въ древности родилась догадка, будтобы имя этого народа произошло отъ названія драгоцѣннаго камня *сафира*; [1]) Риттеръ [2]) вполнѣ принимаетъ эту догадку и думаетъ, что Геродотовы Закавказскіе сапиры были вы-

1) Scholl. ad Apoll. Argon. II, 397.
2) Vorhalle etc., 129.

ходцами изъ Индіи, что въ рукахъ ихъ была вся торговля *сафирами* и что по названію этого товара самый народъ получилъ имя у сосѣдей. Это невѣроятное предположеніе Риттеръ доказываетъ съ большимъ остроуміемъ; онъ думаетъ даже, что послѣдовательность народовъ у Геродота отъ моря Еритрейскаго до Понта Евксинскаго изображаетъ древнѣйшій торговый путь, которымъ жемчугъ и драгоцѣнные камни Индіи доходили до Кавказскаго перешейка и оттуда расходились на сѣверъ и на западъ. Мы здѣсь не можемъ не обратить вниманія на то, что различные ученые, слѣдуя взаимно независимыми и нерѣдко взаимно противуположными путями изслѣдованій, пришли къ убѣжденію, будто бы западная часть Закавказья нѣкогда преизобиловала золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, потому ли, что сама производила всѣ эти сокровища или потому, что въ нее свозились они изъ другихъ отдаленныхъ странъ. Германскіе толкователи библіи прежнихъ временъ видѣли въ Едемской странѣ Хавилѣ, «тамъ гдѣ есть золото», Колхиду, въ Фиссонѣ Фазисъ (Ріонъ или Чорохъ) Инджиджіанъ въ библейскомъ Офирѣ, откуда привозилось золото Соломону, видитъ армянскіе Іопиръ, Овпиръ, Совперъ, Сперъ,— Сиспіеретисъ Страбона: послѣднее названіе, безъ сомнѣнія, въ связи съ Геродотовымъ этническимъ названіемъ саспиры. Наконецъ, сродство съ этимъ же именемъ усматривается и въ названіи города Сибариса, столицы богатаго царя Эетеса [1]). Во всякомъ случаѣ, происхожденіе этническаго названія сапиры отъ названія драгоцѣннаго камня весьма сомнительно. Таковою торговлею могли заниматься лишь немногія лица, а не цѣлый народъ. Мы выше сказали, что халибами назывались разсѣянныя племена, которыя добывали желѣзо и имъ промышляли, но таковое обширное занятіе можетъ дѣйствительно быть главнымъ или даже ис-

1) *Діодоръ Сицил.*, IV, 48.

ключительнымъ цѣлаго племени и сообщить ему названіе. Таковой способности нельзя признать за торговлей однимъ родомъ драгоцѣнныхъ камней и, притомъ, такихъ, которыхъ сама страна не производитъ. Притомъ, какъ все заставляетъ думать, Геродотовы сапиры были народъ многочисленный. Какъ мы сказали, ихъ имя отозвалось въ названіи страны Сиспіеретисъ, Сперъ, Испиръ, но, если мы почти не встрѣчаемъ его у другихъ писателей древности, то это не потому, чтобы самъ народъ исчезъ въ короткое время, а вѣроятно потому, что Геродотъ упоминаетъ о немъ на основаніи источниковъ письменныхъ или словесныхъ, которые остались недоступными другимъ авторамъ и въ которыхъ народъ этотъ названъ сапирами. Названіе это дѣйствительно находимъ мы въ Персеполисскихъ гвоздеобразныхъ надписяхъ. Если даже мы и не знаемъ, какой былъ этотъ великій народъ Закавказья, то, во всякомъ случаѣ, у Геродота находимъ мы достаточно указаній, чтобы опредѣлить, какую страну занималъ онъ. Между Колхидой и Мидіей находится Армянское плоскогоріе, но Геродотъ зналъ о странѣ Арменіи и лично видѣлъ армянъ въ Вавилонѣ [1]); слѣдовательно, онъ не могъ ихъ назвать саспирами. Говоря о пастбищахъ, гдѣ паслись стада царя Астіакса, Геродотъ замѣчаетъ [2]), что они находились у подошвы горъ, къ сѣверу отъ Екбатаны и по направленію къ Понту Евксинскому. Въ этой части, къ сторонѣ сапировъ, Мидія гориста и покрыта лѣсами, между тѣмъ какъ вся остальная поверхность ея плоска и ровна. Горы къ сѣверу отъ Екбатаны суть безъ сомнѣнія горы Адербиджана въ обширномъ смыслѣ; оттуда Геродотъ указываетъ вдаль къ сторонѣ Понта Евксинскаго, что приводитъ насъ въ лѣсной и гористый край, въ нынѣшнюю Карталинію. По всему видно, что Геродотъ составилъ себѣ ясное понятіе о положеніи страны сапировъ, хотя,

1) I, 180, 194.
2) I, 110.

быть можетъ, не умѣлъ въ точности обозначить предѣлы ея и потому ограничился общими указаніями. Изъ всего можно заключить съ достовѣрностію, что сапиры Геродотовы жили тамъ, гдѣ теперь живетъ картвельское племя и такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что страна эта не измѣнила главной массы своихъ обитателей со временъ Геродота до нашихъ дней, то нѣтъ также сомнѣнія, что Геродотовы сапиры означаютъ грузинъ, которыхъ ставитъ онъ въ ряду четырехъ народовъ, живущихъ въ Азіи отъ моря до моря, отъ моря Еритрейскаго до моря Евксинскаго. Таковое названіе грузинъ, какъ должно думать, заимствовалъ онъ изъ персидскихъ рукописныхъ источниковъ. Откуда бы ни произошло оно, но сохранилось несомнѣнно до нашего времени въ названіи округа Совперъ, Сперъ, Сберъ, нынѣшняго турецкаго Испира, населеннаго искони грузинскимъ племенемъ. Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что страна сапировъ не заключена была въ тѣсныхъ предѣлахъ округа Сперъ, составлявшаго часть, но не цѣлое: иначе все, что говоритъ Геродотъ о сапирахъ, стало бы совершенно необъяснимымъ.

Еще разъ обратимъ вниманіе читателя на чрезвычайно оригинальный способъ, избранный Геродотомъ для изображенія цѣлой извѣстной ему Азіи, т. е. Азіи со включеніемъ Индустана, но безъ Китая. Онъ беретъ направленіе, которое кажется ему среднимъ; описываетъ какіе народы живутъ на немъ, потомъ разсказываетъ, какіе живутъ вправо и какіе влѣво. На избранной имъ линіи средняго направленія находитъ онъ персовъ, мидянъ, грузинъ (сапировъ) и колховъ. Изъ числа этихъ народовъ, самый загадочный есть колхи. Если колховъ принимать за предковъ нынѣшнихъ мингрельцевъ, то они не болѣе, какъ вѣтвь сапировъ, точно такъ же, какъ, конечно, персы суть вѣтвь мидянъ,—но все, что Геродотъ разсказываетъ о колхахъ, заставляетъ думать, что они совершенно чужды нынѣшнимъ мингрельцамъ и исчезли безъ слѣда съ юго-восточнаго берега Чернаго моря, или, что, по край-

ней мѣрѣ, наукѣ до сихъ поръ не удалось подмѣтить этого слѣда.

Преднамѣренно ли, какъ думаетъ Риттеръ [1]), или просто по незнанію, но Геродотъ ничего не сообщаетъ о народѣ сапирахъ, кромѣ имени ихъ и положенія страны, которую они занимаютъ. Нѣсколько болѣе подробностей находимъ мы у него объ Арменіи и армянахъ. Самыя любопытныя встрѣчаются въ разсказѣ объ Аристагорѣ, тиранѣ Милетскомъ, тиранѣ, конечно, не въ томъ смыслѣ, какой мы привыкли придавать этому слову. Аристагоръ [2]), вассалъ Дарія Гистаспа, измѣнилъ ему и отправился въ Лакедемонъ, къ спартанскому царю Клеомену съ тѣмъ, чтобы при его содѣйствіи ополчить всю Грецію на Азію. Цѣлію предпріятія предложилъ онъ овладѣніе Сузою, столицею великаго царя, въ которой хранятся всѣ сокровища его. «Взявъ этотъ городъ вы съ самимъ Юпитеромъ можете соперничать богатствомъ». Таковое предпріятіе Аристагоръ, слѣдуя обычаю всѣхъ авантюристовъ, являющихся съ блестящими предложеніями, выставлялъ легкимъ и вѣрнымъ. Прежде всего надобно было объяснить грекамъ, какимъ путемъ могутъ они дойти до столицы царя царей: все то, что знали они въ то время о востокѣ, было крайне недостаточно. Чтобы сдѣлать рѣчь свою понятною, Аристагоръ принесъ мѣдную дщицу, на которой начертана была вся окружность земли, со всѣми морями и со всѣми рѣками, которыя орошаютъ ее. *Это есть первая географическая карта, существованіе которой засвидѣтельствовано исторіей.* Много темнаго въ древней географіи объяснилось бы, если бы Аристагорова мѣдная дщица дошла до насъ, но, за утратою ея, выпишемъ изъ Геродота рѣчь Аристагорову, въ которой очерченъ великій стратегическій путь для похода Европы въ Азію вдоль Анатолійскаго полуострова, этого моста, перекинутаго изъ Европы въ Азію. О походѣ черезъ

1) Erdkunde, II, 814.
2) V, 49, 52.

Кавказскій перешеекъ не могло быть еще рѣчи: много вѣковъ требовалось еще, чтобы значеніе перешейка могло обнаружиться для антагонизма, или, быть можетъ, для примиренія Европы съ Азіей. Вотъ что говорилъ Клеомену, между прочимъ, Аристагоръ: «Народы этого материка (т. е. Азіи) богаче, чѣмъ всѣ прочіе народы вмѣстѣ, золотомъ, серебромъ, мѣдью, разноцвѣтными тканями, вьючнымъ скотомъ и невольниками. Все это ваше: стоитъ вамъ лишь захотѣть. Страны эти соприкасаются, какъ я вамъ покажу. Лидійцы живутъ подлѣ іонійцевъ; ихъ земля плодородна и изобилуетъ серебромъ». И говоря это, онъ показывалъ эти народы на изображеніи земли, начертанномъ на мѣдной дщицѣ. «Фригійцы живутъ къ востоку, продолжалъ Аристагоръ; они соприкасаются съ лидійцами: изъ всѣхъ странъ, которыя мнѣ извѣстны, ихъ страна наиболѣе изобилуетъ скотомъ и хлѣбомъ. За ними слѣдуютъ каппадокійцы, которыхъ мы называемъ сирійцами, за ними киликійцы, которые распространяются до моря, посреди котораго находится островъ Кипръ. Они ежегодно платятъ царю въ подать пятьсотъ талантовъ (около 695000 руб.). За ними слѣдуютъ армяне; у нихъ также много скота. Далѣе живутъ матіаны, которые простираются до Киссіи, орошаемой рѣкой Хоаспомъ, на которой стоитъ городъ Суза, гдѣ жительствуетъ великій царь и гдѣ хранятся его сокровища».

Рѣчь эта не убѣдила Клеомена въ возможности предпріятія. Онъ потребовалъ три дня для размышленія и, по прошествіи этого срока, спросилъ Аристагора, сколько дней пути отъ моря, омывающаго Іонію, до столицы царя. Узнавъ, что походъ долженъ продолжаться три мѣсяца, онъ рѣшительно отвергъ предложеніе и приказалъ Аристагору удалиться изъ Спарты до заката солнечнаго. Геродотъ описываетъ этотъ стратегическій путь [1]). Всего

1) V, 52.

отъ Сардеса до Сузы 111 переходовъ или статмовъ, какъ Геродотъ говоритъ въ концѣ § 52, но по сдѣланному имъ счету выходитъ таковыхъ только 81. Статмъ [1])= $\frac{450 \text{ пар.}}{111 \text{ ст.}}$ =4,054 парас. Парасангъ=30 стад.=4 в. 220 саж. Отъ Сардеса до Сузы согласно Геродоту 1998 в. и 111 переходовъ, каждый переходъ или статмъ средней величиной ровняется 18 в. Разстояніе отъ Сардеса до Сузы, взятое совершенно по прямой линіи, составляетъ 1785 в., но это направленіе на небольшомъ протяженіи пересѣкается моремъ: если измѣрять это разстояніе прямыми линіями, проведенными черезъ Сардесъ, Иссусъ, Моссулъ (Ниневію) и Сузу, то получаемъ 1890 в. Маршрутъ Геродота (1998 в.) довольно близокъ къ истинѣ, но долженъ быть скорѣе увеличенъ, чѣмъ сокращенъ. Всего замѣчательнѣе здѣсь, это широкіе предѣлы, которые Геродотъ придаетъ Арменіи. Западною границей ея служитъ Евфратъ, ниже устья восточнаго Евфрата или Мурадъ-чая. Все протяженіе пути по Арменіи (250 в.) приходится вдоль сѣверной Месопотаміи, у крайнихъ южныхъ отроговъ Тавра и потомъ черезъ Курдистанъ по направленію къ юго-востоку отъ озера Вана. Вторая и третья рѣки суть безъ сомнѣнія Большой и Малый Забъ [2]), изъ которыхъ первый беретъ начало свое изъ горнаго края, лежащаго къ югу отъ озера Вана и причисляемаго Геродотомъ къ Арменіи; второй же изъ персидскаго Курдистана къ югу отъ озера Урміи [3]): этотъ край Геродотъ называетъ Матіаной. Это же названіе встрѣчаемъ мы въ разныхъ другихъ мѣстахъ западной Азіи [4]), и нѣтъ сомнѣнія, что оно вообще означаетъ округъ или страну, обитаемую мидянами. Четвертая рѣка Гиндесъ, которую Киръ раздѣлилъ на 360 канавъ за то, что въ рѣкѣ этой

1) *Rennel:* Geograph. Syst. of Herodotus, 330.
2) *Ritter:* Erdkunde, IX, 419.
3) *Ritter:* Erdkunde, IX, 559.
4) *Vivien de St. Martin:* Etudes de Géogr. anc., I, 42.

утонулъ одинъ изъ священныхъ бѣлыхъ коней его, есть, безъ сомнѣнія, Діала; Хоаспесъ, на которомъ находился городъ Суза, есть нынѣшняя рѣка Керка. Итакъ, мы видимъ, что весь турецкій Курдистанъ и вся сѣверная полоса Месопотаміи, примѣрно до 36° с. ш., причислена Геродотомъ къ Арменіи Восточною границей ея съ Мидіей служитъ хребетъ Загросъ. Принимая въ соображеніе не политическіе, а физическіе предѣлы Армянскаго плоскогорія къ сторонѣ юга, мы находимъ, что взглядъ Геродота совершенно основателенъ. (О политическихъ границахъ см. замѣч. Вивьенъ де С. Мартена въ указаномъ сочиненіи на стр. 42). О границахъ Арменіи въ прочія стороны мы не находимъ указаній у Геродота. Онъ говоритъ лишь [1]), что Галисъ беретъ начало изъ горы Арменіи и пересѣкаетъ Киликію, далѣе, по правую сторону рѣки этой находятся матіаны, а по лѣвую фригійцы. Отсюда мы видимъ, что западные предѣлы Арменіи доходятъ у Геродота до Сиваса; вмѣстѣ съ тѣмъ, вновь встрѣчаемъ названіе матіановъ въ странѣ, отдаленной отъ бассейна Тигра. Объ Евфратѣ говоритъ онъ [2]), что начало его въ Арменіи Какъ весьма любопытное зрѣлище въ Вавилонѣ описываетъ онъ судоходство армянъ по Евфрату до самаго Вавилона [3]). Судоходство по Евфрату, хотя и сопряженное съ величайшими опасностями и исключительно на плотахъ, подобныхъ описаннымъ Геродотомъ, начинается лишь по соединеніи восточнаго Евфрата, Мурад-чая, съ сѣвернымъ, Фратомъ [4]), или для самыхъ небольшихъ плотовъ съ Палу на Мурадчаѣ. Это обстоятельство служитъ новымъ доказательствомъ, что нынѣшній Діарбекирскій пашалыкъ во времена Геродота составлялъ часть Арменіи.

1) I, 72.
2) I, 180.
3) I, 194.
4) *Ritter*: Erdkunde, X.

Дарій Гистаспъ [1]), по воцареніи своемъ, раздѣлилъ всю монархію на двадцать сатрапій и въ каждой назначилъ правителя. Онъ установилъ подать, которую каждый народъ долженъ былъ платить и проч. Очевидно, что Геродотъ эту часть свѣдѣній заимствовалъ изъ офиціальныхъ источниковъ. Это раздѣленіе, какъ видно, сдѣлано было исключительно для округленія податей, платимыхъ различными племенами; иногда отдаленные народы соединяемы были вмѣстѣ.

XI сатрапія состояла изъ каспіевъ, паузиковъ, пантиматовъ и доритовъ: вмѣстѣ платили они двѣсти талантовъ. Реннель [2]) полагаетъ, что дориты были даги, жившіе вдоль юго-восточнаго берега Каспія между Гирканіей и старымъ русломъ Оксуса. О пантиматахъ мы не встрѣчаемъ дальнѣйшихъ указаній ни у одного изъ древнихъ авторовъ. Паузики суть вѣроятно аспазіаки Страбона [3]) и пазики Птоломея [4]), которые у послѣдняго означены на правомъ берегу нижняго Оксуса. У Птоломея [5]), кромѣ того, находимъ мы народъ дориты близъ соединенія границъ Мидіи, Парѳіи, Карманіи и Персіи.

XIII сатрапія платила 400 талантовъ. Въ ней заключались пактіики, армяне и сосѣдніе народы до самаго Понта Евксинскаго.

Пактіика есть названіе авганцевъ, которые теперь еще сами себя называютъ пахтунъ и паштунъ [6]), но невозможно предположить, чтобы авганцы соединены были съ армянами въ одну сатрапію. Полагаютъ [7]), что здѣсь этимъ именемъ Геродотъ называетъ курдовъ, хотя въ другихъ мѣстахъ исторіи его пактіики безъ сомнѣнія означаютъ авганцевъ [8]).

1) *Геродотъ*, III, 89.
2) l. c., 275.
3) XI, 513.
4) Asiae tab. VII.
5) Asiae tab. V.
6) *Lassen*: Ind. Alterth., I, 432, 433.
7) *Ritter*: Erdkunde, VIII, 91.
8) III, 102; IV, 44.

Въ XIV сатрапіи, повидимому, заключались одни кочующіе народы, бродящіе вдоль Мидійскаго перешейка отъ Персидскаго залива до Каспійскаго моря. Весьма вѣроятно, что утійцы означаютъ обитателей армянской области Утіи, въ нынѣшнемъ Шеки и Ширвани; удины, живущіе въ Нухинскомъ уѣздѣ, суть представители этого племени. Мика, быть можетъ, означаетъ муганцевъ, какъ мы уже то сказали выше.

XVII сатрапія заключала въ себѣ париканіевъ и азіятскихъ еѳіоповъ. Подъ именемъ послѣднихъ должно подразумѣвать жителей Гедрозіи, слѣдовательно и париканіи жили на югѣ Ирана, по близости Индійскаго моря. Но въ то же время Геродотъ употребляетъ названіе париканіевъ и для означенія другаго народа, жившаго въ Мидіи и входившаго въ составъ X сатрапіи. Названіе париканіевъ можно объяснить посредствомъ санскр. *пару* или зендскаго *пуру*, означающихъ гору [1]). Париканіи значитъ вообще *горцы*, и слѣдовательно, имя это могло быть придаваемо племенамъ, жившимъ въ различныхъ странахъ. Мы знаемъ, что край по нижней части теченія Аракса, т. е. Ширванъ назывался у армянъ Пайдакараномъ. Быть можетъ, это названіе въ испорченномъ видѣ дошло до слуха Геродота, который обитателей его назвалъ париканіями.

XVIII сатрапія заключала въ себѣ матіаніевъ, сапировъ и алародіевъ. Они платили двѣсти талантовъ. Матіановъ, какъ мы видѣли, Геродотъ нашелъ на берегахъ Галиса рядомъ съ фригійцами [2]) и, сверхъ того, въ персидскомъ Курдистанѣ подлѣ озера Урміи [3]). Должно думать, что въ составъ XVIII сатрапіи входила послѣдняя страна. О сапирахъ мы уже прежде высказали существующее мнѣніе. Объ алородіяхъ не упоминаетъ,

1) *Humboldt*: Asie centr., I, 117.
2) I, 72.
3) V, 52.

кромѣ Геродота, ни одинъ изъ писателей древности; Стефанъ Византійскій помѣщаетъ ихъ подлѣ Понта. Если допустить, что сапиры жили по теченію Куры въ нынѣшней Тифлисской губерніи и что въ одну сторону отъ нихъ жили колхи, а въ другую мидяне, то алародіи находились къ западу или востоку отъ сапировъ. Реннель [1]) помѣщаетъ ихъ въ нынѣшней Кахетіи на Алазани; Вивьенъ де С. Мартенъ [2]) въ этомъ имени видитъ армянскую провинцію Айраратъ, заключавшую въ себѣ большую часть нынѣшней Эриванской губерніи. Эта догадка не лишена правдоподобія.

«Мосхи, тибарены, макроны, мозинеки, марды платили триста талантовъ и составляли XIX сатрапію». Всѣ эти имена встрѣчаются у многихъ другихъ писателей древности. Изъ сличенія различныхъ показаній можно вообще заключить, что XIX сатрапія заключала въ себѣ верхній бассейнъ Куры, бывшіе турецкіе пашалыки Ахалцыхскій и Трапезунтскій.

Изъ сдѣланнаго нами обзора можно вообще заключить, что во времена Геродота все Закавказье, за исключеніемъ Ріонскаго бассейна и частей, вдающихся въ горную Кавказскую полосу, входило въ составъ сатрапій Дарія Гистаспа. Колхи и кавказскіе горцы, жившіе на южномъ скатѣ хребта, какъ видно, находились въ состояніи полузависимости отъ персидскаго правительства; они не обложены были податью, но сами добровольно посылали каждыя пять лѣтъ разъ, въ даръ царю, сто мальчиковъ и сто дѣвочекъ [3]). Народы, жившіе къ сѣверу отъ Кавказа, были совершенно независимы отъ Персіи.

Раздѣленіе на сатрапіи, сдѣланное Даріемъ Гистаспомъ и описанное Геродотомъ, было чисто административное, имѣвшее исключительно цѣлію установленіе нѣкотораго порядка въ сборѣ податей, при чемъ упрощенію административнаго механизма по-

1) Geogr. System of Herodotus, 278.
2) Etudes de géogr. anc., I, 47.
3) *Геродотъ*, III, 97.

жертвованы были естественныя раздѣленія государства по типамъ мѣстности и по народностямъ обитателей. Таковое раздѣленіе съ теченіемъ времени должно было само собою исправиться. Но, кромѣ свѣдѣній, собранныхъ Геродотомъ за 23 вѣка тому назадъ, терпѣніе и проницательность современныхъ намъ ученыхъ доставили намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія разборомъ гвоздеобразныхъ надписей, сохранившихся среди развалинъ Персеполиса. Одна изъ этихъ надписей, наилучше сохранившихся, заключаетъ въ себѣ исчисленіе всѣхъ народовъ, платившихъ дань Дарію. Надпись эта, вѣроятно, изображаетъ большой титулъ великолѣпнаго царя царей. Мы ограничимся здѣсь приведеніемъ однихъ лишь именъ народовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были прочитаны [1]). Эти имена имѣютъ величайшую важность для этнографическаго изученія древняго востока съ точки зрѣнія, независимой отъ классическихъ сказаній.

1) *Кванъ* въ сѣверо-восточной Мидіи, гдѣ нынѣ лежитъ Тегерань; 2) *Мадъ* Мидія; 3) *Бабизусъ*, Вавилонъ и Суза; 4) *Арбахъ*, Арапахитисъ, Арфаксадъ, бассейнъ верховьевъ Тигра; 5) *Атсура*, Ассирія; 6) *Гудраха*, Гордіена, Курдистанъ; 7) *Арминъ*, Арменія; 8) *Катпатукъ*, Каппадокія; 9) *Сапарадъ*, Сапиры; 10) *Хуна*, Гунны; 11) *Усканга*, безуправные, вольница, Ускоки, жившіе въ горномъ краѣ на границахъ Персіи, Сузіаны и Мидіи; 12) *Дранга* въ Сеистанѣ около озера Заре; 13) *Паруты*, горцы въ Авганистанѣ, на вершинахъ Гери-руда и Мург-аба; 14) *Асагарта* около Герата и Мешхеда; 15) *Партсава*, Пароы; 16) *Заракъ*, Заранги, сѣверная вѣтвь дранговъ; 17) *Араіава*, Аріана; 18) *Бактрисъ*, Бактрія; 19) *Сугдъ*, Согдіана, между Оксусомъ и Яксартомъ, Маверанегръ; 20) *Каразмія*, Хорасмія, Хива; 21) *Тсатагадъ*, Саттагиды на Паропамизѣ; 22) *Аракатисъ*, Арахозія, Кандагаръ;

1) *Ritter*: Erdkunde, VIII, 88.

23) *Аидусъ*, Индія; 24) *Гадаръ*, гандаріи, въ Кабулистанѣ; 25) *Сака*, скиѳы нынѣшней Киргизской степи; 26) *Макъ*, Мюки (муганцы?)

Изъ числа этихъ именъ лишь немногія имѣютъ отношеніе къ Кавказскому перешейку. Названіе Арминъ въ Персеполисской надписи доказываетъ, что не только греки называли этимъ именемъ армянъ, но и персы. Нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы греки заимствовали это названіе у персовъ или персы у грековъ. Должно думать, что предки нынѣшнихъ гайканъ сами себя называли армянами и что названіе это удержалось у сосѣднихъ народовъ, между тѣмъ какъ сами армяне въ послѣдствіи времени усвоили себѣ названіе гайканъ вслѣдствіе перемѣны царственной династіи, вслѣдствіе какого то историческаго событія, для насъ оставшагося неизвѣстнымъ или, по крайней мѣрѣ, темнымъ. *Сапарадъ* находимъ мы написаннымъ въ видѣ *Спрд*. Это названіе Бюрнуфъ призналъ необъяснимымъ [1]); Лассенъ заключилъ, что оно означаетъ землю Геродотовыхъ саспировъ или сапировъ, и едва ли можно сомнѣваться въ справедливости его заключенія. Такъ какъ въ порядкѣ исчисленія народовъ замѣтна географическая послѣдовательность, то за Катпатукъ, Каппадокіей, которая въ то время простиралась вдоль праваго берега сѣвернаго Евфрата до самаго Понта Евксинскаго, весьма естественнымъ образомъ могли слѣдовать земли саспировъ, т. е. долины Чороха и Куры, населенныя грузинскими племенами. Пророкъ Авдій грозитъ израильтянамъ, что иноплеменники переселятъ ихъ до Сарепты, въ еврейскомъ подлинникѣ *спрд*; Евзебій [2]) приводитъ свидѣтельство египетскаго историка Абидена, что царь Навуходоноссоръ поселилъ плѣнниковъ своихъ подлѣ правой т. е. подлѣ южной стороны Понта Евксинскаго. Итакъ, независимо отъ другихъ обстоятельствъ, мы должны заключить, что библейская страна

1) *Burnouf*: Mém. sur deux inscriptions cunéiformes, p. 146.

2) Chronic., I, 10, trad. arm. (Mediol. 1818); *Vivien de St. Martin*: Etudes de Géogr. anc., I, 251.

Спрд находилась у юго-восточнаго угла Понта Евксинскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ никакихъ поводовъ сомнѣваться въ тождественности страны, названной совершенно одинаково и почти одновременно, какъ въ библіи, такъ и въ гвоздеобразныхъ надписяхъ. Въ послѣдствіи мы найдемъ и туземныя преданія, подтверждающія сказанія о переселеніи плѣнныхъ израильтянъ въ Закавказье и, между прочимъ, въ страну Сперъ, въ среднюю часть долины Чороха. Конечно, нѣтъ никакой возможности разрѣшить, означало ли въ гвоздеобразной надписи названіе Сапарадъ одну лишь область Сперъ, т. е. долину Чороха, или, вмѣстѣ съ тѣмъ, одноплеменныхъ съ тамошними жителями обитателей долины Куры. Геродотъ, по крайней мѣрѣ, давалъ народу саспирамъ обширные предѣлы. Чтобы ограничить смыслъ его сказаній одною областію Сперъ, необходимо прибѣгнуть къ предположенію, что онъ въ иныхъ мѣстахъ своей исторіи называетъ Мидіей цѣлую Арменію, но таковое предположеніе трудно допустить. *Хуна* самымъ неожиданнымъ образомъ является въ гвоздеобразныхъ надписяхъ. Вѣковъ восемь спустя, имя это пріобрѣло громкую и грозную извѣстность въ цѣломъ старомъ свѣтѣ, но нѣтъ никакихъ доказательствъ на то, чтобы оно извѣстно было въ западной Азіи уже за 5 вѣковъ до Р. X. Если армянскіе историки и говорятъ иногда о гуннахъ, будто бы издревле жившихъ на Кавказѣ, то это ничего не доказываетъ, потому что историки эти нерѣдко давали современныя имъ этническія названія древнимъ народамъ. Посему, всего естественнѣе заключить, что персидское хуна означало какой то неизвѣстный намъ народъ, не имѣвшій ничего общаго, кромѣ случайнаго сходства имени, съ позднѣйшими гуннами. Но тутъ возникаютъ недоумѣнія. Хуна поставлены вслѣдъ за Арминомъ, Катпатукомъ и Сапарадомъ; посему можно думать, что жили они къ сторонѣ юго-восточнаго угла Чернаго моря: Риттеръ [1]) утвердительно опредѣляетъ для

1) Erdkunde, VIII, 93.

нихъ жительство отъ Лазистана до источниковъ Евфрата и Аракса, т. е. тамъ, гдѣ, по словамъ Геродота, находилась XIX сатрапія, заключавшая въ себѣ мосховъ, тибареновъ, макроновъ, мозинековъ и мардовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Риттеръ замѣчаетъ, что талмудисты называютъ мосховъ и тибареновъ гуннами; Страбонъ говоритъ [1]), что саки производили вторженія до самой Каппадокіи; Ксенофонтъ нашелъ на Гарпазосѣ (Арпачаѣ) народъ, который назвалъ скитинами. Все это обнаруживаетъ, что край этотъ, никогда не выходившій изъ состоянія крайней дикости, съ самыхъ отдаленныхъ временъ служилъ притономъ для кочующихъ племенъ, приходившихъ для грабежа въ Закавказье съ восточнаго берега Каспійскаго моря. Наконецъ, должно также заключить, что въ числѣ нѣскольких именъ, подъ которыми извѣстны были эти хищники, существовало, уже въ весьма древнія времена, и имя хуна, которое гораздо позже пріобрѣло историческую знаменитость и распространилось даже на многіе разноплеменные народы.

Теперь намъ остается еще привести показанія Геродота о кавказскихъ народахъ, находившихся въ ополченіи, двинутомъ Ксерксомъ на Грецію [2]). Описавъ, какъ вооружены и одѣты были персы, мидяне, ассирійцы, различныя иранскія племена, саки (скиѳы Турана) и индійцы, онъ далѣе говоритъ:

«Каспіи одѣты были въ хитоны изъ козлиныхъ кожъ. По обычаю страны своей, они вооружены были луками и стрѣлами изъ тростника и кривыми мечами. Ими предводительствовалъ Аріомардъ братъ Артифіуса... Пактіики (курды?) также одѣты были въ козлиныя кожи и вооружены луками и кинжалами; ими предводительствовалъ Артинтесъ, сынъ Иѳаматреса. Утійцы, мики и париканіи были вооружены также, какъ и пактіики. Арсаменъ,

1) XI, 511.
2) VII, 61, и сл.

сынъ Дарія, предводительствовалъ утійцами и миками, а Сиромитресъ, сынъ Оебаза, париканіями». Какъ мы выше объяснили, есть поводъ думать, что всѣ эти народы, кромѣ пактіиковъ (курдовъ), жили въ восточной части Закавказья, т. е. въ нынѣшней Бакинской губерніи. Всѣ они одѣты были въ бурки, главное вооруженіе ихъ заключалось въ лукахъ, потому что мечи и кинжалы могли быть употребляемы только случайно. Геродотъ говоритъ [1]), что всѣ народы, участвовавшіе въ походѣ Ксеркса, имѣли у себя дома конницу, но привели ее немногіе, въ числѣ которыхъ были каспіи и париканіи. Ихъ конница вооружена и одѣта была также, какъ и пѣхота; у нихъ были однѣ лишь верховыя лошади, между тѣмъ какъ конница нѣкоторыхъ другихъ народовъ имѣла, сверхъ того, колесницы; арабская была на верблюдахъ, которые быстротою не уступали лошадямъ. Эту верблюжью кавалерію держали позади, потому что лошади пугались ея.

Далѣе Геродотъ описываетъ одежду и вооруженіе народовъ малоазіятскихъ и западной части Закавказья. «Каски пафлагонцевъ, говоритъ онъ, были тканыя; щиты у нихъ не велики, равно какъ и пики. Сверхъ того, они вооружены дротиками и кинжалами. Обувь ихъ доходитъ до полуноги. Матіаны, маріандины и сирійцы, которыхъ персы называютъ каппадокійцами, вооружены были также, какъ и пафлагонцы. Дотусъ, сынъ Мегазидра, предводительствовалъ пафлагонцами и матіанянами, а Гобрій, сынъ Дарія и Аристоны, маріандинами, лигами и сирійцами».

Всѣ исчисленные здѣсь Геродотомъ народы обитали по рѣкамъ Галису и Эрзерумскому Евфрату до самаго берега Понта Евксинскаго. Мы выше сказали, что лезгины, лиги, леки сообщили имя свое горному хребту, отдѣляющему бассейнъ верхней Куры отъ бассейна Ріона. Колхида даже называема была иногда

1) VII, 84.

поэтами Лигистикой, т. е. страною лиговъ. Весьма вѣроятно, что лиги, о которыхъ говоритъ здѣсь Геродотъ, были лезгинскіе выходцы, соединенные съ каппадокійцами и маріандинами подъ одно начальство въ ополченіи Ксеркса.

«Вооруженіе фригійцевъ весьма походило на вооруженіе пафлагонцевъ: разница была ничтожная. Какъ говорятъ македоняне, пока фригійцы жили въ Европѣ вмѣстѣ съ ними, они назывались бригами, но, перешедъ въ Азію, вмѣстѣ съ перемѣной страны, перемѣнили имя свое и назвались фригійцами. Армяне вооружены были также, какъ и фригійцы, отъ которыхъ они происходятъ. Тѣми и другими начальствовалъ Артохмесъ, который женатъ былъ на одной изъ дочерей Дарія».

Конечно, мнѣніе Геродота, будто армяне происходятъ отъ фригійцевъ и будто послѣдніе вышли изъ Европы, ошибочно. Истина въ томъ, что, по всей вѣроятности, фригійцы были близкими одноплеменниками армянъ и что Фригія заселилась изъ Арменіи. Европейскіе выходцы въ Фригіи, конечно, составляли посреди народа лишь касту завоевателей, смѣшавшихся съ туземцами, но сохранившихъ воспоминаніе о своемъ европейскомъ происхожденіи. Подобнымъ образомъ, масса нынѣшняго народонаселенія въ Россіи, конечно, вышла не изъ Скандинавіи и не изъ Литвы, хотя руссы были выходцами изъ одной изъ этихъ странъ. Сказаніе Геродота объ одноплеменности армянъ съ фригійцами подтверждается лингвистическими изслѣдованіями.

«Мосхи носили деревянные шлемы, маленькіе щиты и пики, у которыхъ древко было коротко, а желѣзо длинно. Тибарены макроны и мозинеки вооружены были также, какъ и мосхи. Аріомардъ, сынъ Дарія и Пармиды, дочери Смердиса и внуки Кира, предводительствовалъ мосхами. Макроны и мозинеки находились подъ начальствомъ Артаиктеса, сына Херазмиса, правителя Сестоса на Геллеспонтѣ. Мары носили каски тканыя, какъ у нихъ водится, и небольшіе кожанные щиты, съ дротиками. Жители

Колхиды имѣли деревянные шлемы, съ небольшими щитами изъ сырой бычачьей кожи, короткія пики и, сверхъ того, мечи. Фарандатъ, сынъ Тезаписа, предводительствовалъ марами и колхами. Алароды и сапиры, вооруженные такъ же, какъ и колхи, подчинены были Масистію, сыну Сиромитреса».

Описаніе колховъ, сдѣланное Геродотомъ въ другомъ мѣстѣ его исторіи, заставляетъ думать, что этотъ народъ былъ не грузинскаго происхожденія и что теперь онъ исчезъ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда въ Закавказьѣ. Но, какъ видно, колхи, по вооруженію своему, ничѣмъ не отличались отъ другихъ туземныхъ обитателей Западнаго Закавказья. Вообще, можно заключить, что всѣ они были вооружены весьма плохо и бѣдно.

Гиппократъ, отецъ медицины, родился на островѣ Косѣ въ 459 г. до Р. Х. Его сочиненія относятся, слѣдовательно, ко второй половинѣ того самаго вѣка, первая половина котораго, въ отношеніи къ исторіи Кавказа, ознаменована твореніями Геродота и Есхила. Изъ числа множества твореній Гиппократа, подлинность которыхъ болѣе или менѣе сомнительна, наибольшею и заслуженною извѣстностію пользуется его разсужденіе: *о воздухѣ, водѣ и мѣстности.* Здѣсь Гиппократъ является глубокомысленнымъ философомъ; несмотря на многія заблужденія свои, онъ ясно сознаетъ великое вліяніе расы и мѣстныхъ условій на историческую судьбу народа. Этотъ взглядъ на философію исторіи гораздо болѣе былъ распространенъ въ древнія времена, чѣмъ во времена послѣдующія. «Мѣстность [1]), говоритъ Платонъ, разнообразіемъ своимъ, дѣлаетъ людей, то лучшими, то худшими, и законы должны сообразоваться съ нею. Люди своенравны и вспыльчивы, одни отъ разнообразно дующихъ вѣтровъ и высокой температуры, другіе отъ воды, третьи, наконецъ, отъ пищи, которую край имъ

1) De legibus V, in fine.

доставляетъ и которая не только способствуетъ или вредитъ тѣлеснымъ силамъ, но оказываетъ вліявіе и на душевныя способности». Все это въ особенности справедливо въ отношеніи къ народамъ младенчествующимъ; чтобы управлять ими, должно понять ихъ, но понять ихъ нельзя безъ глубокаго изученія всѣхъ мѣстныхъ условій, которымъ они подчинены. Просвѣщеніе освобождаетъ человѣка отъ подчиненности природѣ; человѣкъ до извѣстной степени создаетъ для себя искуственный климатъ и искуственную природу; онъ вездѣ дома на землѣ, но до таковаго состоянія далеко еще большей части народонаселенія земнаго шара.

Объ Азіи Гиппократъ говоритъ, что все тамъ родится прекраснѣе и крупнѣе, чѣмъ въ Европѣ; нравы обитателей кротче и общительнѣе, люди мало отличаются другъ отъ друга ростомъ и сложеніемъ. Все это Гиппократъ приписываетъ умѣренности климата, чуждаго рѣзкихъ крайностей; но, присовокупляетъ онъ, ни мужество, ни терпѣніе въ трудѣ, ни способность переносить усталость, ни нравственная энергія, несовмѣстны съ таковою природою, каковы бы, впрочемъ, ни были обитатели, туземцы или пришельцы; стремленіе къ наслажденіямъ беретъ перевѣсъ надъ всѣмъ остальнымъ. Далѣе говоритъ онъ, что, при однообразіи температуры, умственныя способности не подвергаются потрясеніямъ, ни тѣло разнымъ переходамъ, которые сообщаютъ характеру болѣе самостоятельности и пылкости, чѣмъ однообразіе: необходимы эти крутые переходы для того, чтобы будить умъ и не дозволять ему погрузиться въ бездѣйствіи. Изъ числа азіятскихъ народовъ Гиппократъ говоритъ, что онъ упомянетъ только о тѣхъ, которые значительно отличаются отъ остальныхъ. Таковы суть *макрокефалы*, долгоголовые. Нѣтъ людей, говоритъ Гиппократъ, кромѣ ихъ, которые бы имѣли такія головы. Первоначально это удлиненіе головы было слѣдствіемъ обычая, теперь сама природа помо-

гаетъ обычаю, основанному на понятіи, что долгая голова составляетъ признакъ благороднаго происхожденія. Черепу младенцевъ искуственно и насильственно придаваема была такая форма, но, потомъ, отъ долгоголовыхъ родителей сами собою пошли долгоголовыя дѣти. Конечно, при современномъ состояніи науки, мнѣніе Гиппократа объ этихъ долгоголовыхъ людяхъ не можетъ быть допущено: природа не потворствуетъ людскимъ прихотямъ. Но эти долгоголовые люди несомнѣнно существовали нѣкогда на восточномъ берегу Чернаго моря, какъ ни мало вѣроятнымъ кажется преданіе о нихъ. Таковые необыкновенные черепы отрываются въ древнихъ могилахъ, находящихся по близости Босфора Киммерійскаго [1]). На всемъ остальномъ протяженіи восточнаго берега, никогда не было производимо никакихъ розысканій и потому нельзя знать, находятся ли въ другихъ мѣстахъ подобные черепы. Впрочемъ, нѣкоторыя особенности въ устройствѣ черепа, а именно несоразмѣрный избытокъ длины надъ шириною замѣчены многими путешественниками у абхазцевъ [2]), хотя и далеко не въ такой степени, какъ то обнаруживается на черепахъ макрокефаловъ. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдніе искуственно образованы съ цѣлію придать преувеличенные размѣры характеристической чертѣ народнаго типа. Этотъ типъ вѣроятно господствовалъ на Кавказскомъ перешейкѣ весьма въ отдаленныя времена; Гиппократъ говоритъ, что въ его время уже не встрѣчается такихъ долгоголовыхъ людей, потому что обычай сдавливать черепы дѣтямъ вывелся вслѣдствіе сношеній съ другими народами. Страбонъ [3]), говоря о странныхъ обычаяхъ различныхъ варварскихъ народовъ, живущихъ на Кавказѣ и въ другихъ горахъ, упоминаетъ о сигин-

1) *Dubois de Montpéreux*: Voyage autour du Caucase, V, 230; *Rathke* въ Dorpat. Iahrb. für Litter., zweiter Band, 527.

2) *Pallas*: Voyages dans les gouvernemens méridionaux etc. (Paris 1805), I, 424.

3) XI, 519, 520.

нахъ, сдавливающихъ дѣтямъ черепъ такъ, что лобъ выдается далѣе подбородка. О сигиннахъ Страбонъ нигдѣ болѣе ничего не говоритъ; посему нельзя опредѣлить, гдѣ они жили. Сигинновъ встрѣчаемъ мы въ орфической поэмѣ Аргонавтовъ [1]) по близости Колхиды; наконецъ, у Геродота [2]) сигинны живутъ къ сѣверу отъ Ѳракіи за Истромъ (Дунаемъ), у Аполлонія Родосскаго сигинны живутъ на устьѣ Дуная [3]). Геродотъ говоритъ, что у сигинновъ лошади небольшаго роста, долгошерстыя, не довольно сильныя, чтобы нести человѣка, но быстрыя въ упряжи; по этой причинѣ народы эти употребляютъ повозки. Сигинны соприкасаются съ венетами, живущими на берегахъ Адріатическаго моря и почитаютъ себя мидійскими выходцами. Къ сему Геродотъ присовокупляетъ, что онъ не постигаетъ, какъ мидяне зашли въ эту страну, но что нѣтъ ничего невозможнаго съ теченіемъ времени. Замѣчательно то, что Страбонъ тоже повѣствуетъ о своихъ сигиннахъ, что у нихъ небольшія длинношерстыя лошади, слишкомъ слабыя для верховой ѣзды, но которыя запрягаются по четыре въ одну повозку. Какъ мы сказали, нельзя опредѣлить въ точности, гдѣ жили Страбоновы сигинны, но, судя по положенію народовъ, которые описываются рядомъ съ ними, должно думать, что жили они къ югу отъ Каспійскаго моря; тѣмъ болѣе, что Страбонъ говоритъ, что сигинны заимствовали всѣ обычаи у персовъ. Такимъ образомъ народъ этотъ, который встрѣчаемъ мы у Каспійскаго моря, по близости Колхиды и, наконецъ, на Дунаѣ, остается для насъ совершенно загадочнымъ. Сближеніе сигинновъ съ цыганами [4]) составляетъ весьма остроумную догадку, которую доказать, впрочемъ, весьма трудно. Во всякомъ случаѣ, если цы-

1) *Orphei*: Argonaut. v. 754.
2) V, 9.
3) *Apoll. Rhod.* Argonaut., IV, 320.
4) *Vivien de St. Martin*: Etudes de géogr. anc., I, 267.

гане и жили нѣкогда на восточномъ берегу Чернаго моря, то исчезли оттуда, не оставивъ по себѣ никакого отпечатка на нынѣшнемъ народонаселеніи. Но позволительно сблизить Страбоновыхъ сигинновъ, сдавливающихъ дѣтямъ головы съ Гиппократовыми макрокефалами, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, сигинны встрѣчались и по близости Колхиды. Гиппократъ исчисляетъ необычайные народы, живущіе вправо отъ лѣтняго восхода солнца до болота Меотійскаго: онъ начинаетъ съ макрокефаловъ, потомъ переходитъ къ народамъ, живущимъ на Фазисѣ, и, наконецъ, описываетъ саураматовъ, живущихъ подлѣ болота Меотійскаго. Изъ этого должно заключить, что Гиппократовы макрокефалы жили къ югу отъ Колхиды: таковое же положеніе придаютъ имъ и нѣкоторые другіе древніе географы. Вмѣстѣ съ макрокефалами говорится еще о народѣ макронахъ (долгихъ), которые у нѣкоторыхъ смѣшиваются съ макрокефалами [1]). Страбонъ свидѣтельствуетъ [2]), что макронами нѣкогда назывались санны: этническое имя, весьма распространенное въ западной части Закавказья и сохранившееся до нашего времени въ имени тсанновъ, лазскаго племени, живущаго на Чорохѣ и, быть можетъ, сванетовъ, живущихъ на верховьяхъ Ингура и Цхенис-цхали.

Далѣе Гиппократъ пишетъ: народы, живущіе на Фазисѣ, занимаютъ страну болотистую, теплую, сырую, лѣсистую: дожди часты и обильны во всѣ времена года. Люди эти проводятъ жизнь въ болотѣ; посреди воды строятъ они жилища свои изъ дерева или тростника; ходятъ они лишь въ городѣ или на рынкѣ, но плаваютъ по многочисленнымъ каналамъ своимъ въ челнокахъ, сдѣланныхъ каждый изъ одного древеснаго ствола. Употребляютъ они воду теплую, стоячую, испорченную жаромъ солнечнымъ и питаемую дождями. Фазисъ изъ числа всѣхъ рѣкъ

1) *Uckert*: Skythien, 527.
2) XII, 548.

имѣетъ самое медленное теченіе. Плоды, производимые этимъ краемъ, мелки, дурнаго качества и невкусны, по причинѣ преизобилія воды, они никогда не достигаютъ зрѣлости. Густой туманъ, порождаемый водами, постоянно покрываетъ страну. Эти внѣшнія причины сообщили фазіанамъ совершенно особое тѣлосложеніе; они высоки ростомъ, но такъ тучны, что у нихъ не видать суставовъ. Цвѣтъ ихъ желто-зеленоватый, какъ у страдающихъ желтухой. Голосъ ихъ гуще, чѣмъ у другихъ народовъ, потому что дышатъ они воздухомъ не чистымъ, а сырымъ и какъ бы наполненнымъ пухомъ. Отъ природы избѣгаютъ они всякой усталости. Времена года у нихъ не представляютъ большихъ измѣненій ни тепла, ни холода. Южные вѣтры господствуютъ, за исключеніемъ одного мѣстнаго вѣтра: этотъ вѣтеръ дуетъ иногда съ большою силою, онъ тепелъ и непріятенъ: его называютъ Кенхронъ (въ переводѣ съ греческаго=просянникъ, отъ проса). Что же касается до сѣвернаго вѣтра, то онъ доходитъ рѣдко и дуетъ слабо.

Это изображеніе края, который долгое время представлялся грекамъ въ видѣ волшебной, солнечной страны Эи или Колхиды, весьма замѣчательно, обнаруживая крутой переходъ отъ фантазіи къ дѣйствительности. Въ Гиппократовомъ описаніи мы находимъ современно-вѣрную картину приморской болотистой, лѣсистой полосы Абхазіи, Самурзакани, Мингреліи, Гуріи и Кобулета. Окрестности Поти и Редутъ-кале перерѣзаны каналами, по которымъ ходятъ челноки, теперь еще это есть удобное сообщеніе черезъ пространства, покрытыя непроницаемою чащей лѣса. Все то, что говоритъ Гиппократъ о водѣ и плодахъ, совершенно справедливо. Фазисъ или Ріонъ, близъ устья въ море, имѣетъ весьма спокойное теченіе. Жители равнины, по причинѣ нездоровости климата, имѣютъ болѣзненно-желтый цвѣтъ лица, но тучность не составляетъ ихъ физической принадлежности: вѣроятно Гиппократъ описалъ ихъ на основаніи своей медицинской теоріи, а не вслѣд-

ствіе личнаго ознакомленія. Отвращеніе отъ труда до сихъ поръ есть господствующее свойство туземцевъ, но оно скорѣе можетъ быть объяснено общественнымъ устройствомъ ихъ, чѣмъ вліяніемъ климата. Замѣчательно, что Гиппократъ ни слова не говоритъ о черномъ цвѣтѣ лица и о кудрявыхъ волосахъ, которые Геродотъ приписываетъ колхамъ. Наконецъ, въ Мингреліи весьма часто дуетъ съ восточной стороны порывистый сухой и теплый вѣтеръ, весьма вредный, какъ для растительности, такъ и для здоровья. Какъ зима, такъ и лѣто, на приморской равнинѣ весьма умѣренны и не представляютъ тѣхъ крайностей, которыя замѣчаются въ другихъ мѣстахъ Закавказья, по восточную сторону Сурамскаго хребта.

«Въ Европѣ, пишетъ Гиппократъ, существуетъ скиѳское племя, обитающее подлѣ болота Меотійскаго; оно отличается отъ всѣхъ другихъ народовъ и извѣстно подъ именемъ сауроматовъ. Женщины ѣздятъ верхомъ, стрѣляютъ изъ лука, мечутъ дротикъ съ коня и сражаются съ непріятелями, пока не выйдутъ замужъ. Онѣ хранятъ дѣвство, пока не убьютъ трехъ непріятелей, и не сообщаются съ мужьями своими, пока не принесутъ установленныхъ закономъ жертвоприношеній. Вступивъ въ замужество, онѣ не ѣздятъ болѣе верхомъ, развѣ только когда цѣлый народъ вынужденъ отправиться въ дальній походъ. У нихъ нѣтъ праваго сосца, потому что, пока еще онѣ въ младенческомъ возрастѣ, матери берутъ мѣдный сосудъ, наполняютъ его огнемъ и прикладываютъ къ правой сторонѣ груди, которую снаружи прижигаютъ, дабы она утратила способность развиваться и дабы вся сила и соки сосредоточились въ правомъ плечѣ и въ правой рукѣ».

Нѣтъ никакого повода утверждать невозможность существованія таковаго обычая. Геродотъ ничего не говоритъ о немъ, но, какъ мы видѣли, онъ считаетъ сауроматовъ потомками амазонокъ и разсказываетъ, что сауроматскія женщины сохранили воинственныя привычки своихъ прародительницъ. Сочиненіе Гип-

пократа совершенно чуждо миѳологическому міру и онъ вовсе не упоминаетъ объ амазонкахъ, но, по всей вѣроятности, ему извѣстны были повѣрья о родствѣ ихъ съ сауроматами. Ложное толкованіе происхожденія названія амазонокъ (безгрудыя), быть можетъ, подало поводъ къ разсказамъ босфорскихъ грековъ о странномъ сауроматскомъ обычаѣ, и этимъ разсказамъ Гиппократъ повѣрилъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что сауроматокъ слѣдовало бы называть мономазонками (единогрудыми), а не амазонками. Послѣднее названіе вполнѣ приличествуетъ нынѣшнимъ незамужнимъ черкешенкамъ, а не древнимъ сауроматкамъ.

«Скиѳская пустыня, по словамъ Гиппократа, есть возвышенная равнина, покрытая пастбищами и посредственно сырая, такъ какъ она орошается великими рѣками, которыя, въ теченіи своемъ, уносятъ воды равнинъ. Тамъ живутъ скиѳы, называемые *кочевыми*, потому что они живутъ не въ домахъ, а въ повозкахъ. Наименьшія изъ этихъ повозокъ на четырехъ колесахъ, другія же на шести. Покрытыя войлоками, онѣ устроены, какъ домы, имѣютъ двѣ или три комнаты; онѣ непроницаемы для дождя, для снѣга и для вѣтровъ. Въ эти повозки запрягаются двѣ или три пары быковъ безрогихъ: рога не ростутъ у нихъ по причинѣ холода. Женщины живутъ въ этихъ повозкахъ; мужчины сопутствуютъ имъ верхомъ посреди стадъ и табуновъ. Они остаются на одномъ мѣстѣ, пока есть подножный кормъ для скотины; когда кормъ истощится, то они переходятъ въ другую сторону. Они питаются сырымъ мясомъ, пьютъ кобылье молоко и закусываютъ кобыльимъ сыромъ. Таковы суть образъ жизни и обычаи скиѳовъ».

Далѣе Гиппократъ пишетъ: «въ отношеніи къ климату и зависящей отъ него наружности, скиѳская раса также отлична отъ всѣхъ другихъ, какъ и египетская; она похожа лишь на саму себя и мало производительна. Скиѳія питаетъ немного животныхъ и то мелкихъ. Дѣйствительно, страна эта находится прямо подъ Медвѣдицей и у подошвы Рифейскихъ горъ, откуда дуетъ сѣвер-

ный вѣтеръ. Солнце приближается къ ней лишь во время лѣтняго солнцестоянія и тогда даже грѣетъ ее недолго и скудно. Вѣтры, несущіеся изъ теплыхъ странъ, рѣдко доходятъ туда и не иначе, какъ утративъ свою силу. Дуютъ одни лишь сѣверные вѣтры, охлажденные снѣгомъ, льдомъ и обильными дождями, никогда непокидающими Рифейскихъ горъ, которыя по сему самому необитаемы. По цѣлымъ суткамъ густой туманъ покрываетъ равнины, обитаемыя скиѳами; тамъ постоянная зима, немного лѣтнихъ дней, да и тѣ не слишкомъ теплы, потому что равнины возвышенны и открыты; онѣ не ограничены горами, но возвышаются, продолжаясь къ Медвѣдицѣ. Животныя тамъ не велики, но таковы, что могутъ прятаться подъ землю; непрерывность зимы и обнаженная почва, подъ которой не находятъ они ни убѣжища, ни крова, препятствуютъ ихъ росту. Времена года не представляютъ большихъ и рѣзкихъ измѣненій; они схожи и постоянны. Оттуда происходитъ, что наружный видъ вездѣ однообразенъ. Скиѳы и питаются и одѣваются всегда одинаково, и лѣтомъ и зимою. Всегда дышатъ они воздухомъ густымъ и влажнымъ, пьютъ воду снѣжную или ледяную, и не способны переносить усталость, потому что ни тѣло, ни духъ не могутъ переносить усталость въ странѣ, гдѣ времена года не представляютъ рѣзкихъ измѣненій. По этимъ причинамъ и самое тѣлосложеніе ихъ грубо, тѣло ихъ обременено тучностію, суставы ихъ неясно обозначены, сыры и слабы. Пустоты ихъ, въ особенности внутренвія, преисполнены сырости, потому что не могутъ онѣ осыхать въ таковой странѣ, посреди таковой природы и при таковыхъ временахъ года. Жиръ и отсутствіе волосъ дѣлаютъ то, что всѣ похожи другъ на друга: мужчина на мужчину, женщина на женщину. По причинѣ однообразія временъ года, дѣтородная жидкость не измѣняется въ своемъ составѣ, за исключеніемъ развѣ какихъ либо внезапныхъ случаевъ или болѣзней».

«Я вамъ представлю рѣшительное доказательство сырости

тѣла скиѳовъ. У большей части изъ нихъ, и преимущественно у кочевыхъ, существуетъ обыкновеніе прижигать плеча, руки, кисти, грудь, лядвеи и поясницу; это дѣлается для того, чтобы помочь сырости и мягкости ихъ сложенія, которыя не дозволяютъ имъ ни натягивать лукъ, ни метать копьемъ. Эти прижиганія освобождаютъ составы отъ излишней сырости и тогда они дѣлаются упруже, тѣло укрѣпляется и принимаетъ болѣе опредѣленныя формы. Скиѳы вялы и приземисты; во первыхъ, потому что ихъ не пеленаютъ въ дѣтствѣ для того, чтобы они лучше могли сидѣть верхомъ; во вторыхъ, потому что они ведутъ сидячую жизнь. Мальчики, пока не въ состояніи ѣздить верхомъ, проводятъ большую часть времени, сидя въ повозкахъ, и ходятъ весьма рѣдко, по причинѣ безпрестанныхъ переѣздовъ. Женщины имѣютъ всѣ исходящія части необыкновенно отвислыя и весьма вялы. Скиѳы имѣютъ цвѣтъ лица рыжій, по причинѣ холода; такъ какъ солнце у нихъ мало дѣятельно, то холодъ истребляетъ бѣлизну кожи, которая дѣлается рыжеватою».

Далѣе Гиппократъ говоритъ, что скиѳы вообще мало способны къ дѣторожденію и излагаетъ причины почему тѣ, которые совершенно не способны къ любовнымъ наслажденіямъ, называются *анандрами*, т. е. женоподобными. Они надѣваютъ женское платье; живутъ вмѣстѣ съ женщинами и занимаются женскими рукодѣліями. Болѣзнь эта почитается у скиѳовъ ниспосланною съ неба и одержимые ею пользуются общимъ почитаніемъ. Это описаніе Гиппократа напоминаетъ разсказъ Геродота о томъ, что скиѳы разграбили въ Сиріи храмъ Венеры-Ураніи и въ наказаніе за то богиня ниспослала на нихъ болѣзнь мужескаго безсилія [1]).

Позволительно сомнѣваться въ вѣрности Гиппократова изображенія наружнаго вида скиѳовъ. Народъ, столь вялый и столь апатическій, какимъ Гиппократъ описалъ скиѳовъ, не сталъ бы отстаивать свою независимость съ такою энергіей при нашествіи

1) I, 105.

Дарія Гистаспа. Можно думать, что отецъ медицины увлекся своими теоріями и описывалъ скиѳовъ такъ, какъ они должны быть для подтвержденія его мнѣній. Таковое описаніе, принятое за безусловно-справедливое, повлекло за собою рядъ выводовъ, сдѣланныхъ новѣйшими историками о загадочномъ происхожденіи скиѳовъ. На основаніи описанія Гиппократова, графъ Потоцкій, Нибуръ и многіе другіе знаменитѣйшіе историки и этнографы заключили, что скиѳы были турко-монгольскаго происхожденія. Образъ жизни скиѳовъ весьма похожъ былъ на образъ жизни нынѣшнихъ калмыковъ, нагайцевъ, туркменовъ, киргизовъ, кочующихъ въ предѣлахъ Астраханской и Ставропольской губерній и частію въ землѣ Донскихъ казаковъ. Тѣлосложеніе всѣхъ этихъ народовъ некрасиво, въ особенности въ сравненіи съ греками и обитателями западной Азіи, иранскими, закавказскими, кавказскими и малоазіятскими племенами. Борода у мужчинъ мало замѣтна, старики очень похожи на старухъ тѣмъ болѣе, что и одежда обоихъ половъ довольно сходна. Но во всякомъ случаѣ, описанія Гиппократова, предполагая даже, что оно вѣрно, недостаточно, чтобы признать за скиѳами монгольское происхожденіе. Образъ жизни долженъ быть приноровленъ къ мѣстнымъ условіямъ; посему какое бы племя ни кочевало въ *степяхъ*, *распространяющихся* къ сѣверу отъ *Кавказа*, *образъ* жизни этого племени *войдетъ въ обычную* колею. Этотъ образъ *жизни могъ* оказать вліяніе и на самый *наружный* видъ кочующихъ: отъ вліянія *жгучаго* солнца лѣтомъ и снѣжныхъ *бурь зимою* цвѣтъ лица долженъ принять *рыжеватый* оттѣнокъ; привычка проводить все *время на конѣ* или въ сидѣніи, поджавъ ноги, въ кибиткѣ, *дѣлаетъ* походку крайне неловкою и *валкою*. Таковыя разсужденія объясняютъ описаніе Гиппократово даже безъ помощи монгольскаго происхожденія скиѳовъ. Замѣтимъ притомъ, что въ числѣ длиннаго ряда скиѳскихъ народовъ, безъ сомнѣнія, находились и нѣкоторыя финскія племена, которыя, какъ все заставляетъ думать, съ незапамятныхъ

временъ обитаютъ въ Европейской Россіи. Эти племена, хотя и не запечатлѣны монгольскимъ типомъ, но малымъ ростомъ, рѣдкою бородою, нескладностію тѣла, близко подходятъ къ описанію Гиппократову, которое ошибочно распространилось на всю совокупность скиѳскихъ народовъ т. е. на всѣхъ обитателей Европейской Россіи. Черный цвѣтъ волосъ составляетъ общую принадлежность всѣхъ монгольскихъ племенъ, а между тѣмъ Гиппократъ называетъ скиѳовъ рыжими. Но самымъ лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія о монгольскомъ происхожденіи скиѳовъ служитъ впечатлѣніе ужаса и отвращенія, произведеннаго на грековъ и римлянъ появленіемъ гунновъ, въ наружности которыхъ нельзя не признать настоящаго монгольскаго типа. Какъ пишетъ Іорнандесъ: «едва ли гунны принадлежатъ къ роду человѣческому, едва ли языкъ ихъ есть человѣческій... Тѣ даже, которые могли сопротивиться ихъ оружію, не могутъ выносить смертельнаго ужаса, наводимаго ихъ наружностію». Греки и римляне въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ знакомы были со скиѳами и, если бы послѣдніе были монголы, то наружность гунновъ столь же мало показалась бы имъ необычайною, какъ намъ, русскимъ, наружность калмыковъ или киргизовъ, съ которыми мы знакомы издавна. Во всякомъ случаѣ Гиппократово описаніе вовсе не доказываетъ монгольскаго происхожденія скиѳовъ, а между тѣмъ на это описаніе преимущественно ссылаются защитники этого мнѣнія. Гораздо важнѣе показаніе Геродота, что сауроматы одноплеменны были со скиѳами, жившими по правую сторону Дона; съ другой же стороны сауроматы принадлежали къ числу племенъ маэтовъ или матовъ, которыхъ родство съ мидянами подтверждается многими обстоятельствами. Если до временъ Р. Х. на равнинѣ, разстилающейся къ сѣверу отъ Кавказа, и кочевали племена финскаго и монгольскаго происхожденія, то во всякомъ случаѣ трудно ихъ подмѣтить: примѣты индо-европейскія однѣ бросаются въ глаза.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Абасги, 428.
Абиденъ, 22, 536.
Абиссинія, 269.
Абихъ, 470.
Абосъ, 24, 25
Абтинъ, 131.
Абхазія, 378, 459, 460, 461, 546.
Абхазскій берегъ, 377.
Абхазскій языкъ, 414.
Абхазцы, 327, 399, 428, 429, 454, 543.
Абхазы. см *Абхазцы*.
Аваръ, 300.
Авары, 245.
Аватуръ. 437.
Авганистанъ, см *Афганистанъ*.
Авганцы, см. *Афганцы*.
Авдій, 536.
Авель, 33, 142, 190.
Авеста, 140, 320, 484.
Авимелехъ Герарскій, 268.
Авраамъ, *Аврамъ*, 4, 12, 67, 105, 135, 138, 192, 215, 251, 256, 258, 262, 264, 268, 351.
Авръ-Касдъ, 11.
Агаматы, 446.
Агыръ-дагъ, 25, 29.
Ада, 190.
Адамъ, 37, 46.
Аделунгъ, 45.
Адербиджанъ, 28, 72, 112, 298, 526.
Аджарскій хребетъ, 307.
Адиге, 237, 327, 391, 455, 456, 482, 515.
Адлеръ, 458, 459.
Адонаи (*Адонисъ*) 206.
Адрамелехъ, 15.
Адріатика, 443.
Адріатическое море, 173, 179, 371, 372, 392, 544.
Адскій зѣвъ, 470.
Адыге, см. *Адиге*.
Адыге, языкъ, 244.
Аезіеты, 321.
Аезы, 321.
Азабетисъ, 326.
Азагардъ, 320.
Азаландъ, 320.
Азара, 326.
Азараба, 326.
Азгхи-дахакъ, 131.
Asia polyglotta, 49.
Asia propria, 323, 327.
Азійское племя, 328.
Азійцы, 329
Азія, 31, 32, 33, 36, 37, 38, 39, 40, 67, 69, 88, 90, 113, 115, 118, 119, 121, 138, 139, 153, 158, 162, 166, 169, 170, 171, 175, 176, 181, 182, 185, 186, 188, 192, 193, 199, 203, 205, 208, 209, 212, 213, 215, 217, 218, 219, 221, 222, 223, 225, 226, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 235, 236, 243, 244, 247, 248, 249, 250, 253, 256, 259, 262, 268, 270, 271, 276, 277, 278, 281, 283, 285, 287, 288, 290, 292, 300, 316, 318, 319, 323, 324, 325, 326, 328, 332, 336, 339, 359, 368, 386, 393, 409, 410, 419, 420, 422, 423, 424, 443, 444, 445, 464, 475, 477, 481, 485, 487, 492, 496, 497, 498, 499, 500, 502, 504, 513, 517, 520, 523, 527, 528, 529, 530, 537, 540, 542, 551.
Азія Кавказская, 323, 325.
Азія Кубанская, 326, 327, 328, 387, 464, 490.
Азія Малая, 305, 313, 314, 318, 319, 328, 329, 330, 337, 340, 343, 403, 416, 433, 436, 443, 450, 455, 466, 491, 511, 513, 514.
Азія Прометеева, 328.
Азія Средняя, 333, 337, 340, 420, 434, 470, 492.
Азіято-европейскій материкъ, 72.
Азіятско-арійскіе языки, 163.
Азкунгръ, 320.
Аз-маты, 327, 463.
Азнауръ, 322.
Азнъ, 322.
Азовское море, 72, 158, 159, 234, 236, 246, 248, 278, 280, 290, 315, 326

327, 416, 434, 435, 445, 446, 447, 448, 449, 468, 478, 501, 502, 503, 507, 508, 514, 518, 519, 520, 523.
Азовъ, 326.
Азонъ, 387.
Азухо, 327.
Азъ, 319, 321, 326, 327, 329, 330, 381.
Азы, миѳ., 321, 387.
Азы, 157, 169, 171, 173, 320, 322, 323, 327, 328, 337, 464, 490, 491, 494.
Аибга, 459.
Айгиппіосъ, 445, 459.
Айгуптіосъ, 459.
Аидусъ, 536.
Айніанцы, 24.
Айраратъ, 534.
Айріама, 264.
Айріаманъ, 109.
Айріамна, 112.
Айріана, 91, 264.
Айріана-Ваеджо, 114, 118, 119, 120, 121, 122, 132, 137, 141, 323.
Айріи, 112.
Айрія, 264.
Айрія, (обитатели Иранскаго плоскогорья), 91.
Айрія, страна, 112.
Аіа, 379.
Аіорпата, 505.
Акамносохъ, 101.
Акампсисъ, 384.
Axeinos, 327.
Аксинскій Понтъ, 324, 326, 367, 368, 433, 496.
Алазань, 534.
А-лан-на, 168, 169, 171.
Аланы, Алане, 161, 171, 173, 245, 247.
Алародіи, 533, 534, 541.
Албанія, 307, 385, 419.
Албанскій языкъ, 227.
Албанцы, 386, 432, 448.
Александръ Македонскій, 84, 106, 113, 115, 157, 189, 208, 249, 279, 299, 373, 374, 385, 387, 419, 421, 424, 444, 491, 492, 493, 494.
Александръ Руми, 116.
Аліаттъ, 276.
Алибы, 466, 468.
Алкманъ Сардскій, 167.
Алтай, 157, 221, 244.
Альборджъ, **112**, 113, 484.
Альборзъ, 109.
Альборузъ, 110.
Альпы, 331, 333.
Аль-Согда, 120, 121.
Амазонки, 206, 280, 367, 435, 476, 477, 480, 481, 505, 506, 507, 509, 510, 511, 512, 514, 515, 516, 547, 548.
Амасія, 15.
Америка, 83, 324, 375, 425, 442, 499, 524.
Американскіе языки, 79, 227, 304.
Американскія племена, 257.
Амиранъ, 483.
Амміанъ Марцеллинъ, 161.
Аммонъ, 201.
Амори (*Аморрей*), 254.
Аму-Дарья, 37, 132, 168, 196, 198.
Амуръ, рѣка, 358, 402.
Анаита, 203, 431.
Анандры, 550.
Ананимъ, 404.
Анапа, 326, 437.
Анатолійскій полуостровъ, 367, 528.
Анатолія, 105, 176, 180, 181, 182, 213, 328, 464.
Ангальтъ, 315.
Англійскій языкъ, 453.
Англія, 343, 361.
Англо-саксы, 93, 322.
Ангромайніусъ, 118, 120, 231.
Андійскій хребетъ, 335, 480, 491.
Анкетиль-дю-Перонъ, 103, 104, 105, 108, 109, 110, 120.
Антаріаны, 164.
Анъ-тсай, 168.
Апарны, 157.
Апатура, 416, 437.
Аписъ-Инахъ, 435.
Апокалипсисъ, цитата, 232.
Аполлоній Родосскій, 372, 524, 544.
Аполлонъ, 331.
Аппенинскій полуостровъ, 72, 179, 235, 246, 249.
Аппіанъ, 370.
Апсаросъ, 445, 462.
Арабскій языкъ, 100, 334.
Арабы, 292, 334, 485, 486.
Аравійскій полуостровъ, 188, 209, 267.
Аравійскія племена, 258.
Аравія, 12, 68, 196, 258, 269, 349, 419, 504.
Аравитяне, 13, 44, 200, 207.
Арагва, 308.
Арагуа, 112.
Арагъ, 112.
Арадъ, 430.
Арай-аратъ, 14.

Арай Прекрасный, 14.
Араiава, 535.
Аракатисъ, 535.
Аракская равнина, 15.
Араксъ въ Арменiи, 25, 26, 27, 28, 29, 35, 109, 110, 112, 133, 157, 176, 212, 276, 289, 297, 298, 328, 383, 465, 467, 491, 523, 533, 538.
Араксъ (Сыръ-Дарья), 465, 491, 497.
Арало-Каспiйская низменность, 153, 158, 180, 182.
Аральскiй бассейнъ, 95.
Аральское море, 147, 172.
Арамеи, 164.
Арамъ, народъ, 264, 267, 271.
Арамъ, страна, 11, 12, 265, 269.
Арамъ с. Сима, 10.
Арамъ, царь, 311.
Аранъ, 4.
Арапахитисъ, 535.
Араратская гора, 26.
Араратская земля, страна, 16, 17, 18, 19, 23, 26, 27, 31, 32, 37, 38, 39, 88, 141, 142, 193, 262, 264, 285, 323.
Араратская область, 27.
Араратскiя горы, 3, 15, 19, 23.
Араратскiя поля, 27.
Араратскiя царства, 16, 312, 313.
Араратъ, область, 16, 27.
Араратъ, страна, 17, 38.
Араратъ, гора, 14, 15, 23, 29, 30, 118, 483.
Араратъ Большой и Малый, 15, 28.
Араратъ Эриванскiй, 21, 25, 26, 35, 39.
Арахозiя, 114, 535.
Арахозцы, 97.
Арбахъ, 535.
Арванда, 33, 112.
Арватъ, 112.
Арги-дагъ, 25.
Аргиппеи, 157, 160.
Арго, 25, 352, 354, 356, 358, 365, 366, 372, 373, 391, 433, 487.
Аргонавтика, 376, 487.
Аргонавтическiя поэмы, 394, 406.
Аргонавты, 25, 248, 274, 321, 346, 353, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 375, 376, 378, 379, 380, 384, 385, 388, 389, 390, 392, 393, 395, 398, 401, 403, 414, 435, 439, 442, 454, 470, 492, 509, 511, 524, 544.
Аргуатъ, 112.
Аргъ, 112.
Ардамъ, 232.
Арджаспъ, 140.
Ареджатаспъ, 140, 154.
Арейская роща, 353.
Арейское поле, 354, 355.
Аресъ, 511.
Арзерумскiй пашалыкъ, 299.
Ари, арикъ, 98.
Арима, 112.
Аримаспы, 157, 164.
Аристагоръ, 528, 529.
Аристобулъ, 419.
Аристона, 539.
Аристотель, 160, 332.
Арiака, 98.
Арiаки, 98, 164.
Арiана, 98, 535.
Арiапакшата, 11.
Арiаспы, 97.
Арiйская раса, 66, 74, 75, 78, 85, 136, 172, 176, 178, 207, 209, 225, 227, 236, 338, 404.
Арiйскiе народы, 172, 194.
Арiйскiе языки, 74, 75, 174, 193, 195, 227, 383, 467.
Арiйскiя племена, 239, 304.
Арiйское племя, 328, 340.
Арiйское семейство, 73, 74, 85.
Арiйцы, 75, 76, 77, 85, 86, 87, 91, 92, 98, 99, 112, 117, 120, 121, 122, 123, 124, 129, 130, 131, 132, 135, 136, 137, 138, 139, 176, 177, 178, 180, 192, 200, 202, 204, 207, 214, 217, 223, 224, 225, 228, 240, 249, 264, 266, 328, 329, 340, 350, 352, 385, 415.
Арiйцы индiйскiе, 72, 85, 92, 93, 122, 134, 197, 208.
Арiйцы иранскiе, 122, 133, 139, 140, 142.
Арiомардъ, 538, 540.
Арiонъ, 445.
Арiосъ, 445, 461.
Арiя, рѣка, 98.
Арiя, (индусы), 91.
Арiя, страна, 11, 98, 327.
Арiяварта, 21, 91.
Арiяне, народъ, 97.
Арка, 25.
Арка-дагъ, 29.
Арктиносъ, 435.
Арктуръ, 382.
Арма, 338.
Арменiя, 5, 13, 15, 16, 17, 18, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 37, 39, 94, 109, 110, 112, 118, 120, 178,

193, 203, 210, 211, 212, 213, 249, 263, 284, 285, 292, 298, 299, 301, 302, 303, 305, 307, 313, 318, 330, 336, 337, 339, 342, 343, 385, 413, 431, 466, 467, 486, 526, 528, 530, 531, 535, 537, 540.
Арменія Великая, 14, 31.
Арменія Малая, 307.
Арменосъ, 385.
Арминъ, 535, 536, 537.
Армяне, 14, 15, 24, 26, 27, 28, 98, 213, 237, 263, 292, 303, 338, 339, 340, 342, 343, 383, 386, 391, 414, 483, 486, 526, 528, 529, 531, 532, 536, 540.
Армянская вѣтвь, 340.
Армянская область, 155.
Армянскій народъ, 343.
Армянскій языкъ, 238, 239, 330, 338, 339, 508.
Армянское плато, 17, 18.
Армянское плоскогорье, 120, 138, 176, 210, 212, 213, 219, 223, 245, 249, 333, 340, 466, 526, 531.
Армянское царство, 16.
Арнойотнъ, 28.
Арпазосъ, 383.
Арпачай, 383, 538.
Арранъ, 98, 109, 112, 120.
Арріанъ, 394, 439.
Арсаменъ, 538.
Артавароъ, 483.
Артаиктесъ, 540.
Артвинъ, 330.
Артемида, 513, 514.
Артійцы, 98.
Артинтесъ, 538.
Артифіусъ, 538.
Артохмесъ, 540.
Арфаксадъ. страна, 11, 18, 22, 35, 88, 138, 262.
Арфаксадъ, с. Сима, 6, 10, 31, 37, 264.
Арфаксадъ, народъ, 266.
Арфъ-Касдъ, 11.
Архабисъ, 445.
Архипелагъ, 67, 155, 175, 178, 179, 180, 188, 199, 213, 348, 357, 358, 407, 408, 410, 411, 412, 415, 421, 424, 430, 431, 510.
Архури, 28.
Аршакія, 319.
Аршакиды, 14, 100, 101, 102, 107, 315, 316, 317, 318, 319, 329.
Аршакъ, 315.
Аршамъ, 111.
Асагарта, 535.
Ас-бургъ, 326.
Асвины, 389, 454.
Асгардъ, 326
Асгородъ, 326.
Аси, 171.
Аскалонъ, 288.
Асканій, 315.
Асканійская рѣка, 314.
Асканійское озеро, 314.
Асканіосъ, 314, 318, 329, 330.
Асканія, городъ, 314.
Асканія, страна, 314.
Асканія Мизійская, 314.
Асканія Фригійская, 314.
Асканскія ворота, 314.
Асканъ, 320, 358.
Аскеназскія царства, 16, 312.
Аскеназъ с. Гомера, 251.
Аскеназъ, этнич. имя, 312, 313, 314, 318, 319, 320, 321, 323, 327, 328, 329, 330, 333, 337, 340, 381, 387.
Аскеназы, 315, 318, 319, 320.
Аспазіаки, 532.
Аспургіане, 326.
Асседоны, 167.
Ассирійская монархія, 217, 258.
Ассирійскія горы, 23.
Ассирійское царство, 14, 287.
Ассирійцы, см. *Ассиріяне*.
Ассирія, 5, 11, 34, 504, 535.
Ассиріяне, 39, 44, 69, 114, 115, 116, 277, 497, 538.
Ассуръ, с. Сима, 10.
Ассуръ, народъ, 264, 267
Ассуръ, страна, 11.
Ассъ, 327.
Ассы, 327.
Астарте, 204, 205, 435, 513.
Астерабадъ, 147.
Астіаксъ, 526.
Астраханская губ., 240, 504, 551.
Асура, 89.
Асханазеи, 313.
Асханазы, 343.
Асханаксы, 319.
А-сы, 168.
Атамантиды, 350.
Атамасъ, 350, 351.
Атбія, 128, 131.
Атлантика, 323, 381.
Атлантическій океанъ, 72, 85, 123, 170, 180, 183, 186, 219, 235, 239, 246, 300.

Атлантическое море, 521.
Атласъ, 473.
Атравы, 114.
Атропатенская Мидія, 98.
Атсура, 535.
Аттазіи, 157.
Аттика, 321.
Аурватаспа, 111, 115.
Аурватъ, 112.
Афганистанъ, 90, 141, 147, 535.
Афганскій языкъ, 99.
Афганцы, 97, 532.
Афразіабъ, 140.
Афридунъ, 232.
Африка, 68, 185, 221, 230, 256, 257, 267, 269, 323, 358, 362, 428, 443, 446, 481, 499.
Афродита, 354, 436.
Арфъ-Касдъ, 11.
Ахаіи, 445, 453, 454.
Ахайцы, 453.
Ахалцихскій пашалыкъ, 534.
Ахалцихскій уѣздъ, 307.
Ахемениды, 111, 113, 114, 115, 116, 207, 208, 217.
Ахеронъ, 470.
Ахиллесъ, 435.
Ахло-Кабакъ, 515.
Ахтанизовское селеніе, 437.
Ахтія, 128.
Ахуазъ, 454.
Ахура-Мазда, 105, 118, 121, 122 123, 125, 126, 143, 231, 319.
Ацтековъ имперія, 43, 151.
Ашакъ, 315.
Ашера, 201, 203.
Ашканесъ, 314.
Ашканіи, 315, 316, 329.
Ашканъ, 315, 318, 329.
Ашкеназъ, 313.
Ѳина, 352, 354.
Ѳины, 249, 510, 514.
Ѳиняне, 475, 510.
Ѳродита, 201.
Баалъ, 201, 205.
Бабизусъ, 535.
Багдадъ, 334.
Багратиды, Багратіоны, 299.
Бадахшанъ, 134.
Байкалъ, 30.
Бакинская губ., 539.
Бакинскіе огни, 470.
Бактра, 115, 121.
Бактрисъ, 535.
Бактріана, 35.
Бактрійское государство, 114, 117, 139, 140, 258.
Бактрія, 113, 114, 116, 117, 136, 158, 315, 318, 421, 494, 535.
Бактріяне, 72, 99.
Бактры, 97.
Бакхди, 121.
Балдуинъ, 5.
Балканскій полуостр., 72, 182, 235. 246, 249, 318.
Балканъ, 162, 333.
Балкарцы, 328.
Балтика, 328.
Балтійское море, 148, 226, 244, 334, 420.
Балхашъ, озеро, 132, 166.
Баміанскій перевалъ, 87.
Бариды святилище, 25.
Барисъ, 22, 24, 25, 26.
Барисъ, святилище, 25.
Баски, 79, 227, 237, 304.
Бассіанъ, 384.
Бата, 438, 449, 452.
Бахманъ, 116.
Бахръ-ель-Киримъ, 282.
Бахусъ, 385.
Беккеръ, 360.
Беллона, 513.
Белъ, 201.
Бенгалъ, 87, 134, 170.
Бенгальскій заливъ, 72, 123.
Беотія, 346, 352, 361, 364, 510.
Березатъ-гаири, 112.
Беринговъ проливъ, 30.
Берозъ, вавил. мудрецъ, 262.
Берозъ, халдейскій историкъ, 22.
Бехеиріосъ, 445.
Бехеирскій портъ, 445.
Бехеиры, 445.
Бехрамъ, 128.
Бзыбскій округъ, 459.
Бидшвинта, 393.
Бильбилисъ, 467.
Бингёль, 25.
Блуменбахъ, 233.
Боасъ, 384.
Бова Королевичъ, 359.
Богемія, 357.
Боленъ, 493.
Бóлорскій (Болурскій) *хребетъ*, 90, 121.
Болуръ-Тагъ. 119, 132, 220.
Бональдъ, 46.
Бонапáртъ, 370.

Бора, 489.
Борджъ, 33, 112, 113.
Борей, 330, 331, 488, 489.
Боржомское ущелье, 298, 307, 308.
Бористенъ, 158, 278.
Босфорцы, 326.
Босфоръ, 178, 213, 218, 231, 248, 278, 293.
Босфоръ Киммерійскій, 274, 276, 325, 326, 372, 417, 435, 436, 437, 449, 450, 458, 468, 469, 476, 477, 481, 500, 501, 502, 543.
Босфоръ Ѳракійскій, 249, 274, 325, 339, 340, 366, 376, 377, 433, 443, 481, 500.
Бохартъ, 25.
Боша, 413.
Бошаръ, 284.
Брамины, 86, 420.
Брауншвейгъ, 315.
Брахма, 123.
Брахманизмъ, 109, 345, 402.
Бриги, 340, 341, 540.
Британія, 282, 323.
Бритты, 322.
Броссе, 303, 310, 394.
Бугазъ, 436.
Бугъ, 402, 435, 450, 518.
Буддизмъ, 186, 402.
Будины, 160, 519.
Бузеры, 445.
Буковина, 518.
Бундегешъ, 102, 112, 300, 484.
Бурремпутеръ, 90.
Бухарія, 100, 120, 121.
Бытія, кн. 37, 38, 39, 192, 195, 213, 251, 252, 253, 254, 255, 257, 259, 266, 268, 286, 294, 320, 336, 337, 405, 410.
Бюрнуфъ Евгеній, 21, 90, 101, 104, 112, 120, 164, 493, 536.
Вавилонское государство, 287.
Вавилонское столпотвореніе, 52, 105, 256, 414.
Вавилонъ, 5, 66, 67, 191, 195, 203, 347, 499, 526, 531, 535.
Вавилоняне, 39, 44, 69, 195, 212, 415, 497.
Вайсія, 86, 420.
Валдайскій уѣздъ, 148.
Валлахскій языкъ, 100.
Ванъ, 13, 24, 135, 530.
Варяги, 322.
Вахуштъ, 308.
Вачаганъ, 432.
Вегркана, 121.
Веды, 74, 83, 85, 87, 88, 90, 108, 124, 128, 137, 197, 200, 214, 345.
Великая матерь, 447.
Венгрія, 102, 297, 327.
Вендидадъ, 108, 118, 120, 121, 122, 125, 319.
Венеды Адріатическіе, 334, 544.
Венеды Прибалтійскіе, 334.
Венера, 417.
Венера Апатурская, 437.
Венера-Уранія, 288, 550.
Венеты, см. Венеды.
Венеція, 334.
Веретрагнъ, 128.
Вестъ-Индія, 353.
Ветхій Завѣтъ, 334, 336.
Вехъ, 112.
Віазъ, 106.
Вивангватъ, 124.
Вивасвата, 124, 128.
Вивьенъ де С. Мартенъ, 293, 310, 333, 450, 454, 465, 494, 531, 534.
Византійцы, 101, 392, 393.
Византія, 194.
Вико, 77.
Виндіа, 87.
Виркъ, 303, 305.
Виръ, 305.
Виса, 294.
Висперди, 108.
Вистаспа, 109, 110, 111, 112, 115, 116, 117, 140.
Вистаспахъ, 101.
Вишна, 437.
Владиміръ, 111.
Властовъ, 454.
Волга, 153, 156, 162, 168, 234, 240, 244, 245, 276, 289, 290, 499, 505, 517, 519, 521.
Волынская губ, 518.
Вольней, 45.
Воронежская губернія, 160, 518.
Восточная имперія, 328.
Восточно-азіятское плоскогорье, 95.
Восточное море, 492.
Восточный океанъ, 156.
Вритраганъ, 128.
Вудъ, 119, 120.
Вулканъ, 294, 474.
Вшеѣды, 307.
Вѣрное, 167.
Гавила, 36.
Гагринскій проходъ, 459.
Гагры, 458, 459.
Гагуръ, 87.

Гадаръ, 536.
Гадесскій проливъ, 389.
Гайканы, 391, 536.
Галаадъ, 258.
Галатія, 182.
Галаты, 284.
Галикарнасъ, 495.
Галисъ, 278, 296, 512, 514, 531, 533, 539.
Галиція, 518.
Галлія, 443.
Галлы, 224, 249, 284, 322.
Гамаданъ, 101, 485.
Гамеръ, 221.
Гамиркъ, 284.
Гангъ, 84, 87, 90, 91, 187, 345.
Гандаріи, 536.
Ганноаче, 391, 392, 455, 456.
Гапта-Гинду, 114, 122.
Гармонія, 511.
Гарпазосъ, 538.
Гарцъ, 314.
Гауг-азъ, 491.
Гафѳорімъ, 405.
Геби, 384.
Гебры, 100, 103, 104, 107.
Гевила, 36.
Hevila, страна, 36.
Гегель, 63.
Гегецикъ, 14.
Гедрозійцы, 97.
Гедрозія, 197, 533.
Гезихій, 450.
Гезіодъ, 108, 262, 357, 358, 366, 367, 368, 369, 376, 382, 442, 466, 473, 474, 475.
Гекатей Милезійскій, 463, 464, 465 466, 469, 478, 484, 521.
Геленджикская бухта, 437, 452, 453, 457.
Геленджикъ, 453, 454, 457.
Гели, 460.
Геліосъ, 273, 367, 382, 383.
Гелланикъ Лезбійскій, 463, 468, 469, 484.
Гелле, 350, 351, 361, 488.
Геллеспонтъ, 156, 178, 179, 213, 248, 274, 325, 339, 340, 350, 352, 367, 375, 392, 443, 464, 494, 496, 498, 504, 540.
Гелоны, 445, 459, 460.
Гелы, 460.
Гельмундъ, 90.
Гемусъ, 333.
Генесаретское озеро, 4.
Генетія Пафлагонская, 334.
Генеты, 334.
Геніокьянъ, 455.
Геніохи, мнѳ., 391, 392, 445.
Геніохи, народъ, 391, 440, 454, 455, 456, 457, 468.
Геніоховъ горы, 455, 456, 457.
Heniochorum montes, 455.
Genos, греч. слово, 320.
Gens, лат. слово, 320.
Генуэзцы, 412.
Геонъ, 34, 35, 39, 187, 193, 195, 196, 198, 259.
Гера, 352, 355.
Гераклидъ *Понтскій*, 440.
Гератъ, 97, 98, 535.
Гери-рудъ, 97, 98, 535.
Геркулесовы столбы, 221, 362, 372, 382, 443, 521.
Геркулесъ, 159, 352, 370, 385, 417, 436, 473, 487.
Геркулесъ Тирскій, 362.
Германія, 223, 274, 279, 316, 322, 331, 332, 420, 498.
Германская *раса*, 236.
Германскіе *народы*, 330.
Германскіе *языки*, 84, 330.
Германскій *языкъ*, 104.
Германкое *племя*, 239.
Германцы, 44, 168, 173, 180, 207, 237, 243, 319, 342.
Гермиппъ *Смирнскій*, 106.
Гермонасса, 436, 437.
Геродотъ, 25, 67, 98, 115, 155, 157, 158, 159, 160, 170, 173, 182, 193, 204, 221, 222, 234, 240, 265, 275, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 288, 289, 290, 295, 296, 298, 306, 325, 332, 337, 338, 339, 340, 385, 389, 396, 400, 401, 402, 403, 404, 408, 412, 414, 417, 418, 421, 423, 426, 428, 431, 433, 442, 444, 449, 451, 463, 465, 468, 478, 489, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 515, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 537, 538, 539, 540, 541, 544, 547, 550, 552.
Гёте, 56.
Гетовъ языкъ, 279.
Гетъ, этн. назв., 290.
Геты, 162, 163, 169, 170, 279, 280, 283, 316.
Гіунгъ-*гу*, 164.

Hibernia, 304.
Гибралтарскій проливъ, 372, 389, 443.
Гибралтаръ, 30, 221.
Гибристъ, 476, 479.
Гилянъ, 460.
Гимавата, 21.
Гималайскій хребетъ, 197, 198.
Гиндесъ, 530.
Гинду-Ку, 37, 90, 112, 132, 148, 220, 328.
Гиписисъ, Бугъ, 435.
Гиписисъ, Кубань, 329.
Гипербореи, 89, 331, 332, 334, 396, 488.
Гиперборейская страна, 156.
Гиппократъ, 160, 161, 399, 541, 542, 543, 545, 546, 547, 548, 550, 551, 552.
Гиппусъ, 380, 425.
Гирканія, 114, 121, 532.
Гирканское море, 419, 463, 465, 478, 521.
Гирканцы, 97.
Гиспиратисъ, 298, 299.
Гистаспъ, 110, 111, 112.
Гихонъ, 34, 35.
Главкъ, 391.
Глаукусъ, 425.
Глола, 384.
Гоаио, 167.
Гоби, 169.
Гобрій, 539.
Говгасъ, 486.
Гог-азъ, 490.
Гогъ, 221, 230, 231, 232, 233, 234, 270, 284, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 295, 306, 336, 339.
Голландія, 148.
Голландцы, 347.
Гомаи, 116.
Гомариты, 284.
Гомерова группа, 272.
Гомеровы народы, 285.
Гомеръ, цитиров., 106, 108, 273, 274, 278, 314, 334, 338, 347, 348, 353, 364, 366, 367, 368, 369, 466, 473, 495, 510, 514.
Гомеръ, библ., 251, 271, 272, 273, 275, 282, 284, 287, 291, 293, 312, 328, 333, 335, 336, 337, 340, 342, 520.
Гордіаны, 6.
Гордіена, 535.
Гордіенскія горы, 11.
Гордій, 341.
Гордійскія горы, 22.
Гордуены, 6.
Гордуи, 6.
Гори, 310.
Готъ, 290.
Готы, 316, 321, 508.
Готѳскій языкъ, 104, 238.
Готѳское племя, 169.
Гофъ, 29.
Гоше, 338, 343.
Гравақаза, 493.
Греки, 44, 99, 101, 106, 107, 108, 110, 111, 142, 157, 160, 162, 163, 165, 179, 182, 197, 208, 213, 217, 218, 230, 262, 273, 274, 275, 277, 283, 284, 285, 291, 292, 294, 296, 297, 299, 301, 303, 316, 323, 324, 327, 331, 337, 338, 340, 341, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 353, 357, 358, 359, 360, 361, 364, 368, 371, 372, 374, 375, 376, 377, 379, 381, 382, 383, 384, 385, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 401, 402, 403, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 419, 420, 421, 423, 424, 426, 427, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 446, 453, 454, 455, 458, 459, 460, 467, 469, 470, 471, 472, 475, 477, 479, 480, 482, 483, 484, 485, 487, 488, 489, 490, 492, 494, 495, 496, 497, 505, 506, 507, 512, 513, 514, 515, 518, 519, 521, 524, 528, 536, 546, 548, 551, 552.
Греко-арамейская цивилизація, 101.
Греко-латинскіе народы, 168.
Греція, 111, 151, 179, 180, 188, 208, 218, 221, 224, 229, 230, 248, 249, 274, 275, 281, 293, 323, 331, 348, 349, 351, 352, 357, 362, 363, 364, 370, 371, 373, 374, 375, 394, 406, 407, 409, 411, 415, 419, 421, 441, 443, 444, 462, 477, 495, 501, 510, 528, 538.
Греческая вѣтвь, 173.
Греческій языкъ, 84, 104, 178, 179, 392, 397, 453, 488.
Греческія колоніи, 412.
Григорій, Св. 27.
Грифы, 37.
Гротефендъ, 101.
Гротъ, 370, 372, 375.
Гроуказъ, 493.
Гроцій, 49.
Грузія, 7, 292, 301, 302, 303, 304, 385.
Грузинскій языкъ, 238, 239, 304, 398, 414.

Грузинское племя, 302, 309, 311, 414, 464, 527, 536.
Грузины, 213, 237, 302, 303, 305, 309, 343, 381, 391, 396, 414, 456, 465, 483, 527.
Гугаркъ, 292.
Гудраха, 535.
Гудъ, 290.
Гузварешъ, 102.
Гузератъ, 104.
Гулливеръ, 370, 403.
Гумбольдтъ, А., 200, 331, 364.
Гумбольдтъ, В., 370.
Гунны, 44, 161, 165, 169, 243, 245, 535, 537, 538, 552.
Гупанисъ, 246.
Гурійцы, 399.
Гурія, 324, 399, 460, 546.
Гуссейнъ, 141.
Гуштаспъ, 110, 115, 116, 140.
Гюеносъ, городъ, 445, 461.
Гюеносъ, рѣка, 445, 461.
Гюнайкократумены, 445, 449, 505.
Дагестанцы, 432.
Дагестанъ, 241, 248, 289, 385, 419, 432, 448, 460, 520.
Даги, 532.
Дагонъ, 201, 202.
Дадіанъ, 516.
Даіи, 157, 171, 247, 283, 315, 316, 330.
Даіи германскіе, 316.
Даіи туранскіе, 316.
Дайкъ, 330, 455.
Даки, 171, 279, 316, 330.
Дако-гетскія племена, 244.
Дактилы, 408, 409.
Д'Аламберъ, 190.
Дандара, 391, 464.
Дандаріи, 464.
Дандары, 464, 494.
Дараанонъ, 445.
Дарабы, 116.
Дарада, 197, 464, 494.
Дарданеллы, 179, 464.
Дарданцы, 464.
Дарданъ, 494.
Дарданы, 464, 494.
Дардары, 464.
Дарій, 111, 181, 230, 231, 278.
Дарій Истаспъ, 110, 116, 217, 218, 338, 444, 460, 497, 498, 505, 517, 518, 519, 520, 528, 532, 534, 535, 539, 540, 551.
Даронъ, 413.
Дархавусъ, 101.
Дарьяльское ущелье, 289, 480, 520.
Дахи, 171, 315, 316, 330.
Двалинъ, 294.
Дева, 89.
Девкаліонъ, 262, 346.
Декканъ, 87.
Делосъ, 331.
Демавендъ, 148.
Демосѳенъ, 437.
Дербентскія ворота, 465.
Дербентъ, 109.
Деркето, 201, 202, 203, 288.
Джейхунъ, 198.
Джемшидъ, 126, 131.
Джигеты, 399.
Джіоберти, 46.
Джорджіа, 292.
Джуджъ, 292.
Джура, 461.
Дифаѳъ, 335.
Діадинъ, 413.
Діала, 531.
Діана, 513, 514.
Діарбекирскій пашалыкъ, 531.
Діодоръ Сицилійскій, 114, 159, 389, 414, 482.
Діонизосъ, 385.
Діонъ Хризостомъ, 108.
Діоскурія, 346, 377, 378, 380, 390, 391, 392, 417, 438, 439, 445, 453, 457, 458, 459, 461, 465.
Діоскуры, 352, 370, 375, 388, 389, 390, 391, 439, 454, 455.
Днѣпръ, 158, 159, 160, 165, 278, 519.
Днѣстръ, 162, 276, 277, 518.
Доброй Надежды мысъ, 30, 358, 420.
Доданимъ, 251, 254, 272.
Домиціанъ, 321.
Донская степь, 515.
Донскихъ казаковъ земля, 449, 503, 505, 551.
Донъ, 160, 234, 236, 240, 244, 245, 290, 324, 325, 326, 333, 372, 435, 446, 449, 505, 507, 508, 509, 517, 519, 552.
Дориты, 532.
Дотусъ, 539.
Дранга, 535.
Dранги, 535.
Драндскій постъ, 391.
Древне-египетскій языкъ, 268.
Древне-персидскій языкъ, 104, 113.
Дунай, 156, 158, 159, 162, 163, 165,

170, 173, 182, 279, 316, 319, 328, 331, 372, 435, 450, 477, 500, 501, 517, 518, 544.
Дыгъ-тау, 324.
Дѣвичьи башни, 517.
Дюбуа-де-Монперё, 379, 436, 437, 454, 457, 460, 467.
Еберъ, 254.
Евальдъ, 304.
Еверъ, 7.
Евзебій, 536.
Евилатская страна, 36.
Евилатская земля, 259.
Евилаты, 67.
Евмей, 430.
Евмелъ Кориноскій, 368, 442.
Евреи, 3, 7, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 21, 26, 31, 32, 34, 36, 37, 38, 39, 44, 88, 109, 113, 142, 181, 194, 195, 198, 202, 207, 212, 237, 251, 252, 253, 254, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 275, 293, 303, 304, 312, 323, 342, 365, 397, 404, 406, 410, 411, 412.
Еврейскій языкъ, 252, 272, 335, 405.
Европа, царевна, 497.
Европа, 69, 72, 83, 84, 103, 108, 149, 152, 153,, 161, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 185, 188, 213, 218, 219, 220, 221. 222, 225, 226, 227, 228, 230, 233, 235, 236, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 256, 258, 270, 271, 281, 282, 284, 304, 319, 322, 323, 325, 328, 329, 333, 339, 344, 359, 368, 372, 386, 387, 389, 403, 416, 420, 421, 423, 443, 450, 460, 464, 475, 477, 481, 485, 488, 496, 497, 498, 499, 503, 504, 517, 523, 528, 529, 540, 542, 547.
Евфратъ, 5, 6, 9, 25, 34, 35, 37, 118, 141, 195, 212, 307, 340, 530, 531, 536, 538, 539.
Егейскій Архипелагъ, 212.
Егейское море, 213, 323. 325, 340, 371.
Египетскій ленъ, 401, 426.
Египетскій языкъ, 68, 193.
Египетъ, 32, 35, 66, 67, 68, 69, 138, 151, 153, 156, 162, 192, 195, 196, 199, 203, 217, 254, 258, 269, 270, 277, 401, 411, 421, 426, 431, 435, 443, 459, 497, 498, 499.
Египтяне, 25, 44, 67, 92, 162, 195, 203, 257, 265, 293, 339, 389, 400, 401, 404, 410, 411, 415, 426, 431.
Едемская страна, 525.
Едемскій садъ, 37.
Едемъ, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 88, 90, 113, 126.
Едесское графство, 5.
Едризи, 155.
Еремiано, Еерiемено, 109, 112.
Екбатана, 24, 465, 526.
Екехеиры, 445.
Екклезiастъ, 129.
Еламъ, 10, 11.
Елена, 348, 497.
Елимаида, 10, 11.
Elymaei montes, 10.
Елиса, 251, 272.
Елисаветпольскій уѣздъ, 155.
Еллинизмъ, 107.
Еллино-арійцы, 415.
Еллино-Бактрійское царство, 157.
Еллинское племя, 262.
Еллинъ, 346.
Еллины, 292, 314, 349, 361, 362, 363, 408, 411, 421, 430, 431.
Еммечь, 515, 516.
Енакъ, 260.
Енисей, 223.
Енохъ, 259.
Еолійцы, 436.
Еосъ, 367, 383.
Епифаній Св., 23.
Ератосѳенъ, 419, 489, 490.
Еридань, 372.
Еритрейское море, см. *Эритрейское море*.
Еруслань Лазаревичъ, 359
Есседоны, 167.
Есхилъ, 274, 324, 326, 331, 471, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 484, 511, 541.
Есхинъ, 437.
Етеокреты, 408.
Ефесъ, 513.
Ефремъ Св., 23.
Ефронъ Хеттейскій, 268.
Ефталиты, 169, 243.
Ехидна, 159.
Ехкили, 68.
Еѳіопія, 142, 389.
Еѳіопская земля, 35, 141, 195, 196, 198.
Еѳіопская раса, 413.
Еѳіопы, 67, 193, 198, 265, 268, 349, 397, 400, 413.
Еѳіопы азіятскіе, 533.
Забъ, 530.

Загросъ, 11, 485, 531.
Закавказье, 17, 31, 39, 40, 105, 112, 113, 117, 118, 120, 121, 134, 138, 139, 140, 177, 180, 231, 244, 248, 249, 271, 289, 293, 295, 301, 303, 304, 318, 321, 322, 328, 330, 333, 343, 344, 346, 368, 370, 376, 377, 378, 380, 381, 387, 394, 396, 398, 401, 402, 412, 413, 415, 419, 421, 422, 425, 427, 431, 439, 440, 442, 455, 456, 460, 466, 467, 468, 479, 480, 481, 524, 525, 526, 534, 537, 538, 539, 541, 545, 547.
Закаспійскій край, 497.
Западная имперія, 165, 243.
Заракъ, 535.
Заранги, 535.
Заратустра, 105, 109, 110, 112, 113, 114, 116, 117, 118, 122, 130, 136, 140.
Заре, 141, 535.
Захаліасъ, 422.
Зевесова колесница, 108.
Зевесъ, 158, 324, 391, 469, 472, 473, 474, 475, 488, 489.
Зевсъ-Лафистіосъ, 350, 351, 361.
Зевсъ-Пожиратель, 350, 351.
Земля, божество, 262.
Зендавеста, 104, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 117, 120, 122, 123, 124, 136, 137, 140, 143, 154, 164, 172, 207, 213.
Зендскій языкъ см. *Зендъ*.
Зендъ, языкъ, 103, 104, 105, 107, 113, 117, 154, 163, 164, 338.
Зендъ-авазъ, заглавіе книги, 105.
Зендъ-Авеста, см. *Зендавеста*.
Зенобъ, 413.
Зерванъ, 263.
Зердуштъ, см. *Заратустра*.
Зерновой берегъ, 446.
Зиги, 327.
Змѣиный островъ, 435.
Зогакъ, 131, 132, 141.
Золотое руно, 350, 352, 353, 355, 357, 359, 365, 367, 375, 376, 385, 392, 397, 406, 467, 487.
Золотой берегъ, 446.
Золотой телецъ, 365.
Зоммины, Зомзоммимы, 260.
Зороастровы книги, 107.
Зороастръ, 104, 105, 106, 108, 111, 118, 136, 472.
Зруанъ, 263.
Зулкарнейнъ, 232.
Зундъ, 451.
Иберія, Грузія, 7, 274, 301, 304, 307.
Иберія, Испанія, 443.
Иберское племя, 305, 310, 311.
Иберъ, 302, 303, 305.
Иберы, 301, 302, 304, 305, 306, 308, 311, 386.
Иберы Кавказскіе, 306.
Иберы Пиринейскіе, 306.
Иверія, 385, 426.
Иверское племя, 302.
Изида, 201.
Изисъ, 462.
Измаильтяне, 258.
Израильскій народъ, 2, 9, 191, 269.
Израильтяне, 536, 537.
Икаръ, рѣка, 421, 422.
Иксибаты, 463.
Иліада, 214, 248, 324, 366, 369.
Илійскій край, 167.
Иліогабалъ, 208.
Илія, 460.
Или, 166, 167, 168, 169, 171.
Илинусъ, 280.
Илинъ, 511.
Иллирійскій языкъ, 227.
Иллирійцы, 237.
Имаусъ см. *Иммаусъ*.
Имбаръ, 24.
Имеретія, 303, 307.
Имеръ, 303.
Иммаусъ, 37, 90, 112, 119, 132, 158, 220, 328.
Ингуръ, 461, 545.
Инджиджіанъ, 284, 292, 343, 383, 384, 413, 455, 486, 525.
Индійская низменность, 211.
Индійскіе арійцы, 127.
Индійскій океанъ, 72, 358.
Индійскій полуостровъ, 87, 402.
Индійскія горы, 492.
Индійское море, 67, 94, 97, 175, 211, 349, 377, 419, 533.
Индійцы, 93, 124, 209, 374, 420, 492, 538.
Индія, 73. 85, 86, 87, 88, 90, 91, 93, 104, 109, 118, 123, 130, 186, 198, 209, 211, 269, 275, 292, 345, 373, 374, 389, 402, 419, 420, 421, 422, 434, 468, 482, 491, 492, 493, 494, 504, 525, 536.
Индія (Синдике), 450.
Индика, 329.
Индике, 450.
Индо-германское семейство, 73.

Индо-европейская раса, 173, 174, 175, 226, 361, 386, 508.
Индо-европейское семейство, 73.
Индо-европейцы, 174, 264.
Индо-скиѳы, 169.
Индра, 124, 128.
Индустанская низменность, 187.
Индустанъ, 10, 51, 72, 83, 87, 90, 91, 94, 95, 97, 122, 132, 152, 153, 158, 170, 181, 196, 197, 198, 204, 209, 218, 221, 225, 229, 258, 328, 329, 402, 421, 424, 450, 492, 527.
Индусы, 10, 20, 33, 44, 54, 76, 88, 89, 90, 91, 93, 113, 123, 127, 134, 154, 170, 172, 204, 207, 257, 269, 273, 275, 292, 323, 345, 389, 403, 413, 472.
Индъ, 36, 37, 67, 84, 87, 90, 91, 93. 94, 95, 97, 119, 144, 156, 187, 188, 196, 198, 329, 444, 491.
Инды, 450, 502.
Инжа-чай, 467.
Инковъ имперія, 43, 151.
Ино, 350, 351.
Иракъ-Аджеми, 98.
Ирандохтъ, 141.
Иранизмъ, 107.
Иранская окраина, 97.
Иранскіе языки, 99, 100, 104.
Иранское плоскогорье, 90, 91, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 105, 117, 118, 132, 134, 136, 137, 138, 140, 143, 147, 148, 149, 176, 178, 187, 188, 196, 210, 211, 212, 213, 219, 220 222, 223, 241, 258, 259, 272, 315, 340.
Иранцы, 107, 120, 121, 123, 124, 128, 131, 141, 154, 155, 170, 171, 172, 207, 212, 266, 323, 327, 340, 472, 484, 485, 494.
Иранцы арійскіе, 127.
Иранъ, 91, 96, 97, 99, 101, 102, 103, 106, 110,111,113, 114, 115, 116, 117,118, 122, 123, 140, 141, 142, 146, 148, 149, 152, 153, 154, 155, 156, 158, 170, 178, 193, 210, 211, 212, 218, 231, 264, 533.
Иреджъ, 141, 154.
Ирисъ, 296, 445, 462.
Ирландія, 304.
Ироны, 167, 178, 327, 391.
Иртышъ, 148, 158, 171.
Исаакъ, 352.
Исаія, 15, 294.
Исгауръ, 390, 391.
Искурія 390, 391, 438.
Исламизмъ, 101, 103,107,113,429, 485,522.
Исландія, 51, 170, 320.
Испанія, 7, 272, 274, 304, 323, 358, 362 388, 467, 471.
Испанцы, 442.
Испиръ, 299, 526, 527.
Исраиль, 288.
Исседоны, 157, 167, 169.
Иссекуль, 166.
Иссусъ, 530.
Иссыкъ-Куль, 132.
Истрія, 372.
Истръ, 331, 372, 477, 500, 501, 544.
Исфендіаръ, 140, 141.
Итака, 430.
Италійская вѣтвь, 173.
Италія, 179, 221, 224, 227, 249, 381, 387, 398, 402, 406, 443, 444, 471.
Итальянскіе народы, 229.
Итальянскій языкъ, 100.
Итальянскія республики, 151.
Ифигенія, 435.
Ихтіофаги, 97.
Иѳаматресъ, 538.
Іавалъ, 190.
Іаванъ, 251, 271, 272, 292, 293, 294, 297, 305.
Іазаматы, 290.
Іаз-зиги, 327.
Іаз-маты, 327.
Іазъ, 321, 327.
Іакинфъ, 164.
Іама, 124, 127.
Іанъ-тсай, 168, 169, 171.
Іао, 263.
Іаоп, 321.
Іаопата, 263.
Іапетосте, 263.
Іапетъ, 262, 263, 323, 473.
Іas, 321.
Іассы, 490.
Іасъ, 321.
Іаtоп, 321.
Іафетидская группа, 261.
Іафетиды, 266, 271, 272.
Іаѳетическій народъ, 275.
Іафетова вѣтвь, 10.
Іафетово потомство, 192.
Іафетово семейство, 73, 251, 270, 276, 293, 297.
Іаѳетовы сыновья, 292, 293.
Іафетъ, 74, 141, 251, 261, 262, 263, 264, 266, 270, 271, 286, 313.
Іебуси (Іевусей), 254.
Іегова, 430.

Іездъ, 100, 103.
Іезекіиль, 275, 277, 284, 288, 289, 291, 336, 338, 428.
Іеремія, 277, 312.
Іеродулы, 513, 514.
Іеронимъ, 291.
Іеронимъ Блаженный, 27.
Іеронимъ египтянинъ, 22.
Іерусалимъ, 27, 317, 430.
Іета, 168, 170.
Іима, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 137, 139, 140, 200.
Іима-Кшаета, 126.
Іита, 168, 170.
Іо, 324, 474, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 497.
Іоаннъ Каѳоликосъ, 284, 313, 314, 342, 343.
Іованово семейство, 285.
Іованъ, 284.
Іовилъ, 294.
Іоиль, 430.
Іоктаниды арабскіе, 268.
Іолкосъ, 352, 353, 356, 358, 385.
Іонійцы, 271, 321, 518, 529.
Іонія, 276, 278, 321, 529.
Іонъ, 321.
Іопиръ, 525.
Іорданъ, 4.
Іорнандъ, 321, 552.
Іувалъ, 190, 294.
Іуда, 430.
Іудея, 317.
Іюна, 293.
Кабарда, 515.
Кабилъ, 198.
Кабиры, 363, 409, 417.
Каболиты, 36.
Кабохъ, 485.
Кабулистанъ, 87, 329, 536.
Кабулъ, 36, 93, 134, 197.
Кабу-ра, 36.
Кава, 114.
Кавила, 36.
Кавилы, 67.
Кавказосъ, 486.
Кавказская раса, 44, 52, 64, 66, 67, 86, 237, 238, 242, 259, 261, 264, 429.
Кавказская стѣна, 232, 292.
Кавказскіе горцы, 242, 243, 244, 334, 335, 346, 428, 432, 439, 453, 485, 515, 522, 534.
Кавказскіе народы, 343, 428, 454, 538.
Кавказскіе языки, 392.
Кавказскій перешеекъ, 121, 176. 177, 181, 182, 213, 231, 235, 236, 237, 246, 247, 248, 249, 271, 272, 300, 302, 324, 328, 329, 334, 337, 341, 343, 381, 383, 384, 386, 387, 390, 403, 415, 416, 417, 420, 421, 422, 424, 425, 426, 427, 429, 434, 436, 442, 443, 448, 457, 463, 469, 470, 471, 480, 483, 486, 495, 500, 509, 510, 512, 517, 520, 521, 524, 525, 529, 536, 543.
Кавказскій хребетъ, 18, 109, 181, 213, 232, 234, 236, 242, 243, 244, 247, 248, 325, 333, 335, 456, 458, 464, 465, 469, 480, 485, 486, 489, 490, 524.
Кавказскія горы, 239, 241, 291, 292, 460, 490, 494, 495, 516.
Кавказъ, миѳ. лице, 486, 489.
Кавказъ, страна, горы, 1, 17, 39, 113, 118, 139, 141, 153, 156, 157, 158, 167, 172, 177, 178, 181, 182, 212, 213, 218, 220, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 250, 271, 276, 277, 280, 281, 283, 285, 287, 288, 289, 290, 292, 293, 295, 297, 299, 301, 305, 307, 313, 316, 318, 319, 325, 327, 332, 333, 335, 343, 369, 370, 373, 374, 382, 387, 391, 404, 416, 424, 426, 428, 429, 431, 432, 442, 443, 446, 447, 448, 449, 458, 459, 460, 463, 464, 465, 467, 469, 470, 471, 473, 474, 475, 476, 479, 480, 481, 482, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 495, 504, 511, 515, 517, 520, 521, 534, 537, 541, 543, 551, 552.
Кавказъ Индійскій, 482, 491, 493.
Кавказъ Малый, 307.
Кавказъ Пылающій, 469, 470.
Кагаръ, 87.
Кадмъ, 354, 361.
Кадмъ Ѳивскій, 350, 351.
Кадравейасъ, 197.
Кадру, 197.
Каза, 494.
Каза-гири, 493, 494.
Казаграванъ, 493.
Казань, 148.
Казахскій участокъ, 467.
Казбекъ, гора, 324.
Casii montes, 493.
Каіаны, 115, 116.
Кай-Каусъ, 115.
Кай-Кобадъ, 115
Каинъ, 33, 142, 190, 259
Калдъ, 6, 11.

Калевала, 214, 359, 360, 365.
Каледонія, 181.
Каледонцы, 448.
Калигула, 208.
Калліопа, 369.
Каллиносъ, 279.
Каллисѳенъ, 278.
Калмыки, 172, 240, 506, 551, 552.
Кама, богъ, 199.
Камбизъ, 497.
Камбрія, 282.
Камосъ, 199, 263.
Кампила, 197.
Кампиліосъ, 36.
Камчатка, 524.
Камышъ-Самарскія озера, 147.
Кандагаръ, 535.
Капила, 197, 198.
Капилы, 36.
Капиши, 197.
Каппадокійцы, 513, 529, 539, 540.
Каппадокія, 278, 284, 311, 535, 536, 538.
Каппадоки, 311.
Карабагъ, 98, 109, 110, 118, 120.
Каразмія, 535.
Карачаевцы, 516.
Карачи, 413.
Кардаки, 6.
Карду, 6, 22.
Кардухи, 6.
Кардъ, 6.
Кардъ, этнич. назв. 264.
Карды, 11, 72.
Каріанда, 444.
Карійцы, 424, 436.
Карія, 436, 450.
Карманія, 532.
Карпаты, 182, 220, 331, 333, 518.
Карскій пашалыкъ, 467.
Карталинія, 309, 526.
Картвелы, 303, 448.
Картвельское племя, 310, 311. 527.
Картлосъ, 308.
Картулы, 391.
Карта, 448.
Карѳагенъ, 151, 433.
Касдъ, 6.
Касдъ, этнич. назв., 11, 264.
Касды, 18, 72, 266.
Касіапатуръ, 489.
Касіапы, 489.
Каслухи, 405, 406, 407, 410, 411, 424, 431, 436.
Каслухимъ, 404, 405.
Каслхи, 410, 411.
Каспапиръ, 489.
Каспіи, 489, 532, 538, 539.
Каспій, гора, 489, 490.
Каспій, море, 323, 332, 415, 418, 419, 421, 425, 448, 463, 465, 478, 479, 510. 515, 521, 522, 532.
Каспійскія ворота, 121, 465, 524.
Каспійскія горы, 466.
Каспійско-Аральская низменность, 171.
Каспійское море, 30, 94, 97, 99, 110, 137, 147, 148, 149, 153, 157, 158, 162, 165, 172, 176, 211, 220, 221, 232, 234, 245, 247, 274, 277, 289, 290, 292, 300, 315, 316, 332, 373, 384, 385, 418, 419, 421, 460, 463, 466, 469, 471, 478, 485, 491, 497, 499, 504, 518, 521, 522, 533, 538, 544.
Каспы, 489.
Кассандра, 496.
Касторъ, 373, 439, 454.
Кастренъ, 365.
Катанны, 466.
Катпадука, 513
Катпатукъ, 535, 536, 537.
Кауг-азъ, 490, 491.
Caucasii montes, 494.
Kaukasos, 484.
Кауказосъ, 490.
Кауказъ, 489, 490, 493.
Каушика, 198.
Кафторимъ, 404.
Кафторимы, 405.
Кафторъ, 405, 406, 410.
Кафторы, 407, 410, 411, 412, 424, 431, 436.
Кафъ, 485, 490.
Кахетія, 534
Кашгаръ, 90.
Кашмиръ, 197, 489.
Кванъ, 535.
Квирила, 307, 426.
Келатъ, 93.
Кельто-скиѳы, 170.
Кельтская раса, 236.
Кельтскій языкъ, 448, 457.
Кельтское племя, 239.
Кельты, 76, 173. 180, 182, 236, 237, 243, 283, 284, 389, 448.
Кеназъ, 319.
Кентавръ, 352.
Кенхронъ, 546.
Кепи, 416, 445.

Кепосъ, 437.
Керазосъ, 296, 378.
Керасундъ, 296, 378, 380.
Кересата, 129.
Керка, 531.
Керкесъ, 453.
Керкеты, 307, 381, 437, 445, 452, 453, 468, 469.
Керкъ, 381.
Керчь, 325, 435, 441.
Кетейи, 368.
Кето, 407.
Кеты, 163.
Керманы, 97.
Кефены, 197, 198.
Кефисъ, 347, 349.
Кибела, 409.
Киданъ, 393.
Кидонія, 407.
Кизиль-Ермакъ, 278, 296, 512.
Кизильташскій лиманъ, 437, 452.
Киликійцы, 529.
Киликія, 278, 531.
Кимвры, 282, 283.
Киммеръ, 284.
Киммерія, 276.
Киммеріяне, 72, 89, 221, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 287, 289, 291, 293, 312, 333, 395, 396, 477, 488, 520.
Киммерійская страна, 274, 275, 280.
Киммерійскій перешеекъ, 274, 325, 477, 480, 481.
Киммерійское племя, 312.
Киммеріумъ, 276.
Киммеръ, 337.
Кимри, 282.
Кимру, 282.
Кинбурнская коса, 435.
Кипръ, 407, 529.
Киргизская степь, 160, 498, 536.
Киргизъ-Кайсацкая степь, 504.
Киргизы, 156, 223, 240, 506, 551, 552.
Кирке, мию. лице, 353, 367, 381.
Кирке, островъ, 324, 353, 471.
Кирке, равнина, 381.
Киркейскій мысъ, 381.
Киропедія, 207, 217.
Киросъ, 419.
Киръ, 217, 218, 231, 279, 381, 421, 530, 540.
Киссіи, 407.
Киссія, 529.
Кита, 393, 394.
Китай, 10, 43, 68, 164, 166, 168, 170, 182, 217, 221, 316, 393, 394, 488, 499, 527.
Китайская монархія, 258.
Китайскій Туркестанъ, 164.
Китайскій языкъ, 54, 57, 60, 68.
Китайцы, 10, 54, 57, 151, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 171.
Китатъ, 393.
Китеида, 368, 393.
Китайское волшебство, 393, 395.
Китея, городъ, 368, 369, 375, 376, 377, 395, 462.
Китея, названіе разн. мѣстъ, 393, 394, 411.
Китіонъ, 407.
Киттеи, 406, 407, 410, 424, 431.
Киттіи, 406, 436.
Китійстіи, острова, 272.
Киттимъ, 251, 253, 406.
Кіаксаръ, 277, 279, 288.
Кіевская губ, 518.
Кіевъ, 111.
Клапротъ. 49, 164, 169, 490, 512.
Клеоменъ, 528, 529.
Клеопатра, 208.
Кнефъ, 201.
Кн. Царствъ, 16, 191, 199.
Кнобель, 302, 304, 311, 320.
Кобосъ, 279.
Кобулетъ, 546.
Когкисъ, 414.
Кодоръ, 438, 453, 457, 459, 461.
Козаки, косаки, 156.
Коканъ, 168.
Коки-каза, 494
Колаксаисъ, 159.
Колійскія горы, 464.
Колика, 458.
Колике, народъ, 445, 457
Колике, страна, 458, 459, 464.
Колумбъ Х., 180, 374, 379.
Колхійская страна, 368.
Колхи, 167, 265, 307, 368, 371, 372, 375, 376, 377, 378, 385, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 421, 423, 324, 426, 427, 429, 431, 434, 440, 442, 445, 451, 458, 460, 464, 502, 504, 522, 523, 527, 534, 541, 547.
Колхида, 298, 301, 307, 368, 369, 370, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 385, 386, 391, 392, 394, 397, 398, 399, 400, 401, 403, 411, 413, 414, 423, 426, 427,

428, 440, 458, 459, 460, 461, 468, 487, 488,491, 492, 499,501,502,524,525, 526, 539, 541, 544, 545, 546.
Колы, 458, 464.
Кольпы, 467.
Комана, 513.
Кондильякъ, 45.
Кондорсе, 45.
Константинополь, 194, 412, 429.
Константинъ Багрянородный, 298.
Константинъ Великій, 192.
Копайское озеро, 346, 347.
Копаисъ, 349.
Копалъ, 167.
Коптскій языкъ, 68, 414.
Копты, 403.
Копъ-дагъ, 307.
Coraxii montes, 456.
Коракскія горы, 456, 457.
Кораксы, 445, 456, 457, 464, 468.
Коранъ, 232.
Кордійская гора, 22.
Кордійскія горы, 22.
Кордіи, 6.
Корду, 23.
Кордукскія горы, 23.
Корибанты, 409.
Корике, 458.
Коринѳскій перешеекъ, 350.
Корнель, 349.
Корокондама, 329.
Корокондамъ, 416.
Коръ, 381.
Коссіи, 97.
Косъ, 541.
Котаизинъ, 394.
Котіаіонъ, 394.
Котіоръ, 296, 380.
Котіэонъ, 394.
Кофены, 67.
Коф-Кафъ, 490, 491.
Кох-Каспъ, 490, 491.
Кохъ, Карлъ, 330.
Коцитъ, 470.
Крассъ, 317.
Крезъ, 276.
Kremnoi, 505.
Кремны, 505.
Крети, 411.
Креты, 410.
Кріуметопонъ, 376
Критъ, 270, 349, 394, 398, 406, 408, 409, 410.
Критяне, 408.
Крубимъ, 37.
Крымъ, 262, 376, 435, 480.
Ксантіи, 157.
Ксенофонтъ, 217, 296, 297, 298, 300, 330, 336, 378, 380, 383, 538.
Ксерксъ, 216, 295, 339, 489, 498, 500, 538, 539, 540.
Ксизутръ, 22, 37, 212.
Ксисуѳръ, 263.
Кслхи, 405.
Ксхарсъ, 101.
Ктазій, 300.
Кубанская Область, 508.
Кубань, 234, 236, 246, 324, 326, 327, 329, 436, 449, 451, 464, 490, 494, 501, 502, 509, 519.
Кувера, царь, 204, 273.
Кувера, страна, 275.
Кульпы, 467.
Кумбрія, 282.
Ку-Меру, 89, 273, 275.
Кумри, 282.
Кумыки, 312.
Кумни, 166.
Кура, 35, 109, 155, 176, 298, 299, 303, 307, 308, 309, 311, 419, 421, 439, 455, 456, 467, 534, 536, 537, 539.
Курдистанъ, 23, 24, 37, 72, 530, 531, 533, 535.
Курдистанскія горы, 22, 23, 26, 31.
Курдскій языкъ, 100.
Курды, 6, 266, 532, 538, 539.
Куреты, 409.
Куро-Ріонская долина, 211, 223, 233.
Курская губ., 518.
Куртіи, 6.
Куръ, 457.
Кутаія, 375.
Кутаисъ, 394, 395, 462.
Кутатизіонъ, 394, 395.
Кутатисія, 462.
Куты, 163, 169.
Куша-двипа, 198.
Куши, 198.
Кушито-симитская раса, 349, 361.
Кушитская раса, 66, 67, 69, 75, 78, 137, 194, 207, 214, 267, 404, 407, 413.
Кушитскіе языки, 193, 207.
Кушиты, 67, 69, 75, 76, 175, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 198, 201, 202, 205, 207, 214, 215, 216, 260, 264, 349, 352, 362, 363, 365, 397, 407, 413, 430, 432.
Кушъ, 35, 187.
Куэнь-Лунь, 37, 90, 112, 119, 328.

Кхангъ-кіу, 168.
Кхемъ, 199.
Кхуты, 169.
Кшатріи, 86, 420.
Кшудрака, 198.
Кыз-кала, 517.
Кянъ, 171.
Лазика, 302, 378.
Лазистанскій санджакъ, 302.
Лазистанъ, 538.
Лазы, 302, 378, 394, 396, 398, 399, 456.
Лакедемонъ, 528.
Ламаншъ, 220, 222.
Ламберти, 461, 516.
Ламеннэ, 46.
Ламехъ, 190, 294.
Лампсакъ, 375, 392.
Ламсакъ, см. *Лампсакъ*.
Лапландія, 477.
Лассенъ, 73, 101, 536.
Латино-еллины, 72.
Латинскій языкъ, 84, 100, 102, 104, 178, 179.
Латины, 179, 237.
Леархосъ, 350.
Левкосиры, 513.
Легавимъ, 404.
Леги, 460.
Леда, 352, 388.
Ледовитое море, 156, 485.
Ледовитый океанъ, 170, 219, 323.
Лезгинскій языкъ, 456.
Лезгинскія горы, 456.
Лезгины, 237, 312, 343, 391, 392, 455, 456, 460, 539.
Леки, 539.
Лемносъ, 363, 366, 450.
Ленгерке, 304.
Либерія, 42.
Ливійскіе народы, 257.
Ливійскіе языки, 68.
Ливія, 142, 221, 358, 359, 367, 398, 443.
Лигдамисъ, 276, 278.
Лиги, 539, 540.
Лигистика, 540.
Лидійцы, 529.
Лидія, 265, 276, 278, 325.
Лидяне, 497.
Ликія, 450.
Ликосъ, 519.
Ликскій хребетъ, 303.
Ликхисъ-мта, 456.
Лиллипуты, 370.
Лимнеполисъ, 445.
Литва, 540.
Логографы, 462.
Лограспъ, 115.
Лондонъ, 189.
Лотъ, 4, 138.
Лубаръ, 23.
Лудимъ, 404.
Лудъ, 10, 64, 265, 267.
Лютеръ, 36.
Ма, 513, 514.
Маверанегръ, 535.
Мага-Маія, 201.
Магабхарата, 155, 171.
Магогъ, 221, 230, 231, 232, 233, 234, 251, 270, 285, 286, 289, 290, 291, 292, 293, 333, 447, 520.
Мадай, 251, 292, 293, 297, 305, 336, 447, 465.
Маджудъ, 232, 292.
Мадіасъ, 279.
Мадъ, 447, 535.
Мадъяры, 245.
Мажакъ, 311.
Мазака, 311.
Мазандеранъ, 109, 114, 248, 300.
Маіа, 291.
Маіо, 447.
Маіоты, 290, 291, 327, 445, 447, 448.
Маіэты, 290, 447.
Маія, 447, 503.
Македонія, 407, 443, 444.
Македоняне, 482, 494, 540.
Макрокефалы, 445, 542, 543, 545.
Макроны, 400, 434, 534, 538, 540, 545.
Макъ, 536.
Малабарскій берегъ, 68.
Малайская раса, 86.
Малайскія племена, 257.
Малая Азія, 178, 179, 182, 203, 211, 230, 249, 262, 264, 270, 276, 278, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 293, 300.
Мале, 445, 461, 462.
Мангу, 292.
Манджу, 169.
Ману, законодатель, 128.
Ману, *Мануша*, 21.
Марандъ, 28.
Марвъ, 121.
Маргіана, рѣка, 155.
Маргіана, страна, 113, 114, 121.
Маргіане, 97.
Mardus, 155.
Маргъ, 121.
Марды, 534, 538.

Маріандины, 539, 540.
Марко-Поло, 29.
Маркъ Антоній 317.
Марсіасъ, 427.
Мару, 121.
Мары, 540, 541.
Масійскія горы, 18.
Маси, 18.
Масистій, 541.
Масисъ, 14, 15, 27, 28, 29, 483.
Маскуты, 279, 289, 290.
Массагетскій языкъ, 159.
Массагеты, 157, 158, 162, 170, 173, 218, 247, 276, 279, 289, 290, 497.
Матапанъ, 438.
Матіана, 530.
Матіаніи, 533.
Матіаны, 529, 531, 539.
Матіена, 465.
Матіены, 465, 469.
Матъ, 447, 448.
Маты, 290, 327, 446, 448, 449, 465, 469, 507, 508, 552.
Маты азійскіе, 463.
Маты передовые, 327, 449.
Маэтическіе народы, 327.
Маэты, 446, 447, 449, 490, 552.
Мегазидръ, 539.
Медвѣдица, 332, 548, 549.
Медея, 324, 354, 355, 356, 367, 368, 375, 385, 386, 388, 393, 395, 406, 445, 461, 462, 487, 497.
Медовѣевцы, 459.
Медозюи, 459.
Медосъ, 385.
Меды, 292.
Мела, 332.
Меланхлены, 445, 457, 458, 459.
Меликертесъ, 350, 351.
Мелькартъ, 205, 351, 362.
Мелькеросъ, 361.
Мемнонъ, 206.
Меотида, 435.
Меотика, 280, 282, 285, 290, 291, 326, 327, 328, 329, 333, 522.
Меотическое море, 246.
Меотійское болото, 280, 290, 291, 315, 323, 324, 325, 326, 371, 372, 376, 377, 501, 505, 545, 547.
Меотійское озеро, 502, 519, 522.
Меотійское море, 445, 478, 480, 481, 496.
Меоты, 292, 448, 449, 464, 468, 469, 507, 508, 519.
Мервъ, 121.
Меркула, 461.
Меркурій, 474.
Меропы, 89.
Мертвое море, 4, 138.
Меру, 33, 89, 90, 113, 122, 273, 323.
Месопотамія, 5, 9, 11, 12, 13, 17, 22, 23, 25, 26, 31, 32, 37, 38, 94, 138, 185, 194, 195, 196, 211, 212, 223, 267, 530, 531.
Месопотамія мигдонская, 5.
Месраимъ, 35.
Местръ, 46.
Месхетія, 308.
Месхетъ, 308, 310.
Месхія, 311, 464.
Месхи, 308, 309, 310.
Метазорисъ, 445, 459.
Метеорологическій миѳъ, 331.
Мешакъ, 311.
Мешехъ, 251, 286, 292, 293, 294, 295, 306, 312, 333, 428.
Мешіо, 306.
Мешхедъ, 147, 535.
Мидасъ, 278, 281, 341.
Мидійскій перешеекъ, 110, 111, 137, 210, 340, 533.
Мидійскій языкъ, 102.
Мидійское государство, 287.
Мидія, 98, 113, 114, 277, 293, 298, 299, 301, 305, 336, 377, 384, 385, 423, 447, 465, 466, 520, 523, 524, 526, 531, 532, 533, 535, 537.
Мидяне, 39, 72, 97, 98, 99, 115, 277, 287, 288, 292, 293, 385, 386, 388, 423, 447, 448, 469, 497, 504, 508, 515, 523, 527, 530, 534, 538, 544, 552.
Мизджеги, 312.
Мика, 533.
Мики, 538, 539.
Милезійскія колоніи, 417, 434.
Милезійцы, 390, 391, 434, 435, 436, 439, 440, 443, 471, 514.
Милетъ, 433.
Милитта, 201, 203.
Милитта-Деркето, 206.
Мингрелія, 324, 378, 379, 399, 460, 516, 546, 547.
Мингрельцы. 396, 398, 399, 527.
Минерва, 352, 354.
Миніасъ. 347.
Минійская страна, 22.
Минійскія царства, 16, 312.
Минійцы, 346, 347, 348, 349, 350, 354.
Минійцы арабскіе, 349.

Миносъ, 349, 409.
Мисръ, 66.
Митра, 124, 128.
Митридатъ, 282, 370, 422, 501.
Мицраимъ (Египетъ), 191, 254, 269.
Мицраимъ, с. Хама, 66, 268, 404, 410.
Мичикъ, 312.
Мнизеасъ, 22.
Моголъ, 292.
Мозинеки, 296, 297, 534, 538, 540.
Моисеевы Таблицы, 318, 336, 404, 405, 407.
Моисей, 2, 3, 8, 9, 10, 12, 17, 18, 22, 26, 32, 33, 34, 36, 116, 191, 196, 198, 253, 255, 256, 257, 258, 262, 264, 265, 267, 270, 275, 284, 285, 338.
Моисей Каганкатваци, 432.
Моисей Хоренаци см. *Моисей Хоренскій*.
Моисей Хоренскій, 12, 27, 262, 263, 311, 342, 483, 486.
Молдавія, 274, 518.
Молохъ, 204, 205, 351.
Монголы, 44, 171, 172, 243, 257, 394, 552.
Монгольская раса, 86.
Монгольскія племена, 171, 245, 421.
Монгольское нагорье, 187, 211.
Мономазонки, 548.
Мопертюи, 45.
Море (дубрава), 4.
Мору, 121.
Москва, 111, 148, 486, 518.
Московская губернія, 225.
Мосохи, 311, 312.
Мосохъ, 287, 306, 309, 310, 311, 467.
Моссулъ, 530.
Мосхійскія горы, 307, 308.
Мосхи, 295, 306, 308, 309, 464, 465, 468, 469, 534, 538, 540.
Мосхика, 307, 308.
Мосхины, 311.
Моуру, 121.
Мраморное море, 248.
Мугалъ, 292.
Муганская степь, 427, 465.
Муганцы, 533, 536.
Мугогъ, 289.
Мурадъ-чай, 5, 11, 25, 413, 530, 531.
Мургъ-абъ, 97, 121, 155, 535.
Мутъ, 201.
Мухаммедъ, 232.
Мушъ, 263.
Мцхетосъ, 308, 310.
Мцхетъ, 308, 309, 310.
Мэетійское озеро, 502, 503.
Мэетисъ, 502, 503.
Мэотійское море, 447.
Мэотское племя, 449.
Мэоты, 446, 447, 448.
Мюки, 465, 536.
Мюллеръ От., 356, 360, 376, 593.
Мютрюпы, 413.
Набада, 461.
Навтухимъ, 404.
Навуходоносоръ, 127, 536.
Нагайцы, 240, 551.
Надиръ-Шахъ, 149.
Наидъ, 259.
Нако, 454.
Наксуанъ, 28, 29.
Наполеонъ, 518.
Натанеба, 462.
Натхко, 454.
Натхко-ахаіи, 454.
Натухаи, 454.
Наубандхана, 21.
Нахичевань, 28, 29.
Нахоръ, 6.
Нахраванъ, 24.
Нахче, 237, 312, 391.
Начхе см. *Нахче*.
Неаполь, 381.
Неархъ, 377.
Невольничій берегъ, 446.
Негритянская раса, 86.
Негръ, 42.
Негры, 257, 265, 430.
Нейманъ, 330.
Нейтъ, 201.
Неронъ, 208.
Нефеле, 350, 351, 488.
Нибуръ, 161, 551.
Низа, 121.
Низейскія лошади, 336.
Николаевъ на Амурѣ, 402.
Николаевъ на Бугѣ, 402.
Николай Дамасскій, 22, 24, 26.
Нилъ, 35, 382, 501, 503.
Нимродъ, 66, 191, 195.
Ниневія, 67, 530.
Ниніасъ, 206.
Нинъ, 14, 114, 115, 139, 259, 300.
Нисая, 121.
Нифантесъ, 489.
Нифатесъ, 489.
Нишапуръ, 121.
Новгородъ, 111.

Ново-персидскій языкъ, 100, 101.
Новороссійскій край, 221, 395.
Новороссійская бухта, 452.
Новороссійскъ, 438, 449, 454.
Новый Свѣтъ, 374.
Нодъ, 33.
Ноева земля, 270.
Ноева страна, 268.
Ной, 21, 24, 26, 27,28,191, 199,251, 253, 254, 255, 256, 259, 260, 261, 262, 264, 266, 267, 269.
Нордъ-капъ, 438.
Норманны, 279, 322, 323, 343.
Ноткуаджъ, 454.
Нумедійскіе языки, 68.
Нухинскій уѣздъ, 533.
Ныжуйкъ, 336.
Нѣмцы, 163, 330, 342.
Оаросъ, 517, 519.
Овидій, 274.
Овпиръ, 525.
Огъ, 260.
Одеиносъ, 445.
Одинъ, 320, 326.
Одиссей, 366, 381.
Одиссея, 214, 248, 324, 366, 369, 430.
Оебазъ, 539.
Озирисъ, 201, 437.
Озъ, 327.
Окагнъ, 455.
Окагъ, 455.
Океаниды, 474.
Океанъ, 372, 389, 435, 474, 491, 503.
Океанъ, миѳ. лице, 368.
Окироэ, 382.
Оксіатръ, 114, 116.
Оксусъ, 35, 37, 72, 90, 115, 119, 121, 132, 134, 136, 139, 140, 141, 142, 143, 147, 149, 154, 155, 171, 172, 173, 196, 198, 315, 316, 335, 337, 419, 421, 491, 532, 535.
Оксъ, 187.
Олафъ I, 320.
Олимпъ, 472.
Олимпъ фригійскій, 323.
Ольбія, 346, 435.
Онкелосъ, 23.
Опукъ, 376.
Оренбургская губ., 147.
Оренбургскій край, 498
Орловская губ., 518,
Орфей, 274, 352, 369, 376, 442, 443.
Орхоменъ, городъ, 347, 348, 361.
Орхоменъ, миѳ. лице, 346.
Осетины см. *Оссетины*.
Оссетинскій языкъ, 167, 178, 238, 244.
Оссетины, 178, 237, 327, 328, 391, 469, 483.
Оссъ, 327.
Оссы, 169, 327, 490.
Остъ-Индія, 353.
Отія, 381.
Отторокорровъ страна, 90.
Офиръ, 299, 525.
Очемчиры, 461.
Пазики, 532.
Пазіаны, 157.
Пазъ, 383.
Пайдакаранъ, 533.
Пактіи, 97.
Пактіики, 532, 538, 539.
Пакту, 99.
Палестина, 258, 260, 266, 267, 268, 269, 277, 288, 336, 339, 410, 498.
Пали, 83.
Палу, 531.
Памиръ, 90, 119, 120.
Пандора, 473.
Пантикапея, 435, 436, 441.
Пантиматы, 532.
Паппъ Александрійскій, 486.
Папская область, 381.
Парадаты, 131.
Паралипоменонъ, 272, 286, 291, 312, 336.
Паріадресъ, 307.
Парижскій миръ, 435.
Парижъ, 189.
Париканіи, 533, 538, 539.
Парисъ, 497.
Парменіонъ, 385.
Пармида, 540.
Паропамизъ, 535.
Парси, 100.
Парсы, 103, 106, 108.
Паруты, 535.
Партава, 315.
Партва, 315.
Партсава, 535.
Парѳеніосъ, 400.
Парѳія, 315, 532.
Парѳы, 97, 102, 315, 317, 318, 535.
Парѳяне, см. Парѳы.
Парѳянская династія, 102.
Паси-мта, 384.
Пассинскій санджакъ, 383.
Пассинъ, 383.
Пассіанъ, 383.
Пассъ, 382.

Патроклъ, 419.
Патрусимъ, 404.
Патусъ, 445, 449, 452.
Паузики, 532.
Пафлагонія, 278, 334, 335.
Пафлагонцы, 296, 334, 335, 539, 540.
Пахтунъ, 532.
Пахтъ, 201.
Пашту, 97.
Паштунъ, 532.
Пегльви, 102, 103, 107.
Пекинъ, 166.
Пелазгійскій заливъ, 346.
Пелазги, 348.
Пеліасъ, 352, 353.
Пенджабъ, 87, 114, 122, 134, 155, 198, 329, 345.
Периплъ Скилакса, 443, 457.
Пермская губернія, 144.
Персеполисскія надписи, 526, 536.
Персеполисъ, 101, 499, 535.
Персея, 367.
Персія, 113, 114, 115, 300 319, 499, 504, 532, 534, 535.
Персидская монархія, 217.
Персидскій заливъ, 12, 30, 97, 110, 137, 175, 212, 267, 422, 423, 424, 523, 533.
Персидскій языкъ, 84, 99, 100, 101, 338, 453.
Персидское царство, 110, 287.
Персы, 33, 51, 97, 98, 99, 155, 157, 217, 266, 287, 392, 423, 493, 496, 504, 513, 515, 523, 527, 536, 538, 539, 544.
Петербургъ, 166.
Пикте, 304.
Пиндаръ, 368, 399.
Пиринеи, 79, 333.
Пиринейскій полуостровъ, 227, 235, 246.
Писсуры, 157.
Питіея, 375.
Pitiuntis castellum, 393.
Питіунтисъ, 393.
Питіусъ, 378, 392, 393.
Питія, городъ, 375, 392.
Питія, названіе разн. мѣстъ, 392.
Пицунда, 378, 393, 398.
Пишдады, 115, 131, 232.
Пиѳія, 358.
Платонъ, 105, 510, 541.
Плети, 411.
Плиній, 106, 157, 164, 167, 307, 332, 380, 390, 420, 421, 422, 436, 438, 456, 457, 479, 492, 493.
Плутархъ, 488, 489.
По, 372.
Поднебесная Имперія, 393.
Поллуксъ, 373, 388, 439, 454.
Полуночники, 333, 337, 477.
Польша, 322.
Помпей, 301, 303, 370, 377, 394, 396, 421, 422.
Понтійскій хребетъ, 307.
Понтъ Киммерійскій, 281.
Понтъ Евксинскій см. *Эвксинскій п.*
Попова гора, 148.
Попъ Иванъ, 488.
Порданисъ, 445.
Портмеія, 503.
Поти, 384, 440, 546.
Потоцкій, Графъ, 302, 334, 453, 460, 522, 551.
Прадшапати, 198.
Пракритъ, 83.
Пріамъ, 314.
Прокопій, 384, 392, 394, 428.
Прометеева скала, 374.
Прометей, 262, 274, 323, 324, 370, 373, 374, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 480, 482, 484, 487, 492, 496, 509, 511.
Прометей Освобожденный, 475, 482.
Прометей Скованный, 471, 474, 475, 477, 478, 481, 484.
Пропонтида, 325, 371, 392.
Прутанисъ, 445
Псамметихъ, 277, 339.
Псоронъ, 445.
Птахъ, 201.
Птоломей, 11, 28, 36, 90, 98, 290, 300, 326, 335, 380, 399, 492, 493, 510, 532.
Пушту, народъ, 97.
Пушту, языкъ, 99.
Пюенисъ, 461.
Рабби-Садіасъ-Гаонъ, цит., 334.
Рага, 114, 319.
Рагава, 6.
Rhagae, Rai, Rhei, 121.
Рагеа, 121.
Раскъ, 101.
Раумеръ, 29.
Регины, 319.
Редутъ-Кале, 546.
Рейнегсъ, 515.
Рейнъ, 372.
Ремюза, Абель, 164.
Реннель, 156. 532, 534.
Рефаимы, 260.
Рештъ, 147.

Рея, 409.
Ріонскій бассейнъ, 534.
Ріонъ, 176, 212, 303, 324, 383, 384, 394, 398, 425, 442, 456, 461, 462, 501, 523, 524, 525, 539, 546.
Рибійскій народъ, 335.
Ригъ-Веда, 85, 87, 117, 122, 207, 320, 345.
Римляне, 44, 165, 181, 229, 301, 303, 316, 321, 327, 331, 337, 349, 357, 377, 378, 382, 395, 415, 417, 420, 422, 426, 428, 439, 448, 472, 482, 485, 552.
Римская Имперія, 428.
Римъ, 151, 229, 282, 316, 422.
Рипеи, 332.
Рипей, 332.
Riphaei montes, 331.
Рипейскія горы, 331, 332
Рисъ, рѣка, 445, 462.
Риттеръ, 17, 329, 337, 381, 401, 402, 420, 421, 422, 423, 437, 450, 459, 517, 524, 525, 528, 537.
Рифатъ, 251, 284, 313, 330, 331, 333, 334, 335, 337, 340.
Рифаты, 334.
Рифеи, горы, 332.
Рифеи, народъ, 334.
Рифей, 332, 488, 491.
Рифейскій миѳъ, 332.
Рифейскія горы, 331, 332, 458, 484, 495, 548, 549.
Ричардсонъ, 105, 108.
Ричъ, 24.
Ришелье, 349.
Риши, 21
Роданъ, 372.
Родійстіи о-ва, 272.
Родосъ, 294, 408.
Розенмюллеръ, 397.
Рона, 372.
Россія, 153, 162, 166, 218, 227, 277, 280, 281, 283, 332, 404, 415, 433, 458, 477, 498, 518, 519, 540, 552.
Роша князь, 286, 292, 294.
Рубруквисъ, 29.
Руны, 320.
Русскій языкъ, 227.
Руссо, 45.
Руссы, 328, 540.
Рустемъ, 140, 153, 155.
Русь, 338, 420.
Рѣка-Океанъ, 353, 357, 358, 359, 367, 368, 372, 463, 471, 478, 521.
Сабеяне, 67.
Сабиръ, 301.
Сагарты, 97.
Саемундъ, 320.
Саи, 168, 171.
Саиберо, 301.
Сака, 536.
Сакала, 155.
Сакараулы. 157.
Сакасенъ. 155.
Сакестанъ, 140, 155.
Саки, 155, 156, 157, 163, 171, 172, 218, 493, 538.
Sakhi. 454.
Сакита, 155.
Саксы, 314.
Сала, 254.
Сальмидессъ, 477, 481.
Самаританское пятикнижіе, 321.
Самаркандъ, 120.
Сами-цихе, 308.
Самотрака, 363.
Сампо, 359, 365.
Самсунъ, 367.
Самурзаканъ, 460, 546.
Самцхе, 308, 310.
Самъ, 131.
Санны, 545.
Санскритскій языкъ, 83, 84, 85, 104, 164, 493.
Санскритское семейство, 73.
Сапарадъ, 535, 536, 537.
Sapeires, 524.
Sapeiroi, 524.
Саперъ, 305.
Сапиръ, 298, 301.
Сапиры, 423, 465, 504, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 533, 534, 535, 536, 541.
Sappeires, 524.
Сара, 4.
Сарапана, 384, 425, 426.
Сарасаръ. 15.
Сарасвати, 87.
Саратовская губ., 518.
Саратовъ, 148, 517.
Саргеты, 449.
Сарданапалъ, 206, 207.
Сардесъ. 276, 278, 279, 281, 530.
Сардонскій ленъ, 401, 426.
Сарепта, 536.
Саркедонъ, 496.
Сарматія, 332.
Сарматскія племена, 449
Сарматы, 234, 291, 313, 327, 417, 446, 447, 448, 449, 469.

Саръ, 327.
Сасберъ, 305.
Saspeires, 524.
Саспиръ, 298, 299, 301, 302, 305.
Саспиры, 423, 525, 526, 536, 537.
Сассаниды, 98, 100, 101, 102, 107, 112.
Саттагиды, 535.
Сатурнъ, 263, 409.
Саше, 454.
Сауроматы, 290, 313, 442, 445, 446, 447, 463, 490, 502, 505, 506, 507, 508, 509. 516, 519, 545, 547, 548, 552.
Сауросъ-оммата, 436.
Сафиръ, 249.
Сберъ, 299, 302, 527.
Сванетія, 460, 515, 516.
Сванеты, 516, 545.
Свевы, 420.
Священное писаніе, 406
Се, 168, 171.
Севвордины, 413.
Седжестанъ, 113, 114, 140, 155.
Сезострисъ, 278, 379, 401, 404, 421, 523.
Сеистанъ, 535.
Секлабъ, 334.
Селевкиды, 5, 107, 419.
Селемъ, 141, 154.
Селла, 190.
Семандросъ, 436
Семирамида, 14, 115, 206, 208, 259.
Сен-Винцснта мысъ, 438.
Сен-Мартенъ, 316, 318, 341.
Сеннаарская земля, 32, 33.
Сеннаарская равнина, 23.
Сенааръ, 196.
Сербы, 404.
Серика, 158.
Серкешъ, 453.
Ссрухъ, 6.
Сестосъ, 540.
Сетосъ, 162.
Сіаварьня, 115.
Сіавушъ, 115.
Сибарисъ, 414, 525.
Сибирь, 149, 152, 166, 222, 223, 275, 332, 361, 433, 498, 504.
Сивасъ, 531.
Сивилла, 262, 263.
Сигинны, 543, 544, 545.
Сидонъ, 4, 194, 430.
Симито-Кушиты, 138, 139, 430.
Симитская раса, 66, 69, 78, 137, 207, 404.
Симитскіе народы, 194.
Симитскіе языки, 70, 71, 74, 193, 194, 195, 268, 383.
Симитскія страны, 272, 275.
Симитское семейство, 73.
Симиты, 12, 13, 20, 26, 60, 71. 72, 74, 75, 76, 90, 108, 118, 129, 138, 192, 194, 195, 199, 200, 202, 204, 208, 214, 216, 217, 223, 225, 260, 264, 266, 271, 335, 340, 352.
Симова полоса, 285, 293.
Симово потомство, 192.
Симово семейство, 271, 281.
Симовы страны, 270.
Симплегадскія скалы, 496.
Симъ, 74, 141, 263, 264, 266, 267, 269, 270.
Синдія, 450, 452.
Синдика, 326, 329, 463, 500.
Синдике, 450.
Sindicos limen, 437.
Sindicus portus, 437.
Синдскій лиманъ, 437.
Сисдскій портъ, 437, 445, 452.
Синдху, 451
Синды, 450, 451, 452, 468, 490, 502.
Синопъ, 276, 281, 296, 434, 501, 511, 514, 520.
Синтія, 449, 450.
Синты, 445, 449, 450, 451.
Сиргисъ, 519.
Сиренъ скалы, 370.
Сирійскій берегъ, 4, 362.
Сирійцы, 400.
Сирійцы бѣлые, 512, 513, 529, 539.
Сирія, 11, 32, 138, 188, 194, 203, 267, 300, 350, 407, 421, 443, 512, 550.
Сирматы, 446,
Сиромитресъ, 539, 541.
Сиръ-и-куль, 119.
Сиспейретисъ, 298.
Сиспіеритисъ, 297, 299, 302, 525, 526.
Систанъ, 155.
Сихемъ, 4.
Сицилія, 279, 362, 470.
Си-юй, 165.
Скандія, 321.
Скандинавія, 321, 540.
Скандинавскій полуостровъ, 226, 279, 281.
Скандинавы, 237.
Сканція, 321.
Скилаксъ Каріандскій, 443, 444, 445, 446, 449, 452, 453, 454, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 464, 505.

Скимносъ Хіосскій, 372.
Скитины, 538.
Scythia extra Imaum, 158.
Scythia intra Imaum, 158.
Скиты, 156.
Скиѳесъ, 159.
Скиѳія, 16, 142, 158, 159, 167, 171, 230, 276, 278, 318, 332, 367, 368, 376, 433, 458, 459, 460, 474, 475, 477, 478, 479, 482, 499, 502, 511, 517, 518, 521, 548.
Скиѳія Азіятская, 158.
Скиѳія Синдская, 450.
Скиѳскій языкъ, 102, 506, 507, 508.
Скиѳы, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 171, 172, 181, 182, 218, 219, 230, 234, 240, 244, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 283, 287, 288, 289, 290, 291, 295, 316, 337, 338, 346, 386, 417, 419, 423, 433, 442, 446, 447, 460, 476, 477, 478, 484, 492, 498, 502, 505, 506, 507, 508, 520, 536, 538, 548, 549, 550, 551, 552.
Скиѳы амургійскіе, 155.
Скиѳы Царскіе, 502, 507, 508.
Скойдизесъ, 307.
Сколопитусъ, 280.
Сколопитъ, 511.
Сколотскій языкъ, 159.
Сколоты, 159.
Скудъ, 290.
Скуды, 163, 169.
Скурія, 438.
Скурчія, 390, 438,
Славяне, 162, 173, 180, 236, 237, 243, 266, 297, 334, 335, 338, 342, 508.
Славянская раса, 236.
Славянскіе народы, 168.
Славянскіе языки, 84.
Славянскій языкъ, 104, 238.
Славянское племя, 239, 334.
Смердисъ, 540.
Смирна, 511.
Соаны, 307, 402.
Соберъ, 299.
Совберъ, 299.
Совперъ, 299, 525, 527.
Согда, 120.
Согдіана, 113, 114, 120, 121, 142, 535.
Согдіанцы, 99, 156.
Содомъ, 138.
Соломонъ, 175, 191, 199, 525.
Сомхетія, 309.
Сосберы, 299.
Сочи, 454.
Спарта, 529.
Сперское море, 299.
Сперъ, 299, 414, 525, 526, 527, 537.
Спрд, 536, 537.
Средиземное море, 4, 30, 151, 175, 199, 203, 204, 211, 227, 246, 258, 267, 272, 274, 323, 358, 362, 371, 372, 389, 407, 412, 424, 433, 434.
Средняя Азія, 136, 142, 148, 154, 157, 158, 159, 173, 174, 176, 178, 181, 182, 186, 187, 196, 211, 212, 213, 217, 220, 222, 229, 243, 246, 249.
Срувара, 129.
Ставропольская губернія, 240, 289, 449, 551.
Стамбулъ, 194.
Стамене, 466.
Стефанъ Византійскій, 321.380,450,461, 462, 463, 468, 534.
Страбонъ, 18, 25, 98, 99, 154, 156, 157, 297, 298, 299, 306, 307, 315, 316, 319, 321, 325, 326, 332, 336, 340, 359, 366, 373, 380, 383, 384, 385, 386, 394, 419, 425, 426, 431, 432, 438, 440, 444, 449, 466, 470, 489, 491, 492. 510, 513, 525, 532, 538, 543, 544, 545.
Стробилосъ, 374.
Стурлесонъ, 320.
Сугда, 120, 143.
Сугдъ, 535.
Судеты, 220.
Судра, 86, 198.
Суза, 67, 424, 528, 529, 530, 531, 535.
Сузіана, 407, 535.
Сулука имперія, 42.
Су-Меру, 89, 90, 273.
Супса, 462.
Сурамскій перевалъ, 298, 303, 491.
Сурамскій хребетъ, 547.
Сухумская бухта, 457.
Сухумъ-кале, 378, 390, 439.
Схета, 162, 182, 270.
Сыръ-Дарья, 90, 112, 132, 159, 160, 168, 170, 279, 465, 504.
Сѣверный океанъ, 274, 332, 419, 521.
Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, 86.
Табары, 300, 301.
Таберистанъ, 300.
Таберы, 300, 301.
Таврида, 368, 376, 394, 441, 502, 514.
Таврическій полуостровъ, 235, 246.
Таврскій хребетъ, 220.
Тавръ, 5, 11, 24, 27, 340, 491, 530.
Тавры, 376.

Таджиковъ діалекты, 100.
Тазосъ, 363.
Та-іе-та, 170.
Такиль-бурунъ, 376.
Талмудъ, 101.
Талышъ, 248.
Таманскій полуо., 470.
Таманскій проливъ, 325, 503.
Тамань, 436, 500.
Танаисъ, городъ, 326, 435, 502.
Танаисъ, рѣка, 320, 323, 324, 325, 332, 372, 376, 382, 435, 436, 445, 476, 481, 491, 496, 503, 505, 506, 510, 515, 519.
Тао, 330.
Таохи, 330.
Тапиры, 300, 301.
Тапробана, 402, 422.
Тапура, 300.
Таргамозіане, 343.
Таргамосъ, 343, 486.
Таргита, 337, 338.
Таргитаосъ, 158, 278, 337.
Тарджумимъ, 23.
Таримъ, 90.
Тарсисъ, 272.
Тартаръ, 489.
Татарія, 89, 292.
Татары, 51, 248.
Татъ, діалектъ, 99.
Та-хіа, 168, 171.
Тахтъ-Солиманъ, 21.
Тацитъ, 207, 274, 386.
Та-юэ-чжи, 168.
Тберъ, 300.
Тбилиси, 302.
Твалкинъ, Твалканъ, 294.
Тгуанасъ, 461.
Тебердинскій перевалъ, 280.
Тевтоны, 283, 316.
Тегеранъ, 114, 121, 147, 319, 535.
Тезаписъ, 541.
Тезей, 357.
Тельханы, 294.
Тельхины, 408, 409.
Теманинъ, 24.
Темискира, 477, 500, 511.
Теосъ, 436.
Тера, 358.
Терекъ, 234, 479, 480, 486.
Термехъ-чай, 296.
Термодонъ, 296, 297, 367, 400, 477, 480, 481, 505, 510, 511, 512, 513, 514, 515.
Тибаренія, 298, 302.
Тибаренскіе народы, 299.
Тибарены, 295, 298, 301, 305, 538, 540.
Тибаръ, 295, 297, 300, 301, 302, 305.
Тибары, 296, 297, 298, 301, 306.
Тибейонъ, 335.
Тибетскій языкъ, 171.
Тибетъ, 89.
Тибураны, 300.
Тиграмеи, 338.
Тигро-Евфратская равнина, 138.
Тигро-Евфратскій бассейнъ, 4, 102, 195.
Тигро-Евфратскія монархіи, 193, 217.
Тигръ, 5, 6, 9, 11, 23, 24, 31, 34, 35, 37, 118, 195, 212, 531, 535.
Тимей, 372.
Тиндариды, 373, 391, 465.
Тиндаръ, 388, 391.
Тһупае, 204.
Типаниссы, 464, 465.
Тирагеты, 162.
Тиридатъ, 27.
Тирасъ, 162, 276, 341.
Тирренское море, 381, 387.
Тиррены, 321.
Тиръ, 294, 336, 349, 419, 428, 430, 433.
Титанъ, 263.
Титаны, 472, 473, 475.
Тифей, 469, 470.
Тифлисская губ., 467, 534.
Тифлисъ, 302, 303.
Тихій океанъ, 220, 229, 358, 363.
Тобата, 335.
Тобела, 302.
Товитъ, 319.
Тһоgarma, 335.
Торгарма, см. *Торгама.*
Тогама, 251, 272, 275, 287, 313, 333, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343.
Торгаматси, 342.
Торгаммесъ, 338.
Торгома, 486.
Торикосъ, 437, 445, 452, 453, 457.
Торнео, 328.
Торхоисъ, 346.
Тохаристанъ, 337.
Тохары, народъ, 157, 171, 337.
Тохмъ, 338.
Трапезондъ, см. *Требизондъ.*
Трапезосъ, 296, 298, 378, 383, 434, 445.
Трапезунтскій пашалыкъ, см. *Требизондскій п.*
Трапезунтъ, см. *Требизондъ.*
Трапезусъ, см. *Трапезосъ.*
Требизондскій пашалыкъ, 302, 534.

Требизондъ, 296, 297, 300, 330, 378, 383, 392, 398, 434, 469, 480, 523.
Трастаонъ, 128, 131, 141, 232.
Треры, 278. 279, 280, 281, 293.
Тритъ, 128.
Троада, 314.
Трогъ Помпей, 332.
Троя, 314, 348, 497, 510.
Трояне, 464.
Троянская война, 105, 226, 348.
Трухменцы, 240.
Тсанны, 545.
Тсатагадъ, 535.
Тубалкаинъ, 294.
Тубалъ, 293. 294, 295, 297, 305, 306, 310, 311, 333.
Тульме, 516.
Тунгузовъ языкъ, 169.
Турано-европейская равнина, 222.
Турано-скиѳскія племена, 163.
Туранская низменность, 152, 187, 211, 219, 245, 246, 249.
Туранскіе народы, 168. 289.
Туранцы, 153, 154, 172.
Туранъ, 16, 115, 118, 140, 141, 142, 143, 146, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 158, 163, 169, 171, 176, 180, 196, 208, 211, 218, 230, 231, 247, 258, 292, 319, 329, 538.
Турецкія племена, 245.
Турiуа, 154.
Туркестанъ, 154, 158.
Туркестанъ Китайскій, 90.
Турки, 44, 243, 318, 343, 412, 429.
Туркмены, 551.
Туркоманы, 343.
Турнефоръ, 29.
Турція, 297, 318, 467.
Туръ, 141, 154.
Тухара, 155, 163, 171.
Ту-хо-ло, 171.
Тушины, 312, 483.
Тхрита, 128.
Тюграммесъ, 338.
Тюенисъ, 461.
Тюрки, 248, 328.
Тюркскіе народы, 343.
Тюркскіе языки, 100.
Тюркскія племена, 154, 171, 172.
Тянъ-Шанъ, 470.
Убыхи, 456, 457.
Убыхскій языкъ, 414, 456.
Уди, 413.
Удины, 533.
Уйтія, 24.
Укертъ, 499.
Уксіи, 97.
Уллисъ, 274.
Упа-Меру, 90.
Уплисъ-цихе, 310.
Уплосъ, 310.
Урало-Кавказскія ворота, 182.
Уралъ, горы, 153, 160.
Уралъ, рѣка, 147, 157, 168, 519.
Уральскій хребетъ, 144, 148, 245.
Уранъ, 262.
Урвакшаія, 128.
Урвантъ, 112.
Урмія, 110, 465, 530, 533.
Уръ-Касдимъ, 6, 11, 16, 18, 22, 31, 193.
Уръ Халдейскій, 4.
Усканга, 535.
Ускоки, 535.
Усуни, 165, 166, 167, 168, 169, 171, 173.
Усъ (*Кава-Усъ*), 115.
Утійцы, 533, 538, 539.
Утія, 533.
Уттара-Мадра, 89.
Уттара-Куру, 89, 90.
Фазисъ, городъ, 440, 445.
Фазисъ, миѳ. лице, 382.
Фазисъ, рѣка, 35, 36, 212, 307, 324, 367, 368, 375, 376, 379, 380, 382, 383, 384, 397, 398, 399, 402, 421, 423, 425, 426, 440, 442, 445, 461, 462, 463, 475, 481, 487, 491, 500, 501, 503, 504, 523, 525, 545, 546.
Фазисъ (Араксъ), 383.
Фазисъ (Чорохъ), 383, 398, 525.
Фазіаны, 383, 546.
Фазъ, городъ, 383.
Фазъ, рѣка, 382, 383.
Фалехъ, 7, 254, 255.
Фанагора, 416.
Фанагорійцы, 437.
Фанагорія, 329, 417, 437, 445, 452, 470.
Фанагоросъ, 436.
Фарандатъ, 541.
Фарсъ, 287.
Фассіанъ, 384.
Фасъ, 35.
Фатеръ, 356, 358, 360, 361, 373, 393, 397.
Фаустъ, 474.
Фашъ, крѣпость, 384.
Фашъ, рѣка, 382, 384.
Феодальная система, 318.
Фератъ, 34.

Фердоуси, 100, 113, 115, 140, 141.
Ферекидъ Скиросскій, 469, 470, 473, 484, 510, 511.
Феридунъ, 131, 132, 154, 232.
Фетхъ, 485.
Филиппъ Македонскій, 444.
Филистимляне, 270, 404, 405, 406, 407, 410, 411, 412.
Финей, 367, 376.
Финикія, 11, 12, 151, 443, 499.
Финикіяне, 12, 13, 44, 69. 194, 215, 218, 221, 230, 258, 268, 270, 271, 297, 350, 362, 389, 400, 401, 415, 430, 497.
Финно-гунны, 161.
Финны, 162, 227, 257.
Финская раса, 86.
Финскіе языки, 383.
Финскія племена, 161, 226, 244, 415.
Фисонъ, Фиссонъ, 34, 35, 36, 39, 188, 196, 198, 212, 259, 397.
Флавій Іосифъ, 21, 24, 26, 291, 306, 311, 318, 334, 338, 342.
Форкисъ, 314.
Фра, 201.
Фрагарисъ, 140.
Фрагарша, 146, 154.
Франки, 322.
Франція, 220, 227, 279, 498.
Французскій языкъ, 100, 453.
Фратъ, 112, 531.
Фригійцы, 213, 314, 319, 330, 338, 339, 341, 529, 531, 533, 540.
Фригія, 278, 319, 339, 342, 375, 540,
Фридунъ, 141.
Фриксосъ, оракулъ, 386, 488.
Фриксосъ, 350, 351, 352, 353, 356, 361, 367, 375, 376.
Фриксъ, см. *Фриксосъ*.
Фромтеутъ, 484.
Фронда, 349.
Фтирофаги, 307.
Фудъ, Футъ, 191, 269.
Хавила, 35, 36, 188, 196, 197, 198, 397, 525.
Хайкане, 338, 342.
Хайкъ, 342, 486.
Халдеи, 4, 11, 18, 37, 39, 313, 341.
Халдейская земля, 4, 6, 11, 16, 22, 67.
Халдейскіе христіане, 13.
Халдейскія горы, 212.
Халдея, 193.
Халдъ, 6.
Халды, 72.
Халибсъ, 467.
Халибы, 296, 297, 402, 434, 466, 467, 468, 476, 479, 525.
Халхи, 398, 414.
Хамитская группа, 261, 272.
Хамитская раса, 66, 267.
Хамитскіе народы, 404.
Хамитскія страны, 269.
Хамитское племя, 199.
Хамитское семейство, 73.
Хамиты, 201, 202, 264, 269, 270.
Хамова вѣтвь, 10.
Хамова отрасль, 260.
Хамово потомство, 192, 194, 195, 268.
Хамово семейство, 251, 271.
Хамовы сыновья, 254.
Хамосъ, богъ, 199.
Хамъ, 66, 141, 191, 193, 194, 195, 199, 263, 264, 266, 267, 268, 269, 270.
Ханаанъ с. Хама, 74, 191, 269.
Ханаанская земля, Ханаанъ, 4, 5, 7, 11, 12, 38, 39, 135, 138, 258, 260, 269, 405, 406, 407.
Хананеи, 4, 67, 69, 142, 199, 258, 268, 269, 406.
Хананеяне, см. *Хананеи*.
Ханъ, Хань, 164, 316.
Харизміи, 164.
Харизмъ, 164.
Хариматы. 468, 469.
Харранъ, 4, 5, 12, 18.
Хасмонімъ, 405.
Хейронъ, 352.
Хваре-Кшаета, 126.
Хеми, 195.
Хемъ, 201.
Херазмисъ, 540.
Херобіосъ, 445, 461.
Херсонесъ Таврическій, 282.
Херувимъ, 37.
Хеттеи, 407.
Хива, 535.
Хиддекель, 34. 195
Хирамъ, 175.
Хоаспесъ, Хоаспъ, 529, 531.
Хопи, 461.
Хорасанъ, 121, 149.
Хорасміи, 157
Хорасмія, 535.
Хорга, 461.
Хорреи, 260.
Хорсосъ, 445, 461.
Хосревъ, 115.
Хребетъ, 331.
Хрибъ, 331.

Хризесъ, 346.
Хроносъ, 263, 488, 489.
Хуанъ-хэ, народъ, 173.
Хуанъ-хе, рѣка, 167, 171.
Хукшатра, 116,
Хуна, 535, 537, 538.
Хунъ-гу, 164.
Хунъ-ну, 167.
Хуршидъ, 126.
Хусова вѣтвь, 269.
Хусова земля, 35, 193, 195, 196, 198, 259.
Хусрава, 115.
Хусравъ, 140.
Хусъ, см. *Хушъ*.
Хуты, 169.
Хушъ, с. *Хама*, 66, 191, 193, 195, 196, 198, 269.
Царанги, 97.
Царе, 147.
Царицынъ, 505, 519.
Царствъ Кн., 175.
Царьградъ, 192.
Цебельда, 280.
Цебельдинцы, 457.
Caesar, 321.
Цейлонъ, 381, 402, 422.
Цемесская бухта, 452.
Цива, 462.
Цирцеи островъ, 324.
Цирцея, 367, 381.
Ціанусъ, 380.
Цхенис-цхали, 545.
Цыгане, 181, 403, 413, 414, 450, 451, 544.
Цыганскій языкъ, 84.
Чалодиди, 462.
Чалока, 462.
Черкесъ, 453, 468.
Черкесы, 237, 343, 381, 391, 453, 469, 515, 516.
Чермное море, 30, 67, 349, 362.
Черниговская губ., 518.
Черное море, 30, 158, 159, 162, 176, 188, 204, 221, 232, 236, 249, 262, 274, 275, 276, 277, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 289, 292, 297, 299, 302, 307, 326, 329, 337, 372, 373, 374, 376, 378, 380, 381, 382, 390, 391, 392, 396, 398, 402, 403, 412, 413, 414, 416, 420, 421, 422, 424, 429, 431, 434, 435, 436, 441, 442, 443, 445, 452, 455, 456, 457, 458, 460, 462, 463, 466, 468, 471, 478, 479, 489, 500, 501, 502, 514, 515, 518, 519, 520, 527, 537, 543, 545.
Черноморія, 325, 449, 503.
Черноморскіе казаки, 324.
Черноморскій берегъ, 249.
Черныя горы, 234.
Чеченцы, 237, 312, 343, 391.
Чечня, 510.
Чинъ, 204, 211.
Чирчео, 381.
Чорохскій бассейнъ, 299.
Чорохъ, 35, 155, 212, 298, 302, 309 311‘ 324, 330, 383, 384, 398, 414, 462, 523, 525, 536, 537, 545.
Chtchoud, 162.
Чудь, Чуждь, 161, 162, 163.
Chakhé, 454.
Шамирамъ, 14.
Шапсуги, 456, 457.
Шарденъ, 425.
Шарецеръ, 15.
Шаропанъ, 384, 394, 425.
Шахъ-Намэ, 100, 115, 116, 140.
Швеція, 320.
Шёгренъ, 178.
Шеки, 533.
Шелагъ 254.
Шиммельманъ, 320.
Chine, 204.
Ширакская степь, 427.
Ширванъ, 110, 533.
Шкеназъ, 321.
Шотландія, 242, 448.
Шудра, 67, 198, 403,
Шушинскій уѣздъ, 98.
Эа, городъ, 378, 379, 380, 381, 394.
Эа, островъ, 353, 367, 379.
Эа, страна, 350, 352, 353, 354, 356, 357, 359, 367, 368, 375, 377, 546.
Эаполисъ, 380.
Эвальдъ, 294.
Эверестъ, 145.
Эверъ, 254.
Эвила, страна, 198.
Эвила, с. Хуша, 196.
Эвилатская земля, 196.
Эвилатскій народъ, 196.
Эвксинскій Понтъ, 172. 176, 188, 211, 274, 280, 282, 285. 278, 298, 305, 316, 324, 325, 327, 328, 332, 333, 337, 360, 371, 372, 376, 377, 382, 391, 394, 395, 411, 412, 417, 419, 422, 423, 424, 425, 433, 434, 436, 438, 440, 443, 447, 450, 454, 478, 480, 481, 488, 491, 492, 495, 500, 501, 502, 503, 504, 512, 518, 519, 523, 525, 527, 532, 534, 536, 537, 539.

Эгейскій архипелагъ, 362, 406.
Эгейское море, см. *Егейское м.*
Эдда, 320.
Эдемъ, 259. 323.
Этесъ, 324, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 367, 372, 378, 380, 381, 406, 414, 426, 435, 487, 525.
Эзонъ, 352.
Экштейнъ, баронъ, 190.
Эламъ, с. Сима, 264, 267.
Эламъ, этнич., 266.
Эламъ, страна, 267.
Элій Діонизій, 444.
Элимаида, 267.
Эллада, 272.
Эллино-латинское племя, 239, 243.
Эльдорджъ, 484.
Эльбрусъ, на Кавказѣ, 109, 112, 113, 324, 374, 482, 485, 516.
Эльбрусъ, въ Персіи, 485.
Эльбрусъ, горн. хребетъ, 485.
Эльбурсъ, 109, 112, 113.
Эльдорадо, 283.
Эней, 314.
Эолійцы, 272.
Эоловы острова, 370.
Эолъ, 346, 350, 351.
Эпиръ, 272, 345.
Эрехъ, 66.
Эриванская губ., 28, 467, 534,
Эритрейское море, 12, 67, 97, 175, 349, 362, 389, 419, 423, 424, 504, 521, 523, 525, 527.
Эросъ, 354.
Этна, 470.
Этруски, 237, 321.
Этрусскій языкъ, 227.
Эхидна, 202.
Эя, островъ, см. *Эа.*
Эя, страна, см. *Эа.*
Эѳіопія, 16.
Эѳіопскіе народы, 257.
Юнонъ, 293.
Юнона, 352, 354, 480.
Юпитеръ, 278, 388, 409, 473, 474, 528.
Юстинъ, 102, 282, 467.
Юэ-та, 170.
Юэти, 168, 169.
Юэ-чжи, 167, 168, 169, 170, 171.
Яджудъ, 232, 292.
Язабаты, 463.
Язаматы, 446, 447, 463, 469.
Язіонъ, 494.
Язонеи, см. *Язоніи.*
Язоніи, 373, 384, 386, 387.
Язонъ, 321, 352, 353. 354, 355, 356, 366, 367, 375, 381, 384, 385 386, 387, 391, 406, 433, 487, 492.
Яксартесъ, см. *Яксартъ.*
Яксартъ, 90, 98, 112, 132, 133, 139, 142, 156, 159, 162, 163. 170, 171, 472, 173, 196, 279, 300, 316, 465, 504, 535.
Ясна, 104, 108.
Яшвили, 381.
Ѳарра, 4, 5. 6, 8, 10, 11.
Ѳарсисъ с. Іавана, 251
Ѳарсисъ. страна, 175.
Ѳемистагоросъ, 440.
Ѳессалійцы, 386, 387.
Ѳессалія, 272, 340, 345 346, 352, 361, 364. 510.
Ѳетида, 368.
Ѳивы Египетскія, 347.
Ѳины, 204.
Ѳирасъ, 251, 293, 340, 342.
Ѳиссагеты. 162, 519.
Ѳовелъ, 190, 251, 286, 287, 292, 293, 294, 305. 306, 428, 467.
Ѳовелы, 306.
Ѳогарма, Ѳоргама см. *Торгама.*
Ѳракійскій языкъ, 279. 375, 392, 393.
Ѳракійцы, 278. 279, 280. 293.
Ѳракійцы понтійскіе, 160.
Ѳракія, 218, 249, 318. 319. 323, 328, 337, 339, 340, 342. 343, 367, 443, 494, 510, 544
Ѳубалъ, см. *Ѳовелъ.*
Ѳэмготы, 290.

Bayerische Staatsbibliothek München

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Uslar, Peter von

Drevnějšīja skazanīja o Kavkazě

Tiflis 1881

P.o.russ. 92 x
urn:nbn:de:bvb:12-bsb00128606-2

Die PDF-Datei kann elektronisch durchsucht werden.